This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Digitized by Google

Phil 4756.5.31

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

10 - V5

Н. П. Гиляровъ-Платоновъ.

А.Е. Отд. 4В. №493.

ВѢРЫ и ЦЕРКВИ.

Сборникъ статей 1868—1887 гг.

Томъ I.

Изданіе К. П. Побѣдоносцева.

Подъ редакціей кн. Н. В. Шаховского.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1905.

Digitized by Google

Phil 4756.5.31

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY APR 6 1961

Digitized by Google

Никита Петровичъ Гиляровъ-Платоновъ былъ, наряду съ Хомяковымъ и Юріемъ Самаринымъ, однимъ изъ лучшихъ и просвѣщеннѣйшихъ среди свѣтскихъ лицъ знатоковъ церковныхъ и религіозныхъ вопросовъ. Втеченіи восьми лѣтъ онъ занималъ въ Московской Духовной Академіи каѳедру герменевтики и ученія о вѣроисповѣданіяхъ, ересяхъ и расколахъ. Покинувъ въ 1855 году каѳедру, онъ не оставлялъ своихъ занятій церковными вопросами и помѣстилъ въ славянофильскихъ изданіяхъ (**Русской Бесѣдѣ**, **Днѣ**, **Руси**) рядъ замѣчательныхъ статей главнымъ образомъ по исторіи русской церкви и по расколу *). Въ издававшейся имъ втеченіи почти 20 лѣтъ газетѣ «Современныя Извѣстія» онъ посвятилъ много статей религіознымъ и церковнымъ вопросамъ. Статьи эти нами собраны, расположены въ хронологическомъ порядкѣ и представляются вниманію русскаго общества въ настоящемъ сборникѣ, который будетъ состоять изъ двухъ томовъ.

Христіанство, и именно въ видѣ православной вѣры, Гиляровъ-Платоновъ считалъ неотдѣлимымъ отъ русской народности. По мнѣнію Гилярова, христіанство, утверждаясь въ русской землѣ, вступало въ общество, еще не сложившееся, —въ жизнь, не выработавшую никакихъ учрежденій и не вкусившую мысли... Народъ не имѣлъ даже духовныхъ понятій въ языкѣ, чтобы бороться съ понятіями новыми. Вѣра, можно сказать, не столько замѣщала у насъ старое, сколько восполняла отсутствующее. Скоро весь народъ сталъ православнымъ, и православіе стало проникать, какъ начало, въ глубь народной жизни. Подъ вліяніемъ его измѣнялись бытовыя и гражданскія отношенія... самая домашняя жизнь подчинялась новому началу. Младенчествовавшему народу оставалось только

*) См. «Сборникъ Сочиненій» Гилярова-Платонова. Томъ I и II. Москва. 1899—1900.

Digitized by Google

противъ сожалѣній, нами нѣкогда высказанныхъ, о безжизненности духовенства.

Чтожъ, спрашиваемъ мы, развѣ это невѣрно?—„Болѣе или менѣе," отвѣчаетъ возражатель, и обращается къ отчету г. Оберъ-прокурора Св. Синода, считая достаточнымъ прикрыться щитомъ оффиціальнаго документа, на требованіе нравственной высоты удовлетворить правительственнымъ засвидѣтельствованіемъ.

„Даровитые люди, продолжаетъ возражатель, покидаютъ духовное званіе; остается посредственность и даже бездарность." Но когда дѣло идетъ о служеніи евангельской истинѣ, о нравственномъ возвышеніи, о сознаніи долга, умѣстенъ ли вопросъ о дарованіяхъ, не есть ли онъ второстепенный и даже лишній?

„Обратитесь не къ парадным словамъ, произносимымъ по наряду, а къ сокровеннымъ угламъ, гдѣ труженики работаютъ, каждый въ своемъ муравейникѣ." Но парадъ не отрицается; стало быть онъ все-таки нуженъ?

„Можно ли вступать въ полемику съ нахальнымъ иновѣрцемъ, при неувѣренности въ своихъ силахъ?" Итакъ, служитель истины все-таки долженъ руководствоваться утилитарнымъ взглядомъ, подчинять свою дѣятельность разсчету, подобно торговцу иль дипломату?

И наконецъ, вотъ къ чему все сводится: „лучше было бы и гораздо назидательнѣе для читателей, если бы не ловили проповѣдниковъ на словѣ, а показывали, чѣмъ и какъ приведено духовенство къ замѣчаемой въ немъ безжизненности."

И такъ, надобно знать причины? Излагаемъ ихъ, если угодно возражателю.*) Становится возражателю отъ того легче? Измѣняется, по его мнѣнію, отъ этого сколько нибудь вопросъ?

*) Причины недостаточной жизни въ духовенствѣ. Когда Петръ Первый издалъ указъ, запрещавшій монаху держать у себя въ келліи перо и чернила; когда тотъ же государь указомъ повелѣлъ, чтобы духовный отецъ открывалъ уголовному слѣдователю грѣхи, сказанные на исповѣди, духовенство должно было почувствовать, что отселѣ государственная власть становится между имъ и народомъ, что она беретъ на себя исключительное руководительство народною мыслію и старается разрушить ту связь духовныхъ отношеній, то взаимное довѣріе, какое было между паствою и пасты-

Digitized by Google

Упраздняется этимъ потребность пробужденія для духовенства? Не съ такими-ли именно утѣшеніями и слѣдуетъ по его мнѣнію обращаться духовенству?

рями. Духовенство поняло, что дѣйствовать своимъ духовнымъ вліяніемъ для него отселѣ небезопасно.

Когда послѣдовало отнятіе церковныхъ имуществъ (не однихъ крестьянъ, но и земель), и за отнятые рубли духовенство вознаграждено было грошами; когда пріобрѣтеніе новыхъ имуществъ для церкви намѣренно обставлено было разными затрудненіями; когда надъ оставшимися имуществами контроль все болѣе и болѣе усиливался, распоряженіе ими все болѣе и болѣе централизовалось; когда часть церковныхъ имуществъ стала употребляться даже на потребу не чисто церковную: духовенство должно было почувствовать, что и у собственныхъ средствъ оно не хозяинъ, а только приставникъ; что оно не можетъ отселѣ ни задумать назначенія своимъ средствамъ, ни, тѣмъ менѣе, ручаться, что первоначальное назначеніе устоитъ долгое время. Духовенство поняло, что отселѣ властно оно, безъ всякой помѣхи, пригласить пожертвователя развѣ только на позлащеніе церковной крыши или возведеніе ограды, безъ увѣренности, впрочемъ, что крыша и ограда навсегда сохранятъ свое назначеніе.

Когда духовенство видитъ, что законодательство, сначала можетъ быть намѣренно, а за тѣмъ и безсознательно, слѣдуя старому порядку, съ обидною послѣдовательностію проводитъ такое правило: «духовное лице православнаго исповѣданія, за свое служеніе не должно быть ничѣмъ вознаграждаемо, либо должно получать вознагражденіе несравненно меньшее, чѣмъ лица свѣтскія, или лица духовныя, но не православныя, стоящія на тѣхъ же самыхъ должностяхъ»; къ какому заключенію должно приходить духовенство? Къ тому, безъ сомнѣнія, что оно есть сословіе, намѣренно униженное, на которое сама государственная власть смотритъ съ презрѣніемъ, и единственно за то, что оно вѣрнѣе другихъ осталось священнымъ началамъ своей родины. Какой же послѣ того ждать увѣренности или одушевленія въ дѣйствіяхъ?

Происходитъ ли духовное движеніе въ народѣ, законъ велитъ ставить сейчасъ между духовенствомъ и народомъ полицейскую власть, съ обязанностію обиднаго надзора, и съ обязанностію не менѣе обиднаго содѣйствія. Устраиваетъ ли само правительство среди народа школу, оно назначаетъ туда законоучителя, но, въ рядъ съ другими, ставитъ его въ положеніе чиновника, подвергнутаго всѣмъ мелочнымъ формальностямъ администраціи. Самую домашнюю школу, куда крестьяне и мѣщане добровольно отдаютъ дѣтей, духовное лицо принуждено таить отъ правительства; ибо законъ требуетъ, чтобы о каждой школѣ былъ подаваемъ отчетъ, а отчетъ предполагаетъ ревизію и вмѣшательство. Не достаточно ли однихъ этихъ причинъ, чтобы сдѣлать духовенство тѣмъ, чѣмъ оно есть, къ сожалѣнію, теперь? А именно: сословіемъ запуганнымъ, но вмѣстѣ жаднымъ и завистливымъ,

Digitized by Google

Иначе разсуждалъ писавшій.*) Съ запросами позволительно обращаться туда, откуда прямо послѣдовать можетъ на нихъ удовлетвореніе. Съ изъясненіями причинъ упадка жизни въ духовенствѣ семь лѣтъ тому назадъ онъ обращался къ тѣмъ, отъ кого могло отчасти зависѣть устраненіе этихъ причинъ. Нѣтъ нужды называть Особу, которой они были первоначально представлены; скажемъ только, что они читаны были потомъ покойному Филарету, и уже по его желанію напечатаны. Къ самой же массѣ духовенства считаетъ онъ нужнымъ обращаться съ инымъ словомъ. Дѣйствовать въ одну сторону, а тѣмъ болѣе поступать обратно, значило бы сѣять раздоръ, довольство собою и недовольство другими. „Отецъ, ты самъ къ нему строгъ," говоритъ сынъ. „Братъ, ты лѣнивъ," говоритъ онъ же брату. Не обвинять же ему отца передъ братомъ, не потакать же братней лѣни!

Едва ли нужно досказывать, сколь важнымъ съ этой точки зрѣнія представляется происходившій гдѣ-то въ углу Самарскаго уѣзда благочинническій съѣздъ. За словами, къ которымъ привыкли относиться какъ къ кимвалу звящающему, онъ признаетъ право на живой смыслъ въ дѣйствительности; правила, которыя признаютъ необходимыми въ пастырскомъ богословіи, но которымъ въ житейскомъ быту дается иными подтвержденіе болѣе по чувству приличія, принимаются за руководство въ дѣйствительной жизни. Для точнаго выполненія этихъ правилъ образуется изъ причтовъ родъ братства, съ круговою обязанностью нравственно блюсти другъ за другомъ и нравственно себя взаимно поддерживать, по евангельской заповѣди....

„Но можетъ быть, и это только реторика; можетъ быть— простое нравственное щегольство, дѣйствіе на выхвалку!" Все можетъ быть. Но уже важно одно заявленіе, важна самая мысль

униженнымъ, но притязательнымъ, лѣнивымъ и равнодушнымъ къ своему высшему призванію, а вслѣдствіе того и не весьма безукоризненнымъ въ образѣ жизни. («О первоначальномъ народномъ обученіи». Н. П. Гиляровъ-Платоновъ. «Сборникъ Сочиненій» II т., стр. 134—136).

*) статью «О первоначальномъ народномъ обученіи», т. е. самъ Гиляровъ-Платоновъ.

Digitized by Google

объ устройствѣ братскаго союза на такихъ основаніяхъ. Сами причты сознаются предъ всѣми въявь въ существованіи бражничья и нетрезвости; сознаются сами предъ собою, что это худой примѣръ для паствы; даютъ другъ другу слово братски предостерегать другъ друга....

Достаточно. И это уже жизнь, это движеніе, это зачатокъ успѣха. Съ Богомъ, съ Богомъ!

Механизмъ въ духовныхъ семинаріяхъ*).

Почти одновременно доставлены намъ: прошеніе въ пользу голодающихъ, собранное наставниками и воспитанниками московской семинаріи, и замѣтка г. Егорова о томъ, что воскресная школа при московской семинаріи существуетъ только по имени. Эта встрѣча вещественной благотворительности съ обвиненіемъ въ духовной малодѣятельности вызываетъ на слово.

Вспомоществованіе голоду тѣлесному и невниманіе къ гладу душевному: какъ можно было бы поиграть на этой темѣ. Но мы увѣрены, что и наставники и воспитанники семинаріи достаточно сильны въ реторикѣ, и сами, безъ нашего подсказыванья, легко докончатъ проповѣдь и выведутъ приличное правоученіе.

Г. Егоровъ обращается къ редактору Современныхъ Извѣстій съ вопросомъ: почему школу при семинаріи постигла преждевременная смерть? Но кто же можетъ это вѣдать кромѣ тѣхъ, кому вѣдать надлежитъ? Лица постороннія могутъ только догадываться да и то не о ближайшей причинѣ, которая при той или другой семинаріи способна заморить то или другое благое начинаніе, а о причинахъ отдаленныхъ, и притомъ одинаково дѣйствительныхъ для всѣхъ семинарій безъ различія.

Воспитавшіеся въ старыхъ кадетскихъ корпусахъ разсказываютъ, что при бездушномъ преподаваніи выраженія „священная любовь къ отечеству“ и другія, относящіяся къ той же

*) С. И. 16 апрѣля, № 102.

Digitized by Google

области понятія, отъ частаго ихъ повторенія и выворачиванія на разные лады въ лекціяхъ, приказахъ, торжественныхъ рѣчахъ, до того пріѣдались кадетамъ, что подъ конецъ теряли свой смыслъ. Они обращались въ тѣ знакомые намъ гривенники, на которыхъ уже не различается образъ и написаніе: выражаемое понятіе, обозначаемое существо дѣла переставало доходить до сознанія молодыхъ людей; мало того,—почти переставало существовать. Испарялось все то, къ возбужденію чего направлялось повидимому все воспитаніе. Оставалось у однихъ только механическое исполненіе внѣшнихъ обязанностей, при чемъ то самое, чѣмъ повидимому должны были осмыслиться обязанности, признавалось также только принадлежностью парада. Другимъ пышныя изреченія объ обязанностяхъ вѣрноподданнаго вообще и воина въ частности служили въ пищу лицемѣрію. Третьи искали себѣ свѣжихъ впечатлѣній и живого смысла, но не въ томъ, что имъ столько разъ было долблено, а совершенно въ противоположномъ: другой міръ и другой строй понятій влекъ ихъ своею новостью и увлекалъ.

Въ духовныхъ заведеніяхъ повторяется то же, но относительно другой области понятій. Положенія пастырскаго богословія и для воспитанника и для наставника семинаріи обращаются въ тѣ же стертые гривенники, какъ, бывало, изреченія о священной любви къ отечеству для кадетовъ. Причины тѣ же: бездушное преподаваніе, частое повтореніе, стереотипныя формы, и, что̀ семинаріямъ по преимуществу свойственно: крайняя отвлеченность. Тѣ же и послѣдствія: тотъ же механизмъ, то же лицемѣріе и та же жажда искать свѣжихъ впечатлѣній въ другихъ областяхъ мысли и дѣятельности.

Вотъ одна изъ причинъ, и притомъ самыхъ главныхъ, почему не только при московской, но и ни при какой семинаріи невозможно привиться воскресной школѣ въ томъ живомъ смыслѣ, въ какомъ бы обрадовался ей народъ, и въ какомъ бы желалъ ея всякій, кому дорога просвѣтительная дѣятельность духовныхъ пастырей, и кто находитъ полезнымъ, чтобъ къ этой дѣятельности приготовляли между прочимъ упражненіемъ моло-

Digitized by Google

дыхъ людей въ педагогіи, въ размѣрахъ, доступныхъ ихъ возрасту и степени развитія.

Духовные пастыри. Просвѣтительная дѣятельность. Для постороннаго это имѣетъ живой, ясный, осязательный смыслъ; но для семинариста это есть отвлеченное положеніе, безъ живого смысла, избитое мѣсто, стертый гривенникъ. Какого же участія хотите, когда нѣтъ даже живого пониманія?

Стоитъ однако подумать: какъ бы достигнуть, чтобъ изреченія пастырскаго богословія не обращались въ стертые гривенники.

Проповѣдь на инородческихъ языкахъ*).

Дорожащіе успѣхами христіанства и успѣхами русскаго просвѣщенія съ удовольствіемъ прочитаютъ извѣстіе о впечатлѣніи, какое произведено было на заволжскихъ инородцевъ церковнымъ пѣніемъ на ихъ родномъ языкѣ. Извѣстіе это получаетъ особенное значеніе послѣ тѣхъ многочисленныхъ отпаденій въ магометанство, которымъ былъ свидѣтелемъ казанскій край такъ недавно. Триста лѣтъ господствующаго христіанства въ краѣ, и магометанство не только не побѣждено окончательно, но еще дѣлаетъ завоеванія.

Отъ какихъ причинъ произошло это уродливое явленіе, здѣсь не мѣсто распространяться, да мы ихъ и недостаточно знаемъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что главная причина не въ духовной силѣ магометанства, а въ неумѣньѣ служителей христіанства провести и поддержать христіанскую истину въ инородческой средѣ.

Дайте инородцу вполнѣ овладѣть христіанствомъ, и оно имъ вполнѣ овладѣетъ. Проповѣдь на родномъ инородцу языкѣ есть лучшее къ тому средство. Но не должно забывать, что для племенъ, стоящихъ на первой ступени развитія, многія понятія

*) С. И. 5 мая, № 121.

Digitized by Google

христіанства въ томъ видѣ, какъ выяснились они въ послѣдовательной исторіи догматовъ, по самому существу недоступны, и не могутъ себѣ найти даже соотвѣтствующихъ выраженій въ языкѣ, еще не причастившемся исторической жизни. Богослуженіе съ его обрядомъ, говорящимъ глазу, и съ его пѣніемъ, говорящимъ слуху, должно придти на подмогу языку и дополнить то, что имъ не досказано. Недоразумѣваемый смыслъ въ полупонятномъ, хотя и родномъ, языкѣ явственнѣе воплощается, если не разумѣнію, то чувству и представленію чрезъ присоединительный обрядный образъ и чрезъ дополнительную пѣсненную мелодію.

Мы сказали, что впечатлѣнію, которое произведено на инородцевъ церковнымъ пѣніемъ на ихъ родномъ языкѣ, долженъ обрадоваться не только тотъ, кто дорожитъ успѣхами христіанства, но и кто дорожитъ успѣхами русскаго просвѣщенія вообще. Повидимому наоборотъ, а въ дѣйствительности такъ. Обработка языка, созиданіе особенной литературы ведетъ къ умственному, а иногда и политическому отдѣленію отъ господствующаго народа только племена, мало мальски вкусившія развитія, мало мальски пожившія историческою жизнью, и притомъ сознавшія свою отдѣльность, кромѣ языка, и по другимъ стихіямъ народности. Но для племенъ первобытныхъ, которымъ при томъ господствующій народъ даетъ всѣ стихіи просвѣщенія безъ изъятія, возвышеніе ихъ народнаго языка къ принятію просвѣщенныхъ понятій, есть только дверь къ окончательному сліянію съ господствующимъ племенемъ. Стефанъ Пермскій просвѣщалъ Зырянъ на ихъ собственномъ нарѣчіи. Но что осталось отъ Зырянъ и отъ всей великой Перми? Точно также и Чуваши и прочая финская мелочь, и всѣ наши инородцы, имже нѣсть числа, просвѣщеніемъ чрезъ собственныя нарѣчія только скорѣе въ одно сплошное цѣлое сольются и съ народомъ русскимъ и съ языкомъ русскимъ.

Digitized by Google

Утилитарное значеніе молитвы съ европейской точки зрѣнія*).

Въ Цюрихскомъ законодательномъ совѣтѣ 5-го мая былъ возбужденъ споръ о томъ, нужно ли начинать засѣданія молитвою, какъ начинались они въ этомъ совѣтѣ испоконъ вѣка? Одинъ изъ священниковъ, замѣтно разстроенный, какъ передаютъ газетныя извѣстія, объявилъ, что христіанское собраніе безъ молитвы немыслимо. Но одинъ изъ членовъ замѣтилъ, что Богъ дѣйствуетъ не по вымоленнымъ, а по вѣчнымъ неизмѣннымъ законамъ. Другой совѣтовалъ молиться утромъ, передъ засѣданіемъ у себя дома тѣмъ, кто чувствуетъ въ этомъ потребность. Третій потребовалъ подачи голосовъ, чтобы, какъ онъ выразился, народъ зналъ и тѣхъ, кто хочетъ молиться, и кто не хочетъ. Но на это многіе изъ членовъ остроумно замѣтили, что „трудно предположить, чтобы присутствующіе находились въ набожномъ настроеніи.“

Такъ передаютъ туземныя газеты. Послѣ этихъ подробностей не особенно важно знать, что пренія кончились пока въ пользу молитвы, а на будущія времена предположено постановить особенное правило. Важно то, что были пренія, и важна точка зрѣнія, изъ которой исходили защитники набожности и ея противники. Міръ подчиненъ непреложнымъ законамъ, и тѣмъ, что собраніе будетъ совѣщаться безъ молитвы, результатъ засѣданій нисколько не измѣнится, точно также какъ не измѣнится онъ и отъ молитвы. Вѣроятно, съ той же утилитарной точки возражали своимъ противникамъ и защитники моленій. Время дорого; тратить на безполезное препровожденіе десять минутъ не стоитъ, и каждый, если ему угодно, можетъ бросить эти десять минутъ у себя заранѣе дома. Вѣроятно, съ той же точки ораторствовала и противная сторона, и доказывала, что это препровожденіе времени полезно.

*) С. И. 6 мая, № 122.

Digitized by Google

Любопытно подмѣчать такіе факты. Они не случайное явленіе; въ нихъ высказывается историческое воззрѣніе, которымъ многое объясняется въ европейской жизни. Не иначе въ цѣлой Европѣ и опредѣлилась молитва, а съ нею и вся область религіозной вѣры, какъ съ утилитарной, сказать по русски—корыстной точки зрѣнія. А въ этомъ уже есть зародышъ безвѣрія; или точнѣе сказать, это и есть безвѣріе, только себя не понявшее, или понявшее, но морочащее другихъ. Въ различныхъ вѣроученіяхъ, философскихъ системахъ, историческихъ, критическихъ и беллетристическихъ трудахъ оно повторяется, съ неизмѣнною вѣрностью, только въ разной степени послѣдовательности и искренности. Какъ не нашлось, напримѣръ, хотя бы въ этомъ комическомъ Цюрихскомъ совѣтѣ ни одного члена, кто бы догадался сказать, что молитва совсѣмъ не есть торговая мѣна, въ которой одинъ предлагаетъ съ тѣмъ, чтобы получить соразмѣрное вознагражденіе отъ другого, и что если только поставленъ вопросъ, полезенъ ли для собранія установленный древній обрядъ, то уже конечно онъ не нуженъ, и всѣ дальнѣйшія пренія излишни.

Но не нашлось и не найдется, и не только въ Швейцаріи, но и во всей Европѣ. Рѣшеніемъ: „оставить древній обрядъ молитвы по старому, впредь до разсмотрѣнія“, Цюрихскій совѣтъ оставилъ возбужденный вопросъ безъ отвѣта, потому что не знаетъ, какой дать, не рѣшаясь на откровенность и не рѣшаясь на прямую ложь. А не то же ли повторяется и по всей Европѣ, и во всемъ, что касается вѣры, какъ скоро смѣлые умы подставляютъ ей, съ циническою откровенностью, прямые логическіе выводы изъ началъ католичества и протестантства? Вспомнимъ смущеніе, которое произвели нѣкогда Штраусъ, Бруно Бауэръ, Фейербахъ. Вспомнимъ негодованіе, которое возбудилъ Ренанъ. А вѣдь никто изъ нихъ ничего не сказалъ, чего бы подразумѣвательно не заключалось въ ученіи Лютера, точно также какъ самъ Лютеръ ничего не сказалъ, что бы не было ему подсказано Григоріемъ VII и Иннокентіемъ III.

Digitized by Google

Религіозное начало, какъ двигатель исторіи*).

Если послушать политико-экономовъ, если повѣрить Боклю, если признать положенія, высказываемыя большинствомъ современныхъ публицистовъ и историковъ, можно подумать, что человѣчество есть почти что химическая лабораторія; что вся исторія двигается чисто матеріальными дѣйствіями; что вся современная жизнь есть игра простыхъ животныхъ побужденій. Повыше чисто животнаго міра уступается человѣчеству одно: разсчетъ, выгода,—таковъ главный и, говорятъ, единственный нынѣ дѣятель въ человѣчествѣ, таковъ онъ и долженъ быть. Изъ побужденій, чуждыхъ разсчета, признаютъ силу только за началомъ національнымъ, но и тому даютъ значеніе скорѣе физіологическое, чѣмъ духовное. А побужденія нравственныя, и въ особенности нравственныя высшаго порядка, побужденія религіозныя не только отодвинуты на задній планъ, но совсѣмъ вычеркнуты. Ихъ будто нѣтъ; это призракъ. Если гдѣ они выказываютъ свое присутствіе, это фанатизмъ. Но, впрочемъ, произнося это слово, современные мыслители и довольствуются словомъ, какъ будто имъ означается что нибудь опредѣленно-сознанное. За точнымъ понятіемъ, которое подразумѣвалось бы этимъ словомъ, не гонятся, да о немъ и не заботятся.

Какое однако опроверженіе дается этому воззрѣнію и именно современною, животрепещущею исторіей! Въ сегоднешнемъ № мы помѣщаемъ отчетъ о рѣчи извѣстнаго Блунчли, которою онъ признаетъ двигателя, и притомъ современнаго двигателя, въ религіозномъ началѣ. Вопросъ другой, вѣрно или невѣрно г. Блунчли раздалъ роли исповѣданіямъ, и ясно или неясно понимаетъ ихъ значеніе: но важно то, что въ современномъ національномъ движеніи Германіи послышано, и послышано умомъ не дюжиннымъ, религіозное начало. Повернемся къ Англіи, къ самой главной проповѣдницѣ, представительницѣ началъ корыст-

*) С. И. 13 мая, № 129.

Digitized by Google

наго благоразумія. Эта парламентская исторія, съ своимъ неслыханнымъ уже болѣе полутораста лѣтъ пренебреженіемъ къ строгимъ конституціоннымъ формамъ, изъ чего она? Изъ-за вопроса церковнаго. Замѣшана ли тутъ простая корысть или простая жажда преобладанія со стороны англиканскаго духовенства? Но высшею странностью было бы заподозрить, не говоримъ уже королеву, но даже самого Дизраели въ корыстномъ сообщничествѣ съ духовенствомъ. А на улицахъ кровавыя драки, нападенія на храмы, словомъ, происшествія, словно вырванныя цѣликомъ изъ исторіи среднихъ вѣковъ.

По нашему мнѣнію, напротивъ, умственное человѣчество на себя клевещетъ: вовсе не матеріальными началами, и вовсе не животными побужденіями оно движется, а началами духовными, нравственными идеями. Оно только не узнаетъ ихъ, или не умѣетъ назвать по имени. Намъ кажется болѣе: не было минуты въ исторіи, когда бы начала нравственныя вообще и религіозныя въ частности съ такою понудительною силою требовали себѣ прочнаго и опредѣленнаго мѣста среди другихъ областей общежитія, рядомъ съ жизнью политическою и хозяйственною. Обстоятельства сложились такъ, что всѣ вопросы, частію замятые, поневолѣ напрашиваются на рѣшеніе: всѣ сдѣлки, на которыхъ успокоивались гдѣ нѣсколько сотъ, а гдѣ и болѣе тысячи лѣтъ, разрушаются; и не остается ни одной вѣроисповѣдной дроби, которая бы не чувствовала потребности опредѣлить свое отношеніе къ другимъ, найти своего общаго знаменателя. Оглянемся. Въ Германіи церковный вопросъ, какъ послышали сами нѣмцы, пробивается сквозь вопроса политическаго; въ Англіи черезъ ирландскую смуту тотъ же вопросъ выступаетъ бокъ-о-бокъ съ соціальнымъ, поземельнымъ. И тамъ и здѣсь это есть вопросъ объ отношеніи протестантства къ католичеству; а католичество само уже подводитъ себѣ итогъ въ Римѣ. Съ паденіемъ свѣтской власти, какъ паденіемъ неминуемымъ, сколько бы ему искусственно ни противились, католичество теряетъ свой опредѣленный видъ, и въ смыслѣ вѣры становится искомымъ неизвѣстнымъ. А здѣсь, на берегахъ Чер-

Digitized by Google

наго моря, сочтены дни Имперіи, которою держится въ искусственномъ, временномъ положеніи внѣшнее устройство восточной церкви. Освобожденіемъ отъ турецкаго ига неизбѣжно поднимется іерархическій вопросъ, и потребуетъ себѣ рѣшенія, независимаго не только отъ тѣхъ условій, которымъ по неволѣ подчиняется онъ теперь въ мусульманскомъ царствѣ, но и отъ тѣхъ, съ которыми онъ долженъ былъ сообразоваться въ Византійской Имперіи, и притомъ со временъ самого Константина.

И тамъ и здѣсь вопросъ одинъ: жизнь религіозная среди политической и хозяйственной,—церковь въ государствѣ: католичеству съ протестантствомъ, при взаимной встрѣчѣ, по паденіи папства, придется сверхъ того рѣшать и вопросъ о церкви самой въ себѣ. И какъ тамъ, такъ и здѣсь, и на Западѣ и на Востокѣ, придется обращаться къ однимъ и тѣмъ же основаніямъ для рѣшенія, и притомъ отправляться за ними далеко, къ первымъ, довизантійскимъ вѣкамъ.

Если не мы, дѣти наши доживутъ до великихъ церковныхъ событій всемірно-историческаго значенія.

О народныхъ обычаяхъ*).

Всенародный обычай святъ: въ немъ выражается народная душа; въ немъ признаетъ и имъ утверждаетъ народъ свою нравственную связь. Соблюденіемъ обычая, въ особенности когда онъ преданъ исторіею, а тѣмъ болѣе когда соприкасается съ вѣрою, единство народное выражается даже гораздо полнѣе, живѣе и сознательнѣе, чѣмъ употребленіемъ самого языка, въ которомъ большинство склоняется видѣть почти единственный признакъ національности. Языкъ есть явленіе сколько нравственное, столько же физіологическое, и даже болѣе физіологическое, чѣмъ нравственное. Языкъ дается самъ собой; онъ есть невольное свидѣтельство національности; на немъ гово-

*) С. И. 22 мая, № 138.

Digitized by Google

рится, по невозможности объясняться иначе,—нравственной, ибо не поймутъ окружающіе,—или по невозможности физической, ибо самъ не знаешь другого языка. Во всякомъ случаѣ языкъ есть выраженіе умственнаго соединенія, а не нравственнаго союза, и даже способенъ обратиться въ простое орудіе внѣшняго сообщенія, не единящее даже умственной жизни. Но обычай принимается или отвергается свободною волей. Приступающій къ обычаю свидѣтельствуетъ не только о своей принадлежности къ народу, но и о готовности принадлежать.

Такимъ образомъ, соблюденіе народнаго обычая есть явленіе вдвойнѣ нравственное, во первыхъ по своему началу, потому что оно добровольно, и во вторыхъ по своему содержанію, потому что выражаетъ чистое сочувствіе, не обусловленное внѣшними надобностями.

Но народные обычаи, съ своей стороны, не суть что-нибудь по существу неподвижное. Сообразно даннымъ обстоятельствамъ исторіи, они измѣняются, какъ измѣняется всякое другое выраженіе духовнаго единства, какъ измѣняется языкъ, какъ измѣняются сами народныя воззрѣнія. Цѣпляться за обычай во что бы то ни стало, держаться одной внѣшности вопреки всему, вопреки даже существеннымъ требованіямъ народнаго благосостоянія, это китайщина, отсутствіе и смысла и жизни, добровольныя духовныя оковы. А какъ согласить то и другое и какъ соглашается, это есть дѣло, во первыхъ, самой исторіи, а во вторыхъ, дѣло практическаго народнаго смысла и правительственной мудрости.

О массовыхъ перемѣнахъ вѣроисповѣданія*).

Событіе, о которомъ говоритъ нашъ виленскій корреспондентъ**), церковное ли оно, или политическое? Повидимому церковное: костелъ закрывается, и большая часть его прихо-

*) С. И. 12 іюня, № 159.

**) Закрытіе въ Виленскомъ уѣздѣ хожевскаго костела.

Digitized by Google

жанъ обращается къ православію. А въ сущности, это есть явленіе чисто политическое, и даже бытовое. Крестьяне объявляютъ свое желаніе принадлежать къ православію, потому что, какъ узнали они, это есть вѣра отцевъ ихъ. Но они снова обращаются въ латинство, когда слышатъ отъ ксендза, что на пребываніе ихъ въ латинствѣ есть воля правительства; и затѣмъ снова переходятъ въ православіе, увѣрившись, что сказанное ксендзомъ не правда. Гдѣ же тутъ православіе или неправославіе, въ чемъ вѣра, и что такое церковь?

Не слѣдуетъ впрочемъ этому удивляться. Не должно упускать изъ вида, что для большинства народнаго у насъ (и не у насъ однихъ) принадлежность къ извѣстной церкви есть не вѣра, а обычай, не исповѣданіе, а простая принадлежность быта. Догматы, или то существенное, чѣмъ отличаютъ себя и чѣмъ оправдываютъ свое взаимное отдѣленіе религіозныя общества, толпѣ мало извѣстны, и если бы сдѣлались извѣстными, были бы мало вразумительны. Извѣстное и вразумительное въ вѣроученіи, тамъ и здѣсь, сознается толпою почти тожественно по крайней мѣрѣ въ исповѣданіяхъ, принадлежащихъ къ одному и тому же главному отдѣлу. Тѣмъ не менѣе исповѣдующіе, одни какъ и другіе, держатся каждый своего исповѣданія, а не чужаго, по тому тупому чувству упорства, по которому удерживается все унаслѣдованное въ бытѣ: одежда, постройка, избы, здорованье и прощанье, сватанье и похороны. Различіе лишь то, что въ вѣроисповѣданіи къ простому преданію обычая присоединяется представленіе, не вездѣ впрочемъ одинаково ясное и одинаково крѣпкое, что „въ этой вѣрѣ спасешься“. Запрещеніемъ и гоненіемъ обыкновенно упорство усиливается; вызывается сопротивленіе, но не потому однако, чтобъ ясно сознаваема была предпочтительность одного вѣроисповѣданія передъ другимъ, а именно потому, что не усматривается вовсе никакихъ отчетливыхъ основаній въ пользу одного, также какъ въ пользу другаго. За то, тѣмъ съ большею легкостью бываютъ возможны стадообразныя, повальныя обращенія: примѣръ одолѣваетъ преданіе и одна переимчивость замѣняется другою переимчивостью.

Digitized by Google

Казалось бы, это такъ несомнѣнно и такъ очевидно, а между тѣмъ такъ рѣдко слышишь признаніе этой несомнѣнной и очевидной истины, когда рѣчь заходитъ о взаимныхъ отношеніяхъ разновѣрныхъ частей населенія, и въ особенности о случающихся повальныхъ переходахъ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое! Въ разсужденія и споры каждый разъ безразлично подкладываются обыкновенно такія понятія, которыя могутъ относиться лишь къ случаямъ дѣйствительнаго религіознаго возбужденія, и соединеннаго притомъ съ отчетливымъ пониманіемъ существенныхъ различій между исповѣданіемъ своимъ и чужимъ. Не слышимъ ли мы о католикахъ западнаго края такое недоразумѣніе почти ежедневно? Не слышалось ли нѣкогда то же самое и объ остзейцахъ-лютеранахъ? А никому не пришло въ голову спросить себя, прежде чѣмъ вступать въ разсужденія: но въ какомъ смыслѣ и въ какой мѣрѣ бѣлоруссы суть истые католики, и эсты истые лютеране?

Какой же однако, спросятъ насъ, практическій выводъ изъ вашихъ отвлеченныхъ положеній? — Частныхъ выводовъ много, и намъ не разъ, безъ сомнѣнія, придется касаться ихъ по разнымъ случаямъ. На первый разъ, и именно относительно случая съ хожевскимъ костеломъ, выводъ будетъ пока тотъ, что сколь несправедливы были жалобы поляковъ на религіозное принужденіе, то столь же неосновательна будетъ и радость о присоединеніи, со стороны ревнителей православія. Послѣдніе въ особенности должны помнить, что новое пріобрѣтеніе церковное потому лишь можетъ быть признано крѣпкимъ, что возвратное движеніе запрещается закономъ подъ страхомъ наказаній: а это еще не великое пріобрѣтеніе!

Но затѣмъ не мѣшаетъ обратиться и къ общему слѣдующему выводу. Тамъ, гдѣ возможно обращеніе подобно хожевскому; гдѣ на перемѣну вѣроисповѣданія способны дѣйствовать отчасти стихійная сила примѣра, отчасти внѣшнее вліяніе авторитета, и изъ нравственныхъ силъ одна смутно ощущаемая потребность братскаго единенія: тамъ неприложимы правила совершеннаго невмѣшательства, предписываемыя въ отношеніи къ

Digitized by Google

безпримѣсной религіозной вѣрѣ. Явленіе полуполитическое и полубытовое, даже почти исключительно политическое и бытовое, требуетъ и соотвѣтственныхъ политическихъ мѣръ. Итакъ, если вы въ одномъ изъ вѣроисповѣданій находите себѣ политическій оплотъ, спѣшите просвѣщеніемъ въ немъ дополнить стихійныя вліянія, и въ явное сознаніе провести темную потребность единенія. Но не касайтесь никакъ вѣроисповѣданій, въ которыхъ признаете начало, политически враждебное: искусственными мѣрами не выгоняйте ихъ изъ привычнаго имъ преданія, чтобы не произвести раздраженія: за то не укрѣпляйте ихъ и сами въ этомъ преданіи столько же искусственнымъ вразумленіемъ ихъ въ догматахъ, пока ими не понимаемыхъ.

Комическія стороны старообрядства*).

При всемъ желаніи сохранить уважительное вниманіе, нельзя удержаться отъ улыбки при чтеніи извѣстій изъ Бѣлой Криницы. Эти боченки съ икрой и прочіе гостинцы, умиряющіе догматическое негодованіе „митрополита всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ“, эта потасовка митрополичьяго намѣстника съ монахиней: и вмѣстѣ рядомъ торжественность служенія, и выѣзды съ колокольнымъ звономъ и выстрѣлы „изъ гарматъ“, и наконецъ соборъ чуть-чуть не вселенскій: словомъ—помѣсь крайне важныхъ притязаній съ крайне мелкими наклонностями и пошлой обстановкой сообщаетъ всей исторіи истинный комизмъ.

Этотъ комизмъ не случайность: онъ сопровождаетъ расколъ старообрядства отъ самой его колыбели. Стоитъ припомнить первыя челобитныя Никиты и Лазаря, челобитную соловецкую, посланія и автобіографію Аввакума, пренія во время стрѣлецкаго бунта. Все это, если посмотрѣть съ извѣстной точки зрѣнія,

*) С. И. 17 іюня, № 164,

Digitized by Google

исполнено высшаго комизма. Въ грамматическихъ формахъ, въ перѣстановкѣ словъ, даже въ правописаніи прозрѣвали особенный смыслъ, тайныя цѣли, „погрѣшенія въ догматѣхъ“, находили и Аріеву, и Савелліеву, и Аполлинаріеву, и Евтихіеву ересь; и ратовали съ важнымъ видомъ, воображая себя, вѣроятно, Аѳанасіями и Кириллами, въ борьбѣ съ Аріями и Несторіями. Мимоходомъ сказать, не лишены были комизма и первые возобличители возставшихъ обличителей, особенно Симеонъ Полоцкій, со своимъ Жезломъ Правленія, и съ его безконечными приступами къ каждому ничтожному объясненію, и съ напыщенною до нельзя витіеватостью по поводу каждаго мельчайшаго недоразумѣнія.

Но первыя времена прошли, и часть обличительнаго груза, державшаяся на грамматическихъ недоразумѣніяхъ была старообрядцами брошена. (Но впрочемъ только въ литературѣ, а въ устной проповѣди апостолы старообрядства, особенно съ глазу на глазъ съ непросвѣщенными слушателями, и доселѣ, напримѣръ, бываютъ не прочь обвинять церковь въ матеріализмѣ на томъ основаніи, что она говоритъ „Душе истины“, и слѣдовательно, по объясненію ихъ, производитъ Духа изъ стѣны). Но тѣмъ не менѣе комизмъ остался, и преслѣдуетъ старообрядство по пятамъ. Онъ знаменуется опять все тѣми же, старыми, хотя въ меньшихъ размѣрахъ, притязаніями богословить и разсуждать о глубочайшихъ вопросахъ, при совершенномъ отсутствіи самыхъ первоначальныхъ принадлежностей образованія. А къ этому въ послѣднее время прибавилось еще притязаніе старообрядческой іерархіи на высокое общественное положеніе, такъ мало идущее къ ея сѣрому происхожденію и незавидной подготовкѣ.

Мы указываемъ на этотъ комизмъ не съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы глумиться надъ старообрядствомъ. Напротивъ, въ комизмѣ этомъ мы хотимъ указать одно изъ самыхъ важныхъ препятствій, противодѣйствующихъ столь желаемому примиренію старообрядства съ церковью. Многимъ трудно бываетъ удержаться отъ презрительной насмѣшки въ преніяхъ съ старообрядцемъ. Въ такомъ

Digitized by Google

духѣ и ведена была дѣйствительно вся первоначальная съ ними полемика, даже печатная,—и какихъ же плодовъ можно было ждать отъ нея, кромѣ негодованія и раздраженія? Со временъ митрополита Платона началось новое направленіе въ воззрѣніи на старообрядство, и насмѣшка замѣнилась соболѣзнованіемъ. Но не преувеличимъ, когда скажемъ, что въ этомъ соболѣзнованіи еще продолжаетъ слышаться презрѣніе. А презрѣніе не совсѣмъ удобная почва для примиренія. И это тѣмъ болѣе жалко, что въ старообрядствѣ, если посмотрѣть на него поглубже, сказался бы не одинъ комизмъ, правда, первый бросающійся взгляду, но нашлось бы и нѣчто существенное, что далеко не заслуживаетъ презрѣнія.

По поводу аллокуціи папы Пія IX*).

Папа жалуется; папа негодуетъ; Христовъ и Апостольскій намѣстникъ осуждаетъ дѣйствія его апостольскаго величества. Съ высоты Ватикана объявляется, что законы, утвержденные австрійскимъ императоромъ о свободѣ вѣры, свободѣ обученія, свободѣ брака, лишены силы и дѣйствія. Таковъ текстъ папской аллокуціи,—этой бесѣды, державной въ тайной консисторіи во всеуслышаніе свѣта.

Лишены силы и дѣйствія. Что бы это значило? Это значитъ, что папа развязываетъ совѣсть подданныхъ отъ повиновенія закону; заранѣе прощаетъ имъ грѣхъ за неповиновеніе, онъ подговариваетъ къ возмущенію. Пускай бы говорилъ это кто другой; но папа считаетъ себя властнымъ надъ совѣстью народовъ, и полагаетъ, что существуютъ народы, признавшіе его власть надъ совѣстью.

Австрійское правительство тоже негодуетъ; негодуетъ и австрійское представительство; они увѣряютъ, что и народъ точно также негодуетъ, по крайней мѣрѣ не даетъ никакого вѣса

*) С. И. 26 іюня, № 173.

Digitized by Google

словамъ св. отца. Тѣмъ не менѣе пишется и отправляется протестующая нота, грозя даже отозваніемъ посланника.

Что же папа? Отступитъ? Возьметъ назадъ свое слово? Не нужно быть пророкомъ, чтобъ отвѣчать отрицательно. Онъ отвѣтитъ своимъ въ пословицу вошедшимъ „non possumus". Non possumus—не можемъ. Это будетъ и первое и послѣднее слово Пія IX.

Много смѣялись, и много потратили негодованія, на это знаменитое non possumus. Говорили о всемъ его анахронизмѣ, о дикости воззрѣній, которыя подъ нимъ скрываются, о помѣхѣ, которое оно оказываетъ успѣхамъ просвѣщенія, о затрудненіяхъ, которыя оно полагаетъ разрѣшенію политическихъ вопросовъ. Соглашаясь со всѣмъ этимъ, отдадимъ, однако, полное уваженіе и упорству римскаго владыки. Величіе его полиняло; власть надъ умами улетучилась; блескъ погасъ; силы не существуетъ. Сообразно съ требованіемъ и со своими выгодами онъ могъ бы держать наружный миръ съ „ненавистными", какъ онъ выражается, законами, поступками и убѣжденіями, и даже не поступая въ явный разладъ съ признаннымъ католическимъ катихизисомъ. На все услужливая іезуитская логика доставила бы его совѣсти тысячи благовидныхъ исходовъ изъ затруднительнаго положенія. Но онъ не прибѣгаетъ къ изворотамъ, и повторяетъ свое non possumus, предъявляя этимъ, что есть нѣчто для него высшее выгодъ, насмѣшки и злобы людской; существуютъ завѣтныя правила, къ которымъ его обязываетъ совѣсть и положеніе, и которыхъ онъ преступить не смѣетъ. Сколько есть положеній еще болѣе донкихотскихъ, чѣмъ современное положеніе папы. И есть тысячи правилъ еще болѣе темныхъ, чѣмъ правила католическія. Если нужно расходовать смѣхъ и негодованіе на *личное* положеніе и мнѣніе, можемъ не затрудняться въ выборѣ. Но не такъ много людей, у которыхъ достаетъ мужества и честности, чтобы произнести, когда нужно, non possumus, и при томъ въ положеніяхъ наиболѣе почтенныхъ, и при убѣжденіяхъ наиболѣе здравыхъ. У всѣхъ правительствъ, у всѣхъ народовъ и у каждаго частнаго лица должно быть свое non possumus: но всѣ ли на него рѣшаются?

Digitized by Google

Гораздо болѣе заслуживаетъ вниманія съ этой точки зрѣнія дѣйствія Австріи, ея народовъ. Начиная съ императора, большая часть австрійскихъ подданныхъ католики. Папа говоритъ къ нимъ, и осуждаетъ ихъ новые законы, не какъ частное лицо, и не какъ государь, но какъ глава католической церкви, съ точки зрѣнія католическаго догмата. Ему однако отказываютъ, и говорятъ, что онъ вмѣшивается не въ свое дѣло. Но кто болѣе способенъ судить о томъ, что прилично католичеству: глава ли католической церкви, признаваемый ею непогрѣшимымъ, или члены, обязанные, по ученію своей церкви, подчинить свою совѣсть внушеніямъ главы? Но австрійское правительство и представительство, съ императоромъ во главѣ, этого не хотятъ, и находятъ нужнымъ повиноваться внушеніямъ главы католичества только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Но католикъ, открыто признающій себя католикомъ отчасти, не есть уже католикъ; онъ открываетъ новое исповѣданіе, и австрійскому правительству, по здравому смыслу, слѣдовало бы созвать епископовъ, одинаково съ нимъ мыслящихъ, или, за недостаткомъ таковыхъ епископовъ, созвать единомудрствующихъ съ нимъ священниковъ, а за недостаткомъ ихъ, простыхъ мірянъ, и опредѣлить новое исповѣданіе, и отложиться отъ папы. Но австрійское правительство и представительство этого не хотятъ и предпочитаютъ въ ослушаніи папѣ пребывать и именоваться папистами. Можетъ быть они отличаютъ идею папы отъ папы Пія IX, и находятъ, что самъ папа не вѣренъ своимъ католическимъ обязанностямъ? Тогда они должны созвать соборъ, чтобъ низложить папу и поставить другого, болѣе соотвѣтственнаго идеальнымъ папскимъ обязанностямъ. Но они этого не хотятъ и даже не выражаютъ, чтобы папа Пій поступалъ не согласно съ своими папскими обязанностями.

Какое лицемѣріе, какое недоразумѣніе, и какое ложное положеніе того, что называется на Западѣ Европы католическою церковью! Не вся ли она есть обманъ, и для другихъ и для себя самой? А между тѣмъ, то же самое недоразумѣніе, тотъ же самый обманъ повторенъ не далѣе третьяго дня однимъ

Digitized by Google

изъ наиболѣе искреннихъ и честныхъ народовъ. Чехи собрались третьяго дня праздновать въ Констанцѣ память Гуса. Но Гусъ самъ первый былъ противникъ тѣхъ злоупотребленій и той лжи, которыя явились въ средневѣковомъ папствѣ, и которыя остались доселѣ, въ видѣ вѣроученія, въ католичествѣ; католическая церковь, съ папой во главѣ, осудила его и сожгла; въ глазахъ ея онъ доселѣ еретикъ, и она не думаетъ отрицаться отъ Констанцкаго дѣла. А чехи—католики, и потому паписты, и потому послѣдователи Констанцкаго собора. Что же они хотѣли праздновать, оставаясь католиками? И какъ же они не стыдятся оставаться католиками, чествуя Гуса?

По поводу присоединенія къ православію бывшаго Бѣлокриницкаго архимандрита Геронтія *).

Пріятно сообщать извѣстія, подобныя извѣстію о примиреніи извѣстнаго старообрядческому міру о. Геронтія съ православною церковью. Пріятно это и потому, что хотя единица, но все-таки новая и замѣчательная единица, присоединяется къ великому стаду, къ которому по преимуществу считаетъ себя принадлежащимъ русскій народъ. А во вторыхъ, особенно пріятно видѣть всякое явленіе искренности, всякое свободное уваженіе истины. Какъ бы мы ни судили о тѣхъ вопросахъ, которые раздѣляютъ старообрядцевъ отъ прочей русской братіи, но для лицъ, подобныхъ о. Геронтію, эти вопросы суть вопросъ жизни; тому, что ими признано за истину, служатъ они всею душею; идутъ за нее на заключеніе; въ самомъ заключеніи всѣ помыслы, вся душа ихъ отдается на разъисканіе о тѣхъ же вопросахъ, на служеніе той же истинѣ. А разубѣдившись, точно также смѣло, пренебрегая упреками и озлобленіемъ бывшихъ единовѣрцевъ, исповѣдуютъ они то, въ чемъ убѣдило ихъ новое, болѣе зрѣлое размышленіе.

*) С. И. 3 іюля, № 180.

Digitized by Google

Но да будетъ позволено намъ присоединить слухъ и не столь пріятнаго свойства. Можетъ быть онъ несправедливъ; можетъ быть, при всей справедливости, онъ прибавляетъ невѣрныя подробности, или даетъ имъ невѣрное значеніе. Но въ случаяхъ, подобныхъ обращенію одного изъ вождей раскола, каждая мелочь важна, и малѣйшее недоразумѣніе опасно. Говорятъ, что уже по изъявленіи о. Геронтіемъ рѣшительнаго намѣренія присоединиться къ православію, по крайней мѣрѣ въ первое время и во время самаго путешествія въ отведенный ему монастырь, онъ былъ окружаемъ нѣкоторыми, къ сожалѣнію, довольно явными признаками недовѣрія, и предосторожностями довольно строгими... Не передаемъ подробностей, не желая ни въ комъ производить смущенія, но заявляемъ къ свѣдѣнію тѣхъ, кому вѣдать надлежитъ, и просимъ обратить вниманіе, что оказательство недовѣрія въ обстоятельствахъ, подобныхъ настоящему, всего болѣе способно возбуждать обратное недовѣріе, и принятіе лишнихъ предосторожностей по меньшей мѣрѣ неосторожно. Мы не говоримъ о самомъ новообращенномъ. При той искренности, съ какою относится онъ къ признанной истинѣ; при томъ мужествѣ, съ какимъ онъ лишаетъ себя добровольно вѣнца долговременной славы учителя и страдальца; при той готовности, съ какою отдаетъ онъ себя на поруганіе и ненависть бывшихъ единовѣрцевъ; при той глубинѣ раскаянія, съ которою подобныя природы относятся къ своему преждебывшему долгому ослѣпленію: безъ сомнѣнія о. Геронтій вполнѣ признаетъ, оправдываетъ всѣ предосторожности, какія противъ него принимались, и находитъ ихъ даже слишкомъ недостаточнымъ наказаніемъ за вредъ, произведенный въ церкви его участіемъ въ распространеніи заблужденій. Но прочіе, оставшіеся внѣ ограды? Найдутъ ли они, что церковь принимаетъ кающихся съ достаточно распростертыми объятіями? И если нѣтъ, найдутъ ли они въ этомъ особенное побужденіе возвращаться къ церкви?

Digitized by Google

О подаяніи милостыни*).

Разговаривали о поднятіи производительныхъ силъ страны, о правильной системѣ сельскаго хозяйства, о томъ, что улучшенные пути способствуютъ болѣе равномѣрному распредѣленію богатства. Слушавшій восклицаетъ: „стало быть, хотите вы свести къ тому, чтобы не было ни нужды, ни голода. Кому же тогда подавать милостыню? Это безнравственно!“

Фактъ не выдуманъ, и на сравненіе съ нимъ невольно просится постановленіе казанской консисторіи. Консисторія разсуждаетъ такъ: „Хотя неумѣстно проповѣдывать вообще противъ подаянія милостыни нищимъ, но нищенство иногда проистекаетъ изъ порока и ведетъ къ пороку, посему консисторія полагаетъ: предписать чрезъ благочинныхъ священникамъ, чтобъ они чаще проповѣдывали о спасительности труда и о вредѣ праздности и тунеядства.“

Итакъ, консисторія полагаетъ, что проповѣданіе о пользѣ труда и о вредѣ праздности будетъ отчасти проповѣданіемъ противъ подаянія милостыни. (Иначе зачѣмъ это противопоставленіе?) Консисторія полагаетъ также, что проповѣдовать противъ подаянія милостыни неумѣстно только вообще, а въ частности и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, должно быть, позволительно! Но консисторія не полагаетъ, чтобы позволительно было проповѣдывать противъ нищенства; по крайней мѣрѣ не рѣшается она выговорить прямо этихъ словъ. Соглашается она, что нищенство иногда истекаетъ изъ побужденій нехорошихъ и ведетъ къ послѣдствіямъ непохвальнымъ; но въ заключеніи говоритъ глухо: „о спасительности труда и о вредѣ праздности и тунеядства“. Какъ будто боялась она даже, что и этимъ будетъ слишкомъ много сказано; въ подлинномъ опредѣленіи она спѣшитъ добавить: „и происходящихъ отсюда многихъ другихъ пороковъ“ и проч. Остается стало быть подъ сомнѣніемъ: позволительно ли

*) С. И. 4 іюля, № 181.

Digitized by Google

говорить просто противъ праздности и тунеядства, а тѣмъ болѣе говорить прямо противъ нищенства?

Не вѣритъ читатель? Нѣтъ, читатель просматриваетъ подлинное опредѣленіе, и вѣритъ. Но онъ недоумѣваетъ: зачѣмъ консисторіи было уже издавать такое постановленіе, когда она рѣшилась высказать его только съ оговорками и разными предосторожностями, какъ будто стѣсняясь. Недогадливый читатель! Въ томъ же извѣстіи есть и объясненіе: постановленіе консисторіи состоялось „въ слѣдствіе отношенія земской управы". Слѣдовательно, дѣло было такъ. Управа видитъ распространеніе нищенства, и считаетъ долгомъ предложить консисторіи принятіе мѣръ противъ нищенства, ошибкою принявъ, вѣроятно, консисторію за полицейскую инстанцію. Консисторія должно быть тоже на этотъ разъ приняла себя за полицейскую инстанцію, и приняла „отношеніе къ исполненію". По крайней мѣрѣ, она не нашла ничего удивительнаго, ни въ томъ что управа предлагаетъ ей принять мѣры, ни въ томъ, что управа, повидимому, предполагаетъ въ себѣ гораздо больше свѣдѣній о нравственномъ состояніи казанской паствы, чѣмъ какое имѣется у казанскихъ пастырей, и гораздо больше знаній о долгѣ церковнаго учительства, чѣмъ какое имѣется у самой казанской консисторіи. Но консисторія въ возлагаемомъ на нее долгѣ нашла, повидимому, затрудненіе, съ догматической точки зрѣнія. Отсюда-то и происходитъ эта двойственность: исполненіе предписывается, но съ нѣкоторою уклончивостью въ выраженіяхъ.

Какъ не вспомнить знакомаго моралиста! Безъ постановленія казанской консисторіи многіе не повѣрили бы его существованію и вообще затруднились бы объяснить: на основаніи какихъ умозаключеній люди, повидимому, христіански-мыслящіе, часто возстаютъ, и притомъ совершенно добросовѣстно, противъ мѣръ, возвышающихъ народное благосостояніе? Вы, напримѣръ, знаете, что христіанство, заповѣдуя подаяніе милостыни, ни одною заповѣдью не предписываетъ прошенія милостыни; знаете также, что подавать можно только отъ имѣнія, а имѣть можно только черезъ трудъ; и что если бы заповѣдь о подая-

Digitized by Google

ніи всѣми была исполняема, тогда не было бы просящихъ, а были бы только подающіе, слѣдовательно, были бъ только трудящіеся и не было бы нищенства; а затѣмъ упразднилась бы самая потребность подаянія, хотя оставалась бы готовность, и эта готовность выражалась бы въ другихъ видахъ христіанскаго милосердія. Разсуждая такимъ образомъ, вы заключаете, что нищенство не можетъ быть одобряемо христіанствомъ. А предъ вами разсуждаютъ такъ: христіанство предписываетъ подавать милостыню, слѣдовательно, должны быть нищіе; слѣдовательно, осуждать нищенство значитъ осуждать подаяніе, слѣдовательно, разсуждать не по христіански. Еще шагъ по этому пути умозаключеній: и готовъ моралистъ, повидимому, христіанскій, который добросовѣстно будетъ убѣжденъ, что электрическій телеграфъ есть изобрѣтеніе антихриста, желѣзныя дороги дьявольское навожденіе, машины—растлѣніе нравовъ. Безъ постановленія казанской консисторіи догадаться ли вамъ о возможности такихъ умозаключеній?

Мы, разумѣется, нисколько не думаемъ ни утверждать, ни даже подозрѣвать, чтобы писавшіе въ Казани постановленіе дошли именно до этихъ крайнихъ выводовъ, и искренно извиняемся предъ почтенными членами консисторіи, если слова наши дадутъ поводъ толковать себя такимъ образомъ. Но господа, во имя христіанства всячески открещивающіеся отъ всякаго прогресса, существуютъ во множествѣ, и разсуждаютъ они именно такимъ образомъ.... Да хоть бы подумали они наконецъ, что еслибы всѣ рѣшились нищенствовать, тогда не осталось бы возможности и подавать! Или подумали, что на основаніи заповѣди о подаяніи, покровительствуя ниществу, они, послѣдовательно разсуждая, должны покровительствовать и преступленію. А иначе-де какъ же исполнить и заповѣдь о посѣщеніи темницъ?

Digitized by Google

Великій расколъ на Западѣ *).

Папа продолжаетъ быть героемъ дня. Австрійскія газеты еще ворчатъ на его вмѣшательство въ государственные законы. Neue Freie Presse даже оплакиваетъ, зачѣмъ Австрія во время оно не приняла протестантства и взываетъ къ патріотизму своихъ соотечественниковъ, нельзя ли хоть теперь поправить ошибку прошлыхъ вѣковъ. А во Франціи занимаются грядущимъ вселенскимъ соборомъ. О запросѣ, сдѣланномъ въ законодательномъ корпусѣ по этому предмету, читатели уже знаютъ. Теперь получаемъ извѣщеніе, что Галликанская церковь, то-есть французскіе епископы, въ лицѣ Маре, готовятся защищать самостоятельность своей мѣстной церкви, и желаютъ воспользоваться предстоящимъ соборомъ къ рѣшенію полурѣшеннаго вопроса о непогрѣшимости папы, въ смыслѣ неблагопріятномъ ультрамонтанамъ.... Увѣряютъ, что подготовленъ проектъ, по которому верховное управленіе католическою церковью должно принадлежать не единолично папѣ, а съ нимъ вмѣстѣ и еще нѣсколькимъ выборнымъ членамъ особой духовной коммиссіи.

Но это почти синодъ. А папа съ синодомъ уже не папа, не глава церкви, и католичество потеряетъ свой главнѣйшій отличительный догматъ, если только состоится такое рѣшеніе. Поэтому оно и не состоится, или въ западной церкви произойдетъ новый великій расколъ.

Новый великій расколъ на западѣ! Что то не вѣрится этому; до того дико это, при настоящемъ положеніи политическихъ дѣлъ и при настоящемъ состояніи умовъ въ Европѣ. Поэтому, всего вѣроятнѣе, дѣло обойдется опять какой нибудь сдѣлкой, тѣмъ обоюднымъ лицемѣріемъ, къ которому такъ привыкли на Западѣ при сношеніяхъ народовъ и правительствъ съ папами,—лицемѣріемъ, при которомъ каждая сторона держитъ про себя въ умѣ свое и обѣ притворяются не понимающими, что ихъ воззрѣнія діаметрально противоположны, хотя каждая

*) С. И. 8 іюля, № 185.

Digitized by Google

не только знаетъ это хорошо, но знаетъ и то, что и другая знаетъ объ ней точно также и точно тоже.

Почему бы однако не произвести раскола? Почему не рѣшиться на него открыто галликанскому духовенству и австрійскому правительству, и не выйти обоимъ изъ теперешняго своего двусмысленнаго и унизительнаго положенія,—унизительнаго именно потому, что оно двусмысленно и что вынуждаетъ къ постоянному лицемѣрію? Neue Freie Presse видитъ къ этому препятствіе въ настоящемъ положеніи народной массы. Нельзя съ этимъ согласиться. Труднѣе было отложить отъ папы рабски-суевѣрныя массы XVI столѣтія, чѣмъ нынѣшнія, болѣе свободомыслящія и просвѣщенныя. Прямѣе укажемъ причину, когда объяснимъ невозможность распаденія въ католичествѣ отчасти равнодушіемъ и нерѣшительностью недовольныхъ правительствъ и духовенства, а всего болѣе затрудненіемъ, что̀ выбрать на мѣсто привычнаго папства. Протестантство есть форма, давно сама себя износившая, сама въ себя потерявшая вѣру, сама отъискивающая Церковь, которой не умѣла найти во время. Оно есть только протестъ, только отрицаніе католическаго авторитета и весь его смыслъ только въ этомъ отрицаніи. Только въ былыя времена можно было найти успокоеніе въ этомъ голомъ отрицаніи, когда оно еще не заявило своей неспособности прійти къ положительному.

Католичество безъ папскаго авторитета, это есть православіе. Такъ учитъ исторія. Коль скоро произнесли бы себѣ это недовольные папствомъ, отыскалось бы тогда для нихъ и положительное, чего не даетъ протестантство, и совершилось бы тогда легко отложеніе. Но православіе, представляемое греческою и русскою церквами, столь невысоко стоявшими на лѣстницѣ гражданскаго просвѣщенія, не успѣло внушить къ себѣ уваженія на Западѣ. Мало изучена тамъ наша церковная жизнь; не разсѣяны недоразумѣнія; не отличено существенное отъ преходящаго; и въ концѣ концовъ, не дозволитъ себѣ романская и германская гордость, сознаться въ ошибкѣ, которой допустили они себя духовно рабствовать столько столѣтій.

Digitized by Google

А какое время было бы благопріятнѣе теперешняго! Оглядываемся вокругъ себя, и думаемъ: высоко-мыслящія о себѣ западныя племена не унижаютъ себя до изученія насъ, но самъ Востокъ могъ бы знакомить ихъ съ собою. Чѣмъ однако заявили мы преданное намъ начало свободы, которому въ IX вѣкѣ противупоставилъ Римъ свое начало авторитета? Не упускали бы времени наши церковные писатели по крайней мѣрѣ теперь. Исторія перстомъ указываетъ имъ задачу.

Скопчество *).

Для скопца потерянъ возвратъ къ обществу; пусть онъ жалѣетъ о своемъ совращеніи, пусть раскаивается въ заблужденіи, пусть желаетъ возсоединиться съ остальнымъ человѣчествомъ: это сожалѣніе и это желаніе тѣмъ сильнѣе распаляютъ его къ тому, чтобы влечь и всѣхъ другихъ въ свою безвозвратную бездну. Экзальтація, полугорячечное состояніе, которымъ сопровождаются скопческія радѣнія, имѣетъ здѣсь тоже свою возбудительную силу.

Любопытно было бы прослѣдить кстати и историческія нити, которыми связывается скопчество съ остальными вѣрованіями и суевѣріями въ народѣ. На нашъ взглядъ, родила его таже религіозная внѣшность, чрезъ которую русскій человѣкъ по преимуществу любитъ полумистически воспринимать духовное содержаніе, и небреженіе о которой со стороны представителей господствующей церкви даетъ начало съ одной стороны старообрядству, съ другой—молоканству. Не находя въ отправляемомъ предъ собою богослуженіи того духовнаго дѣйствія, котораго онъ ищетъ и ждетъ, онъ цѣпляется или за внѣшность обряда и думаетъ удовлетворить себя благоговѣніемъ предъ всѣми преходящими ея мелочами, или же совсѣмъ отбрасываетъ всякій обрядъ, самъ въ себѣ. Исходная точка одна, хотя двѣ проти-

*) С. И. 10 іюля, № 187.

Digitized by Google

воположныя дороги, и эта-то исходная точка даетъ совершенно особую окраску нашимъ сектамъ, не только старообрядческимъ, но даже таковымъ, какъ молоканство и духоборчество; рѣзко отличаетъ послѣднія отъ сектъ, выросшихъ на романо-германской почвѣ, не смотря на кажущееся сходство, и сближаетъ съ старообрядствомъ. Душепереселеніе, отличеніе исторической идеи отъ историческаго явленія, что составляетъ существенное основаніе духоборства и скопчества, находимъ и въ старообрядческой христовщинѣ. Не говоримъ о духовныхъ объясненіяхъ, которыми обилуютъ крайніе безпоповщинскіе толки. Антихристъ и въ старообрядческой и въ духоборческой половинѣ тоже играетъ одинаково значительную роль.

Скопчество есть послѣдній предѣлъ русскаго духоборческаго направленія, котораго первая ступень есть молоканство. Оно есть то же, что секта странниковъ въ старообрядствѣ. Какъ бываетъ съ строго-логическимъ развитіемъ всякой односторонности, и старообрядство въ своемъ безпоповствѣ и особенно въ странничествѣ, и духоборчество въ скопчествѣ, пришли къ прямому противорѣчію, къ противоположности того, изъ чего они вышли, и къ чему думали прійти. Старообрядство, въ безпоповскомъ странничествѣ, пришло не къ внѣшности, напротивъ, къ совершенному разрыву со всѣмъ внѣшнимъ міромъ. Духоборство въ скопчествѣ пришло, напротивъ, къ внѣшности, къ обряду. Во внѣшнее исполненіе чисто вещественнаго дѣйствія и чисто физическій обрядъ радѣнія сложилось все его существо. Затѣмъ, въ первомъ все-таки остается завѣщанное исходною точкою уваженіе къ старопечатнымъ книгамъ; у втораго— завѣщанное опять исходною же точкою презрѣніе ко всякой книгѣ и ко всякому установленному богослуженію.

Далеко повела бы насъ эта параллель, еслибы мы вздумали раскрывать ее подробно. Мы рѣшились намекнуть о ней лишь затѣмъ, чтобъ обратить вниманіе на общую точку зрѣнія, съ которой, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ смотрѣть на расколъ, и которой никакъ не могутъ усвоить себѣ даже слывущіе спеціалистами по расколу. И послѣдніе въ особенности

Digitized by Google

грѣшатъ самыми дикими объясненіями. Отказываясь отъ старыхъ отвлеченно-богословскихъ объясненій и ища болѣе живой точки зрѣнія, они бѣгутъ за объясненіями или въ міръ быта или въ міръ политическій. Но это еще нелѣпѣе, чѣмъ прибѣгать за объясненіями къ Мартыну армянину; нужды нѣтъ, что у скопцовъ есть свой Пётръ III, и у бѣгуновъ, а отчасти и у всѣхъ почти безпоповцевъ, антихристъ воплощается въ правительствѣ.

Въ изданіи публицистическомъ, а не чисто ученомъ, гораздо важнѣе указать на скопчество, какъ на матеріалъ къ рѣшенію мудренаго вопроса о свободѣ совѣсти, и какъ на доказательство, что при сужденіи объ этомъ вопросѣ невозможны безусловныя рѣшенія. Умышленное членовредительство и уродованіе не должны быть терпимы, въ этомъ всѣ согласятся; но, однако, это членовредительство и уродованіе есть для скопцевъ вопросъ совѣсти и догматъ вѣры! Не говорите, что здѣсь надобно отличать мнѣніе отъ самаго дѣйствія, основаннаго на мнѣніи, и что дѣйствія должно преслѣдовать, но уважить права совѣсти, и терпѣть, даже охранять законами ея выраженія въ мнѣніи. Напротивъ, каждый по настоящему долженъ быть судимъ по своей совѣсти; несправедливо наказывать за дѣйствія добросовѣстныя, и поэтому надлежало бы, повидимому, слѣдовать совершенно обратному правилу въ наказаніи и милованіи. Нѣтъ, выразитесь лучше, что вѣроисповѣданія подобныя скопческому, которыя идутъ противъ началъ, признаваемыхъ извѣстнымъ или всѣми народами за основныя начала общежитія, сами въ себѣ лишены правъ на покровительство; ихъ послѣдователи могутъ быть терпимы только покуда они непослѣдовательны, невѣрны собственному вѣрованію. Послѣдствія, повидимому,—тѣ же: наказанію подвергнутся только уличенные въ дѣйствіяхъ, которыя общество признаетъ преступными. Но въ общемъ примѣненіи законодательства окажется громадная разница, такъ или иначе будутъ формулированы отношенія. Общество не можетъ дать правъ полной свободы лицамъ, для которыхъ постоянный умыселъ противъ своихъ согражданъ есть признанное

Digitized by Google

начало совѣсти. Оно можетъ ихъ терпѣть на правѣ гостепріимства, и оказывать имъ покровительство, какое оказываетъ подданнымъ государства, съ которымъ во враждѣ; но оно не можетъ имъ дать правъ полнаго гражданства, и не можетъ дать своего покровительства ихъ исповѣданію и проповѣди, какъ не даетъ того же эмиссарамъ непріятельской державы. Общество должно быть противъ нихъ вѣчно на сторожѣ, и они должны быть въ вѣчной у него опекѣ.

На скопчествѣ правило это понятно каждому, даже мало размышляющему, и съ основательностью стѣсненія не станетъ здѣсь спорить самый горячій поклонникъ свободы вѣрованій, если только захочетъ быть безпристрастнымъ. Точно также признаетъ всякій необходимость стѣсненія и по отношенію къ какимъ-нибудь индѣйскимъ Тугамъ, для которыхъ убійство есть нравственная заповѣдь. Противорѣчіе обязанности покровительствовать свободѣ съ тѣмъ, какой свободѣ приходится покровительствовать, здѣсь слишкомъ очевидно. Но исторія надѣлила человѣчество и другими вѣроисповѣданіями, въ которыхъ противорѣчіе началамъ общежитія также несомнѣнно, хотя и менѣе очевидно. Мы разумѣемъ еврейство, католичество и магометанство: по своему признанному катихизису, они суть постоянный заговоръ противъ всего иномыслящаго человѣчества. Очень немногіе, однако, соглашаются, что эти три вѣроисповѣданія тоже не имѣютъ правъ на полную свободу; что послѣдователямъ ихъ, по всей справедливости, можно оказывать только гостепріимство, тѣмъ большее, чѣмъ они равнодушнѣе къ своей вѣрѣ, и тѣмъ меньшее, чѣмъ они къ ней ближе и горячѣе.

Заключимъ свои размышленія указаніемъ на вредное недоразумѣніе, которое по отношенію къ скопчеству усвоено нашимъ законодательствомъ. Скопчество живетъ, и распространяется по милости тайны, въ которой оно держитъ свои догматы, и которую даже не всякому новообращенному, по крайней мѣрѣ, не заразъ, открываетъ. Проповѣдники сулятъ неопытнымъ новичкамъ открытіе не вѣсть какихъ небесныхъ таинствъ, и этимъ между прочимъ увлекаютъ къ изуродованію; оскопленіе

Digitized by Google

выставляется необходимымъ условіемъ, неизбѣжною дверью, помимо которой невозможенъ доступъ къ высшимъ степенямъ богословія. Разумѣется, несчастные впослѣдствіи видятъ, хотя и поздно, что они обмануты, и что вмѣсто высшихъ таинствъ небеснаго созерцанія получаютъ бредъ, достойный и смѣха и сожалѣнія. Возможно-полное оглашеніе всего скопческаго богословія было бы самымъ вѣрнымъ предохранительнымъ врачествомъ противъ распространенія секты: а законодательство, какъ бы сговорясь съ нею, причислило ее къ самымъ тайнымъ. Образцы скопческихъ умствованій, ихъ пѣсни, Страды ихъ христа, замѣняющія для нихъ Евангеліе, пересылались бывало по присутственнымъ мѣстамъ, съ надписью „весьма секретно". Вѣроятно, ведется такъ и доселѣ, но къ чему это можетъ вести, достаточно скажетъ слѣдующій опытъ, извѣданный самимъ пишущимъ эти строки. Лѣтъ осьмнадцать назадъ, одного молодого человѣка, полуобольщеннаго, и уже колебавшагося, совершенно случайно удалось ему исхитить почти изъ подъ самыхъ рукъ скопителя простымъ открытіемъ всѣхъ догматовъ скопчества.

Молодой,—нѣтъ, теперь уже ты зрѣлый человѣкъ! Помнишь ли ты эту, на бойкомъ мѣстѣ стоявшую лавочку, и себя сидящаго за книгой, и размышляющаго надъ изреченіемъ: „суть иже скопиша себе царствія ради небеснаго"? Помнишь ли другаго, тоже очень молодаго человѣка, твоего постояннаго покупателя и ваши разговоры, по поводу развернутой книги и смущавшаго въ ней изреченія? Помнишь, что было за тѣмъ?— Если помнишь, и если попадутъ тебѣ эти строки, откликнись и скажись. . . .

Скопчество*).

Вотъ чего трудно было ожидать! Мы получили письмо въ защиту скопчества, писанное, повидимому, скопцемъ. Само собою разумѣется, защитникъ скопчества начинаетъ усовѣщивать насъ

*) С. И. 19 іюля, № 196.

Digitized by Google

текстами; напоминаетъ, что евангеліе заповѣдуетъ вырывать соблазняющее око: что презрѣніе, претерпѣваемое отъ міра, есть одинъ изъ признаковъ, отличающихъ христіанина; что истинный христіанинъ долженъ для Христа оставлять родителей и жену и дѣтей. Наконецъ, онъ сравниваетъ скопчество съ монашествомъ, и замѣчая остроумно, что у скопцевъ не можетъ быть того, чего у монаховъ не должно быть, ставитъ на видъ, что если не можетъ быть терпимо скопчество, то не должно быть терпимо монашество.

Все это въ порядкѣ вещей. Съ этого всегда и начинаютъ скопцы свою проповѣдь: откровенія о Христѣ, Петрѣ III и Андреѣ Селивановѣ тожъ, и о Богородицѣ, тожъ о Елисаветѣ Петровнѣ и Акулинѣ Тимоѳеевнѣ, сообщаются послѣ, когда у несчастныхъ жертвъ будетъ уже отрѣзано сообщеніе съ остальнымъ міромъ. Тогда же, конечно, дозволятъ имъ приступить и къ радѣніямъ, этимъ круженіямъ до изнеможенія и неистовства, съ полусознательными импровизаціями, слывущими подъ именемъ пророчествъ. Простодушные новички поддаются на проповѣдь, на которую, разумѣется, не поддались бы, если бы имъ съ перваго раза подставили Андрея Селиванова подъ именемъ Христа.

Конечно, мы не намѣрены вступать въ экзегетическія объясненія и разъяснять грубое неразуміе въ толкованіи евангельскихъ словъ. Не будемъ касаться и того, не менѣе грубаго противорѣчія, по которому скопцы, уродуя себя отчасти, не выкалываютъ однако себѣ глазъ и не отрубаютъ рукъ, хотя и глаза и руки, безъ сомнѣнія, ихъ тоже соблазняютъ, и хотя по принятой системѣ имъ слѣдовало бы уродовать себя до конца. Не остановимся и на дѣтскомъ оправданіи, что жертвы изувѣрства не насильственно уродуются, а отдаютъ себя на уродованіе добровольно. Все это достаточно говоритъ само о себѣ. Обратимъ вниманіе на одно: возможность и существованіе такого рода разсужденій и увлеченій въ тысячный разъ свидѣтельствуетъ, что возбужденныя религіозныя потребности зачастую живутъ у насъ бокъ-о-бокъ съ самымъ крайнимъ неразуміемъ и съ самою дѣтскою неразвитостью. Вредныя общественныя

Digitized by Google

послѣдствія, отсюда проистекающія, преслѣдуются правительствомъ. Но не стыдъ ли духовнымъ воспитателямъ народа, что эти послѣдствія не предупреждаются заблаговременно духовнымъ руководствомъ? На комъ же, въ самомъ дѣлѣ, другомъ и вина, что появляются у насъ секты, подобныя скопчеству, и объясненія, подобныя вышеприведенному?

О скопцахъ*).

Читатели замѣтили вчерашній отвѣтъ защитнику скопчества, представленный г. Ливановымъ. Горячъ и жестокъ этотъ отвѣтъ, но онъ не лишенъ основательности. Авторъ Скопителя опирается на оффиціальные документы. Тѣмъ любопытнѣе доставляемые имъ свѣдѣнія, что онѣ представляютъ новую сторону дѣла, которая доселѣ была мало кому извѣстна. Въ нашихъ рукахъ, въ свое время, побывало тоже довольно документовъ, относящихся къ скопцамъ; но признаемся откровенно, мы не встрѣчали, чтобы размноженіе скопцевъ производимо было посредствомъ явнаго и полнаго насилія; мы находили обольщеніе, находили насиліе тайное, производимое надъ спящими, или насиліе незавѣдомое, производимое надъ дѣтьми. Во всѣхъ этихъ бывало согласіе, въ однихъ вольное, въ другихъ невольное,—именно тогда, когда жертвы, вытерпѣвъ операцію, тайно или невѣдомо надъ ними совершенную, мирились потомъ съ нею, разсуждая, что доносомъ удовлетворишь мщенію, но потеряннаго уже не воротишь, и что, во всякомъ случаѣ, выгоднѣе принять отъ своихъ новыхъ невольныхъ собратовъ деньги, и приволье, и всѣ остальныя радости жизни (разумѣется, кромѣ отнятыхъ безвозвратно операціею). Г. Ливановъ указываетъ совершенно противоположные случаи, и мы должны ему вѣрить.

Гораздо болѣе распространены свѣдѣнія о связи скопчества съ другими преступленіями, о которыхъ говоритъ Ливановъ, и

---

*) С. И. 26 іюля, № 203.

Digitized by Google

которыя относятся уже не къ вѣрѣ, а къ финансамъ. Свѣдѣнія эти намъ кажутся нѣсколько преувеличенными, потому что не всякій же скопецъ есть мѣняла, и не всякій мѣняла-скопецъ непремѣнно идетъ на операціи, вредныя для государственныхъ финансовъ. Но связь одного съ другимъ легка, и г. Ливановъ объясняетъ ее тѣмъ, что торговля деньгами есть все таки любимый промыселъ скопцевъ. Прибавимъ: связь эта тѣмъ легче, что между скопцами существуетъ уже невольная, молчаливая стачка по храненію тайнъ своей вѣры: тѣмъ естественнѣе между ними стачки и во всемъ другомъ, и тѣмъ неестественнѣе ожидать отъ нихъ взаимныхъ другъ на друга доносовъ въ чемъ бы то ни было, и помимо вѣры. Отмѣтимъ и психологическую естественность, что любовь къ деньгамъ, и именно въ этомъ своемъ—позволимъ себѣ такое выраженіе—жидовскомъ смыслѣ должна дѣйствительно идти особенно къ скопцамъ, точно также какъ особенно идетъ къ нимъ страсть къ сладкоядѣнію, которая въ нихъ тоже замѣчается. За отнятіемъ физическихъ способовъ къ удовлетворенію одной изъ страстей, владѣющихъ человѣчествомъ, прочія страсти дѣйствуютъ сильнѣе и сосредоточеннѣе. Здѣсь дѣйствуетъ та же причина, отъ которой и самые скопческіе обряды обратились въ особенный видъ пляски, ищущей самозабвенія и разрѣшающейся особеннымъ видомъ бреда. Физіологъ легко объяснитъ, почему скопецъ такъ жаждетъ самоодурѣнія, и почему онъ ищетъ его именно въ усиленномъ тѣлодвиженіи.

Какъ бы то ни было, но свѣдѣнія, доставленныя г. Ливановымъ, представляютъ новое свидѣтельство объ особенномъ вредѣ скопеческой секты; а этотъ вредъ даетъ новое указаніе на необходимость оглашенія всѣхъ скопческихъ тайнъ. Не изъ такихъ эта секта, чтобы подробное знакомство съ нею могло прельстить кого нибудь: напротивъ, трудно представить себѣ что-либо болѣе оскорбляющее здравый смыслъ, чѣмъ ея догматы, и болѣе оскорбляющее человѣческія чувства, чѣмъ ея практика. Самый обрядъ радѣнія можетъ дѣйствовать заразительно, подобно пляскѣ св. Витта, съ которою онъ имѣетъ большое сход-

Digitized by Google

ство,—но дѣйствовать только на очевидцевъ совершаемаго дѣйствія, а никакъ не на заглазныхъ читателей. Между тѣмъ вредъ таинственности слишкомъ важенъ, и не только потому, что дается сектѣ возможность обѣщать неопытнымъ высокое въ томъ, что будучи объявлено заранѣе возбудило бы во всѣхъ только смѣхъ и отвращеніе; но и потому еще, что таинственность свою изувѣры толкуютъ, между прочимъ, въ смыслѣ соумышленія, которое держатъ будто бы съ ними даже державныя власти. Право толковать такимъ образомъ свое значеніе въ государствѣ они основываютъ на исторіи своего „батюшки-искупителя“ Андрея Селиванова. По вѣрованіямъ скопцевъ, Андрей Селивановъ былъ вмѣстѣ и Христосъ, и императоръ Петръ III. Достовѣрно извѣстно, что при Екатеринѣ Селивановъ былъ высѣченъ кнутомъ. Но столь же достовѣрно, что при Павлѣ онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, и затѣмъ наслаждался здѣсь свободой и поклоненіемъ своихъ послѣдователей, до самаго заключенія въ Спасо-Евфимьевскій монастырь, которое послѣдовало съ нимъ едва ли уже не въ царствованіе Николая. Что значила эта свобода, дарованная вредному ересіарху? И правда ли, что Селивановъ былъ представленъ императору Павлу? Правда ли и то, что могила Селиванова существуетъ теперь въ Спасо-Евфимьевскомъ монастырѣ? Сколько бы зла предупредило подробное обнародованіе всѣхъ свѣдѣній, относящихся къ этимъ вопросамъ! Какая сила въ борьбѣ съ изувѣрствомъ дана была бы чрезъ это новичкамъ, осуждаемымъ безъ того выслушивать отъ скопцевъ небылицы, одинаково возмущающія и народное и человѣческое чувство!

Обязанности духовенства.*)

„И куда это наши причты успѣваютъ дѣвать столько вина?“—спрашиваетъ съ горестнымъ недоумѣніемъ нашъ корреспондентъ, съ границъ Орловской и Курской губерній, указывая

*) С. И. 5 августа, № 213.

Digitized by Google

на обычай мѣстнаго духовенства требовать предъ свадьбами отъ прихожанъ трехъ штофовъ вина, въ три раза. Корреспондентъ прибавляетъ, что прихожане желали бы освободиться отъ этой винной повинности, но что духовенство упорствуетъ, и что эта повинность, какъ и вполнѣ естественно, соблазняетъ народъ: и не выпилъ бы, да какъ приходится для причта идти за виномъ, грѣхъ силенъ, крестьянинъ не только купитъ для духовенства, но купитъ и для себя.

Что сказать въ отвѣтъ корреспонденту: куда успѣваютъ дѣвать причты столько вина? Ему это лучше знать. Заочно мы можемъ сказать, что вѣроятно вино обращается въ уксусъ: по крайней мѣрѣ, такъ говоритъ наука: сперва сахарное броженіе, потомъ винное, потомъ уксусное. . . .

Но шутки въ сторону. Эту корреспонденцію, подобныхъ которой нашлось бы, конечно, болѣе десятка тысячъ по имперіи, если бы только захотѣли изо всѣхъ селъ извѣщать публику о своемъ религіозномъ житьѣ-бытьѣ и объ отношеніяхъ къ духовенству . . . . эту корреспонденцію мысленно сопоставляемъ съ своими размышленіями о народномъ пьянствѣ и съ высказаннымъ недоумѣніемъ: „гдѣ проповѣди духовенства противъ пьянства? гдѣ копѣечныя брошюры противъ невоздержности, которыя въ милліонѣ экземпляровъ распространены были бы въ подобномъ случаѣ во всякой другой странѣ тѣмъ же духовенствомъ?“ Ай, ай, сколько простодушія въ нашемъ недоумѣніи, отвѣчаетъ на это корреспондентъ. Да развѣ вы не знаете, что въ духовенствѣ то, напротивъ, пьянство и находитъ одну изъ своихъ поддержекъ? . . . .

Слушаемъ и поучаемся. Открывается выводъ, переворачивающій верхъ дномъ обыкновенныя, распространенныя во всемъ свѣтѣ и подтвержденныя всею исторіею понятія объ отношеніяхъ пастыря и пасомыхъ. Паствѣ не того нужно дожидаться, чтобы поучали ее воздержанію словомъ и дѣломъ; напротивъ, паствѣ приходится собрать всѣ силы, чтобы противостоять потворству, которое оказывается ея невоздержности пастырями и противодѣйствовать дальнѣйшему продолженію этого потворства.

Digitized by Google

Какое превратное положеніе! А послушайте-ка нашихъ клерикаловъ, говорятъ они совсѣмъ иное. Правда, и говорятъ то они обыкновенно о другомъ, когда заходитъ рѣчь о положеніи духовенства: мы бѣдны, дайте денегъ, дайте жалованья, улучшите наше положеніе (казенный терминъ). Вотъ почти единственная нота, которую гудятъ они.

—Но васъ содержатъ приходы.

—Мало.

—Если мало, то или прихожане бѣдны и не могутъ дать болѣе: а такъ какъ вы для прихожанъ, а не прихожане для васъ, то вы должны довольствоваться малымъ вашимъ достаткомъ, который есть послѣдствіе ихъ малаго достатка. Или прихожане богаты и не хотятъ давать болѣе, тогда вы не заслужили отъ нихъ почтенія, участія, любви; слѣдовательно опять не имѣете права жаловаться, потому что опять вы для прихожанъ, а не прихожане для васъ.

Противъ этой дилеммы, казалось бы, возражать нечего. Но возражаютъ. Говорятъ: народъ грубъ и неотесанъ; онъ не понимаетъ высоты священнаго званія, онъ не понимаетъ всего уваженія, какимъ онъ обязанъ къ священнику, и не умѣетъ цѣнить его услугъ; онъ обращается съ попомъ за панибрата, онъ торгуется съ попомъ, онъ его даже спаиваетъ.

И изъ разсуждающихъ такимъ образомъ никто не понимаетъ, что каждое слово ихъ есть тяжелый обвинительный приговоръ противъ самого же духовенства! Не съ неба же внезапно оно свалилось на русскую землю, не изъ за тридевяти земель выписано и получило готовую паству съ извѣстнымъ религіознымъ настроеніемъ! Тысячу лѣтъ какъ существуетъ у насъ христіанство; сто лѣтъ надобно считать, какъ явилось довольно повсемѣстно образованное духовенство. Кажется, довольно бы времени, чтобы произвесть совершенное перерожденіе въ нравахъ и понятіяхъ, если только духовныя лица считаютъ своею обязанностью содѣйствовать этому перерожденію. Когда вы жалуетесь, что перерожденіе идетъ туго, вы жалуетесь, что духовенство мало, стало быть, этому способствовало. Когда жалуе-

Digitized by Google

тесь на грубость паствы, вы жалуетесь на то, что вліяніе духовенства не смягчило народныхъ нравовъ; когда жалуетесь на народные предразсудки, на суевѣріе, на отсутствіе уваженія къ духовенству, вы произносите приговоръ опять противъ духовенства, жалуетесь на его недѣятельность, на его собственное невѣжество, или на его неспособность просвѣщать, или на его недобросовѣстность.

Но клерикалы приходятъ въ негодованіе, если только хотя намекнешь имъ объ этомъ. Ихъ логика походитъ на логику того казака, который говорилъ: „татарина піймавъ“.—Чтожъ, веди его сюда! — „Та нейде“. — Ну, иди самъ. — „Да винъ не пускае“! — Они говорятъ о высокой святости духовнаго званія, о великомъ его значеніи для народа, и требуютъ ему казенной поддержки: „Татарина піймавъ“. — Но вы указываете, что мало однако поднимается народная нравственность, нѣтъ— что глубоко она упадаетъ со дня на день; что мало искоренены, нѣтъ—что еще повсемѣстны у насъ суевѣрія. Вамъ отвѣчаютъ, что духовенство дѣйствуетъ непрестанно словомъ и житіемъ, увѣщеваетъ, подаетъ примѣръ: да что же дѣлать? Не слушаютъ! „Та пейде“!—Но вотъ, говорите вы, и въ самомъ духовенствѣ замѣчаются такіе то и такіе то недостатки. . . . . Нѣтъ, лучше не говорите. Скажите только, такъ пойдутъ обвиненія на само общество. „Да не пускае“. Паства то сама всему и причинна; она то соблазняетъ и развращаетъ духовенство. . . .

Что жъ, станете съ ними спорить?—Нѣтъ, лучше махните, повторяемъ, на нихъ рукой, читатель. Для вашего безпристрастія цѣна этой логики слишкомъ ясна, точно также ясно и то, что противъ чего спорятъ обидчивые защитники духовенства, чѣмъ оскорбляются, за то, по надлежащему, должны бы они благодарить и тому вторить, если бы только понимали собственныя выгоды. И по правдѣ сказать, не то болѣе всего и жалко, что въ духовенствѣ существуютъ извѣстные недостатки; это явленіе историческое, стихійное. Жаловаться на это или сердиться— все равно что сердиться на солнце, зачѣмъ оно идетъ къ западу, а не къ востоку, или на рѣки, почему онѣ бѣгутъ съ

Digitized by Google

горъ, а не на горы. Что духовенство мало рознится съ народомъ въ бытѣ, это въ другихъ отношеніяхъ составляетъ даже его заслугу и его достоинство. Но жалко и досадно всего болѣе, именно за то, что духовенство такихъ имѣетъ литературныхъ защитниковъ, которые на указанія недостатковъ, на желанія, чтобы духовенство возвышалось нравственно и усиливалось въ своемъ значеніи для народа, отвѣчаютъ доводами, напоминающими логику казака, удерживаемаго татариномъ. На комъ лежитъ преимущественная обязанность отводить народъ отъ пьянства, и отъ кого мы должны ожидать наиболѣе успѣшныхъ дѣйствій въ этомъ смыслѣ?—Отъ нравственныхъ руководителей, отъ духовенства.—Кто долженъ истреблять суевѣрія, кто можетъ дѣйствовать противъ изувѣрства?—Единственно и могутъ руководители духовные и нравственные.—А когда пьянство не только не ослабляется, но даже усиливается, когда у насъ существуютъ секты, подобныя даже скопческой: что это значитъ и на кого же падаетъ преимущественная вина?—„Духовенство,—скромнымъ голосомъ отвѣчаетъ на это одинъ изъ клерикальныхъ органовъ*),—дѣйствительно можетъ дѣйствовать на неразвитость и невѣжество; но отъ него ли зависитъ, чтобы его бесѣды и убѣжденія всегда производили дѣйствіе? Противъ этого есть тысячи препятствій, изъ которыхъ самое главное таинственность скопческой пропаганды, соединенная съ подкупомъ и опаиваніемъ жертвъ сонными каплями. Что касается изувѣрства, то духовныя лица ничего (!) противъ него не могутъ сдѣлать: изувѣрство упорно и не поддается мирнымъ убѣжденіямъ священника.“

Да скажите же наконецъ: прежде чѣмъ изъ чистаго младенчества и отрочества возмужать будущему пьяницѣ и сектанту и вырости до „неразвитости“, до невѣжества, „до таинственности“, до „изувѣрства“ и „упрямства“,—были у него или считались, по крайней мѣрѣ, какіе нибудь нравственные руководители, были отцы духовные? Кто-нибудь училъ ихъ хотя сим-

*) Соврем. Лист. № 59.

Digitized by Google

волу вѣры, наставлялъ ихъ хотя въ первоначальныхъ нравственныхъ обязанностяхъ? Да, впрочемъ, существуютъ ли вообще, по вашему мнѣнію, какіе-нибудь призванные нравственные руководители, или же дѣло такъ называемыхъ нравственныхъ руководителей состоитъ въ чемъ-нибудь совсѣмъ другомъ, а не въ этомъ нравственномъ предупрежденіи неразвитости, невѣжества, упорства, изувѣрства,—предупрежденіи посредствомъ непрестаннаго ученія—словомъ и житіемъ?

Но и ждите на это отвѣта: отвѣтъ вамъ одинъ и вы его уже слышали выше: „не отъ насъ зависитъ, чтобы наши бесѣды и убѣжденія производили дѣйствіе—„да нейде“.—Ну, по крайней мѣрѣ, сами то не требуйте предъ свадьбами по штофу въ три раза.—И на это пожалуй отвѣтятъ вамъ: „что же дѣлать? Соблазнъ, и обычай ужъ такой,—да не пускае“.

Худо.

Печать избраннаго народа*).

„Еврей Гинсбургъ не совершилъ обрѣзанія надъ своимъ сыномъ, хотя и оставилъ его въ еврейскомъ законѣ. Онъ приступилъ чрезъ это къ еврейскому реформатству, которое у насъ доселѣ не принималось. Это очень хорошо, и пускай всѣ бы этому примѣру послѣдовали“.

—Нѣтъ, это очень не хорошо; ни одинъ еврей не имѣетъ права уклоняться отъ коренного обряда, и правительство не должно этого дозволять. Да и не такъ было дѣло. Гинсбургъ не совершилъ обрѣзанія надъ сыномъ, потому что сынъ боленъ; а при болѣзни новорожденныхъ еврейскій законъ позволяетъ отлагать обрѣзаніе.

—Толкуйте. Сыну Гинсбурга наречено имя, а имя нарекается при обрѣзаніи. Теперь, когда Гинсбургу уже выдано метрическое свидѣтельство, никакая сила не заставитъ его со-

*) С. И. 7 августа, № 215.

Digitized by Google

вершить обрѣзаніе надъ сыномъ. А правительству рѣшительно все равно, соблюдаетъ ли еврей свои обряды, или нѣтъ.

Таковъ на столбахъ „Москвы“ и „Голоса“ происходилъ споръ между двумя евреями.

Вмѣшаемся и мы въ этотъ споръ.— Нѣтъ, скажемъ въ свою очередь, правительству очень важно, соблюдаетъ ли еврей свои обряды, и именно обрядъ обрѣзанія. Обрѣзаніе есть обрядъ не религіозный только. Это печать избраннаго народа; въ этомъ смыслѣ оно установлено, и въ этомъ смыслѣ несомнѣнно имѣло оно цѣль не только религіозную, но и политическую. Несомнѣнно также, что сверхъ этихъ двухъ цѣлей, оно имѣло еще цѣль гигіеническую. Предположимъ, что французъ проситъ правъ гражданства въ какомъ нибудь государствѣ, но въ числѣ непремѣнныхъ условій предлагаетъ, чтобъ ему позволено было сохранить свою національную кокарду. Что отвѣтило бы правительство, которому бы онъ заявилъ такое требованіе? Съ этимъ вопросомъ обращался нѣкогда къ евреямъ докторъ Паулусъ, глава натуралистической школы протестантскихъ богослововъ, ученый, котораго менѣе всего можно было бы заподозрить въ фанатизмѣ. Зададимъ и мы тотъ же вопросъ г. раввину Каменецкому, столь горячо отстаивающему совершеніе обрѣзанія надъ русскими евреями.

Правительство можетъ терпѣть обрѣзаніе, и только. Можетъ терпѣть ради того, что въ этомъ обрядѣ кромѣ политическаго, есть религіозное значеніе, и ради того, что кромѣ евреевъ, тотъ же обрядъ соблюдается и магометанами, у которыхъ онъ вовсе не имѣетъ политическаго значенія, а одно религіозное. Но когда еврей самъ не желаетъ подвергать своего дитяти обрѣзанію, не обязано ли правительство всею присущею ему силою покровительствовать этому желанію, и не обязано ли оказать ему всевозможную защиту противъ настоянія раввиновъ? Не слѣдовало ли бы даже вообще постановить закономъ, что до совершеннолѣтія никто не можетъ быть подвергаемъ обрѣзанію? И родительская власть должна имѣть предѣлъ, въ особенности когда вопросъ идетъ о дѣйствіи, не безопасномъ

Digitized by Google

для дѣтскаго здоровья. Въ самомъ дѣлѣ, четыре тысячи лѣтъ назадъ, въ углу Средиземнаго моря извѣстная операція могла бы быть полезною и даже нужною по физіологическимъ и климатическимъ условіямъ. Но нынѣ и притомъ въ Россіи, она для здоровья совершенно излишня. Да еще не вредна ли? Не опасна ли по крайней мѣрѣ?

Впрочемъ объ этомъ послѣднемъ пунктѣ пусть судятъ врачи.

О распространеніи ереси*).

Что новаго у васъ батюшка? спросилъ помѣщикъ, по пріѣздѣ въ деревню, у своего сельскаго священника.

—Худо: расколъ.

—Перестали ходить въ церковь?

—Нѣтъ, еще ходятъ пока.

—Безпутничаютъ развѣ особенно?

—Не видать; въ кабакъ даже совсѣмъ перестали ходить, сквернымъ словъ тоже не употребляютъ; въ гармоніи не играютъ, не пляшутъ....

—Все это слава Богу. Гдѣ же расколъ?

—Да по воскресеньямъ, сказалъ священникъ, понизивъ голосъ, съ нѣкоторою тихою торжественностью: по воскресеньямъ вечерами собираются, какія то книжки читаютъ и толкуютъ....

—И чтожъ давай Богъ больше.

—Нѣтъ! Вы не знаете нашего народа! Коли въ кабакъ перестали ходить, перестали ругаться, да начали собираться и книжки читать.... Будетъ расколъ непремѣнно!

Этотъ не вымышленный случай пришелъ намъ на память, по прочтеніи новаго очерка, доставленнаго намъ г. Ливановымъ: Молоканскій попъ. Хотя эту секту законъ причисляетъ къ особенно „вреднымъ“, всѣ наблюдатели, начиная съ Ивана Вла-

---

*) С. И. 20 августа, № 228.

Digitized by Google

діміровича Лопухина, писавшаго свой ревизіонный отчетъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и до самого г. Ливанова включительно, единогласно свидѣтельствуютъ, что молокане народъ трезвый, честный, домовитый, смирный. Чего же больше? Заглядывая въ ихъ катихизисъ (одинъ изъ таковыхъ издавна ходитъ въ рукописи, подъ заглавіемъ, если не ошибаемся, Обряда духовныхъ христіанъ), задаешь себѣ вопросъ: почему же это—секта, еще и притомъ говорятъ—вредная? Тоже навѣрное недоумѣніе возникаетъ у многихъ и по прочтеніи предлагаемаго нынѣ очерка. „Давай Богъ такихъ побольше“, скажутъ многіе.

Все дѣло въ недоговорахъ. И въ рукописномъ молоканскомъ катихизисѣ, и въ настоящемъ изложеніи, которое предпринимаетъ г. Ливановъ, высказывается положительная сторона ученія, объ отрицательной умалчивается. А отрицательная состоитъ въ томъ, что молоканинъ отвергаетъ всю церковную внѣшность, всѣ обряды, всю установленную іерархію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ таинства, потому что при нихъ есть своя обрядность. Законъ взглянулъ на это строго, потому что вмѣстѣ съ отрицаніемъ церковной обрядности, молоканинъ отвергъ и всю обрядность, всю обязательную внѣшность политическаго свойства. Власть установленная, бракъ въ томъ видѣ, въ какомъ признается государствомъ, и наконецъ—присяга: все это молоканами частію не признается, частію отвергается.

Впрочемъ, мы не за тѣмъ взялись за перо, чтобы пускаться въ разъясненія молоканскихъ догматовъ, тѣмъ не менѣе—вступать съ ними въ догматическую прю. На то есть призванные. Пускай прочитаютъ они очеркъ г. Ливанова; помѣщеніемъ его, мы надѣемся, оказали имъ услугу. Въ потьмахъ биться мудрено; можно не разобрать, и себя же зашибить; а многіе ли у насъ знаютъ о молоканствѣ что-нибудь болѣе имени? Для насъ же собственно важенъ историческій урокъ, который вообще вытекаетъ изъ молоканства. Происхожденіе этой секты именно таково, какое со страхомъ описываетъ сельскій священникъ своему помѣщику. Сначала ходятъ пока въ церковь, собираются, толкуютъ, читаютъ, и опять толкуютъ. Проснулось живое

Digitized by Google

религіозное чувство,—потребность вѣры, потребность опознать свою высшую совѣсть: есть ли что, и что должно быть для насъ свято?—и вмѣстѣ съ тѣмъ потребность согласовать свои поступки съ тѣмъ, что признается святымъ въ совѣсти. Перестанемъ, братцы, пить, скверно быть ровно скотиной.

—Скверно, перестанемъ!

—Не нужно и ругаться; за что такъ позорить своего родного?

—Чего хорошаго! Перестанемъ.

—А кто будетъ ругаться и пьянствовать, того вонъ: согласны?

—Согласны, быть такъ!

И вотъ начало секты.

Хотѣлось бы пробуждающимся идти дальше этихъ, попадающихся съ перваго шага, прямо говорящихъ, слишкомъ яркихъ обязанностей. Но предъ ними обрядность церковная, исполняемая механически. А призванные отправители и объяснители этой обрядности... Но, впрочемъ, совѣтуемъ обратиться къ пѣснямъ самихъ молоканъ, чтобы уяснить себѣ отношенія, какія встрѣчаетъ иногда отъ призванныхъ объяснителей душа, жаждущая поученія,—та душа, которая является потомъ отпадшею въ молоканство. „Мужикъ, гдѣ тебѣ соваться еще разсуждать?“ Вотъ въ какомъ смыслѣ изображаются въ молоканскихъ пѣсняхъ эти отношенія. Сходятся отогнанные еще тѣснѣе, махаютъ рукой и на іерархію и на церковь, и вырабатываютъ сами себѣ и катихизисъ, и церковь, и іерархію.

И такъ секта готова.

Мы говоримъ не объ историческомъ происхожденіи молоканства, не объ единичномъ случаѣ, который когда то былъ и отъ котораго бы потомъ преемственно вели свое происхожденіе всѣ грядущіе послѣдователи секты. Такого историческаго происхожденія, въ пошломъ значеніи этого слова, молоканство въ сущности даже не имѣетъ, и такого единичнаго случая, родоначальнаго всѣмъ послѣдующимъ отпаденіямъ, никогда не бывало. Въ томъ и состоитъ особенность молоканства, что его историческое происхожденіе совершается еже-

Digitized by Google

дневно, его родоначальные случаи повторяются изо дня въ день, тамъ и здѣсь, совершенно независимо отъ молоканства, историческаго, установившагося. Найдутъ это, установившееся, историческое молоканство новоотпадшіе и сольются съ нимъ,—такъ; а не то попадутъ на руки къ длинноусому старцу-старообрядцу, и тогда примкнутъ къ какому нибудь Поморскому или Ѳедосѣевскому согласію. А, можетъ быть, подвернутся и подъ руки какому нибудь изступленному скопителю съ ножемъ, и тогда примутъ царскую печать. Все это дѣло случая, и для существа не имѣетъ никакого значенія. Случится, можетъ быть, и случается очень часто, что судьба не услужитъ отпадающимъ подсылкою учителя изъ готоваго толка: тогда остается новая секта сама по себѣ, не знающая другихъ и не знаемая другими, хотя и родная сестра многимъ. Сколько въ оффиціальныхъ дѣлахъ находится указаній на такія внезапныя, диковинныя секты! А сколько ихъ не успѣло попасть ни къ благочинному, ни къ судебному слѣдователю въ бумаги! И спрашиваютъ между тѣмъ: слышите, новая секта! Кто, какъ, откуда? Ефимъ Петровъ?—Нѣтъ, не Ефимъ Петровъ, хотя онъ и толковалъ на вечернихъ бесѣдахъ болѣе другихъ. А проходилъ отставной солдатъ и говорилъ, что скоро будетъ преставленіе свѣта. Не онъ ли? Гдѣ онъ, подать его сюда! Но его не отыщутъ, самое имя его неизвѣстно; да повидимому, и не онъ распространитель ереси, а былъ шарманщикъ, не нашего исповѣданія, повидимому квакеръ. Должно быть онъ! Или не проѣзжалъ ли здѣсь пасторъ лютеранскій, или самъ суперинтендентъ?

И много народа перебываетъ задаромъ въ острогѣ, прежде чѣмъ придутъ къ убѣжденію, что „происхожденіе секты неизвѣстно“. Дѣло сдадутъ въ архивъ; губернскіе и министерскіе чиновники еще разъ подивятся на чудовищное невѣжество и легковѣріе массы. А ученые зададутся изслѣдованіями, и какъ покойный Надеждинъ о скопцахъ, или же Новицкій о духоборцахъ, перейдутъ море и сушу, чтобы отъискать родоначальника ереси. Не говоря о квакерахъ, меннонитахъ, анабаптистахъ, не забудутъ даже пиѳагорейцевъ. А казалось бы, давно уже

Digitized by Google

миръ ихъ праху, и тревожить ихъ, и съ самимъ Пиѳагоромъ, изъ-за нашихъ духоборцевъ вовсе бы не приходилось!

Полноте, господа! Не зачѣмъ ходить такъ далеко. Однѣ и тѣ же причины, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, способны произвести не разъ и не два, и не въ одной, а въ безчисленномъ множествѣ мѣстностей, одни и тѣ же явленія. Отъ какого гриба выросъ сей грибъ, внезапно явившійся въ лѣсу? Не ищите этого перваго гриба, родоначальнаго прочимъ; тутъ грибная почва; грибныя засѣмененія разсѣяны повсюду. Стоитъ поморосить дождичку, постоять теплой погодѣ и будутъ выходить грибы здѣсь и тамъ, совершенно независимо одинъ отъ другого, хотя и вполнѣ похожіе одинъ на другого.

Какой смыслъ басни сей?

„Гдѣ же историческое нравоученіе, которое, по вашимъ словамъ, вытекаетъ изъ молоканства?“ — Кажется, оно ясно: противъ секты, признаваемой за вредную, у которой однако нельзя найти опредѣленнаго родоначальника, и которая готова возникнуть вездѣ, сама собою, безъ особенныхъ постороннихъ вліяній, слѣдуетъ дѣйствовать не на нее, а на ту почву, которая ее произращаетъ и готова произращать каждый день вездѣ. Простое правило, примѣнимое не къ однимъ сектамъ религіознымъ, но и къ сектамъ политическимъ!

А кстати, этой вредной сектѣ особенно какъ то посчастливилось у насъ за то, что она вредная. Послѣдователей ея, какъ вредныхъ, удалили и отвели имъ на жительство прекраснѣйшія мѣста, способныя обогатить даже и не сектантовъ. А старообрядцы, признаваемые безвредными, еще не имѣютъ угла въ Россіи, гдѣ бы они пользовались такою же безпрепятственною свободою слѣдовать своему толку, какою пользуются молокане, напримѣръ, на молочныхъ водахъ. А саратовскіе заштатные чиновники успѣли ли, наконецъ, за службу свою, вѣроятно, не признанную вредною, выхлопотать земельный надѣлъ, хотя бы вдвое худшій предоставленнаго молоканамъ?

И все имѣетъ однако свое основаніе, и основаніе уважительное: но такъ шутитъ иногда исторія!

Digitized by Google

Отношенія между духовенствомъ и обществомъ и государствомъ.*)

Въ помѣщенномъ въ сегодняшнемъ № письмѣ четыре разные предмета. Обратимъ ихъ въ логическія положенія, чтобы яснѣе видѣть о чемъ идетъ дѣло. 1) Пьяницъ въ духовенствѣ 20%, не болѣе чѣмъ въ другихъ сословіяхъ. 2) Вино, получаемое духовенствомъ съ приходовъ, идетъ частью на самихъ же прихожанъ-крестьянъ, которые къ духовнымъ лицамъ, какъ и къ своему брату крестьянину, придираются при всякомъ случаѣ, представляющемъ благовидный предлогъ потребовать выпивки. 3) Предсѣдатели приходскихъ попечительствъ, мировые посредники, даже цѣлыя земскія собранія, открыто выказываютъ недоброжелательство и неуваженіе духовенству; а въ Москвѣ разные тузы безъ церемоніи распоряжаются самою судьбою причтовъ. 4) Обязанность поставлять выпивки крестьянамъ, лежащая на духовенствѣ на ряду съ прочими, есть даже одна изъ причинъ, почему у насъ упадаетъ пчеловодство и птицеводство.

Хотѣлось бы сказать свое слово по каждому изъ этихъ четырехъ пунктовъ порознь, въ особенности по послѣднему. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ крайне печальное, хотя и несомнѣнное явленіе! Вездѣ соревнованіе ведетъ къ успѣху, у насъ къ упадку. „Ты завелъ пчелъ, гусей, а у насъ ихъ нѣтъ. На же тебѣ!“ И станутъ подшибать гусямъ ноги, пчеламъ дѣлать разныя непріятности, со свѣта сживутъ хозяина, надобно откупаться. А чего бы, кажется, проще, чтобы не завидовать чужому хозяйству, самимъ обзавестись тѣмъ же?

Необходимо вникнуть въ причины этого явленія, и подумать о средствахъ противодѣйствія. Но этотъ общій вопросъ заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія; теперь воротимся къ положеніямъ, которыми корреспондентъ защищаетъ духовенство. „Пьянства въ духовенствѣ не болѣе чѣмъ въ другихъ сосло-

*) С. И. 22 августа, № 230.

Digitized by Google

віяхъ; а другія сословія оказываютъ ему недоброжелательство и неуваженіе"; вотъ вкратцѣ содержаніе этой защиты. Не болѣе чѣмъ въ другихъ сословіяхъ. И это слава Богу? А уважаемый корреспондентъ, въ качествѣ защитника, еще ослабляетъ нѣсколько значеніе факта. Если дѣйствительно въ духовенствѣ 20% пьяницъ, это будетъ болѣе чѣмъ въ другихъ сословіяхъ, за исключеніемъ ремесленниковъ и крестьянъ. На классъ землевладѣльцевъ, на классы купцовъ, чиновниковъ и даже мѣщанъ, положитъ столько процентовъ пьянствующаго люда слишкомъ много, съ этимъ согласится всякій.

„Духовенству не оказываютъ доброжелательства и уваженія не только грубое низшее народонаселеніе, но и классы образованные." И это извиненіе? Но мы прибавимъ еще, что кромѣ мировыхъ посредниковъ или помѣщиковъ вообще, и кромѣ земскихъ собраній, во всемъ мірѣ публицистики, и наконецъ во всемъ мірѣ оффиціальномъ, можемъ замѣчать, не скажемъ недоброжелательство, но..... какъ бы это выразиться?—недостатокъ сердечнаго расположенія къ духовенству. Кто вращался въ оффиціальныхъ сферахъ, тотъ хорошо знаетъ, съ какою неохотою встрѣчается, съ какою нравственною тягостью исполняется какое-нибудь отношеніе консисторіи или просьба духовнаго лица, какъ духовнаго. Мы ни слова не говоримъ, чтобы присутственныя мѣста отказывались исполнять законныя требованія духовныхъ мѣстъ и лицъ. Законъ, конечно, исполняется. Но сами духовныя лица, конечно, засвидѣтельствуютъ внутри себя, что интересы ихъ, какъ духовенства, далеко не принимаются къ сердцу исполнителями закона. Мы не говоримъ также ни слова о высшихъ, государственныхъ учрежденіяхъ. Тамъ уже царитъ мысль о важномъ значеніи церкви въ государствѣ и о правахъ ея на дѣятельное уваженіе. И туда однако не проходитъ ли частію то же недоразумѣніе и то же отсутствіе сердечной готовности, какое встрѣчаютъ духовныя лица въ низшихъ сферахъ?

Да, недоразумѣніе, глубокое недоразумѣніе, вотъ истинное слово, которымъ должны быть названы отношенія между духовенствомъ съ одной стороны и обществомъ и государствомъ съ

Digitized by Google

другой. Мы можемъ представить эти отношенія въ видѣ слѣдующаго спора, сторонами мало высказываемаго, отчасти даже не сознаваемаго. „Правда, нравственный уровень не высокъ въ духовенствѣ; но духовенству прочія сословія не оказываютъ ни уваженія, ни доброжелательства. Перемѣните съ нами обращеніе, окажите намъ вспоможеніе, и мы будемъ иные.“ Такъ мыслятъ и разсуждаютъ защитники духовенства.—„Будьте вы иные, поднимитесь, заставьте себя уважать, дайте намъ почувствовать въ себѣ нравственную нужду, и тогда мы будемъ иные, и вы не будете имѣть поводовъ на насъ жаловаться.“ Такъ разсуждаетъ общество; если не разсуждаетъ оно (оно такъ холодно къ духовенству, что не хочетъ разсуждать), по крайней мѣрѣ, въ этомъ смыслѣ относится.

Итакъ, что прежде и что послѣ? Что должно быть признаваемо причиною и что послѣдствіемъ? Въ этомъ весь вопросъ, и мы въ рѣшеніи его, не обинуясь, становимся на сторону общества. Понимаемъ очень хорошо, что историческія явленія подчинены вообще закону взаимодѣйствія; и что послѣдствіе, каковымъ на этотъ разъ признаемъ неблагопріятное отношеніе общества къ духовенству, отчасти держитъ и самую причину: несомнѣнно, что духовенство отчасти укрѣпляется въ теперешнемъ своемъ состояніи не вполнѣ благопріятнымъ къ нему отношеніемъ общества. Тѣмъ не менѣе мы рѣшительно споримъ противъ мысли, что стоитъ только, говоря стереотипнымъ выраженіемъ, „обезпечить бытъ духовенства“ и оградить его независимость и общественное къ нему уваженіе какими-нибудь болѣе настойчивыми внѣшними мѣрами (законъ и теперь даетъ то и другое огражденіе, но его власть оказывается недостаточною),—и тогда потекутъ, будто бы, рѣки медовыя въ берегахъ кисельныхъ; расколы и суевѣрія исчезнутъ, образованіе народное распространится, нравственность общественная возвысится, и само духовенство будетъ желаемымъ правиломъ вѣры, образомъ кротости и воздержанія учителемъ. Намъ кажется, что представлять ходъ вещей въ такомъ порядкѣ, значитъ представлять вещи вверхъ ногами, и что если коренной вопросъ о церкви и духо-

Digitized by Google

венствѣ начнетъ дѣйствительно рѣшаться такимъ путемъ, то есть, прежде всего внѣшнимъ обезпеченіемъ духовенства, матеріальнымъ,—это поведетъ не къ добру, а къ худу, и прежде всего—къ худу для самой церкви и для самого духовенства. А почему такъ, объ этомъ сказать не замедлимъ.

Отношенія между духовенствомъ и паствою*).

Духовенство въ Россіи въ старыя времена не было неоторванною частью массы, и различалось отъ нея, говоря ученымъ языкомъ, количественно, а не качественно. Немножко поболѣе грамотности, немножко поболѣе начитанности, и то не всегда; немножко болѣе навыка въ богослуженіи, вотъ и все. Но то же воспитаніе, тѣ же преданія, тотъ же бытъ, та же рѣчь, тотъ же образъ воззрѣній, то же происхожденіе или лучше сказать—мѣсторожденіе. Для правительства это была часто земская сила, для земства это были свои отъ своихъ. Отношенія къ приходамъ были несложны; не было вопросовъ, которые могли бы возбуждать сомнѣніе и вести къ раздѣленію. Полученіе званія, зависящее въ одно время и отъ избранія и отъ поставленія; и за тѣмъ немудреныя обязанности отправителя требъ съ одной стороны; и съ другой—вознагражденіе, опредѣляемое иногда предварительнымъ договоромъ, а болѣе обычаемъ. Образцы договоровъ представляются намъ въ старинныхъ актахъ и въ ружныхъ записяхъ; обычай можемъ наблюдать и доселѣ. Одинъ даетъ, потому что такъ ведется изстари, и такъ дѣлается сосѣдями; другой принимаетъ подаяніе потому же самому. Ни та, ни другая сторона не думаетъ о юридической силѣ обычая; ни той, ни другой не приходитъ даже въ голову спросить: грозитъ ли сзади еще какая сила, которая можетъ принудить одну сторону дать, когда она не хочетъ, другую—взять менѣе того, что ей даютъ и чего ей хочется? Это добровольный обмѣнъ услугъ,

*) С. И. 23 августа, № 231.

Digitized by Google

основанный на нравственныхъ отношеніяхъ и одной нравственной же оцѣнкѣ подлежащій, недоступный юридической оцѣнкѣ и не подходящій подъ экономическую.

Вполнѣ ли эти отношенія соотвѣтствовали понятію о паствѣ и пастыряхъ, предначертанному христіанствомъ, это вопросъ другой. Исключительная обязанность пастыря совершать требы и договорное начало, втиравшееся иногда между имъ и паствою, конечно, не могутъ быть одобрены съ безусловной точки зрѣнія. Тѣмъ не менѣе старыя отношенія были по идеѣ гораздо истиннѣе тѣхъ отношеній, въ которыя духовенство начало становиться послѣ и которыхъ большинство теперь страстно желаетъ; и во всякомъ случаѣ оно было безконечно истиннѣе тѣхъ отношеній, въ какихъ стоятъ къ своимъ паствамъ духовенства католическое и протестантское. То были не духовные солдаты папы, для которыхъ нѣтъ ни родины, ни отечества, ни родныхъ, ни присныхъ дѣтей; для которыхъ всѣ нравственныя привязанности сосредоточиваются, по крайней мѣрѣ—должны быть сосредоточены въ духовной родинѣ—Римѣ, и которыхъ дѣйствіе на паству можетъ быть названо не духовною услугою, а духовною эксплоатаціею. То были и не лютеранскіе пасторы, все значеніе которыхъ можетъ быть сокращено въ одно слово, ставшее однозначительнымъ съ названіемъ пастора: докторъ. Докторъ—это есть привиллегированный умъ народа, и привиллегированный только въ силу своего университетскаго диплома, въ силу ученой начинки, которою онъ снабженъ на школьной скамьѣ. Разсуждать, въ какой степени здорово и то и другое отношеніе въ политическомъ, общественномъ и церковномъ отношеніи, считаемъ излишнимъ. И для католическаго патера и для лютеранскаго доктора, паства, самый народъ церковный, есть одинаково жалкая парія, въ смыслѣ требованій духовнаго развитія, и оброчная скотина, въ смыслѣ экономическомъ. Это уже никакъ не носитель вѣры прихода, прихожанами представляемый предъ церковное и гражданское правительство, никакъ не излюбленный самою паствою духовный руководитель, никакъ не свой отъ своихъ духовно. Паства и пастырство въ католическомъ, какъ и въ

Digitized by Google

лютеранскомъ, мірѣ—два особые міра, и отношенія между двумя мірами тамъ и здѣсь суть отношенія духовнаго господства, въ католичествѣ въ силу безусловнаго божественнаго права, въ лютеранствѣ въ силу условной учености. Таковы духовныя отношенія. Въ экономическомъ отношеніи разность положеній въ одномъ вѣроисповѣданіи отъ положенія въ другомъ только та, что католическое духовенство, ища содержаться отчасти и подаяніями, преимущественно любитъ находитъ для себя опору въ независимой собственности, которая бы легче развязывала его и отъ народа и отъ правительства. Лютеранскій же докторъ предпочитаетъ садиться на окладъ, принудительно для него съ народа собранный, нужды нѣтъ, будетъ ли это въ видѣ простого жалованья отъ правительства, или въ видѣ задѣльной таксы, правительствомъ же утвержденной. И патеръ и докторъ одинаково чувствуютъ себя делегатами, одинъ государства римскаго, другой—своего отечественнаго государства, но во всякомъ случаѣ государства, а ни какъ не церкви, и во всякомъ случаѣ представителями власти, авторитета, а не общественнаго свободнаго изволенія.

Долго ли, коротко ли продолжались первообразныя отношенія русскаго духовенства къ приходамъ, но уже въ XVII вѣкѣ расколомъ начинается колебаніе; съ Петромъ оно усиливается; а съ повсюднымъ учрежденіемъ духовныхъ школъ старыя отношенія падаютъ окончательно. Раздѣленіе умственное и нравственное: вотъ было первое послѣдствіе. Иной смыслъ, иныя воззрѣнія, иная рѣчь, иныя требованія, а за тѣмъ презрѣніе,—неизбѣжное послѣдствіе, когда просвѣщеніе народное идетъ не снизу вверхъ, какъ восходящій цвѣтъ народной жизни, а жалуется сверху, сперва въ видѣ образованія высшаго, а затѣмъ средняго, и наконецъ, когда-то образованія первоначальнаго. „Мужикъ—неучъ, суевѣръ, изувѣръ, грубое, непонимающее животное, съ нимъ невозможно толковать.“ Вотъ первый плодъ школьнаго воспитанія духовныхъ, свидѣтельство его и образчикъ любознательные могутъ находить даже въ печатной литературѣ, въ Жезлѣ Правленія Симеона Полоцкаго и въ Обличеніи неправды раскольнической Ѳеофилакта Лопатинскаго.

Digitized by Google

Отнятіе избирательнаго права у приходовъ, образованіе особаго сословія изъ духовныхъ лицъ и потеря духовенствомъ мѣстнаго значенія,—вотъ второе послѣдствіе той же причины и опять точно также неизбѣжное. Когда степень правъ на пастырское званіе стала по-лютерански измѣряться степенью учености, нельзя было оставлять участія въ избраніи пастырей за невѣжественнымъ классомъ, неспособнымъ даже отличить ученаго отъ неученаго, а не только дать сравнительную оцѣнку двумъ ученымъ. Когда школьное обученіе дѣтей поставлено было духовнымъ лицамъ въ непремѣнное условіе, нельзя стало въ это званіе попадать никому, кромѣ дѣтей самого же духовенства. А при этихъ двухъ условіяхъ, нельзя было духовенству сохранить и свое мѣстное значеніе. Духовныя лица стали простыми делегатами епархіальной власти: они бросаемы были архіерейскимъ произволомъ туда и сюда. Кромѣ учености, своекорыстныя желанія и разныя другія соображенія бывали здѣсь двигателями, но всего менѣе мѣстныя нужды и желанія, вообще—близость къ народонаселенію.

Итакъ, единство духовенства съ народомъ было разрушено, связь порвана, сначала внутренняя, а затѣмъ и внѣшняя. Прекращеніе внѣшней связи само съ своей стороны обратно повело къ усиленію нравственнаго отчужденія. Особое происхожденіе, особое воспитаніе образовали и особенное преданіе; сложили и особенный типъ, своеотличительность котораго пролегаетъ рѣзкими чертами даже въ наружномъ видѣ; отлили и особенный складъ мысли, который способенъ сохраниться даже послѣ сильныхъ и притомъ долголѣтнихъ вліяній свѣтскаго воспитанія и свѣтскаго общежитія. Кто не узнаетъ по первой походкѣ дьячка и семинариста, во что бы они ни одѣлись? Какъ легко узнается левитское происхожденіе послѣ первой бесѣды съ человѣкомъ, даже не ограничившимъ своего образованія семинаріею.

Какое отъ новаго положенія вещей произошло послѣдствіе для жизни духовной парода; въ какомъ положеніи очутилось и нравственномъ и матеріальномъ само духовенство; какіе затѣмъ силою обстоятельствъ зародились въ немъ новые идеалы; всего

Digitized by Google

этого мы со временемъ коснемся, и тогда уже поищемъ ключа къ политическому рѣшенію кореннаго изъ изъ коренныхъ вопросовъ,—вопроса о русской церкви и русскомъ духовенствѣ.

Скопчество*).

Защитникъ скопцовъ г. Ф. М., уже являвшійся въ нашей газетѣ, является сегодня еще разъ. Даемъ ему мѣсто, и просимъ у него извиненія, что такъ долго держали его возраженіе подъ спудомъ.

Удивительный однако этотъ г. Ф. М.! Какъ ему хочется удержать споръ на догматической почвѣ! Какъ желательно ему дать видъ, что скопческія операціи производятся единственно по добровольному желанію, внушаемому внимательнымъ чтеніемъ 19 главы отъ Матѳея! И въ то же время тонко намекаетъ онъ, что изъ его статей не слѣдуетъ еще, чтобы онъ былъ скопецъ. Защита стало-быть идетъ отъ лица посторонняго въ дѣлѣ...

Такъ; но откройте, просимъ васъ, свое полное имя; скажите, кто вы; передайте, какимъ путемъ пришли вы къ мысли защищать скопцовъ, вамъ постороннихъ, и почему вы увѣрены въ ихъ невинности и въ уваженіи, питаемомъ ими къ человѣческой свободѣ, если вы имъ посторонній? А если вы скопецъ, и если это такъ невинно, и не только невинно, но даже похвально, для чего отклоняете отъ себя подозрѣніе въ скопчествѣ? Снимите забрало, просимъ васъ; что разговаривать въ потемкахъ!

Скопецъ-нескопецъ желаетъ удержать споръ на догматической почвѣ. Извольте, хотя, какъ мы уже говорили нѣкогда, и какъ повторяетъ г. Ливановъ, споръ такого рода приличнѣе было бы вести на страницахъ собственно духовныхъ изданій. Но предупреждаемъ, мы не станемъ играть въ жмурки, а пойдемъ прямо къ дѣлу.

*) С. И. 5 сентября, № 244.

Digitized by Google

Признаете ли вы Кондратія Селиванова за Христа, и если признаете, то на какихъ основаніяхъ? Вотъ вамъ первый вопросъ; надѣемся, что онъ вполнѣ догматическій. Отвѣчайте намъ на него, и тогда продолжимъ бесѣду.

Что касается обвиненій въ насильственномъ уродованіи, то сверхъ г. Ливанова, представляемъ еще свидѣтеля въ лицѣ стараго прикащика. Онъ говоритъ, что сейчасъ есть мальчики, изувѣченные скопцами; указываетъ улицу, лавку, главнаго дѣятеля. Очень сожалѣемъ, что не можемъ прописать именъ полными буквами. Ужели это тоже клевета? но изъ какихъ побужденій? А если не клевета, то сочтетъ ли нужнымъ г. Ф. М. операцію, производимую надъ несовершеннолѣтними, объяснить тоже добровольнымъ желаніемъ, и тѣмъ же внимательнымъ чтеніемъ 19 главы отъ Матѳея?

Русскій языкъ въ молитвенномъ и учебномъ употребленіи для католиковъ западнаго края*).

Знакомимъ ниже нашихъ читателей съ распоряженіями, которыя должны содѣйствовать введенію русскаго языка въ молитвенное и учебное употребленіе для католиковъ Западнаго края. Въ пользу этой мѣры было писано; писано даже до пресыщенія. Не столь часто и не столь настойчивые раздавались и противные голоса. Зачѣмъ католиковъ насильственно дѣлать поляками? говорили одни. Зачѣмъ искусственно создавать русскихъ католиковъ? говорили другіе. Та и другая сторона разсуждали основательно; та и другая сторона разсуждали неосновательно.

„Зачѣмъ католиковъ насильственно дѣлать поляками?“— Но какъ?—„Заставляютъ молиться по польски.“—Да развѣ можно кого-нибудь заставить молиться и притомъ молиться на томъ языкѣ, на какомъ хочется?—„Но на польскомъ языкѣ

*) С. И. 7 сентября, № 246.

Digitized by Google

совершается богослуженіе; на польскомъ языкѣ печатаются молитвы; на польскомъ языкѣ преподается Законъ Божій.“—Во первыхъ, богослуженіе совершается не на польскомъ, а на латинскомъ. А затѣмъ, развѣ кто заставляетъ печатать молитвы или преподавать Законъ Божій на польскомъ? Не есть ли на это добрая воля молящихся, учащихся, по крайней мѣрѣ, преподающихъ и печатающихъ? И наконецъ, чему тутъ особенно можетъ мѣшать польскій языкъ?

„Да, разсуждаютъ другіе, дѣйствительно католицизмъ въ Западномъ краѣ есть созданіе польское, пускай же и будетъ онъ съ польскимъ языкомъ; давать ему въ орудіе русскій языкъ значитъ производить фальшивое явленіе.“—Однако католицизмъ между русскими въ Западномъ краѣ существуетъ, откуда бы онъ ни произошелъ. Не обращать же ихъ насильственно въ православіе!—„Но и обучить католицизму на русскомъ языкѣ или давать ему молитвы на русскомъ, значитъ давать ему новыя силы, которыхъ онъ не имѣетъ, и укрѣплять въ католицизмѣ народъ, который къ нему по меньшей мѣрѣ равнодушенъ, который его мало понимаетъ и не отличаетъ его сущности отъ другихъ вѣръ.“—Хотя бы и такъ; пускай же во всякомъ случаѣ останется въ Западномъ краѣ одинъ нерусскій элементъ, въ видѣ католицизма, чѣмъ удвоенный въ видѣ католицизма, да еще съ прибавленіемъ къ нему нерусскаго языка.

Таковъ споръ, вся его сущность и все его недоразумѣніе заключается въ словечкахъ: „заставлять“, „давать“, „создавать“, „искусственное“, „насильственно“, „правительство“; въ томъ же вся и странность этого спора. Совершенная правда, что католицизмъ Западнаго края точно такое же нерусское явленіе, какъ и польскій языкъ. Онъ произведенъ нѣкогда насиліемъ Польши надъ Русью, введенъ съ цѣлью задавить русскую народность; и въ немъ доселѣ сохранился вкусъ и преданіе этой старой борьбы и этой старой вражды; въ этой враждѣ и получаетъ онъ въ Западномъ краѣ единственный свой смыслъ. Точно также справедливо, что русское простонародье лишь внѣшнимъ образомъ принадлежитъ католицизму, и что обучать его римскимъ догма-

Digitized by Google

тамъ и, притомъ, по-русски, и переводить на непонятный для него языкъ молитвы, обращаемыя къ признаннымъ польскимъ патронамъ, гонителямъ русской народности, значитъ искусственно воспитывать его во враждебное настроеніе, покамѣстъ ему чуждое. Но за то такая же правда и то, что лучше имѣть дѣло съ однимъ врагомъ, чѣмъ съ двумя; что можно оставаться русскимъ вѣрноподданнымъ, будучи католикомъ; и что связь польскаго языка съ католицизмомъ заставляетъ почти неизбѣжно каждаго католика смотрѣть на себя какъ на поляка. Все такъ и все правда, но къ чему тутъ вмѣшивать правительство? Зачѣмъ ставить вопросъ: что̀ правительство должно дѣлать, создавать, разрушать, заставлять? Въ дѣлѣ вѣры, и въ дѣлѣ языка внѣ общественнаго употребленія, оно не должно ничего дѣлать. Если не желаютъ, какъ и справедливо, оказывать насиліе вѣрѣ, недолжно оказывать насилія языку. И наоборотъ, рѣшаясь искусственно ослабить связь народонаселенія съ чуждымъ языкомъ, какъ можно рѣшиться на столь же искусственное прикрѣпленіе его къ вѣроисповѣданію, не менѣе чуждому? Если это вѣроисповѣданіе считается политически безвреднымъ, хотя и не совсѣмъ справедливо, почему не считать и этотъ языкъ, самъ по себѣ столь же безвреднымъ, что̀ будетъ вполнѣ справедливо? А если завести рѣчь о высшихъ основаніяхъ и о строгой послѣдовательности слѣдовало бы кстати полагать препятствіе и французскимъ обѣднямъ для русскихъ католиковъ, и нѣмецкимъ проповѣдямъ для русскихъ лютеранъ, и татарскимъ моленіямъ для русскихъ магометанъ;—о еврейскомъ богослуженіи нечего и говорить. Все это слѣдовало бы переводить на русскій. Нечего сказать, довольно было бы заботы правительству.

Намъ неизвѣстно въ подробности положеніе края. Потому мы не беремся изрекать непогрѣшимый приговоръ. Но путь свободы, казалось бы намъ, здѣсь, какъ и вездѣ, долженъ бы быть самымъ справедливымъ и самымъ надежнѣйшимъ. Пускай молится всякій на какомъ языкѣ кто хочетъ; противодѣйствовать этому тѣмъ менѣе нужно, что это будетъ безполезно: не можемъ мы въ преслѣдованіяхъ польскаго языка гнаться за нимъ

Digitized by Google

въ домашнюю молитву, тѣмъ менѣе на исповѣдь, и еще менѣе въ молитву мысленную. Нѣтъ нужды запрещать молитвенники польскіе для католиковъ; а тѣмъ менѣе настоитъ нужда и допускаетъ приличіе составлять и издавать отъ правительства для католиковъ молитвенники русскіе. Въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ русскихъ, конечно, не должно быть терпимо никакого преподаванія кромѣ русскаго, и по Закону Божію, все равно какъ по прочимъ предметамъ. Но есть ли нужда, чтобы Законъ Божій по католическому ученію вообще былъ преподаваемъ въ казенныхъ заведеніяхъ на казенный счетъ? Это еще вопросъ, и для русскихъ западныхъ губерній болѣе чѣмъ для кого.

О дѣтяхъ раскольниковъ*).

Въ газетѣ Кавказъ было сообщено правительственное распоряженіе о томъ, что дѣтямъ раскольниковъ дозволено поступать въ учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія безъ вступительнаго испытанія по Закону Божію и безъ обязательнаго посѣщенія уроковъ по этому предмету. Свидѣтельству газеты, имѣющей оффиціальное значеніе, нельзя не вѣрить. Но объ этомъ распоряженіи не было еще упомянуто ни въ одномъ изъ прочихъ оффиціальныхъ изданій, и ни одинъ учебный округъ, кромѣ кавказскаго, не подтвердилъ его ни своими циркулярами, ни обычными объявленіями о порядкѣ экзаменовъ. Что бы это значило? Мы объясняемъ себѣ это такъ. Всѣ дѣла по расколу отмѣчаются въ оффиціальномъ мірѣ какъ секретныя. Ту же участь потерпѣло, вѣроятно, и это распоряженіе о допущеніи раскольническихъ дѣтей въ учебныя заведенія на льготныхъ условіяхъ. Съ другой стороны, самая эта мѣра, можетъ быть, есть не открытое, безусловное право, даруемое раскольникамъ, а условное дозволеніе, примѣнимое лишь къ тѣмъ случаямъ, когда раскольники-отцы нарочито

*) С. И. 13 сентября, № 252.

Digitized by Google

стали бы просить объ освобожденіи своихъ дѣтей отъ обязанности слушать уроки по Закону Божію или же подвергаться испытаніямъ изъ этого предмета.

Но предоставимъ желающимъ разгадать эту загадку. Гораздо любопытнѣе: къ какимъ послѣдствіямъ должна привести эта мѣра? Можно полагать, что новымъ дозволеніемъ, которое дается раскольникамъ, правительство не просто оказываетъ имъ льготу, но вмѣстѣ съ тѣмъ надѣется, что образованіе въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ будетъ содѣйствовать привлеченію раскольниковъ къ православію и отвлеченію отъ раскола. Если это такъ, то надежда, по нашему мнѣнію, совершенно ошибочна. Освобождать отъ уроковъ одного вѣроисповѣданія, не давая вмѣстѣ открытаго права слушать уроки другого, значитъ воспитывать не въ православіи, но въ полномъ невѣріи. Ошибочно даже то предположеніе, что образованіе и расколъ не уживчивы. Самое высокое образованіе уживалось съ самыми грубыми суевѣріями: такъ учитъ исторія. Пусть просвѣщеніе даже откроетъ глаза раскольнику, что иное понимаетъ онъ превратно, иное односторонне, иное суевѣрно: можетъ случиться, какъ и случалось также въ исторіи, что это поможетъ расколу же возвысить себя и еще болѣе укрѣпиться. Суевѣрное отбросится, превратное и одностороннее получитъ иной смыслъ, менѣе невѣжественный и болѣе достойный просвѣщеннаго вниманія.

Итакъ, правительство не должно было давать теперешней новой льготы раскольникамъ? Мы этого не говоримъ. Напротивъ, мы считаемъ эту мѣру неизбѣжною; если бы она не была принята теперь, правительство вынуждено было бы силою вещей принять ее вскорѣ. Но мы не желали бы, чтобъ при этомъ питаемы были несбыточныя надежды, и желали бы напротивъ, чтобы предвидѣно было заранѣе неизбѣжное явленіе, которое считается пока несбыточнымъ: расколъ, владѣющій полною силою просвѣщенія. Было время, и оно не совсѣмъ ушло еще и теперь, когда полною свободою слова, предоставленною расколу непросвѣщенному, православіе могло бы обезпечить себѣ нетрудную побѣду. Но этою свободою цѣлыя двѣсти лѣтъ медлит-

Digitized by Google

ся какъ будто нарочно для того, чтобъ дать возможность противнику развить свои умственныя силы и усилить умственныя средства. Когда это будетъ наконецъ,—а это будетъ непремѣнно; стремленіе къ систематическому образованію въ передовыхъ людяхъ раскола слишкомъ сильно, и сознаніе ихъ въ своей слабости съ этой стороны слишкомъ глубоко и слишкомъ горько; когда, говоримъ, это будетъ наконецъ, и когда теперешній недостатокъ просвѣщенія въ расколѣ восполнится: тогда будетъ уже поздно. Намъ останется только поздравлять себя тогда, что такъ искусно сумѣли мы изъ суевѣрной нетерпимости, имѣвшей въ основаніи невѣжество и недоразумѣніе, создать мало-по-малу дѣйствительное глубокое религіозное раздвоеніе, и притомъ раздвоеніе вполнѣ осмысленное.

О дѣйствіи на расколъ*).

Въ Русскомъ Инвалидѣ помѣщено письмо изъ Новгорода.

„По С.-Петербургскому учебному округу хотя и не было до сихъ поръ ни особаго синодальнаго дозволенія, ни какого либо оффиціальнаго разрѣшенія о принятіи дѣтей раскольниковъ въ народныя училища, но ихъ всегда и вездѣ принимали безпрепятственно и безъ всякаго стѣсненія относительно посѣщенія ими классовъ Закона Божія. Послѣдствіями этой вполнѣ раціональной свободы обученія было то, что дѣти самыхъ строгихъ раскольниковъ и закоренѣлыхъ старовѣровъ, по достиженіи совершеннолѣтія и самостоятельности, добровольно дѣлались православными и расколъ въ такихъ семействахъ самъ собою совершенно прекращался, чему имѣются многіе примѣры“.

Такъ повѣствуетъ Новгородскій корреспондентъ. Когда „имѣются многіе примѣры“, тогда и толковать нечего; можно только пожалѣть, почему авторъ не поименовалъ и не выбралъ изъ многихъ примѣровъ хотя одинъ или два. Примѣры были

*) С. И. 15 сентября, № 254.

Digitized by Google

бы въ особенности наставительны тѣмъ, что посѣщеніе гимназій и реальныхъ училищъ раскольническими дѣтьми способно обратить къ православію не только самыхъ дѣтей, но и ихъ семейства, слѣдовательно, отцовъ, матерей, сестеръ, братьевъ; словомъ, какъ выражается корреспондентъ, „прекратить въ этихъ семействахъ расколъ совершенно“. Какова же сила общаго образованія, даваемаго министерствомъ просвѣщенія, и каково сродство его съ православіемъ! Или же: до чего проникнуто въ петербургскомъ учебномъ округѣ духомъ православія преподаваніе исторіи, географіи, математики, русскаго, латинскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ! Не поучительно ли это?

Да нѣтъ же, не то! Корреспондентъ не говоритъ, чтобы содѣйствовали обращенію въ православіе именно уроки по математикѣ или языкамъ. Онъ говоритъ, что дѣти, которыхъ „принимали безъ всякаго стѣсненія относительно посѣщенія ими классовъ Закона Божія“, сами „охотно посѣщаютъ“ эти классы, „особенно уроки изъ священной исторіи“. Это еще любопытнѣе! Отчего же такъ происходитъ? Это происходитъ въ томъ случаѣ, повѣствуетъ корреспондентъ, „если законоучитель, благоразумно снисходительный, не преслѣдуетъ этихъ дѣтей за двуперстное сложеніе креста и не совсѣмъ правильное чтеніе молитвъ“. Но гдѣ же ему случай преслѣдовать, когда дѣтей „принимали безъ всякаго стѣсненія относительно посѣщенія ими классовъ Закона Божія“? Или, можетъ быть, корреспондентъ именно эту самую свободу посѣщать и не посѣщать классы и называетъ отсутствіемъ преслѣдованія со стороны законоучителя? Но тогда гдѣ же было побужденіе для раскольническихъ дѣтей посѣщать классъ Закона Божія? Должно быть, они разсуждали такъ: „намъ позволяютъ не ходить на этотъ классъ.... ну такъ нѣтъ же, мы пойдемъ и послушаемъ“. А тѣмъ временемъ тамъ толкуетъ законоучитель „благоразумно снисходительный“, который „не преслѣдуетъ за двуперстное сложеніе и за неправильное чтеніе молитвъ“. То есть, какъ же это опять не преслѣдуетъ? Кого? Мальчиковъ, освобожденныхъ отъ обязанности посѣщать классъ, или и всѣхъ другихъ?

Digitized by Google

Чудно что то вообще, и намъ сдается, что все это красныя слова, вызванныя слухомъ о либеральной мѣрѣ, и потому только, что она либеральная. Надобно же сказать, къ какимъ де благимъ послѣдствіямъ приводитъ „эта свобода обученія.“ Но зачѣмъ эти красныя слова? Нельзя ли и безъ нихъ отдать справедливость либеральной мѣрѣ? Мы стоимъ на своемъ: образованіе, даваемое въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, безъ обязательнаго слушанія уроковъ православнаго, какъ и раскольничьяго вѣроучителя, никакъ не способно воспитать дѣтей въ православіи, хотя и согласны, что оно способно охладить привязанность къ расколу (впрочемъ въ самихъ учащихся, а не въ ихъ семействахъ). Словомъ, послѣдствіемъ можетъ быть безвѣріе, по большей мѣрѣ—индифферентизмъ, и только.

„Для достиженія такихъ благотворныхъ послѣдствій,—говоритъ между прочимъ корреспондентъ, разумѣя исправленіе неправильности перстосложенія и уничтоженіе вѣрованія въ живыхъ богородицъ,—необходимо со стороны законоучителя совершенно кроткое съ этими дѣтьми обращеніе и удобопонятное, вполнѣ толковое преподаваніе св. исторіи и объясненіе сущности молитвенныхъ прошеній и значенія крестнаго осѣненія.“

Это иное дѣло. Но эта общая обязанность законоучителя, по отношенію ко всѣмъ дѣтямъ, а не къ однимъ раскольникамъ, и о благотворныхъ послѣдствіяхъ такого обращенія, конечно, никто не станетъ спорить.

Въ томъ-то и дѣло, что вопросъ о расколѣ вообще поставленъ у насъ криво, и одно изъ явленій этого кривого пониманія есть убѣжденіе, что расколъ есть только неразвитость и невѣжество. Но по мнѣнію иныхъ, и православіе есть неразвитость и невѣжество, а по другимъ,—и религія вообще. Это вопросъ условный и воззрѣніе условное, смотря по тому, какъ кѣмъ понимается развитіе и знаніе. Поэтому, ждать искорененія раскола исключительно отъ образованія есть заблужденіе съ нашей стороны столь же жалкое, какъ и ожиданіе атеиста или раціоналиста, что образованіе само по себѣ обратитъ православнаго въ атеизмъ или раціонализмъ. Лѣкарство противъ раскола, какъ и противъ всего, самое дѣйствительное, есть свобода, и притомъ

Digitized by Google

свобода обоюдная. А затѣмъ, сравнительная ревность служителей того и другого вѣроисповѣданія, сравнительная высота самыхъ исповѣданій и ихъ соотвѣтствіе историческимъ привычкамъ народа сами собой довершатъ дѣло. Тогда-то и „кроткое обращеніе“, и „толковое объясненіе“, о которыхъ говоритъ корреспондентъ, получатъ свое значеніе, въ свою очередь....

Пій IX и вселенскій соборъ*).

Итакъ, Пій IX приглашаетъ и Восточную церковь къ себѣ на соборъ. Форму нужно соблюсти. А форма, по мнѣнію Пія IX, этого требуетъ. Онъ глава церкви. Въ числѣ отпадшихъ членовъ цѣлая восточная половина состоитъ въ расколѣ; слѣдуетъ обратиться къ ней, не почувствуетъ ли она наконецъ? Припоминаетъ папа прежніе соборы и между прочимъ Флорентинскій: въ нихъ находитъ онъ для себя право созвать соборъ и обязанность, между прочимъ, призвать на соборъ восточныхъ епископовъ. Нужды нѣтъ, что исторія соборовъ, и именно древнѣйшихъ соборовъ, не очень соотвѣтствуетъ воззрѣніямъ, въ которыхъ папа воспитанъ и которымъ даетъ онъ теперь практическое примѣненіе: такъ дѣлалось въ послѣднія времена, когда Римъ призналъ себя единственною церковью, и когда римскій епископъ нашелъ въ себѣ епископа епископовъ.

Но предоставимъ блаженнѣйшему епископу Рима утѣшаться надеждами; если только онъ еще имѣетъ надежды, а не просто исполняетъ форму, признаваемую за обязанность званія. Между прочимъ, въ своемъ посланіи Пій IX вспоминаетъ, что по восшествіи на первосвятительскій Римскій престолъ онъ уже обращался съ безплоднымъ словомъ къ Восточной церкви.

*) С. И. 30 сентября, № 269.

Digitized by Google

Да, дѣйствительно было безплодно слово Пія IX, обращенное имъ въ 1847 году къ восточнымъ епископамъ. Нѣтъ, слово это было плодотворно, только въ обратномъ смыслѣ. Патріархи восточные, исполняя долгъ братской любви, отвѣчали тогда блаженному папѣ своимъ посланіемъ. Нѣтъ нужды передавать вполнѣ его содержаніе: но между прочимъ, на приглашеніе къ покорности, съ которымъ отнесся къ патріархамъ папа, они выразили, что если бы они—патріархи, епископы и весь клиръ изъявили согласіе принять римскіе догматы, это еще не давало бы всего, и не ручалось за согласіе всей церкви; что тѣло церкви не въ клирѣ только, но и въ народѣ.

Дорогія слова. Припоминаются они теперь, при новомъ приглашеніи, обращенномъ къ намъ папою. Ими вкратцѣ выражается все жизненное существо отличія Восточной церкви отъ Римской. Вѣрующая паства не есть слѣпая паства, не есть паства только повинующаяся; догматъ живетъ одинаково,—по крайней мѣрѣ долженъ жить въ народѣ, какъ и въ клирѣ, и обязанность исповѣданія и учительства, возлагаемая церковью на клиръ, не есть еще его исключительное право; съ тѣмъ вмѣстѣ и обязанность управленія, возлагаемая на епископовъ, не есть еще для нихъ право полнаго законодателя.

Отвѣтятъ ли патріархи восточные, съ русскимъ и аѳинскимъ синодами включительно, на новое посланіе папѣ? И что и какъ отвѣтятъ? Воспользуются ли случаемъ, чтобы вслухъ всего христіанскаго міра, съ братскою любовію преподать Пію IX нѣсколько уроковъ, которые смирили бы старое высокомѣріе Рима и вознесли древнее смиренное достоинство церкви? Къ сожалѣнію, всѣ такія дѣла совершаются у насъ въ полнѣйшей темнотѣ. Судя по прошлымъ примѣрамъ, много, много, если православный міръ,— и даже позже, чѣмъ самъ папа съ своею паствою,— будетъ извѣщенъ отъ церковнаго правительства: „что такое-то посланіе отъ папы было получено и на него послѣдовалъ отвѣтъ такого-то содержанія,“— изготовленный впрочемъ чьимъ совѣтомъ, какъ, и почему такъ, не вѣдомо.

Digitized by Google

А въ виду ополченія, чрезъ вселенскій соборъ воздвигаемаго папою на собственный свой церковный народъ; въ виду этого окончательнаго историческаго выраженія, которое готовится повѣдать о себѣ Римъ съ небывалою доселѣ искренностью; въ виду этихъ соборныхъ опредѣленій, которыми исповѣданіе, слывущее церковью, назоветъ себя не тѣмъ, чѣмъ церковь есть, то есть свободою и любовію, а чѣмъ она не есть: деспотизмомъ и гоненіемъ: въ виду всего этого не требовалось ли бы, чтобы оказанъ былъ въ поученіе всему христіанскому міру блистательный противоположный примѣръ противоположнымъ міромъ восточнымъ? Да, слѣдовало бы не только блистательно вразумить папу, и съ нимъ вмѣстѣ все его католическое стадо, но и блистательно осуществить на дѣлѣ тѣ начала, изъ которыхъ истечетъ вразумленіе. Се нынѣ время благопріятно. На очереди церковный вопросъ, на очереди давно; но теперь болѣе, чѣмъ когда, приступить къ очищенію внѣшняго вида церкви отъ всего, случайно къ ней приросшаго, не церковнаго, было бы и славно и достойно.

О положеніи духовенства.*)

Не трудно распознать вкусъ и запахъ корреспонденціи изъ Звенигородскаго уѣзда. Она писана очевидно клерикаломъ, то есть лицомъ, принадлежащимъ къ такому направленію, для котораго выгоды и благосостояніе духовенства значатъ болѣе, нежели выгоды, благостояніе, свобода, права и обязанности всего общества, болѣе нежели даже тѣ нравственныя требованія, которымъ по теоріи должно служить духовенство. Любопытно прислушиваться, какъ эти люди разсуждаютъ, какъ они умозаключаютъ.

Нравственность народа стоитъ не на высокой степени, умственное развитіе тоже. Корреспондентъ-клерикалъ это знаетъ, и отсюда начинаетъ онъ вести свою аттаку. Разсказываетъ

*) С. И. 7 октября, № 276.

Digitized by Google

случай всенародно оказанной неблагопристойности; разсказываетъ случай грубаго суевѣрія, впрочемъ давно всѣмъ извѣстнаго. Тому и другому онъ былъ, видите, свидѣтелемъ, и какъ человѣкъ, конечно, начитанный обращается къ священнику съ удивленіемъ, почему дѣйствіе духовнаго отца на паству такъ слабо. Что-жъ на это, яко бы, отвѣчаетъ священникъ? Легко, говорить, разсуждать о нашихъ обязанностяхъ; но трудновато ихъ исполнять. Разъ рѣшился было я крестьянъ усовѣщивать; вижу, смотрятъ на меня косо. А я отъ нихъ завишу. Приходится отъ нихъ побираться, а не очень они будутъ тароваты, когда ихъ будешь обличать. Въ одномъ мѣстѣ за исполненіе своего пастырскаго долга священникъ подвергся даже важной опасности. Вотъ если бы напримѣръ казенное жалованье....

Знакомо.

Отдадимъ справедливость искренности. Священникъ, или тотъ кто влагаетъ ему рѣчь въ уста, даже не обѣщаетъ, чтобъ отъ пастырской проповѣди, хотя бы при жалованьѣ, былъ какой-нибудь прокъ: онъ обѣщаетъ только проповѣдывать, сознаваясь, что теперь и этого не дѣлается.

„Но если вы не обѣщаете плода отъ вашей проповѣди, за что же государство будетъ васъ содержать? Къ чему и ваша проповѣдь?“ Вотъ что вамъ скажутъ многіе. А за этими многими послышатся и еще многіе, которые скажутъ вамъ мрачно и грозно: „къ чему—вы сами“.

Можетъ быть на этотъ вопросъ спохватятся иные, и отвѣтятъ такъ: „будетъ проповѣдь, будетъ и плодъ“. Но гдѣ ручательство? Если проповѣдь теперь не дѣйствительна и лишь вызываетъ косые взгляды, почему она вызоветъ взгляды ласковые, или найдетъ уши благосклонныя послѣ? Должно ли считаться казенное жалованье, вопреки убѣжденію всего свѣта, особенно способнымъ возбуждать довѣріе къ лицамъ и особую внимательность къ рѣчамъ, и притомъ рѣчамъ не только снисходительнымъ, но даже суровымъ, обличающимъ?

Какъ мы жалѣемъ, что ограниченные размѣры нашего изданія и боязнь наскучить однообразіемъ не позволяютъ намъ

Digitized by Google

развернуть во всей широтѣ этотъ насущный вопросъ о положеніи духовенства, и обнажить всю ужасающую слѣпоту, въ которой пребываютъ простодушные, разсуждающіе подобно выведенному на свѣтъ звенигородскому священнику. (А подобно ему разсуждаетъ почти все приходское духовенство).

„Къ чему вы сами, и само то, чему вы служите?“ Нѣтъ, они не слышатъ этого голоса, несущагося изъ конца въ конецъ по Европѣ, подъ торжествующею хоругвію ежедневно усиливающагося и ежедневно умножающагося невѣрія. Они не видятъ, что ощущеніе, вызвавшее этотъ голосъ,—вызывающее его совершенно законно въ Европѣ, гдѣ историческое служеніе духовенства, дѣйствительно, искони равнозначительно было всеобщему стѣсненію и помраченію,—что это ощущеніе цѣликомъ переносится къ намъ, и что мысль имъ пораждаемая вторится, что она сквозитъ во всемъ, на чемъ только лежитъ печать достоинства внутренней силы, что она служитъ началомъ, подкладкою, зримымъ и незримымъ сопутникомъ всего умственнаго движенія. Съ простодушіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, все наше печатающееся духовенство, само не замѣчая, вторитъ этой мысли, и становится тоже не замѣчая, въ ряды проповѣдниковъ невѣрія.

„Къ чему вы сами, когда ваше служеніе не въ состояніи держаться собой?“ Къ чему? Какъ къ чему? Мы отрасль государственнаго благоустройства; мы духовная полиція; нами царства крѣпки. Вотъ что отвѣчаютъ на этотъ вопросъ защитники духовенства, не всегда тѣми самыми выраженіями, но всегда въ этомъ смыслѣ.... И ни одинъ изъ тысячи, ни одинъ изъ десяти тысячъ не подозрѣваетъ всей глубины безвѣрія, сказывающагося въ этой исповѣди,—глубины тѣмъ болѣе увлекающей, исповѣди тѣмъ болѣе убѣдительной, что она сказывается служителемъ вѣры....

Digitized by Google

О терпимости къ расколу.*)

Повидимому, пора бы всѣмъ убѣдиться безъ изъятія, что все сомнѣніе относительно будущихъ правъ старообрядчества можетъ быть въ порядкѣ и пространствѣ осуществленія, говоря иностраннымъ словомъ, только—въ формулированіи правъ. Но противъ самой необходимости полноправія старообрядцевъ спорить нельзя, хотя бы уже потому, что это значило бы тратить порохъ даромъ. Двѣсти лѣтъ—много времени, все переиспытано. Остается ждать чуда, чтобы спустя столь долгое время и послѣ столькихъ безплодныхъ опытовъ послѣдовало, наконецъ, упраздненіе раскола: но чудо могло бы быть и прежде. Пускай не отчаиваются, что возможность для него не исчезнетъ и тогда, когда будутъ признаны не только фактъ, но и права старообрядчества.

Обвиненіе въ подкупѣ—заржавѣлый аргументъ, знаемъ, какъ легко пускается онъ въ оборотъ, и сами лично испытали на себѣ его силу. Это было давно, тогда еще, когда не только сказать слово въ пользу раскола, но просто показать его смыслъ, какъ историческаго явленія, считалось въ глазахъ высшихъ лицъ, и именно духовныхъ, преступленіемъ, посягательствомъ противъ вѣры.

Запугиванье правительства—оружіе гнилое, даже опасное: оно легко обращается противъ самыхъ воителей. Если въ расколѣ есть зародышъ неблагопріятныхъ отношеній къ правительству, чѣмъ могутъ они скорѣе быть предотвращены: ничѣмъ не оправдываемою строгостью, или правдой и милосердіемъ. Только слѣпой способенъ не видѣть, что строгими мѣрами противъ раскола не на себя, а на другихъ работало правительство. Сначала посредствомъ ихъ населяло оно польскую землю, потомъ Молдавію, награждая то Рѣчь Посполитую, то Порту Оттоманскую неожиданными подданными. Затѣмъ та же нетерпимость помогла создаться враждебному гнѣзду въ Австріи, а самой Австріи дала поводъ мечтать объ обладаніи опаснымъ для Россіи орудіемъ въ лицѣ раскольничей іерархіи и дразнить

*) С. И. 4 ноября, № 304.

Digitized by Google

наше національное достоинство почестями, оказываемыми іерарху, нами отрицаемому, и колокольнымъ звономъ, которымъ сопровождаются въ Бѣлой Криницѣ всѣ его шествія и изшествія.

Что же затѣмъ остается, чѣмъ мы станемъ брать, и почему наконецъ старообрядчеству должно менѣе оказывать покровительства, чѣмъ—ну хоть лютеранству? И для чего? „Дорого единство церкви“.... Что же изъ того?—„Расколъ пребываетъ въ невѣжествѣ, это грубое суевѣріе“.... Что же изъ этого?

Нѣсколько разъ принимались мы сказать что нибудь по этому вопросу. Двукратно читали вызовъ на это, съ которымъ обращался къ намъ почтенный издатель „Русскаго“ во время печатныхъ пререканій своихъ съ издателемъ „Москвы“. Но каждый разъ мы затруднялись, о чемъ же говорить и на что отвѣчать. Мы не понимаемъ, мы не видимъ, чего собственно хотятъ, и почему хотятъ, смущающіеся проповѣдью о свободѣ совѣсти.

Чего, почему и для чего вы хотите въ самомъ дѣлѣ? Скажите по крайней мѣрѣ; но мы не слышимъ, чтобы было что нибудь сказано: не можемъ поймать никакой мысли, не видимъ, за что бы ухватиться: не понимаемъ, съ чѣмъ собственно спорятъ, чего и почему боятся. Самъ почтенный издатель „Русскаго“ высказалъ только одно: опасеніе, что при широкой вѣротерпимости очень много перейдетъ въ расколъ. Выслушиваемъ, и все еще не понимаемъ, идемъ и спрашиваемъ про себя: что же изъ этого?—Говорятъ, другимъ отвѣтъ на этотъ вопросъ какъ-то представляется до того яснымъ, что они считаютъ излишнимъ даже договаривать его, полагая, что онъ также ясенъ и всѣмъ. Но мы признаемся, что для насъ это нисколько не ясно. Итакъ, много перейдетъ въ расколъ; не станемъ оспаривать факта, хотя и имѣли бы право требовать, чтобъ онъ былъ доказанъ. Но оставимъ, и ограничимся вопросомъ, что же изъ того слѣдуетъ?—Объясните, и будемъ толковать. Во имя истины и во имя общественнаго блага, настойчиво повторяемъ свой вопросъ. Вѣдь, надо же общественному мнѣнію придти къ какой нибудь твердой мысли по этому, слишкомъ, слишкомъ важному пункту.

Digitized by Google

О необходимости собора для рѣшенія греко-болгарскаго церковнаго вопроса. *)

Разрывъ дипломатическихъ сношеній между Турціею и Греціею, по вчерашнимъ извѣстіямъ уже состоявшійся, по извѣстіямъ, сейчасъ полученнымъ, все равно—почти несомнѣнный; таинственная восьмисотътысячная армія въ Австріи; нисколько не таинственное подталкиванье Венгріи графомъ Бисмаркомъ; перемѣна министерства въ Англіи, гдѣ на мѣсто разумнаго лорда Станлея садится старый знакомый лордъ Кларендонъ, а съ нимъ и не менѣе памятный мистеръ Лейардъ, столь упорный защитникъ всѣхъ турецкихъ мерзостей; да еще къ нимъ въ придачу самъ лордъ Россель, хотя бы безъ портфеля. А тамъ, вдали, подъ синимъ небомъ Италіи виднѣется вселенскій соборъ, будущій довершитель Тридентскаго собора, слывшаго доселѣ послѣднимъ довершеніемъ католичества. Въ Испаніи смутно; зачинаются слухи о возможномъ вліяніи Наполеонства.—Вотъ вчерашнее положеніе Европы. Вѣроятно, оно же есть и сегодняшнее. Телеграфъ принесетъ въ эту ночь, можетъ быть, какія нибудь дополненія, но едва ли сообщитъ что новое.

Случайно ли соединилось все это вмѣстѣ? Въ историческомъ ходѣ вещей, конечно, это не случайность; но многое не случайно совпало и въ личныхъ намѣреніяхъ лицъ, правящихъ судьбами царствъ. Бисмаркъ и Бейстъ, его величество султанъ и венгерскій государственный аппетитъ, тутъ есть связь. Высокой Портѣ въ этой комедіи съ рѣчами и монологами оставлена, конечно, самая послѣдняя и жалкая роль; ей придется только затворять и отворять двери, впускать и выпускать гостей. Но чтожъ до того! О благоденствіи Высокой Порты признано за правило заботиться только тогда, когда имѣется въ виду подставить чѣмъ-нибудь ногу Россіи. А для Венгріи все возможно; ей все простительно; ей даже необходимо будетъ

*) С. И. 25 ноября, № 325.

Digitized by Google

усилиться на счетъ Турціи, чтобъ дать въ свою очередь Германіи расшириться на счетъ Австріи. Какимъ образомъ это будетъ возможно? Не подъ видомъ ли помощи султану? Или не посредствомъ ли жалобъ на Румынію, доведенныхъ до послѣдней крайности? Впрочемъ, лишь бы цѣль была сознана ясно; въ политикѣ о средствахъ не церемонятся.

Внутри Турціи—нестроеніе между христіанскими племенами, и нестроеніе, имѣющее своимъ основаніемъ вопросъ самый ѣдкій, самый кровный, и вдобавокъ — не поддающійся мирнымъ рѣшеніямъ вотъ уже сколько лѣтъ! Греки съ болгарами не могутъ поладить. Сейчасъ нами прочитанная въ Московскихъ Вѣдомостяхъ корресподенція изъ Константинополя сообщаетъ извѣстіе неимовѣрной важности, въ видѣ слуховъ бродившее правда уже и въ иностранныхъ газетахъ,—что для рѣшенія церковнаго болгарскаго вопроса предполагается, наконецъ, созвать соборъ изъ представителей всѣхъ самоглавныхъ православныхъ церквей. Міръ православія, готовящійся собраться рядомъ и лицомъ къ лицу съ собирающимся въ послѣдніе и съ послѣдними силами западнымъ міромъ: какая великая историческая минута! Можетъ быть, мысль о соборѣ не осуществится, но важно, что она есть, а, слѣдовательно, непременно осуществится, не такъ, то иначе, не сейчасъ, то завтра. Это не изъ тѣхъ мыслей, которыя заглыхаютъ. Соборъ *долженъ* быть, а потому онъ будетъ. Слишкомъ много накипи наросло на внѣшнемъ зданіи церкви, такъ что и ликъ ея распознать теперь не легко: слишкомъ много внутреннихъ недоразумѣній накопилось, и успокоивалось доселѣ на умалчиваніяхъ и зажмуриваніяхъ, и на вздохахъ: „конечно, вотъ если бы соборъ.... но къ несчастію онъ невозможенъ“....

Нѣтъ, онъ возможенъ, и время приспѣло, и безъ него обойтись будетъ нельзя. Обстоятельства церковныя сплелись съ политическими такъ, что нельзя ни отмолчаться, ни ограничиться вздохами. Однимъ событіемъ подгоняется другое; спящаго будитъ бодрствующій; хотите пошевельнуться здѣсь, задѣваете тамъ. Что такое Турція?—Соборъ разноплеменностей.

Digitized by Google

Что съ ними дѣлать?—Но что бы ни дѣлать, онѣ суть единство церковное, и вы наталкиваетесь на историческое право, цѣлымъ тысячелѣтіемъ укрѣпленное. Добровольная уступка со стороны патріархіи не возможна, какъ невозможно и Болгаріи добровольно отказаться отъ своего *естественнаго* права, вызваннаго народнымъ пробужденіемъ: замять невозможно. Не возможна и сдѣлка; если бы она была возможна, растравить рану слишкомъ выгодно будетъ для другихъ. Развѣ не искала и не ищетъ поживы здѣсь унія? Развѣ патріархія есть представительница только идеи іерархической, а не вмѣстѣ и политической, такъ называемой, „великой идеи"? Развѣ великая идея не бродитъ въ самой Греціи, въ независимой Греціи? Скрутить, затоптать, рѣшить отвнѣ, насильственно: но это—вызвать явный расколъ. Онъ слишкомъ выгоденъ и для западной политики, и для западной церкви, и уже потому невозможенъ. Какъ бы велико ни было взаимное озлобленіе грековъ и болгаръ, но начать болгарскою же церковью новый расколъ, изъза которой уже состоялся ровно тысяча лѣтъ назадъ великій расколъ западный, и начать именно на радость этого западнаго раскола... Нѣтъ, этого не допуститъ ни грекъ, ни болгаринъ, по простому чувству достоинства, не говоря о другихъ, высшихъ побужденіяхъ. Соборъ неизбѣженъ; а онъ, по самому свойству спорнаго вопроса можетъ быть не иначе, какъ соборомъ всего православія.

Соборъ по вопросу греческо-болгарскому будетъ вопросомъ объ отношеніи іерархіи къ національности, а отчасти и объ отношеніи іерархіи къ государству, такъ какъ теперешнее отношеніе патріархіи къ болгарскому народу условлено именно государственнымъ значеніемъ ея въ Турціи, и прежде всего—въ Византіи. А какой вопросъ есть вопросъ будущаго римскаго собора? Тотъ же вопросъ о положеніи вѣры въ государствѣ (по отношенію къ національностямъ римская церковь себя уже опредѣлила; она римская, и не хочетъ быть иною). Съ вопросомъ о положеніи вѣры въ государствѣ теперешнему главѣ католичества представляется тѣсно связаннымъ и отношеніе

Digitized by Google

вѣры ко всей области внѣшняго знанія (свобода ученія, свобода обученія и свобода мысли вообще). Маститый папа въ своемъ *Перечнѣ заблужденій* (Syllabus errorum), по крайней мѣрѣ, самъ не иначе какъ въ этой связи и представляетъ себѣ современное положеніе католическаго вопроса. Оно таково и есть на самомъ дѣлѣ. Но это вопросъ не одного католичества. Это вопросъ всей церкви, точно также связанный съ вопросомъ о положеніи вѣры въ государствѣ,—вопросъ поставленный еще полторы тысячи лѣтъ назадъ; замятый Константиномъ; еще болѣе сбитый съ позиціи послѣдующею Византіею; въ кривой односторонности рѣшенный мысленно, но не дорѣшенный на практикѣ въ Римѣ; поискавшій себѣ другаго рѣшенія въ протестантствѣ и окончательно сбившійся съ толку: пришедшій въ одной струѣ протестантства къ отрицанію живаго существа вѣры и къ отрицанію живаго существа церкви, чрезъ критическій раціонализмъ и чрезъ государственную церковь,—Евангелическую и Учрежденную (одна другой впрочемъ вполнѣ стоятъ); и въ другой, повидимому, противоположной струѣ протестантства пришедшій опять къ тому же отрицанію но уже въ формѣ случайно-личнаго вдохновенія какихъ-нибудь квакеровъ и иллюминатовъ, разрѣшившагося, наконецъ, уродливымъ, хотя и вполнѣ законнымъ дѣтищемъ—мормонизмомъ.

И опять вопросъ къ ней, все къ ней же, къ русской церкви. Ты, величающая себя свободною, и дѣйствительно единая свободная въ томъ смыслѣ, что одна можешь раскрывать духовное просвѣщеніе вѣры во всей его христіанской широтѣ, не стѣсняемая внѣшнимъ вліяніемъ, которое бы имѣло притязанія на твое внутреннее достоинство и твою внутреннюю мысль: готова ли ты? Слышишь ли свое призваніе? А уже толкалась къ тебѣ, и гордая англиканская церковь, хотя бы чрезъ Пюсеитовъ. А уже обращались къ тебѣ взорами и изъ католической Франціи, и изъ нѣмецкаго протестантства....

Читатели понимаютъ, что мы употребляемъ на этотъ разъ слово церковь преимущественно въ томъ смыслѣ, въ какомъ любятъ употреблять церковные школьники, когда напримѣръ

Digitized by Google

объясняютъ они съ особаго рода кощунственнымъ остроуміемъ о прихожанахъ, что „они любятъ ходить въ церковь и любятъ, чтобы церковь къ нимъ ходила“. Но впрочемъ вопросъ приложимъ и ко всему собору русскихъ православныхъ христіанъ. Ну чтожъ, какіе запасы духовнаго просвѣщенія выставимъ мы на показъ, съ какимъ мысленнымъ оружіемъ выступимъ? Бьетъ ли у насъ ключемъ живая струя, или же явимся застоявшимся безжизненнымъ болотомъ, и притомъ болотомъ, воображающимъ, что въ мертвенной-то безжизненности и заключается духовно-умная жизнь вѣры....

О папской власти.*)

Его святѣйшество султанъ въ Римѣ, и его величество папа въ Константинополѣ.... Что это мы говоримъ?—мы хотѣли сказать: папа въ Римѣ и султанъ въ Константинополѣ. Но впрочемъ это все равно: папа въ Римѣ и султанъ въ Константинополѣ это одно и то же и сами они оба сознаютъ свое духовное родство, свое тождество, короче сказать, признаютъ себя близнецами. Фуадъ-паша на дняхъ имѣлъ честь представляться Пію IX. Какъ обрадовалось его святѣйшество. Чему? Вѣроятно, оно обрадовалось случаю показать смиренное достоинство христіанскаго пастыря и бесѣдою своею возвысить крестъ надъ полумѣсяцемъ. Нѣтъ, папа очень обрадовался, что предъ нимъ представитель его лучшаго друга, его величества султана, лучшаго друга Христова намѣстника во всей Европѣ; радуется и Фуадъ: его величество султанъ изъявилъ сожалѣніе, вѣщаетъ онъ святѣйшему отцу, что во время путешествія по Европѣ онъ не могъ посѣтить папу. Ничего, съ улыбкою спѣшитъ утѣшить государь-пастырь, кто знаетъ? за то я можетъ быть навѣщу Константинополь. Вѣдь, вамъ извѣстно, что Христосъ далъ мнѣ всю землю; что царство мое простирается до Дарданеллъ и далѣе, но оно не угрожаетъ вла-

*) С. И. 7 декабря, № 337.

Digitized by Google

дѣніямъ султана. Наша участь общая. Возьмемъ хотя наши отношенія къ сосѣдямъ: его величество находится совершенно въ томъ же положеніи, какъ и я: у меня Піемонтъ; у него тотъ же Піемонтъ, въ лицѣ Россіи; а у меня тотъ же царь, въ лицѣ итальянской революціи. Обоимъ намъ угрожаютъ тѣ же опасности, и наши собраты по престолу держатся совершенно тѣхъ же правилъ въ отношеніи къ кресту, какъ и къ полумѣсяцу. Но вашъ государь вѣритъ, по крайней мѣрѣ, въ своего пророка, а прочія правительства нашего времени не вѣрятъ въ Бога.

Кратковременность церемоніальной аудіенціи помѣшала продолжать этотъ разговоръ, сообщенный римскимъ корреспондентомъ англійской газеты Pale Mall и передаваемый нами съ буквальною точностью. Если бы времени достало, то единогласно оплакивая современное положеніе міра, съ представителемъ своего лучшаго друга, государь-епископъ, вѣроятно, дошелъ бы до признанія, что одинаковая участь, преслѣдующая ихъ, есть только отраженіе и послѣдствіе внутренней ихъ духовной близости. Уже и въ этомъ короткомъ разговорѣ они успѣли сознать себя, что ихъ тянетъ одного къ другому. И какъ не тянуть? Они представители совершенно одного начала, только раздѣленные особенностями внѣшне-историческихъ обстоятельствъ.

Да, папа въ Римѣ это есть христіанскій султанъ, а султанъ въ Царьградѣ это есть магометанскій папа. Въ томъ и другомъ совмѣщено владычество духовное и свѣтское, и свѣтское владычество у того и другого предполагается существомъ духовнаго начала. Султанъ, впрочемъ, менѣе послѣдователенъ, чѣмъ его христіанскій собратъ, и магометанство въ лицѣ его идетъ на большія уступки человѣчеству и даже христіанству, чѣмъ рѣшается папа съ своимъ Римомъ. Пусть коранъ велитъ огнемъ и мечемъ обращать неправовѣрныхъ къ пророку. Это остается мертвою буквою и таковою молча признается теперь самими правовѣрными. Юные Турки, наведшіе на себя лоскъ въ политехнической и другихъ школахъ Парижа, эти по чьему-то остроумному выраженію „кабаны, облагородившіеся въ свиней,“ признаютъ права просвѣщенія, свободы, человѣколюбія.

Digitized by Google

Положимъ, что они этого не исполняютъ; но они признаютъ, и того довольно; ихъ идеалъ, ихъ вѣра стала другая, а не вѣра корана, хотя они и не перестаютъ признавать себя мусульманами. Но Римъ упорно повторяетъ non possumus. Свобода—грѣхъ, просвѣщеніе—діавольское навожденіе, и если бы у папы было владѣній и солдатъ хотя бы столько, сколько у султана, можно ли сомнѣваться, что заповѣдь корана исполнена была бы съ послѣдовательностью достойною Иннокентія III. Sullabus errorum не оставляетъ въ этомъ сомнѣнія; предназначаемый вселенскій соборъ, цѣль котораго опять разразиться проклятіями на просвѣщеніе и свободу, есть дальнѣйшее подтвержденіе.

Съ какою неотразимою логикою дѣйствуетъ исторія. Папы и Халифы—крестовый походъ: борьба и повидимому противоположность; ничуть не бывало, это братство и тождество. Два господина дерутся изъ за обладанія нѣсколькими кубическими футами воздуха; льется кровь, летятъ щепки. Пусть это безумство; соперники не видятъ, что воздухомъ овладѣть нельзя: что споръ о владѣніи можетъ быть предъявляемъ только на стѣны зданія и на его фундаментъ, а никакъ не на воздухъ, который гнѣздится въ его порахъ и въ его очертаніяхъ, и котораго теченіе ничѣмъ неудержимо. Но это безумство есть ихъ общее безумство. И тотъ и другой служатъ тому же: они только не узнаютъ другъ друга, не узнаютъ своего родства, ихъ раздѣляютъ недоразумѣнія. А потомъ течетъ время, живетъ человѣчество, страдаетъ, углубляется, и снова страдаетъ; оно дострадалось, по крайней мѣрѣ, до отрицательнаго понятія, что духовное не покоримо вещественной силѣ, что оно есть свобода, изнутри опредѣляемая. Мечтать о противномъ, и дѣйствовать въ противность этому—противоестественно, а слѣдовательно безчеловѣчно, а слѣдовательно и не по христіански.

Половину этого вывода и сознало человѣчество въ новомъ своемъ движеніи, противопапскомъ. Но это новое движеніе само еще не узнало себя и не умѣетъ себя назвать своимъ именемъ. Оно еще мѣшается въ понятіяхъ. Благодаря болѣе всего тому же папству, а отчасти, благодаря и языческимъ осадкамъ, которые еще ранѣе папства остались на внѣшнемъ

Digitized by Google

положеніи и устройствѣ церкви отъ стараго языческаго Рима,— оно считаетъ себя противоцерковнымъ, противохристіанскимъ и даже безбожнымъ; въ этомъ смыслѣ считаетъ оно себя обязаннымъ отчасти и дѣйствовать. Новое недоразумѣніе. Нужды нѣтъ. Все равно, рано или поздно, придетъ время и само себя не узнающее человѣчество, въ новыхъ движеніяхъ свободы и просвѣщенія, узнаетъ себя, сбросить шелуху, въ которую оно завертывается; отбросить то не истинное, что недоразумѣніемъ примѣшивается къ его понятіямъ, къ его мечтамъ и практическимъ осуществленіямъ. Но черта между Римомъ и истинною духовною жизнью человѣчества уже прошла, и чѣмъ далѣе пойдетъ время, чѣмъ далѣе пойдетъ работать человѣчество неузнаваемому имъ христіанству: тѣмъ далѣе и далѣе будетъ расходиться эта раздѣляющая черта. А католичество, съ Римомъ во главѣ, тѣмъ неудержимѣе потянется къ тому, чему оно духовный братъ и чему одинаково, какъ и Риму, противостоитъ современное направленіе человѣчества,—къ дикому мусульманству. Султанъ побратается съ папою, и монсиньоры признаютъ своихъ двойниковъ въ муфтіяхъ. Было уже время, что французскій архіепископъ во время крымской войны воздвигалъ благословляющій крестъ надъ католическимъ воинствомъ, отправляющимся въ мусульманскихъ рядяхъ сражаться противъ схизматиковъ. Отчего же и турецкому муфтію не благословить католиковъ на походъ противъ христіанъ-гяуровъ.

Часъ этотъ, можетъ быть, не очень даже далекъ, и объявится человѣчеству паденіемъ—вѣроятно одновременнымъ и Рима и Стамбула. Мы, русскіе, можемъ утѣшать себя, что въ этой борьбѣ удѣлено намъ исторіею высокое и славное мѣсто. Мы занимаемъ то мѣсто на востокѣ противъ восточнаго Рима магометанскаго, какое цивилизація занимаетъ на западѣ противъ западнаго Рима католическаго. Но теперь мы пока внѣшняя сила противъ Ислама, а цивилизація пока—внутренняя сила противъ Рима. Но цивилизація, сама есть только гражданское, внѣшнее просвѣщеніе, и ей еще придется въ будущемъ счесться съ дѣйствительною внутреннею, съ духовною просвѣтительною

Digitized by Google

силою, и придется быть уличенною въ насиліи и безчеловѣчіи, которыя остаются и у нея въ видѣ наслѣдства отъ папскаго Рима, какъ получены они въ наслѣдство самимъ католическимъ Римомъ отъ язычества.

Мы, русскіе, можемъ и на этотъ разъ утѣшать себя. Начало истинно всеобъемлющей духовной свободы все-таки въ церкви, а церковь въ ея истинномъ неискаженномъ христіанскомъ смыслѣ все-таки есть наша восточная церковь, а не другая.

Новая попытка изъ среды англиканской церкви къ соединенію съ православною восточною церковью *).

Вѣсть вселенской важности! идутъ не простыя разсужденія о превосходствѣ вѣръ; дѣло идетъ о торжественномъ присоединеніи. Прошеніе подписано многими,—сколькими, все равно: важно то, что не одинокая овца, цѣлое стадо проситъ о присоединеніи. Это не просто случай, это—событіе.

Объ этомъ вселенскомъ событіи становится однако извѣстнымъ только чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и даже неизвѣстно чрезъ сколько. Сколько и кто подписался подъ прошеніемъ, также неизвѣстно. Доселѣ неизвѣстно самое прошеніе; мы знаемъ о немъ, но не знаемъ его. Д. Косицынъ, повѣдавшій о немъ чрезъ Московскія Вѣдомости, самъ знаетъ только о его существованіи. Христіанское Чтеніе представляетъ переводъ брошюры, объясняющей прошеніе, но вмѣсто самаго прошенія ставитъ среди строки римскую цифру XII, въ свидѣтельство, что между 11-ю и 13-ю главами есть еще 12-я; а въ текстѣ ограничивается краткимъ извѣщеніемъ: „здѣсь помѣщено то самое прошеніе, о которомъ говорится въ предъидущемъ §“.

Вспоминаемъ Павла, его способъ проповѣданія и его собственныя слова: „не тайкомъ я проповѣдывалъ“. Иные могутъ предпочитать себѣ въ образецъ бесѣду съ Никодимомъ; но са-

*) С. И. 30 декабря, № 359.

Digitized by Google

ми англиканцы-просители не „нощію“ пришли, какъ Никодимъ, таясь; напротивъ, они сами гремятъ о своемъ желаніи во всеуслышаніе.

Вспоминаемъ чинъ крещенія, мvропомазанія, рукоположенія. Желающаго помолиться съ оглашаемымъ, крещаемымъ, мvропомазуемымъ, рукополагаемымъ съ нимъ и о немъ желающаго помолиться не отгоняетъ церковь; не обращаетъ *таинства* въ *секретъ*; она приглашаетъ, напротивъ, вѣрныхъ содѣйствовать своею молитвою приступающему къ таинству: „помолимся убо о немъ“. Мы не слышимъ, чтобы обратились къ намъ съ этимъ приглашеніемъ объ этихъ ищущихъ мvропомазанія, объ этихъ оглашаемыхъ, объ этихъ возглашающихъ въ слухъ намъ свое исповѣданіе, объ этихъ ищущихъ съ нами единомыслія вѣры. Толкутъ въ дверь церкви; войдутъ ли, пусть это еще вопросъ, особый вопросъ вѣры и исповѣданія, рѣшаемый испытаніемъ единомыслія и любви, но намъ не дано слышать ихъ голоса, не дано радости сорадоваться ихъ обращенію, хотя бы желанію обращенія; не дано мѣста содѣйствовать имъ молитвою любви. Знаемъ о ихъ желаніи, но случайно, со стороны. Мы не званы.

Отчего такъ? Отъ того, что прошеніе англиканцевъ, ищущихъ возсоединенія съ церковію, есть прежде всего „прошеніе“; святѣйшій синодъ есть не просто только синодъ, но и присутственное мѣсто. Прошеніе, въ него поданное, должно обернуться въ извѣстную печатную оболочку, занумероваться, пойти къ столоначальнику, образовать изъ себя канцелярское „дѣло“, а съ тѣмъ вмѣстѣ и „канцелярскую тайну“. Тайна канцелярская не должна быть оглашаема, и потому-то, конечно, одобрить прошеніе къ напечатанію не могла духовная цензура; такимъ-то путемъ и образовалось, конечно, краснорѣчивое умолчаніе XII главы въ переведенной брошюрѣ. Все это такъ понятно, все это такъ законно! Говоримъ безъ малѣйшей ироніи; глумиться здѣсь было бы слишкомъ не умѣстно. Но сказать было необходимо. Необходимо же пояснить, въ какихъ кажущихся иногда мелочахъ скрывается ключъ къ важнымъ вещамъ, истолковываемымъ другими въ догматическомъ смыслѣ. И въ настоящемъ случаѣ не найдетъ ли, по-

Digitized by Google

жалуй, иной проворный протестантъ тоже случая къ обвиненію восточной церкви въ римско-католическихъ пріемахъ?

Святѣйшій синодъ можетъ сноситься съ православною россійскою паствою не одними указами съ „слушали“ и „приказали“, но и грамотою, посланіемъ, словомъ. Приходила ли кому мысль и на сей разъ предложить высшей нашей іерархіи отнестись къ паствѣ съ „Словомъ Извѣстительнымъ“, мы этого не знаемъ, но знаемъ, что не въ „указной“ формѣ давно уже не слышала слова россійская паства отъ собранія своихъ пастырей, едва ли не съ самыхъ временъ первой холеры. И отъ кого это зависитъ, что возможность обратиться къ паствѣ съ словомъ, не одѣтымъ въ канцелярскую форму, какъ бы пришла въ забвеніе, тоже не знаемъ.

А должно, а необходимо, а плодотворно было бы такое слово. Грѣшно было бы съ этимъ и спорить. Однако его не бываетъ. Отчего? Тогда какъ и судъ у насъ гласный; тогда какъ большая часть даже гражданскихъ мѣропріятій оглашается, и притомъ даже въ видѣ еще первоначальныхъ предположеній, когда допускается наше общество, по крайней мѣрѣ въ печати, къ обсужденію вопросовъ даже политики и законодательства, одна у насъ область, притомъ область по преимуществу общественная, и наименѣе всѣхъ, по существу своему оффиціальная, область—церковныхъ дѣлъ покрывается доселѣ старыми доспѣхами канцелярской тайны. Для лицъ, неспособныхъ подниматься до высшихъ соображеній, спустимся въ своемъ сравненіи даже пониже, возьмемъ примѣръ доступный и канцелярской посредственности. Старый сенатъ, и тотъ приглашаетъ постороннихъ слушателей къ своимъ дѣламъ; а синодъ, рядомъ съ нимъ стоящій и во всѣхъ отношеніяхъ къ нему своимъ учрежденіемъ подверстанный, по прежнему не открываетъ своихъ дверей, кромѣ случаевъ епископскаго нареченія. Для чего это нужно? И кому это выгодно?—Никакъ не церкви въ ея соборномъ значеніи, никакъ не іерархіи, никакъ не правительству.

Digitized by Google

1869 годъ.

Объ упраздненіи духовенства, какъ особаго сословія *).

Одному изъ слуховъ придаемъ особенную важность. Законодательнымъ порядкомъ готовится упраздненіе духовенства въ смыслѣ особаго сословія. На основаніи собственныхъ свѣдѣній можемъ прибавить, что духовенство къ этой реформѣ относится въ большинствѣ неблагосклонно. А молва идетъ, что будто бы даже одно изъ высокочтимыхъ духовныхъ лицъ намѣрено всею нравственною силою, присущею его положенію и имени, противодѣйствовать осуществленію реформы. Послѣднее даже и невѣроятно. Но чего хотимъ, тому вѣримъ. Не желающимъ реформы естественно желается, чтобы кто-нибудь поднялъ противъ нея голосъ... Жаль!

Если упраздненіе духовнаго сословія предполагается на тѣхъ основаніяхъ, какія сообщены петербургскими газетами, оставалось бы только радоваться, и духовенству прежде всѣхъ. Благодушное въ этихъ предположеніяхъ—то, что реформою, если они осуществятся, не снимутся, но возвысятся гражданскія права лицъ, при настоящемъ положеніи числящихся въ духовномъ званіи. Дѣти причетниковъ должны получить права личнаго почетнаго гражданства: но доселѣ эти несчастныя дѣти,

*) С. И. 10 января, № 8.

Digitized by Google

если не давалось имъ благоволеніемъ судьбы и милостію духовныхъ властей вступить въ дѣйствительный составъ клира, обязаны были избирать родъ жизни: суровое слово, извѣстное только нашему законодательству! Какой родъ жизни можетъ быть избираемъ семнадцати-осмнадцатилѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, который ни надъ чѣмъ не сидѣлъ, кромѣ латинской грамматики; который выросъ изъ лѣтъ, чтобы пріучаться мастерству или вообще физической работѣ; которому преданіе, бытъ, кругъ знакомства отказываютъ въ возможности даже искать, не только найти этотъ, такъ называемый закономъ, родъ жизни! А повинность податная, рекрутская, паспортная, разумѣется, этого не разбирали, да и не должны были разбирать.

Эта постоянно висѣвшая опасность надъ низшими членами причта будетъ теперь устранена, если реформа состоится на предполагаемыхъ основаніяхъ. Не знаемъ, будетъ ли при этомъ поправлена и еще жестокая несправедливость, которая опять висѣла надъ тѣмъ же дьячковствомъ. Этотъ разрядъ людей, одинъ изъ всѣхъ у насъ въ Имперіи, лишенъ наслѣдственныхъ правъ рожденія. Въ старыя времена, когда существовало тѣлесное наказаніе, отъ него избавлены были священно-служители съ потомствомъ, но не избавлены были низшіе причетники, а они могли быть и бывали не только потомками, но и дѣтьми священниковъ. Сынъ священника—потомственный почетный гражданинъ, а сынъ священника дьячекъ передастъ ли своимъ дѣтямъ только личное право? Останется ли въ глазахъ закона званіе причетника, въ родѣ званія ссыльнопоселенца, пятномъ, которое закрываетъ для потомства права рожденія, пріобрѣтенныя предками?

А за тѣмъ на что же негодовать или чего опасаться? Сказать лучше: чему бы тутъ можно было не радоваться?

Духовенство жалуется на свое порабощенное положеніе предъ своими высшими властями; эта нота, которую впервые пропѣлъ въ печати болѣе десяти лѣтъ тому назадъ авторъ книги „О сельскомъ духовенствѣ“, тянется и повторяется на разные лады доселѣ. Не станемъ на этотъ разъ оспаривать фактъ,

Digitized by Google

хотя и можемъ сказать, и впослѣдствіи скажемъ, до чего много недоразумѣній въ этихъ жалобахъ бѣлаго духовенства на черное, высшее. Но пусть, вникните однако въ глубочайшую причину, на которой держится ваше порабощеніе. Оно держится не на цвѣтѣ рясы, а на томъ, что у васъ есть семейство, и что это семейство, въ силу своей сословности, точно такъ же въ рукахъ вашего начальства, какъ вы сами. Вы и все ваше: жена, дѣти, домъ, имущество, все въ рукахъ епархіальнаго начальства,—опять не въ силу того, что тотъ архіерей, а вы только пресвитеръ или діаконъ, или что тотъ—принявшій обѣты иночества, а вы имѣете жену и собственность. Все потому же, напротивъ, единственно, что вы сословіе, и что вы, со своимъ семействомъ и даже отчасти со своимъ имуществомъ, подлежите юрисдикціи своего управленія и своего суда. Мало того, скажемъ жестокое слово: вы—крѣпостные, такіе же крѣпостные, какъ эсты въ Лифляндіи. Но тѣ могутъ перейти отъ барина къ барину, хотя и не могутъ оставить края. А вы не можете оставить своей епархіи, и не можете отойти отъ своего епархіальнаго начальства безъ его позволенія; вы,—это еще ничего, это какъ должно быть,—но ваша жена, вашъ сынъ, и почти ваша дочь. Вотъ гдѣ главная причина зла: въ этой прикрѣпленности, въ этой самосудности, за которую такъ держатся при разбирательствѣ дѣлъ и тяжбъ, даже не относящихся къ дѣламъ церковной службы; словомъ,—въ сословности, въ государственномъ положеніи духовнаго званія, а не въ какихъ-нибудь недостаткахъ или злоупотребленіяхъ высшаго духовенства, которыя, если и существуютъ, опять воспитываются и поддерживаются тою же отдѣленностью и самозамкнутостью сословія.

Если теперь перейти къ матеріальному быту, то надобно быть лишеннымъ послѣдняго соображенія, чтобы не понять: какое положеніе дастъ болѣе ручательства за улучшеніе внѣшняго благосостоянія,—то ли, когда за сословною стѣною, отдѣленное отъ прочаго народонаселенія, восполняется духовенство исключительно изъ себя, мало само распуская другихъ? Или то, когда духовныя лица будутъ одними изъ народа, плотью

Digitized by Google

отъ плоти, костьми отъ костей? Духовная связь, конечно, первое, но и кровное родство—большая сила. Если теперь можно опасаться, что добровольныя даянія прихода часъ отъ часу будутъ оскудѣвать, обратное пойдетъ дѣйствіе, чѣмъ ближе будетъ стоять духовенство къ приходамъ не только своею обязанностью, но и своимъ происхожденіемъ.

Въ заключеніе, можно утѣшить тѣхъ, кто опасается, что съ упраздненіемъ сословности должно опасаться праздности духовныхъ вакансій. Распустите духовенство изъ полу-крѣпостного положенія, кто и откуда станетъ на его мѣстѣ? Вотъ вопросы, которые идутъ уже съ противоположенной стороны, а не со стороны духовенства. Не бойтесь: мѣсто свято пусто не будетъ, по пословицѣ. Въ приложеніи къ настоящему случаю это можно вывести не только изъ теоріи, но и доказать практикою. Поговоримъ объ этомъ, впрочемъ, въ другой разъ.

По поводу обращенія къ Св. Синоду нѣсколькихъ Англиканцевъ *).

„Наши любители эллиновъ не догадываются, что, сами того не воображая, они содѣйствуютъ господству и распространенію православной восточной вѣры.“ Такое между прочимъ восклицаніе, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ сожалѣнія, раздается въ послѣдней книжкѣ англійскаго журнала „Saturday Review,“ по поводу современныхъ событій, и по поводу голосовъ, раздѣлившихся въ Англіи, однихъ сочувствующихъ туркамъ, другихъ сочувствующихъ грекамъ. „Saturday Review“—журналъ, какъ всѣ журналы общаго содержанія, толкуетъ о политикѣ, о хозяйствѣ, о наукѣ, и литературѣ; онъ вовсе не духовный, и въ журналѣ всякой другой націи вышеприведенное восклицаніе способно было бы поразить неожиданностью. Вѣра какъ-то вездѣ вы-

*) С. И. 14 января, № 12.

Digitized by Google

черкивается изъ области соображеній политическихъ. По счастливому выраженію, кажется Ю. Ѳ. Самарина, церковь вездѣ стоитъ на положеніи тѣхъ старыхъ, почтенныхъ родственниковъ, которымъ оказываемъ по наружности уваженіе, къ которымъ ходимъ съ поздравленіемъ въ извѣстные дни, но съ которыми давно разорвали душевную связь. Ихъ бытіе признается, но не принимается въ разсчетъ; объ ихъ мнѣніяхъ не справляются и ихъ совѣты не принимаются. Съ ихъ бытіемъ считаются тогда, когда видятъ въ нихъ положительную помѣху. Стоитъ, напримѣръ, бревномъ поперекъ Европѣ папа, и она не можетъ не считаться съ нимъ, но впрочемъ только въ дѣлахъ политическихъ; вспоминаютъ также объ іезуитахъ, когда вмѣшательство ихъ становится для политическихъ отправленій чувствительно. А безъ этого, можно бы, слѣдя за общественною мыслью иныхъ странъ, даже не догадаться, существуетъ ли, среди другихъ признанныхъ областей государственной жизни, и область вѣры.

Въ Англіи совсѣмъ иное. Здѣсь политическая жизнь и политическое мнѣніе къ вѣрѣ совсѣмъ неравнодушно, но и извѣстную формулу „государство безбожно“, т. е. государство не должно принимать въ разсчетъ существованія вѣры, приложимо изъ всѣхъ государствъ всего менѣе къ Англіи. И понятно. Борьба вѣры въ ея исторіи слилась съ борьбою за конституцію. Конституція выработалась, установилась; свобода народная обезпечилась; учрежденія государственныя окрѣпли: все это по милости борьбы со Стюартами, а Стюарты вели эту борьбу главнымъ образомъ изъ за вѣры. Отъ этого, даже о сію пору, истый англиканецъ не можетъ высвободить себя отъ ненависти, и даже отъ нѣкотораго страха къ папизму, ненависти и страха, на посторонній взглядъ даже нѣсколько комическихъ. Послушать, что вопіютъ противъ Гладстона консервативные органы, и какъ стращаютъ они, что вотъ-вотъ съ упраздненіемъ государственной церкви въ Ирландіи попадетъ все Соединенное королевство снова въ руки къ папѣ; послушать все это, можно было усомниться: ужели же всѣ эти страхи высказываются не въ шутку?—Нѣтъ, не въ шутку. У истин-

Digitized by Google

наго тори, при одной мысли о томъ, что сдвинутъ Учрежденную церковь съ ея мѣста иль дадутъ полныя права папизму, тотчасъ, сознательно иль безсознательно, воскресаютъ всѣ тѣ чувства, которыя волновали страну во времена Карла I, или Іакова II: точь въ точь какъ иногда юноша и мужъ не можетъ одолѣть въ себѣ нервнаго ощущенія невольной робости, при взглядѣ на стараго учителя, отъ котораго во время оно слишкомъ сильно и слишкомъ больно доставалось; нужды нѣтъ, что учитель, можетъ быть, самъ теперь чувствуетъ, уже по другимъ соображеніямъ, невольный трепетъ, подходя къ своему бывшему ученику, теперь лицу очень значительному.

Понятно, что, взирая и на всю остальную Европу, истый англичанинъ въ своихъ понятіяхъ не отрѣшаетъ вѣры отъ прочихъ силъ, дѣйствующихъ въ общественной жизни. Онъ подразумѣваетъ вездѣ этого дѣятеля, и это подразумѣваніе-то выскажется иногда дѣятельнымъ его отношеніемъ къ той или другой націи, а иногда вырвется восклицаніемъ, въ родѣ „Saturday Review“. Не умолчимъ, что такое полурелигіозное основаніе, представляемое этимъ журналомъ противъ содѣйствія грекамъ, находимъ не въ первый разъ и не въ одномъ этомъ журналѣ. Теперешнее предубѣжденіе британское противъ народностей, населяющихъ Турцію, вообще можно возвести къ двумъ главнымъ источникамъ. Первый, это—опасеніе капиталиста, что деньги, которыя онъ давалъ Турціи подъ закладъ разныхъ податей, могутъ пропасть при преобразованіи и даже потрясеніи востока; это опасеніе можетъ быть названо англійско-еврейскимъ. И второе опасеніе чистокровное англійское, не у всѣхъ сознательное, а скорѣе стоящее на степени темнаго предчувствія, опасеніе какого-то иного духовнаго начала, пробивающагося въ жизнь, и пока не податливаго знакомымъ началамъ католичества и протестанства. Чисто политическія опасенія отходятъ теперь уже въ рядъ отживающихъ преданій, не находящихъ основанія къ своему продолженію въ дѣйствительномъ положеніи вещей.

Читатель не посѣтуетъ на насъ за это длинное предисловіе. Оно необходимо къ поясненію важности прошенія,

Digitized by Google

прилагаемаго ниже въ переводѣ. Мы уже увѣдомляли читателей о существованіи этого прошенія, объясняли, что къ этому прошенію собираемы были, а можетъ быть и доселѣ собираются въ англиканской церкви подписи; изъявляли сожалѣніе, что наши духовные журналы, объяснивъ обстоятельства прошенія, не передали своимъ читателямъ самаго его текста. Оно однако существуетъ въ печати и на нѣмецкомъ и на англійскомъ, и мы воспользовались этою возможностью сообщить его и въ русскомъ переводѣ.

О важности своей прошеніе отчасти свидѣтельствуетъ само, и само изъясняетъ великія церковныя послѣдствія, которыхъ можно ожидать, если бы хотя въ малыхъ размѣрахъ желаемое возсоединеніе западной церкви съ восточной состоялось. Но оно умалчиваетъ—и не кстати ему говорить—о возможныхъ отсюда великихъ послѣдствіяхъ политическихъ. Оно не упоминаетъ также и о томъ—о чемъ упоминать ему опять было бы также не у мѣста,—что этотъ поискъ за историческою церковью, на непрерывномъ преданіи основанною, есть въ англиканской церкви не единственный въ своемъ родѣ, и не основанъ на случайной добросовѣстности нѣсколькихъ богослововъ. Обращеніе къ восточной церкви требуется отъ англиканцевъ логическою силою вещей, оно есть единственный для учрежденной церкви выходъ изъ ея неестественнаго положенія. И чѣмъ будетъ далѣе, тѣмъ неотразимѣе будетъ вставать предъ нею эта нравственная необходимость. Или отречься отъ себя и возвратиться въ католичество. Но это значило бы всей Британіи отречься отъ себя, затоптать все, что добыто дорогóю борьбою, что есть ея слава, въ чемъ лежитъ сила новѣйшей ея величавой исторіи. Или отречься отъ вѣры вообще, зачеркнувъ ея значеніе въ конституціи, принять къ вѣрѣ полное государственное равнодушіе. Но оно также невозможно, и опять потому же. И если бы было можно даже вычеркнуть церковь изъ конституціи, ея нельзя вычеркнуть изъ нравовъ и историческаго сознанія, которое и въ своей и въ чужой общественной жизни невольно и безотчетно ищетъ духовной подкладки, называемой вѣрою.

Digitized by Google

Съ этой точки зрѣнія важенъ настоящій историческій моментъ, и особенно важенъ этотъ маленькій его отрывокъ, являющійся въ прошеніи, подписанномъ нѣсколькими тысячами, пусть даже только сотнями, англиканцевъ. Онъ важенъ по великому всемірному значенію Британіи; важенъ по современности своей съ политическимъ движеніемъ на востокѣ; важенъ наконецъ по современности своей съ церковными конвульсіями на всемъ западѣ.

Обращеніе къ Св. Синоду нѣсколькихъ Англиканцевъ *).

Англиканская церковь—епископальная и обрядная: вотъ въ двухъ словахъ разгадка того движенія, образчикъ котораго, между прочимъ, является въ ней въ видѣ прошенія нѣсколькихъ лицъ о возсоединеніи съ восточною церковью.

Когда Лютеръ отложился отъ папы, и за собою слѣдомъ увлекъ массу недовольныхъ, онъ, волею-неволею, долженъ былъ упразднить въ новомъ исповѣданіи епископскій санъ. Пусть къ его услугамъ явились подтвердительныя свидѣтельства апостольскихъ временъ, въ видѣ колеблющагося словоупотребленія, еще не усвоившаго двухъ строго различенныхъ названій для двухъ строго различенныхъ званій. Но Лютеру и его послѣдователямъ нельзя было во всякомъ случаѣ признать епископства, потому что за ними не пошелъ ни одинъ изъ епископовъ. Оставить этотъ догматъ значило добровольно обвинить себя въ ереси, признать виновными въ томъ, въ чемъ и винилъ протестантовъ римскій дворъ.

Англиканская церковь отторглась отъ папы цѣликомъ, со всѣмъ своимъ епископскимъ и пресвитерскимъ чиномъ. Ей не было надобности бросать за порогъ свое епископство, которое преемствомъ рукоположенія связывало ее съ апостольскою

*) С. И. 15 января, № 13.

Digitized by Google

церковью; а съ тѣмъ вмѣстѣ не было нужды ей бросать и всего строя обрядовъ, съ которымъ она исторически освоилась и къ которымъ прижилась. Могла бы она пойти на это развѣ изъ чистаго уваженія къ новопоставленному Лютеромъ догмату. Но она отторглась отъ папы вовсе не изъ уваженія къ этому догмату, ни изъ уваженія къ катихизису Лютера или Кальвина вообще. Ея разрывъ былъ дѣломъ личной Королевской прихоти, личной размолвки его величества съ его святѣйшествомъ. Генрихъ VIII очень обрадовался, что Лютеръ съ Кальвиновъ подвернулись ему въ видѣ образца, благопріятнаго примѣра, готоваго знамени; чтобы отторгнуться надобно было же, хотя бы для соблюденія приличій, выставить какое-нибудь догматическое основаніе. И не придумывать же было его, когда свѣжій готовый примѣръ былъ на виду!

Борьбою дѣятельною и борьбою поучительною завоевала себѣ потомъ англиканская церковь независимость отъ стараго своего владыки-папы совершенно. Католичество засѣло упорно только въ кельтскомъ племени, въ Ирландіи. Не оставили однако безъ нападеній основанную королемъ церковь и чистые кальвинцы, пресвитерцы тожъ, и отвоевали себѣ Шотландію. Отбившись отъ той и другой противницы, осталась англиканская церковь въ самой Англіи, но осталась и установилась крѣпко, и съ своимъ епископствомъ и съ своею обрядностью; она стала церковью учрежденною, государственною. Что же она однако такое въ сущности? Епископскій чинъ и историческій строй обрядовъ имѣютъ смыслъ и находятъ оправданіе въ томъ, что они служатъ для церкви мѣстной и временной цѣпью, которая связываетъ ее непрерывнымъ преемствомъ съ церковью апостольскою и съ прочими членами вселенской церкви, одновременно существующими. Но съ церковью-матерью связь преданія у англиканской церкви была порвана; во внѣшнемъ общеніи, какъ и въ самомъ догматѣ, она перестала быть римскою. То, что было удержано вопреки требованіямъ лютеранства и кальвинизма, осталось остовомъ безъ смысла и жизни. Но храненіе даже остова не прощается англиканизму чистымъ пре-

Digitized by Google

свитеріанствомъ. И такъ, что же такое англиканизмъ? На сторонѣ папизма, какое ни есть, но преданіе. На сторонѣ пресвитеріанства—самостоятельное изслѣдованіе на основаніи писанія, нужды нѣтъ, криво или право толкуемаго. Англинство—ни то, ни другое,—ни писаніе, ни преданіе; чистая королевская прихоть, догматы, обряды и устройство, разъ опредѣленные и далѣе развиваемые чистою государственною властью. Это несостоятельнѣе католицизма и несостоятельнѣе протестантизма, хотя и съ притязаніями отчасти на то, и отчасти на другое.

Здѣсь не мѣсто раскрывать исторію англиканской церкви. Довольно сказать, что ея внутреннее противорѣчіе и историческая несостоятельность укрывались только отъ тѣхъ, кто самъ закрывалъ глаза. Одни спасали себя отъ сомнѣнія только тѣмъ, что отдавали себя практическому христіанству, не вдаваясь въ обсужденіе догматическихъ и историческихъ основаній для своей церкви; благо могли безъ этого обойтись. Присяжные же богословы, обязанные по своему положенію для своей церкви подъискивать основанія, подъискивали ихъ поневолѣ, вѣруя въ нихъ или нѣтъ, какъ это разобрать? Но для честныхъ душъ и изыскательныхъ, во всякомъ случаѣ, такое положеніе невыносимо. Оно оскорбительно для здраваго смысла. И отрекались отъ него постоянно тѣ изъ лицъ, которыя имѣли на столько честности, чтобы не оставаться во внутреннемъ противорѣчіи. Самая церковь въ ея цѣлости, въ смыслѣ учрежденія, оставалась и остается, но единственно въ силу своего государственнаго и соціальнаго значенія, какъ часть конституціи, какъ извѣстная собственница, какъ учрежденіе, въ рукахъ котораго государственные университеты, и отъ котораго поставляется первый членъ въ палату лордовъ и т. д.

Однако пришла пора, колеблется даже эта государственная подпора. Ограбленная и задавленная въ Ирландіи католическая церковь завопила о своихъ правахъ, и дѣло правды нашло наконецъ ходатаевъ въ государственныхъ людяхъ, поддерживаемыхъ общественнымъ мнѣніемъ. Состраданіе къ угнетенной

Digitized by Google

церкви поднялось на столько же, на сколько упало уваженіе къ господствующей.

Но возстановленіе правъ католической церкви въ Ирландіи есть упраздненіе церкви учрежденной, и упраздненіе не въ одной Ирландіи, а рано или поздно—въ самой Англіи. Это видятъ и не скрываютъ отъ себя ни защитники Ирландскихъ правъ, ни защитники англиканскихъ привиллегій. А съ этимъ вмѣстѣ падаетъ послѣднее фактическое основаніе, на которомъ держится англиканская церковь, за неимѣніемъ догматическаго.

Всецѣло снова покориться папѣ или обратиться въ пресвитеріанство невозможно. Отрѣзанное исторіею не прирастаетъ вновь; положеніе англиканизма добыто борьбой, и притомъ борьбой, въ которой догматическая правда была на его сторонѣ. Несостоятельная сама въ себѣ англиканская церковь догматически правѣе папизма въ томъ, съ чѣмъ спорила она съ папизмомъ, и правѣе пресвитеріанства въ томъ, въ чемъ она спорила съ пресвитеріанствомъ. Примкнуть туда или сюда значило бы примкнуть ко лжи и притомъ сознанной и опредѣленной, и наконецъ ко лжи обличенной даже собственною исторіею. Что теперь папство? Не трупъ ли безъ дыханія? Вышедшая изъ употребленія утварь, которую составляетъ самъ католическій міръ единственно потому, что не знаетъ какъ отъ нея избавиться. Что такое лютеранство? Не обратилось ли оно въ „насмѣшку горькую обманутаго сына надъ промотавшимся отцомъ?“ Школа, давно сумѣвшая подрыть собственныя основанія и растоптать собственныя вѣрованія.

Историческая непрерывно преданная церковь есть единственный исходъ. Считаемъ лишнимъ прибавлять, что этотъ требуемый исторіею исходъ есть вмѣстѣ и торжество истины.

Англиканская церковь не въ одной Англіи, но и въ Америкѣ; ея проповѣдники и на Тихомъ океанѣ, и въ Китаѣ, и въ Африкѣ. Возсоединяясь съ восточною церковью и обновляясь ея внутреннею силою, въ свою очередь она дала бы восточной церкви силу внѣшнюю истинно міропобѣдительную.

Digitized by Google

Честнымъ католикамъ Франціи, Италіи, Испаніи и самой Англіи, тяготящимся папствомъ, но не видящимъ средствъ отъ него избавиться кромѣ отступленія въ протестанство, столь же неудовлетворительное и несостоятельное, англиканская возсоединенная церковь открыла бы спасительную дверь. Дни папства были бы тогда сочтены, и тѣмъ скорѣе было бы покончено со всею западною схизмою, чѣмъ болѣе тяготится анахронизмомъ папства не только церковный, но и политическій западный міръ.

Политическія страданія восточныхъ христіанъ нашли бы себѣ быстрыхъ и сильныхъ освободителей. Если сочувствіе къ прекрасной эллинской древности, пробужденное въ образованномъ англійскомъ обществѣ, помогло въ свое время возрожденію греческой независимости, чего не способно сдѣлать то же сочувствіе, усвоенное братскимъ сочувствіемъ единовѣрія?

Таковы виды въ возможномъ будущемъ. Будетъ ли это будущее? Возможно ли осуществленіе этого возможнаго? Историческія данныя благопріятствуютъ; но нѣтъ ли и препятствій?

Отвѣтъ дадимъ пока одинъ: сравненіемъ. Пусть экипажъ отправляется по наклонному, даже крутому спуску; но, если дѣйствуетъ одна пара колесъ, онъ остановится: нужно, чтобы и другая ему содѣйствовала, только тогда пойдетъ движеніе.

О вліяніи духовенства на уменьшеніе пьянства въ народѣ *).

Помѣщаемъ статью неизвѣстнаго намъ г. Д. Д. тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что направлена она между прочимъ очевидно противъ мнѣній, неоднократно высказанныхъ въ нашемъ изданіи. Любопытно свѣряться, какое дѣйствіе производитъ та или другая мысль, пущенная въ общественный оборотъ, и даже какъ она понимается. Прочитывая отголоски, идущіе оттуда и отсюда на то и другое слово, дивишься, какія живутъ

*) С. И. 26 января, № 24.

Digitized by Google

еще и здравствуютъ на святой Руси удивительныя воззрѣнія. Статья г. Д. Д. принадлежитъ именно къ разряду такихъ явленій общественной патологіи.

Авторъ, напримѣръ, не совсѣмъ понимаетъ, „на что народу грамотность вообще“.

Соглашаясь, что воспитаніе народа, развитіе его ума и сердца „есть насущная потребность народа“, полагаетъ однако, что такое развитіе „еще усилитъ пьянство“.

Вообще г. Д. Д. полагаетъ, что „бываютъ такія положенія, при которыхъ человѣкъ чѣмъ менѣе понимаетъ и чувствуетъ, тѣмъ лучше“,—разумѣя это вѣроятно въ общественномъ смыслѣ, а можетъ быть и въ личномъ, разобрать трудно. Такъ или иначе, все равно; но такія понятія политическія и нравственныя заслуживаютъ вниманія именно тѣмъ, что они существуютъ и просятъ высказаться. Въ извиненіе ихъ можно привести развѣ одно, что вѣроятно самъ авторъ находитъ вообще лучшимъ, если не менѣе чувствовать, то несомнѣнно менѣе понимать.

Да, народная невоздержность лежитъ на насъ темнымъ пятномъ, и темнымъ потому, что, противополагая ей внѣшнія преграды, мы не предпринимаемъ противъ нея внутреннихъ средствъ, единственно успѣшныхъ. Наслажденіе въ опьяненіи, когда оно представляется явленіемъ общественнымъ, есть простое свидѣтельство о низкомъ нравственномъ и умственномъ уровнѣ. Краснокожій за стаканъ огненной воды отдаетъ тысячныя богатства своей родины; алеутъ дѣлится своею цѣнною добычею за тотъ же стаканъ. Якутъ или бурятъ прибѣгаетъ за неимѣніемъ водки къ мухоморному настою. Требуется нервное возбужденіе; чувствуется потребность въ усиленной нервной дѣятельности. Такъ выразимся мы въ физіологическомъ смыслѣ. Есть въ душѣ запросъ на духовную жизнь, на умственную работу. Такъ выразимся мы въ смыслѣ психологическомъ. То и другое есть одно и то же, разсматриваемое лишь съ двухъ разныхъ сторонъ. Человѣкъ не просто машина; его работа не одна работа гимнастическая, движеніе рычаговъ, называемыхъ

Digitized by Google

костями, и передаточныхъ ремней, называемыхъ мускулами. Чѣмъ же удовлетворить запросу другой, высшей жизни? Чѣмъ наполнить досугъ, остающійся отъ работы физической?—Гдѣ развиты нравственныя потребности, гдѣ умъ достаточно подготовленъ, чтобъ отдать себя на изслѣдованіе истины: пустота наполняется, досугъ занятъ; въ семействѣ и обществѣ находится для него дѣло, которое съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ удовлетвореніе потребностей, есть до извѣстной мѣры и наслажденіе. Одинъ благотворитъ, другой проповѣдуетъ, тотъ бесѣдуетъ, этотъ читаетъ, иной находитъ отдыхъ въ духовномъ созерцаніи прекраснаго. Но здѣсь нѣтъ. Вотъ онъ бѣжитъ на отдыхъ, но не для умной бесѣды, а для выпивки; вотъ онъ наполняетъ свой досугъ, но не затѣмъ, чтобы дать тихую работу мозгу, а съ тѣмъ, чтобы придавить его, заглушить не сознаваемую потребность, очумѣть и заснуть, если можно.

Когда мы жалуемся на пьянство, какъ на общественную болѣзнь, стало быть мало пищи для общественнаго ума, мало на чемъ можно ему вмѣстѣ и отдохнуть и занять себя нравственно. Или народъ неспособенъ къ умственной жизни и къ нравственному развитію. Но этого никто не скажетъ о русскомъ богатомъ задатками народѣ. Или мало кругомъ его сдѣлано, чтобы занять его и возбудить. Отвѣтъ ясенъ на вопросъ: что же нужно дѣлать? Всякая малость, сдѣланная въ пользу умственнаго и нравственнаго воспитанія народнаго, будетъ уже каплею противоядія противъ народнаго пьянства. Поэтому и школа и театръ, и простое обученіе грамотѣ, какъ дверь къ просвѣщенію, и въ особенности церковь,—вотъ будущіе врачеватели народнаго недуга. Въ этомъ смыслѣ на духовенствѣ, какъ на преимущественномъ воспитателѣ народа, всего болѣе лежитъ отвѣтственность за эту точно такъ же, какъ и за прочія грязныя привычки; мало стало быть будитъ оно духовную жизнь; недостаточна его нравственная сила. Отчего? Это вопросъ другой, пускай разыскиваетъ само духовенство, если хочетъ: но оно не можетъ отрицать факта, не имѣетъ права отрекаться отъ своей преимущественной отвѣтственности, и тѣмъ менѣе имѣетъ

Digitized by Google

права отрекаться отъ своей обязанности, которая въ глазахъ общества одна и даетъ ему право на существованіе.

Правительство, распоряжающееся внѣшними мѣрами, пытается различными ограниченіями питейнаго промысла уменьшить зло. Пусть это нужно, но это недостаточно. Ищемъ мѣръ положительныхъ, хотя бы и отъ правительства: умноженія школъ, умноженія грамотности, ограниченія правъ для пьяницъ. А болѣе всего лежитъ обязанность и отвѣтственность все-таки на духовенствѣ. Но должно быть это еще рано; или развѣ даже слишкомъ поздно? По крайней мѣрѣ оказывается, что у насъ есть еще мыслители, и даже считающіе себя глубокими, которые не понимаютъ связи между пьянствомъ и недостаточнымъ нравственнымъ вліяніемъ духовенства и его дѣятельностью; которымъ кажется, что ни грамотность во внѣшнемъ смыслѣ, ни даже внутреннее развитіе ума и сердца тутъ ни при чемъ; которые даже вообще сомнѣваются, пригодна ли еще на что-нибудь грамотность, и не лучше ли отказаться отъ способности понимать и чувствовать. Да все это не шутя, и притомъ съ притязаніями на глубокое мышленіе.

О скопческой сектѣ *).

Въ Моршанскѣ, этомъ скопческомъ Іерусалимѣ, въ домѣ одного изъ лицъ, наиболѣе приближенныхъ къ скопческой сектѣ и наиболѣе въ ней замѣшанныхъ, открыли громадный капиталъ, повидимому, общественное казнохранилище секты; цифру опредѣляютъ отъ тридцати и до пятидесяти, а можетъ быть и болѣе милліоновъ рублей. Всѣ обстоятельства говорятъ, что это ни какъ не частная собственность: и эта чрезвычайная громадность суммы, и чрезвычайная потаенность, въ которой она хранилась, и наконецъ то обстоятельство, что главное ея количество состоитъ въ звонкой монетѣ, притомъ стариннаго чекана; спо-

*) С. И. 30 января, № 28.

Digitized by Google

собъ сбереженія слишкомъ невѣроятный, если предположить, что деньги принадлежатъ частному лицу, лицу торгующему, и притомъ торгующему вовсе не драгоцѣнными металлами и не монетою.

А общественные капиталы въ скопчествѣ существуютъ: слухъ объ этомъ давно ходилъ. И невѣроятно, чтобы ихъ не было. Бездѣтные скопцы не могутъ передавать своихъ имуществъ дѣтямъ, которыхъ не имѣютъ. Они и передаютъ всегда по завѣщаніямъ, и притомъ непремѣнно въ пользу лицъ, принадлежащихъ къ сектѣ, или такъ или иначе съ ней связанныхъ. Вѣроятно ли, чтобы при такихъ условіяхъ, это былъ просто личный даръ, ничѣмъ не обязывающій наслѣдника и не выговаривающій ничего отъ него въ пользу секты?

Таковъ выводъ, извлекаемый однимъ внѣшнимъ разсмотрѣніемъ секты. Но вспомнимъ ея катихизисъ. Кромѣ физическаго уродованія, которое впрочемъ не есть ни непремѣнный, ни единственный признакъ секты, основа скопческаго вѣроученія заключается въ сумасбродной мысли о вѣчномъ перерожденіи Христа, который въ послѣднее время будто бы состоялъ въ лицѣ Императора Петра III и вмѣстѣ Кондратія Селиванова (что по ихъ мнѣнію одно и то же). Но вмѣстѣ съ этою вѣрою въ лжехриста соединяется у скопцевъ и надежда, всѣми своими особенностями сильно напоминающая мессіанскую надежду у евреевъ. Какъ евреи, надѣются и скопцы, что христосъ ихъ будетъ нѣкогда видимо царствовать надъ всею землею, и раздѣлитъ съ ними, скопцами, свое владычество. Какъ это ни дико, но это есть, и стоитъ прочесть только скопческія пѣсни, чтобы убѣдиться въ этомъ. Не безъ помощи же однако капиталовъ можетъ создаться это грядущее царство, и вотъ причина, почему накапливаются деньги. Онѣ готовятся „для Свѣта-христа, батюшки, сына божія," о которомъ поютъ скопцы въ своихъ пѣсняхъ, описывая горы золота, жемчуга и драгоцѣнныхъ каменьевъ, которыми будетъ кишѣть ихъ царство, когда ихъ царь и вмѣстѣ богъ сядетъ въ своей славѣ.

Понятно, что въ этомъ смыслѣ секта скопческая есть секта не просто религіозная, но вмѣстѣ и политическая. Своими

Digitized by Google

политическими мечтами напоминая жидовство, она представляетъ ту разницу, что тысячелѣтнее тщетное ожиданіе поохладило евреевъ, указало имъ разныя сдѣлки съ совѣстью и примиренія съ существующимъ порядкомъ. Въ скопцахъ болѣе жара, полнѣе отрицаніе, и обрядность ихъ, которая вся состоитъ въ возбужденіи нервнаго изступленія, можетъ только подкрѣплять ихъ фанатическія мечты.

Г. Никакъ-не-скопецъ указываетъ на открываемую теперь связь скопчества съ революціонными элементами въ обыкновенномъ политическомъ смыслѣ. Мы никакъ не удивимся, если это вполнѣ подтвердится. Для мистическихъ, темныхъ чаяній нужна осязаемая дѣйствительность, на которой бы они могли найти успокоеніе. Практическимъ революціонерамъ подобные фанатики люди на руку; они представляютъ удобное орудіе для умѣющихъ польстить ихъ мечтамъ, а нашимъ скопцамъ-слѣпцамъ, которые перемѣшиваютъ въ своей фантастической исторіи Елисавету Императрицу и Акулину крестьянку, Императора Петра и Кондратія Селиванова, а къ нимъ въ придачу—и самого Наполеона, ничуть не въ диковину будетъ повѣрить своему родству съ какими угодно политическими партіями.

Въ заключеніе прибавимъ, что при страшныхъ капиталахъ, которыми, какъ оказывается и какъ должно было ожидать, владѣетъ эта секта, правительству нужно не удвоить, не удесятерить, а если можно, такъ сказать—усотерить свою бдительность. Куда они не имѣютъ ходовъ? Чего не могутъ они и не рѣшатся купить, въ особенности, когда самому святилищу ихъ грозитъ опасность? Чего не способны пустить въ ходъ они сами и ихъ сознательныя и безсознательныя орудія? Уже то, что есть сейчасъ, отчасти знакомитъ насъ съ ихъ ходами. Найденъ, видите, путь распустить слухъ, что Плотицынъ есть невинная жертва доноса; найдена возможность пустить этотъ слухъ на страницы уважаемаго изданія. Затѣмъ, слышимъ мы, идутъ уже наговоры и подземныя козни, чтобы очернить неподкупныхъ слугъ закона, прикинуться жертвами чиновническаго притѣсненія и религіознаго преслѣдованія. Одинъ изъ извѣстныхъ и

Digitized by Google

талантливѣйшихъ адвокатовъ приглашается въ Моршанскъ, конечно, на совѣтъ, какъ лучше запутать дѣло, отвести глаза... Предостерегаемъ будущаго ихъ защитника, какъ бы не попалъ онъ въ искусно подставленную ловушку, и не обратилъ себя въ орудіе обмана, прикидывающагося невинными жертвами.

Да, великая осторожность нужна: нужны люди, высокой неподкупной честности, непоколебимаго долга и твердаго мужества,—люди, которые устояли бы и противъ милліоновъ и противъ грозы всевозможныхъ непріятностей и напастей. А затѣмъ болѣе всего нужна гласность. Только тогда можно быть увѣреннымъ, что распутаются всѣ узлы, тогда, когда милліонами глазъ и ушей будетъ сторожиться каждое движеніе темной силы. Достаточно извѣдано, что такое служебный секретъ по скопческимъ дѣламъ, отъ кого онъ оказывался секретомъ и кому онъ служилъ въ пользу...

Борьба за вѣру и народность въ Прибалтійскомъ краѣ *).

Православные въ Балтійскомъ краѣ не пользуются выгоднымъ положеніемъ.

Эсты-лютеране склонны однако къ православію. Такъ по крайней мѣрѣ утверждаютъ. И не удивительно. Для эстянина, и притомъ столько несчастнаго, каковъ эстъ, вѣра есть не только что она есть, то есть извѣстное опредѣленіе своихъ отношеній къ верховному существу: извѣстная вѣра есть для него символъ извѣстнаго соціальнаго и политическаго положенія. Быть православнымъ значитъ быть русскимъ; вотъ какъ разсуждаетъ латышъ. А хочетъ онъ быть русскимъ, можетъ быть, и не потому, что любитъ русскаго, а потому что не любитъ нѣмца. За что не любитъ нѣмца? Опять—не за національность, а за то, что нѣмецъ есть для него представитель извѣстнаго

*) С. И. 9 февраля, № 38.

Digitized by Google

общественнаго положенія, есть господинъ, отъ котораго онъ страдалъ много, а можетъ быть даже и страдаетъ, хотя косвеннѣе.

Но латышъ не только склоненъ къ православію; его склонность сопровождена и величайшимъ страхомъ, какъ бы не поймали его въ этой преступной наклонности. Между двумя племенами: господствующимъ—нѣмцами покорителями, и латышами—угнетенными, пролегла глубокая черта взаимной непріязни, приправленной презрѣніемъ съ одной и страхомъ съ другой стороны. Естественно, что нѣмцу не можетъ быть пріятна наклонность къ православію, въ которой—кто безсознательно, а кто сознательно—усматриваетъ протестъ противъ господства нѣметчины, какого угодно умственнаго, хозяйственнаго, юридическаго, но все равно господства, съ которымъ нѣмцу естественно не хочется разстаться, и столь естественно не хотѣть разстаться. Итакъ, нѣмцу непріятна наклонность латыша къ православію, и онъ естественно склоненъ за нее мстить; а господствующее положеніе въ краѣ даетъ ему къ этой мести полную возможность.

Таково положеніе. Пойдемъ дальше. Взять ли латышей подъ преимущественное покровительство? Въ качествѣ угнетенныхъ, они имѣютъ на это полное право, и нравственное, и политическое. Но въ политическомъ смыслѣ ихъ право сталкивается съ правами, требованіями и выгодами другого класса, правда малочисленнаго, но укрѣпившагося въ своей позиціи давностью, вліяніемъ, богатствомъ, образованіемъ.... Сбить съ этой вѣками укрѣпленной позиціи и нелегко и неосторожно и даже не вполнѣ справедливо. Зачѣмъ давать пищу недовольству населенія, не слишкомъ сильнаго по числу головъ, но слишкомъ сильнаго по числу голосовъ и по вліянію? И можно ли возстановлять справедливость съ нарушеніемъ частныхъ выгодъ, положимъ несправедливыхъ, но законныхъ, въ которыхъ сами пользующіеся выгодами не виноваты?

Въ этомъ заключается трудность вопроса. Мы его не исчерпываемъ, тѣмъ болѣе, что лишены достовѣрныхъ данныхъ,

Digitized by Google

на основаніи которыхъ можно было бы начертать политическій путь, который бы вполнѣ соотвѣтствовалъ требованіямъ благоразумія.

Но область нравственныхъ отношеній остается внѣ вопроса, и вотъ гдѣ, по нашему мнѣнію, политическое благоразуміе требовало бы дать полнѣйшій просторъ обѣимъ сторонамъ. Такова область вѣры, такова область языка, такова область воспитанія. Дать и обезпечить полную свободу дѣйствій тѣмъ и другимъ; пускай совершается борьба, и пускай каждый смѣло бьется за свое, но не переходя никакъ изъ области умственнаго боя въ область внѣшнихъ, принудительныхъ отношеній. Нѣмцы ищутъ онѣмечить край еще больше. Пускай, но правительство обязано противопоставлять имъ препятствіе каждый разъ, коль скоро хотятъ они прибѣгнуть за этимъ къ принудительному пути, прямому или косвенному, все равно, къ правительственнымъ мѣрамъ, къ школамъ на казенный счетъ, къ цензурѣ. Латыши желаютъ быть русскими, желаютъ быть православными, а можетъ быть, и болѣе всего, желаютъ быть вѣроятно латышами. Давайте свободный ходъ; несправедливо и неблагоразумно сдерживать желаніе принудительными мѣрами изъ уваженія къ нѣмецкимъ опасеньямъ; опасенія эти идутъ совсѣмъ изъ другихъ основаній и ихъ переносить сюда, въ эту область свободы не слѣдуетъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и несправедливо, и неблагоразумно вооружать и православнаго принудительною силою привиллегированнаго положенія, которое даетъ ему законъ имперіи.

Такъ, по нашему мнѣнію, рѣшается этотъ трудный вопросъ въ основаніи: задачи разнообразнаго примѣненія рѣшать здѣсь не мѣсто. Но часто поставить вопросъ значить уже рѣшить его. А поставить этотъ вопросъ необходимо уже потому, что при разсужденіяхъ о немъ каждая сторона именно примѣниваетъ каждый разъ соображенія, идущія совсѣмъ изъ другихъ основаній, которымъ при разсужденіяхъ, напримѣръ, хотя бы о вѣрѣ, совсѣмъ не мѣсто.

Digitized by Google

Имѣетъ ли полицейская власть право распоряжаться въ храмѣ *).

Въ свое время мы передавали о происшествіи, бывшемъ 8-го прошлаго іюля въ Казанскомъ соборѣ со старостою г. Котовымъ. Происшествіе было тогда намъ передано и передано намъ такъ. Г. частный приставъ разгонялъ въ церкви толпу, и на замѣчаніе, сказанное ему противъ этого г. Котовымъ, сдѣлалъ распоряженіе объ арестованіи Котова. Ареста не послѣдовало. Сегодня помѣщаемъ отчетъ о судебномъ засѣданіи, на которомъ отчасти выяснилось это дѣло. Мы говоримъ отчасти. Судъ разсматривалъ это дѣло на основаніи жалобы г. пристава, который нашелъ себя оскорбленнымъ. Но мы слышали, что равномѣрно и г. Котовъ подалъ начальству жалобу на дѣйствія г. пристава. Передана ли будетъ и эта жалоба суду, неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ теперь пока выяснилась одна сторона дѣла; другой не могъ касаться судъ. А она-то и представляетъ особенную важность.

Оставимъ спорный вопросъ, дѣйствительно ли г. приставъ распорядился арестовать церковнаго старосту въ церкви. Г. приставъ это отрицаетъ. Свидѣтель Поляковъ, впрочемъ подчиненный г. пристава, говоритъ довольно уклончиво; г. приставъ, по его словамъ, распорядился „пригласить Котова въ контору“. Изъ дѣла однако не видно, чтобы г. Котову было сдѣлано г. Поляковымъ это приглашеніе, и остается непонятнымъ, почему распоряженіе не было исполнено, тогда какъ г. Поляковъ не обинуясь сказалъ на судѣ, что онъ исполнилъ бы распоряженіе даже объ арестѣ, если бы таковое было дано. Такое распоряженіе было бы исполнено. Одно изъ двухъ: или г. Поляковъ не столь ревностный исполнитель, какимъ онъ себя выдаетъ, и слѣдовательно изъ того, что Котовъ не былъ арестованъ, еще нельзя заключить, чтобъ не было распоряженіе объ

*) С. И. 10 февраля, № 39.

Digitized by Google

арестѣ. Или не было дано распоряженія о приглашеніи въ контору, а дано какое нибудь другое.

Впрочемъ, этотъ пунктъ, довольно важный собственно къ объясненію частнаго дѣла между старостою и приставомъ, еще не очень важенъ самъ по себѣ. Едва ли станетъ спорить кто, что арестъ въ церкви, и притомъ надъ старостой церковнымъ, былъ бы дѣйствіемъ незаконнымъ. Гораздо важнѣе вопросъ вообще о предѣлахъ полицейской власти внутри церковныхъ стѣнъ, и притомъ во время богослуженія? Судъ въ дѣлѣ г. Котова нашелъ, что г. приставъ въ Казанскомъ соборѣ былъ не просто молящимся, но отправлялъ обязанности своего званія. Призванъ ли былъ бы полицейскій чиновникъ точно также исполняющимъ обязанности своего званія, если бы происшествіе, бывшее въ Казанскомъ соборѣ, совершилось въ судебной залѣ? Не думаемъ. Судебное зало имѣетъ свою полицію въ лицѣ судебныхъ приставовъ, и если бы, безъ приглашенія со стороны суда, какой-нибудь полицейскій вздумалъ содѣйствовать къ возстановленію порядка въ судебной залѣ, его вмѣшательство признано было бы противозаконнымъ. Церковь имѣетъ тоже своего рода полицію, въ лицѣ діаконовъ. Такъ по канонамъ. Конечно и церковь можетъ нуждаться въ огражденіи отъ безпорядковъ внѣшней силою, и просить этой силы. Но точно также можетъ быть это и съ судомъ. Можемъ предположить безпорядки, при которыхъ безсильны окажутся и звонокъ предсѣдателя и распоряженія судебнаго пристава. Положеніе нѣсколько подобное, а потому и послѣдствія должны быть одинаковы.

Однако обычаемъ вошло, что полиція у насъ въ церквахъ распоряжается за частую почти такъ же, какъ на плацъ-парадѣ. Законъ также не довольно ясенъ по этому пункту; и эта неясность, очевидно, была основаніемъ для суда признать, что частный приставъ внутри церкви являлся исполнителемъ своихъ обязанностей. Но если полиція можетъ распоряжаться въ церкви безъ нарочитаго приглашенія со стороны священно-служителей, гдѣ будетъ предѣлъ ея церковныхъ правъ? Прости-

Digitized by Google

раются ли только они на молящихся, или и на служащихъ? На трапезу, или на самый алтарь? Не на обязанности ли полиціи будетъ наблюдать и за приличіемъ земныхъ поклоновъ, молитвенныхъ вздоховъ, добропорядочнаго чтенія и пѣнія? И однимъ ли православнымъ христіанамъ позволительно будетъ, въ качествѣ полицейскихъ, блюсти за благочиніемъ молящихся и священнодѣйствующихъ, или равно язычнику, татарину, еврею? Вопросовъ можно надавать до безконечности, и всѣ они будутъ предполагать нелѣпицы, одна другой несообразнѣе.

По нашему скромному мнѣнію, полицейская власть, и вообще **никакая** внѣшняя власть, вооруженною силою не имѣетъ **никакого** значенія въ церкви. Все, что только напоминаетъ земную власть, а тѣмъ болѣе принудительную силу, оставляется за порогомъ: всякое внѣшнее, тѣмъ болѣе принудительное распоряженіе есть уже само по себѣ нарушеніе церковнаго благочинія, и одно присутствіе силы (именно въ ея значеніи силы) есть уже оскорбленіе святыни храма. Такъ выходитъ по самой идеѣ церковнаго собранія, такъ выходитъ по прямой буквѣ соборныхъ правилъ и изъ всего ихъ сличенія. Мы полагаемъ, что такъ должно быть и по духу нашего законодательства; и если буква его говоритъ что-либо иное, ее надобно или понять иначе, или наконецъ иначе изложить.

Приглашаемъ и церковныхъ и гражданскихъ нашихъ законовѣдовъ содѣйствовать разъясненію этого вопроса, нуждающагося, сколько мы понимаемъ, въ пересмотрѣ даже законодательнымъ порядкомъ.

По поводу моршанскихъ скопцовъ.*)

Моршанское дѣло продолжаетъ занимать общественное мнѣніе. Дѣйствіе, которое произведено имъ на умы, можетъ быть уподоблено дѣйствію, которое было нѣкогда производимо на читателей романомъ Вѣчный Жидъ. Громадная объявлен-

*) С. И. 15 февраля, № 44.

Digitized by Google

ная цифра богатства; таинственность, изъ которой возникло дѣло; его неожиданность; неизвѣстность, чѣмъ кончится; таинственность самой секты.... Мракъ впереди, мракъ сзади, мракъ кругомъ и при этомъ поражающее богатство, копившееся въ потьмахъ долгими годами.... не совершенный ли это Вѣчный Жидъ, но еще съ тою разницею, что это не вымыселъ, а живая дѣйствительность?

Общество, сколько слышимъ, въ мнѣніяхъ раздѣлилось; раздѣленіе собственно касается значенія и происхожденія капиталовъ. Это въ порядкѣ вещей, особенно при окружающей таинственности. Раздѣлились и журналы. И это тоже въ порядкѣ вещей. Но въ разногласіяхъ журналовъ есть особенность, повторяющаяся не при всякомъ обсужденіи общественныхъ вопросовъ, и ее стоитъ замѣтить. Спорятъ не о значеніи событія, а о самомъ событіи, о его пространствѣ. Взятъ ли Плотицынъ?—Взятъ; вотъ кажется единственное, въ чемъ всѣ согласились, и что занесено въ первый разъ въ печать, благодаря, очевидно, друзьямъ Плотицына. Невѣроятныя причины, переданныя первымъ извѣстіемъ, сухо опровергнуты оффиціальнымъ лицемъ: Плотицынъ взятъ по причинамъ, извѣстнымъ правительству. Затѣмъ идутъ разнорѣчія. Найдены ли оскопленныя женщины? Нѣтъ не найдены, говоритъ кто-то неизвѣстный въ Русскихъ Вѣдомостяхъ, послѣ того какъ на нашихъ столбцахъ другой, тоже неизвѣстный, утверждалъ, что найдены и даже перечислилъ имена. „То и другое голословно....“—Еще бы! Не требовать же тому и другому оффиціальнаго за печатью удовлетворенія!

Но и это ничего, можетъ одинъ говорить „да“, другой „нѣтъ“, и продолжать это до безконечности. Замѣчательно въ этомъ и дальнѣйшихъ разногласіяхъ то, что обѣ стороны, утверждающая и отрицающая, не свободны отъ нѣкоторой страстности. Было или нѣтъ? Найдены или не найдены? Разнорѣчатъ и спорятъ о такомъ событіи, котораго малѣйшія подробности безъ сомнѣнія занесены въ оффиціальный актъ, пока не обнародованный. Утвержденіемъ и отрицаніемъ мы нисколько

Digitized by Google

не измѣнимъ теченія дѣла, которое будетъ основано, вѣроятно, не на газетныхъ слухахъ, а на документахъ и оффиціальномъ дознаніи: мы не достигнемъ ничего и въ общественномъ мнѣніи; рано или поздно, безъ сомнѣнія, будетъ же ему повѣданъ точный объемъ событій и, если кто пожелаетъ, чтобъ дѣло знали иначе, нежели какъ оно было, долженъ быть заранѣе увѣренъ въ своемъ неуспѣхѣ. И однако спорятъ. Это еще ничего: но горячатся!

Въ самомъ дѣлѣ, какая можетъ быть нужда оспаривать событіе, и притомъ оспаривать горячо, когда точный его видъ, такой или другой, непремѣнно долженъ быть занесенъ въ оффиціальный актъ? Въ такомъ дѣлѣ, гдѣ замѣшаны столькіе милліоны, и гдѣ затрогиваются лица, столь неразборчивыя въ средствахъ, можно ожидать всякой случайности. И не па одну ли изъ такихъ случайностей припасаются, между прочимъ, разныя ложныя извѣстія? Все возможно и всего можно опасаться.

Просимъ въ нашихъ словахъ не видѣть никакихъ намековъ и не выводить изъ нихъ никакихъ заключеній. Къ одному заключенію мы ведемъ, тому самому, которое высказано было нами при полученіи перваго же извѣстія объ этомъ дѣлѣ. Нужно каждому остерегаться, чтобы не попасть въ ловушку, и не подкупиться видомъ мнимо-страдающихъ жертвъ. Мы думаемъ высоко о своихъ собратахъ по ремеслу. Мы не унизимъ никого подозрѣніемъ въ сочувствіи къ сектѣ, которая въ основныхъ началахъ своихъ есть заговоръ противъ общественной жизни, не противъ общественной жизни такой или иной, а противъ самыхъ основаній общества, противъ самой возможности его бытія. Не думаемъ, чтобы кто эту секту, дышущую истребленіемъ средствъ къ продолженію человѣческаго общества, ставилъ заурядъ со всѣми другими вѣрованіями. Общество не можетъ дать покровительства тому, что живетъ разрушеніемъ его основаній. Надѣемся, что спорить съ этимъ никто не станетъ.

Итакъ, если по поводу Плотицынскаго дѣла раздаются кое-гдѣ голоса съ какими-то сомнѣніями, намеками и даже

Digitized by Google

выраженіями положительнаго неудовольствія, они идутъ, вѣроятно, изъ боязни административнаго произвола, и изъ боязни за неприкосновенность частной собственности. Побужденія добрыя, и тѣмъ желательнѣе, чтобы они высказались съ полною прямотою, полнымъ хладнокровіемъ, безъ всякихъ изворотовъ и недомолвокъ. Давайте же разсуждать. Возможно ли обойтись безъ мѣръ исключительныхъ относительно секты, существо которой есть постоянный заговоръ противъ безопасности настоящихъ и жизни будущихъ согражданъ? И гдѣ граница между частною и общественною собственностью въ сектѣ, которая, упраздняя путь къ естественному наслѣдованію по правамъ рожденія, ею отвергаемаго въ самомъ существѣ, связываетъ право на самый переходъ имущества съ исповѣданіемъ ея вѣры? Начнемъ съ этихъ общихъ вопросовъ. Разсужденіями о нихъ мы можемъ оказать услугу. О дѣлѣ же Плотицына въ частности подождемъ разсуждать, пока не обнажатся оффиціально всѣ его обстоятельства въ подробномъ и точномъ видѣ. А до тѣхъ поръ достаточно будетъ удовлетворять любопытству, на сколько у кого есть способовъ, одними свѣдѣніями о внѣшнемъ положеніи дѣла.

По поводу моршанскихъ скопцовъ. *)

Моршанское дѣло продолжаетъ занимать публику: журналы говорятъ, русскіе и иностранные: на столбцахъ „Новаго Времени“, „Биржевыхъ Вѣдомостей“ и отчасти „Голоса“ являются отъ времени до времени свѣдѣнія и общія разсужденія о скопческой сектѣ; нѣкоторыя, и между прочимъ въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“, обличаютъ знающую руку.

Секта развѣтвлена слишкомъ широко; пропаганда продолжаетъ идти систематически и столь же систематическія приняты мѣры для избѣжанія преслѣдованій. Кромѣ заученныхъ на одинъ

*) С. И. 3 мая, № 60.

Digitized by Google

ладъ отвѣтовъ употребляются еще подставные операторы, вовсе неповинные въ производствѣ операцій, но принимающіе ихъ передъ судомъ на себя ради мученичества. Затруднительны мѣры противъ такой секты. На дняхъ около Моршанска въ селѣ Правыхъ Ламкахъ и въ Сосновкѣ взяты оскопители, прямо сознающіе себя таковыми. Не принадлежатъ ли и они къ числу подставныхъ мучениковъ?

Письма, нами полученныя, подтверждаются письмами, которыя имѣетъ въ своихъ рукахъ фельетонистъ „Голоса“. Нѣкоторыя указанія почти буквально сходятся съ тѣми, которыя намъ сообщены, какъ будто даже писаны однимъ лицомъ; въ этомъ представляется нѣкоторое ручательство за достовѣрность сообщаемаго. Объ искусствѣ производить операціи незамѣтно для неученаго глаза, едва ли даже замѣтно для ученаго глаза, сообщаютъ и намъ. Намъ сказывали о способѣ подкожнаго сѣченія, въ родѣ того, которое употребляется въ тенотоміи, и которое состоитъ въ подрѣзываніи funiculus spermaticus. Слѣдовъ, говорятъ, не бываетъ рѣшительно замѣтно даже для самаго опытнаго и ученаго глаза. Передаемъ за что купили, сознаваясь въ своемъ невѣжествѣ: мы не знаемъ даже что такое за тенотомія. Но спеціалистамъ не мѣшаетъ это принять къ свѣдѣнію. И Максимъ Плотицынъ, несомнѣнный скопецъ по вѣрѣ, но признанный не оскопленнымъ, тоже не былъ ли пожалуй оскопленъ какимъ-нибудь усовершенствованнымъ способомъ.

О, какое зло въ этой доселѣ сохранившейся таинственности относительно скопцевъ и всѣхъ русскихъ сектантовъ! Такія по дикости странныя разсужденія и заключенія могли развиться только благодаря потемкамъ; благодаря тому явилось самое ученіе скопчества, развилось до соприкосновенія съ политикой, до чудовищнаго членовредительства, до лицемѣрія, не знающаго предѣловъ, до фанатизма, которому нѣтъ имени. Будь полная свобода обсужденія религіозныхъ вопросовъ, возможно ли бы такое чудовищное направленіе потребности въ вѣрѣ? И намъ кажется, что еще не совсѣмъ поздно, хотя многое потеряно. Пусть выскажутся, хотя бы даже скопцы: пусть передадутъ

Digitized by Google

они, и передадутъ откровенно, весь логическій ходъ своего ученія, всѣ радости, почерпаемыя ими при своемъ богослужебномъ радѣніи.... Можно быть увѣреннымъ, что со времени книги Надеждина не стояла же секта на одномъ пунктѣ; конечно, пошла она и дальше въ своемъ катихизисѣ. Отрывочныя признанія, которыя удавалось исторгать при случаяхъ столь рѣдкихъ, искренняго скопческаго раскаянія, безъ сомнѣнія, успѣли устарѣть и далеко не обнимаютъ всего. Предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что вѣрованіе секты основано не на мертвой книгѣ, а на живыхъ вдохновеніяхъ. А эти вдохновенія такъ необузданны. Какимъ еще новымъ догматомъ не могли въ послѣднее время излиться они, оказавшіяся нѣкогда способными смѣшать Христа съ Петромъ III и Петра III съ Селивановымъ!

Побудить къ откровенности могла бы увѣренность въ безнаказанности; увѣренность въ безнаказанности могла бы быть вызвана освобожденіемъ отъ обязанности открывать свое имя. Предлагаемъ желающимъ скопцамъ свои столбцы. Говоримъ совершенно искренно. Подѣлитесь съ нами люди Божіи, и своимъ горемъ и своими радостями. Каждый можетъ остаться при своемъ мнѣніи; но обмѣнъ мыслей можетъ принести пользу во всякомъ случаѣ, не вамъ, то намъ, или не намъ, то вамъ, и кому-нибудь изъ вашихъ....

По поводу моршанской секты *).

Извѣстный г. Липранди на дняхъ посвятилъ въ „Голосѣ“ статью знаменитому моршанскому дѣлу. Онъ журитъ публику, что она такъ жадно бросилась на Плотицынское дѣло, и такъ жадно прислушивается къ вѣстямъ о скопцахъ. Скопцы и ихъ ученіе ни сколько не новость, говоритъ онъ; напоминаетъ публикѣ, что онъ былъ предсѣдателемъ по скопческимъ дѣламъ; опровергаетъ общественное значеніе Плотицынскихъ капиталовъ,

*) С. И. 8 мая, № 65.

Digitized by Google

и въ заключеніе смѣется, что ищутъ въ скопцахъ какое-то политическое значеніе.

Большая часть этихъ камешковъ брошена въ нашъ огородъ. Поднимемъ.

Скопцы и ихъ ученіе далеко не новость бывшему предсѣдателю изслѣдовательной коммиссіи по скопческимъ дѣламъ; не новость и для записныхъ ученыхъ, съ великими трудами собиравшихъ оттуда и отсюда скудныя свѣдѣнія объ этой таинственной сектѣ, тайну которой, какъ бы въ соглашеніи съ нею самою, тщательно берегло правительство. Но для большинства публики, можно сказать—для всей публики, кромѣ наружныхъ признаковъ скопчества, все въ этой сектѣ есть совершенная тьма, и въ этомъ смыслѣ каждая вѣсть теперешняя есть совершенная новость. Въ своемъ качествѣ знатока и предсѣдателя спеціальной коммиссіи развѣ содѣйствовалъ, можетъ быть, г. Липранди къ просвѣщенію публики на сей счетъ? Или по крайней мѣрѣ ходатайствовалъ въ свое время объ этомъ предъ правительствомъ.

Еще прошлымъ годомъ обращали мы вниманіе на весь вредъ этой таинственности, въ которой держитъ правительство секту, находящую собственныя для себя выгоды, чтобы таить свое ученіе и свои обряды. Плотицынское дѣло дало теперь случай и другимъ органамъ высказаться въ томъ же смыслѣ—сначала Петербургскимъ. А сегодня прочитали и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ то же требованіе широкой гласности, и притомъ въ частности по отношенію къ Плотицынскому дѣлу. Пожелаемъ, чтобы дружный голосъ печати былъ услышанъ.

Найденный и улетѣвшій капиталъ Плотицына имѣлъ ли значеніе общественнаго склада? Г. Липранди полагаетъ, что нѣтъ, что это просто темный капиталъ, какъ у большей части нашего купечества. Мы полагаемъ, что высказать такое мнѣніе значитъ только сказать оскорбленіе нашему купечеству, но никакъ не защитить Плотицынскіе капиталы. Догадку о ихъ общественномъ значеніи основывали мы на трехъ данныхъ: 1) скопческіе капиталы не переходятъ по наслѣдству кровному, частію

Digitized by Google

даже не могутъ переходить, по отсутствію самого потомства; 2) они наслѣдуются по родству духовному, единовѣрію; 3) они оказались у Плотицына въ невѣроятномъ вообще для купца видѣ звонкой монеты и въ невѣроятной таинственности. Что же это за банкъ такой? Или что за фантазія? Всѣ эти данныя остаются доселѣ несомнѣнными и мы продолжаемъ оставаться при подозрѣніи, что глубоко запрятанныя кадки и ведра съ металломъ не были ничьею личною собственностью.

Но впрочемъ что объ этомъ спорить? Капиталы были и сплыли. Самая усиленная за ними погоня едва ли къ чему нибудь поведетъ кромѣ нареканій, и притомъ не лишенныхъ основанія, „до чего не безопасна у насъ собственность“! Гдѣ бы ни были теперь изчезнувшіе мѣшки, они имѣютъ уже полный видъ частныхъ капиталовъ и трудно будетъ законнымъ путемъ ихъ преслѣдовать. Къ нимъ можно было приложить строгій допросъ, когда сохраняли они всю свою подозрительную обстановку. А теперь? Теперь отъ этого улетѣвшаго богатства остается намъ только нравоученіе, что „кажется не всѣ общественные банки для насъ пока извѣстны....“

Намекъ, нами брошенный, о возможной близости скопчества къ политикѣ, встрѣченъ былъ съ особеннымъ сомнѣніемъ и притомъ не однимъ г. Липранди. Это сомнѣніе неудивительно. Онъ далъ нѣкогда опытъ своей политической проницательности въ извѣстной оффиціальной запискѣ, которую не скромно обнародовала заграничная русская печать. Онъ находилъ тогда основаніе заподозрить въ революціонно-политическомъ направленіи даже литературную дѣятельность славянофиловъ, поставивъ ихъ притомъ заурядъ со старообрядцами, которыхъ тоже въ свою очередь не освобождалъ отъ подозрѣнія въ политически опасныхъ стремленіяхъ.... А теперь даже секта, живущая вѣрованіемъ въ вѣчно живущаго яко бы Петра III, кажется ему не имѣющею отношеній къ политикѣ. Но впрочемъ времена перемѣнчивы. Охотникъ наслѣдовать Селиванову и воплотить въ себя не только Христа, по его примѣру, но и царя Петра III, нашелся; онъ или отъ него искали вступить въ сношеніе

Digitized by Google

съ скопцами, и именно въ Моршанскѣ; и это было даже не совсѣмъ безъ вѣдома скопцевъ. Конечно, послѣднее только догадка, есть только намекъ: но какъ угодно—этотъ переодѣтый господинъ, предлагавшій деньги за позволеніе свидѣться со скопцемъ: это его богатство, эта современность обстоятельствъ съ безумнымъ, вполнѣ достойнымъ поляковъ замысломъ воспользоваться сектантами, и именно Петромъ III.... Ужели все это случайно?

Но можетъ быть всѣ эти обстоятельства Никакъ не скопцемъ выдуманы?—Не думаемъ. Имѣемъ нѣкоторое основаніе ему вѣрить, и тѣмъ большее основаніе просить: свѣта, свѣта сюда побольше; пускай разсѣются сомнѣнія, пускай представится дѣло въ всей наготѣ! Гласность въ этомъ дѣлѣ, болѣе чѣмъ въ какомъ, можетъ оказать огромную услугу разысканіямъ; явятся тысячи содѣйствующихъ, которые теперь еще страшатся слово произнести.

О Моршанскихъ скопцахъ *).

„О моршанскомъ дѣлѣ что новаго? Что значитъ, что вы замолчали? Достовѣрна ли новость, сообщенная вами со словъ „Петербургскаго Листка?“ Что значитъ, что московскіе скопцы подняли голову; насколько пріуныли было въ прошлые два мѣсяца, столько бодро, весело и даже съ насмѣшкою высматриваютъ теперь? Что значатъ предреканія отъ нихъ слышимыя: „скоро вы о насъ такое прочитаете, что ахнете?“ Отчего мы ахнемъ? Очень ли хорошо для скопцевъ кончится моршанское дѣло? Или неожиданно худо? Ужели сбудется предвѣщаніе недовѣрчивыхъ людей, предрекающихъ моршанскому дѣлу тотъ же конецъ, какой былъ съ знаменитымъ серебрянымъ? Потонетъ ли, расплывется ли оно въ кучѣ милліоновъ?“

Таковы вопросы, которыми осыпаютъ насъ частію словесно, а болѣе письменно. Не въ силахъ мы пока отвѣчать на нихъ

*) С. И. 1 апрѣля, № 89.

Digitized by Google

по пунктамъ, но огласить ихъ считаемъ необходимымъ. Любопытство сильно возбуждено, и не только любопытство, но дѣльное вниманіе, имѣющее важный смыслъ общественный. Въ дѣлѣ, гдѣ одна сторона ворочаетъ милліонами и другая должна отбиваться чувствомъ долга, чести, правды, ставится вопросъ: на чьей сторонѣ окажется побѣда? До чего крѣпка должна быть у насъ вѣра въ неподкупность, прозорливость, дѣятельность слугъ государевыхъ? И до чего могутъ быть сильны у насъ тайныя корпораціи въ борьбѣ съ правительствомъ и обществомъ, которое на сей разъ несомнѣнно стоитъ все на сторонѣ строгихъ мѣръ власти. Изъ всѣхъ писемъ, нами полученныхъ по скопческому дѣлу,—а ихъ довольно,—только одно отнеслось сомнительно къ строгимъ правительственнымъ мѣрамъ, но и то само сомнительнаго происхожденія. До чего важны практическіе выводы, которые истекутъ изъ отвѣтовъ на эти вопросы, понятно всякому, и потому-то намъ кажется, долгъ честнаго публициста взывать къ правительству, и именно ради его достоинства, ради чести его дѣятелей, взывать и просить, чтобы дѣлилось оно своевременно свѣдѣніями по моршанскому дѣлу, разумѣется тѣми, которыми дѣлиться возможно, безъ ущерба успѣху дѣла. Ужели все въ самомъ дѣлѣ до такой степени можетъ вредить его благополучному исходу?

Благополучному, но въ чьемъ смыслѣ? Нѣтъ тайны, которая не откроется. Со временемъ, рано или поздно, не сейчасъ, то чрезъ годъ, два, десять лѣтъ весь ходъ дѣла объявится, и кто будетъ въ выгодѣ и на кого падетъ нареканіе, если безпристрастный позднiй изслѣдователь разбирая скажетъ: здѣсь упущеніе, здѣсь неосмотрительность, здѣсь можно подозрѣвать еще худшее. Спора нѣтъ, тогда теперешняя тайна увѣнчается полнѣйшимъ открытіемъ всего, доселѣ покрытаго таинственностью въ сектѣ вообще и моршанскомъ дѣлѣ въ частности. Тогда, разумѣется, будетъ одна честь предусмотрительности, которая столь блистательно оправдалась успѣхомъ слѣдствія. А если нѣтъ?

А насъ извѣщаютъ, будто бы именно нѣтъ. Извѣстіе, пущенное Петербургскимъ Листкомъ, говорятъ, ложно, по край-

Digitized by Google

ней мѣрѣ въ одной половинѣ. Нѣкто, мѣстный гражданинъ намъ пишетъ:

„У васъ перепечатано со словъ „Петербургскаго Листка“ извѣстіе о найденныхъ будто бы присланнымъ изъ министерства юстиціи чиновникомъ Б. въ пустой, нежилой кухнѣ значительной части припрятанныхъ Плотицынымъ капиталовъ. Спѣшу увѣдомить васъ, что извѣстіе это пустая выдумка, и чиновникъ Б. никакихъ подобныхъ открытій не дѣлалъ“.

А съ другой стороны насъ извѣщаютъ, будто бы Коммиссіею даваемое было нѣкоторымъ неосторожное позволеніе видаться съ Плотицынымъ, какъ-то: его ближайшему родственнику Сергѣю Евсѣеву Плотицыну и оставному секретарю земскаго суда Княжнину.

По тому же распоряженію будто бы Плотицыну позволяемо было еще и ходить въ баню, находящуюся при собственномъ его Плотицына домѣ: тоже позволяемо было будто-бы и прочимъ арестантамъ.

Розыскъ припрятанныхъ милліоновъ производимъ былъ, говорятъ, посредствомъ того же родственника Плотицыныхъ, Сергѣя Евсѣева, и понятно—безъ всякаго успѣха. Уже въ половинѣ марта, не ранѣе, поручено было, говорятъ, заняться розысками мѣстному полиціймейстеру старыми мѣстными способами. Но понятно, что время было потеряно.

Такъ говоритъ въ городѣ молва; тѣ же самые слухи идутъ къ намъ черезъ вторыя руки, отъ самихъ благопріятелей Плотицына. Сличеніе слуховъ, идущихъ съ разныхъ сторонъ, обнадеживаетъ насъ, что эти слухи не выдумка. Но впрочемъ продаемъ, за что купили. Городская молва овладѣла, повидимому, только тѣмъ, что дѣлаемо было чрезъ ненадежныхъ агентовъ. Остальное, что касается самой Коммиссіи, покрыто совершеннымъ мракомъ, и ходятъ слухи, что отъ высшаго начальства дано строжайшее предписаніе, предостерегающее Коммиссію отъ нескромности.

Рано или поздно, конечно, впослѣдствіи все узнаемъ. А Коммиссія, говорятъ, скоро кончитъ свое дѣло и назначится судъ. Что же сдѣлала Коммиссія? Что открыла?—Намъ отвѣча-

Digitized by Google

ютъ на это печальнымъ: ничего. И радостно скопцы повторяютъ: ничего. И тѣ и другіе предвѣщаютъ единогласно: Плотицынъ долженъ быть оправданъ.

Это слухъ, это предположеніе, основанное, можетъ быть, у однихъ на неосновательной надеждѣ: „изъ такихъ дѣлъ выходили сухи“. У другихъ на столь же неосновательной боязни. Но можетъ быть и впрямь открыты какія-нибудь на столько благопріятныя указанія для Плотицына, или на столько скрыты улики неблагопріятныя, что дѣйствительно не будетъ основаній продолжать строгую подозрительность....

О дарованіи правъ свободнаго просвѣщенія для старообрядцевъ. *)

Въ передовой статьѣ нынѣ полученныхъ Биржев. Вѣдом. напоминается о томъ, что правительство надѣялось черезъ посредство единовѣрчества ослабить расколъ; но, разсуждаютъ Биржевыя Вѣдомости, чтобъ успѣхъ былъ вѣрнѣе, необходимо въ единовѣрческія школы ввести обязательное преподаваніе Закона Божія, что до сихъ поръ предоставлялось домашнимъ заботамъ. Единовѣріе отличается отъ православія исключительнымъ уваженіемъ къ книгамъ, употреблявшимся во время первыхъ пяти патріарховъ. По мнѣнію статьи, нѣкоторыя изъ книгъ того времени могутъ быть приняты въ руководство. Правительство, содѣйствуя такимъ образомъ упроченію богословскаго образованія въ единовѣрческихъ школахъ по старопечатнымъ книгамъ, можетъ сказать и раскольнику: „ты уважаешь древнія книги, приходи и учись по нимъ“.

Нельзя не сочувствовать мысли Биржевыхъ Вѣдомостей, сущность которой изложена выше.

Нельзя не прибавить, что дозволеніе обучаться въ общественныхъ заведеніяхъ Закону Божію по старопечатнымъ кни-

*) С. И. 5 апрѣля № 93.

Digitized by Google

гамъ, желаемое для единовѣрцевъ, совершенно безвредно можетъ быть допущено и для чистыхъ старообрядцевъ.

Надобно удивляться, что вопросъ о старообрядческихъ училищахъ не пришелъ доселѣ къ совершенному разрѣшенію.

Надобно поражаться уступчивостью, какую показываютъ въ этомъ отношеніи старообрядцы. Какъ слышали мы, они изъявляютъ готовность принять законоучителя изъ православныхъ, лишь бы не въ рясѣ. Итакъ, зачѣмъ дѣло стало?

Причина въ недоразумѣніи, которое существуетъ между государственною властію и расколомъ старообрядства, и которое есть часть великаго недоразумѣнія, представляемаго всѣмъ явленіемъ старообрядства. Нетерпимостью къ обрядамъ преданнымъ и повсемѣстнымъ вызвана нетерпимость къ іерархіи. Нетерпимостью къ іерархіи вызваны преслѣдованія съ одной стороны; преслѣдованія привели другую къ признанію и церкви и государства антихристомъ; затѣмъ проклятія съ обѣихъ сторонъ,—расколъ полный. Но проклятіе поразило обряды, содержимые доброю половиною христіанъ, пользующихся благословеніями. Но секта прокляла іерархію въ дѣйствительности, не отказавшись отъ іерархіи въ принципѣ. Самодѣльное священство съ одной стороны, предложеніе единовѣрія съ другой: попытки выйти изъ противорѣчиваго положенія. Но священство все-таки самодѣльное; но благословляемые обряды все-таки остаются подъ осужденіемъ; сближеніе невозможно.

Такова въ двухъ словахъ исторія раскола. Здѣсь все недоразумѣніе, съ начала и до конца, и за этимъ церковнымъ недоразумѣніемъ, шагъ въ шагъ шла и государственная власть съ своимъ недоразумѣніемъ. Враждебную государству догматику, вынужденную преслѣдованіями, приняло государство за безусловную, и отвѣчало на нее новыми преслѣдованіями; но этимъ естественно вынуждало ее только развиваться въ данномъ направленіи, и прійти, наконецъ, къ какому-нибудь уродливому ученію бѣгуновъ, не находящему ни на землѣ, ни на водѣ, ни въ городѣ, ни въ селѣ, ничего не оскверненнаго антихристомъ. Развѣ это не недоразумѣніе? Самое существенное и вмѣстѣ

Digitized by Google

самое вредное въ немъ то, что оно принимаетъ причину за послѣдствія, находитъ необходимымъ вооружаться государственными мѣрами противъ того, что само порождено этими мѣрами. Ученіемъ, догматически враждебнымъ государству, расколъ только пытается объяснить враждебное отношеніе государства къ тому, что оно принимаетъ за святыню. Въ этомъ смыслѣ старообрядство есть единственный фактъ во всей исторіи вѣроученій и въ этомъ смыслѣ примирительныя къ нему мѣры не просто смягчатъ расколъ, какъ смягчаютъ онѣ всякое преслѣдуемое исповѣданіе, но подрываютъ его самый корень, отнимаютъ у него логическое основаніе. А лучшая къ этому дорога, кромѣ внѣшней терпимости, есть дарованіе правъ свободнаго просвѣщенія; оно снимѣтъ послѣднюю преграду къ примиренію, заключающуюся въ наслѣдуемомъ безсознательномъ фанатизмѣ.

Не находимъ возможнымъ, чтобы расколъ, подъ вліяніемъ чего бы ни было, хотя бы просвѣщенія, палъ: историческія явленія не пропадаютъ безслѣдно. Находимъ забавнымъ признавать расколъ и невѣжество тожественными: невѣжество есть сопровождающее обстоятельство, но не существо раскола. Но просвѣщеніе, нѣтъ сомнѣнія, преобразитъ теперешнюю старообрядческую догматику, какъ преображалась она не разъ; но оно способно выростить изъ *раскола* мирное *направленіе*, и направленіе благотворное. Это будетъ христіанское развитіе на преобладающемъ основаніи мѣстныхъ преданій, тогда какъ церковь пребудетъ, какъ и была, явленіемъ мысли и любви во всей евангельской широтѣ, не презирающей эллина ни варвара.

Дѣяніемъ великой мудрости правительства будетъ выразумѣть въ этомъ смыслѣ положеніе вещей и вести къ этому концу....

Digitized by Google

Бороться съ расколомъ должно не мѣрами преслѣдованія, а просвѣщеніемъ *).

Родственникъ старообрядца, пострадавшаго—винно или безвинно, не станемъ судить, но пострадавшаго за исполненіе того, что предписываетъ ему его вѣра,—возвышаетъ голосъ свой къ правительству, между прочимъ, чрезъ печатный органъ. Высшій судъ въ Россіи, нѣтъ сомнѣнія, приметъ во вниманіе просьбу, которая вмѣстѣ съ тѣмъ подана ему другимъ, прямымъ путемъ, и поступитъ такъ, какъ повелитъ ему законъ. Но и печатный органъ долженъ принять къ своему вниманію эту челобитную, и подвергнуть своему обсужденію то, что ему подлежитъ въ ней: общій вопросъ.

Челобитная, передавая дѣло Зорина, одно изъ безчисленныхъ дѣлъ въ Россіи, не говоритъ ничего новаго: епархіальная власть возбуждаетъ преслѣдованіе противъ старообрядца; административная власть преслѣдуетъ; судъ караетъ. Все это было, все это есть. Кто не желаетъ, чтобъ этого не было? Законъ суровъ, хотя ослабляемый сепаратными административными предписаніями. Епархіальная власть пользуется закономъ; можетъ быть полагаетъ она даже, что исполняетъ этимъ свой долгъ. Такъ ли это?

Возьмемъ сперва юридическую сторону дѣла. Епархіальная власть не дастъ хода донесеніямъ благочинныхъ: отвѣтствуетъ она за это? Здѣсь нельзя принимать въ единственное соображеніе, что стоитъ въ сводѣ законовъ: извѣстны распоряженія правительства, которыми многія статьи фактически отмѣняются, хотя изъ книги законовъ онѣ не вычеркнуты. Изъ этого достаточно понять, что расколъ, обращеніе въ расколъ и совращеніе преслѣдуется государственною властію не какъ самостоятельное преступленіе; что строгія угрозы закона остаются не тронутыми скорѣе изъ уваженія къ требованіямъ и желаніямъ церковной іерархіи, тогда какъ истинное выраженіе государственнаго мнѣ-

*) С. И. 14 апрѣля, № 102.

Digitized by Google

нія дается смягчающими предписаніями; что, словомъ, епархіальная власть не окажется преступницею чрезъ свое снисхожденіе къ расколу и не будетъ государственною властью привлечена къ отвѣтственности.

Консисторія и преосвященный на донесеніе благочиннаго и священника отвѣтятъ: пусть мѣстное духовенство изыскиваетъ пути воздѣйствовать на заблудшихъ, непокорныхъ и явно строптивыхъ мѣрами увѣщанія, ученіемъ слова и примѣра, и наконецъ покрываетъ все въ случаѣ неуспѣха любовію долготерпѣнія. Нарушитъ этимъ епархіальная власть свой церковный долгъ, свои пастырскія обязанности? Въ ученіи Христа и апостоловъ о пастырскихъ обязанностяхъ не находимъ указаній, чтобъ обращались пастыри противъ непріемлющихъ истины къ проконсуламъ и преторамъ. Если соборы и обращались иногда къ императорамъ съ просьбою о внѣшней помощи къ искорененію ересичества, достаточно ли обсуждено, какого рода эти правила? тѣ ли неотъемлемыя, имѣющія вѣковѣчную обязательность, каковы исповѣданія вѣры, или относятся къ числу другихъ, весьма многихъ, имѣющихъ временное значеніе, и даже собственно не имѣютъ значенія правилъ? И наконецъ, по здравому смыслу обращаться къ свѣтской власти позволительно только въ видахъ и съ надеждою успѣха. Такъ ли это въ настоящемъ дѣлѣ?

Все общественное мнѣніе, все, что мыслитъ въ обществѣ и разсуждаетъ, все противъ карательныхъ мѣръ за вѣроотступничество. Едва ли епархіальныя власти нуждаются въ доказательствахъ этого. Но не одно *мнѣніе*, возьмемъ общественную *силу*. Все, что наполняетъ административныя и судебныя мѣста, сочувствуетъ ли строгимъ мѣрамъ противъ раскольниковъ? Ведутъ слѣдствіе, производятъ судъ, налагаютъ наказаніе, не скрѣпя ли сердце? Это—честные. А для прочихъ не служитъ ли это просто средствомъ покормки, незаконныхъ вымогательствъ, однимъ словомъ поощреніемъ къ преступленіямъ по службѣ? Ужели и это нужно доказывать? Не слишкомъ ли ясно напротивъ все отвращеніе органовъ власти быть исполнителями каратель-

Digitized by Google

ныхъ внушеній духовенства даже изъ тѣхъ мѣръ публичнаго суда, какія успѣли дойти до общаго свѣдѣнія? Вы, консисторіи, поройтесь въ своихъ архивахъ! Вы, преосвященные, поройтесь въ своихъ перепискахъ, въ своихъ воспоминаніяхъ! Не ясно ли вамъ, что презрѣть ваши жалобы и настоянія, и иногда, такъ сказать, даже посмѣяться вамъ оффиціально, не упускали случая и даже люди не презренные. И такъ, для достоинства церкви нужно не давать случаевъ къ этому.

Что-жъ, наконецъ, дѣйствуютъ ли этиіъ на расколъ? Но вотъ выраженіе, въ искренности котораго нельзя сомнѣваться. „Пойдутъ ли къ такому владыкѣ, который предаетъ на преслѣдованіе, который есть причина закованій въ желѣза, заключеній?“ Кто изъ занимавшихся расколомъ не читывалъ этихъ дѣлъ, этихъ показаній, исполненныхъ фанатизма, въ которыхъ испытываемое преслѣдованіе внезапно возвышаетъ духъ преслѣдуемаго, и онъ, воображая себя на мѣстѣ древнихъ мучениковъ, начинаетъ самъ говорить языкомъ четіихъ-миней: „пріидохомъ предъ мучителя, и глаголахомъ ему. Онъ же отвѣщавъ рече...“ и это о становомъ приставѣ или квартальномъ надзирателѣ, въ которыхъ на сей разъ прозрѣвается изувѣромъ какой-нибудь *епархъ* или *преторъ* временъ Діоклитіана!

Говоримъ не во имя старообрядчества и не въ защиту раскола. Говоримъ во имя церкви и изъ благожеланія православію. Унизительно, безполезно и не обязательно: — не должно.

Все, что содѣйствуетъ просвѣщенію въ истинномъ смыслѣ, все содѣйствуетъ побѣдѣ церкви и ослабленію раскола. Напрасно однако думать, что мѣры столь внѣшнія, каково печатаніе славянскими буквами и въ особенности печатаніе такихъ произведеній, каковы сочиненія Пушкина, приведутъ къ чему нибудь, и въ особенности приведутъ къ чему нибудь въ смыслѣ побѣды надъ расколомъ. Тутъ нужны мѣры болѣе коренныя и болѣе специфическія, прямѣе дѣйствующія.

Digitized by Google

О борьбѣ съ нищенствомъ *).

Въ изданіи нашемъ было говорено о нищенствѣ, и не разъ. Было замѣчаемо и о множествѣ нищихъ и о слабости надзора за ними и о безполезности надзора;—нищій, взятый полиціей и отправляемый въ работный домъ, снова оттуда выпускается вскорѣ и снова встрѣчается за своимъ обычнымъ рукомесломъ. Было говорено и о томъ, что, по слухамъ, нищенство имѣетъ правильную организацію, съ раздѣленіемъ труда и полною администраціею, основанною на выборномъ началѣ и руководствующеюся въ своемъ управленіи неписанными законами.

Безпокоющагося докучливымъ видомъ попрошаекъ можетъ успокоить слѣдующее размышленіе, на которомъ успокоивались бывало благоразумные люди при видѣ взяточничества: „берутъ, потому что даютъ.“ Нищіе существуютъ и размножаются, потому что находятся охотники подавать нищимъ и находится ихъ столько, что цѣлыя тысячи могутъ снискивать нищенствомъ безбѣдное пропитаніе, и нищенствомъ почувствовалось даже удобство и необходимость организовать себя въ корпорацію. Что же противъ этого дѣлать? Стыдить полицію, требовать отъ нея, чтобы усилила надзоръ? Не защищаемъ полиціи. Пусть ея надзоръ ослабѣлъ, и пусть она его усилитъ, но не будетъ ли это, по недавнему выраженію одного изъ нашихъ корреспондентовъ, переливаніемъ воды въ рѣшето? Нищіе, отправляемые въ работный домъ, снова выйдутъ на свободу и дадутъ полиціи работу *Сизифа*. Пусть эти нищіе будутъ даже высланы изъ столицы, что впрочемъ не такъ легко, какъ кажется, или будутъ заключены на вѣки, что въ свою очередь будетъ не совсѣмъ человѣколюбиво; народятся въ удовлетвореніе подавателей новые нищіе и такъ далѣе до безконечности. Не думаемъ даже, чтобы полицейскія мѣры противъ нищихъ были одобряемы большинствомъ; чаще случается, что на часы полицейскихъ гоненій народонаселеніе принимаетъ сторону нищихъ, беретъ ихъ подъ

*) С. И. 16 апрѣля, № 104.

Digitized by Google

свое покровительство, оказываетъ укрывательство гонимому нищему. И самую слабость надзора мы приписываемъ болѣе всего тому же, что низшіе полицейскіе исполнители сами въ этомъ случаѣ частію стоятъ на народной точкѣ зрѣнія, и не видятъ въ нищенствѣ ничего преступнаго; частію угождаютъ народнымъ привычкамъ и не трогаютъ тѣхъ, кто столько надобенъ народу. Не мало значитъ и то, что преимущественное пристанище нищихъ—церковь. Не впустить ли и туда хожалаго, чтобы онъ выталкивалъ протягивающихъ руку? Но не дадимъ ли этимъ власть полиціи, о которой послѣ сами пожалѣемъ?

Кротчайшій путь: обратить запретительную мѣру противъ самихъ подавателей. Но это будетъ насиліемъ возмутительнымъ. Вооружаться гоненіемъ противъ благотворительности, воспрещать порывъ состраданія, подчинять свободное христіанское чувство административной регламентаціи и полицейскому надзору, вводить полицейскую руководительную руку въ самую совѣсть гражданина, въ священнѣйшіе тайники его души.

Проповѣдь церковная могла бы здѣсь дѣйствовать съ большимъ правомъ. Но съ церковной ли каѳедры раздаваться запрещеніямъ подаяній? Не отсюда ли должны напротивъ раздаваться повторительные призывы къ соблюденію заповѣди о призрѣніи нищихъ?

Путь къ истребленію нищенства, безъ преграды христіанскому чувству благотворительности, открытъ правомъ учреждать приходскія попечительства. Ихъ дѣло пещись о всѣхъ бѣдныхъ прихода и успокаивать ихъ. Введеніемъ ихъ повсюду повидимому прекратилось бы нищенство. Но они не вводятся и введеніемъ ихъ не прекратилось бы. Въ одномъ изъ приходовъ, гдѣ вводилось попечительство, почтенный прихожанинъ, по выслушаніи всѣхъ обязанностей, налагаемыхъ учрежденіемъ на членовъ, спрашиваетъ: „такъ послѣ этого, и не подавай нищимъ? Нѣтъ, положенные 25 рублей въ годъ на бѣдныхъ вы съ меня возьмите; помогу и еще чѣмъ смогу, но нищимъ подавать не перестану, и если такъ требуется отъ членовъ попечительства, то не считайте лучше меня своимъ.“

Digitized by Google

Вотъ гдѣ источникъ нищенства, и вотъ гдѣ непреодолимая преграда къ его истребленію. Христіанское чувство русскаго, ищущее исполнить долгъ благотворенія, не удовлетворяется случаемъ оказать помощь отвлеченной бѣдности, на чемъ такъ легко успокоивается мораль англичанина и нѣмца. Ему нуженъ индивидуальный образъ, живой человѣкъ, осязательный видъ нужды, который бы не только вызвалъ размышленіе о необходимости помочь, но тронулъ бы въ сердце, произвелъ впечатлѣніе. Находите тутъ грубость, требующую сильныхъ ощущеній, находите тонкость, которая понимаетъ, что достоинство и сущность христіанскаго благотворенія не въ механическомъ дѣйствіи выниманія и подаванія денегъ и не въ умственномъ представленіи о пользѣ благотвореній, а въ душевномъ движеніи, въ томъ, чтобъ вырвался вздохъ изъ сердца, тронулась слеза, чтобы сострадательной любовью слиться хотя бы на минуту съ страждущимъ братомъ. Давайте такое объясненіе, давайте иное; по нашему мнѣнію, вѣрно отчасти и то и другое, но это такъ, но это есть и въ этомъ заключается прямая причина нищенства и противъ нея бороться трудно. Мы не знаемъ даже нужно ли бороться? Нужно ли истреблять—чѣмъ угодно, мѣрами ли полицейскими или мѣрами педагогическими—эти проявленія христіанскаго чувства, въ сущности весьма похвальныя? Противъ тунеядства, принимающаго личину бѣдности, не подойти ли какъ съ другой стороны, не призывая безполезныхъ мѣръ полиціи, не полагая на церковь обязанности проповѣдывать противное тому, что она исповѣдуетъ и не очерствляя насильственно души подчиненіемъ христіанскаго чувства бездушному методизму?

Отношенія католическихъ государствъ къ Римской церкви.*)

Нѣтъ, вселенскій соборъ не пустое слово, хотя бы и въ Западной Европѣ; не комедія, хотя бы и въ современномъ Римѣ. Римъ чувствуетъ потребность свести окончательные

*) С. И. 30 апрѣля, № 116.

Digitized by Google

счеты съ міромъ, который имъ порожденъ и вскормленъ,—но дѣти отлучились отъ дома родительскаго; другіе разлучились, не отлучаясь; даже разучились родители понимать дѣтей, дѣти родителей. Пій IX, съ вѣрою достойною лучшихъ убѣжденій, утѣшается, что по испытаніи истина католическая восторжествуетъ; несокрушимая сила дастъ побѣду церкви надъ врагами. Съ терпѣніемъ столь же твердымъ онъ готовъ принять съ своимъ стадомъ и гоненія и бѣдствія; но это церковь и есть церковь воинствующая.

Положеніе Пія IX хорошо, потому что оно честно: не таково положеніе католическихъ правителей и правительствъ. По кускамъ отрываютъ церковныя владѣнія; забираютъ тамъ и здѣсь церковныя имущества, дѣлятъ ризы Христовы, какъ выражаются кощунственно ультрамонтанскіе богословы. Папскія буллы даютъ епископамъ читать по выбору; папскихъ заповѣдей не слушаютъ и не принимаютъ.—Не родоначальникъ ли политической Европы одарилъ папскую каѳедру? Не возвели ли этого дара подложными свидѣтельствами едва не до Самого Христа? Не сами ли теперешніе правители въ лицѣ своихъ предшественниковъ пересчитывали колѣнами ступени римскихъ храмовъ? Не вся ли католическая Европа шла по папскому призыву на крестовые походы противъ невѣрныхъ и положила еретиковъ на костры?

Если бы это былъ фактъ; но это догматъ и право. Если бы это было право гражданское и политическое; но это право церковное, и притомъ католическое. А они католики.

Народы одинъ за другимъ и одну за другою выпрашиваютъ свободу: ученія, преподаванія, печати, всяческихъ обсужденій, суда, управленія, рода занятій, брачнаго сожительства. И правительства одно за другимъ даютъ ихъ одну за другою, не отвергая и началъ, сомнѣваясь лишь въ благовременности. Что скажутъ они, когда соборъ всѣхъ католическихъ предстоятелей проклянетъ одну за другою эти свободы, повторяя то, что за нѣсколько лѣтъ провозглашено ихъ первостоятелемъ въ Перечнѣ Заблужденій (Syllabus errorum)? Они скажутъ:

Digitized by Google

перечень заблужденій есть заблужденіе. Это будетъ правда, но это не будетъ католичество. Папа увѣряетъ, что это даже не христіанство. Это не правда, но католическимъ правительствамъ отъ того не легче: они католики.

Они католики, и не слагаютъ этого званія. Австрійское все то же апостольское величество; испанское, если раздобудется наконецъ Испанія величествомъ, все останется и по титулу католическимъ. Если французское не носитъ стараго титула христіаннѣйшаго, то оно же и не отрекается отъ преданій, завѣщанныхъ христіаннѣйшими королями, не отступается отъ права быть и дѣйствовать предстателемъ, хотя бы за католиковъ на востокѣ.

Объявлять себя католиками и не признавать католицизма нелѣпо. Признавать католицизмъ и отвергать католическій катихизисъ смѣшно. Можно бы закрывать глаза, будто бы не замѣчать единоличныхъ возгласовъ и воздыханій папы, можно укрыть себя за предположеніе, что голосъ одного, хотя по катихизису и непогрѣшимый, случайно впалъ въ заблужденіе, или долженъ быть уразумѣваемъ въ иномъ смыслѣ, нежели какой явствуетъ изъ словъ. Можно дерзать на угрозы отдѣльнымъ епископамъ, не хотящимъ знать гражданскаго брака, или не признающимъ свободы обученія. Но когда всѣ епископы и за ними весь клиръ скажутъ то же; когда свѣтоненавистныя и свободоненавистныя положенія потребуютъ себѣ и найдутъ мѣсто въ катихизисѣ, какъ опредѣленіе церкви, торжественно опознанное и признанное, и въ силу того—какъ догматъ, внѣ котораго нѣтъ спасенія, и безъ котораго нѣтъ церкви: куда и за что укроется лицемѣріе? Нельзя имѣть притязанія на церковное исповѣданіе болѣе чистое, чѣмъ исповѣдуетъ сама церковь: а церковь въ католичествѣ и соборъ церкви есть церковь предстоятелей. Иначе это не будетъ католичество.

Европа, и въ особенности католическая, до того извѣрилась, что можно ожидать какой-нибудь новой, невѣроятной, чудовищной формы лицемѣрія, въ которой будетъ уживаться самое прямое нѣтъ съ самымъ рѣшительнымъ да; отъищется

Digitized by Google

средство числиться католиками и папистами, не смотря на опредѣленіе собора, ни на новыя изданія катихизиса, ни на проклятія, раздающіяся во всѣхъ церквахъ государства противъ началъ, которыя открыто и торжественно признаются государствомъ. Но положеніе останется затрудительнымъ и тѣмъ болѣе, что сонмъ духовенства католическаго отнюдь не безсиленъ. Наполеонъ III вспомнитъ, что клиру онъ одолженъ престоломъ; а всѣ другія католическія царства вспомнятъ, что католицизмъ благословляетъ на все противъ упорныхъ враговъ церкви.

Не видимъ, чтобы правительства рѣшались предотвратить осуществленіе собора насильственнымъ удержаніемъ епископовъ. Трудно ожидать, чтобы успѣли раздѣлить голоса епископовъ, и тѣмъ менѣе уговорить папу на ограниченіе соборныхъ совѣщаній невинными, мало опасными отлеченными матеріями. Искушеніе такъ сильно. И намѣреніе такъ очевидно: оно требуется наконецъ самимъ ходомъ исторіи и вынуждается отъ папы его положеніемъ. Является иная попытка; но эта попытка такъ же будетъ малоуспѣшна, какъ и малоосновательна.

Кто-то книжкою, изданною въ Парижѣ, пытается отвергнуть самое право папы составить соборъ; это право, говоритъ авторъ, принадлежитъ правительствамъ. Вселенскіе соборы сзываемы были императорами: таковъ дѣйствительно фактъ, но онъ мало поможетъ противникамъ, тѣмъ болѣе, что неоднократно и неистово опровергаемъ былъ католичествомъ. Вселенскіе соборы созываемы были императорами именно потому во первыхъ, что сама имперія признавала себя въ тѣ времена всемірною, насупротивъ церкви вселенской; и для того во вторыхъ, что согласившись съ открытымъ бытіемъ въ себѣ церкви, государс[redacted] при разногласіи церковнаго ученія, нуждалось знать, которое изъ нихъ есть подлинно церковное, и къ кому отнестись, какъ къ церкви. Гдѣ государства не искали церкви, тамъ церковный вопросъ для своего обсужденія не нуждался во внѣшнемъ созваніи, каковы ни были всѣ вопросы, обсуждавшіеся на помѣстныхъ и именно до-византійскихъ соборахъ. Но теперь государства ни чуть не ищутъ, гдѣ подлинная ка-

Digitized by Google

толическая церковь; они ее слишкомъ ощутительно видятъ и осязаютъ, и даже болѣе чѣмъ желаютъ. Теперь, напротивъ, церковь намѣревается для себя опредѣлить, что есть истинное государство, облеченное божественнымъ правомъ власти, и что признать лишеннымъ этого права.

Чѣмъ же все это кончится? Гдѣ же тотъ изворотъ, которымъ наконецъ уйдутъ отъ Рима католическія державы, и что станетъ съ самимъ Римомъ?

О внѣбрачныхъ дѣтяхъ*).

Сегодня въ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ читаемъ три сряду оффиціальныя извѣщенія. Передаемъ ихъ съ буквальною точностью.

«4 мая, Мѣщанской части, 4 квартала, въ Сокольникахъ, близъ дачи Иванова, по Чернышевскому переулку, поднятъ младенецъ женскаго пола, около двухъ мѣсяцевъ отъ рожденія, къ розыску родственниковъ котораго приняты мѣры; младенецъ же взятъ на воспитаніе солдаткою Наталіею Николаевой, по изъявленному ею желанію.

«5 мая, Городской части, 2 квартала, городовымъ унтеръ-офицеромъ Суконкинымъ, въ проходѣ Никольскихъ воротъ, поднятъ младенецъ женскаго пола, къ розыску родственниковъ котораго приняты мѣры; младенецъ же взятъ на воспитаніе мѣщанкою Никандровою. Актъ переданъ судебному слѣдователю 8 участка.

«6 мая, Мѣщанской части, 4 квартала, на дачѣ купца Брычева, въ прудѣ найдено мертвое тѣло младенца, обернутаго въ тряпку, съ привязаннымъ камнемъ. Къ розыску виновнаго приняты мѣры. Актъ переданъ судебному слѣдователю 11 участка.»

И такъ, двое брошенныхъ младенцевъ и одинъ умерщвленный въ продолженіи трехъ дней, или круглымъ числомъ, по одному на каждый день младенцу, преданному на погубленіе! Внимательные читатели оффиціальнаго листка имѣли случай замѣтить, что вообще эти случаи повторяются часто, и притомъ несравненно чаще, чѣмъ въ прежнія времена. Наблюдатели пророчатъ, что наступятъ періоды, когда тѣ же случаи станутъ повторяться чаще теперешняго, а въ сравненіи съ бы-

*) С. И. 11 мая. № 127.

Digitized by Google

лыми временами чаще не въ примѣръ. Времена рожденій слѣдуютъ извѣстному закону, который давно подмѣченъ въ Воспитательныхъ Домахъ, и по которому низшія должностныя лица, стоящія при пріемѣ дѣтей и родовспоможеніи, давно раздѣлили подбывающихъ младенцевъ на особенные разряды. „Ну, теперь пойдутъ святочные!“ Или: „а, это свѣтлонедѣльные, масляничные“—и такъ далѣе, принимая за основаніе клички девятимѣсячный срокъ беременности, высчитываемый назадъ отъ времени пріема младенцевъ.

Теперь не наступила череда являться на свѣтъ ни святочнымъ, ни свѣтлонедѣльнымъ, ни масляничнымъ, а число брошенныхъ дѣтей умножается. Размышляющіе ставятъ это явленіе въ связь съ новыми правилами, которыя приняты въ Воспитательныхъ Домахъ, и которыми пріемъ дѣтей ограниченъ и стѣсненъ. Долгъ публициста—указать на это сближеніе, основанное на этомъ, дѣйствительно замѣчательномъ совпаденіи, и съ своей стороны помочь разъясненію возникающаго отсюда вопроса своими размышленіями.

Тамъ, гдѣ Воспитательныхъ Домовъ нѣтъ и не было, можетъ быть и такъ и иначе рѣшаемъ вопросъ: слѣдуетъ ли ихъ устраивать? Или: не должно ли пріемъ дѣтей, отчуждаемыхъ отъ себя матерями, ограничить до послѣдней возможности? И мы видимъ, что въ протестантскихъ земляхъ, дѣйствительно, смотрятъ на устроеніе Воспитательныхъ Домовъ недружелюбно, находя въ нихъ подпору и поощреніе разврату. Можно съ этимъ спорить, можно съ этимъ соглашаться; цѣлую литературу успѣлъ образовать этотъ вопросъ. Несомнѣнно одно, что противоположность воззрѣній, обнаруженныхъ странами католическими и протестантскими стоитъ здѣсь какъ разъ въ прямой связи съ различіемъ вѣроисповѣдныхъ воззрѣній на брачное сожительство. Строго-сурово католическое ученіе о безусловной нерасторгаемости брака; легко допускается разводъ протестантствомъ. Отсюда два прямыхъ послѣдствія. Въ католическихъ странахъ число браковъ, признаваемыхъ супругами за несчастные, гораздо значительнѣе, чѣмъ въ протестантскихъ; и

Digitized by Google

во вторыхъ многочисленнѣе случаи внѣбрачнаго сожительства. Одни отъ брака ищутъ связей внѣ брака, не находя правъ развода; другіе не рѣшаются заключать бракъ, предвидя нерасторжимыя оковы. Но тѣмъ суровѣе однако къ внѣбрачнымъ связямъ общество, воззрѣнія котораго на семейную жизнь идутъ по прямой линіи все-таки отъ религіозныхъ догматовъ, нужды нѣтъ, что это происхожденіе не помнится, и въ этой связи съ религіею не дается отчета. Итакъ, въ силу строгихъ воззрѣній на бракъ, внѣбрачное дѣторожденіе обычнѣе въ католическихъ земляхъ, чѣмъ въ протестанскихъ, но въ силу той же причины суровѣе относится къ нимъ общество. А отсюда третье послѣдствіе: болѣе частые случаи преступленій,—желаніе скрыть грѣхъ и избавиться отъ вѣчнаго обличенія. А отсюда четвертое: Воспитальные Дома. Строгій монахъ-подвижникъ беретъ подъ полу своей сутаны найденное имъ дитя, несчастное, ни въ чемъ неповинное, но тѣмъ не менѣе брошенное матерью, и воспитываетъ его. Читатели знаютъ этотъ разсказъ, столь трогательный о началѣ Воспитательныхъ Домовъ въ Европѣ.

Въ протестантскихъ земляхъ легче понятіе о бракѣ, не такъ строги воззрѣнія на безбрачныя связи и нѣтъ тѣхъ нравственныхъ побужденій къ дѣтоубійству; и тамъ, смотря изъ своего вѣроученія, правы сказать, что устройство Воспитательныхъ Домовъ поощряетъ къ разврату и искусственно ослабляетъ кровную связь между родителями и дѣтьми. Тамъ церковь не связываетъ, государство не стѣсняетъ и общество снисходитъ.

Когда бы у насъ Воспитательныхъ Домовъ не было и приходилось ихъ заводить впервые, тогда бы слѣдовало отправиться къ разрѣшенію вопроса тоже отсюда; смотрѣть, откуда бываютъ беззаконныя рожденія, и изслѣдовать, какъ относится общество къ матерямъ, имѣвшимъ несчастіе сдѣлаться естественными, но не законными матерьми. Къ другимъ ли практическимъ выводамъ привели бы эти изслѣдованія Екатерину и Бецкаго, или къ тѣмъ же самымъ, разсуждать теперь объ этомъ было бы празднословіемъ. Можно полагать впрочемъ, что во всякомъ случаѣ предпочтительнѣе было бы сохранить высо-

Digitized by Google

кое понятіе парода о брачной жизни; а съ тѣмъ вмѣстѣ и дать средства укрывать свой стыдъ жертвамъ народнаго презрѣнія, нежели колебать эти понятія или влечь матерей на противуестественнѣйшее изъ преступленій.

Но Воспитательные Дома у насъ существуютъ цѣлое столѣтіе. Такъ или иначе разсудили устроить сдѣлку между требованіями общественной совѣсти и грѣхами увлеченія. Путь проложенъ. Успѣла образоваться привычка. Составилось преданіе. Въ замѣнъ приготовленъ ли теперь выходъ для тѣхъ дѣтей, которыхъ не пускаютъ новыя правила въ Воспитательный Домъ, и которыя находили прежде туда доступъ?—Имъ есть выходъ—на улицу. Отсутствіе Воспитательныхъ Домовъ въ странѣ, гдѣ общество смотритъ строго на незаконныя рожденія, есть отсутствіе предохранительныхъ мѣръ противъ дѣтоубійства; уничиженіе Воспитательныхъ Домовъ тамъ, гдѣ они есть, или ограниченіе свободнаго пріема, когда онъ былъ, можетъ обратиться въ способствованіе дѣтоубійства.

Говорятъ, что новыя правила Воспитательныхъ Домовъ явились лишь отчасти изъ нравственныхъ побужденій въ прекращеніе злоупотребленій, которыхъ было довольно, и изъ которыхъ главное заключалось въ мошенническомъ даровомъ воспитаніи дѣтей на счетъ казны. Но главнымъ побужденіемъ были, какъ слышно, финансовые разсчеты, по которымъ между прочимъ передаются, по слухамъ, и больницы опекунскаго совѣта въ городское вѣдѣніе. Мы находимъ это основаніе не вполнѣ соотвѣствующимъ требованіямъ политическаго благоразумія. Вообще мы противъ всякихъ благотворительныхъ учрежденій со стороны государства; принявъ иное основаніе, можно прійдти, какъ мы не разъ высказывались, къ очень крайнимъ выводамъ. Но если заводить благотворенія на казенный счетъ опасно, то отнимать заведенныя не обѣщаетъ тоже благопріятныхъ послѣдствій.

Во всякомъ случаѣ, новыя правила Воспитательныхъ Домовъ введены только въ видѣ опыта. Каждый гражданинъ порадуется, если дальнѣйшій опытъ не будетъ продолженіемъ

Digitized by Google

того кратковременнаго опыта, о которомъ съ такимъ печальнымъ лаконизмомъ свидѣтельствуютъ Полицейскія Вѣдомости.

Но если послѣдствія продолжатся, и все въ томъ же родѣ, тогда, вѣроятно, время для опыта новыхъ правилъ будетъ сокращено благоразумiемъ правительства.

Дѣло Плотицына*).

Дѣло Максима Плотицына докладывалось 13 мая въ Тамбовской уголовной палатѣ, и въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ сообщенъ объ этомъ довольно обширный отчетъ. Если вѣрить описателю, при докладѣ и передъ докладомъ были упущены разныя формальности. Нельзя объ этомъ не пожалѣть. А въ особенности нельзя не пожалѣть, что дѣло столь громкое, ушло отъ гласнаго суда и отъ приговора присяжныхъ. Недоумѣваемъ объ основаніяхъ, на которыхъ—если вѣрить опять повѣствователю—употреблена была нарочитая поспѣшность уклонить дѣло отъ новаго судопроизводства. Не позволяемъ себѣ ни на минуту остановиться на мысли, чтобы это было сдѣлано въ угоду какому-либо предпринятому рѣшенiю,—въ томъ или другомъ смыслѣ. Рѣшено ли во что бы то ни стало обвинять,—но для чего бы это было нужно, если Плотицынъ правъ? Или рѣшено оправдать,—но для кого и для чего можетъ быть и это нужнымъ, когда бы Плотицынъ былъ дѣйствительно виноватъ? Не сдѣлано ли какихъ промаховъ слѣдственною Коммиссiею или упущенiй со стороны администрацiи? Но въ выгодахъ правительства не только не скрывать этихъ промаховъ и упущенiй, напротивъ раскрыть и предъ всѣмъ свѣтомъ подвергнуть взысканiямъ. Нельзя скрывать, что тщательное укутываніе дѣла именно ведетъ къ разнымъ нареканiямъ, къ молвѣ, которой можетъ быть только десятая часть основательна, но которая способна бросить пятно, тѣнь, на лица безукоризненныя.

*) С. И. 21 мая, № 137.

Digitized by Google

Боязнью за справедливость приговора присяжныхъ оскорбляется начало правосудія, признанное новымъ законодательствомъ. Если по высшимъ политическимъ соображеніямъ и необходимъ былъ такой или иной приговоръ во что бы то ни стало, полезнѣе было бы достигнуть этого инымъ способомъ, а не предпочтеніемъ уголовной палаты окружному суду. На этотъ разъ тѣмъ важнѣе былъ бы приговоръ присяжныхъ, что мы познакомились бы съ воззрѣніемъ общества на скопческую секту. Судятъ о ея неудоботерпимости въ государствѣ по отвлеченнымъ соображеніямъ: поучительно было бы выслушать приговоръ живой народной совѣсти. Повтореніемъ приговоровъ въ одномъ направленіи просвѣтилось бы и законодательство, которое, во всякомъ случаѣ, обязано принимать живую народную совѣсть въ преимущественную для себя опору. Мы уже не говоримъ, что крайне важно было бы просвѣтить и публику относительно дѣятельности секты, ея силы, догматовъ, практическаго вѣрованія. Своимъ упорнымъ продолженіемъ и распространеніемъ обязана секта именно своей таинственности, которую между тѣмъ правительство поддерживаетъ; столько разъ мы объ этомъ говорили, что повторять еще разъ считаемъ излишнимъ.

Отчетъ о докладѣ въ уголовной палатѣ, представленный корреспондентомъ „Русскихъ Вѣдомостей“, не сообщаетъ никакихъ новыхъ обстоятельствъ дѣла, о которыхъ читатели „Современныхъ Извѣстій“ не были бы увѣдомлены своевременно. Видно, что Коммиссія не пришла къ разъясненію того, что по преимуществу требовало разъясненія: о способахъ распространенія секты, о качествѣ связей между сектантами, о вѣрованіяхъ, обычаяхъ, способахъ укрываться отъ наблюденій администраціи. Самый вопросъ о существованіи общественныхъ капиталовъ скопчества оставленъ на степени догадки. Можетъ быть, было Коммиссіи и затруднительно добираться до истины при стереотипныхъ отвѣтахъ: „не знаю“, которые по заученому даваемы были на всѣ вопросы и при тѣхъ широкихъ способахъ къ соглашенію, которые даны были главнымъ заподозрѣп-

Digitized by Google

нымъ лицамъ и при началѣ и въ продолженіи слѣдствія. Можетъ быть, и самый отчетъ корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей“ прибѣгаетъ къ намѣренному умолчанію. Понятно, что онъ составленъ въ защиту Плотицына и поэтому нельзя ни ожидать ни требовать, чтобы онъ выводилъ клонящееся въ противную сторону. При томъ отчетъ не вполнѣ хладнокровенъ; слышно чувство мелочной досады и какая-то даже запальчивость, какъ будто разсуждается о личномъ дѣлѣ. Составителю отчета досадно, что Зеляпукину не удалось утаить предложенной десятитысячной взятки, и онъ употребляетъ такія выраженія: „свидѣтели, въ томъ числѣ кн. Гагаринъ, спрятались и подслушивали, потомъ выскочили, чѣмъ привели Зеляпукина въ большое смущеніе“. Бѣдный Зеляпукинъ въ самомъ дѣлѣ. Какъ его смутили нечаянностью (а не то что устрашили открытіемъ покушенія на преступленіе). „Выскочили, спрятались, подслушивали“: все это очень краснорѣчиво, какъ краснорѣчиво и упоминаніе изъ всѣхъ свидѣтелей объ одномъ только князѣ Гагаринѣ: въ самомъ дѣлѣ князь, а не что другое. По своему княжескому титулу, стало быть онъ обязанъ былъ дать просторъ подкупу или даже ему содѣйствовать?

Вообще съ этой точки зрѣнія отчетъ представляется даже нѣсколько комически-жалкимъ. Негодованіе на палату за то, что судила она при закрытыхъ дверяхъ, выражается въ немъ такими словами: „сторожъ палаты возбужденъ противъ Плотицына“; или—что она помѣщается „внутри какого-то лабиринта вонючихъ лѣстницъ и камеръ“. Негодованіе противъ печати за оглашеніе Плотицынскаго дѣла выражаются словами, что это сдѣлали „люди, поставленные въ необходимость промышлять розничною продажею газетныхъ утокъ“, и что они „лакомили публику пряными подробностями“. При этомъ не поздоровилось даже „Русскимъ Вѣдомостямъ“, на чьихъ страницахъ пишетъ самъ составитель отчета. И онѣ заслужили названіе „газетныхъ Ноздревыхъ“ за исчисленіе Плотицынскаго капитала десятками милліоновъ. За то скопческія операціи называются нѣжно: искусственными порѣзами или трав-

Digitized by Google

матическими поврежденіями. О ходатаѣ Плотицына, Введеномъ, не говорится, что онъ отставленный отъ службы, а о Боголюбовѣ, свидѣтельствовавшемъ противъ Плотицына, не забыто упомянуть, что онъ былъ „подъ судомъ и оставленъ въ подозрѣніи“; умолчано впрочемъ о томъ, что Боголюбовъ былъ подъ судомъ именно за Плотицына же, когда послѣдній былъ обвиненъ въ скопительствѣ, но когда дѣло съумѣли повернуть такъ, что обвинили самихъ свидѣтелей въ подлогѣ: одного, именно этого Боголюбова, бывшаго письмоводителемъ у судебнаго слѣдователя, оставили въ подозрѣніи, самого судебнаго слѣдователя выдержали въ острогѣ, а производившееся „дѣло“, во избѣжаніе уликъ, со всѣми слѣдами истребили въ палатѣ.

Но всего не перескажешь замѣчательнаго въ этомъ простодушномъ отчетѣ, начиная съ панегирика Плотицыну, „кавалеру трехъ медалей, ордена св. Анны и проч. и проч.“, о чемъ съ нѣкоторымъ удареніемъ повѣствуетъ составитель отчета, и— кончая панегириками защитнику его, князю Урусову, о коемъ повѣствуется каждый разъ съ нѣкіимъ особымъ почтеніемъ къ его энергіи и вообще къ достохвальнымъ качествамъ, знаменующимъ его какъ искуснаго свѣдущаго законника.

Впрочемъ намъ обѣщанъ болѣе подробный разборъ этого отчета.

Ритуальное убійство*).

Мы сами читали рукописное сказаніе объ этомъ фанатическомъ людоѣдствѣ, но не рѣшались ему вѣрить, тѣмъ менѣе передавать о немъ, какъ о вѣроятномъ. Слишкомъ возмутительно, слишкомъ противно природѣ человѣческой даже помыслить объ этомъ. Истребленіе живого человѣка не легко укрывается отъ человѣческаго правосудія, а сколько намъ извѣстно, въ судебныхъ лѣтописяхъ не значится дѣлъ, изъ которыхъ можно было бы догадываться о существованіи такого догмата преступ-

*) С. И. 25 мая, № 141.

Digitized by Google

ленія. Тѣмъ болѣе, что закланіе младенца приписывается молвою не однимъ скопцамъ. Извѣстно цѣлое историческое обвиненіе въ томъ же звѣрствѣ, обвиненіе упорно повторяемое цѣлыми поколѣніями противъ религіозной практики другого исповѣданія, еврейскаго. Кое-кто помнитъ еще знаменитое дѣло по поводу того же обвиненія, производившееся нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ и у насъ въ Россіи. Начавшись въ Витебской губерніи, оно доходило до высшаго правительства, перебывало во всѣхъ инстанціяхъ, было передаваемо и на судъ ученыхъ, и притомъ европейскихъ. Оно не кончилось ничѣмъ, хотя преданіе гласитъ, затушеніе его стоило многихъ дней поста всѣмъ евреямъ и нѣкоторой доли женскихъ уборовъ всѣмъ еврейкамъ, дней поста и женскихъ уборовъ, которые, размѣненные на деньги, явились милліонами.

Нашъ просвѣщенный вѣкъ гнушается этимъ обвиненіемъ, находя въ немъ остатокъ средневѣковой, фанатической ненависти къ евреямъ. Ученый историкъ еврейства Іостъ откопалъ всѣ случаи повторявшихся обвиненій, разобралъ ихъ и опровергъ. Не то же ли самое сказывается въ подобномъ же обвиненіи и противъ скопчества? Таинственность секты еще болѣе увеличиваетъ подозрѣніе и даетъ пищу толкамъ.

Такъ намъ думается. Но съ другой стороны, какъ и отвергать рѣшительно и при томъ не только обвиненіе противъ скопцевъ, но даже обвиненіе противъ евреевъ. Не смотря на всю ученую защиту, прочитывая перечень случаевъ, положимъ опровергнутыхъ новидимому, о пропавшихъ христіанскихъ мальчикахъ, спрашиваешь невольно: но отчего же это обвиненіе держится такъ упорно? Отчего оно во всѣхъ вѣкахъ и во всѣхъ странахъ, не сносившихся между собою, повторяется съ одинаковыми подробностями? И выводишь заключеніе: что-нибудь есть. Конечно, это не догматъ еврейскаго вѣроученія, но звѣрское суевѣріе массы, и притомъ ослѣпленной ненавистью. Мы признаемъ изувѣрство въ религіозныхъ гонителяхъ,—отчего не можетъ проявляться того же изувѣрства, и съ тѣмъ же звѣрствомъ, и въ гонимыхъ за вѣру? Съ большимъ правомъ, хотя

Digitized by Google

на другихъ основаніяхъ, можемъ приложить ту же догадку къ скопчеству. Дознанная дикость ихъ катихизиса, матеріализмъ ихъ вѣрованія, не возвышающагося надъ буквою текста, развѣ неспособно понять причащеніе плоти и крови, закланіе агнца, такъ же буквально, какъ принимается ими буквально извѣстное изреченіе Христа о скопцахъ? и все-таки опять та же таинственность даетъ право заключать какъ угодно, и отнимаетъ право къ оправданію.

Да тайна, тайна,—вотъ гдѣ весь корень зла и вся причина бѣдъ для самихъ скопцевъ. Чистое и честное не боится свѣта, напротивъ идетъ къ свѣту,—старое слово, евангельское. Тайна есть заговоръ. Кто таится, въ томъ имѣемъ право предположить злой умыселъ, а чтобы обезоружить злой умыселъ, необходимо тѣмъ, противъ кого злоумышляютъ, всему обществу, если умышляютъ противъ всего общества, употреблять всѣ мѣры къ разоблаченію тайны, къ выведенію на свѣтъ, что таитъ себя во мракѣ и чѣмъ тщательнѣе таится, тѣмъ тщательнѣе и дѣятельнѣе заботиться о разоблаченіи.

По поводу учрежденія общества для распространенія книгъ Священнаго Писанія *).

Высочайше утвержденнымъ Обществомъ для распространенія книгъ священнаго Писанія возстановляется у насъ, хотя въ меньшихъ размѣрахъ и съ меньшими правами, Библейское Общество и въ этомъ смыслѣ нельзя ему не радоваться. Старое наше Библейское Общество стоитъ помянуть добромъ, какъ стоитъ помянуть и многое другое изъ зачинаній первоалександровскаго времени, зачинаній, къ сожалѣнію, еще недостаточно оцѣненныхъ доселѣ. Это было время перваго углубленія образовательныхъ силъ въ нашъ народъ. Дотолѣ сперва XVII вѣкъ слишкомъ извѣстный; затѣмъ Петръ съ реппектами

*) С. И. 27 мая, № 143.

Digitized by Google

и ассамблеями, комплиментами, съ фортификаціей и прочими прикладными науками. Въ народѣ образовательная стихія легла только запрещеніемъ носить бороду, народную одежду, ревизіею, подушнымъ окладомъ и рекрутчиной: немного. Потомъ Елисавета съ университетомъ, полившимъ макушки населенія умѣреннымъ спрыскомъ просвѣщенія. Екатерина.... но здѣсь царство гувернеровъ французскихъ и резоннеровъ россійскихъ, и все таки исключительно изъ и для шляхетскаго сословія. Училища духовныя, размножавшіяся одно за однимъ, проливали свѣтъ въ среду духовенства, а прочіе, народъ собственно, оставались внутренно нетронутыми ни въ худомъ, ни въ хорошемъ. Масонскія ложи, Дружеское Общество Новикова въ особенности, едва ли не первыя попытались пробить и пробудить наше сѣрое земское общество. Александръ болѣе широкимъ приложеніемъ заботъ объ устройствѣ учебныхъ заведеній и болѣе широкимъ просторомъ, предоставленнымъ литературѣ, первый вдвинулъ образовательную стихію въ глубь народа, не далеко правда, но вдвинулъ. Къ тому же времени и къ тому же роду относилась и дѣятельность покойнаго Библейскаго Общества. 675 тысячъ экземпляровъ, изданныхъ имъ въ первые девять лѣтъ существованія, что-нибудь значатъ. Книги, и преимущественно Библія, не такой товаръ, который остается безъ воздѣйствія на духовную жизнь.

Дальнѣйшая судьба Библейскаго Общества извѣстна. Аракчееву нужно было смѣстить Голицына; понадобились предлоги; за ними дѣло не стало. Двѣ полосы просвѣщенія, повторяющіяся съ разными оттѣнками въ исторіи всѣхъ странъ, и у насъ одинаково жили и живутъ. Людямъ преданія было дико, жутко, тошно отъ Голицынскаго направленія и отъ свободы, представляемой просвѣщенію; у любителей до сихъ поръ можно найти рукописныя письма многихъ лицъ тогдашняго времени, плакавшихся на погибель, къ которой ведетъ слишкомъ снисходительная цензура. Ударъ былъ занесенъ; Голицынъ смѣненъ; Библейское Общество замерло, потомъ и умерло совсѣмъ, и начатое имъ изданіе русскаго перевода книгъ Ветхаго Завѣта сложено

Digitized by Google

въ кладовыя. Долго лежало оно подъ опалой, безъ опредѣленнаго однако обвиненія. Правительственная рука повела просвѣщеніе въ другую сторону; переводъ священныхъ книгъ, помимо его качества, признавался дѣломъ вреднымъ самъ въ себѣ.

Можетъ быть мы ошибаемся мѣсяцами, если скажемъ, что не болѣе двухъ лѣтъ, какъ изданія Библейскаго Общества снова извлечены изъ темницъ, въ которыхъ были погребены; вышли на свѣтъ Божій послѣ заключенія, свыше чѣмъ сорокалѣтняго, и поступили въ продажу. Еще ранѣе дозволенъ былъ, впрочемъ все ужъ въ настоящее царствованіе, и переводъ священныхъ книгъ на русскій языкъ. А теперь, какъ бы возобновленіе и Библейскаго Общества.

Нѣкоторая неопредѣленность устава, можетъ быть, указываетъ будущую свободу Общества, и этому слѣдуетъ порадоваться. Но не ограниченно ли самое его называніе, а чрезъ то и кругъ дѣйствій? Время послѣ Библейскаго Общества прожито нами не даромъ. Пусть была извѣстная крайность въ направленіи, которое, опасаясь протестантства, гнуло на сторону преданія, два раза принималось требовать новой редакціи отъ катихизиса, разъ даже подвергнувъ его запрещенію (первое изданіе); искало опереться и на Камень Вѣры и на Петра Могилу.... Мы говоримъ, что тутъ было не безъ крайности: но протестъ противъ полнаго отрѣшенія отъ преданій, противъ рабскаго перенесенія плодовъ протестантской дѣятельности на православную почву имѣлъ свою основательность, и въ этомъ смыслѣ направленіе, которому служило Библейское Общество, заслуживало, правда,—не стѣсненій, но возраженій и нѣкотораго умѣренія противоположнымъ направленіемъ послѣ прожитыхъ сорока лѣтъ, подъ исключительнымъ подчиненіемъ преданію и историческимъ особенностямъ Востока. Думаетъ ли духовное просвѣщеніе и его просвѣтительная проповѣдь только возвратиться къ старому, отвергнутому правда безжалостно и несправедливо, но имѣвшему долю односторонности? Распространіе „св. Писанія“ указываетъ только на Библію. Мы понимаемъ, что ничто не мѣшаетъ явиться и еще обществу, которое поста-

Digitized by Google

вить себѣ задачею распространять духовное просвѣщеніе и Библіею и всѣмъ, что произвела церковь до нашихъ дней. Но появленіе Общества, ограничивающаго цѣль свою только Библіею, задаетъ невольно вопросъ: итакъ, только возвращаемся къ тому, что шестьдесятъ семь лѣтъ подсказано было намъ, знаменитымъ правда, но все-таки англиканскимъ учрежденіемъ мистера Чарльза, лондонскимъ Библейскимъ Обществомъ?

Другой вопросъ: Общество будетъ распространять книги священнаго писанія, изданныя по благословенію Св. Синода, и продавать ихъ по возможно дешевѣйшимъ цѣнамъ. Но Св. Синодъ не токмо благословляетъ изданіе священныхъ книгъ; онъ есть и исключительный ихъ издатель. Старое Библейское Общество, обязанное сначала распространять только синодальныя изданія, снабжено было потомъ правомъ само издавать Библію. Этого права за новымъ обществомъ не видимъ. Если ему предлагается только честь быть коммиссіонеромъ синодальныхъ типографій, хотя бы съ названіемъ болѣе почетнымъ, мы не рѣшимся ему пророчить и сотой доли успѣха, сотой доли пользы, сотой доли значенія, какихъ достигло первое Библейское Общество въ свои четырнадцать лѣтъ существованія. Во всемъ, что только есть Общество, свободно восполняющееся, растущее не по командѣ, а по внутреннимъ влеченіямъ, важнѣе всего право почина, иниціатива, какъ любятъ говорить теперь. Если же дѣло станетъ такъ: „Синодальныя типографіи издаютъ книги, и назначаютъ цѣны, можетъ быть дешевыя, а можетъ быть и дорогія, во всякомъ случаѣ не безъ барыша, и притомъ барыша, обращаемаго никакъ не на дальнѣйшее распространеніе церковныхъ книгъ или расширеніе церковной литературы; а Обществу, которое внутреннимъ христіанскимъ побужденіемъ влечется миссіонерствовать распространеніемъ священныхъ книгъ, предлагается покупать ихъ по назначаемой цѣнѣ и продавать съ убыткомъ, или даже дарить...“ Желаемъ, чтобъ наше предвѣщаніе не сбылось, но боимся, что такое Общество между своимъ названіемъ и между правами, которыя ему предлагаются, найдетъ нѣкоторое несоотвѣтствіе. Сочувствующій цѣли

Digitized by Google

Общества и жаждущій раздѣлить его дѣятельность, можетъ сказать: я хочу, чтобы вся моя копѣйка шла на миссіонерское назначеніе и ни малѣйшая доля ея никуда не уклонялась, куда не назначено. И въ этомъ можетъ быть препятствіе успѣху.

Впрочемъ все покажетъ время и все выяснится смысломъ, который впослѣдствіи, можетъ быть, объявитъ себя и не такъ выгодно для самостоятельной дѣятельности Общества.

По поводу пятисотлѣтняго юбилея Гуса *).

Готовится въ Чехіи пятисотлѣтній юбилей блаженнаго Гуса, какъ извѣщаетъ телеграммою „Русское Агентство“. Австрійское правительство дало уже согласіе, чтобы чехи посвятили этому народному празднику въ Прагѣ и Гусицнѣ три дня (4, 5 и 6 сентября). Примутъ ли участіе прочіе славяне въ торжественномъ воспоминаніи объ этомъ первоначальникѣ славянскаго свободомыслія, объ этомъ первомъ торжественномъ провозвѣстникѣ папской лжи, запечатлѣвшемъ смертію свое стремленіе къ чистой вѣрѣ, свое служеніе истинѣ и правдѣ?

Не сомнѣваемся, что на юбилей откликнется вся великая славянская семья и съ юга и востока и сѣвера. Но въ самой Прагѣ, но среди самихъ чеховъ, какъ говорятъ намъ сегодняшнія иностранныя извѣстія, юбилей находитъ противниковъ. Духовенство будто бы недовольно и противодѣйствуетъ и будто бы не только высшее, но и низшее. Въ своемъ качествѣ папскаго воинства, конечно, такъ и должно оно дѣйствовать, но въ своемъ качествѣ вождей народнаго умственнаго преуспѣянія оно должно было бы напротивъ содѣйствовать юбилею, воспользоваться имъ, завоевать имъ еще долю свободы своему народу, ступить новую ступень на лѣстницѣ возрожденія.

Во всякомъ случаѣ мы ждемъ подтвержденій. А дотолѣ не можемъ не высказать въ дополненіе къ тому, что нами выска-

*) С. И. 18 іюня, № 165.

Digitized by Google

запо па днях: при теперешнемъ безсиліи папства, при безразсудномъ стремленіи папы приблизить вселенскимъ соборомъ окончательное паденіе своего вселенскаго значенія; при теперешнемъ отвращеніи всѣхъ правительствъ къ ультрамонтантству; при теперешнемъ въ особенности озлобленіи австрійскаго правительства противъ клерикализма—юбилей въ память Гуса даетъ прекрасный случай чехамъ къ полному освобожденію отъ папизма. И достойное было дѣло вождей чешскаго народа, достойное дѣло чеховъ, воспомянуть своего духовнаго родоначальника не рѣчами только существенными, которыя, какъ бы ни были краснорѣчивы, но останутся только словами, и будутъ въ данномъ случаѣ звучать даже насмѣшкой надъ собой, будутъ торжественнымъ празднованіемъ собственныхъ похоронъ. Иностранецъ, если бы не зналъ онъ исторіи, спроситъ: „кому это празднуютъ чехи? что чествуютъ?“—Они празднуютъ борцу противъ папства, провозвѣстнику умственной свободы, славному духовному вождю народа. Но мщеніе постигло народъ за вѣрность этому вождю. Столѣтіями кровопролитія, погибелью своей самостоятельности заплатитъ народъ. Со смертію вождя обречена Богемія смерти.—„Итакъ сочувственно ему воспоминаютъ они его? Оплакиваютъ его смерть, плачутъ о своей совершившейся гибели?“—Да.—„Стало быть они Гуситы?“—О, нѣтъ, они паписты, какими велѣло имъ быть кровавое насиліе четырехсотъ лѣтъ назадъ; вмѣстѣ со всѣми, вмѣстѣ со своими мучителями, они также послѣдуютъ Констанцкому собору, тому собору, который возвелъ ихъ вождя на костеръ, наводнилъ кровію ихъ родину, заселилъ иноземцами, превратилъ ее въ полунѣмецкую землю.—„А, такъ стало быть они празднуютъ побѣду надъ Гусомъ. Не чествованіями, а проклятіями они должны вспомянуть его: или это—лицемѣріе, хвастовство, нравственное безсиліе, достойное жалости и презрѣнія,—что-нибудь одно изъ трехъ, или все вмѣстѣ“.

Вотъ, что вправдѣ будетъ сказать человѣкъ иноземецъ, и трудно будетъ его опровергнуть. А въ Ватиканѣ, хотя и подосадовавъ немножко, скажутъ потирая руки: „ну чтожъ, пускай

Digitized by Google

пожалуй и поребячатся немножко. Да все же вы мои. Совершилось и не отмѣнится; вы завоеваны въ Констанцѣ и порабощены; и эти старыя цѣпи на васъ. Вѣдь вы ихъ любите, не правда ли? Вы съ ними свыклись, вы ихъ даже не замѣчаете, не такъ ли? Вамъ не приходитъ и въ голову ихъ снять? Правда, мы немножко для нынѣшняго дня ссоримся и вы тѣшитесь красными словцами противъ насъ. Но это ничего, хотя и лучше было бы, если бы вы и на сей разъ вели себя благонравно. Но нельзя же требовать, въ самомъ дѣлѣ, чтобъ съ удовольствіемъ вы вспоминали о собственныхъ казняхъ. Видите, мы не безчеловѣчны и вамъ прощаемъ, тѣмъ болѣе, что это все пройдетъ завтра же. Забудемъ прошлое и останемся друзьями". И противъ ироніи Ватикана сказать будетъ нечего.

Какая же вамъ цѣна? спроситъ послѣ того чеховъ исторія. И кто вы послѣ того, со всѣми своими рѣчами о народности, о самостоятельности? Откуда произошла гибель вашей народности, вы знаете лучше другихъ; политическое ваше паденіе было послѣдствіемъ порабощенія духовнаго. Вы возстаете противъ послѣдствій, примиряясь съ причиною, которая однако продолжаетъ дѣйствовать и обнаруживать силу. И думаете вы воскресить народность оставаясь на этомъ, заморившемъ васъ и мертвящемъ корню?

Отвѣтъ предоставляется самимъ чехамъ.

Нѣтъ, достойно воспомянуть Гуса дѣломъ, повтореніемъ Гусовой проповѣди, повтореніемъ его требованій; славянская литургія, причащеніе подъ обоими видами, за которыя вы, чехи, пролили столько крови и подъ которыми погребли свою національную свободу, однимъ словомъ, провозглашеніе гусситства въ чешской церкви: вотъ чего, если только есть и въ духовенствѣ и въ остальныхъ вождяхъ чешскаго народа хотя капля политическаго смысла и честной искренности убѣжденій, вотъ чего слѣдовало бы ожидать отъ нихъ при современныхъ обстоятельствахъ, благопріятнѣе которыхъ не было и не будетъ. Это было бы не только послѣднимъ дѣйствіемъ воскресенія самихъ чеховъ, но и началомъ духовнаго воскресенія всей католической Европы.

Digitized by Google

Чехъ Гусъ проложилъ дорогу, которою однако по своему воспользовался нѣмецъ Лютеръ и стяжалъ себѣ славу, во многихъ отношеніяхъ не заслуженную и во многихъ отношеніяхъ не завидную. Теперь предстоитъ случай: или повториться тому же унизительному для чеховъ и славянъ вообще предвосхищенію славы освобожденія, которымъ, хотя и нѣсколько въ иномъ родѣ, томится и теперь католическій міръ не менѣе, чѣмъ четыреста и пятьсотъ лѣтъ назадъ. Или же чехи оправдаютъ свою, покамѣстъ еще не заслуженную, славу умственныхъ вождей славянскаго племени, и стяжаютъ даже неожиданную ни для кого и никѣмъ не предугадываемую славу духовныхъ вождей остальной католической Европы....

Считаемъ лишнимъ распространиться, что гусситство, разъ провозглашенное, есть провозглашенное православіе, по крайней мѣрѣ не замедлитъ таковымъ себя признать. И въ свое время гусситство было тоже: „православіе, само себя не узнавшее....“ Самъ Гусъ былъ сынъ восточной церкви, хотя воображалъ себя сыномъ западной. Его сподвижникъ Іеронимъ даже былъ въ нашихъ краяхъ и даже подвергался обвиненію въ отступленіи отъ Запада къ Востоку. Нужды нѣтъ, что онъ отъ этого отрекся, можетъ быть по слабости, а можетъ быть и по недоразумѣнію, котораго и онъ не чуждъ былъ о восточной церкви, какъ не чуждъ былъ весь Западъ тогда и не чуждъ доселѣ. Но фактъ остается неизмѣннымъ, помимо личнаго пониманія: гусситство было „православнымъ недоумѣніемъ въ католическомъ мірѣ“; таковъ былъ его смыслъ; рѣшительнымъ православіемъ оно будетъ нынѣ, если только рѣшится на себя.

Въ этомъ „если“ заключается многое, пожалуй даже все, для западныхъ славянъ и для чеховъ въ особенности. Выяснится вопросъ: на столько ли заѣла западныхъ нашихъ братьевъ нѣметчина, что и въ кажущейся славянской оболочкѣ имъ суждено остаться по духу нѣмцами, даже худшими изъ нѣмцевъ, нѣмцами-католиками? Или проснется память и наступитъ полное возрожденіе,—освобожденіе не только внѣшнее, политическое, но и духовное, умственное.

Digitized by Google

По поводу слуха о пересмотрѣ суда надъ Гусомъ *).

Вчера, со словъ телеграммы „Русскихъ Вѣдомостей", извѣщали мы, что готовится отъ чеховъ собирательная просьба въ Римъ о пересмотрѣ суда надъ Гусомъ, и прибавили: въ добрый часъ. Въ самомъ дѣлѣ, этимъ по крайней мѣрѣ дано будетъ удовлетвореніе логикѣ, заявлено будетъ формальное несогласіе празднователей Гуссова юбилея съ Констанцкимъ соборомъ. Но этого недостаточно. Что будетъ дальше? Папа несомнѣнно отвѣтитъ на это своимъ историческимъ: non possumus (не можемъ), и онъ не можетъ ни поступить иначе, ни отвѣчать иначе, не переставая быть папой. Очень можетъ случиться, что добрые чехи и удовольствуются этимъ заявленіемъ объ этомъ своемъ несогласіи съ однимъ изъ частныхъ случаевъ католичества, не переставая, какъ имъ кажется, чрезъ то признавать и именовать себя римскими католиками. Съ точки зрѣнія церковной это будетъ почти кощунствомъ. Гдѣ же тотъ католицизмъ, за которымъ они будутъ себя числить, помимо папы и западныхъ соборовъ? Это будетъ особый видъ невѣрія, облеченный въ наименованіе вѣры, вѣра съ подлогомъ въ самомъ существѣ. Но мы говоримъ, что это очень сбыточно. Для католической жизни это не въ диковинку. Римъ удовлетворяется всякими благовидностями, какъ бы ни былъ явенъ софизмъ. А для католическихъ народонаселеній вѣра есть или предметъ суевѣрія или требованіе приличія и политическихъ преданій, съ которыми не разстаются явно только потому, что не знаютъ куда ихъ сбыть и что подставить на ихъ мѣсто, тѣмъ болѣе, что о бокъ стоитъ вѣрованіе атеистическое, которое въ то же время есть соціалистическое. Невѣріе въ Европѣ не умѣло организоваться иначе, какъ въ сопровожденіи и подъ предводительствомъ этого политическаго начала. А съ нимъ не всякій хочетъ имѣть дѣло даже изъ невѣрующихъ въ папу: остается признавать по наружному вѣру, и въ сущности отвергая ее, и

*) С. И. 24 іюня, № 171.

Digitized by Google

не брезгать никакою сдѣлкою, какъ бы въ сущности ни была она безнравственна, и никакою ложью, какъ бы ни была она явна всѣмъ и каждому.

А Римъ это очень хорошо знаетъ, и не хуже Наполеона III пугаетъ своихъ духовныхъ подвластныхъ Краснымъ Привидѣніемъ. Прислушайтесь къ рѣчамъ его святѣйшества. „Первый революціонеръ—это дьяволъ, отложившійся отъ власти Божіей". Папа груститъ, что преемники перваго революціонера не прекращаются доселѣ; груститъ, что монархи не замѣчаютъ своихъ опасностей, и не замѣчаютъ, что дѣло ихъ и дѣло папы есть дѣло общее. Оставимъ въ стороны нравственное достоинство этого изліянія и особенное пониманіе вѣры, какъ власти, обратимъ вниманіе лишь на ловкость въ постановкѣ вопроса. Смотрите: либо католичество, т. е. вѣра, либо соціальная революція, т. е. безвѣріе. Такъ разсуждаетъ папа, благоразумно забывъ, что есть виды вѣры, кромѣ римско-католической, и существуютъ благоустроенныя монархіи, хотя не вѣрующія въ папу. Но воздыханія папы будутъ имѣть силу на правительства, которыя, зная духъ своихъ населеній, точно такъ же не предвидятъ другого пути къ отступленію отъ папы, какъ признанное безвѣріе, за которымъ виднѣется имъ революція во всѣхъ прочихъ областяхъ общественной жизни. Поэтому пойдутъ они на всякую, сколько-нибудь удобную сдѣлку съ папствомъ, согласятся на всякое лицемѣріе, на всякій софизмъ, хотя бы сами видѣли ясно, что никто имъ не вѣритъ, и они же первыя. И въ данномъ случаѣ австрійское правительство не прочь, можетъ быть, будетъ выпустить изъ рукава просьбу чеховъ, въ видѣ угрозы его святѣйшеству и намека, чтобъ онъ былъ поумѣреннѣе въ своихъ требованіяхъ и оглашеніяхъ; но оно охотно подкрѣпитъ всею своею силою двусмысленность положенія, въ которой останутся чехи послѣ папскаго non possumus.

Чтобы соблюсти больше благовидности, чехи думаютъ обратиться собственно къ будущему собору (какъ будто соборъ этотъ не то же, что папа); соборъ же притомъ недалеко. Соборъ точно также откажетъ,—въ чемъ не можетъ быть сомнѣ-

Digitized by Google

нія,—и тогда будутъ протествовать пожалуй къ дальнѣшему собору. Все это очень дешево будетъ стоить, тѣмъ же болѣе, что въ старыя времена у всѣхъ предшественниковъ Лютера и у самого его таковы обыкновенно были пріемы. Это особаго рода комедія сдѣлки съ совѣстью, въ родѣ нашихъ безпоповцевъ Тѣ не признаютъ ни одной изъ существующихъ іерархій за истинную и законную, не отрицая однако іерархіи въ самой себѣ и не отрицая, что безъ іерархіи нѣтъ церкви. Но безпоповцы отъ естественнаго вывода, который за симъ слѣдуетъ, что стало быть и они внѣ церкви, убѣгаютъ по крайней мѣрѣ съ заключеніемъ, что они живутъ послѣднія времена, во времена антихриста, когда де это возможно (нужды нѣтъ, что эти послѣднія времена длятся также естественно). Чтобы придумать такія заключенія, нужно чувствовать во всякомъ случаѣ ихъ потребность, нужно быть искренно вѣрующимъ, хотя бы въ основанія религіи. Но тамъ, гдѣ этого нѣтъ, спокойно становиться и на полдорогѣ: протестовать къ собору не только не существующему, но и невозможному, къ какому-то воображаемому католическому собору съ папой во главѣ, который отвергнетъ догматъ папства, и отвергнетъ католическіе соборы. Если бы и могъ осуществиться такой несбыточный соборъ (представимъ и его хотя въ воображеніи), онъ былъ бы ничто; его опредѣленія не имѣли бы силы, ибо онъ отвергалъ бы самыя основанія, на которыхъ зиждется сила римско-католическаго собора, лишилъ бы себя единственныхъ признаковъ, по которымъ римскій католикъ узнаетъ соборъ и простое сборище:—папы и преемственности преданія. Папа, на немъ предсѣдательствовавшій, тѣмъ самымъ отрекся бы отъ своего папскаго значенія и соборъ отъ своего значенія соборнаго.

Вотъ почему, повторяемъ снова, никогда такъ не былъ, какъ теперь, благовременъ соборъ восточной церкви; онъ бы образовалъ ядро, около котораго могло бы сомкнуться все недовольное папствомъ. Россія мигомъ заняла бы положеніе, которому по славѣ и по вліянію на историческій ходъ судебъ всего свѣта еще не было равнаго. Судьба дается сама въ руки.

Digitized by Google

Дать вздохнуть Италіи и вывести ее изъ двусмысленнаго положенія къ римскимъ владѣніямъ; оказать ту же политическую услугу Австріи, но тѣмъ временемъ захватить духовное первенство надъ ея славянскими племенами: освѣжить и еще тѣснѣе сблизить единеніе наше съ славянами турецкими и греками; постановкою вопроса о соединеніи церквей завязать первый узелъ духовнаго сближенія съ Америкою и Англіею, которыя обѣ одинаково въ томъ нуждаются, и которыя обѣ не находятъ для себя пока реальной опоры: какая перспектива! И все дѣло за починомъ Россіи. Выставляемыя затрудненія, если бы даже существовали, сами по себѣ возвысятъ Россію и дадутъ ей первенствующее мѣсто. Смущеніе державъ отъ начала переговоровъ о будущемъ соборѣ, усилія, съ которыми онѣ будутъ, вѣроятно, на первый разъ сопротивляться его осуществленію: развѣ это одно уже не есть признанное господство Россіи надъ положеніемъ вещей? И одна эта нравственная побѣда есть возвышеніе и залогъ возвышенія еще дальнѣйшаго.

Но сущность въ томъ, что затрудненій нѣтъ и всѣ они вымышляются только боязнью ступить рѣшительно, привычкою ступать по проторенному избитому пути. Надѣемся на дняхъ вернуться къ этому и выяснить по мѣрѣ силъ.

Дѣло Плотицына*).

Плотицынское дѣло выступило снова на череду. Моршанскій корреспондентъ „Голоса“, предрасположенный къ Плотицыну, даетъ отчетъ, какъ было объявлено въ Моршанскѣ рѣшеніе суда, какъ дѣйствовалъ при этомъ защитникъ Плотицына, князь Урусовъ, увѣдомляетъ, что подана княземъ Урусовымъ аппелляція въ Правительствующі Сенатъ, и что скоро тамъ дѣло будетъ слушано. Все это вчера сообщено уже читателямъ, за исключеніемъ разсужденій и жалобъ на несправедливость, которой подвергся Плотицынъ.

*) С. И. 16 іюля, № 193.

Digitized by Google

Вынимаемъ и изъ своего портфеля сообщенія по плотицынскому дѣлу и вообще по скопчеству. Мы отложили было ихъ, полагая, что до сыта уже кормлена была публика этимъ дѣломъ—хотя и не переставали до послѣднихъ дней получать и сообщенія, и даже напоминанія, чтобы мы не бросали вопроса о скопчествѣ. Но когда возвышается голосъ съ одной стороны, должно выслушать и другую. И странное дѣло. Благопріятель Плотицына жалуется на несправедливость властей, на притѣсненія, оказываемыя этому несчастному подсудимому, на то, что ему отказываютъ въ самой простой справедливости, въ томъ, въ чемъ не отказывали даже Каракозову; словомъ, обвиняетъ правительство какъ бы въ пристрастіи. Нашъ корреспондентъ беретъ то же отношеніе властей къ Плотицыну и скопцамъ вообще, и находитъ противное, что законъ спитъ, что органы власти бездѣйствуютъ, подозрѣваетъ злоупотребленія. И въ публикѣ дѣйствительно ходятъ слухи самаго соблазнительнаго свойства; говорятъ о шестидесяти тысячахъ, кому-то данныхъ чрезъ кого-то въ заемъ однимъ богачемъ-скопцомъ московскимъ....

Точь въ точь, какъ въ борьбѣ единовѣрцевъ съ бѣглопоповцами, и самихъ поповцевъ между собою,—раздорниковъ съ окружниками. Возятъ деньги, говорятъ, что платятъ, угрожаютъ властями, состоящими будто на подаркахъ. Другая сторона вѣритъ, и жалуется: а ее обвиняютъ противники въ томъ же. Въ большей части случаевъ, мы увѣрены, всѣ эти подкупы вымыселъ; вымыселъ, что подкупы берутся, хотя не вымыселъ, что подкупы даются. Находятся промышленники, которые улучаютъ этимъ себѣ способъ составить состояніе; берутся быть депутатами туда и сюда, получаютъ почтенныя суммы на негласные расходы. „Взято, будетъ по нашему,“ говорятъ возвращаясь, а зачастую не только не взято, но проворный депутатъ не видалъ даже передней высокого лица, на которое клевещетъ. Не такъ ли, достопочтенные старообрядцы? И мы знаемъ, что вамъ ничуть не весело смотрѣть на извѣстныхъ вамъ господъ, которые, съ вашими общественными денежками въ

Digitized by Google

карманѣ, смѣются вамъ подъ носъ, когда вы удостовѣряетесь, что всѣ ихъ сказанія о своихъ успѣшныхъ ходатайствахъ суть чистый пуфъ, и притомъ мошенничество,—мошенничество самаго низкаго разбора, котораго гнушается самый послѣдній воръ. И у того есть своя воровская совѣсть, свои правила воровской чести.

Полагаемъ, что и по скопческимъ дѣламъ большая половина разсказовъ есть сказка и преувеличеніе. Но эти сказки и преувеличенія ложатся на честь правительства, на достоинство правосудія, на честь и достоинство всего народа и всей страны, и такое пятно ложится собственно благодаря потемкамъ, въ которыхъ держатся сектантскія дѣла. Вотъ о чемъ не перестанемъ повторять мы: о необходимости самаго полнѣйшаго свѣта для этихъ дѣлъ. Да будутъ же наконецъ совершенно изгнаны эти надписи по этимъ дѣламъ: „секретно“, „конфиденціально“ и даже „весьма секретно“ или „совершенно конфиденціально“. Секретъ этотъ не удерживается въ секретѣ, это уже доказано; между тѣмъ онъ вредитъ самому дѣлу; даетъ сектамъ, именно подъ покрышкою этого секрета, плодиться и усиливаться; возбуждаетъ въ непринадлежащихъ къ сектамъ нареканія и подозрѣнія, какъ мы сказали, можетъ быть неосновательныя; и въ концѣ концовъ воспитываетъ вообще убѣжденіе о возможности вести дѣла въ Россіи противозаконными путями.

По отношенію къ скопчеству, напримѣръ, мы одобрили бы такую мѣру: обнародовать, во первыхъ, имена всѣхъ отписныхъ скопцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ издать запрещеніе скопцамъ держать у себя малолѣтнихъ въ услуженіи. Правительство обязано предохранять малолѣтнихъ посредствомъ тайнаго надзора администраціи. Предохранительная сила вручена была бы тогда не одной администраціи, но и отцамъ съ матерями, которые знали бы, что, отдавая дѣтей къ скопцу, они являются пособниками заранѣе обдуманному, насильственному оскопленію дитяти.

Можетъ быть, не безполезно было бы въ тѣхъ же видахъ предохраненія противъ секты и оглашеніе имущественныхъ пе-

Digitized by Google

реходовъ между ея членами. Кому и какими путями переходятъ имущества въ сектѣ, которая своимъ основнымъ догматомъ упраздняетъ прямое наслѣдство. Признаніемъ обязанности оскопленія сама себя становитъ секта въ положеніе, изъятое изъ господствующихъ гражданскихъ законовъ; искусственнымъ пресѣченіемъ пути къ дѣторожденію она ихъ отрицаетъ, упраздняя понятіе о семействѣ и прямомъ переходѣ наслѣдствъ. Имѣетъ право и законъ поставить себя въ исключительное отношеніе къ сектѣ: онъ только приметъ положеніе, даваемое ему самою сектою. Монахъ тоже осуждаетъ себя на безбрачіе, отказывается отъ семьи и отъ возможности имѣть дѣтей; и законъ отнимаетъ у него право завѣщавать,—въ силу этого болѣе, чѣмъ въ силу обѣта нестяжательности. Нестяжательность можетъ быть полная (въ общежительныхъ монастыряхъ) и неполная (въ обыкновенныхъ). Нестяжательность во всякомъ случаѣ, какъ и самое цѣломудріе, имѣетъ основаніе нравственное, утверждается на добровольномъ обѣтѣ, которому однако остается возможность и быть нарушеннымъ. Законъ, слѣдовательно, имѣлъ бы еще менѣе основанія быть исключительнымъ къ монаху, чѣмъ къ скопцу, который отнимаетъ у себя самую возможность дѣторожденія. Но законъ не проникаетъ въ нравственныя уклоненія отъ монашества; онъ ихъ игнорируетъ, признаетъ какъ бы несуществующими и невозможными. Это суть грѣхи, которые вѣдаются духовникомъ, а не свѣтскою властью; она не разбираетъ, твердо ли выдержаны монахомъ обѣты, нѣтъ ли у него имущества или дѣтей; она смотритъ на монаха сквозь уставъ монашества, и отнимаетъ право завѣщанія, соглашаясь на отсутствіе дѣтей и отсутствіе имущества. Тѣмъ большее право исключительности противъ скопца.

Но законъ, отказывая монаху въ правѣ завѣщать, не отказываетъ въ правѣ законнаго бытія самому установленію, въ силу котораго монахъ остается бездѣтнымъ. Монашество есть своего рода союзъ, общество, признанное государствомъ и пользующееся правами гражданства. Законъ признаетъ поэтому естественное право наслѣдованія послѣ монаха въ самомъ этомъ

Digitized by Google

установленіи, и частнѣе въ этой общинѣ, къ которой принадлежитъ монахъ: въ монастырѣ. Долженъ ли законъ признать точно такое же право и за установленіемъ скопчества, признать законнымъ бытіе и этого особаго союза,—вопросъ этотъ можетъ быть рѣшаемъ и такъ и иначе; и мы съ точки зрѣнія отвлеченной справедливости не имѣемъ ничего возразить противъ подобнаго признанія; тогда оставалось бы только опредѣлить естественнаго наслѣдника самому скопческому обществу, которое въ существѣ своемъ не заключаетъ еще условій вѣчнаго продолженія. Въ самомъ же скопчествѣ законный переходъ имуществъ условился бы тогда въ подробностяхъ тѣмъ, чѣмъ предъ государствомъ объявила бы себя секта, и чѣмъ въ силу этого объявленія признало бы ее государство среди другихъ своихъ установленій.

Но секта скопческая сама себя таитъ, и помимо всего, этимъ отнимаетъ у государства право признать ее. Она не ищетъ, подобно напримѣръ старообрядчеству, права на свое всенародное проявленіе. Напротивъ, тайна—ея существо; она ищетъ скрыться и закрыться, помимо внѣшнихъ преслѣдованій, въ силу самого своего нравственнаго существа, въ силу основнаго догмата, въ глазахъ котораго всѣ не сектанты суть іудеи и фарисеи; въ силу котораго не должно бисера метать предъ свиньями; въ силу котораго въ лѣстницѣ таинственностей устроенъ ею даже цѣлый рядъ ступеней, по которымъ возводятся даже посвященные въ секту не за разъ, а мало-по-малу. Опять, государство вынуждено принять положеніе, на которое становитъ его сама секта; законъ вынужденъ признать секту за то, чѣмъ она сама себя ставитъ въ его глазахъ: за тайный заговоръ, и сообразно съ этимъ себя держать въ отношеніи къ ней. Законъ не можетъ признать перехода имуществъ въ организованное тайное общество, истинное значеніе котораго отъ него скрывается; мало того, значеніе котораго, по свѣдѣніямъ, хотя скрываемымъ, но достовѣрнымъ, находится въ прямомъ противорѣчіи и прямой враждѣ съ признанными началами въ государствѣ.

Digitized by Google

Какъ же бы осуществить это, дѣйствительно, правое отношеніе закона къ наслѣдствамъ послѣ скопцевъ. Не станемъ этого обсуждать теперь. Предлагаемъ только общее основаніе къ рѣшенію вопроса о правѣ скопческихъ имуществъ. На первый разъ достаточно было бы мѣры отрицательной и отчасти наблюдательной: скопцы должны быть лишены права передавать свои имущества скопцамъ же; а избранные наслѣдники не скопцы должны быть назначаемы съ вѣдома администраціи, и оглашаемы во всеобщее свѣдѣніе (мѣра предохраняющая отъ подставныхъ наслѣдниковъ).

Думаемъ, что двухъ мѣръ, которыя обѣ имѣютъ одну цѣль вывести секту на божій свѣтъ, достаточно на первый разъ, чтобъ предохранить невинныя жертвы отъ ножа изувѣровъ, и лишить секту силы, которая наконецъ при своей таинственности, и при богатствѣ своихъ членовъ, грозитъ сдѣлаться всемогущею и страшною.

О воззоединеніи церкви англиканской и греко-россійской *).

Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ мы прочитали воззваніе, принадлежащее перу ученаго г. Гаѳерли (Hatherly), англичанина, но единовѣрца нашего. О немъ отчасти извѣщены были уже наши читатели (9-го іюля, № 186) при описаніи торжественнаго служенія, бывшаго въ Сергіевомъ посадѣ прошлый Сергіевъ день.

Девятьсотъ фунтовъ! Рублями это всего семь тысячъ. Съ прибавкой облаченій, сосудовъ и прочей церковной утвари, издержки развѣ немногимъ превзойдутъ десять тысячъ. Чтобъ сумма не собралась чрезъ нѣсколько же дней, лишь только огласится воззваніе, мы не допускаемъ объ этомъ и вопроса. Не десятками, а сотнями тысячъ кладется у насъ на алтарь церковный, и не въ диковину, когда многоцѣннѣйшіе храмы воздвигаются даже не сборами, а единоличными пожертвова-

*) С. И. 20 іюля, № 197.

Digitized by Google

ніями. Обратимъ вниманіе на неизмѣримую важность самаго дѣла, въ апостольскомъ духѣ предпринимаемаго православно-просвѣщеннымъ англичаниномъ. Существуетъ уже малое стадо: но вспомнимъ евангельское слово и прекрасно-истинный образъ, которымъ выразило оно распространеніе истины и церкви. Какъ зерно горчичное мало сначала, но скоро разростаетъ въ богатый плодъ и обширный листъ! Не въ одномъ бирмингамскомъ округѣ,—не пройдетъ десятка лѣтъ—и въ Манчестерѣ, и въ Шеффильдѣ, и во всѣхъ рабочихъ округахъ разнесется православная проповѣдь, воздвигнутся православные храмы, и не малый православный приходъ, считаемый десятками, а цѣлая возстанетъ епископія православной, возсоединенной англиканской церкви, съ паствою въ милліонъ душъ. Вотъ что несомнѣнно, при истинѣ вселенской церкви, при неудовлетворительности англиканства, при одинаковой несостоятельности папизма и лютеранства, при ревности проповѣдниковъ, и при существующемъ и уже неоднократно заявленномъ предрасположеніи англиканцевъ къ православію, англиканцевъ искреннихъ и вѣрующихъ.

Извѣстное прошеніе англиканцевъ о возсоединеніи (въ свое время нами оповѣщенное) скорѣе приблизится тогда къ своему успѣху, нежели какъ можно было гадать по обыкновеннымъ человѣческимъ соображеніямъ, при теперешнихъ политическихъ условіяхъ. *Учрежденная церковь*, между тѣмъ, теперешнимъ ирландскимъ биллемъ поставляется на очередь къ упраздненію: въ своемъ смыслѣ государственнаго учрежденія она должна пасть, какъ выражаютъ объ этомъ опасеніе консерваторы, и чего не совсѣмъ таятъ радикалы. А съ тѣмъ падаетъ и еще препятствіе, и притомъ главнѣйшее къ возсоединенію церквей. Господствующая россійская церковь, съ своими сестрами-церквами юго-восточными, составитъ едино тогда съ господствующею англиканскою церковью и съ ея дщерію-сестрою на дальнемъ, заатлантическомъ западѣ. Какая будущность, какая слава, какое духовное богатство и сила, какое споспѣшествованіе мирному развитію народовъ во взаимномъ духовномъ

Digitized by Google

общеніи, на единой нравственной почвѣ, безъ малѣйшихъ слѣдовъ непріязненной черты, проведенной Римомъ между Западомъ и Востокомъ, этой непріязненной черты взаимнаго отчужденія, взаимной вражды и презрѣнія, только отчасти коренящихся въ различіи племенъ, а болѣе воспитанныхъ противоположностью духовныхъ началъ! Нравственная связь съ народомъ первенствующимъ въ свѣтѣ по силѣ, богатству и просвѣщенію, подниметь и одушевитъ нашъ полунищій и полупросвѣщенный народъ, возвыситъ въ своихъ и чужихъ глазахъ наше духовенство, освѣжитъ и укрѣпитъ его умственно. Торжественное отреченіе отъ примѣси матеріализма и насилія къ царству чистодуховному, къ началамъ вѣры и любви, освѣжитъ нравственно и англосаксонское племя, и поможетъ ему скорѣе сбросить окончательно начало личнаго соперничества, которое доселѣ поставляется имъ, а за нимъ и всѣми народами во главу общественныхъ отношеній, и которому недостаточно полно и недостаточно основательно, а потому и недостаточно успѣшно противостоятъ новѣйшія соціальныя движенія. Оживутъ и процвѣтутъ заглохшія и заморенныя племена православнаго Востока, встрѣтивъ себѣ нравственную, а по нуждѣ и матеріальную помощь, болѣе обширную, болѣе сильную и болѣе дѣятельную, чѣмъ доселѣ. Не устоитъ тогда предъ мирнымъ зовомъ братскаго единодушія и армяно-григоріанская церковь, уже восемь столѣтій назадъ простиравшая объятія ко вселенской церкви, и доселѣ раздѣляемая съ нею болѣе недоразумѣніемъ, чѣмъ существеннымъ разномысліемъ. Растаютъ сами собою остальныя мелкія восточныя секты. Двѣ трети міра будутъ единымъ православнымъ стадомъ, съ единою каѳолическою іерархіею. Слиняетъ тогда голое протестантство Лютера,—сбѣжитъ, какъ легкая травяная краска съ плохой ткани, подъ лучами яркаго солнца: голый протестъ безъ реальнаго содержанія, отвлеченная доктрина безъ живаго церковнаго организма, безъ связующихъ нитей во времени и пространствѣ,—съ прошедшимъ и будущимъ посредствомъ преданія и любви, съ настоящимъ посредствомъ любви и единомыслія,—что оно будетъ тогда, и какой

Digitized by Google

его смыслъ, предъ лицомъ единой, величавой, живой церкви? Померкнетъ и луна на Софійской мечети, потускнѣетъ крестъ на соборѣ Петра. Исламъ и Римъ, историческія начала личной разнузданности и личнаго насилія, начала содружественныя и одинаково враждебныя церкви, не смотря на кажущуюся противоположность, не будутъ имѣть за себя, какъ теперь, помощи въ видѣ соперничества раздробленныхъ мелкихъ разномыслій, и столь же раздробленныхъ матеріальныхъ интересовъ, соперничествующихъ, въ существѣ своемъ, опять подъ воздѣйствіемъ того же разномыслія.

Таково будущее, и къ такому-то будущему закладывается первый камень первоначаткомъ православныхъ храмовъ въ Британіи. Достаточно ли созрѣлъ нашъ православно-русскій людъ, чтобы обнять всю важность историческаго дѣла, къ которому онъ призывается? Не созрѣлъ? Возсоединеніе церкви совершится тогда не такъ скоро, какъ бы оно было возможно при болѣе широкомъ нашемъ просвѣщеніи и при болѣе тонкомъ политическомъ нашемъ чутьѣ. Но оно совершится все равно, только къ славѣ будущихъ отдаленныхъ поколѣній, а къ стыду современнаго и ближайшихъ. Во всякомъ случаѣ, на столько смысла и приличія, надѣемся, найдется у русскихъ людей, чтобъ не допустить воздвигаемаго англо-православнаго храма до *личныхъ*, а еще болѣе *оффиціальныхъ* одолженій. Единоличное ктиторство было бы срамъ, какъ свидѣтельство общественнаго равнодушія и общественной безтактности. Оффиціальное одолженіе было бы препятствіе, а не поощреніе дѣлу, какъ поводъ къ подозрѣніямъ въ политической интригѣ и искусственномъ возбужденіи. Это дѣло общественное, это дѣло наше. Каѳедры, обители, церкви, клиръ должны подать примѣръ первые; за ними послѣдовать паства. Чѣмъ мельче,—слѣдовательно чѣмъ многочисленнѣе—было бы приношеніе, тѣмъ было бы славнѣе. Мы мечтаемъ о невозможномъ; но если бы возможно было соглашеніе между всѣми многочисленными приходами, обителями и каѳедрами имперіи, и если бы каждое принесло на новосооружаемый храмъ по одному рублю, нѣтъ—каждое

Digitized by Google

по половинѣ рубля и иныя по копѣйкамъ, средства для храма были бы въ избыткѣ, и какое величавое свидѣтельство было бы тогда для нашихъ далекихъ братьевъ, нашихъ несомнѣнныхъ будущихъ единовѣрцевъ! Какой тяжеловѣсный доводъ въ пользу православія явился бы тогда далекимъ островитянамъ въ видѣ этого милліона братскихъ объятій, къ нимъ простертыхъ! Не маловажна была бы тогда и въ политическомъ смыслѣ сила этого заявленія, въ особенности если бы сопроводилось оно братски-отеческимъ посланіемъ отъ собора россійскихъ іерарховъ къ этому новому, малому стаду, на этомъ новомъ Критѣ, съ этимъ новымъ своимъ Титомъ?

О невнимательности къ духовнымъ потребностямъ богомольцевъ *).

Г. В. Ч. (въ письмѣ на имя редактора „Совр. Изв.“) сравниваетъ наши монастыри съ италіанскими и наши святыни съ католическими. Объясненіе разницы, справедливо имъ указываемой, кроется въ разницѣ отношенія мірянъ къ церкви у насъ и въ Италіи. У насъ народъ ломится въ церковь; тамъ приходится его почти зазывать. Извѣстный законъ предложенія и спроса, имѣющій такую силу въ экономическихъ отношеніяхъ, отражается и здѣсь, въ области отношеній нравственныхъ. Католическій патеръ внимателенъ до угодливости. У насъ, наоборотъ, невнимательность служителей церкви доходитъ зачастую до грубости: это служитъ только доказательствомъ, что народъ отъ сердца, не по заказу, не изъ любопытства и не изъ привычки только идетъ въ церковь. Обезпеченное благочестіе мірянъ избавляетъ ближайшихъ служителей отъ обязанности подумать о необходимости отвѣчать на этотъ натискъ тоже предупредительностью и внимательностью. Разумѣется, это не можетъ однако продолжаться навсегда; „капля долбитъ

*) С. И. 25 іюля, № 202.

Digitized by Google

камень не силою, но частымъ паденіемъ" говоритъ латинская пословица. Неблагопріятныя послѣдствія для самихъ монастырей и для церкви неминуемо окажутся и оказываются; охлажденіе къ церкви и отпаденія не болѣе ли всего въ этомъ имѣютъ свою причину. За то говоритъ исторія; съ грубою откровенностью, но то же повторяютъ и молоканскія пѣсни, изображающія въ рѣзкихъ, но тѣмъ не менѣе художественно-вѣрныхъ чертахъ грубое невниманіе духовенства къ жаждущимъ истины и утѣшенія. И вѣрно слово, сказанное въ отвѣтъ на замѣчаніе о многочисленности раскольниковъ въ Россіи: „подивитесь, напротивъ, что ихъ такъ мало, и заключите, до чего еще крѣпка въ народѣ преданность церкви. Надобно спрашивать не о томъ, чѣмъ отбивается народъ отъ церкви, а спрашивать: чего не дѣлаютъ, чтобы отбить".

О Троицкой Лаврѣ скажемъ, что наблюденіе за благочиніемъ въ церкви, по правиламъ, принадлежитъ діаконамъ, и мы полагаемъ, что Лавра, обилующая числомъ братіи, могла бы ввести у себя этотъ апостольскій порядокъ съ большимъ удобствомъ, чѣмъ всякая другая обитель, не говоримъ уже о простыхъ церквахъ. И привратниковъ желалось бы видѣть также изъ числа братіи, согласно съ монастырскими уставами. Почему упразднять этотъ видъ послушанія. Достаточное число братіи опять отнимаетъ право (для другихъ монастырей основательное) сказать: „запустуетъ тогда самая церковная служба, пѣніе и чтеніе". Разставленные въ видѣ стражей и блюстителей благочинія тамъ и здѣсь солдаты могутъ богомольцамъ внушить даже мысль, что монахи барствуютъ и идутъ на синекуру, оставляя черныя работы наемнымъ людямъ: предоставляемъ взвѣсить, какъ должна дѣйствовать эта догадка на воспитаніе уваженія къ монастырямъ; а между тѣмъ она будетъ не вполнѣ справедлива, можемъ это засвидѣтельствовать.

Но вотъ мысль основательная и плодотворная, съ которою обращается г. В. Ч. уже ко всѣмъ святынямъ въ Россіи и на которую считаемъ долгомъ обратить вниманіе не только ближайшихъ служителей и блюстителей святыни. но и высшаго

Digitized by Google

правительства. Всѣ досточтимыя святыя мѣста и всѣ хранилища достопримѣчательностей, находящіяся въ рукахъ духовенства, должны быть повсюду открыты цѣлоденно и повседневно. Сказанное о ризницѣ Троицкаго монастыря относится и къ его библіотекѣ, не менѣе знаменитой и замѣчательной, относится ко всѣмъ его заведеніямъ и даже церквамъ, за исключеніемъ Троицкаго собора. И этотъ, съ мощами преподобнаго Сергія, открытъ на цѣлый день только уже послѣ печатныхъ замѣчаній г. Погодина, если не ошибаемся; дотолѣ открывался лишь на время службы. А въ другихъ мѣстахъ Россіи? А здѣсь въ Москвѣ? Что здѣшніе соборы и монастыри? Что патріаршая ризница съ патріаршею библіотекою? Указываемъ на всероссійскую святыню, на историческія знаменитости, по которымъ простолюдинъ можетъ пройти цѣлый курсъ отечественной исторіи, довольствуясь однимъ молчаливымъ обозрѣніемъ, даже безъ пособія толкователей, которые однако не были бы конечно лишними. Считаемъ излишнимъ перечислять прочія святыни, разсѣянныя по пространству Россіи и столь усердно посѣщаемыя народомъ, стекающимся со всѣхъ сторонъ; воспитательное значеніе ихъ также несомнѣнно, и вездѣ тотъ же недостатокъ внимательности къ удовлетворенію богомольцевъ другими утѣшеніями, кромѣ служенія молебновъ. Въ бѣднѣйшихъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ въ Переяславлѣ и въ Новгородѣ, слышали мы, встрѣчаютъ еще охотныхъ путеводителей и толкователей: тутъ дѣйствуетъ тотъ же законъ спроса и предложенія, о которомъ мы уже говорили. Но что Соловки, что Кіевъ, что Воронежъ съ Задонскомъ, что Саровъ? И такъ далѣе и далѣе, проходите по Россіи, разспрашивайте богомольцевъ и допытывайтесь, что они вынесли изъ своего путешествія. И плодятся невѣжественные разсказы, суевѣрныя легенды, полуязыческія заключенія.

Вопросъ заслуживаетъ общаго законоположенія. Въ прошедшемъ царствованіи историческимъ сокровищамъ, хранящимся въ монастыряхъ, грозило наконецъ совершенное расхищеніе, благодаря, разумѣется, болѣе всего невѣжеству, выпустившему

Digitized by Google

въ продолженіи ста лѣтъ изъ своихъ рукъ столько сокровищъ, послужившихъ къ обогащенію стольких библіотекъ и музеевъ, даже къ созданію новыхъ. Состоялся высочайшій указъ о составленіи повсюду правильныхъ и тщательныхъ описей сокровищамъ, хранящимся въ храмахъ и ризницахъ. Но кладъ недоступный, хотя лежащій въ сохранности, не приноситъ пользы. Трудно возражать, когда указываютъ вообще на непроизводительное употребленіе монастырскихъ богатствъ. Въ настоящее царствованіе послѣдовалъ законъ, предупреждающій возраженіе о непроизводительности монастырей вообще: новые монастыри могутъ быть теперь открываемы не иначе, какъ заявивъ сверхъ общей цѣли монастырскаго подвижничества, какую-нибудь частную воспитательную или благотворительную цѣль. Россія имѣетъ право ждать закона и о монастырскихъ (вообще о церковныхъ) сокровищахъ, который бы обезпечивалъ ихъ производительное значеніе для народа. Производительность заключается не всегда въ наживѣ вещественной прибыли. Пусть церковныя достопримѣчательности будутъ живымъ поученіемъ для народа, живою школою не просто благочестія, но вмѣстѣ школою, сохраняющею и оживляющею вообще преданія отечественныя, воспитывающею патріотизмъ, нравственно связывающею современныя понятія и между собою—единствомъ воспоминаній, и съ поколѣніями прошедшими—непрестанно освѣжаемымъ памятованіемъ того, что совершено предками. Какъ формулировать законъ—дѣло законодателя; но должны же быть всѣ достопримѣчательности, и въ особенности достопримѣчательныя святыни, открыты всюду для всякаго и всегда безпрепятственно, и должно быть не только обезпечено, но даже предупредительно облегчено всевозможнымъ содѣйствіемъ, ихъ изученіе всѣмъ и каждому желающему.

Digitized by Google

О религіозныхъ обрядахъ и обычаяхъ *).

Пудожскій корреспондентъ „Бирж. Вѣд." описывая обычай, распространенный въ Поморскомъ краѣ, ставить кресты на дорогахъ, взываетъ между прочимъ къ епархіальному начальству, чтобъ оно вразумило крестьянъ обращать свое благочестивое усердіе на другіе предметы, а не на постановку крестовъ. Корреспондентъ сближаетъ этотъ обычай съ подобнымъ же обычаемъ въ западномъ краѣ: здѣсь это памятникъ католицизма и знамя польщизны; тамъ знамя раскола, по крайней мѣрѣ его памятникъ: кресты эти по первоначальному происхожденію суть кресты надгробные надъ могилами изувѣровъ-самосожженцевъ.

Позволяемъ себѣ не согласиться съ корреспондентомъ и съ своей стороны выразить надежду, что епархіальное начальство остережется послѣдовать неосторожному совѣту. Въ краѣ, столь наклонномъ къ расколу, опасно расшевеливать мѣстные обычаи, особенно когда въ нихъ нѣтъ ничего прямо вреднаго. По свидѣтельству самого корреспондента, раскольническій смыслъ этихъ крестовъ и памятниковъ утратился. Это теперь выраженіе простого благочестія. Къ чему же запрещеніемъ вызывать прежній неправославный смыслъ снова на память, и этимъ оживлять расколъ? Мало ли у насъ обычаевъ очень почтенныхъ, которые, если допросить внимательно о ихъ происхожденіи, скажутся не только не православными, но даже языческими.

Эта замѣтка имѣетъ смыслъ болѣе общій, и прилагается не къ однимъ крестамъ на дорогахъ. Много обычаевъ и въ церковномъ и въ политическомъ мірѣ, къ которымъ не преодолѣно еще недоразумѣніе, въ сущности давно переставшее быть основательнымъ. Возьмемъ хотя исторію нашей русской бороды, какихъ смысловъ не перенесла она на себѣ, съ того времени, какъ Петръ увидѣлъ въ ней знамя мятежа и знамя раскола. Сколько и теперь у нея разныхъ смысловъ: не говоря о бородѣ законной духовенства, борода по наслѣдственному преданію

*) С. И. 6 августа, № 213.

Digitized by Google

(у крестьянина и купца), борода по религіозному ученію (у старообрядца), борода фата, борода самозваннаго демагога, борода русская и французская, борода прямо для удобства. Но законъ, хотя въ болѣе смягченномъ видѣ, все съ тѣмъ же возбраненіемъ относится къ ней, какъ и во времена Петра. Правда, самое это возбраненіе является теперь болѣе требованіемъ простаго служебнаго приличія; бритый подбородокъ получаетъ значеніе принадлежности мундира на равнѣ съ шитымъ воротникомъ и обшлагами и въ одномъ съ ними смыслѣ.

Возьмемъ и другое недоразумѣніе: въ церкви по отношенію къ театру. Давно утраченъ послѣднимъ языческій смыслъ, такъ давно, что, переживъ христіанскій, онъ обращается просто въ безрелигіозный. А и восточная и западная церковь единодушно продолжаютъ осыпать его тѣми же словами и того же осужденія, какое было такъ кстати въ первые четыре вѣка. Косо смотрятъ служители вѣры и на статуи; даже, сколько намъ извѣстно, на такую книгу, какова была „Пропилеи“ г. Леонтьева, смотрѣлось косо духовнымъ начальствомъ; сколько намъ извѣстно, можно было бы подумать, что въ самомъ дѣлѣ опасаются возобновленія поклоненій Зевсу и Аполлону.

Но самое громадное недоразумѣніе, продолжающееся во всей силѣ, относится къ старообрядству. Сколько слезъ, крови и чернилъ пролито изъ двоеперстія и сугубаго аллилуія. Что не было заподозрѣно въ этихъ обрядахъ. Наконецъ, дѣло разъяснилось, и учредилось единовѣріе. Но и теперь продолжаетъ во всей силѣ существовать запрещеніе православному принимать двоеперстіе и числиться, напримѣръ, прихожаниномъ единовѣрческой церкви. Не такъ давно между періодическою Московскою печатью и Вятскою шелъ даже по этому вопросу споръ, и Вятская епархіальная печать никакъ не хотѣла уступить православному права молиться въ единовѣрческомъ храмѣ. Но она не потрудилась разъяснить вотъ какого вопроса. Что если среди цѣлой волости будутъ только двое православныхъ по происхожденію, а вокругъ на десятки верстъ не будетъ церкви православной? И что если одинъ скажетъ: пойду молиться въ

Digitized by Google

храмъ своихъ односельчанъ единовѣрцевъ, сложу ихъ крестъ и буду соучаствовать въ ихъ богослуженіи, по ихъ обычаямъ? А другой: нѣтъ, я уже лучше просижу дома, но не пойду къ нимъ, и не зачислюсь въ ихніе? На которой сторонѣ будетъ гордыня, на которой христіанская любовь?

Нравственное одобреніе со стороны прихожанъ какъ условіе для назначенія на священнослужительскія мѣста *).

Мы получили отъ неизвѣстнаго письмо, въ которомъ насъ просятъ посовѣтовать „Московскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ“, чтобы онѣ помѣщали своевременныя свѣдѣнія о праздныхъ священнослужительскихъ и церковнослужительскихъ мѣстахъ. По мнѣнію корреспондента, эти свѣдѣнія гораздо нужнѣе духовенству, чѣмъ свѣдѣнія о поступившихъ на мѣста, а только послѣдняго рода свѣдѣніями и наполняются печатаемые въ „Вѣдомостяхъ“ списки, къ которымъ уже въ видѣ поясненія только прибавляются извѣстія о выбывшихъ за штатъ или умершихъ. Практическій интересъ, по мнѣнію корреспондента, требуетъ другаго, и онъ изображаетъ картину, какъ добываются мѣста въ духовенствѣ. Вотъ онъ что говоритъ.

„Кто изъ духовныхъ лицъ не знаетъ, съ какими хлопотами, издержками и тратою времени добываются теперь свѣдѣнія о праздныхъ вакансіяхъ. Еще хорошо, если кандидатъ на должности живетъ въ Москвѣ хотя бы за пять или 8 верстъ отъ консисторіи; ему все-таки легче навѣдываться въ нее, чѣмъ несчастному сельскому кандидату, которому приходится дѣлать 50 и болѣе верстъ. А навѣдываться надо не разъ и не два въ мѣсяцъ, а нѣсколько разъ въ недѣлю, потому что иначе какъ разъ пропустишь вакансію и кто-либо другой займетъ ее.

„Но одними прогулками еще не отдѣлаешься. Упразднявшееся мѣсто составляетъ канцелярскую тайну консисторіи; для познанія этой тайны нужно быть или родственникомъ или другомъ

*) С. И. 13 августа, № 220.

Digitized by Google

консисторскаго чиновника, а въ особенности нужно заслужить расположеніе сторожа, могущество котораго велико. Чтобы быть дружнымъ съ сторожемъ, нужно дать ему денегъ, а не у всѣхъ кандидатовъ есть лишняя копѣйка. Несчастные безденежные легко отличимы въ консисторіи отъ тѣхъ, которые угостили сторожа; послѣдніе смотрятъ на первыхъ съ какою-то самоувѣренностью и предпочтительно получаютъ мѣста. А бѣдняги снова колесятъ ежедневно, узнавая не открылось ли мѣсто.

„А какъ легко избѣгнуть всѣхъ этихъ непріятностей. Стоитъ устроить въ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ отдѣлъ, въ которомъ бы публиковать незанятыя вакансіи. „Вѣдомости“ выходятъ разъ въ недѣлю, и выписываніе ихъ обязательно всѣмъ церквамъ. Каждый кандидатъ по этому могъ бы изъ нихъ узнать о свободныхъ мѣстахъ заблаговременно. Было бы не дурно, если-бъ въ консисторіи списки свободныхъ мѣстъ даже вывѣшивались на видномъ мѣстѣ; тогда не надо было бы прибѣгать и къ посредству сторожей!“

Обращаемъ это заявленіе по назначенію, кому оно адресовано. Съ своей стороны, мы, разумѣется, одобрили бы мѣру, о которой проситъ корреспондентъ, хотя полагаемъ, что она во всякомъ случаѣ, бѣднякамъ просителямъ поставила бы одно утѣшеніе: написать лишнюю просьбу. Вѣдомости выходятъ все-таки только разъ въ недѣлю, и въ продолженіе этого промежутка не только успѣетъ открыться вакансія, но успѣетъ она и быть замѣщенною. Если бы даже она оставалась праздною, гдѣ, кромѣ листа бумаги, на которой проситель за подписью своего имени испрашиваетъ „учинить милостивѣйшую резолюцію,“ гдѣ для него еще основаніе, что резолюція эта положена будетъ именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ ему желательно.

Удивительная слѣпота. Слышатъ несправедливость, ищутъ ея причину, и отыскиваютъ вездѣ, только не тамъ, гдѣ она дѣйствительно. Обращаются съ обвиненіями къ консисторскимъ канцеляріямъ и даже сторожамъ. Какъ будто не все равно, знаете ли вы о существованіи празднаго мѣста или нѣтъ. Избѣгаете одной случайности, предстанетъ другая; сторожъ и даже секретарь окажутъ благосклонность, но явится со стороны ходатай за вашего соперника, и вы, не смотря на свое достоинство, и на свое нравственное право, останетесь съ чѣмъ были.

Digitized by Google

Но вопіютъ въ духовенствѣ и противъ этихъ ходатайствъ не вполнѣ впрочемъ основательно. За неимѣніемъ данныхъ, болѣе твердыхъ, важно и личное одобреніе. Нельзя же производить на священническія мѣста на единственномъ основаніи учебнаго аттестата или старшинства лѣтъ. Личный архіерейскій экзаменъ просителямъ—учрежденіе устарѣлое и во всякомъ случаѣ неспособное дать полныя свѣдѣнія. Въ неизбѣжно краткій часъ испытанія можетъ преосвященный достигнуть лишь отрицательныхъ заключеній, и притомъ касающихся исключительно умственныхъ способностей и образованія: „это круглый невѣжда, онъ положительно недостоинъ“. Или „этотъ со смысломъ, нѣтъ прямыхъ основаній отвергнуть“. Но развѣ это все, и все именно для занятія мѣстъ священнослужительскихъ?

Нравственное одобреніе со стороны прихожанъ было бы лучшимъ дополненіемъ этому, неизбѣжно недостаточному испытанію, которое можетъ быть произведено архіереемъ, и вмѣстѣ было бы твердѣйшимъ оплотомъ противъ всѣхъ несправедливостей и случайностей, которымъ теперь, и опять неизбѣжно, подвержено назначеніе на священнослужительскія мѣста. Тѣмъ болѣе, что этотъ порядокъ согласенъ былъ бы съ древними правилами. При новомъ законѣ, требующемъ, чтобъ кандидатъ во священство предварительно прошелъ должность псаломщика, вѣроятно, онъ возстановится, тѣмъ болѣе что паствѣ облегчится возможность предлагать во священство лицъ дѣйствительно дознанныхъ, а архипастырю не много останется нравственныхъ основаній, чтобъ отвергать избраніе.—Но вотъ что удивительно, этого-то порядка, которымъ единственно и твердо устранились бы всѣ несправедливости и случайности, всѣ поводы къ жалобамъ, этого-то порядка, единственно истиннаго, менѣе всего и хочетъ большинство духовенства. Мирятся съ какимъ угодно способомъ избранія, только не съ этимъ. Ужели же предпочтутъ даже консисторскаго сторожа?

Digitized by Google

О старообрядческихъ училищахъ *).

Какія соображенія руководили старообрядцевъ въ желаніи имѣть собственныя училища, неизвѣстно. Кажется, побудительною причиною былъ, во первыхъ, стыдъ, почувствованный наконецъ отъ постоянныхъ и всеобщихъ упрековъ въ невѣжествѣ; и во вторыхъ—боязнь, что чрезъ обученіе въ общихъ училищахъ дѣти отстанутъ отъ старообрядства. Первое побужденіе похвально, второе естественно. Въ не-старообрядцахъ же, когда заходила рѣчь о старообрядческихъ училищахъ, во всѣхъ болѣе или менѣе ясно проглядывало воззрѣніе на школу, какъ на средство сманить старообрядцевъ; одинаково этимъ одушевлялись противники учрежденія особыхъ школъ и защитники. Первые боялись, вторые надѣялись. Боялись, что при отдѣльности школъ средство привлеченія окажется недостаточнымъ, и потому предпочитали дозволить старообрядцамъ посѣщать общія училища, съ увольненіемъ отъ уроковъ закона Божія, а не устройство особыхъ училищъ. Надѣялись другіе, что достаточно просвѣтить старообрядца: остальное придетъ само собою, гдѣ бы онъ ни обучался. Очевидно однако, что тѣ и другіе одинаково предвидѣли случай воспользоваться просвѣщеніемъ, какъ ловушкою для совѣсти. Сколько тутъ чести отдается просвѣщенію, сколько совѣсти, и сколько тому и другому вмѣстѣ, представляемъ рѣшать просвѣщенной совѣсти каждаго.

Но оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о нравственномъ достоинствѣ воззрѣнія; мы утверждаемъ, что оно въ самомъ себѣ неосновательно: въ просвѣщеніи оно видитъ принадлежность извѣстнаго вѣрованія и находитъ его несовмѣстнымъ съ другимъ вѣрованіемъ. Оно смѣшиваетъ этимъ два явленія: образованность и вѣру, внѣшнее знаніе и совѣсть, тогда какъ это явленія разныя, области несоизмѣримыя, два круга, центры которыхъ не сходятся. Милліоны разъ доказалось, что высокое просвѣщеніе уживается съ глубокимъ суевѣріемъ и вѣра чистая съ кореннымъ невѣжествомъ. Первые мученики далеко были

*) С. И. 16 августа, № 223.

Digitized by Google

необразованнѣе первыхъ императоровъ, и графъ Монталамберъ несомнѣнно былъ просвѣщеннѣе о. Серафима Саровскаго. Въ сумкѣ ходячихъ понятій, которыми пробавляется человѣчество, это различіе двухъ разнородныхъ явленій затерялось, собственно благодаря тому, что римское католичество опредѣлило себя и въ теоріи и въ жизни какъ внѣшнее знаніе (отчего и выродило изъ себя дикое ученіе о дѣлахъ). А протестантство и тѣмъ паче разумѣетъ вѣру, какъ знаніе, хотя повидимому противъ этого и протестуетъ. Между тѣмъ какъ вѣра не есть знаніе: напротивъ, она ему противоположна, хотя имѣетъ его при себѣ и пользуется имъ, между прочимъ, для своего выраженія.

Но мы, впрочемъ, взялись за перо не для того, чтобы распространяться въ философскихъ различеніяхъ вѣры отъ знанія. Достаточно быть убѣжденнымъ, что расколъ не исчезаетъ отъ такъ называемаго просвѣщенія, и достаточно для этого собственной его исторіи. Возьмемъ первыя Челобитныя старообрядцевъ, возьмемъ Поморскіе Отвѣты, и возьмемъ теперешнія ихъ мудрствованія. Какая разность. Мы не можемъ скрыть отъ себя, что эта разность, чувствительно измѣнившая самый катихизисъ старообрядцевъ, зависѣла именно отъ степени просвѣщенія. И тѣмъ не менѣе видимъ, что не смотря на измѣненіе катихизиса, само старообрядство, какъ секта, какъ особое вѣрованіе, живетъ, даже не очень смущаясь тѣмъ, что оно отошло отъ своихъ первоначальныхъ воззрѣній. Для знакомыхъ съ исторіею вѣроученій это и не удивительно. Никакая секта, какъ секта, не живетъ буквою своего катихизиса, потому что никакая изъ нихъ и не зарождается изъ голыхъ умствованій, подобно какъ зарождаются теоріи свѣта или электричества. Логическіе доводы, которыми оправдываетъ себя секта, и самый символъ, съ которымъ она вышла и продолжаетъ жить, есть только попытка ея къ саморазумѣнію, часто даже несоотвѣтствующая истинной сущности явленія. Всякое отдѣльное вѣрованіе, успѣвшее собраться въ секту, въ общество, есть явленіе прежде всего бытовое. Это бываетъ попытка удовлетворить какой-нибудь коренной народной потребности, выразить какую-

Digitized by Google

нибудь существенную черту народнаго характера, не удовлетворяемую и не выражаемую существующимъ всеобычнымъ выраженіемъ вѣры, господствующимъ ея организмомъ, короче господствующею церковью. Это самое и даетъ имъ силу сложиться въ секту, и не оставаться на степени личнаго мнѣнія, пусть раздѣляемаго нѣсколькими, однако не способными стать въ собирательную личность. И живутъ потомъ секты точно также совсѣмъ не діалектикою мысли, а логикою жизни, тѣмъ психическимъ мышленіемъ, которое такъ мало поддается отвлеченнымъ логическимъ пріемамъ.

Убѣдимся въ этомъ, и тогда рѣшается само собою: стоитъ ли противиться заведенію особыхъ старообрядческихъ школъ, и не слѣдуетъ ли, напротивъ, о нихъ стараться. Расколъ не падетъ; въ крайнемъ случаѣ отойдутъ отъ него отдѣльныя личности. Изъ за чего же дѣло? Что предпочтительнѣе: просвѣщеніе или невѣжество, и вѣра или безвѣріе? Вотъ къ какому простому самому общему, можно сказать, даже—пошлому виду сводится тогда весь вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ, при несогласіи властей на особенныя училища, только эти два положенія и предстоятъ старообрядцу: или оставаться совсѣмъ безъ школы, и слѣдовательно, въ первобытномъ невѣжествѣ; или же, чрезъ школу идти на потерю не только старообрядческаго, но и всякаго вѣрованія. Послѣднее такъ же несомнѣнно, какъ и первое, ибо смѣшно же себя увѣрять, чтобы наши училища, гимназіи или университеты были заведеніями, спеціально насаждающими православіе. Если уже способны они будутъ снять раскольническія вѣрованія, то съ тѣмъ вмѣстѣ соскоблятъ съ дитяти или юноши старообрядца и послѣдніе остатки вѣрованія вообще.

Есть и третья возможность: быть просвѣщеннымъ и оставаться старообрядцемъ; и для большинства старообрядцевъ, цѣнящихъ и вѣру и образованіе, видится это только чрезъ посредство особыхъ старообрядческихъ школъ. Какъ кому, но для насъ согражданинъ просвѣщенный и вѣрующій, хотя бы и старообрядецъ, во всякомъ случаѣ предпочтительнѣе и достожеланнѣе круглаго невѣжды и полнаго безвѣра.

Digitized by Google

Дѣло Плотицына*).

Дѣло Максима Плотицына будетъ докладываться въ сенатѣ не далѣе какъ 20 августа. Въ предвидѣніи этого, нѣкто въ „Голосѣ“ помѣщаетъ, подъ видомъ и наименованіемъ корреспонденціи изъ Моршанска, докладную записку въ пользу Плотицына, предназначенную для чтенія іт. сенаторамъ. Обыкновенно такія записки печатаются особенно, въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, и подаются прямо въ руки сенаторамъ. Но ничего худаго нѣтъ, что ходатай воспользовался для этого періодическою печатью: это только доказываетъ его уваженіе къ общественному мнѣнію; онъ ищетъ предрасположить публику, не довольствуясь впечатлѣніемъ на судей.

Мы называемъ статью изъ Моршанска докладною запискою, а не корреспонденціею, не безъ основанія. О Моршанскѣ и изъ Моршанска въ ней почти ни слова нѣтъ, кромѣ общихъ мѣстъ... Она вся занята разборомъ Плотицынскаго дѣла: отыскиваетъ показанія благопріятныя Плотицыну, умалчивая, разумѣется, о неблагопріятныхъ; ловитъ противорѣчія, гдѣ они могутъ служить въ пользу обвиняемому; уличаетъ и докторовъ и Коммиссію въ неумѣлости; нападаетъ на печать, и именно на „Современныя Извѣстія“, за содѣйствіе къ обвиненію; выходитъ изъ себя, что находились какіе-то именные и безъименные доносчики; хвалитъ и торжествуетъ, что имъ не давали хода. По мѣстамъ это пересыпано ораторскими украшеніями, ссылкою на канцлера Дагессо, негодованіемъ „противъ обскурантизма“ и „фанатизма“ и воззваніями къ „реальной наукѣ“. Это крайнее развитіе фанатизма, восклицаетъ ходатай, говоря о скопчествѣ и освобождая повидимому совершенно Максима Плотицына отъ подозрѣнія въ этой ереси.

„Это крайнее развитіе религіознаго фанатизма не можетъ жить среди свѣта дѣйствительности. Оно осуждено на смерть, какъ скоро столкнется съ реальною наукою, проповѣдующею,

*) С. И. 18 августа, № 225.

Digitized by Google

что природа—цѣль человѣческаго познанія, что она благодать, а не грѣхъ, что наслажденіе жизнью—разумная цѣль общественнаго развитія, а не мерзость. Что женщина и любовь идеалы индивидуальнаго счастья, а что дьявольскія козни состоятъ въ томъ, чтобъ отвратить человѣка отъ живой дѣйствительности, запрещая ему наслажденіе и замыкая въ узкій кругъ мертвыхъ символовъ. Обскурантизмъ вотъ истинное наслажденіе духа тьмы, отца лжи, обольщающаго бѣднаго труженика лживыми надеждами на вознагражденіе."

Видите, тутъ и фанатизмъ и обскурантизмъ, и идеалы индивидуальнаго счастья, и узкій кругъ мертвыхъ символовъ. Чего еще? Гимназисту за всѣ эти цвѣты краснорѣчія можно было бы поставить похвальный балъ, но съ предостереженіемъ, чтобъ онъ употреблялъ впредь не одни слова, но не пренебрегалъ и мыслью и въ особенности избѣгалъ положительныхъ безсмыслицъ, каково, напримѣръ, выраженіе, что природа есть цѣль человѣческаго познанія—употребленное въ видѣ доказательства нелѣпости скопчества. Скопцы скопятся, не понимая, невѣжды, что природа есть цѣль человѣческаго познанія. Каково сочетаніе.

Все это говорится собственно въ оттѣненіе Плотицына, который примѣшанъ къ скопчеству совершенно напрасно, тогда какъ въ дѣлѣ есть дѣйствительный, не только признанный, но и признавшійся скопецъ и даже скопитель. Это Іона Кузнецовъ. Его-то и засыпаетъ ходатай этими цвѣтами краснорѣчія. Самъ же Плотицынъ, если вѣрить докладной запискѣ, есть не болѣе, какъ набожный старичекъ, нѣсколько, правда, мистическаго направленія, и въ этомъ своемъ качествѣ уважающій и принимающій разныхъ блаженныхъ, въ томъ числѣ и смыслѣ вѣроятно и скопцевъ. Кстати же въ Моршанскѣ и былъ настоящій блаженный Иванъ Васильевичъ Ильинъ, умершій въ 1853 году. Составитель записки, очевидно, потрудился собрать о немъ свѣдѣнія, да вмѣстѣ для пущей доказательности воспоминаетъ о блаженныхъ и юродивыхъ другихъ губерній. Въ простомъ мистическомъ смыслѣ и должно быть объясняемо все

Digitized by Google

признанное за письменныя улики противъ Плотицына, а сухарикъ, найденный у него и признанный за скопческое причастіе, это просто англійскій бисквитъ, полученный Плотицынымъ отъ своего петербургскаго коммиссіонера. Ходатай называетъ этого коммиссіонера даже по имени: это Густавъ Ивановичъ Штейнеръ. Публикѣ онъ доселѣ былъ неизвѣстенъ, да и Плотицынъ на слѣдствіи не показывалъ о немъ, должно быть потому, что запамятовалъ (онъ на все отвѣчалъ: „запамятовалъ“ и „не знаю,“ даже когда представляли ему записки собственной руки). Но составитель записки знаетъ Густава Ивановича, и дознался, что Густавъ Ивановичъ посылалъ Плотицыну бисквиты. Густавъ Ивановичъ Штейнеръ есть дѣйствительно знакомый Плотицына, и несомнѣнно, должно быть, доставлялъ англійскіе бисквиты. И мы съ своей стороны припоминаемъ теперь, что въ многочисленныхъ письмахъ, которыя присылались намъ отъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ лицъ во время моршанскаго погрома, упоминалось объ имени и дѣйствіяхъ нѣкоего г. Штейнера, во всякомъ случаѣ несомнѣнно—какого-то г. Ш. съ нѣмецкою фамиліею.

Разумѣется, докладчикъ говоритъ не все, что знаетъ, хотя знаетъ онъ очень многое. Естественно, онъ приберегаетъ сильнѣйшіе доводы къ самому засѣданію, онъ довольствуется предуготовительнымъ внушеніемъ публикѣ, что моршанское дѣло въ существенныхъ чертахъ еще неизвѣстно ей, и именно ставитъ эти слова курсивомъ, чтобы тѣмъ большее вниманіе оказано было потомъ, когда это неизвѣстное будетъ раскрыто въ залѣ сената краснорѣчивымъ защитникомъ Плотицына, княземъ Урусовымъ.

Но тѣмъ откровеннѣе и тѣмъ съ большимъ негодованіемъ опрокидывается докладчикъ на печать и именно и даже исключительно на „Современныя Извѣстія“. Онъ не щадитъ здѣсь выраженій: сравниваетъ писавшихъ съ Ноздревыми, видитъ въ сообщенныхъ извѣстіяхъ и „важность“ и „глупость“, находитъ вообще чуть чуть не преступленіемъ, что печать передавала публикѣ свѣдѣнія о ходѣ дѣла; и въ довершеніе пугаетъ „Современныя Извѣстія“ судомъ за клевету. Въ добрый часъ.

Digitized by Google

Мы не прочь стать на судъ, хотя бы имѣли противъ себя обвинителемъ, что само собою всего вѣроятнѣе, князя Урусова, который послѣ столькихъ опытовъ талантливой защиты попытаетъ на этотъ разъ свою талантливость въ обвиненіи.

Вообще записка не обладаетъ достаточнымъ духомъ спокойствія. Составитель не просто разбираетъ дѣло, хотя бы въ одностороннемъ интересѣ, не просто ходатайствуетъ, но и горячится, какъ будто говоритъ о личномъ дѣлѣ. Что-то его какъ будто лично безпокоитъ; что-то досадуетъ; чего-то онъ будто боится; чѣмъ-то раздраженъ. Этимъ раздраженіемъ и объясняется, что онъ даже не замѣчаетъ за собою противорѣчій. Поставляя, напримѣръ, въ обвиненіе мѣстнымъ властямъ ихъ невнимательность, онъ въ другомъ мѣстѣ ту же невнимательность принимаетъ за достаточное доказательство неважности пренебреженныхъ свѣдѣній (доносовъ Ковригина и Боголюбова). По пріемамъ, по тону, по этому повторенному обращенію для сравненій къ Ноздреву, мы готовы предположить даже, что авторъ на сей разъ есть тотъ же, кто писалъ отчеты о плотицынскомъ дѣлѣ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ и потомъ въ семъ же „Голосѣ“. Если это дѣйствительно одно лице, то мы можемъ поздравить автора, что онъ по крайней мѣрѣ нѣсколько исправился; на сей разъ говоритъ о князѣ Урусовѣ, и притомъ ставитъ его на пьедесталъ.

Утилитарный взглядъ въ приложеніи къ монастырскимъ доходамъ *).

Помѣщая замѣтку о Гуслицкомъ монастырѣ, мы имѣемъ дѣло съ общимъ воззрѣніемъ, противъ котораго протестуетъ Гуслицкій игуменъ, и противъ котораго не можемъ не протестовать и мы. Воззрѣніе это можетъ быть названо *строго утилитарнымъ*. Господинъ смотритъ на чужое богатство и чужой трудъ, размышляетъ, съ пользою ли оно употребляется, и протягиваетъ руку, чтобъ распорядиться гораздо полезнѣе.

*) С. И. 22 августа, № 229.

Digitized by Google

Направленіе это очень старое и довольно распространенное, хотя не вездѣ одинаково называется.

„Какъ жалко, что эта женщина такое дорогое муро употребляетъ на ноги учителю! Больше пользы было бы, если бы она продала, и деньги раздала нищимъ!“ Такъ разсуждалъ древній утилитаристъ, и съ своей точки зрѣнія основательно.

Тотъ же утилитаризмъ, и та же сравнительная оцѣнка дѣйствительной и возможной пользы чужаго добра является потомъ въ римскихъ катихизисахъ, подъ несоотвѣтствующимъ заглавіемъ „добрыхъ дѣлъ“, и выродилось въ извѣстное іезуитское: „цѣль оправдываетъ средства“. Іезуиты, правда, отпираются, чтобъ такъ голословно они выражали сокъ своего ученія. Но это все равно. Въ частностяхъ оно проводится послѣдовательно, и нѣтъ преступленія, нѣтъ грабежа, убійства, кровосмѣшенія, для котораго бы у іезуита не нашлось оправданія, заимствованнаго изъ казуистики: „но это для вящшей славы Божіей, для пользы церкви, для пользы ближнихъ“. Посмотритъ патеръ съ этой точки зрѣнія, и убійство, кровосмѣшеніе, грабежъ окажутся едва не добродѣтелью.

Не вдаваясь въ утонченности, а также разсуждаютъ и тѣ, что подкарауливаютъ богатаго купца на дорогѣ, или лѣзутъ къ достаточному барину въ окно. Развѣ они не разсуждаютъ? Нѣтъ, тоже разсуждаютъ, и уже послѣ, когда душа обмозолится и ремесло обратится въ привычку, довольствуются однимъ механизмомъ. „Баринъ, ништо ему! Не бойсь, не знаетъ, что такое нужда, хворь, работа. Купецъ, по дѣломъ ему, чай обираетъ обманомъ“. И молится онъ, и свѣчки обѣщаетъ поставитъ, и думаетъ не только устроить семью или помочь матери, но пособить мелькающимъ сосѣдамъ, точно также горемычнымъ и крехтящимъ. Это тоже утилитаристъ, и положенія, которыя копошатся въ его немудрящей головѣ, отдѣльно взятыя вѣрны: и баринъ, дѣйствительно—распутный, и купецъ обманщикъ; и пожалуй, сосѣду точно выстроитъ избу, и не только свѣчку поставитъ, но и цѣлую церковь построитъ. По расцѣнкѣ пользы перевѣсъ окажется не на сторонѣ владѣльца, но на сторонѣ похитителя.

Digitized by Google

Но къ услугамъ его является и цѣлая теорія, цѣлая школа, и беретъ и вора съ убійцей подъ свою защиту. Она ихъ не оправдываетъ, но только потому, что зачеркиваетъ самое слово *право* или *вина*. Она умнѣе іезуита, и понимаетъ, что признать праваго или виноватаго значитъ признать *нравственное* достоинство дѣянія, слѣдовательно, признать самостоятельность нравственнаго долга, независимую отъ утилитарныхъ соображеній, и ничему не подчиняющуюся, кромѣ нравственнаго закона свободы; слѣдовательно, опровергнуть самую теорію утилитаризма. Этого нравственнаго долга нѣтъ, потому что нѣтъ нравственнаго закона, потому что нѣтъ свободы. Такъ она разсуждаетъ, и потому говоритъ: пусть будетъ такъ, чтобы не было богатыхъ и бѣдныхъ, чтобы не было у одного больше, у другого меньше; пусть будетъ, чтобы не могло и возбудиться желаніе убивать или грабить; тогда не будетъ само собою ни убійцъ, ни грабителей. А до того на нихъ нечего сѣтовать. И это въ свою очередь утилитаризмъ, только еще въ болѣе полномъ, даже перешедшемъ себя видѣ. Развязываясь отъ всѣхъ нравственныхъ побужденій, онъ откидываетъ понятіе самой пользы, которое все еще предполагаетъ долю самоотреченія отъ своекорыстія. Онъ не взвѣшиваетъ, что полезнѣе, а ограничивается выраженіемъ: что кому *лучше*, и попускаетъ на всякую неправду, хищеніе и насиліе, въ надеждѣ, что изъ-за этого можетъ быть большому числу людей *лучше*.

Разумѣется, посягавшаго на Гуслицкую часовню мы не причисляемъ ни къ одному изъ этихъ разрядовъ; но начало одно, и насъ поражаетъ беззастѣнчивость предложенія. Любопытенъ путь, какимъ додвинулось мышленіе г. Морошкина до этого предложенія. Онъ вотъ какой. На приходскихъ церквахъ стоятъ кресты, на монастырскихъ часовняхъ кресты; тамъ подаютъ на свѣчи, здѣсь подаютъ на свѣчи. Доселѣ сходство. Но тамъ служитъ бѣлое духовенство, у котораго есть дѣти, и свѣчная прибыль обращается на ихъ училища; здѣсь служитъ черное духовенство, у котораго дѣтей не предполагается, и свѣчная прибыль остается въ его пользу. Слѣдовательно, заклю-

Digitized by Google

часть мыслитель, свѣчная прибыль съ часовни должна быть обращена на училища дѣтей бѣлаго духовенства. Такова логика. Совершенно тѣмъ же путемъ можно повернуть разсужденіе и обратно, и о. Парѳеній даже предлагаетъ опытъ. У него есть тоже училище, но для крестьянскихъ дѣтей, и онъ совѣтуетъ бѣлому духовенству обратить свое вниманіе (а конечно и свѣчные доходы) туда же, на просвѣщеніе простонародья. Одно разсужденіе стоитъ другого. Но идя этимъ путемъ, самъ простолюдинъ будетъ разсуждать пожалуй и еще иначе, и спорящіе не въ правѣ будутъ отрицать его основательность. „Что вы толкуете объ училищахъ! Я ѣсть хочу, и мнѣ нужна лошадь. Да и не на училища я ставилъ свѣчку“.

Вотъ этотъ бы послѣдній пунктъ собственно и долженъ быть единственною опорою, на которой позволительно обсуждать употребленіе свѣчныхъ суммъ. Онѣ идутъ отъ добровольнаго подаянія тѣхъ, кто ставитъ свѣчи. Съ какою мыслію, съ какимъ намѣреніемъ ихъ ставятъ? Ихъ ставятъ въ часовнѣ, и безъ сомнѣнія не съ тѣмъ, чтобы помимо часовни воспользовались другіе. И въ церквахъ ставятся свѣчки тоже не на училища. Здѣсь отъемъ денегъ на училища, по крайней мѣрѣ, есть фактъ совершившійся и установившійся. Повторять же его въ новомъ и дальнѣйшемъ видѣ не значитъ ли подсказывать сомнѣніе и о правѣ перваго? При недостаткѣ средствъ, помогать себѣ отнятіемъ у другихъ, чего не хотятъ и не думаютъ давать сами владѣльцы, путь конечно легкій, но справедливый ли? Едва ли даже благоразумный.

„Но что справляться съ мнѣніемъ простолюдина?—Онъ невѣжда, и самъ не понимаетъ ни того, что дѣлаетъ, ни для чего дѣлаетъ. Мы за него думаемъ, какъ бы онъ долженъ думать“.

А вы научите его, какъ онъ долженъ думать, и тогда уже распоряжайтесь, а не берите на себя труда размышлять за другихъ. И выходитъ, что о. Парѳеній правъ. Сперва просвѣтить простонародье, а тамъ уже само оно дастъ, чего ищете теперь утилитарными пріемами.

Digitized by Google

О сельскихъ пѣвческихъ хорахъ *).

Изъ числа извѣстій, сегодня передаваемыхъ, къ числу самыхъ пріятныхъ относимъ образованіе сельскаго пѣвческаго хора. благодаря усиліямъ священника, гдѣ-то въ Тульскомъ уѣздѣ. Успѣхъ о. Ясенецкаго показываетъ, какъ много могло бы сдѣлать духовенство, если бы захотѣло. Русскій крестьянинъ есть пѣвецъ по преимуществу. Искусство пѣнія есть одна изъ принадлежностей полнаго воспитанія, и церковное уже признано у насъ однимъ изъ общеобразовательныхъ средствъ. Обученіе крестьянъ пѣнію, пріученіе ихъ къ пѣнію хоровому, и притомъ въ церкви, было бы не только шагомъ впередъ въ народномъ воспитаніи; не только удовлетвореніемъ художественной наклонности, которая почти единственно любовью къ пѣнію и проявляетъ себя въ русскомъ человѣкѣ, мало чувственномъ къ архитектурнымъ линіямъ и почти безчувственномъ къ живописи и ваянію; наконецъ, распространеніе вкуса и любви къ церковному хоровому пѣнію и исполненіе его хоромъ самихъ прихожанъ не только послужило бы однимъ изъ отвлеченій отъ кабака и орлянки (нѣтъ сомнѣнія, лишній часъ пѣнія много бы сберегъ лишнихъ косушекъ у кабатчиковъ и много лишнихъ грошей въ крестьянскихъ карманахъ), но важнѣе всего, что здѣсь же было бы одно изъ лучшихъ средствъ взаимнаго нравственнаго сближенія прихожанъ съ самими собою и съ клиромъ, и дѣйствительнѣйшій шагъ къ тому, чтобы приходы были подлинными единицами, истинными собирательными личностями, находящими свое единство не въ единствѣ только церковнаго зданія или церковнаго клира или въ единствѣ хозяйственныхъ заботъ о поддержаніи того и другого. Единовѣріе есть нравственная связь, но соединяющая не однихъ членовъ прихода, но всю церковь вселенскую. Проповѣдь, поученія образуютъ отчасти одну семью изъ пастыря съ паствою: но чтобы быть не только выслушаннымъ, но и услышаннымъ,

*) С. И. 2 сентября, № 240.

Digitized by Google

много нужно преодолѣть препятствій пастырю. Если и нельзя согласиться съ обычными возраженіями духовенства, что добиться добровольнаго вниманія и послушанія имъ невозможно, по очерствѣлости крестьянина, и что остается только прибѣгнуть къ содѣйствію правительственной силы: то несомнѣнно, что очерствленіе есть, и что нерѣдко доброе желаніе священника воздѣйствовать нравственно на паству встрѣтится съ холодностью и даже озлобленіемъ. Школою, дѣйствіемъ на крестьянъ съ малолѣтства можетъ быть легко духовенствомъ преодолѣно это горькое для него препятствіе жестокосердія. А пѣніе есть та же школа и притомъ не только—малолѣтныхъ, но и взрослыхъ. Здѣсь не встрѣчается обучаемый съ строгимъ, непріятнымъ поученіемъ; обученіе есть вмѣстѣ и источникъ удовольствія, почти забавы, но оно принесетъ свои плоды. Въ Вятской епархіи, какъ знаемъ мы, въ одномъ селеніи прихожане пріучены также, и притомъ не просто къ пѣнію, но именно къ пѣнію всѣмъ хоромъ въ церкви. Легко понять, что этотъ обычай оставляетъ тѣ же воспоминанія и созидаетъ ту же связь, какую порождаетъ обыкновенно совоспитаніе въ одномъ заведеніи. Школьное сотоварищество завязываетъ узы на всю жизнь не одними воспоминаніями о внѣшнемъ сожительствѣ, но единствомъ занятій, единствомъ ощущеній, страховъ, надеждъ, горестей, шутокъ, забавъ. Въ своемъ особомъ видѣ, но повторяется несомнѣнно также жизнь товарищества и въ томъ счастливомъ приходѣ Вятской епархіи, гдѣ всѣ, отъ мала до велика, поютъ вмѣстѣ въ церкви, соединяя свои голоса съ голосами клира.

О томъ, что нравственное единство прихода было бы великимъ благомъ, мы считаемъ излишнимъ изъясняться. Понятно, что это вовсе не есть требованіе сентиментальности, а требованіе нравственныхъ успѣховъ и нравственной силы. Матеріально связаны и объединены крестьяне общиннымъ землевладѣніемъ, которое даетъ имъ себя знать пока тягостью круговой поруки. Однако и эта связь внѣшняя и это внѣшнее единство образуютъ силу, какъ сильно все сплоченное и сосредоточенное, не разбросанное. Эта сила ощущается иностранцемъ при взглядѣ

Digitized by Google

на русскую деревню, и не одинъ изъ нихъ въ этомъ признается, не всегда отдавая себѣ отчетъ, въ чемъ именно послышалъ онъ эту силу. Въ области же нравственной, тотъ же крестьянскій міръ способенъ скорѣе поразить косностью, а не силою, или же успѣхами, но которые могутъ вести только къ разложенію, успѣхами моды, пьянства и всякаго рода гульбы. А это отъ того, что нѣтъ той сплоченности, нѣтъ другого нравственнаго цемента, кромѣ слѣпыхъ обычаевъ, къ которымъ относитъ крестьянинъ свое и вѣрованье. Административныя средоточія не только внѣшни, но и случайны. Школъ нѣтъ, и нѣтъ достаточной силы дойти до единодушія къ ихъ устройству, при всемъ общемъ сознаніи, и даже иногда общемъ желаніи каждаго отдѣльно. А отсюда и косность, и обратные успѣхи, и въ самомъ хозяйствѣ не то движеніе, какое было возможно. Приходъ есть естественный нравственный центръ; будь онъ не внѣшнимъ только, не зданіемъ только или причтомъ: нѣтъ, тутъ удовлетворится не одна сентиментальность. Задумается тогда и совершится въ крестьянскихъ мірахъ многое: и школы, и бесѣды, и общества трезвости, а тамъ и банки, и всевозможныя улучшенія, начиная съ чистыхъ избъ и улицъ, и кончая мірскими сельскими машинами.

О церковномъ пѣніи*).

Нѣсколько дней назадъ сообщено было у насъ о происшествіи, случившемся въ церкви Новаго Пимена 26 августа: во время всенощной въ церкви кто-то позволилъ себѣ рукоплесканіе, и кругомъ церкви была иллюминація не церковнаго свойства. Мы получили нѣсколько писемъ, откликнувшихся на это краткое сообщеніе. Спѣшатъ добавить, что эта свѣтская иллюминація бываетъ и при другихъ церквахъ. Нѣкто называетъ прямо церковь Спаса на Пескахъ и прибавляетъ, что сверхъ иллюминаціи кругомъ церкви бываетъ въ храмовые праздники почти гулянье и заводится мелкая торговля.

*) С. И. 8 сентября, № 244.

Digitized by Google

На этомъ пока остановимся. Корреспонденты указываютъ на это явленіе съ неудовольствіемъ. Мы разсуждаемъ иначе, и не находимъ предосудительнымъ, когда внѣ церкви праздничнo освѣщено, когда образуется само собою стеченіе народа, пусть, когда даже заводится торговля, вызванная этимъ стеченіемъ. Мы даже совершенно противъ тѣхъ суровыхъ мѣръ, которыя принимаются вообще противъ праздничной торговли. А онѣ принимаются, и принимаются въ видѣ косвеннаго понужденія народа къ церкви. Если бы догадались прибѣгнуть къ такимъ понужденіямъ заранѣе, тогда не имѣли бы мы конечно ни одной ярмарки, по крайней мѣрѣ изъ нихъ самыхъ знаменитыхъ. Бытіемъ своимъ онѣ обязаны монастырямъ и храмовымъ праздникамъ: богомолье, стеченіе народа въ церкви; тутъ къ услугамъ торговля, сначала мелкая, потомъ болѣе крупная, которая, благодаря мѣстнымъ условіямъ, разростается потомъ и во всесвѣтную, какъ у Макарія. Таковъ образъ всѣхъ ярмарокъ, и какое-нибудь гулянье подъ Донскимъ или Симоновымъ есть тотъ же Макарій или Коренная въ зародышѣ, съ тою лишь разницею, что торговое мѣстоположеніе однихъ монастырей менѣе благопріятно, чѣмъ другихъ. Не знаемъ, съ тѣмъ же ли успѣхомъ тогда достигнута была бы другая, главная цѣль. О воскресныхъ базарахъ, напримѣръ, разсуждаютъ такъ, что, не будь ихъ, народъ былъ бы не на площади и въ кабакѣ, а въ церкви. Разсужденіе было бы вѣрно, если было бы доказано, что на площадь или въ кабакъ попадаетъ народъ противъ воли, имѣя, напротивъ, намѣреніе молиться Богу. Мы согласны, что соблазнъ барыша или разгула можетъ отвлечь отъ церкви, но не думаемъ, чтобы скука была достаточнымъ побужденіемъ къ богомолью, или чтобы посѣщеніе храмовъ изъ за такого побужденія имѣло нравственную цѣну. И однако такъ разсуждали епархіальныя власти, когда обращались въ святѣйшій синодъ, и чрезъ него къ высшей администраціи, о прекращеніи воскресныхъ базаровъ.

Что въ большомъ, то и въ маломъ. Греми проповѣдникъ противъ тѣхъ, кто употребляетъ церковный праздникъ въ

Digitized by Google

средства для промысла или забавы; но полагаемъ, что и проповѣдникъ предпочелъ бы во всякомъ случаѣ стеченіе народа въ храмѣ и вокругъ совершенной пустынности, среди которой и проповѣдывать некому.

Объ иллюминаціи въ частности, по случаю праздника у Новаго Пимена, г. Эрастъ Дуровъ напоминаетъ въ оправданіе, что то было въ день коронаціи. Это имѣетъ свой вѣсъ.

Иное дѣло—рукоплесканіе. Дѣло тутъ не въ томъ, кто допустилъ себѣ рукоплескать, или почему не предупредили соблазна и не распорядились соблазнителемъ. Рукоплесканіе было право. Оно рукоплескало пѣвчимъ, а пѣвчіе превращали церковь въ театръ. Такова была музыка, таково исполненіе. Вотъ, чѣмъ вызвано рукоплесканіе. Виновато здѣсь безобразіе, которымъ, подъ именемъ красоты, позволяютъ себѣ щеголять хоры пѣвчихъ, и по преимуществу—Чудовскихъ. Но пусть говоритъ корреспондентъ.

„Въ газетѣ вашей описанъ случай въ церкви Пимена, въ Новыхъ Воротникахъ, что послѣ пѣнія „Слава въ вышнихъ Богу“, исполненнаго Чудовскими пѣвчими, раздалось рукоплесканіе. Печально, полагаю, отозвался этотъ случай во многихъ и очень многихъ сердцахъ. Но справедливо ли было обвинять только одного нарушителя церковнаго благочинія. Что вызвало это? Случай этотъ заставилъ припомнить слышанное мною неоднократно въ разныхъ церквахъ концертное пѣніе этихъ пѣвчихъ. Ихъ исполненіе художественно-музыкальное не заставляетъ ли многихъ предстоящихъ отрѣшаться отъ духовныхъ мыслей и благоговѣйнаго настроенія души, и мысленно переноситься въ концертныя залы?

„Не поставлены органы въ церквахъ у насъ, по примѣру католическихъ, но развѣ концертное пѣніе, исполняемое Чудовскими пѣвчими, не замѣняетъ собою органа иногда. Кто слышалъ, какъ они исполняютъ „Тебѣ поемъ“, тотъ, думаю, согласится со многими, что не подобаетъ исполнять такъ въ православномъ храмѣ и, кажется, это одно даетъ мало надежды на возвращеніе заблудшихъ чадъ церкви, т. е. старообрядцевъ, въ ея лоно, въ которомъ не полюбится дѣлать изъ своихъ часовень и моленныхъ музыкальныя собранія.

„Если кто послушаетъ какъ тѣ же пѣвчія исполняютъ пѣсню „Совѣтъ предвѣчный“, тотъ пойметъ, что простое пѣніе болѣе близко къ сердцу массы людей, непосвященныхъ въ музыкальное

Digitized by Google

искусство, посѣщающихъ святые православные храмы, чѣмъ сильно-концертное пѣніе, которое допущено въ церквахъ католическихъ, гдѣ эффектъ играетъ не послѣднюю роль."

Корреспондентъ разсуждаетъ вѣрно; только онъ ошибается въ названіяхъ; онъ говоритъ о „художественно-музыкальномъ исполненіи" концертнаго пѣнія Чудовскихъ пѣвчихъ, и обзываетъ слушателей, которымъ это пѣніе не нравится, „людьми, не посвященными въ музыкальное искусство". Мы разсуждаемъ совершенно обратно, и признаемъ рѣшительное музыкальное невѣжество въ томъ „художественно-музыкальномъ исполненіи", и напротивъ—вѣрное музыкальное чутье у этихъ людей, „не посвященныхъ въ музыкальное искусство". Развѣ фокусникъ есть художникъ? Вамъ предлагаютъ выслушать похоронный маршъ, и играютъ польку-мазурку, и играютъ, искренно увѣренные добродушно, что это дѣйствительно похоронный маршъ. Развѣ это не невѣжество? Проиграйте эти пьесы, величаемыя художественными (мы говоримъ пьесы, не рѣшаясь сказать пѣснонѣнія), на инструментѣ безъ словъ, предъ артистомъ, сколько-нибудь знающимъ, и спросите: что это за пьеса? Къ какому роду музыки онъ причислитъ слышанное? И тогда по отвѣту судите, какова эта художественность. Если вы видите передъ собою конюшню, и съ надписью „дворецъ", вы не повѣрите надписи и обвините архитектора въ бездарности. А что въ одномъ искусствѣ, то и въ другомъ.

Музыка есть математика, и притомъ не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ. Впечатлѣніе, ею достигаемое, точно такъ основано на математическихъ законахъ, и притомъ не только въ общемъ его видѣ пріятнаго и болѣзненнаго, но и въ частныхъ—радостнаго, печальнаго, умиляющаго, раздирающаго, торжественнаго, сладострастнаго и т. д.... Вы скажете, что вамъ раздираютъ уши, а это есть сочетаніе звуковъ, представляющихъ числа, взаимно непропорціональныя. Ему хочется при одной пьесѣ плясать, а въ другой плакать. Но это опять числовыя пропорціи, заключающіяся въ размѣрѣ и ладѣ, въ протяженіи и переходахъ повышенія. И такъ далѣе, до подробностей. На этомъ основываются роды музыки, и требовать,

Digitized by Google

чтобы церковное пѣніе было прилично себѣ, не значитъ требовать повиновенія какимъ-нибудь произвольнымъ вкусамъ, основаннымъ на случайности, а требовать техническаго знанія и повиновенія неизмѣннымъ законамъ искусства, независимымъ отъ творца, ни отъ исполнителя, ни отъ слушателя. Цѣпить же пѣніе внѣ этихъ законовъ, восхищаться исполненіемъ, помимо внутренняго строенія пьесы.... Но это—восхищаться Блонденомъ; это фокусъ-покусъ, а не искусство, ловкость внѣшняя, а не выраженіе какой-либо мысли и чувства. Но и то сказать.... церковь не балаганъ.

Многимъ изъ московской публики не понравятся эти слова, она такъ любитъ Чудовскихъ пѣвчихъ; Чудовскіе пѣвчіе при служеніяхъ—это то же, что генералъ на старинныхъ свадебныхъ обѣдахъ. Но именно поэтому-то и слѣдуетъ поговорить о ея музыкальныхъ вкусахъ. Какъ въ самомъ дѣлѣ она относится къ церковному пѣнію, и чего въ немъ ищетъ? Въ Пасху слушаетъ въ Успенскомъ соборѣ, кто изъ діаконовъ кого перекричитъ при чтеніи Евангелія, чтобы потомъ рѣшить, за кѣмъ остается предпочтительное право на приглашенія къ рядскимъ молебнамъ или богатымъ свадьбамъ. А тутъ жаждетъ послушать многодіезныя и даже не брезгающія диссонансами пѣснопѣнья Чудовскаго хора. Но это именно—наслажденіе Блонденомъ, неразвитость вкуса; аппетитъ къ горчицѣ и перцу у больнаго катарромъ желудка; жажда поразиться уродствомъ, неприличіемъ, неожиданностью.

О евреяхъ*).

Всенародное выраженіе неудовольствія, выраженіе на цѣлое племя, произносимое въ глаза представителю этого племени, неприлично. Толчки еврею тѣмъ болѣе предосудительны. О побояхъ нечего и говорить. Во всемъ этомъ мы согласны съ г. Э. Ф., и жалѣемъ вмѣстѣ съ нимъ, что на русской желѣзной дорогѣ тако мало вѣжливости, хотя бы къ еврею. Но просимъ

*) С. И. 8 сентября, № 246.

Digitized by Google

достопочтенному корреспонденту вникнуть и въ другую сторону вопроса. Отвращеніе къ еврею не случайно. Беремъ самого корреспондента на словѣ: онъ говоритъ, что всѣ распорядители дороги питаютъ къ евреямъ отвращеніе. Мы даже находимъ, что сказать это слишкомъ много. Не во всѣхъ, довольно сказать: „въ большей части есть отвращеніе“. Это такъ малая часть безразлична, а чтобы была у кого особенная нѣжность, сердечное расположеніе къ роду Израиля—это трудно и представить. Отчего бы?

Не вѣра тому причиною,—мало ли у насъ вѣръ. Не происхожденіе, не языкъ,—многіе евреи даже говорятъ хорошо по русски, не все это вмѣстѣ, наконецъ. Въ татаринѣ всѣ эти отличія сходятся, и однако къ татарину ласковѣе въ душѣ русскій, чѣмъ къ еврею. Должно быть такъ, унаслѣдованный предрасудокъ? Какъ однако онъ упорно держится. По замѣчанію самого корреспондента, даже человѣкъ, имѣющій видъ вполнѣ образованнаго, не скрываетъ своего отвращенія.

Письмо изъ Украйны, помѣщаемое ниже сегодня же, письмо изъ Елисаветграда, помѣщенное у насъ же недавно, разсужденія Кіевлянина, тоже недавно нами переданныя, говорятъ въ одно. Они готовы молиться объ избавленіи своихъ мѣстностей отъ нашествія евреевъ. Евреи—это саранча ползущая, за которою не остается ничего, все съѣдено. Это—опасный даръ, оставленный исторіею, съ которымъ не знаютъ какъ быть на юго-западѣ, отъ котораго отмахиваются на востокѣ, и котораго со страхомъ ждутъ на сѣверѣ. Такъ разсуждаютъ съ мѣстъ. Пусть г. Э. Ф., или пусть найдется другой адвокатъ; желали бы мы слышать отъ нихъ: явленія, на которыя одни жалуются, которыхъ ждутъ другіе со страхомъ, существуютъ ли они или нѣтъ? Производителенъ еврейскій трудъ и обогащаетъ онъ страну, или истощаетъ? Мы не просимъ разсуждать о причинахъ и приводить извиненія. Они хорошо извѣстны и выучены наизусть; требуется засвидѣтельствованіе факта или его опроверженіе, но опроверженіе тоже фактическое.

Нечего и говорить; искать оплодотворяющей силы еврейскаго труда будетъ трудъ напрасный. А если такъ, то отвра-

Digitized by Google

щеніе къ евреямъ въ не-евреяхъ, не скажемъ законно, но оно понятно и извинительно. Еще бы требовать, чтобъ съ распростертыми объятіями встрѣчать тѣхъ, въ комъ не предполагается ни другихъ намѣреній, ни другихъ способностей, какъ поживляться на счетъ чужаго труда, и притомъ съ возможно ничтожнымъ количествомъ своего собственнаго.

Мы знаемъ, что евреи имѣютъ сказать въ свое извиненіе. Самымъ крупнымъ извиненіемъ служитъ, между прочимъ, для нихъ и вѣра, которая воспитываетъ въ нихъ понятія о ихъ міропобѣдительномъ значеніи, а обо всѣхъ прочихъ племенахъ, какъ объ орудіяхъ и средствахъ ихъ благоденствія, но русскому человѣку не становится отъ этого легче и не прибавляется побужденій особенно жаловать тѣхъ, кого онъ долженъ опасаться.

Было бы жестоко, хотя вполнѣ основательно, сказать евреямъ: измѣните свои привычки на столько, чтобъ мы приучились въ васъ видѣть не просто согражданъ, но и сотрудниковъ, споспѣшествующихъ общему благоденствію, и тогда обращеніе съ вами перемѣнится. Тогда встрѣтятъ и примутъ васъ вездѣ, какъ нѣмецкаго колониста, или какъ англичанина-механика. Мы знаемъ, что воспитываемое тысячелѣтіями, и притомъ подкрѣпляемое религіозными вѣрованіями не исчезаетъ десятки лѣтъ, но можно посовѣтовать, чтобы по крайней мѣрѣ въ наружности своей сыны израиля старались сглаживать признаки, являющіе, что они принадлежатъ племени, собственное имя котораго есть имя нарицательное безжалостнаго ростовщика и безсовѣстнаго эксплоататора. Въ самомъ дѣлѣ, не подъ именемъ же евреевъ, а, вѣроятно, подъ именемъ купцовъ, ѣздятъ евреи по желѣзной дорогѣ. Однако ихъ принимаютъ, какъ евреевъ, въ чемъ они, конечно, не думаютъ сами рекомендоваться. Стало быть есть печать,—печать, ничуть не напоминающая о чемъ-нибудь достохвальномъ, достолюбезномъ, общеполезномъ. Чего же ждать?

Digitized by Google

Кто распорядитель благочинія въ церкви? *)

Вчера, 25 сентября въ здѣшней судебной палатѣ слушано дѣло объ оскорбленіи г. Котовымъ г. частнаго пристава Темирязева. Мы не передаемъ подробности дѣла: оно извѣстно нашимъ постояннымъ читателямъ. Въ праздникъ Казанской Божіей Матери, 8 Іюля прошлаго года, въ Казанскомъ Соборѣ г. приставъ расчищалъ церковь отъ народа по окончаніи обѣдни, но еще прежде, чѣмъ оставилъ церковь служившій высокопреосвященный митрополитъ, г. Котовъ, въ качествѣ церковнаго старосты, обратился къ приставу съ просьбою не безпокоить народъ. Произошелъ разговоръ, въ которомъ тому и другому послышалось оскорбленіе. (Ваше мѣсто тамъ, за дверями. Твое или Ваше мѣсто у ящика: такими рѣчами обмѣнялись приставъ со старостою. Староста показываетъ, что г. приставъ распорядился будто-бы даже арестовать его, что впрочемъ приставъ отрицаетъ. Приставъ показываетъ, что староста позволилъ себѣ движеніе, смыслъ котораго старостою впрочемъ объясняется вовсе не въ оскорбительномъ смыслѣ. Вотъ сущность дѣла). Окружной судъ нашелъ г. Котова виновнымъ въ произнесеніи неприличныхъ словъ, обращенныхъ къ должностному лицу во время исполненія служебныхъ обязанностей, и приговорилъ къ взысканію съ него 25 рублей. Судебная Палата вчера освободила г. Котова отъ этого взысканія, признавъ его невиновнымъ.

Важенъ ли здѣсь фактъ или общій вопросъ? Не столько важенъ первый, сколько важенъ второй и мы уже двоекратно на это обращали вниманіе. Кто распорядитель благочинія въ церкви и за кѣмъ должна быть признана правоспособность судить, соблюдается ли въ данномъ случаѣ церковное благочиніе или нарушается? Защитникъ г. Котова, присяжный повѣренный Доброхотовъ, въ объясненіи своемъ приводилъ между прочимъ,

*) С. И. 27 сентября, № 265.

Digitized by Google

что взгляды церковные и взгляды полицейскіе въ извѣстныхъ случаяхъ могутъ расходиться. Крикъ, громогласное публичное пѣніе—есть явленіе, нарушающее тишину, и полиція обязана ему противодѣйствовать; но, когда поютъ хотя бы и громогласно („Тебѣ Бога хвалимъ"), служитель церкви найдетъ въ этомъ выраженіе благоговѣнія. Если чиновникъ или служитель полиціи присутствуетъ въ церкви, не въ качествѣ молящагося и не въ качествѣ только исполнителя, готоваго оказать услуги, когда ихъ отъ него потребуютъ; если онъ присвояетъ себѣ право прямого дѣятельнаго и самостоятельнаго наблюденія и не только наблюденія, но и распоряженія, гдѣ предѣлъ этому праву? Неблагочинно молящійся и даже неблагочинно молебствующій въ церкви тогда одинаково будутъ подвергнуты полицейскимъ распоряженіямъ во время священнодѣйствія; ибо только эти два вида лицъ и предполагаются въ церкви во время богослуженія, и отдѣлить ихъ одинъ отъ другого невозможно. Церковь не театръ, а богослуженіе не представленіе. Тамъ законно предоставить полиціи наблюденіе за публикою зрительницею; но въ церкви молящіеся не зрители, но соучастники богослуженія; они не смотрятъ или слушаютъ, они молятся вмѣстѣ съ священнодѣйствующими; они приступаютъ вмѣстѣ къ священной трапезѣ. Если послѣднее бываетъ не всегда или если не всегда поетъ во время богослуженія вся церковь, то это не правило, скорѣе отступленіе отъ правилъ. Однако, еслибы вздумалъ кто подпѣвать клиру, внѣшній гласъ блюстителя могъ бы узрѣть въ этомъ нарушеніе благочинія. А если бы онъ призналъ за собою право усматривать это (а сообразно усмотрѣнію и распорядиться), то нельзя будетъ отнять отъ него права наблюденія за порядкомъ, въ какомъ и принимаются таинства причастія; а признавъ за полиціею это право, то слѣдовательно мы должны подчинить ей священнодѣйствіе въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, то есть алтарь и клиросъ.

Что относится къ принятію таинствъ и къ пѣнію, то же относится и къ молитвеннымъ тѣлодвиженіямъ, къ поклонамъ и самому наконецъ стоянію, которое въ церкви опять

Digitized by Google

имѣетъ свой смыслъ, отличный отъ стоянія предъ балаганомъ. Здѣсь стояніе есть только неизбѣжное средство къ тому, чтобы созерцать представленіе; въ церкви стояніе само въ себѣ есть выраженіе участія въ богослуженіи, оно есть одинъ изъ видовъ, которымъ обнаруживается и молитвенное состояніе. Вотъ, гдѣ вопросъ и вотъ, гдѣ преимущественно важность дѣла, вчера разсмотрѣннаго въ палатѣ. Нельзя не выразить сожалѣнія, что до этого вопроса не дойдено, хотя нельзя и винить за это никого. Поставлены были три вопроса; передаемъ ихъ въ сущности.

Должны ли быть признаны слова Котова: „ваше мѣсто тамъ“—неприличными въ томъ смыслѣ, въ какомъ подвергаетъ ихъ взысканію 282 ст. Если они были таковы, то признавать ли Темирязева въ данное время исправляющимъ свои служебныя обязанности, и если да, то какому подлежитъ взысканію Котовъ. При отрицательномъ отвѣтѣ, каковой данъ былъ палатой на первый вопросъ, естественно не дошелъ второй даже до разсмотрѣнія.

Во всякомъ случаѣ это только одна половина дѣла; отъ духовнаго начальства и отъ г. Котова зависитъ вторая. Г. Котовъ оправданъ, но это не значитъ, чтобы былъ оправданъ г. Темирязевъ. Судебная Палата, тѣмъ болѣе Окружный Судъ, не имѣли права судить о дѣйствіи частнаго пристава; они разсматривали дѣйствіе старосты, на которое жаловался приставъ. Но признаетъ ли духовное начальство, и его приставникъ, г. Котовъ въ частности, за приставомъ право, котораго не признавалъ за старостою приставъ. Распоряженіе объ арестованіи старосты было разсмотрѣно на судѣ, но только въ видѣ объясненія, виноватъ ли, или не виноватъ Котовъ. Но оно не было прямымъ предметомъ изслѣдованія и обсужденія. Подвергнуться такому обсужденію оно не можетъ только, какъ часть обвиненія противъ г. пристава, буде духовное начальство рѣшилось возбудить таковое. Квартальный надзиратель не слыхалъ этого распоряженія, какъ онъ показалъ на судѣ. Но если бы онъ слышалъ, говоритъ онъ, то бы исполнилъ. Было это рас-

Digitized by Google

поряженіе? Въ правѣ полиція дѣлать это распоряженіе въ церкви противъ кого бы то ни было, тѣмъ болѣе противъ старосты? Гдѣ предѣлъ, до котораго можетъ полиція вообще распоряжаться въ церкви? Признаетъ ли себя г. Котовъ вполнѣ удовлетвореннымъ? Находитъ ли духовное начальство достаточнымъ, чтобы церковные старосты имѣли право, какъ оказалось теперь на судѣ, возражать противъ слишкомъ усердныхъ дѣйствій полиціи внутри храма, и соглашается ли, что полицейскіе сохраняютъ тѣмъ не меньшее право прибѣгать къ этимъ распоряженіямъ, въ случаѣ нужды доходящимъ даже до самостоятельныхъ распоряженій объ арестѣ, и притомъ направленныхъ противъ кого бы то ни было, хотя бы противъ старосты? Однимъ словомъ исполнилъ ли г. приставъ въ данномъ случаѣ или превышалъ свои обязанности, и былъ ли въ свою очередь при этомъ случаѣ лицомъ служебнымъ, или частнымъ, исполнителемъ или нарушителемъ своихъ обязанностей?

Вотъ вопросы, возбудить которые зависитъ отъ самого г. Котова отчасти, а главнымъ образомъ отъ его духовнаго начальства.

По поводу запрещенія священникамъ обучать дѣтей на дому *).

(Письмо редактору). На дняхъ приходитъ ко мнѣ человѣкъ отъ полиціи, и требуетъ, чтобы я оставилъ ученіе дѣтей на дому. На вопросъ мой почему, отвѣчаетъ, что запрещается полиціей всякое обученіе, которое берутъ на себя лица, неимѣющія на то права, неимѣющія дозволенія отъ начальства. Я отвѣчаю заявившему такое запрещеніе, что я обучаю на дому двоихъ мальчиковъ своего прихода безплатно, и у меня нѣтъ никакого учебнаго заведенія. Но мнѣ отвѣчаетъ человѣкъ отъ полиціи опять то же, что запрещается какое бы ни было учебное заведеніе. Благословивъ дѣтей, учениковъ своихъ, я съ болью въ сердцѣ отпустилъ ихъ домой.

*) С. И. 12 ноября, № 311.

Digitized by Google

Не къ намъ ли относится заповѣдь нашего Пастыреначальника Спасителя: „шедше научите вся языки“ (Мѳ. 28, 19). Не намъ ли особенно обѣщено наименованіе великими въ царствіи небесномъ, если мы будемъ учить (Мѳ. 5, 19), другихъ истинамъ вѣры и нравственности. Значитъ, мы имѣемъ и дозволеніе и право. Самый санъ священства, который мы принимаемъ на себя, обязываетъ насъ учить другихъ. Почему же запрещаютъ? Не начальство же запрещаетъ, наоборотъ: оно поощряло и поощряетъ правильное образованіе юношества. Не виноваты ли исполнители полицейскихъ постановленій, которые иногда бываютъ черезчуръ усердны въ исполненіяхъ своихъ?

Священникъ Н.

3-го ноября 1869 года.

По прочтеніи этого письма остается только пожать плечами; словъ, достаточныхъ къ выраженію удивленія, пріискать даже трудно. Что здѣсь преслѣдуется? Противъ чего возродилось опасеніе? Чѣмъ подозрѣніе возбуждено? А это не случайность. Совершенно подобное этому письму отъ священника, мы получили другое, подъ которымъ подписано: діаконъ. Единичное происшествіе объяснялось случайностью, могло быть придирчивостью квартальнаго надзирателя, не поладившаго съ причтомъ, и мы не дали хода письму. Но теперь видимъ, что тутъ нѣчто больше случайныхъ неладовъ мѣстной полиціи съ мѣстнымъ причтомъ. Это требованіе общее, и притомъ основывающее себя на законѣ. А изъ того, какъ уразумѣвается исполнительною властью здѣсь законъ въ приложеніи къ праву обученія, мы готовы ожидать, что точно такое же разумѣніе приложено будетъ и къ праву общественныхъ собраній. Общественныя собранія! Они могутъ происходить только съ дозволенія начальства, и на этомъ, повидимому, весьма законномъ основаніи, придетъ „человѣкъ отъ полиціи“, какъ выражается корреспондентъ-священникъ, и потребуетъ этотъ „человѣкъ отъ полиціи“, чтобы обѣдни и утрени служились не иначе, какъ съ полицейскаго дозволенія, или же служились причтомъ про себя въ одиночку.

А священникъ-учитель еще съ простодушіемъ объявляетъ, какъ воображаетъ онъ—въ свое оправданіе, что онъ учитъ

Digitized by Google

безмездно. Чего добраго. Не проговорилъ ли еще онъ „человѣку отъ полиціи“ тѣхъ изреченій евангельскихъ, которыя приведены имъ въ письмѣ. Безмездно. Но это-то и опасно. Безмездно учитъ, стало быть это не коммерческое предпріятіе; предполагается тенденція, а тенденція—вещь злокачественная.

Да священникъ еще удивляется, какъ случилось, что запрещаютъ ему учить, когда ему же начальство, то есть его начальство, внушаетъ эту обязанность учительства, поощряетъ ея исполненіе.

Если бы это было не достовѣрно, это было бы невѣроятно. А такъ какъ послѣ двухъ полученныхъ писемъ одного содержанія сомнѣваться нельзя, то позволительно надѣяться, что духовное начальство войдетъ съ ходатайствомъ объ огражденіи священнослужащихъ, не скажемъ „въ ихъ правѣ“, но въ ихъ первѣйшей обязанности, безъ которой все прочее ихъ служеніе не полно и не имѣетъ смысла, все обращается въ простой механизмъ, и даже исповѣдь, которая можетъ быть тоже цѣлымъ курсомъ, преподоваемыхъ правда каждому въ одиночку, однако и здѣсь тоже можетъ, пожалуй, закрасться тенденція.

Не запрещать священнослужащимъ обученіе, напротивъ взыскивать по надлежащему слѣдовало бы съ нихъ за невѣжество прихода. Изъ Орловской губерніи сейчасъ мы получили письмо, что въ одномъ селѣ противъ эпидеміи прибѣгли крестьяне къ средству: зажгли костеръ, попросили отслужить священника предъ нимъ молебенъ, да кстати послѣ и прыгнуть первому чрезъ костеръ. Священникъ, пишутъ намъ, повиновался.... Но если обставлять такими запретами для священнослужащихъ право учительства, что же и останется имъ, какъ не быть послушными участниками грубыхъ суевѣрій и безотговорчивыми исполнителями требованій, да еще въ добавокъ языческихъ.

Digitized by Google

По поводу собора въ Римѣ*).

Церемонія началась: 700 прелатовъ; папа съ необозримымъ множествомъ народа; посланники, принцы, разная знать. Вотъ что читаемъ мы въ телеграммѣ. А тамъ идутъ—перепалка ультра-католическихъ съ умѣренно-католическими; здѣсь—обмѣнъ дипломатическихъ депешъ, съ знаками вопроса: что если?.... Тутъ наконецъ, огульные протесты цѣлыхъ народовъ и обществъ противъ долгаго вѣкового духовнаго порабощенія, протестъ народовъ и обществъ католическихъ, считающихся католическими, отъ всѣхъ одинаковые.... Вообразишь и сообразишь, становится грустно.

Чѣмъ ближе наступаетъ срокъ великаго соборища, тѣмъ несомнѣннѣе, что изъ него не выйдетъ ничего, кромѣ праздная утѣшенія святѣйшему старцу, и кромѣ отрывочныхъ, единичныхъ отложеній, на которыя рѣшаются смѣлыя души и честныя сердца въ родѣ патера Гіацинта. И тѣмъ яснѣе однако, въ какое духовное празднество для всего человѣчества могла бы разъиграться эта попытка папства свести себѣ итогъ вселенскимъ соборомъ, если бы предъ лицомъ его заявило себя другое духовное начало христіанской свободы и любви, въ лицѣ другой церкви,—единой церкви, хотѣли мы сказать, истинной и всеобъемлющей; если бы, словомъ, восточная церковь въ этотъ часъ, напрашивающійся во всемірно и исторически великій, оказала бы, въ лицѣ своихъ представителей, нѣкоторое оживленіе; если бы народы и государи въ своихъ недоумѣвающихъ вопросахъ нашли поддержку и доброжелательный отвѣтъ въ видѣ указаній на готовый практическій выходъ; если бы движеніе чешское, лишь отрывками сказывавшееся противъ папства, нашло себѣ руководителя и послышало призывъ, если бы славянскіе вообще запросы о необходимости инаго духовнаго начала нашему племени, запросы въ родѣ заданнаго недавно во всеуслышаніе Европѣ мыслящимъ полякомъ,—если

*) С. И. 27 ноября, № 326.

Digitized by Google

бы запросы эти встрѣтили себѣ открытое одобреніе со стороны тѣхъ, кто уже и держитъ оффиціально хоругвь этого искомаго начала; если бы негодующее противъ папы собраніе протестантовъ въ Вормсѣ; если бы неумолкающая жажда англичанъ къ возврату; если бы въ частности готовность нѣкоторыхъ изъ нихъ къ безусловному православію; еслибы недовольство армяно-грегоріанъ турецкими прижимками и ихъ же пробужденное чувство духовнаго достоинства опять все тѣми же папскими натисками....

Но оставимъ всѣ эти перечисленія; все это—„бы", читатель, и всѣ эти „бы" не состоялись; прошло ихъ время, и не воротится. Со стороны восточной церкви послѣдовало великое молчаніе; о политикѣ восточной державы великая неизвѣстность. Дѣло сведено на нѣтъ, какъ говорятъ у насъ; сошло изморомъ, какъ тоже говорятъ. Широкая величественная аллея, дающая впереди ожидать много; но не утѣшайтесь: лукаво-незамѣтно взяла линія вкось и свела васъ на тропинку, оканчивающуюся тупикомъ, или же чистымъ полемъ—ступай на всѣ четыре стороны, куда хочешь.... Праздникъ, величественная зала; безчисленное множество зрителей и слушателей, одушевленныхъ ожиданіями, напряженныхъ вниманіемъ: но трибуна пуста, или изрѣдка лица, какъ бы дѣйствующія, являются, садятся и уходятъ, съ равнодушными лицами; въ полголоса ведущіеся разговоры между собой безъ всякаго вниманія къ публикѣ, какъ бы ея не было, и публика, столько было настроенная, тоже расходится, зѣвая, и досадуя сама на себя за свое увлеченіе, оказывающееся забавнымъ.

Бываетъ жажда великихъ дѣлъ, подвиговъ, историческихъ мгновеній, бываетъ, напротивъ, и боязнь крупныхъ событій, бываетъ и особенное устройство зрѣнія, умственнаго и физическаго, которое способно усматривать только мелочи, которому предметы, въ полныхъ своихъ объемахъ, представляются сплошнымъ пятномъ, бываетъ и просто равнодушіе. Которая изъ этихъ трехъ причинъ дѣйствовала въ настоящемъ полнѣйшемъ бездѣйствіи Востока, рѣшать не беремся; но мы продолжаемъ быть

Digitized by Google

увѣренными, что и восточно-православной державѣ давался случай занять первенствующее въ мірѣ положеніе и упрочить его за собою исторически.... Боязнь затрудненій, но какихъ? Равнодушіе, но можно ли предположить? Событія не кажутся важными! Но какія же будутъ важны въ исторіи?

Еврейская депутація въ Нью-Іоркѣ. *)

Въ заднемъ углу сегодняшняго номера помѣщается извѣстіе подъ краткимъ заглавіемъ: „Еврейская депутація въ Нью-Іоркѣ.“ Что это за депутація? Она являлась къ президенту Гранту просить заступничества предъ императоромъ Александромъ II за евреевъ, угнетенныхъ въ Россіи. Само собою разумѣется, президентъ не возьмется за ходатайство столь нелѣпое. Но дѣло въ самой просьбѣ. Мы помнимъ, что подобная же была обращена въ Парижѣ къ центральному еврейскому комитету, что президентъ этого комитета даже позволилъ себѣ дѣлать представленія русскому министру внутреннихъ дѣлъ по жалобѣ, до него дошедшей. Въ свое время мы постарались разъяснить все оскорбительное неприличіе подобныхъ представленій министру чужаго государства о подданныхъ этого же чужаго государства. Органъ одесскихъ евреевъ „День“, въ первомъ же № по своемъ проявленіи на свѣтъ, счелъ нужнымъ возразить намъ, хотя и не называя насъ по имени, и, разумѣется, ничего не могъ сказать кромѣ повторяемыхъ въ милліонный разъ воспоминаній о религіозныхъ гоненіяхъ, инквизиціи и другихъ ужасахъ. За свой безумный, средневѣковый фанатизмъ Европѣ до сихъ поръ приходится поплачиваться хотя выслушиваніемъ жалобъ, давно потерявшихъ смыслъ, а то и разными изъявленіями угодливости предъ израильскимъ племенемъ, лишь бы оно не плакалось; въ отношеніи къ прошлому жалобы же его такъ справедливы.

*) С. И. 4 декабря, № 334.

Digitized by Google

Но зачѣмъ же продолжать морочить Европу и весь свѣтъ этими жалобами, зачѣмъ извращать смыслъ фактовъ и представлять гоненіе религіозное тамъ, гдѣ всего менѣе имѣется въ виду религія, и назвать угнетеніемъ простое дѣйствіе самозащиты.

Возьмемъ хотя настоящій случай. Кто эти, за кого просить еврейская депутація? Американскіе подданные, проживающіе въ Россіи? Нѣтъ, то подданные россійскіе. Гдѣ же основаніе для права просить за людей, раздѣленныхъ національностью, и притомъ обращаться съ просьбою къ первой попавшейся власти, какой бы національности сама она ни принадлежала? Говорятъ, въ единовѣріи. Но однако американское правительство не можетъ быть признано и представителемъ іудейской вѣры. А иначе можемъ ожидать, что, основываясь на томъ же правѣ, реформаты нѣмецкаго происхожденія обратятся къ французскому правительству съ ходатайствомъ о настояніи, чтобы всѣ реформаты въ Россіи были возведены въ дворянское достоинство; или англійскій статсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ, на основаніи ирландскихъ просьбъ, будетъ ходатайствовать о почетномъ гражданствѣ для литовскихъ жмудиновъ. Мы помнимъ, и были такія со стороны Англіи настоянія относительно привислянскихъ жителей, возбужденныя предложеніемъ ирландца Попа Генесси, и помнимъ исполненный достоинства отвѣтъ нашего кабинета. Но тамъ были по крайней мѣрѣ политическія основанія.

Евреи считаютъ для себя непозволительнымъ просить за евреевъ въ другихъ государствахъ по праву національности; вотъ истинное основаніе, здѣсь же ея и причина, почему они одинаково находятъ приличнымъ обратиться ко всякому правительству, какому угодно. Они дѣйствуютъ въ качествѣ всемірной національности, тѣсно связанной между собою, но безразличной ко всякой другой національности въ мірѣ. Но въ этомъ же самомъ однако лежитъ и одно изъ основаній (говоримъ одно, а не единственное) для нѣкоторыхъ государствъ, обилующихъ еврейскимъ населеніемъ, принимать съ своей стороны мѣры предосторожности. Евреи могутъ быть хорошими подданными, вездѣ гдѣ угодно, но именно, потому что „гдѣ угодно“, въ сущности вездѣ

Digitized by Google

они подданные плохіе. Забавны увѣренія еврейскихъ органовъ въ исправномъ отбываніи евреями (по правдѣ сказать довольно рѣдкомъ) военной службы въ разныхъ государствахъ. Въ разныхъ государствахъ! Но когда національность, продолжающая себя считать единою, одинаково усердна къ разнымъ государствамъ, не слишкомъ дается этимъ большое ручательство увѣреніямъ ея въ душевной преданности тому или другому государству въ особенности.

Да успокоятся почтенный „День“ и всѣ прочіе защитники израильскаго племени. Мы не думаемъ здѣсь выводить старой полемики о правахъ евреевъ, или нападать на „беззащитныхъ“, какъ ихъ называютъ, но на самомъ дѣлѣ защищаемыхъ слишкомъ обильно и слишкомъ смѣло. Мы желаемъ только поставить вопросъ на настоящую точку. Не то отталкиваетъ отъ евреевъ, что они особой вѣры, но что вмѣстѣ и особой національности, и что національность связана неразрывно съ вѣрою, и даже служитъ ей почти исключительнымъ содержаніемъ. Не смотря на всѣ почтенныя старанія просвѣщенныхъ евреевъ, разлучить эти двѣ стороны одну отъ другой почти невозможно. Къ нимъ же присоединяется тѣсное содружество и почти тожество промысловъ. Единство промысла, скрѣпленное связью единоплеменности и освященное религіозною вѣрою,—да это сила, сила страшная и опасная благосостоянію постороннихъ. Народы, особенно недостаточно развитые для борьбы, слышатъ эту силу молчаливой исторической стачки цѣлаго племени и невольно сторонятся въ опасеніи. А вы говорите объ угнетеніяхъ, и еще жалуетесь, здѣсь и за морями.

О запрещеніи учительства Священнослужителямъ *).

Однимъ изъ полученныхъ писемъ мы поставлены были въ недоумѣніе. „Не такъ давно въ Современныхъ Извѣстіяхъ было помѣщено письмо священника, жаловавшагося, что духовнымъ

*) С. Й. 14 декабря, № 343.

Digitized by Google

лицамъ не позволяютъ имѣть въ своихъ домахъ школы, и тамъ же было упомянуто, что такого же содержанія письмо было получено отъ діакона, которое однако не напечатано. Полиція, оставивъ священника въ покоѣ, жалуется на діакона, сначала мировому судьѣ, а потомъ за неподсудностью—въ окружной судъ".

Таково содержаніе письма, и понятно, мы ему не могли вѣрить, хотя діаконъ и назывался по имени. Корреспондентъ выводилъ заключеніе, что діаконъ подвергается преслѣдованію именно за свое письмо въ редакцію, хотя и не напечатанное. Но это было бы такое воспроизведеніе инквизиціи, котораго невозможно даже представить въ наши времена.

Пока мы предавались этимъ недоумѣніямъ, другое письмо подоспѣло съ разрѣшеніемъ. Діаконъ подвергается преслѣдованію не за письмо въ редакцію, и даже не за то просто, что онъ училъ, но за то что онъ „противился распоряженіямъ полиціи о закрытіи его школы".—Это дѣло другое. Тутъ есть смыслъ, тѣмъ болѣе что степени самого сопротивленія могутъ быть разныя. О. діакону слѣдовало бы, какъ скоро ему объявлено было полицейское распоряженіе о закрытіи школы, донести своему начальству о происшедшемъ, и затѣмъ, въ подкрѣпленіи его, жаловаться уже самому на полицію. Тогда разобралось бы, не самовольное ли это распоряженіе, и откуда оно идетъ, и на какомъ законномъ основаніи зиждется. Матеріально учитель не потерялъ бы ничего; онъ взыскалъ бы судомъ же убытки, когда бы судъ нашелъ его дѣло правымъ. А нравственно.... Но въ томъ-то и дѣло, что онъ служитъ нравственной цѣли и представитель нравственной силы: силѣ матеріальной онъ долженъ уступить матеріально, хотя и протестуя.

Мы судимъ вообще, не разбирая факта, подробности котораго неизвѣстны. Можетъ быть не было и сопротивленія; можетъ быть и распоряженіе не только по существу не относилось къ числу законныхъ, но не было въ законной формѣ и объявлено. Но пусть что ни было. Діаконъ учитъ дѣтей грамотѣ, писать, закону Божію. Ему запрещаютъ. Запрещаетъ полиція. Діаконъ не слушается, сопротивляется, продолжаетъ учить.

Digitized by Google

Полиція приноситъ жалобу на „сопротивленіе ея законнымъ распоряженіямъ“. Не достаточно ли и этого, въ чемъ бы ни заключалось сопротивленіе? Законное распоряженіе будетъ состоять въ томъ, чтобы дѣтей не учить грамотѣ, писать, въ особенности закону Божію, потому что, наконецъ, въ этомъ-то и есть спеціальность священнослужительскаго обученія.

Мальчишка бѣгаетъ по улицѣ; наслушивается неблагопристойныхъ словъ и выучивается имъ; знакомится съ подобными же, и пріучается даже стянуть при случаѣ что-нибудь; найдетъ потомъ дорогу и въ кабакъ. Приходскій священникъ или діаконъ говоритъ ему: приходи ко мнѣ учиться, и учитъ его по церковной азбукѣ: „будь благочестивъ, уповай на Бога и люби Его всѣмъ сердцемъ; заповѣди Его храни; старшихъ почитай; властямъ отъ Бога поставленнымъ повинуйся....“ и т. д. Но учитель не долженъ этого смѣть; его мальчишку снова гонятъ отъ него на улицу получать поученіе на площадяхъ, а затѣмъ въ кабакѣ или харчевнѣ.

Да развѣ это не такъ?

Основаніе конечно есть: „не имѣетъ законнаго дозволенія!“ То есть, что это значитъ: не имѣетъ законнаго дозволенія? Не вывѣшено въ рамкѣ опредѣленнаго дозволенія, съ указаніемъ именно на этотъ домъ и на это лице? Законъ, устанавливая ограниченія въ правѣ учительства, забылъ выговорить заранѣе право для всѣхъ священнослужителей, по крайней мѣрѣ для всѣхъ изъ нихъ учившихся? Да подлинно ли забылъ? Да и не потому ли, что не предполагалъ ни въ комъ даже возможности сомнѣній въ этомъ правѣ?

Однимъ словомъ, это кругомъ непонятно. Не возможно представить, чтобы запрещеніе учительства священнослужителямъ шло отъ высшей администраціи: тогда бы священнослужители, безъ сомнѣнія, были бы увѣдомлены своимъ путемъ, и каждый какому нужно поспѣшилъ бы запастись дозволеніемъ, что вовсе не трудно. Невозможно представить, чтобы распоряженіе принадлежало и одному какому-нибудь или двумъ квартальнымъ надзирателямъ. Кому же?—Но кому бы ни было,—

Digitized by Google

какъ распорядителямъ не имѣть хотя настолько смысла, чтобъ усомниться: ужели запрещеніе учить падаетъ даже на духовенство? И даже хотя бы взамѣнъ не предвидѣлось другаго добраго руководства? Епархіальный притомъ архіерей по званію своему есть непремѣнный предсѣдатель училищнаго комитета, слѣдовательно, прямой судья въ дѣлѣ. Не ближе ли бы обратиться къ нему, чѣмъ помимо его къ его подчиненнымъ, изъ которыхъ не одинъ же и не двое учатъ, и учатъ, безъ сомнѣнія, не тайкомъ же отъ него и не безъ его воли? Кажется, немного требовалось бы соображенія обратиться за разъясненіемъ, и въ случаѣ нужды за содѣйствіемъ въ распоряженіи. Тогда въ утѣшеніе исполнителямъ, довольно тугимъ на пониманіе, и не довольно способнымъ различать перспективу гражданскихъ обязанностей, можетъ быть, вопросъ разрѣшенъ былъ бы даже законодательнымъ путемъ.

Но особенно печально и забавно здѣсь вотъ что. Если унтеръ-офицеръ, или по крайней мѣрѣ чиновникъ полиціи, воображаютъ, что они исполняютъ волю законодателя, которая дѣйствительно есть, чтобы чрезъ безусловное право учительства не втерлись, подъ видомъ учителей, въ народъ развратители: то народъ, смотря, какъ выгоняютъ учащихся дѣтей изъ священническихъ и діаконскихъ домовъ, безъ сомнѣнія способенъ заключать, что начальство хочетъ воспитать безбожіе. „Шабашъ, братцы, не станемъ ходить въ церковь и къ попу; видишь само начальство не хочетъ“. Кто способенъ будетъ бросить камень въ разсуждающихъ такимъ образомъ, въ особенности когда разсуждающіе сопоставятъ къ этому и распоряженіе о сокращеніи церквей, по новому штату причтовъ?

А здѣсь еще сопоставить явленіе, о которомъ говорятъ Моск. Вѣдом. въ сегодняшней передовой статьѣ, что тѣ-то ученія, которыя всего менѣе желательны въ смыслѣ народнаго воспитанія, и противъ которыхъ всего болѣе вооружается законъ,—они-то именно и находятъ для себя, наоборотъ, пріютъ въ изданіяхъ, состоящихъ подъ цензурою и выходящихъ подъ печатью начальственнаго законнаго дозволенія?—Вотъ тутъ найдись и понимай!

Digitized by Google

Отчего можно быть лютераниномъ *).

„Отчего можно быть лютераниномъ?“ — Отъ того, что послѣдователи Лютера соглашаются благословить бракъ со свояченицей, въ благословеніи которому отказываетъ восточное христіанство. Не видно, чтобы смущавшаяся чета добивалась собственно гражданскаго дозволенія; чтобы ихъ, первѣе всего, занималъ вопросъ о признаніи дѣтей законнорожденными иль о правахъ наслѣдства, и потому они искали благословенія не въ томъ, такъ въ другомъ изъ признаваемыхъ исповѣданій. Не видно, чтобы ихъ терзалъ и стыдъ передъ обществомъ за незаконное сожительство. Впрочемъ, если бы главное было и въ этомъ стыдѣ, вопросъ возводился бы опять къ той же, чисто нравственной оцѣнкѣ, выраженіемъ которой служитъ, между прочимъ, и церковное благословеніе. Стыдъ указываетъ на существованіе извѣстныхъ общепризнаваемыхъ нравственныхъ требованій; пренебрегающими ихъ общество гнушается, а стыдящійся свидѣтельствуетъ своимъ стыдомъ, что онъ наравнѣ со всѣми признаетъ ту же обязательность и тѣхъ же правилъ. Въ святости чего я убѣжденъ, могу ли того стыдиться, хотя бы гнушались тѣмъ милліоны?

Смущавшаяся чета искала благословенія ради самаго благословенія, потому что она вѣрующая, и признаетъ церковь и нуждается въ ней. Таковъ, намъ кажется, смыслъ этого смущенія и этого перехода изъ одной вѣры въ другую.

Чета, расположившаяся вступить въ брачный союзъ, перемѣняетъ одну вѣру на другую, потому что находитъ въ одной болѣе строгія, въ другой болѣе снисходительныя условія для благословенія. Она перемѣняетъ вѣру, потому что вѣруетъ, потому что признаетъ церковь, и не хочетъ пребывать въ союзѣ, ею не благословленномъ. Чему же однако она вѣруетъ и что признаетъ въ церкви? Ученіе о бракѣ есть только часть воззрѣнія, котораго держится церковь, и которымъ отличаетъ себя одна вѣра отъ другой; тѣмъ меньшая, и притомъ тѣмъ менѣе

*) С. И. 27 декабря, № 356.

Digitized by Google

существенная часть отличительнаго воззрѣнія церкви—брачныя условія. Чета перемѣняетъ вѣру, потому что находитъ брачныя условія стѣснительными; изъ-за менѣе существеннаго она бросаетъ самое существенное; она жертвуетъ символомъ, коренными догматами: стало быть—она не вѣруетъ, стало быть—она не признаетъ церкви. Изъ-за чего же смущаться, и для чего понадобилось благословеніе?

Нѣтъ, чета признаетъ истину церкви и непогрѣшимость ея догматовъ, потому она и смущается; сама скорбитъ о своемъ переходѣ; находитъ необходимымъ, находитъ разумнымъ и основательнымъ, чтобы церковь смягчила свои условія и тѣмъ сберегла для себя другихъ, которыхъ будетъ смущать то же недоумѣніе. Итакъ, отдѣльная чета торгуется съ церковію: „или благослови нашъ, не признаваемый тобою бракъ, или я не буду вѣровать“. Да какая цѣна вѣры, когда ее предлагаютъ подъ условіями? Подъ условіемъ притомъ снисхожденія личной прихоти, пожалуй—личному вкусу; сдѣлаемъ еще уступку: подъ условіемъ снисхожденія личному мнѣнію? Этотъ мнимовѣрующій предлагаетъ отъ себя не вѣру; онъ предлагаетъ церкви отъ себя, если угодно ей, что онъ будетъ *числиться* въ ней. Но кому же это нужно? И что этимъ пріобрѣтается, и для кого? Для церкви—ничего; для самыхъ брачущихся—видимость, шелуха безъ зерна, наружность безъ содержимаго.

Чета пріобрѣтаетъ себѣ успокоеніе, и достигаетъ его обманомъ, но обманываетъ только себя; потому что церковь, ея невидимое, во что вѣруется, не можетъ быть обманута и не вступаетъ въ сдѣлки, какъ не можетъ быть обманута истина. Слабость воли и слабость совѣсти: воля не рѣшаетъ отказаться отъ того, что запрещаетъ внѣшняя совѣсть; совѣсть не рѣшаетъ возвыситься и освятить законность поступка собственнымъ приговоромъ. Нуженъ авторитетъ, какой-нибудь авторитетъ; какая ни на есть нравственная власть, которая бы хотя кѣмъ-нибудь признавалась за таковую, и которая бы сказала: ну, будьте спокойны, вы совершенно чисты. И этого довольно! По истинѣ, взыскательность нравственная не очень требовательная!

Digitized by Google

Мы не разбираемъ вопроса въ существѣ. Надѣемся еще къ нему возвратиться, при разсмотрѣніи другихъ разсужденій, присланныхъ намъ о томъ же. Принимаемъ вопросъ въ данной постановкѣ. Мы даже полагаемъ, что отпаденіе, намъ описанное, вымышлено, хотя болѣе чѣмъ вѣроятно, что не вымышлена сама недоумѣвающая чета и ея смущеніе.

Что же однако сказали мы на ея душевный вопросъ, желавшій, безъ сомнѣнія, слышать рѣшеніе болѣе практическое? Но какъ принимать на себя и положеніе духовника? Скажемъ одно: по своему тройственному значенію, какъ явленіе физическое, законъ гражданскій, и догматъ,—бракъ не допускаетъ безусловнаго рѣшенія. Въ самомъ церковномъ своемъ значеніи, касаясь одною стороною вещественнаго міра, другою—міра нравственно-принудительнаго, онъ даетъ различать свое внутреннее существо отъ внѣшняго явленія, каково церковное вѣнчаніе. Развѣ внѣшне-являющееся благословеніе есть все для брака и всегда есть дѣйствительное благословеніе? Бракъ есть вѣнчаніе и вѣнчаніе есть бракъ? Не множество ли браковъ, крѣпкихъ видимо, но въ существѣ расторгнутыхъ, предъ очами церкви переставшихъ быть бракомъ и остающихся любодѣяніемъ? Не множество ли и благословеній, видимо ниспосылаемыхъ, но въ сущности поругаемыхъ брачущимися и тѣмъ повергаемыхъ въ бездѣйствіе? Но за то не признаетъ ли само христіанство бракъ и до христіанства, и притомъ въ своемъ смыслѣ „тайны“?

Вотъ вопросы выдающіеся. Пускай идетъ по нимъ дальше самъ г. S., который повидимому не чуждъ образованія даже богословскаго. Пускай ищетъ онъ самъ черту, пролегающую въ церковномъ установленіи между догматомъ и канономъ, между бракомъ самимъ въ себѣ и его примѣненіемъ,—положительнымъ къ условіямъ гражданскаго общежитія и отрицательнымъ противъ соблазновъ чувственности. Остальное, и притомъ о данномъ случаѣ, едва ли даже есть дѣло публициста. Это дѣло совѣсти каждаго; дѣло церковнаго собора по рѣшенію общаго вопроса; дѣло духовника по разрѣшенію личнаго смущенія.

Digitized by Google

По поводу Собора прелатовъ въ Римѣ *).

Вотъ и опять напоминаніе. Какое бы значеніе давалось и восточной церкви и восточной державѣ современнымъ римскимъ соборищемъ? Русскіе греко-уніаты Австрійской державы собираютъ прошеніе къ собору о возвращеніи имъ во всей чистотѣ славянскаго языка и восточнаго обряда. Будь соборъ восточный хотя бы по болгарскому вопросу, это былъ бы поводъ къ окончательному выясненію каноническихъ отношеній народности къ вѣрѣ, а слѣдовательно—вмѣстѣ и отношенія государства къ церкви, вопросъ, ожидающій себѣ рѣшенія еще съ четвертаго столѣтія. Съ тѣмъ вмѣстѣ возникъ бы вопросъ объ отношеніи и внѣшняго выраженія вѣры къ ея содержанію,—обряда къ признаваемой истинѣ: опять вопросъ, рѣшенный церковью практически, но не поставленный канонически и не разъясненный достаточно догматически. Рѣшеніемъ его, между тѣмъ, была бы достигнута новая ступень въ историческомъ мышленіи человѣчества, но вмѣстѣ указанъ былъ бы практическій исходъ и домашнимъ нашимъ размолвкамъ, грековъ съ болгарами на югѣ, старовѣрцевъ съ единовѣрцами на сѣверѣ, и этимъ пререканіямъ Запада съ самимъ собой. Для жаждущихъ истины, для тяготящихся папскимъ насиліемъ вообще, это былъ бы свѣтъ и опора, а для русскихъ уніатовъ—прямое побужденіе перейти въ православіе. Но кто исчислитъ всѣ великія послѣдствія, которыя однако послѣдовали бы несомнѣнно?

Но впрочемъ мы опять говоримъ о томъ, что могло быть, и не было. Это прошеніе русскихъ заслуживаетъ вниманія даже при настоящемъ положеніи дѣлъ. Несомнѣнно, Европа съ Австріею во главѣ увидитъ здѣсь дѣйствіе „коварной русской политики“, которая если въ чемъ повинна, то скорѣе въ излишествѣ великодушія, и ужъ никакъ не коварства, или—дѣйствіе „русскаго золота“, котораго столь мало видимъ мы сами, что оно сдѣлалось археологической рѣдкостью. Прошеніе, ко-

*) С. И. 20 декабря, № 349.

Digitized by Google

нечно, останется безъ исполненія, или съ исполненіемъ на словахъ, на которое Римъ такой мастеръ. При нѣкоторой настойчивости русскихъ (венгерцевъ и галичанъ, т. е. русскихъ) это послужитъ къ сближенію Вѣны съ Римомъ. Обоюдные интересы заставятъ умолкнуть обоюдную распрю, нужды нѣтъ, что она едва ли была не главнымъ побужденіемъ къ созванію собора. Австрійскій дворъ снисходительно выслушаетъ проклятіе, которое (конечно, въ выраженіяхъ, прикрытыхъ своего рода священною вѣжливостью) сочтетъ нужнымъ провозгласить соборъ противъ свободы вѣроисповѣданія, обученія, брака. Римская курія будетъ снисходительно недоглядывать явныхъ противленій католическаго кабинета опредѣленіямъ собора. Но на мятежныхъ уніатовъ, которые осмѣлились возстать противъ ненужнаго имъ и клятвопреступно имъ навязаннаго латинскаго богослуженія; но на этихъ „рутеновъ," которые не хотятъ быть только австрійцами или венграми, а быть славянами и даже русскими: на нихъ налягутъ соединенными силами австрійскаго коварства и римскаго безстыдства. А чѣмъ это послужитъ затѣмъ къ дальнѣйшему движенію славянаго вопроса, увидимъ. Замять можно, но загасить совсѣмъ національное сознаніе, съ каждымъ годомъ возрастающее, едва ли будетъ въ силахъ даже этотъ двойной напоръ, государственный и церковный. Все-таки это шагъ къ дальнѣйшему движенію, все-таки новая ступень въ пріобрѣтеніи единодушія, которое одно и нужно славянамъ для будущаго полнаго успѣха, во всякомъ случаѣ несомнѣннаго.

Digitized by Google

1870 годъ.

Дѣло игумены Митрофанiи*).

Изъ двухъ „московскихъ наблюденій“, которыя приводятся въ настоящемъ № „Современныхъ Извѣстій“, одно особенно прискорбно. Недоразумѣніе на полицію, это такъ обыкновенно, такъ неудивительно. Но недоумѣніе на епархіальное начальство, и именно на здѣшнее епархіальное начальство, это печально до нельзя. Передаютъ, что въ одномъ изъ духовныхъ училищъ допущено къ состязанію на должность учителя и утверждено на должности лицо, которое закономъ заранѣе лишено этого права. Случай мелкій, но онъ естественно ведетъ къ вопросамъ: для чего же и для кого пишутся законы и составляются уставы. И если позволительно пренебречь законъ начальству, виноватъ ли будетъ подчиненный, если онъ тоже посмѣется надъ уздою, которую думаетъ законъ положить на его произволъ?

Но это о здѣшнемъ епархіальномъ начальствѣ не первый случай. Мы слышали другой, потрясающій, гдѣ поступлено въ нарушеніе не какого-нибудь второстепеннаго правила въ какомъ-нибудь „уставѣ“, болѣе или менѣе преходящемъ, изъ котораго изъятіе притомъ, подобное упомянутому, можетъ быть объясняемо разумными основаніями, но гдѣ попранъ былъ

*) С. П. 4 января, № 3.

Digitized by Google

коренной „законъ," попраны были коренныя основанія гражданскихъ правъ, тѣ основанія, которыхъ не рѣшается преступать сама верховная власть, которыя уважаются вездѣ, гдѣ только есть законъ, и съ той минуты какъ онъ существуетъ, безъ которыхъ немыслимо правильное существованіе гражданскаго общества. Дѣло было такъ.

Умираетъ староста, и завѣщеваетъ своей приходской церкви сумму, если не ошибемся, до пятнадцати тысячъ, на устройство училища. Завѣщаніе утверждено и вошло въ силу. Но является совершенно со стороны, какъ съ неба, игуменья посторонняго монастыря и выпрашиваетъ у епархіальнаго начальства приказаніе, чтобы сумма эта (или часть ея, все равно) была ей выдана заимообразно на другое учрежденіе, о которомъ не думалъ завѣщатель. Приказаніе послѣдовало. Староста и священникъ отклоняютъ отъ себя исполненіе невозможнаго приказа. Какимъ именемъ назвать душеприкащика, который суммѣ, опредѣленной въ завѣщаніи на одно употребленіе, осмѣливается дать назначеніе другое. И чему подвергаетъ законъ столь безцеремонныхъ распорядителей чужою собственностью. Естественно и похвально было несогласіе священника со старостою наложить руки на ввѣренное имъ имущество. Но вамъ же отдадутъ.—А кто ручается? И имѣемъ ли право, и чѣмъ можетъ ручаться игуменья? Ея ручательство и самый ея заемъ личные, лишены всякой юридической цѣны. Да все равно, если бы и вся Россія пошла за нее въ поруки,—гдѣ основаніе располагать чужою собственностью? Если я, вопреки волѣ владѣльца, иду въ карманъ, и обращаю его деньги на употребленіе, о которомъ онъ не думалъ: поступокъ не становится отъ того справедливѣе, хотя бы я не только имѣлъ несомнѣнную увѣренность, что деньги будутъ возвращены, но даже когда бы онѣ и дѣйствительно были возвращены.

Все это азбука законности, а староста все-таки вынужденъ былъ отказаться отъ должности (и не отставленъ ли?); священникъ лишенъ своего мѣста и переведенъ на другое. Это происходило за Москвой рѣкой, въ приходѣ Николы на

Digitized by Google

Пушшахъ. Не знаемъ, сговорчивѣе ли были другой староста и другой священникъ; не знаемъ, послѣдовалъ ли, наконецъ, хотя письменный, въ законной формѣ, указъ объ этомъ неслыханномъ насильственномъ займѣ, или мать игуменья Владычнаго монастыря успѣла достигнуть своего желанія чрезъ посредство одного словеснаго архипастырскаго приказа; не знаемъ и того, чѣмъ высокопреосвященный объяснитъ Святѣйшему Синоду переводъ священника безъ прошенія съ одного мѣста на другое, но случай, нами передаваемый, достовѣренъ и ведетъ къ самымъ прискорбнымъ размышленіямъ. За что же послѣ того можно поручиться? И кто послѣ того согласится устраивать церковныя училища и отдавать ихъ въ распоряженіе духовенства? Кто согласится послѣ того давать что-либо въ руки духовенства даже не на училища, даже на что угодно, на церковное благолѣпіе, на помощь бѣднымъ, на миссіонерство? Явится и еще игуменья, не та, такъ другая, найдется и еще употребленіе: повернутся деньги, уйдутъ куда не думали, съ надеждой или безъ надежды воротиться, все равно. Кто беретъ на слово, всегда говоритъ: „отдамъ“, и всего чаще случается, что деньги, разумѣется, пропадаютъ.

Затѣмъ, какое основаніе остается духовенству сѣтовать, когда бы тѣ же основанія въ распоряженіи собственностью приложены были къ нему самому? Нашлась бы власть и выше архіерейской, которая бы сказала: обратимъ церкви въ театръ, перельемъ колкола на статуи; отъ православныхъ каѳедръ отберемъ имущество въ пользу костеловъ и мечетей.—Конечно, этого не будетъ; но гдѣ законное основаніе не быть правительству къ епархіальному начальству тѣмъ, чѣмъ епархіальное начальство не стѣсняется быть къ епархіальнымъ храмамъ.

А наконецъ, ужели ничего не значитъ и то: за соблюденіе закона, за страхъ передъ ввѣреннымъ достояніемъ, за благоговѣніе къ посмертной чужой волѣ, за честную стражу двора Господня наказывать изгнаніемъ, поношеніемъ, лишеніями.

Нѣтъ силъ, какъ это прискорбно. Какъ прискорбно, что это именно въ первопрестольномъ градѣ, отъ лица притомъ

Digitized by Google

столь высоко и столь достойно почитаемаго. Ненавистники духовенства, враги церковнаго просвѣщенія, посягатели на церковную собственность, радуйтесь.

А какъ хотѣлось бы намъ сказать: „Нѣтъ, что-нибудь не такъ. Тутъ какая-нибудь ошибка“.

Трехсотлѣтіе памяти первопечатника Ивана Ѳедоровича *).

Сегодня заупокойною литургіею и засѣданіемъ Археологическаго общества Москва почтила память своего первопечатника, Ивана Ѳедоровича, триста лѣтъ назадъ тиснувшаго, по изгнаніи изъ Москвы, первое Евангеліе Учительное московскими буквами. Литургія, нѣсколько рѣчей, три концерта, прекрасно исполненныхъ, и только. Благодареніе и за это. Мы помнимъ, какъ праздновалось подлинное трехсолѣтіе московскаго книгопечатанія шесть лѣтъ тому назадъ. Синодальная типографія, по старому—Печатный Дворъ, откуда вышелъ первопечатный Апостолъ, отпраздновала начало своей первой книги какъ умѣла, и насколько представлялось способовъ. Общество любителей Россійской словесности, такъ же какъ теперь Археологическое, собралось въ торжественное засѣданіе, и то благодаря напоминаніямъ покойнаго Ундольскаго. Безъ этого напоминанія даже присяжные мужи печати, вѣроятно, не догадались бы о наступленіи знаменательнаго дня для искусства, которымъ столько одолжается, столько живетъ просвѣщеніе. Въ Германіи при подобномъ воспоминаніи образовалась бы ко дню юбилея цѣлая литература объ исторіи печати; вспомнимъ прошлогодній юбилей Гуттенберга; откликнулись бы со всѣхъ угловъ всѣ, бравшіе когда-либо книгу въ руки. Самое убогое изъ нашихъ воспитательныхъ, благотворительныхъ и даже административныхъ учрежденій не преминетъ отпраздновать свой даже пятидесятилѣтній юбилей, и чего не бываетъ. Со всѣхъ концовъ тоже летятъ

*) С. И. 5-го января, № 4.

Digitized by Google

телеграммы, ѣдутъ депутаты, льются щедроты: со стороны можно подумать, что каждый изъ этихъ юбилеевъ есть заправское празднество, и что празднующее учрежденіе какъ-бы и въ самомъ дѣлѣ оказало ни вѣсть какія историческія заслуги.

Все это очень знаменательно, и именно то, что нашей печати съ самаго того времени, какъ блаженной памяти Ивана Ѳедоровича выгнали изъ Москвы, суждено вѣчное убожество. А стоила бы она, если не чтенія—всякій можетъ судить по своему—то изученія. Наша особенность та, что у насъ внѣшній ходъ печатанія, и притомъ какъ искусства въ его механическомъ смыслѣ, есть исторія самаго просвѣщенія и притомъ въ его внутреннемъ смыслѣ;—и не только исторія, но даже основа и теперешняго существеннѣйшаго раздѣленія направленій мысли и воспитанія. „Новопечатныя книги," „старопечатныя книги": но это именно и есть символъ, которымъ отдѣляется отъ цѣлости русскаго духовнаго тѣла добрая половина населенія. Въ этомъ смыслѣ изысканія, повидимому, чисто внѣшнія, свѣдѣнія библіографическія, начиная съ характера писменъ и кончая даже переплетами, получаютъ важность даже политическую. Въ правильномъ воззрѣніи и ясномъ пониманіи видовъ печати скрывается объясненіе живучести старообрядства, и руководство—богослову, точно такъ же какъ и администратору съ законодателемъ. Какая-нибудь виньетка на славянскомъ изданіи „веницейскомъ" (въ Венеціи изданномъ) даетъ поводъ старообрядцу обвинять церковь въ латинствѣ, какъ православному отстаивать свою вѣрность преданію. Изгнаніе первопечатника изъ Москвы, заставившее сложить его свои кости на чужбинѣ, замедлило ходъ книгопечатанія на сѣверѣ и развило его на югѣ; а это послужило въ свою очередь поводомъ, что московскою перепечаткою южно-русскихъ заимствованій изъ протестантскихъ книгъ старообрядцевъ въ какой-нибудь книгѣ „О Вѣрѣ" уже дѣйствительно цѣликомъ глотаетъ протестантскія зерна. По возвращеніи печати въ Москву, вопросъ внѣшней редакціи книгъ попадается пріѣзжимъ греческимъ архіереямъ, и тѣ въ свою очередь находятъ въ суще-

Digitized by Google

ствующихъ книгахъ отступленія отъ общеобычности. Новая редакція, и новая работа типографіямъ, и вотъ расколъ. Духовное единеніе и разъединеніе вертится на вопросѣ типографскомъ; въ книгопечатаніи находитъ по крайней мѣрѣ главную пищу и поводъ. А тутъ является Петръ на Печатный Дворъ, правитъ корректуру, тискаетъ, отливаетъ новую азбуку-ублюдокъ, и—еще новая эра, съ книгами не только новой,—новѣйшей гражданской печати, и опять съ своимъ особымъ, новымъ характеромъ просвѣщенія и новыми источниками. Отселѣ и потекло оно, и его выраженіе—письменность съ печатью, тремя особыми, не сливающимися струями, сліянію которыхъ бдительно, хотя и вовсе не подозрѣвая, во все время и всего болѣе противодѣйствуетъ само законодательство. Задавивъ желѣзною ногою старую печать, оно пустило ее подземнымъ ходомъ, развивъ между прочимъ анахроническое искусство уставнаго и полууставнаго писанія, расплодивъ цѣлую литературу старообрядческую, сравнительно весьма богатую, и обогативъ запасъ славянскихъ книгъ цѣлою литературою буквальныхъ заграничныхъ перепечатокъ, такъ называемыхъ, переводовъ съ старопечатныхъ книгъ. Отгороженная особою, церковною цензурою, духовная печать пошла опять своимъ ходомъ, отчасти оставаясь при старой азбукѣ, отчасти усвоивъ новую, но не влагая въ нее, благодаря той же цензурѣ, ни единой новой мысли, довольствуясь тоже „переводомъ“ одного привычнаго запаса и оборота мыслей, частью только на новую азбуку, много-много и на новое нарѣчіе. Гражданская, петровская печать пошла своей дорогой, простившись съ своими сестрами, и опять не давая ничего кромѣ перевода, близкаго и отдаленнаго, самыхъ мыслей съ тѣхъ книгъ, съ которыхъ творецъ ея снялъ начертаніе литтеръ.

Не все ли это справедливо, и не крайне ли важное значеніе дано исторіею у насъ печати.—Печати въ простомъ, внѣшнемъ смыслѣ книгопечатанія, и еще въ болѣе внѣшнемъ смыслѣ начертанія азбукъ. Сколько изъ этого вышло существеннаго для жизни народной, и до чего отзываются на ней доселѣ во всѣхъ ея отрасляхъ эти три печати и эти двѣ азбуки.

Digitized by Google

Дѣло игумены Митрофаніи*).

Редакціи привелось вчера получить неожиданное подтвержденіе одного изъ случаевъ, ею разсказанныхъ. Оно называется въ подлинникѣ опроверженіемъ; но нужды нѣтъ, не будемъ взыскательны, и пожалѣемъ лишь, что замѣшанныя лица рѣшились шевелить случай, о которомъ лучше бы, если бы успѣли всѣ забыть поскорѣе; и рѣшились не только шевелить, но и выставить себя на показъ въ свѣтѣ, въ которомъ рѣдкіе изъявили бы добровольно согласіе предстать предъ читателями.

Пишутъ нѣкто гг. Палшковъ и Ермоловъ, душеприкащики, какъ они говорятъ, умершаго купца Палшкова, завѣщавшаго между прочимъ на отказанную имъ сумму устроить училище при церкви Николы на Пупышахъ. Читатели помнятъ исторію, которая вышла изъ этого, и которая изложена въ № 3 „Современныхъ Извѣстій“. Гг. душеприкащики опровергаютъ. Дѣло было не такъ, говорятъ они, дѣло было иначе. Какъ же?—Послѣ предисловія съ нравоучительными разсужденіями, отъ которыхъ гг. душеприкащики могли бы себя уволить, и отъ которыхъ тѣмъ болѣе имѣютъ право быть пощаженными читатели; и послѣ изложенія, какъ передано было дѣло въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“, отъ чего читатель также можетъ быть уволенъ, при существующемъ для него болѣе удобномъ способѣ,—справиться, если угодно, съ подлиннымъ текстомъ газеты,—послѣ этого Опроверженіе излагаетъ дѣло. Дѣло, говоритъ оно, было такъ:

«Дѣло было такъ. Четыре года назадъ умеръ староста церкви Николы на Пупышахъ, купецъ Палшковъ, и завѣщалъ церкви 23 тыс. руб. на устройство приходскаго училища. Въ своей посмертной волѣ онъ завѣщалъ на 8 тыс. рублей изъ этой суммы купить или построить домъ для училища, а процентами остающихся 15 тысячъ содержать означенное училище».

«Деньги эти покойный Палшковъ завѣщалъ не наличнымъ капиталомъ, а поручилъ намъ, сыну и зятю, уплатить ихъ изъ денегъ, которыя будутъ собраны отъ должниковъ и отъ продажи товаровъ. Но собраніе долговъ и

*) С. И. 22 января, № 21.

Digitized by Google

продажа товаровъ шли неуспѣшно, а священникъ и староста стали требовать денегъ».

«Мы, душеприкащики, исполнившіе свято волю завѣщателя и раздавшіе полнымъ рублемъ около 200 тысячъ въ разныя церкви и благотворительныя учрежденія, и употребившіе до 15 тысячъ на возобновленіе того же св. храма (когда завѣщано было только 8 тысячъ), въ этомъ случаѣ не выдали денегъ, но, какъ торгующіе въ Москвѣ лѣсными и другими строительными матеріалами, хотѣли приступить согласно завѣщанію къ постройкѣ дома (съ цѣлью употребить на ту постройку опять болѣе завѣщанной суммы), но священникъ и староста этого не допускали, требовали деньги. Это обстоятельство вызвало споръ и недоумѣніе между нами, между тѣмъ священникъ и староста подали въ судъ искъ, и получили исполнительный листъ на взысканіе 23 тысячъ отъ продажи имущества нашего въ случаѣ неплатежа. Одновременно съ этимъ, мы, душеприкащики, согласно разрѣшенія высокопреосвященнаго митрополита Иннокентія, заключили съ игуменьей Серпуховскаго Владычнаго монастыря условіе на поставку строительнаго матеріала для построекъ въ устрояемой ею, по волѣ Ея Императорскаго Величества, Покровской Общинѣ Сестеръ Милосердія въ Москвѣ. А такъ какъ средства на устройство этого благотворительнаго учрежденія составляются изъ различныхъ пожертвованій, идущихъ хотя и успѣшно, но все-таки въ настоящее время еще не возросшихъ до того, чтобы можно было за все уплачивать наличными деньгами; а потому мать-игуменья, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, заключила упомянутый договоръ на поставку лѣса, съ тѣмъ чтобы слѣдуемыя за него деньги были уплачиваемы въ извѣстные сроки, а вмѣстѣ съ тѣмъ просила епархіальное начальство въ видѣ помощи, для скорѣйшаго пріобрѣтенія матеріаловъ, выдать ей на этотъ предметъ изъ какихъ-либо суммъ епархіи, заимообразно на два года, 15.000 руб. сер.».

«Когда же выданъ былъ исполнительный листъ священнику, мы обратились къ епархіальному начальству, прося его долгъ нашъ перевести на Московскую Покровскую общину, такъ какъ вышесказанный договоръ состоитъ въ покупкѣ игуменіею матеріаловъ на 37.890 руб. Епархіальное начальство, имѣя въ виду непродолжительность сроковъ, дало свое согласіе, и предписало Консисторіи долгъ этотъ перевести на Покровскую церковь, которая переходитъ въ вѣдѣніе Общины, а игуменіи предписало долги въ количествѣ 23 тысячъ р. уплатить церкви Николы на Пупышахъ въ сроки, обозначенные въ договорѣ, т. е. 8 тысячъ рублей уплатить тотчасъ по учиненіи договора, а остальныя 15 тысячъ, платя за нихъ церкви проценты по $5^1/_2$, уплатить чрезъ два года; причемъ вмѣнили ей въ обязанность стараться уплатить церкви эти деньги, если возможно, даже раньше назначеннаго срока».

«Этотъ простой и немногосложный разсказъ можетъ убѣдить каждаго безпристрастнаго читателя, что 1) со стороны игуменьи не было никакого выпрашиванія; 2) никакого нарушенія закона съ стороны епархіальнаго начальства и никакого измѣненія воли завѣщателя со стороны насъ душе-

Digitized by Google

прикащиковъ; 3) и главное, что денегъ въ церкви не было и что только такими способами церковь могла скорѣе получить, не нанося оскорбленія памяти покойнаго завѣщателя продажею имущества дѣтей его, который пожертвовалъ, кромѣ вышеупомянутаго, церкви еще на ея возобновленіе при своей жизни до 30 тысячъ. Деньги 8 тысячъ на покупку дома для училища церковь получила отъ игуменьи, и мы полагаемъ, что для дѣла все равно, отъ кого бы ихъ ни получить,—отъ должника ли Палшкова Ивана Иванова, или должника же Палшкова Общины Сестеръ Милосердія. Наконецъ, 4) что все это не основывалось на личномъ ручательствѣ игуменіи».

«Священникъ перемѣщенъ съ одного мѣста на другое по причинамъ, намъ неизвѣстнымъ, но конечно хорошо извѣстнымъ самому архипастырю».

Подписано:

Душеприкащикъ Гаврила Васильевъ Палшковъ. Душеприкащикъ Палшкова Тимофей Ермолаевъ Ермоловъ.

Января двадцать перваго (21) 1870 года.

Виноваты, передъ подписью прибавлено:

„Такимъ образомъ все дѣло объясняется; одно остается непонятнымъ, какимъ образомъ, редакція „Современныхъ Извѣстій“ рѣшилась напечатать такого рода обвиненіе, не имѣя въ рукахъ удостовѣряющихъ фактовъ“.

Отъ выраженія своихъ недоумѣній гг. душеприкащики могли бы себя и освободить, тѣмъ болѣе что редакція не изъявляла желанія вступать съ ними въ объясненіе и помогать ихъ непонятливости. Но дѣло, дѣйствительно, объясняется; къ несчастью, слишкомъ объясняется.

„Главное, денегъ въ церкви не было“, говорятъ они. Денегъ, видите, въ церкви не было; деньги завѣщано было выручить продажею товара и выдать церкви. А мы де душеприкащики не соблаговолили исполнить этого завѣщанія. Такъ они говорятъ на прямки, и вмѣстѣ увѣряютъ „безпристрастнаго читателя“, что нарушенія воли завѣщателя не было. Хорошее опроверженіе.

Правда, продолжаютъ исполнительные душеприкащики, противъ насъ предъявленъ былъ даже искъ; судъ даже и призналъ правильнымъ предъявленное къ намъ требованіе; судъ даже выдалъ и исполнительный листъ, чтобы взыскать съ насъ деньги продажею имущества. Да что намъ до того. Мы, душе-

Digitized by Google

прикащики, „свято“ исполняя завѣщаніе, на смѣхъ волѣ завѣщателя, на смѣхъ суду, на смѣхъ церкви, все-таки не исполнили требованія.—Таково второе опроверженіе, отъ гг. исполнительныхъ душеприкащиковъ, и вмѣстѣ собственноручное ихъ свидѣтельство о законности и совѣстливости ихъ дѣйствій.

Чтобъ отнять всякое право сомнѣваться, къ какому разряду относится ихъ образъ дѣйствій, душеприкащики прибавляютъ, что они денегъ не выдавали, вопреки волѣ завѣщателя, даже не потому чтобъ денегъ не было, и чтобы они не могли ихъ выручить. Какъ бы не такъ! Да мы полнымъ рублемъ, говорятъ они, до двухъ сотъ тысячъ роздали по другимъ пунктамъ завѣщанія; а по этому не хотѣли, и не давали. Не хотѣли да и только; не захотѣли, да и не сдѣлали. Что взяли?

Таково-то, говоримъ мы, второе опроверженіе, свидѣтельствующее о святомъ исполненіи воли завѣщателя, объ уваженіи къ законности и судебному приговору. Но вотъ и третье. „Мать-игуменья не выпрашивала денегъ“, говорятъ гг. Палшковъ и Ермоловъ, и чтобы убѣдить, что они поставили за правило утверждать противное тому, что сами говорятъ, прибавляютъ о матери игуменіи: „а вмѣстѣ съ тѣмъ просила она епархіальное начальство въ видѣ помощи, для скорѣйшаго пріобрѣтенія матеріаловъ, выдать ей на этотъ предметъ изъ какихъ-либо суммъ епархіи заимообразно до 15.000 рублей серебромъ“.—Да, въ самомъ дѣлѣ, она просила, а не выпрашивала. Просила притомъ изъ какихъ-либо суммъ епархіи. Просила изъ какихъ-либо, а эти попались на встрѣчу; просила суммъ епархіальныхъ, а явились къ услугамъ частныя суммы, суммы притомъ завѣщанныя и притомъ назначенныя завѣщаніемъ на опредѣленное употребленіе, да предстали притомъ и не въ видѣ суммъ, а въ видѣ лѣсныхъ матеріаловъ. Такое ужъ стеченіе случайностей, и притомъ, какъ выражаются гг. душеприкащики, одновременно. Тутъ требуютъ денегъ, которыя по закону и по суду слѣдуетъ отдать. А тутъ одновременно заключено условіе съ матерью игуменьею на поставку строительнаго матеріала въ долгъ, и вмѣстѣ же съ тѣмъ она не выпра-

Digitized by Google

шивая просить у епархіальнаго начальства въ долгъ, правда изъ какихъ-либо суммъ, и притомъ суммъ епархіи, но именно 15.000 рублей, той самой цифры, какая нужна на содержаніе училища. Стеклись такія случайности, и частныя суммы оказались епархіальными; деньги, затребованныя по суду, оказались лѣсными матеріалами; цѣнность ихъ оказалась равнозначительною цѣнности слѣдующихъ къ отдачѣ денегъ, и посмѣяніе завѣщанія, закона и суда оказалось святымъ исполненіемъ воли завѣщателя.

Надобно же имѣть смѣлость высказывать такія признанія во всеуслышаніе. Надобно имѣть особенную смѣлость—нѣтъ, не просто смѣлость, пусть читатель самъ приберетъ достойное выраженіе,—чтобы выразить какое свойство духа нужно имѣть, чтобъ еще провозглашать при этомъ съ хвастовствомъ: покойникъ, молъ, завѣщалъ на возобновленіе церкви изъ своего имѣнія отчислить 9 тысячъ, а мы не постояли за 15-ю. Да и училище построили бы мы не въ 8 тысячъ, какъ завѣщано, а дороже; только мы, разумѣется, а не кто другой; мы бы стали и строить и счеты представлять. „Несчастные“. И вы еще осмѣливаетесь заикаться о волѣ покойнаго и о „святомъ ея исполненіи“. Закононарушеніе, своеволіе съ завѣщаннымъ вы осмѣливаетесь выставлять какъ доблесть. Кто же васъ уполномочилъ, съ какимъ правомъ дерзнули вы употреблять 15, когда вамъ приказано употребить восемь? Да не вы ли еще сами, пожалуй, тоже въ противность завѣщанію, распоряжались стройкою, расплачиваясь съ рабочими. Уже не употребили-ль вы того же пріема и при возобновленіи церкви, какой предлагали на построеніе училища. При такихъ условіяхъ, конечно, вы могли на словахъ расточать и милліоны, но могли также, подъ видомъ приношенія въ церковь, и наживаться, уплатою за собственные матеріалы рублей, гдѣ слѣдовали гривенники, или такими разсчетами съ рабочими, гдѣ гривенники принимаютъ видъ рублей....

Въ завершеніе всего незастѣнчивые гг. Палшковъ и Ермоловъ съ хвастовствомъ указываютъ, что они до 200 тыс.

Digitized by Google

полнымъ рублемъ отдали уже по разнымъ назначеніямъ. Полнымъ рублемъ. Понимаете ли читатели, всю силу этого возмутительнаго намека. Наслѣдники, эти разныя церкви и учрежденія, должны чувствовать, должны благодарить, что имъ соблаговолили дать полный рубль; захотѣли бы, дали и по десяти копѣекъ. Гг. душеприкащики готовы это выдать за свое великодушіе, какъ, вѣроятно, великодушіемъ же находятъ они и этотъ переводъ уплаты съ собственныхъ душеприкащичьихъ плечъ, на которыя возложена она и завѣщаніемъ, и закономъ, и судомъ, на чужія плечи сомнительнаго, на скоро изобрѣтеннаго должника покупателя, которому, вѣроятно, при семъ удобномъ случаѣ, и цѣну выставить они по своему, не постѣснялись. Они и не скрываютъ, что этотъ должникъ-покупщикъ исправности своей ничѣмъ не обезпечиваетъ, что за нимъ, кромѣ голаго приказанія начальства о будущей отдачѣ, ничего не видится. Мать-игуменья, говорятъ они, лично не ручается (а уплата, прибавляютъ они какъ бы въ насмѣшку, наказана именно ей); община же сестеръ милосердія устраивается доброхотными подаяніями; а ихъ не собралось, и скоро они не соберутся: да и соберутся ли, Богъ вѣсть. Но намъ какое дѣло. Не въ этомъ ли и состоитъ святое исполненіе воли, чтобы выдачу, обезпеченную осязаемымъ имуществомъ, перевести на почву возможностей, не подкрѣпленныхъ никакимъ обезпеченіемъ и ничьимъ ручательствомъ.

Такъ издѣваются во всеуслышаніе г. Палшковъ и г. Ермоловъ надъ здравымъ смысломъ читателей и надъ закономъ. Да еще увѣряютъ, что это все равно. Для дѣла все равно, говорятъ они, получить ли съ должника Ивана, или съ Общины сестеръ милосердія. Послалъ г. Ермоловъ своего молодца продать товаръ, и говоритъ: получишь, неси деньги Григорью, я ему долженъ. А молодецъ, возвращаясь говоритъ: „товаръ-то я, по твоему хозяйскому приказу, не продалъ, а передалъ попавшемуся встрѣчному; а Григорью сказалъ, получай онъ съ него какъ знаетъ“.

Digitized by Google

Что сказали бы гг. Палшковъ и Ермоловъ своему молодцу на это, и разсудили-ль бы они, что для дѣла это все равно, и что молодецъ свято исполнилъ ихъ волю.

Но этими-то молодцами и оказались наши душеприкащики къ завѣщателю. А не тѣмъ бы должна быть почтена его память, почтеннаго. Не тѣхъ бы и не такихъ бы исполнителей заслуживала его добрая истинно-христіанская, христіански-просвѣщенная воля.

Открытіе въ Москвѣ Миссіонернаго общества *).

Москва—собирательница русскаго государства: не ей ли должна принадлежать и честь собранія разновѣрныхъ и разномысленныхъ въ одно духовное стадо? Съ достаточною ли силою и успѣхомъ дѣйствовали отдѣльныя миссіи? Чѣмъ увѣнчались и вѣнчаются труды цѣлыхъ мѣстныхъ обществъ, въ родѣ кавказскаго? Попытка сосредоточить заправленіе миссіонерствомъ въ Петербургѣ разразилась послѣдствіями и прискорбными и соблазнительными. А неоффиціальная Москва тѣмъ временемъ слала милліонами пожертвованія на православіе въ краѣ сѣверозападномъ; одушевленно откликаться начинаетъ она въ послѣднее время и на нужды православія балтійскаго; и всѣ тѣ прошлыя частныя попытки миссіонерства въ краяхъ далекихъ Сибири опять находили себѣ все въ Москвѣ же главную и почти единственную поддержку.

Но эта поддержка ограничивалась помощью матеріальною: и не могло быть иначе. То совершалось не оффиціально, полуоффиціально иногда: давалась этимъ естественно возможность лишь откликаться, содѣйствовать, усердствовать, но не дѣйствовать, а тѣмъ менѣе заправлять.

Событіемъ многообѣщающимъ въ этомъ смыслѣ находимъ мы сегодняшній этотъ праздникъ. Это не даромъ и не слу-

*) С. И. 26 января, № 25.

Digitized by Google

чайно. Исторія беретъ свое, сколько бы ни уклонялись отъ ея указаній. Правительственный центръ вездѣ возможенъ, можетъ быть даже и нуженъ до извѣстной степени въ мѣстности отвлеченной, въ развязанномъ краѣ отъ преданій, можетъ быть до извѣстной степени узкихъ, можетъ быть отъ этого даже способныхъ задерживать отчасти жизнь. Но духовный центръ здѣсь, какъ здѣсь и центръ хозяйственный: это выходитъ не только по преданіямъ, но и по географическимъ условіямъ мѣстности. Ни передѣлать рѣки нельзя такъ, чтобъ онѣ потекли, одна на западъ вмѣсто востока, или другая на югъ вмѣсто сѣвера. Ни перенести соборовъ нельзя этого русскаго Капитолія, или Кремля, этого русскаго Пантеона, гдѣ собрались важнѣйшіе остатки исторической жизни всѣхъ частныхъ областей Россіи. Нѣтъ же физической возможности, если бы и желалось, перенести ихъ и размѣстить по произволу,—поздно. Нельзя достигнуть, чтобы и говоръ, отовсюду къ Москвѣ подходящій своими особенностями, и здѣсь только обезразличивающійся въ языкъ всероссійскій, поворотилъ свою дорогу иначе. Отойдутъ ли отъ нея и эти безчисленные, ежедневно возобновляющіеся приливы и отливы „племенъ, нарѣчій, состояній“, гдѣ безпоповецъ встрѣчается съ молоканиномъ, шіитъ съ суннитомъ, христіанинъ съ огнепоклонникомъ и талмудистомъ. И возможно ли имъ препятствовать или направить ихъ къ другимъ средоточіямъ? А все это кладетъ печать; а всѣмъ этимъ созидается жизнь и управляющее начало жизни.

И что еще. Такъ вышло, и не случайно, что въ первосѣятеля этой Божьей нивы, сегодня проложенной первыми браздами, что первоначальникомъ этого легіона грядущихъ апостоловъ, встаетъ святитель, отъ юношества призванный и испытанный на поприщѣ миссіонерскаго служенія, кто въ борьбѣ съ враждующими стихіями и людьми, въ борьбѣ съ ежедневными опастностями жизни, въ далекихъ языческихъ странахъ несъ крестъ, и кто этою славою восторжествовавшей проповѣди и терпѣнія стяжалъ себѣ званіе первосвятителя первопрестольной столицы. Случайно это? Случайно онъ тогда

Digitized by Google

указался, среди другихъ, на первопрестольную каѳедру? Всеобщая радость о назначеніи, и ни единаго ропота—свидѣтельствовали противное. Для Москвы подобалъ таковъ первосвященникъ; а онъ въ Москвѣ,—нельзя было вообразить, чтобъ и другого вождя имѣлъ новоучреждаемый сонмъ миссіонеровъ.

Да будетъ новому обществу слава; да будетъ ему успѣхъ. Но онъ будетъ; отъ того и не было успѣха или мало было, что не такъ было дѣло, какъ оно давалось и указывалось само собою, по предуказаніямъ исторіи, по предрасположеніямъ народнымъ.

О реформахъ въ духовномъ вѣдомствѣ*).

Новости, сообщаемыя по духовному вѣдомству, каковы учрежденіе двухъ коммиссій по преобразованію духовнаго суда и духовной цензуры,—напоминаютъ намъ, съ чего бы, по настоящему, долженъ былъ начаться въ свое время рядъ реформъ по духовному вѣдомству. А разсужденія „Биржевыхъ Вѣдомостей“ о положеніи духовенства напоминаютъ, на что бы наоборотъ никогда и не должна была отваживаться реформаторская дѣятельность по духовному вѣдомству, и чѣмъ между тѣмъ она поспѣшила. Говоримъ объ извѣстномъ узаконеніи по сокращенію приходовъ. Не понимаемъ одного. Почтенная газета оспариваетъ удобопримѣнимость этой мѣры, и этимъ какъ бы соглашается въ ея основаніяхъ. Ужели и по ея мнѣнію, церкви съ приходами, эти живыя выраженія духовной жизни, эти самозданныя единицы, слагавшіяся исторически, и притомъ своими духовными и вещественными средствами,—суть тѣ же присутственныя мѣста, къ которымъ позволительно прилагать тотъ же, столь знакомый, способъ „возвышенія окладовъ посредствомъ сокращенія должностей“. Способъ конечно не требовалъ особенной изобрѣтательности, не можетъ похвалиться даже

*) С. И. 7 февраля, № 37.

Digitized by Google

и особенною практичностью: какъ извѣстно, даже въ уменьшеніи числа канцелярскихъ столовъ и въ сокращеніи чиновниковъ для переписки онъ оказывается зачастую только повтореніемъ Тришкина кафтана. Но тутъ рѣчь должна быть не о томъ, а о томъ, существуетъ ли духовенство для церкви, или церковь для духовенства; и о томъ, почему нужно, для доставленія лишнихъ рублей причтамъ, приносить въ жертву духовныя нужды вѣрующей паствы. Въ какомъ смыслѣ полезно и достойно разрушать ея вѣковыя молитвенныя привычки, отмѣнять ея вѣковыя молитвенныя радости, попирать ея преемственно-приносимыя храмовыя жертвы. И уменьшеніемъ ли священно-служителей съ церквами спасется народъ отъ разврата и суевѣрія, или открываются этимъ только шире двери кабакамъ, клѣтямъ колдуновъ, и раскольническимъ моленнымъ всѣхъ наименованій?

Мѣра эта, которой впрочемъ мы даже не предрекаемъ успѣха, считая ее мертворожденною самой въ себѣ, заслуживаетъ не двухъ словъ. Воспоминаемъ о ней только изъ опасенія: и эти двѣ коммиссіи не разрѣшатся ли преобразованіями, подобными такому же сокращенію штатовъ, и другимъ преобразованіямъ, которыя по духовному вѣдомству, всѣ болѣе или менѣе подобны. Способна смущать самая постановка задачи, насколько можно понять ее изъ краткихъ выраженій, передаваемыхъ извѣстіемъ объ учрежденіи коммиссій. Коммиссія по преобразованію духовнаго суда должна будетъ между прочимъ примѣнять духовный судъ къ общей реформѣ судопроизводства, цензурная между прочимъ примѣняться къ закону 6 апрѣля. На наши глаза достаточно этихъ краткихъ словъ. Стало быть подъ духовнымъ судомъ все-таки разумѣется отрасль несвойственнаго церкви суда гражданскаго, и стало быть церковь все-таки оставляется орудіемъ государства, а въ цензурѣ—вмѣстѣ и орудіемъ полиціи. Но это, конечно, совсѣмъ противоположно понятію о духовномъ судѣ, и тѣмъ болѣе противоположно понятію о церкви; чего можно отсюда ожидать, или, точнѣе сказать, что нельзя ожидать многаго, понятно.

Digitized by Google

По еврейскому вопросу*).

Большая часть разсужденій по еврейскому вопросу и жалобъ на бѣдственное положеніе евреевъ доносится изъ Сѣверо-западнаго края. Помѣщая сегодня извѣстія изъ этой мѣстности о фанатизмѣ евреевъ въ дѣлѣ религіи и о противодѣйствіи ихъ всякому развитію, идущія съ двухъ разныхъ сторонъ, не можемъ не обратить вниманіе на разсужденія корреспондента, сообщающаго о первомъ случаѣ. „Дайте евреямъ безусловную свободу переселяться куда угодно, и у нихъ будутъ другія понятія". Такъ думаетъ корреспондентъ, жалуясь на бѣдственное состояніе евреевъ въ этомъ краѣ, какъ на причину присущаго имъ фанатизма, и опасаясь, чтобы проявленія фанатизма, подобныя разсказанному имъ случаю, не затормозили дѣло эмансипаціи евреевъ.

Вопросъ, какъ видно, ставится широкій, именно, такъ называемый, еврейскій, но подъ широкой постановкой вопроса корреспондентъ очевидно скрываетъ самую подкладку, существенную и ближайшую надобность края. Онъ лишь упоминаетъ о ней, какъ о необходимомъ членѣ въ цѣломъ рядѣ умозаключеній.

Дѣло въ томъ, что евреи, вслѣдствіе исторической особенности края, до того здѣсь размножились, что, истощивъ жизненные его соки разными операціями на счетъ чужаго труда, принуждены эксплуатировать другъ друга въ этомъ занятіи. И только опасность этого самосъѣденія заставила ихъ на дняхъ воспользоваться давно извѣстнымъ закономъ, до сихъ поръ еще не прилагавшимся къ дѣлу; мы разумѣемъ дозволеніе ремесленникамъ евреямъ переселяться во внутреннія губерніи. Переселеніе уже началось, но только изъ одной этой мѣстности; въ краѣ же Юго-западномъ, напримѣръ, евреи остаются еще на мѣстахъ, въ виду легкой поживы, доставляемой имъ непредпріимчивостью мѣстнаго населенія.

*) С. П. 23 февраля, № 53.

Digitized by Google

Положеніе непріятное, но тѣмъ не менѣе не новое. Въ Западной Европѣ давно уже существуетъ эмиграція предпріимчивыхъ личностей; и для евреевъ личный трудъ, вносящій долю производительности въ общество, если бы они на то рѣшились, представляетъ средство выйдти изъ безвыходнаго положенія. А при такомъ положеніи дѣлъ, вопросъ сводится уже не къ высшему нравственному развитію, отсутствіе котораго могло бы затормозить эмансипацію евреевъ, а непосредственно къ борьбѣ ихъ за существованіе, къ самосохраненію. И въ этомъ случаѣ вмѣсто общаго вопроса еврейскаго возникаетъ, по нашему мнѣнію, вопросъ чисто мѣстный, собственно Сѣверо-западный. До чего дойдетъ онъ, обратившійся въ весьма сложную задачу, покажетъ будущее; но во всякомъ случаѣ причины, породившія разореніе края, должны быть приняты во вниманіе, при разрѣшеніи вопроса вообще еврейскаго.

О необходимости церковнаго Собора *).

Сегодня, въ недѣлю православія, когда церковь анаѳематствуетъ еретиковъ, считаемъ умѣстнымъ подѣлиться съ читателями слѣдующимъ заявленіемъ, которое было получено нами отъ одного изъ корреспондентовъ, изъ Нижняго Новгорода, еще прошлымъ годомъ.

„Наша православная грековосточная церковь, отличающаяся вѣротерпимостью, благолѣпіемъ храмовъ, отсутствіемъ фанатизма, скромностью высшаго и низшаго духовенства, благоговѣйною торжественностью церковныхъ обрядовъ, каковы: раздача вѣтвей въ Вербное воскресеніе, стояніе со свѣчами въ великій четвергъ, обрядъ великой пятницы, — заключаетъ въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ два обряда, совершаемые во время великаго поста, какъ намъ кажется, не вполнѣ соотвѣтствующіе характеру Христова ученія и принадлежащіе къ остаткамъ того

*) С. И. 2 марта, № 60.

Digitized by Google

времени, когда человѣческое воображеніе старалось дополнить воспоминанія о жизни Христа представленіями, имѣющими сходство съ общественными зрѣлищами. Въ старое время въ Европѣ были въ обыкновеніи религіозныя мистеріи, заимствованныя изъ Ветхаго и Новаго завѣта, которыя представлялись на улицахъ и даже въ театрахъ; остатки этихъ обыкновеній кое-гдѣ еще остались въ обычаяхъ простонародія, но православная церковь, благоговѣя предъ святостью и великостью Христова ученія сочла неприличнымъ исполнять эти представленія во храмѣ, тѣмъ болѣе, что подражаніе Христу должно заключаться въ дѣлахъ и молитвѣ, а не въ возбужденіи воображенія зрѣлищами. Между тѣмъ, въ великій четвергъ совершается у насъ въ соборныхъ храмахъ представленіе умовенія ногъ Спасителемъ своимъ ученикамъ. Для этого въ храмѣ устраивается ротонда съ перилами, духовныя лица представляютъ апостоловъ, а старшій надъ ними— Самого Христа. Обрядъ сопровождается дѣйствіями старшаго лица, которое при многократныхъ повтореніяхъ евангельскихъ словъ по смыслу ихъ полагаетъ ризы свои, беретъ лентіонъ, умываетъ ноги своимъ подчиненымъ, наконецъ, обрядъ сопровождается разговоромъ лица, представляющаго Христа, съ лицомъ, представляющимъ апостола Петра. Народъ въ это время не молится, но любопытствуетъ на духовное представленіе, часто обратившись спиною къ алтарю; нѣкоторые улыбаются, но такъ что за двусмысленную улыбку нельзя ихъ вывести изъ церкви.

„Доказательствомъ того, что церковь признаетъ излишними подобныя духовныя представленія, служитъ то, что воспоминанія о не менѣе важныхъ событіяхъ изъ жизни Христа, какъ-то: воскрешеніи Лазаря, вшествіи въ Іерусалимъ, тайной вечери, совершаются благоговѣйнымъ чтеніемъ евангелія, но не представленіемъ этихъ событій въ лицахъ“.

„Что касается того, что обрядъ умовенія ногъ наглядным образомъ напоминаетъ идею Христа о служеніи одного высшаго лица многимъ низшимъ, то во-первыхъ, эта идея такъ сознана обществомъ, что не нуждается въ наглядномъ ея представленіи,

Digitized by Google

а во-вторыхъ, что и самое представленіе нисколько не измѣняетъ характера духовныхъ представителей, и Петръ, послѣ умовенія ногъ, окажется вовсе не Петромъ, а инспекторомъ или ректоромъ семинаріи, исполняющимъ хотя христіанскія свои обязанности, но дѣятельность котораго совершенно не походитъ на проповѣднически-скитальческую жизнь апостола Петра".

„Въ этихъ убѣжденіяхъ мы дѣлаемъ заявленіе о пользѣ прекращенія на будущее время означеннаго обряда, какъ имѣющаго видъ не столько учительный, сколько театральный".

„Другой обрядъ, какъ намъ кажется, не вполнѣ соотвѣтствующій истинѣ ученія Христова, совершается въ недѣлю православія, когда церковь анаѳематствуетъ надъ преступниками. Обрядъ этотъ хорошо всѣмъ извѣстенъ,—онъ даже не имѣетъ никакого отношенія къ воспоминаніямъ о жизни Христа. Церковь въ этомъ случаѣ является карательницею тѣхъ лицъ, которыя и безъ нея несутъ и несли болѣе или менѣе душевныя, а часто и тѣлесныя тяжкія мѣры наказанія; обрядъ этой кары тѣмъ излишнѣе, что, не имѣя въ виду прямыхъ послѣдствій, остается карательно-идеальнымъ, и изъ церкви вмѣсто словъ любви и милосердія слышится „анаѳема!"

„Такой обрядъ церкви не вполнѣ соотвѣтствуетъ словамъ ученія Христова: *Любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ и гонящихъ васъ* (Матѳ. гл. 25, ст. 44). *Не судите, да не судимы будете* (Матѳ. гл. 7, ст. 1). *Блажены милостивіи, яко тіи помиловани будутъ* (Матѳ. гл. 5, ст. 7).

„Въ этихъ убѣжденіяхъ мы дѣлаемъ заявленіе о пользѣ прекращенія на будущее время этого обряда, какъ не вполнѣ соотвѣтствующаго духу любви и милосердія Христова ученія.

„Такое заявленіе хотя первый разъ является въ печати, тѣмъ не менѣе оно произносилось и произносится устно не только свѣтскими русскими христіанами, но даже и нѣкоторыми служителями церкви, а потому мы почтительнѣйше просимъ, отъ кого это зависитъ, принять наше заявленіе и подвергнуть его оффиціальному порядку разбирательства обсужденіемъ онаго

Digitized by Google

на общемъ совѣщаніи, или христіанскомъ соборѣ, цѣлью котораго должно быть или уничтоженіе исполненія означенныхъ обрядовъ на будущее время, или же преподаніе вѣрующимъ соборнымъ порядкомъ такихъ доказательствъ, которыя могли бы отвратить сомнѣнія относительно безполезности исполненія тѣхъ обрядовъ. При этомъ не лишнимъ считаю объяснить, что впредь до собора я не позволялъ, не позволяю и не позволю себѣ убѣждать въ основательности своего сомнѣнія какихъ бы то ни было другихъ лицъ".

Что сказать на это? „И послѣ этого скажутъ, что соборъ не нуженъ!" Вотъ что мы скажемъ на это. И послѣ этого скажутъ, что соборъ излишенъ, безполезенъ, или даже вреденъ, какъ способны говорить нѣкоторые, предпочитающіе натянутость, мракъ и двоедушіе чистотѣ и ясности. Пишетъ лицо, очевидно, вѣрующее; но оно смущается; не смущаются ли, и притомъ тѣмъ же самымъ, и еще тысячи? Если скажемъ, что изъ вѣрующихъ лицъ, способныхъ разсуждать, но лишенныхъ спеціальной богословской подготовки, девять десятыхъ смущаются точно такъ же и анаѳематствованіемъ и обрядомъ умовенія ногъ, едва ли мы преувеличимъ хотя на волосъ. Да и одно ли это? И весь составъ нашего богослуженія не служитъ ли для однихъ предметомъ нареканія, для другихъ смущеніемъ и недоумѣніемъ? Не въ немъ ли, наконецъ, начало цѣлаго великаго раскола русской церкви, и притомъ разломившагося на двѣ половины: одна (старообрядчество), смѣшавшая временное и мѣстное со всеобщимъ и безусловнымъ, возвела внѣшній пріемъ въ предметъ богопочтенія; другая (молоканство съ духоборчествомъ), смутившаяся этимъ смѣшеніемъ, не совсѣмъ чуждымъ даже для лицъ чуждыхъ старообрядству, протестующая противъ этого незаконнаго возведенія внѣшности въ чинъ догмата, отреклась не только отъ обрядности временно условной, но и отъ нравственной обязательности внѣшняго выраженія вообще, слѣдовательно отъ опредѣленнаго очертанія самой вѣры, а слѣдовательно и отъ самой истины наконецъ, которая не можетъ же человѣческому сознанію являться безъ всякаго выраженія.

Digitized by Google

И вотъ, цѣлые сто девяносто лѣтъ продолжается странная нерѣшимость, непонятная для тѣхъ, кто не знаетъ новѣйшей русской исторіи, нерѣшимость прибѣгнуть къ единственному средству, которое способно успокоить недоумѣнія и предотвратить дальнѣйшія смущенія и отпаденія, идущія все изъ того же одного корня недоразумѣній.

Для Петра, малолѣтствомъ котораго кончились русскіе церковные соборы, было извинительно опасеніе, что соборъ перейдетъ предѣлы своей власти, и войдетъ въ разсужденія, отъ которыхъ гражданскія реформы могутъ пострадать. Ревниво-властное патріаршество, мятежные стрѣльцы, крамольная Софія, общее недовольство нововведеніями, все это вмѣстѣ, и притомъ на подкладкѣ тогдашняго раскольничьяго ученія, что антихристъ явился въ лицѣ предержащей власти, не давало достаточной увѣренности за мирные плоды соборныхъ обсужденій, если бы предержащая власть рѣшилась къ нимъ прибѣгнуть. Найдено удобнѣйшимъ учредить „духовное коллегіумъ“: въ сущности это было просто административное мѣсто, заурядъ съ прочими коллегіями, но устройство его было удобно тѣмъ, что, избавляя отъ единоличной власти патріарха, способной и наклонной вредить неумѣстнымъ вмѣшательствомъ въ политическія дѣла, давало возможность объяснить себя возвращеніемъ къ древней формѣ соборовъ, съ которыми впрочемъ оно имѣло сходство только собирательностію своего личнаго состава. Наступили потомъ времена Меньшикова и Бирона (лучше бы ихъ не вспоминать!) съ печальною исторіею страдальчества то того, то другого изъ іерарховъ. Тутъ ли было ждать соборовъ или думать о ихъ возможности? Не болѣе удобны были и времена Екатерины, съ понадобившимся отнятіемъ церковныхъ имуществъ. Ну, а затѣмъ уже самый Синодъ сталъ преданіемъ, и чтобы прибѣгнуть къ воскрешенію старой соборной формы, оказывается необходимымъ нѣкоторое мужество, котораго однако никакъ не наступаетъ, нужды нѣтъ, что вся опасливость основывается единственно на смутномъ преданіи, идущемъ изъ временъ Петра и Анны, съ которыми мы давно не имѣемъ общаго.

Digitized by Google

Расколъ между тѣмъ развивается своимъ порядкомъ, успѣлъ сложиться въ плотное цѣлое! Послѣ безплодныхъ попытокъ къ уничтоженію мѣрами государственной строгости, принимается наконецъ противъ него послѣднее средство: единовѣріе, но и эта дверь примиренія, открытая смущающимся, принимаетъ въ себя слишкомъ немногихъ, благодаря тому именно, что соборное запрещеніе снимается безъ равносильно соборнаго разрѣшенія.

Молоканство съ духоборчествомъ и прочими примыкающими сектами тоже не устаютъ распространяться. Почему? Потому же опять, что богослуженіе утомительно продолжительное, не исполняемое въ точности самими служащими, представляется ищущему живой вѣры, но необразованному, люду безсмысленнымъ сборомъ заклинаній, и нѣтъ власти, которая бы пересмотрѣла составъ богослуженія и развязала совѣсть освобожденіемъ отъ обязанности исполнять уставъ однимъ несвязнымъ бормотаньемъ.

Наконецъ, все мыслящее общество, развѣ и оно не отожествляетъ случайный, временный обрядъ съ самимъ содержаніемъ вѣры? Развѣ и оно не отталкивается отъ церкви лѣсомъ формулъ, давно утратившихъ свой живой смыслъ, хотя несомнѣнно имѣвшихъ свое разумное историческое происхожденіе? Развѣ и оно не обвиняетъ церкви въ поклоненіи чистой внѣшности, въ потворствѣ не осмысленной силѣ, въ противодѣйствіи возвышеннымъ стремленіемъ духа, направляющимся къ упроченію свободы и счастія человѣчества? И кто же ихъ разувѣритъ! Отдѣльные ли мыслители, пусть даже богословы, которые однако ни въ какомъ случаѣ не выражаютъ голоса церкви, то есть всѣхъ вѣрующихъ? Церковная ли власть? Но въ томъ-то и дѣло, что церковь представляется для многихъ властью, а не вѣрованіемъ, обязательными формулами, а не истиной, говорящею убѣжденію.

Иностранная же печать, въ свою очередь, цѣлыя двѣсти лѣтъ не устаетъ обвинять насъ въ цезаропапизмѣ. Всѣ мы, русскіе, знаемъ, что это обвиненіе нелѣпо, но тѣмъ не

Digitized by Google

менѣе и намъ одинокія личности Запада, рѣшающіяся признать истину Востока, кажутся такимъ же невѣроятнымъ чудомъ, какимъ невѣроятнымъ ослѣпленіемъ представляются онѣ Западу. Мы знаемъ, что если синодальная бумага начинается словами: „по указу его императорскаго величества," иль даже богослужебная книга начинаетъ указаніемъ на то же высочайшее повелѣніе (а не такъ давно то же было даже на антиминсахъ), это есть не болѣе какъ приказная формула. Но иностранецъ этого не понимаетъ, и придаетъ формулѣ существенный смыслъ, воображая, что въ нашей церкви и богослуженіе и даже догматы истекаютъ изъ государственной власти. Ложно понимаемый порядокъ назначенія епископовъ, способъ назначенія членовъ въ святѣйшій синодъ, полномочіе, дарованное оберъ-прокурорамъ останавливать дѣйствіе синодальныхъ опредѣленій, конечно, менѣе всего способны разбить сомнѣнія, или точнѣе сказать—всеобщую увѣренность иностранцевъ въ нашемъ цезаропапизмѣ. И между тѣмъ одно слово, только одно слово истиннаго церковнаго собора способно было бы разсѣять всю эту мглу недоразумѣній и возвратить нашей церкви вполнѣ подобающее ей признаніе отъ всѣхъ иновѣрныхъ.

И какъ немногое для этого было бы нужно! Не требовалось бы ни ломки учрежденій, ни на нервый разъ даже измѣненія формулъ: требовалось бы одно дозволеніе епископскихъ собраній, посвященныхъ исключительному обсужденію вопросовъ вѣры и внутренняго церковнаго благочинія, собраній, освобожденныхъ отъ всякаго вмѣшательства посторонней власти; требовалось бы по большей мѣрѣ то, что съ полнымъ довѣріемъ дозволяется даже земскимъ выборнымъ людямъ, и по вопросамъ притомъ внѣшняго благоустройства, столь тѣсно связаннымъ съ политическими. Ужели же вопросы вѣры и церковнаго благочинія признаются почвою для политическаго спокойствія болѣе опасною, чѣмъ вопросы о земскихъ налогахъ и областномъ самоуправленіи?

Тема эта слишкомъ богата, и мы не намѣрены продолжать здѣсь ея развитіе, для котораго газетные столбцы были

Digitized by Google

бы слишкомъ тѣсны. Остается сказать два слова о недоразумѣніи, которое успѣло прокрасться даже въ этотъ запросъ по двумъ великоностнымъ обрядамъ, вызвавшій настоящія размышленія. Напрасно авторъ полагаетъ, что къ упраздненію обоихъ обрядовъ необходимо соборное рѣшеніе. Лицедѣйственное чтеніе евангелія, употребляемое въ умовеніи ногъ, сколько намъ извѣстно, вовсе не принадлежитъ къ числу обрядовъ, узаконенныхъ верховною церковною властію; всякій епархіальный архіерей, повторительно преподавая въ видимомъ обрядѣ образъ смиренія, оставленный Христомъ, воленъ обойтись безъ лицедѣйствія, и этимъ, сколько мы понимаемъ, ничуть не нарушитъ своихъ каноническихъ полномочій. Иное дѣло обрядъ анаѳематствованія: это есть торжественное выраженіе церкви, и отмѣна его была бы измѣною церкви; но здѣсь впадаетъ авторъ въ ошибку другого рода: онъ неправильно понимаетъ самый обрядъ. Ему (да и не ему одному, а почти всѣмъ) кажется анаѳема карою, проклятіемъ, словомъ, какъ бы призваніемъ бѣдъ на голову анаѳематствуемыхъ. Но анаѳема того не значитъ. Церковь собирается, провозглашаетъ догматы, признаваемые ею за свои, и вмѣстѣ перечисляетъ ученія, явившіяся среди нея же и подъ ея именемъ, но ею отвергнутыя, какъ ей не принадлежащія, отложенныя, или по-гречески буквально: „анаѳема“ (отложено). Вотъ смыслъ анаѳематствованія! Въ немъ столь же мало грознаго и возмутительнаго, сколь мало было бы грозы и ужаса, если бы образованные врачи, собираясь разъ въ году, формулировали положенія, выработанныя медициною, и при этомъ въ предостереженіе перечисляли вмѣстѣ и пріемы, усвоенные знахарствомъ, но отвергаемые наукою. Общеобычный, теперешній отвратительный смыслъ слову „анаѳема“ придало средневѣковое неистовство, и притомъ не церковное, а гражданское, которое не довольствовалось простымъ отрицаніемъ отложенныхъ ученій, но находило нужнымъ вооружаться противъ нихъ еще и гнетомъ, насиліемъ, гоненіями, казнями, и самому слову анаѳема придать смыслъ ругательства. Разумѣется, этимъ нисколько не отрицается необходимость въ пересмотрѣ обряда, единодушно

Digitized by Google

недоразумѣваемаго: напротивъ, тѣмъ необходимѣе было бы соборное опредѣленіе, которое установленіемъ новыхъ, болѣе понятныхъ выраженій возвратило бы обряду смыслъ, имъ затерянный въ общемъ сознаніи. Въ томъ и задача соборовъ: для истины, всегда неизмѣнной и себѣ равной, находить въ вѣчно движущемся людскомъ словарѣ новыя выраженія, которыми бы современному сознанію точно и несомнительно передавался смыслъ образовъ, оставленныхъ перешедшими поколѣніями; современникамъ Аѳанасія назвать „существо“ или „рожденіе“ тамъ, гдѣ для современниковъ Павла достаточно было сказать: „образъ“ или „сіяніе славы“.

По поводу предложенія объ отдачѣ малолѣтнихъ преступниковъ для пріюта и исправленія на попеченіе монастырей *).

Да, если бы.... „Если бы“: вотъ чѣмъ приходится отвѣтить на пожеланіе достопочтеннаго корреспондента. Если бы монастыри, дѣйствительно, способны были доставить „кроткія утѣшенія религіи“ и „благіе примѣры“; если бы они дѣйствительно были тѣми безмятежными пристанищами, гдѣ чередуются трудъ и молитва, гдѣ царствуетъ благочиніе, гдѣ совершаются въ тиши чистые подвиги; если бы тутъ дѣйствительно проводимо было то равноангельское житіе, которое воспѣвается въ церковныхъ пѣсняхъ и повѣствуется въ четіихъ-минеяхъ,—о, тогда оставалось бы только скорѣе примѣнить эту мысль, теоретически столь здравую. Но тогда не приходилось бы даже заявлять ее; монастыри предупредили бы ее сами, и притомъ не требуя приплаты отъ общества. Они поняли бы, что всякое время имѣетъ свою злобу, и всякое задаетъ свой подвигъ; если въ палестинскихъ и ѳиваидскихъ пустыняхъ, и среди государствъ языческихъ, съ гражданскимъ закономъ рабства,

*) С. И. 5 марта, № 63.

Digitized by Google

буквальное гостепріимство и нищелюбіе было исполненіемъ евангельской заповѣди, и всякому бѣгущему изъ языческихъ порядковъ отворить запертую для міра дверь значило ввести въ пристань истинно-христіанскаго общежитія, то въ наши времена, въ христіанскихъ державахъ, принять извергаемаго обществомъ за проступки, съ тѣмъ чтобы возвратить обратно раскаявшагося и исправленнаго,—это было бы столь же достойно призванія иноческаго, какъ превратно истинному смыслу евангельской заповѣди бываетъ безразборчивое гостепріимство и милостыня. Что бывало въ древности защитою угнетенныхъ, то нынѣ зачастую принимаетъ смыслъ покровительства тунеядству и разврату. Что давалось прежде обереженіемъ отъ соблазновъ міра, въ самомъ законодательствѣ освящавшаго грѣхъ и вмѣнявшаго въ гражданскую обязанность, то нынѣ часто достигается обереженіемъ самаго міра отъ развратныхъ и порочныхъ членовъ, заражающихъ чистую нравственную атмосферу, которой одинаково желаетъ и общество, и которую становитъ для себя началомъ само государство. И въ древности, и нынѣ монастыри были прибѣжище для тѣхъ, кто не уживался съ міромъ. Но прежде христіанину трудно было и ужиться съ міромъ. Теперь не могло ли бы открыться въ монастыряхъ убѣжище тѣмъ, съ кѣмъ міръ не можетъ ужиться? А міръ не такъ худъ нынѣ, съ нимъ бы ужиться можно.

Но достопочтенный корреспондентъ знаетъ, что такое нынѣ монастыри и что такое иноки. Да ужели же онъ въ самомъ дѣлѣ не знаетъ, когда предлагаетъ свою мысль? Его страшитъ слово „тюрьма“; правда, оно страшно, но только слово: въ современномъ понятіи тюрьма уже не есть только мѣсто заточенія, но именно мѣсто исправленія; такъ оно себя опредѣлило, и если не вездѣ осуществилось, то это есть дѣло времени, дѣло недостатка покуда способовъ. Во всякомъ случаѣ, въ пріютѣ для малолѣтнихъ преступниковъ имъ лучше и они изъ него выйдутъ лучше, чѣмъ вышли бы изъ монастырей, особенно столичныхъ. Не споримъ, что въ глуши гдѣ-нибудь существуютъ монастыри, приближающіеся къ своему предначер-

Digitized by Google

танію, но то въ глуши, и уже по этому мысль о пріютѣ для столичныхъ преступниковъ къ нимъ неприложима.

Монастыри.... тюрьмы,—какъ странно стоятъ теперь эти понятія одно къ другому, и какъ странно удалились они теперь каждое отъ своихъ первобытныхъ значеній. Тюрьма теперь стала прибѣжищемъ для протестующихъ противъ современныхъ порядковъ, какъ встарь монастыри. Разумѣемъ не только протестующихъ политически; нѣтъ, зачастую къ протестующимъ слѣдуетъ причислить самыхъ обыкновенныхъ негодяевъ; иной воруетъ и намѣренно попадается, съ единственною цѣлью, чтобъ попасть въ тюрьму. Тюрьмы притомъ обращаютъ себя въ нравственно-воспитательныя заведенія, по крайней мѣрѣ, задаются этою задачею. А монастыри.... но впрочемъ что продолжать рѣчь. Достаточно сказать, что и монастыри въ свою очередь обращаются иногда въ тюрьмы; въ монастырь ссылаютъ „на покаяніе“: стоитъ замѣчанія здѣсь и то, что „покаяніе“ уложеніемъ возведено между прочимъ въ число наказаній....

О малолѣтнихъ преступникахъ и наказаніяхъ для нихъ стоило бы сказать и еще слово. Между прочимъ, кто за нихъ отвѣтствуетъ? Взрослый отвѣтствуетъ самъ за себя; такъ и должно быть и по гражданскимъ правамъ и по психологіи; онъ вполнѣ развитъ; за то и пользуется вполнѣ гражданскими правами, за то вполнѣ и отвѣчаетъ. А малолѣтній? Но за малолѣтняго, по здравой послѣдовательности, долженъ бы отвѣчать, между прочимъ, тотъ, на комъ лежитъ его опека. А это ведетъ къ вопросу о воспитаніи, и къ опредѣленной постановкѣ воспитательныхъ обязанностей, въ смыслѣ обязанностей гражданскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, родить—значитъ ли только бросить государству лишнія руки, да и Богъ знаетъ какъ онѣ станутъ работать,—и государство, или точнѣе всѣ сограждане должны быть и за это благодарны, а тамъ расти какъ знаешь, и выходи что ни выйдетъ. Такъ ли это? Просимъ подумать, кому есть на это охота.

Digitized by Google

По поводу рѣчи прелата Жилинскаго *).

Въ свое время мы сообщали о благосклонномъ пріемѣ, которымъ удостоенъ былъ отъ Государя Императора управляющій Виленскою римско-католическою епархіею прелатъ Жилинскій. Затѣмъ о. Жилинскій воротился въ Вильну, произнесъ рѣчь въ отвѣтъ на поздравленія, которыя, по пріѣздѣ, принесены были ему отъ подвластнаго духовенства. Всѣми газетами подхвачена была эта рѣчь и всѣми передана съ оттѣнками болѣе или менѣе яснаго удовольствія. Мы не имѣли основанія быть недовольными рѣчью достопочтеннаго прелата, но и не рѣшались передавать ее, потому что не находили достаточной ясности въ самомъ существенномъ ея мѣстѣ, которое однако именно и передавалось печатью съ особенною радостью. „Оставаясь сущимъ римско-католикомъ, можно быть настоящимъ русскимъ“. Вотъ что сказалъ о. Жилинскій, и вотъ что передавалось русскою печатью съ особенною радостью.

Радость русской печати была недвусмысленна, а провозглашеніе римскаго прелата тѣмъ не менѣе оставалось темнымъ: достопочтенный о. Жилинскій говорилъ о совмѣстимости не просто добраго подданства съ наружною принадлежностью къ католичеству, но о возможности соединить въ одномъ лицѣ сущаго католика съ настоящимъ русскимъ. Мы это не совсѣмъ понимали, и повтореніемъ выраженій, которыя, по нашему мнѣнію, не могли быть признаны иначе, какъ за двусмысленныя, не хотѣли вносить смуту въ понятія читателей; но вмѣстѣ не хотѣли преждевременными толкованіями и смущать достойныя полнаго уваженія вѣрноподданническія чувства прелата, въ которыхъ мы ни на минуту не позволили себѣ усумниться. Не хотѣлось равнымъ образомъ смущать и добродушную радость тѣхъ, которые заслышавъ рѣчь, и по мыслямъ и по языку не совсѣмъ ожиданную отъ должностнаго лица римской іерархіи, восклицали съ довольнымъ чувствомъ: „побѣда! Слышите, что говоритъ прелатъ“.

*) С. И. 6 марта, № 64.

Digitized by Google

Не смотря на свою неясность, изреченіе прелата было однако живо подхвачено духовенствомъ, подвластнымъ достопочтенному о. Жилинскому: изъ разныхъ деканатовъ Виленской епархіи полетѣли къ о. Жилинскому адресы, въ которыхъ адресанты все точно такъ же исповѣдывали себя „сущими римско-католиками и вмѣстѣ настоящими русскими“. Одна и та же фраза перестанавливалась на разные лады; но мысль, сознаемся, оставалась для насъ въ прежней темнотѣ, не смотря даже на такія выраженія, раздававшіяся въ видѣ патріотическаго изъявленія: „святая Россія“.—Святая Россія! Что же это такое? спрашивали съ недоумѣніемъ нѣкоторые изъ подлинныхъ, „настоящихъ русскихъ“ чистой крови; мы слыхивали слово „святая Русь“, но святой Россіи не слыхали, и должно быть она значитъ что-нибудь другое, намъ доселѣ невѣдомое.

Съ удовольствіемъ можемъ теперь извѣстить недоумѣвавшихъ, что смыслъ, нѣсколько странный и не совсѣмъ вѣроятный, начинаетъ теперь разъясняться. Предъ нами адресы оо. прелата Александра Витинскаго и каноника Людвига Здановича. Оба поименованныя лица, въ хоръ къ другимъ свидѣтельствуя о. Жилинскому о своихъ религіозныхъ и гражданскихъ убѣжденіяхъ, развиваютъ тоже знакомое изреченіе. „Я священникъ римско-католической церкви и съ тѣмъ вмѣстѣ русскій вѣрноподданный“, говорятъ оо. Витинскій и Здановичъ, но вмѣстѣ прибавляютъ словцо, что эти почтенныя политическія и религіозныя убѣжденія возникли въ нихъ „во исполненіе предписаній его высокопреподобія“ о. Жилинскаго къ одному изъ отцевъ отъ 6 февраля, за № 219, а другому—отъ того же числа, за № 220.

Оставляемъ вопросъ нерѣшеннымъ, всѣмъ ли деканамъ, настоятелямъ, администраторамъ и каноникамъ, разосланы такія же предписанія, хотя цыфры, изъ которыхъ состоятъ нумера предписаній, и даютъ поводъ заключать, что предписаніе повидимому объявлено циркулярно. Но это все равно. Во всякомъ случаѣ намъ пріятно извѣстить о появленіи новаго, особаго вида политическихъ и религіозныхъ убѣжденій, которыя могутъ

Digitized by Google

быть названы „убѣжденіями по приказу“, или „патріотизмомъ по циркуляру, за № такимъ-то“.

О томъ, какъ мы понимаемъ этотъ особый видъ патріотически религіозныхъ убѣжденій едва ли могутъ сомнѣваться читатели; равно не сомнѣваемся мы и о томъ, какъ читатели оцѣнятъ эти изъявленія. Но любопытно, въ какомъ смыслѣ принимаются и предписываются они самимъ ихъ первоначальникомъ о. Жилинскимъ: находитъ ли онъ въ этой разсылкѣ этихъ предписаній, и представленіи этихъ адресовъ, особенный, обязательный видъ дополнительной присяги, или что другое, и что именно?

Пространство административно-полицейской власти въ храмѣ во время богослуженія *).

Мы получили письмо о происшествіи, довольно необыкновенномъ. Оно случилось въ одномъ изъ городовъ Рязанской губ., едва ли не въ Касимовѣ, судя по нѣкоторымъ обстоятельствамъ. Впрочемъ дѣло не столько въ имени города, сколько въ самомъ происшествіи. Прошлаго 19 февраля, въ день восшествія на престолъ Государя Императора, въ городѣ этомъ одинъ изъ священниковъ говорилъ въ соборѣ проповѣдь. Но будемъ продолжать словами самого разскащика.

„Среди проповѣди, мѣстный, недавно опредѣленный исправникъ, услышавъ изъ устъ проповѣдника слова: Каракозовъ, Березовскій, Сусанинъ и Коммиссаровъ, вбѣжалъ въ алтарь и смутивъ своимъ внезапнымъ появленіемъ все духовенство, слушавшее со вниманіемъ умную проповѣдь, обратился къ протоіерею съ вопросомъ, была ли въ цензурѣ произносимая проповѣдь. Когда протоіерей отвѣтилъ, что была, исправникъ, замѣтивши, что въ проповѣдяхъ не должно упоминать о Каракозовѣ и Березовскомъ, какъ о лицахъ, дѣйствовавшихъ противъ царя,

*) С. И. 18 марта, № 70.

Digitized by Google

полицейскимъ тономъ потребовалъ, чтобы проповѣдь, немедленно по произнесеніи, была ему представлена, и потомъ вышелъ изъ алтаря.

„Едва только окончена была проповѣдь, исправникъ снова вбѣжалъ въ алтарь съ требованіемъ проповѣди, не обращая вниманія на то, что литургія не была еще кончена и что совершавшій ее протоіерей не могъ распорядится немедленнымъ представленіемъ проповѣди. По окончаніи литургіи, предъ начатіемъ молебствія, протоіерей, видя, что исправникъ еще въ алтарѣ, вынужденъ былъ сказать проповѣднику-священнику, чтобы онъ, для избѣжанія дальнѣйшаго безпорядка и смятенія, передалъ свою проповѣдь исправнику. Исправникъ хватаетъ проповѣдь, выбѣгаетъ въ рукахъ съ нею изъ алтаря, и въ виду всей публики кладетъ проповѣдь себѣ въ карманъ съ торжествующимъ видомъ, какъ будто открывъ важный заговоръ противъ правительства.

„Послѣ обѣда, того же 19 февраля, исправникъ посылаетъ полицейскаго солдата на квартиру къ священнику-проповѣднику съ требованіемъ, чтобы онъ немедленно явился въ полицейское управленіе. Священникъ тотчасъ, какъ будто подсудимый, послѣдовалъ за солдатомъ въ полицію. Тамъ исправникъ, введя священника въ присутствіе, предъ зерцаломъ потребовалъ отъ него объясненія на тѣ мѣста, которыя имъ, исправникомъ, признаны противными правительству. Сперва исправникъ указалъ на слова: Каракозовъ, Березовскій, Сусанинъ и Коммиссаровъ, съ замѣчаніемъ, что объ этихъ лицахъ никогда не должно говорить съ каѳедры. Священникъ съ своей стороны пояснилъ, что означенныя лица часто упоминаются въ проповѣдяхъ, когда говорится о врагахъ царя и отечества, а равно и о спасителяхъ царей и указалъ для примѣра на слово протоіерея Любимова, сказанное въ день рожденія Государыни Императрицы Маріи Александровны и напечатанное въ № 24 „Рязанскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ въ 1867 году, гдѣ всѣ нечестивые безумцы, посягающіе на жизнь царя и помазанника Божія, ясно названы Каракозовыми и Березовскими.

Digitized by Google

Послѣ такого указанія священника, исправникъ замѣтно притихъ и сконфузился. Но нѣсколько ободрившись, указалъ еще на особое отдѣленіе проповѣди, которое съ важностью очертивъ ногтемъ, спросилъ: можно ли такъ писать въ проповѣди. И началъ читать.

„Великая мысль законодателя-монарха въ своемъ осуществленіи встрѣчаетъ много затрудненій и подвергается даже искаженіямъ, какъ со стороны дѣятелей неискусныхъ, такъ и со стороны народа, не всегда вѣрно понимающаго и осуществляющаго эту мысль. Конечно, дѣло монарха имѣетъ и своихъ враговъ,—какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, напрягающихъ всѣ свои силы къ искаженію, даже совершенному уничтоженію сего дѣла, и не останавливающихся предъ самыми преступными средствами для достиженія своей цѣли. Но эти затрудненія, препятствія, эта вражда противъ дѣла царева, свидѣтельствуютъ только о томъ, что оно глубоко и широко обнимаетъ жизнь и судьбы народа, и потому приводитъ въ движеніе и напряженіе всѣ, и добрыя и враждебныя народу силы; но никакія преграды не воспрепятствуютъ этому дѣлу....“

„По прочтеніи сихъ мыслей, исправникъ замѣтилъ, что онѣ совершенно направлены противъ правительства. Священникъ, доказывая противное, между прочимъ сказалъ, что прочитанныя мысли не его собственныя, а заимствованы изъ слова епископа Выборгскаго, Павла, сказаннаго въ день рожденія государя нашего, Императора Александра Николаевича въ С.-Петербургскомъ Исаакіевскомъ соборѣ 17 Апрѣля 1867 года, и напечатаннаго въ духовномъ журналѣ „Странникъ“ за апрѣль мѣсяцъ 1869 года. Тогда исправникъ, закусивъ губы, совершенно растерялся, и сталъ пріятельски прощаться съ священникомъ, отнесясь къ нему съ просьбою, чтобы онъ прислалъ ему, исправнику, вышеуказанныя печатныя слова протоіерея Любимова и епископа Выборгскаго Павла. Слова эти на другой же день были отосланы, и въ скоромъ времени въ особомъ пакетѣ обратно получены отъ исправника, вмѣстѣ съ произнесенною проповѣдью, возбудившею столько подозрѣній“.

Digitized by Google

„Тѣмъ окончилось все это дѣло,—добродушно заключаетъ разскащикъ,—дѣло съ азартомъ начатое въ соборѣ, введшее въ соблазнъ горожанъ и надѣлавшее шуму по всему уѣзду К“.

Гдѣ это случилось? Но впрочемъ опять, гдѣ бы ни случилось, важенъ случай, и не менѣе важно то, что, по добродушному выраженію разскащика, въ немъ „тѣмъ все и окончилось“. Священникъ радъ былъ, что убрался по здорову.—Однако, это есть, такъ называемое на оффиціальномъ языкѣ, „происшествіе“. Оно кончиться такъ было не должно. О подобныхъ „происшествіяхъ“, по крайней мѣрѣ въ старыя времена, бывала обязанность немедленно доносить высшему правительству, и какъ дѣло это касается, вмѣстѣ и духовнаго вѣдомства, то оно должно было дойти до центральной власти еще съ двухъ концевъ, отъ полиціи собственно, и кромѣ того отъ секретаря консисторіи. Намъ даже сомнительно, чтобы въ самомъ дѣлѣ тѣмъ и кончился такой соблазнъ, происшедшій среди бѣла дня, въ городѣ, въ торжественный день, при торжественномъ богослуженіи....

Одинокій случай, но если онъ былъ, то можетъ и повторяться. Трудно представить, чтобы исправникъ, каковы бы ни были его умственныя качества, дѣйствовалъ совершенно внѣ всякихъ полномочій, только, вѣроятно, плохо выразумѣлъ онъ свои инструкціи. И это соображеніе даетъ мѣсто выводу, который имѣетъ уже общее значеніе, касающееся не одного городка Рязанской губерніи. Оно напоминаетъ съ повторительною силою о необходимости опредѣлить болѣе точнымъ образомъ пространство административно-полицейской власти относительно совершающагося во храмахъ и притомъ среди богослуженія. Вспоминаемъ случай, бывшій третьяго года въ здѣшнемъ Казанскомъ соборѣ съ церковнымъ старостою и подавшій поводъ даже къ судебному процессу. Онъ имѣлъ менѣе важности, но ставилъ вопросъ: находился ли частный приставъ при отправленіи своихъ служебныхъ обязанностей, когда происходилъ между нимъ и старостой крупный разговоръ среди храма? Мы тогда же замѣтили, что, если положительно рѣшать этотъ вопросъ, мы заве-

Digitized by Google

демся далеко. Если на полицейскомъ чиновникѣ лежитъ обязанность наблюдать за порядкомъ среди молящихся, то гдѣ основаніе, почему бы не наблюдать ему и за порядкомъ самого служенія. А тогда получалось бы право выводить священника изъ церкви за исполненіе церковныхъ обрядовъ, могущихъ казаться неприличными. Мы предположили это какъ нелѣпость, для нагляднѣйшаго доказательства безусловной неприкосновенности храма для полиціи, не предполагая, разумѣется, чтобы когда-нибудь въ дѣйствительности могли дойти до чего-нибудь подобнаго. Но въ описанномъ (безъ сомнѣнія, вполнѣ добродушно-благонамѣренномъ) поступкѣ исправника недалеко было, чтобы совершиться именно тому, что возможно къ предположенію только какъ невозможная нелѣпость.

Полицейская власть можетъ предстоять предъ алтаремъ во время богослуженія среди другихъ вѣрующихъ, только въ одномъ съ нимъ качествѣ—молящихся. Если случай вышеписанный дойдетъ, или дошелъ уже оффиціально до высшаго правительства, нелишнее, казалось бы, послужить ему поводомъ къ подтвержденію и разъясненію этихъ предѣловъ полицейской власти путемъ законодательнымъ.

О еврейскомъ вопросѣ *).

Въ № 53 „Современныхъ Извѣстій“ мы уже касались тѣхъ трудностей, какія лежатъ на пути къ рѣшенію еврейскаго вопроса. Оказывалось, что неправильная постановка этого вопроса, не выходя изъ самой сущности дѣла, вела только къ формальному его рѣшенію, и притомъ благопріятному для однихъ евреевъ. Есть еще мнѣніе, проводимое въ статьѣ, подъ названіемъ „Книга-Кагала“, и оно ставитъ вопросъ, повидимому, на реальную практическую почву.

---

*) С. И. 29 марта, № 86.

Digitized by Google

Причины гоненій и бѣдствій, постигавшихъ евреевъ, лежатъ, говорятъ, въ самомъ іудействѣ, въ его организаціи, во главѣ которой стоитъ кагалъ. Кагалъ не признаетъ общихъ государственныхъ законовъ, имѣя въ основаніи талмудъ, дающій широкое право „личнаго благоусмотрѣнія“. Такимъ образомъ это учрежденіе имѣетъ диктаторскую власть надъ еврейской массой, вторгаясь во всѣ сферы жизни евреевъ. Онъ безапелляціонно распоряжается не только достояніемъ своихъ подданныхъ, но и самыми неприкосновенными правами человѣка, супружескими, напримѣръ, отношеніями; взамѣнъ же того подаетъ еврею права на эксплуатацію собственности христіанина, государства, чтобы только имѣть возможность задобрить угнетаемую массу за свое хищничество. И еврей, отшатнувшійся на іоту отъ предписаній такого деспота, можетъ жестоко поплатиться за свой либерализмъ.

Учрежденіе, соглашаемся, нетерпимое въ благоустроенномъ обществѣ. Но, повидимому, стоило бы только уничтожить кагалъ, и нравственность еврейскаго племени поднялась бы. Установились бы болѣе правильныя экономическія отношенія, и еврейское племя слилось бы съ кореннымъ населеніемъ въ одну стройную государственную массу.

Легко сказать, но нельзя забыть, что мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ не случайнымъ. Кагалъ представляетъ въ себѣ органически развившіяся начала іудейства. Уничтоженіе кагала, какъ представительства патріархально-деспотическаго быта, повело бы за собою и уничтоженіе самаго іудейства, какъ идеи и богоправленіи избраннаго народа. Еврей, отрѣшившійся отъ этой идеи въ практическомъ ея примѣненіи, дѣйствительно сдѣлался бы уже не столь опаснымъ членомъ общества, какъ былъ прежде по отношенію къ „неизбраннымъ“, если бы притомъ изгладились въ немъ и наслѣдственныя привычки племени. Но тогда возникалъ бы вопросъ уже не объ улучшеніи быта евреевъ, а о смерти самаго племени, чего, конечно, не хотятъ не сочувствующіе только кагалу.

Разрѣшая же вопросъ полумѣрами, протестъ противъ ка-

Digitized by Google

гала будетъ отрицать только извѣстныя его формы, перемѣнить, пожалуй, аристократическія начала на демократическія, но въ своемъ отрицаніи не дастъ, конечно, формъ принадлежащихъ иной жизни—нееврейской, да и дать не можетъ. Іудейство не можетъ быть не іудействомъ, и политическое его значеніе, измѣнивъ форму, не потеряетъ своей сущности.

По поводу преній о вѣрѣ въ Кремлѣ *).

Слишкомъ ощутительное доказательство въ преніи о вѣрѣ православнаго съ раскольникомъ. Вотъ случай, о которомъ намъ передаютъ очевидцы, котораго мы сами едва не были свидѣтелями.

Въ Кремлѣ, на горкѣ возлѣ Благовѣщенскаго собора и возлѣ дворца, какъ извѣстно, собираются ревнители разныхъ сектъ поспорить съ никоніянами, т. е. православными, о правости своихъ вѣрованій. Въ особенности эти сборища бываютъ многочисленны въ продолженіи всей недѣли Пасхи. Вчера 19 апрѣля, въ послѣдній день Свѣтлой недѣли, предъ самымъ вечеромъ произошло тамъ вотъ что: послѣдователь Ѳедосѣева толка, т. е. Преображенскаго кладбища, старецъ съ большой сѣдой бородой, въ старинной пуховой шляпѣ съ широкими полями, въ поддевкѣ, горячо доказывалъ, что настоящее время есть время антихристово. Противникомъ его былъ православный, молодой малый, въ длиннополомъ сюртукѣ, въ сапогахъ съ бураками. Оба они долго препирались, приводя въ доказательство разные тексты изъ священныхъ книгъ. Но православный не выдержалъ до конца преніе: онъ горячо наступилъ на противника съ возгласомъ:

Такъ теперь наступило время царствовать антихристу?

Наступило. Отвѣчалъ старецъ Ѳеодосіянецъ.

Наступило? Крѣпче и горячѣе кричалъ православный.

---

*) С. И. 21 апрѣля, № 107.

Digitized by Google

Наступило. Непоколебимо стоялъ на своемъ старикъ.

Такъ наступило?

При послѣднемъ вопросѣ горячій противникъ раскола заушилъ упорнаго Ѳеодосіянца. Тотъ полѣзъ было въ амбицію и протестовалъ, но толпа, окружавшая спорщиковъ, приняла въ православномъ живѣйшее участіе, заволновалась; раздались возгласы: бока отмять раскольнику. Нѣсколько ощутительныхъ толчковъ съ разныхъ сторонъ и отъ разныхъ лицъ дано было старику; шляпа съ него покатилась на земь. Онъ увидалъ, что дѣло плохо, подхватилъ свой головной уборъ, по его словамъ, нѐ оскверненный нечестивыми еллинскими изобрѣтеніями, и поспѣшилъ показать хребетъ. Толпа съ гикомъ провожала его и вскорѣ разошлась.

Дико, дико, звѣрство. Насъ случай этотъ поражаетъ до глубины души. И не нашлось ни единаго въ средѣ споривших, кто бы остановилъ и пристыдилъ эту буйную толпу; кто бы напомнилъ ей древнюю славу этихъ сходокъ, возбуждавшихъ удивленіе и почтеніе даже иностранцевъ, отдававшихъ достойную честь тому спокойствію и самообладанію, съ какимъ велись пренія, тому уваженію къ чужимъ вѣрованіямъ, которое искони было закономъ этихъ сходокъ, закономъ неписаннымъ, но тѣмъ не менѣе свято соблюдавшимся. А еще бывали тогда времена, что обнаружить себя въ расколѣ даже передъ закономъ было не безопасно, и тѣмъ не менѣе спокойствіе преній была ихъ слава, и этому спокойствію одолжены онѣ даже своимъ бытіемъ, сохранившимся черезъ всѣ невзгоды, пережитыя расколомъ, и черезъ всѣ видоизмѣненія правительственныхъ мѣръ противъ него. Было встарь, и это помнятъ многіе, помнимъ и мы еще слѣды того,—противникамъ не дозволялось, по крайнѣй мѣрѣ стыдились они сами, ограничиваться даже голыми положеніями, безъ доказательствъ. Пошло на „да“ и „нѣтъ“: но это уже былъ стыдъ, это уже не обсужденіе, это упорство безсмыслія. И въ наше-то время прибѣгать къ кулачнымъ доказательствамъ, и притомъ православному, на сторонѣ котораго и безъ того сила. Нетерпимость и фанатизмъ въ старыя времена бывали принад-

Digitized by Google

лежностью именно слѣпаго старообрядчества, и повторять православному невѣждѣ во второй половинѣ XIX столѣтія дерзкую выходку, какую позволилъ себѣ Пустосвятъ въ томъ же Кремлѣ противъ православнаго архіерея въ концѣ XVII, болѣе чѣмъ постыдно; это срамъ, которому имени нѣтъ.

Кому срамъ? Намъ кажется, болѣе всего тѣмъ, кому принадлежитъ руководительство православными. Мы должны добавить, что, по дошедшимъ до насъ слухамъ, употребленіе силы со стороны такъ называющихъ себя православными бываетъ и при другихъ преніяхъ о вѣрѣ, производимыхъ по праздничнымъ днямъ въ церкви Пятницы, въ Охотномъ ряду, правда не во время самыхъ преній, но послѣ. Послѣ бесѣды со священникомъ, ревнители раскола, говорятъ, бываютъ осаждены православными, въ особенности мясниками Охотнаго ряда, простирающими въ этихъ случаяхъ свои десницы, говорятъ, слишкомъ далеко и не умѣренно. А старообрядцы, говорятъ, особенно этому даже и радуются; до большаго, разумѣется, дойти не можетъ, но толчки и пинки даютъ имъ возможность довольно дешевой славы мученичества; вотъ-де мы какъ: и страдаемъ за свои вѣрованія. Не ручаемся, чтобы вполнѣ были справедливы эти слухи, но они очень правдоподобны, при соображеніи, что мясницкой природѣ особенно свойственны поползновенія давать рукамъ своимъ волю, и ихъ мускуламъ присуще особенно сильное стремленіе разъигрываться. Выводъ отсюда во всякомъ случаѣ просится тотъ, что бесѣды и въ Пятницкой церкви ведутся, должно быть, не съ должнымъ соблюденіемъ духа любви; что недостаточно воспитывается чувство примирительное. Еще оставляется мѣсто озлобленію, можетъ быть дается ему даже поводъ, разумѣется, ненамѣренно и неожиданно. Почтенный іерей Пятницкой церкви знаетъ, сколь много мы цѣнимъ его подвигъ собесѣдованія, и не огорчится нашимъ замѣчаніемъ, что въ предохраненіе православныхъ отъ стыда прибѣгать къ доказательствамъ вещественной силы, и въ избавленіе старообрядцевъ отъ опасности испытывать ихъ на себѣ, полезно было бы, можетъ быть, примирительными увѣщаніями сильнѣе и чаще растворять ему свою чисто состязательную бесѣду.

Digitized by Google

Эти случаи, и въ особенности вчерашній случай, прискорбны болѣе всего тѣмъ, что заставляютъ насъ опасаться за судьбу самихъ собесѣдованій. Звѣрскихъ выходокъ, разумѣется, не потерпятъ, да и терпѣть ихъ невозможно, и можетъ случиться, что предъ глазами иныхъ окажутся виноватыми самыя эти сходки, самыя эти собесѣдованія, а не эти злоупотребленія, которыя случатся, можетъ быть, въ двѣсти лѣтъ пять разъ; у насъ вѣдь многіе еще разсуждаютъ такъ:

Ужъ если зло пресѣчь,
То взять бы книги всѣ и сжечь.

А между тѣмъ именно этихъ-то собесѣдованій, этихъ-то сходокъ и должно желать въ видахъ общаго соглашенія и примиренія; но сходокъ и собесѣдованій, растворенныхъ духомъ мира, довольствующихся тѣмъ обоюдноуважительнымъ словопреніемъ, которое было исконною славою кремлевскихъ сходокъ и равною честью для обѣихъ препирающихся сторонъ.

О папской непогрѣшимости*).

Ожидаемъ, что наши богословы разберутъ подробно и по достоинству вновь подтверждаемое опредѣленіе папской непогрѣшимости. Но не можемъ не подивиться на Европу вообще, католическую въ частности, и на римскихъ богослововъ съ отцами собора въ особенности: „что возмутило васъ“? Перечитывая внимательно и анаѳемы вновь изготовленныя, и объясненія, которыя имъ предшествуютъ, не находимъ въ нихъ ничего новаго или непослѣдовательнаго. Тексты приводятся и толкуются папою неправильно; но такъ они толковались и принимались церковью римскою издавна. Соборы, въ родѣ флорентинскаго, на которые ссылается Пій IX, причисляются къ вселенскимъ незаконно; но они были, утверждали то самое, о чемъ напо-

*) С. И. 13 мая, № 129.

Digitized by Google

минается теперь новому собору, и признаніе хоть бы флорентинскаго собора вселенскимъ есть даже отличіе, отдѣляющее римскую церковь отъ прочихъ исповѣданій; этимъ она и купила себѣ право быть не только особенною церковью, но и простирать притязаніе признавать не себя отъ нихъ, а ихъ отъ себя отдѣлившимися.

Наконецъ, самый догматъ о главенствѣ папы и въ частности о непогрѣшимости, нелѣпъ, противорѣчитъ здравому смыслу, возмущаетъ нравственное чувство. Но онъ значится въ каждомъ догматическомъ изложеніи римскаго ученія, о немъ писаны цѣлые томы; изъясненія о немъ и споры изъ за него образуютъ цѣлую литературу. На томъ же флорентинскомъ соборѣ этотъ догматъ, и даже почти вплоть до XVIII столѣтія тѣмъ же догматомъ по преимуществу и жила богословская полемика двухъ западныхъ исповѣданій. „О видимой церкви“, „О невидимой церкви“, „О главѣ церкви“, „О приматѣ“ и наконецъ прямо „О непогрѣшимости папъ“: все это было главнѣйшею пищею богословской мысли, и давно успѣло перейти въ символы и символическія книги западныхъ исповѣданій, каждому въ своемъ смыслѣ. И ни одной буквы изъ того, что предлагается Піемъ IX, нельзя вынуть, не поколебавъ римскаго преданія, завѣщаннаго вѣками, завоеваннаго потоками крови, закрѣпленнаго умственнымъ напряженіемъ тысячъ и фанатизмомъ милліоновъ.

Частный выводъ не долженъ приводить въ смущеніе, когда онъ вѣренъ своему началу и всей системѣ. Способъ провозглашенія не имѣетъ важности, когда провозглашается искреннее вѣрованіе. Догматъ непогрѣшимости папской не былъ на предшествующихъ соборахъ провозглашенъ буква въ букву тѣми выраженіями, которыя предлагаются Піемъ IX; но когда буква въ букву цѣлые вѣка онъ былъ исповѣданъ римскою церковью? Когда отреченіе отъ него, при малѣйшемъ уваженіи къ здравой послѣдовательности мыслей, возможно только съ отреченіемъ отъ всего остальнаго римскаго?

Безъ непогрѣшимости папской во что же обратится главенство папское? То будетъ первенство чести, оно и было усту-

Digitized by Google

паемо Риму, еще со временъ римской имперіи: но не его требовала римская церковь, тѣмъ начался и разрывъ между двумя церквами, западною и восточною.

„Непогрѣшимость папская ограничена въ своемъ пространствѣ“. Но почему такъ? И гдѣ будутъ ея предѣлы въ области христіанскаго умозрѣнія и дѣятельности? Легче что ли признать римскаго владыку несомнѣннымъ раздаятелемъ небесныхъ благъ, подъ видомъ огульнаго отпущенія грѣховъ, нежели самовластнымъ командиромъ ученія и дѣятельности, или диктаторомъ церковнаго управленія? Правда, тамъ откладывается разсчетъ и повѣрка на будущее и незримое; здѣсь требуется примѣненіе непосредственное и осязательное. Но это значило бы только признаться въ торжественномъ, вѣковомъ обманѣ совѣстей, и вмѣстѣ кощунствѣ, но ничуть не подбавить смысла къ упорству, которое ничѣмъ не оправдывается.

„Непогрѣшимость папская ограничена условіями“. Какими, напримѣръ? Условіемъ согласія со всею церковью? Условіемъ согласія съ преданіемъ? Въ родѣ того, какъ сила индульгенцій—условіемъ истиннаго раскаянія. Но позволительно ли такъ смѣяться надъ здравымъ смысломъ? При этихъ условіяхъ, каждый христіанинъ въ отдѣльности, каждая единица въ родѣ человѣческомъ обладаетъ непогрѣшимостью, и притомъ въ чемъ угодно; и краснокожій дикарь одаренъ непогрѣшимостью въ астрономіи, „доколѣ онъ разсуждаетъ согласно съ точными выкладками науки“.

Къ сожалѣнію, отъ силы предлагаемыхъ опредѣленій соборъ не имѣетъ права убѣгать даже такими софизмами. Что же будетъ дѣлать тогда съ исторіею, этою неподкупною свидѣтельницею? Торжественныхъ событій, всѣми признанныхъ и притомъ продолжающихся доселѣ, нельзя даже ни подскоблить, ни вытравить, ни приписать къ нимъ что-нибудь, хотя такими хитростями и любили изворачиваться послѣдователи римскіе въ неблагопріятныхъ имъ документахъ. Въ IX столѣтіи восточная церковь узнала, что въ римской появилось новое ученіе, и притомъ внесено въ символъ, положенный соборно. Римская

Digitized by Google

церковь отстояла себѣ это прибавленіе, хотя оно въ нее вошло не по соборному опредѣленію, а по частному измышленію, лишь утвержденному папою, только папою, безъ согласія съ церковью, безъ соборнаго провозглашенія. Кто же тутъ непогрѣшимъ: папа? или папа съ церковью и соборомъ? И для чего же возмущаться предлагаемымъ теперь опредѣленіемъ, или же для чего, возмущаясь имъ, себя признавать римскимъ католикомъ, принадлежащимъ къ римскому исповѣданію, глава котораго папа? и для чего не возмущаться папствомъ вообще, возмущаться всѣмъ римскимъ исповѣданіемъ, въ его отличіи отъ другихъ?

Государственнымъ людямъ Европы, и всей католической паствѣ, еще извинительно повторить на себѣ служанку Мольера, до конца не догадывающуюся, что она говоритъ по французски. Но богословы, но епископы, но отцы собора.... Но даже самъ этотъ Штроссмайеръ, нашъ соплеменникъ, величаемый героемъ.... „Вы можете честить меня еретикомъ, но вы меня выслушаете до конца“: это онъ восклицаетъ на соборѣ, и Европа рукоплещетъ честности выраженія. И тотъ же Штроссмайеръ все-таки провозглашаетъ съ силою, что тѣмъ не менѣе онъ католикъ, горячій католикъ, пламенный послѣдователь римскаго исповѣданія.... Что это? Добросовѣстное самообольщеніе? Исключительное психологическое явленіе, замѣчательное живучивостью, съ какою въ той же головѣ, и притомъ развитой, и въ томъ же сердцѣ и притомъ честномъ, рядомъ укладываются во весь свой ростъ, каждое во всю свою силу, и плюсъ и минусъ. Или что другое? Въ какомъ же смыслѣ признаетъ себя римскимъ католикомъ просвѣщенный преосвященный? Любознательно бы услышать отвѣтъ.

Во всей этой высокой комедіи современнаго собора, которому еще приличнѣе пожалуй было бы придать даже Дантово названіе „Божественной Комедіи“, болѣе всѣхъ, и даже едвали не единственно, честнымъ является самъ Пій IX. Онъ искренно вѣруетъ, искренно сокрушается, послѣдовательно ставитъ вопросы, и не смущаясь требуетъ, чтобы его многомилліонная

Digitized by Google

паства и многочисленные подвластные пастыри подписались къ краткимъ итогамъ, извлеченнымъ изъ догматовъ, ими же самими столько вѣковъ торжественно исповѣданныхъ и проповѣданныхъ. Паства съ государственными людьми во главѣ оказывается предъ нимъ въ жалкомъ положеніи школьника, давно кончившаго курсъ, давно и далеко обогнавшаго свои дѣтскіе уроки, и отведшаго въ своихъ воспоминаніяхъ своему старому учителю мѣсто, лишь чтобы надъ нимъ посмѣяться вмѣстѣ съ товарищами, со старыми школьниками.... И вдругъ встрѣтившись нечаянно, вступаетъ съ ними въ бесѣду этотъ старый грозный учитель, строгій по прежнему; и не спохватившись, сробѣлъ внезапно школьникъ по старой памяти, забылъ и свой возрастъ, и свой смѣхъ....

Такова паства, таковы католическія правительства. А они, которые продолжаютъ сидѣть въ этой школѣ, и сами не хотѣли слѣзать со скамьи. Посмотримъ, чѣмъ-то еще кончатъ свое non placet „не соизволяемъ“, къ которому готовятся провозглашаемые герои собора. Въ презрѣніе къ ихнему non placet опредѣленіе все-таки будетъ провозглашено; да по существу, согласіе отцевъ и не требуется, когда папа выше собора; хотя бы и всѣ не соизволили, положеніе нискольно не измѣняется, догматъ станетъ на свое мѣсто, куда ему нужно. А они, не согласные и не соизволяющіе? Поѣдутъ на свои епархіи, къ старымъ своимъ обязанностямъ, какъ ничего не было? Убѣдятся ли они что ли съ той минуты, какъ догматъ будетъ провозглашенъ, и только потому, что онъ будетъ провозглашенъ? Счастливая способность убѣждаться ничѣмъ!—Или невѣріе ихъ въ папскую непогрѣшимость останется при нихъ?—Одно положеніе красивѣе другого, и любопытно, какою еще психологическою диковинкою разродится эта задача, которую сами себѣ задали эти досточтимые ослушники святаго папскаго престола....

Digitized by Google

Соборъ въ Римѣ*).

Бываютъ иногда сумашествія у людей, кажущихся умными, иногда даже между цѣлыми поколѣніями: вотъ заключеніе, къ которому приводитъ насъ зрѣлище собранія епископовъ въ Римѣ, извѣстнаго подъ именемъ вселенскаго собора.

„Наитіе Святаго Духа, видимо, начинаетъ ощущаться на соборѣ“, говоритъ благочестивая римская газета „Unita Cattolica“ (Католическое Единство), и прибавляетъ въ подтвержденіе: „оппозиція съ каждымъ днемъ уменьшается“. Не получая этой набожной газеты прямо, заимствуемъ ея отзывъ изъ другихъ изданій, и потому лишены возможности засвидѣтельствовать, съ тою ли же послѣдовательностью и съ тою ли же внимательностію къ видимымъ указаніямъ Духа Божія провозглашала она и оскудѣніе благодати на соборѣ, когда одинъ за другимъ спѣшили записываться епископы-оппоненты на произнесеніе рѣчей, противныхъ желаніямъ папы и его большинства.

Но оставимъ набожную газету съ ея кощунственными восклицаніями, хотя одни эти восклицанія могли бы достаточно свидѣтельствовать объ умопомѣшательствѣ извѣстныхъ лицъ ультрамонтанской партіи (потому что въ намѣренномъ кощунствѣ нельзя же заподозрить благочестивую газету). Оставимъ въ сторонѣ и невѣрность самыхъ данныхъ, на которыхъ основывается ея восклицаніе. Оппозиціи запрещено говорить на соборѣ—вотъ откуда уменьшеніе оппозиціи; довольно; потѣшились; пренія прекращены, и болѣе сорока отцевъ, готовившихся было собирать лавры либерализма на соборѣ и сочувственные адресы отъ своихъ соплеменниковъ съ родины,—эти сорокъ епископовъ слишкомъ пусть поберегутъ свое краснорѣчіе до болѣе удобныхъ временъ и мѣстъ. Такъ рѣшено на соборѣ; въ этомъ особомъ способѣ содѣйствовать проявленію божественной силы уменьшеніемъ оппозиціи, если сопоставить его съ восклицаніемъ ультрамонтантской газеты, можно бы находить тоже достаточный поводъ къ изслѣдованію здраваго состоянія умственныхъ и вся-

*) С. И. 30 мая, № 146.

Digitized by Google

кихъ другихъ душевныхъ способностей у лицъ, причастныхъ собору, включая сюда огульно и самихъ отцевъ, руководителей собора, и сочувствующихъ имъ публицистовъ. Но не останавливаясь на мелочахъ и частностяхъ, возьмемъ вопросъ общій и въ его крупномъ видѣ: что такое самый соборъ и что такое его большинство?

На церковномъ соборѣ, цѣлью котораго предполагается провозглашеніе истины, независящей отъ мѣста, времени и личныхъ пожеланій, вкусовъ и мнѣній, принимается въ расчетъ большинство, дается ему значеніе. Не дико ли?

Разсуждается на соборѣ о папской непогрѣшимости и притомъ безусловной, независимой ни отъ собора, ни отъ клира въ полномъ его составѣ, ни отъ всего состава вѣрующихъ. Утверждается, что если бы весь міръ, и со всѣмъ теперешнимъ соборомъ включительно, убѣжденъ былъ, что папа можетъ ошибаться, папа остается все-таки безошибочнымъ, и для того, чтобы провозгласить это, созывается соборъ и допускаются пренія. Не есть ли это верхъ нелѣпости?

Для чего соборъ, когда достаточно одного папскаго слова, чтобы провозгласить истину? Зачѣмъ пренія, когда всѣ недоумѣнія рѣшены впередъ и неопровержимо? Что будетъ значить самое это постановленіе, которое объявитъ собственную силу ничтожною? Да наконецъ, что такое и всѣ бывшіе соборы, къ которымъ однако не упускаетъ взывать и самъ папа и всѣ отцы разныхъ цвѣтовъ, когда вся истинность соборовъ держится, покуда они только служатъ вѣрнымъ отголоскомъ папы?

И однако съ важнымъ видомъ благовѣствуетъ самъ папа: не шутя препираются епископы; вся католическая Европа, въ лицѣ своихъ правительствъ, съ почтительностью относится къ собранію и его будущимъ постановленіямъ, ни мало не показывая вида, и даже дѣйствительно не догадываясь, повидимому, о всемъ комизмѣ разыгрываемой сцены; вся періодическая заграничная печать, наконецъ, прислушивается внимательно къ преніямъ, и наполняетъ столбцы исторіею собора, не скучая ими сама и не боясь, какъ видится, возбудить скуку и въ читателяхъ.

Digitized by Google

Со стороны правительствъ еще понятно, что они сохраняютъ важный видъ; массы невѣжественны; духовенство многочисленно; практическій вопросъ о будущемъ отношеніи государства къ нему послѣ собора можетъ отозваться не комически на общественномъ спокойствіи. Не дивно и положеніе папы. На старости, ему позволительно было бы воспользоваться зрѣлищемъ даже для забавы, благо находится довольное число почтенныхъ личностей, съ благоговѣніемъ готовыхъ принять на себя предъ всѣмъ свѣтомъ роль историческихъ шутовъ. Но положеніе печати непростительно, а положеніе епископовъ непостижимо. Какъ же не найдется ни одного пера, достаточно свободнаго во всей западной Европѣ, не только католической, но даже протестантской, которое бы догадалось выставить на видъ всю эту безсмыслицу,—не папскихъ притязаній самихъ въ себѣ—но безсмыслицу намѣренія утверждать ихъ посредствомъ соборнаго опредѣленія, этими же самыми притязаніями объявляемаго лишеннымъ всякой силы?

Какъ не стыдно наконецъ, что изъ всѣхъ католическихъ епископовъ, въ числѣ которыхъ столько есть лицъ высоко образованныхъ и исполненныхъ внутренняго достоинства, не находится ни одного, кто бы понялъ всю унизительность положенія, которое ими, въ качествѣ членовъ собора, а тѣмъ болѣе въ качествѣ ораторовъ оппозиціи, принимается на посмѣяніе вѣкамъ?

Но историческая слѣпая привычка, должно быть, сильнѣе самыхъ ясныхъ указаній самаго простаго здраваго смысла. Для всего состава образованныхъ людей въ Европѣ, такъ называемой интеллигенціи, и притомъ безъ различія католической, протестантской и даже совсѣмъ невѣрующей, папы и папство не перестаютъ быть величинами дѣйствительными; для однихъ, въ силу положительнаго, хотя и совершенно темнаго, почти мистическаго, уваженія къ признанному главѣ церкви; для другихъ, въ силу столько же темнаго чувства ненависти, исторически воспитанной долгою борьбою. Ни тѣ ни другіе не могутъ побѣдить въ себѣ страха къ силѣ, которая въ существѣ давно обратилась въ призракъ и продолжается лишь въ ихъ вообра-

Digitized by Google

женіи, и притомъ не провѣренномъ ни указаніями опыта, ни указаніями здраваго смысла. Смѣясь, негодуя, отрицая, одни болѣе, другіе менѣе, но всѣ единодушно, тѣмъ не менѣе единодушно всѣ испытываютъ стѣсненіе, и сами этимъ создаютъ и поддерживаютъ силу, которая на дѣлѣ давно перестала быть, какъ давно отвергается и ихъ внутреннимъ убѣжденіемъ.

Жалкое положеніе умовъ, жалкое положеніе властей! А тѣмъ болѣе жалкое положеніе свободомыслящихъ епископовъ, которые даже въ искренно сочувствующихъ себѣ не могутъ разсчитывать на дѣятельную поддержку. Положеніе, которому, по его внутренней лжи, трудно было бы найти подобное.

О замѣщеніи священнослужительскихъ вакансій *).

Слишкомъ много разъ приходилось намъ касаться этого вопроса, и все отвѣтъ нашъ будетъ одинъ: изволеніе прихожанъ есть первое и единственно-правильное основаніе къ замѣщенію священнослужительскихъ вакансій.

Намъ говорятъ, что въ тверской епархіи священнослужительскія мѣста раздаются по достоинству; вѣримъ, потому что знаемъ и личный характеръ, и достоинство воззрѣній, и образъ жизни тверскаго архипастыря Саввы. Тверь предлагается другимъ епархіямъ въ образецъ: но корреспондентъ не договариваетъ, способъ ли назначеній на священнослужительскія мѣста, или личныя качества архипастыря ставятся въ образецъ. Повидимому первое. Но корреспондентъ не доглядываетъ: чтобъ отъискать, предложить и назначить достойнаго, необходимо желаніе и способность искать и умѣнье цѣнить. Безъ этого восхваляемый способъ на простой языкъ переводится такъ: назначеніе на священнослужительскія мѣста должно быть всецѣло и исключительно зависимо отъ епархіальнаго произвола. Не знаемъ, какъ кто, но мы еще не находимъ здѣсь ручательства,

*) С. И. 26 іюня, № 173.

Digitized by Google

что будутъ попадать мѣста только достойнымъ. Всякому прирожденна способность ошибаться; не всѣ обладаютъ и одинаковыми нравственными качествами. Чѣмъ болѣе какое-либо дѣло застраховано отъ личнаго произвола, тѣмъ лучше; и чѣмъ склоннѣе власть, какая бы она ни была, церковная или гражданская, прибѣгать къ постороннему нравственному содѣйствію и подкрѣплять себя совѣтами и указаніями другихъ, тѣмъ несомнѣнно-благодѣтельнѣе плоды.

Корреспондентъ къ тому клонитъ, повидимому, чтобы признать мѣркою достоинства основною учебный аттестатъ; онъ говоритъ съ горечью о пропадающихъ 12-лѣтнихъ трудахъ, разумѣя очевидно 12-лѣтній курсъ ученія. Епархіальный архіерей по этому воззрѣнію долженъ быть простымъ бухгалтеромъ, считать годы старшинства, истекшаго со времени какъ вышелъ духовный воспитанникъ изъ семинаріи, и сличать нумера, подъ которыми значатся безмѣстные кандидаты въ учебныхъ спискахъ, на какой кто сидѣлъ скамьѣ въ школѣ, на первой или на второй. Сила права въ назначеніи на мѣста чрезъ это переходитъ къ ректору семинаріи, пожалуй—ко всему семинарскому правленію (разницы немного). Можно привести для этого пока и примѣры въ основаніе. На этомъ началѣ зиждется цѣлое исповѣданіе, протестантское. Тамъ, въ самомъ дѣлѣ, и не нужны священники, а только учителя; пасторы и называются докторами, да и епископства у нихъ нѣтъ. А у насъ существуютъ епископы, и не по одному наименованію; и іерархическое значеніе епископовъ среди прочихъ степеней священства не тѣмъ въ катехизисѣ опредѣляется, чтобы архіерей былъ прикащикомъ учебнаго заведенія (во что бы онъ, при одобряемомъ способѣ, обратился). Священникъ у насъ тоже не есть только учитель, а проповѣдникъ. И что̀ наконецъ за мѣрка учебные успѣхи и даже ученическое поведеніе? И что за авторитетъ—свидѣтельство ректора и учителей? На нашъ взглядъ, и съ нами согласятся очень многіе, часто стоитъ болѣе предпочесть совсѣмъ неученаго, но благоговѣйнаго пастыря, и иная протекція даже, такъ называемая, предпочтительнѣе аттестата. Найдутся люди,

Digitized by Google

столько развитые и просвѣщенные, что получше цѣлаго десятка семинарскихъ ректоровъ, оцѣнятъ не только нравственныя и умственныя способности кандидата во священство, но даже его учебные успѣхи.

Но протекція возмутительна; согласны, потому что большею частью пользуются ею дѣйствительно только недостойные. А если изъ двухъ, равно достойныхъ, одинъ, кромѣ своихъ извѣстныхъ достоинствъ, имѣетъ еще за себя и постороннее одобреніе,— кого предпочесть? Такимъ образомъ, и это осужденіе на протекціи никакъ не можетъ быть провозглашено безусловно.

Согласимся однако, и осудимъ безусловно протекціи, осудимъ еще строже и обычай давать священническія мѣста въ видѣ приданаго невѣстамъ. Наконецъ, разразимся всѣми громами противъ взяточничества архіерейскихъ секретарей, которое дѣйствительно продолжается, и въ очень наглыхъ, говорятъ, видахъ. Просимъ подумать корреспондента: да чѣмъ же и могутъ быть упразднены и недостойныя протекціи и мѣста-приданныя, и секратари-взяточники, какъ не тѣмъ же однимъ возвращеніемъ къ истинно-правильному способу назначенія, основанному на примѣрѣ апостольскаго времени. Эти неправильности и злоупотребленія упразднятся сами собою; они будутъ невозможны.

„Но заручныя тоже берутся и даются съ злоупотребленіями“.—Несомнѣнно. Но этимъ законность самого начала не отмѣняется, становится только вопросъ о его примѣненіи.— „Теперь не то, что во времена апостольскія: смотрите, какая паства, она за ведро вина будетъ одобрять кого угодно“: такъ вы разсуждаете, и заключаете: стало быть къ этому способу прибѣгать не слѣдуетъ. Потому что онъ негоденъ случайно, или негоденъ существенно? Послѣдняго вы не осмѣлитесь утверждать. А если этотъ способъ только случайно негоденъ, отъ временныхъ обстоятельствъ, а въ существѣ единственно правиленъ и несомнѣнно благотворенъ, то надобно не бѣжать отъ него, а идти къ нему, изыскивая лишь средства къ устраненію тѣхъ случайностей, тѣхъ временныхъ помѣхъ, которыя не даютъ прихожанамъ возможности судить здраво о потребномъ имъ

Digitized by Google

пастырѣ. Такъ и ставьте вопросъ: чѣмъ достигнуть, чтобы избраніе на степени священства возвратилось къ порядку временъ апостольскихъ. И чѣмъ достигнуть, чтобы паства пріобрѣла навыкъ и способность оцѣнивать, находить и правильно предлагать потребныхъ себѣ пастырей. Угодно: будемъ разсуждать. Или, можетъ быть, причисляется это къ совершеннымъ невозможностямъ? „Наши времена худы, и нравы злы, ну, такъ имъ и быть; не ихъ станемъ исправлять, а къ нимъ будемъ примѣняться“.—Вотъ хорошъ былъ бы отвѣтъ.

Мѣры къ ослабленію раскола*).

Въ отдѣлѣ Разныхъ Извѣстій читатели найдутъ замѣтку отца Пафнутія (обратившагося изъ раскольниковъ). Въ мѣрахъ, отцомъ Пафнутіемъ предлагаемыхъ къ искорененію раскола, мы находимъ одну, заслуживающую особеннаго вниманія и полнаго одобренія. Отецъ Пафнутій предлагаетъ, чтобы въ единовѣрческихъ церквахъ употребляемы были безразлично и старыя и новыя книги. Не говоря уже о практическомъ значеніи этой мѣры въ смыслѣ облегченія старообрядцевъ къ полному соединенію съ православными (къ чему, какъ справедливо замѣчаетъ отецъ Пафнутій, само собою давалось бы средство неизбѣжнымъ сличеніемъ однихъ съ другими),—этимъ засвидѣтельствовалась бы та истинная свобода, съ какою смотритъ церковь на обрядъ самъ въ себѣ, помимо его значенія. Такой или другой обрядъ все равно: дѣло въ мысли, которая въ немъ заключена, и смотря по которой онъ принимается или отвергается—или согласный со вселенскою вѣрою, или ей противный. Таково общее положеніе; случайныя обстоятельства, и именно этотъ самый расколъ старообрядства послужилъ болѣе всѣхъ къ тому, что въ русской церкви и ея служебныхъ книгахъ принята была на нѣкоторое время исключительность. Отъ разнообразія, которое разъ

*) С. И. 7 октября, № 276.

Digitized by Google

уже повело къ расколу, естественно было іерархіи опасаться и еще расколовъ, особенно при той темнотѣ народной, для которой буква пока все. Можетъ быть теперь и было бы благовременно ступить шагъ отъ этой исключительности и открыть дверь для будущей свободы, еще болѣе широкой.

Почему бы въ самомъ дѣлѣ не сдѣлать въ видахъ примиренія даже болѣе, чѣмъ предлагаетъ отецъ Пафнутій? Не дозволить нѣчто и для православныхъ храмовъ изъ употребляемаго въ единовѣрческихъ? Вопросъ объ этомъ уже поднимался и становился такъ: почему, если единовѣріе тоже православіе, не дозволить православному храму и священнику, что позволяется единовѣрческому? Понятно, что это есть вопросъ о правѣ перехода изъ, такъ называемаго, православія въ единовѣріе. Мы употребляемъ слово „такъ называемаго", потому что въ сущности и то и другое одинаково православіе. Отрицательный отвѣтъ дается соображеніями смотрительными, скажемъ мы, выражаясь языкомъ старыхъ книгъ и рукописей; или переведя это слово съ греческаго (oekonomikos) другимъ, ближе понятнымъ нашему времени,—дается соображеніями удобства мѣстнаго и временнаго. Эта свобода, это право, сами по себѣ ничего не заключающія противуцерковнаго и противувѣрнаго, могутъ повести къ соблазну и къ отпаденію при недостаточно еще утвердившемся народномъ смыслѣ. Слѣдуетъ, стало быть, снизойти къ нему, оказать уваженіе къ его немощи и избавить его отъ искушенія за разнообразіемъ обряда находить поводы къ уклоненіямъ въ самой вѣрѣ. Необходимо смотрѣніе, говоря языкомъ древнихъ, снисхожденіе (oekonomikos, synkatabaseis). Слѣдовательно, задумывать о дозволеніи или узаконеніи полнаго безразличія въ старыхъ и новыхъ обрядахъ еще рано.

Но почему не ступить одинъ небольшой шагъ? Въ одной изъ недавнихъ статей, помѣщенныхъ у насъ, г. М. познакомилъ насъ съ трудомъ отца Боголюбскаго, и съ выводами, къ которымъ пришелъ ученый отецъ, что псалтирь новаго перевода въ нѣкоторыхъ мѣстахъ редакціею уступаетъ іосифовской. Лично можемъ прибавить, что это и не съ одною псалтирью. Вос-

Digitized by Google

пользуемся правильными чтеніями старыхъ книгъ и притомъ гласно. Предпримемъ съ этою цѣлью новое исправленіе и притомъ на виду. Въ печальный періодъ наибольшей силы раскола и въ періодъ его фанатизма особенно избѣгали этой гласности, и къ самымъ исправленіямъ приступали послѣ Никона съ крайнимъ трудомъ и именно всегда не гласно. (Исключеніе представляетъ лишь Елисаветинская библія). Причины понятны и уважительны: онѣ были тѣ же, чтобы не волновать снова темный людъ, чтобы не возродить новый расколъ изъ тѣхъ самыхъ, которые стоятъ въ оградѣ церкви, но которые не возвысились еще до различенія духа отъ буквы.

Въ духѣ примиренія и въ настоящее притомъ время можно поступить обратно: и даже должно бы, по нашему мнѣнію, даже необходимо и спасительно. Новый пересмотръ книгъ; трудится цѣлая коммиссія ученыхъ, священниковъ, богослововъ, знатоковъ старины, въ томъ числѣ и самихъ старообрядцевъ; сличаетъ изданія книгъ новопечатныхъ и старопечатныхъ; старопечатныя съ самими собою и съ рукописями; открываетъ источники редакцій; смотритъ подлинный греческій текстъ, проводитъ и по нему тѣ сличенія; обращается къ исторіи языка и исторіи обряда; ищетъ начала спорнымъ обрядамъ и спорнымъ чтеніямъ. И все это съ этою цѣлью, торжественно заявленною: положить конецъ пререканіямъ; доказать вполнѣ, подробно и ощутительно, гдѣ кончается дѣло времени и мѣста, и гдѣ начинается вѣчная истина и право, уклоненіе отъ которыхъ будетъ ересью и расколомъ; а отсюда и вывести какъ свѣтъ Божій ясно, гдѣ и какія въ чемъ уклоненія отъ однообразія могутъ, изъ уваженія къ мѣстнымъ удобствамъ и немощной совѣсти, быть терпимы, безъ пререканія единству вѣры и церкви, и притомъ безъ различія, называетъ ли себя тотъ приходъ единовѣрческимъ, или православнымъ общероссійскимъ.

Начать можно было бы по частямъ съ того, что несомнѣнно ясно; и даже бы сейчасъ повидимому могли быть даны нѣкоторыя дозволенія, и сняты нѣкоторыя ограниченія въ свободѣ чтеній и обрядовъ. А дѣлу примиренія это помогло бы много.

Digitized by Google

О сближеніи духовенства съ обществомъ *).

Отъ г. М—ъ, разъ уже доставившаго черезъ насъ публикѣ извѣстіе о занятіяхъ здѣшняго Общества любителей духовнаго просвѣщенія, получили мы свѣдѣнія о преднамѣреваемомъ преобразованіи Общества, при чемъ г. М—ъ предлагаетъ и свои соображенія, въ видахъ благожелательныхъ цѣли, которой Общество любителей себя посвятило.

Сблизить духовенство съ остальнымъ обществомъ, поставить то и другое въ болѣе тѣсную нравственную связь: такова, говоритъ, какъ мы видимъ, г. М—ъ, была между прочимъ самая цѣль, съ которою установилось Общество любителей, и этой же, между прочимъ, цѣли надѣется самъ г. М—ъ помочь своими предположеніями. Представимъ объ этихъ предположеніяхъ въ частности разсуждать и оцѣнивать ихъ самому Обществу и его любителямъ духовнымъ и свѣтскимъ, но цѣли вообще нельзя не сочувствовать. Это средостѣніе, до сихъ поръ существующее между этими двумя мірами, чисто клерикальнымъ и чисто мірскимъ (мірянскимъ яснѣе назвать), невыгодно дѣйствуетъ отчасти и на общество, толкая его насильно по одностороннему пути развитія, и едва ли еще не болѣе—на самый клиръ, отнимая у него нравственную возможность дѣйствовать на общество. А этимъ вѣдь подрываются самыя основанія его бытія! Духовенство чувствуетъ это, но большинство его выводитъ отсюда совсѣмъ противоположныя заключенія. Оно видитъ, что нравственное водительство выпало изъ его рукъ. Вмѣсто того, чтобъ изъяснить положеніе исторически, и этимъ извинить себя; вмѣсто того, чтобы признать ложь въ раздвоеніи, какимъ почти двѣсти лѣтъ ношло наше общественное развитіе, и которое воплотилось даже въ особыхъ системахъ воспитанія и, наконецъ, даже въ сословномъ раздѣленіи,—большинство духовенства, напротивъ, порывается пріискать настоящему положенію разумныя основанія; случайное, и притомъ ложное и вредное явленіе

*) С. И. 25 октября, № 294.

Digitized by Google

принимаютъ за неотъемлемую принадлежность самаго существа, и боятся, что снятіемъ шелухи повреждается зерно. Изъ этого главнаго недоразумѣнія выходитъ цѣлый рядъ частныхъ послѣдствій въ умозаключеніи, гибельныхъ именно для самихъ же представителей церкви.

Возьмемъ для примѣра хотя вопросъ о содержаніи причтовъ. Кто изъ духовныхъ не желалъ бы сѣсть на жалованье отъ государства? Мысль о томъ, чтобъ содержаться отъ приходовъ по прежнему, возбуждаетъ отвращеніе. Совершается обратное, и повидимому окончательно непонятное отношеніе, по совершенной противоположности тому, что видимъ вездѣ. Въ привислянскихъ губерніяхъ католическое духовенство, безъ сомнѣнія, плачетъ про себя, что ему пришлость сѣсть на жалованье; нужна была особенная даже рѣшимость и не дюжинное искуство въ управленіи, чтобъ совершить въ царствѣ Польскомъ этотъ переворотъ. А у насъ плачутся на оборотъ: почему не превращаются въ чиновниковъ, получающихъ жалованье? Непонятно? А между тѣмъ выходитъ очень просто: въ русскомъ духовенствѣ это есть собственнымъ сознаніемъ засвидѣтельствованная утрата духовнаго вліянія. Разумѣется, по этому случаю винятъ самый же народъ, смѣшивая причину съ послѣдствіями, и забывая, что тотъ же народъ содержитъ свое священство въ старообрядствѣ; что тѣмъ же народомъ питаются православные монастыри; наконецъ, потребуетъ ли себѣ внѣшняго, и притомъ казеннаго подкрѣпленія католическое духовенство, еслибъ его впустить и дать полную свободу проповѣди? Нравственная связь потеряна, и осталась одна внѣшняя; духовенство отлучено отъ народа; отлученіе совершено историческимъ переломомъ, и за тѣмъ поддержано законодательными мѣрами, укрѣплено различіемъ быта и воспитанія. Слѣдовало бы идти именно на разрушеніе этихъ стѣнъ бытовыхъ и законодательныхъ; нѣтъ, говорятъ (и находятся на это даже умные люди изъ духовенства), что духовное лицо по существу совсѣмъ даже и не есть прирожденный учитель, что онъ есть отправитель требъ; является добродушное забвеніе понятій о пастырствѣ, и мольба о томъ, чтобы видѣли

Digitized by Google

въ немъ простую, внѣшнюю, механическую силу, распорядителя, становаго пристава, вообще извѣстное колесо въ государственной машинѣ.

Рядъ послѣдствій безконеченъ; недоразумѣніе сопровождаетъ каждый шагъ и каждое отношеніе, какимъ соприкасается съ клиромъ общество и государство: встрѣчаются цѣлыя двѣ системы, одна другую не понимающія, разсуждающія противоположно, и каждая именно по чужому кодексу: общество и отчасти государство хочетъ судить о клирѣ съ церковной точки зрѣнія, подходитъ къ нему отсюда, придумываетъ и предлагаетъ мѣры, а тотъ судитъ о себѣ, какъ бы судило государство о собственныхъ служителяхъ, изъявляетъ неудовольствіе и отказывается понимать, когда съ нимъ говорятъ иначе.

Digitized by Google

1871 ГОДЪ.

Объ отношеніи Священнослужителей къ епархіальному начальству *).

Ниже, подъ рубрикою „Мѣстныхъ Извѣстій“, со словъ корреспондента „Русской Лѣтописи“, разсказывается исторія изъ владимірской епархіальной жизни, принадлежащая къ разряду такъ называемыхъ „происшествій.“ Не станемъ здѣсь повторять ее подробно, тѣмъ болѣе, что она длинновата. Сыръ-боры загорѣлись изъ за того, что нѣсколькихъ учениковъ не приняли въ семинарію, по неудовлетворительно выдержанному испытанію; тѣ обратились съ просьбою въ епархіальный съѣздъ; на епархіальномъ съѣздѣ, въ лицѣ священника Воскресенскаго, нашелся имъ горячій защитникъ, сумѣвшій произнести такую рѣчь, что семинарское начальство догадалось оскорбиться. Семинарское начальство подаетъ жалобу на священника Воскресенскаго за оскорбительную рѣчь; священникъ Воскресенскій подаетъ жалобу на ректора семинаріи, что тотъ ему въ олтарѣ произнесъ (уже послѣ рѣчи) оскорбительныя выраженія. Архіерей надѣется уладить дѣло миромъ и вызываетъ съ этою цѣлью Воскресенскаго на келейную бесѣду. Священникъ не соглашается на миръ; разглашаетъ потомъ о содержаніи келейной бесѣды; а тамъ кто-то подхватываетъ и передаетъ въ „Петер-

*) С. И. 5 января, № 4.

Digitized by Google

бургскія Вѣдомости". Тогда возмущается уже архіерей; начинается консисторскій судъ надъ нескромностью священника и преслѣдованіе.

Корреспонденты „Русской Лѣтописи" и „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" берутъ сторону о. Воскресенскаго, это само собою разумѣется: нынѣ генералы и архіереи не находятъ адвокатовъ въ печати, но не въ этомъ дѣло. О. Воскресенскій въ существѣ и не заслуживалъ бы похвалъ: помимо всего уже потому, что его самое первое дѣйствіе лишено разумнаго основанія. Возставать противъ строгости испытаній, это такой жалкій трудъ! А о. Воскресенскій еще предлагалъ, чтобы на пріемные экзамены допустить батюшекъ, въ видѣ ассистентовъ, и дать имъ право ставить экзаменаціонныя отмѣтки. Можно вообразить, что вышло бы изъ этого, когда сѣли бы за экзаменаторскій столъ отцы и дядюшки испытуемыхъ, съ сомнительными собственными познаніями, хотя и съ экзаменаціоннымъ карандашемъ въ рукѣ, и какія бы посыпались отмѣтки во уваженіе „многосемейности", „великовозрастія", и другихъ качествъ, дѣйствительно заслуживающихъ уваженія, но не предъ экзаменаціоннымъ столомъ. Остальное же все есть нѣкоторое напоминаніе о ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, болѣе забавное, нежели серіозное. Но дѣло и не въ этомъ.

Архіерей предлагаетъ консисторіи обсудить поступокъ священника, разгласившаго келейную съ нимъ бесѣду архіерея. Правъ архіерей или нѣтъ? Правъ священникъ, разглашающій келейную бесѣду своего отца-архипастыря? Мы говоримъ здѣсь не о юридическомъ правѣ, о которомъ можно въ данномъ случаѣ толковать и такъ и сякъ, но о томъ нравственномъ правѣ, которое вытекаетъ изъ особенныхъ отношеній именно между архіереемъ и священникомъ, и которое въ глазахъ священника и въ глазахъ архіерея должно занимать первое мѣсто, если они хотятъ смотрѣть на себя прежде всего, первый какъ на архіерея, второй какъ на священника. Отношеніе обоихъ должно быть отношеніе сыновнее и отеческое, не по фразѣ только, но по самому существу сана. Іерей, разглашаю-

Digitized by Google

щій слова архипастыря, сообщенныя ему въ качествѣ келейнаго наставленія, отрекается дѣломъ отъ тѣхъ отношеній, которыя составляютъ существенное въ его санѣ; ставитъ себя, какъ священника, въ положеніе чужое къ нему, какъ архипастырю. Вотъ какъ судить съ строго-церковной точки зрѣнія; архіерей является не только правъ, но Воскресенскій является болѣе виновнымъ, чѣмъ присудила консисторія; онъ разорвалъ миръ съ своимъ архіереемъ; отлучилъ себя отъ него, отсѣкъ для себя возможность сослуженія съ нимъ, общенія съ нимъ въ таинствѣ.

Хорошо такъ говорить! Но когда можетъ быть архіерей говорилъ такія жесткія слова, что неудобь было и выслушать; когда онъ именно требовалъ явной несправедливости, которой подчиниться претитъ совѣсть? Если дѣло шло о примиреніи и о прощеніи обиды, возраженіе не будетъ имѣть основанія (съ точки зрѣнія опять—пастырской). Это не на мировомъ судѣ, гдѣ дѣйствуетъ внѣшнее право, и только сухая правда, а не любовь, и гдѣ нѣтъ обязанности для обиженнаго мириться съ обидчикомъ: но совершенно обратно на судѣ нравственномъ, къ каковому и должна относиться по существу бесѣда архіерея съ священникомъ, въ случаяхъ подобныхъ сообщаемому.—Но можетъ случиться дѣйствительно, что отъ самого архіерея послѣдуетъ обида, и притомъ обида келейная. Не выше ли силъ человѣческихъ сносить ее?

Правда; и тогда по требованію нравственнаго христіанскаго закона вообще, и по существу пастырскихъ отношеній въ частности, оставалось бы священнику удалиться, во избѣжаніе смущенія совѣсти, при явной справедливости неизбѣжнаго, но несовмѣстимаго съ пастырскими отношеніями, предполагающими полный миръ и взаимно терпящую любовь. „Отпусти меня съ миромъ, во избѣжаніе соблазна и дальнѣйшаго грѣха“: такъ могъ бы сказать священникъ, совершенно вѣрный пастырскому богословію.... Но онъ не можетъ. Куда же онъ пойдетъ? Ему загорожена дорога. Онъ не смѣетъ перейти къ другому архіерею, по праву уже каноническому; онъ не можетъ

Digitized by Google

и вовсе снять съ себя санъ, по праву уже гражданскому, не церковному. Конечно, у него не отнимается эта возможность физически, но отнимается нравственно: на десять лѣтъ онъ будетъ лишенъ всякихъ правъ въ государствѣ; онъ приравненъ будетъ почти къ ссылаемымъ въ Сибирь на поселеніе и каторгу; честный поступокъ вмѣнится ему въ преступленіе, равное съ воровствомъ и убійствомъ.

Вотъ какъ вяжется одно съ другимъ! Вы хотите предъявлять требованіе на основаніи нравственнаго закона, который долженъ управлять пастырскими отношеніями; но принуждены остановиться, усматривая въ чисто-внѣшнихъ обстоятельствахъ препятствіе, по которому исполненіе этихъ нравственныхъ требованій нравственно невозможно. Священникъ вынуждается оставаться въ общеніи съ архіереемъ, хотя бы чувствовалъ себя возмущеннымъ противъ него; вынуждается ставить себя въ отношеніе внѣшнее къ архіерею, какъ ко всякому начальнику обыкновенному, какъ ротный камандиръ къ генералу; а самъ генералъ тѣмъ охотнѣе устанавливаетъ себя въ это положеніе, чѣмъ удобнѣе соединять въ одномъ лицѣ и „отца“ и вмѣстѣ „командира“. Соблазнъ тому и другому; отношенія колеблются; церковный идеалъ частію игнорируется, частію забывается; въ іерархическій союзъ прокрадывается духъ бюрократизма; между пасомыми и пастырями залегаетъ духъ взаимнаго недовѣрія; и персоналъ духовенства начинаетъ и чувствовать, и мыслить, и говорить, и дѣйствовать совершенно въ тѣхъ же пріемахъ, и подкрѣпляя себя тѣми же основаніями, какъ людъ служебный государственный.

Само собою разумѣется, лишеніе правъ, постигающее священнослужителей, добровольно снимающихъ санъ, есть только одинъ изъ многихъ другихъ внѣшнихъ тормазовъ, препятствующихъ церковной жизни, и притомъ въ области іерархической, проявлять себя въ полномъ согласіи своимъ церковнымъ началамъ. А равно и не одна необходимость, по требованіямъ смущенной совѣсти, удалиться иногда отъ своего архіерея, можетъ быть указана въ основаніе къ отмѣнѣ этого жестокаго правила.

Digitized by Google

Мало ли тормазовъ для жизни духовенства, соотвѣтственной его призванію, иногда даже въ видѣ покровительства, но уже тѣмъ вреднаго, что оно внѣшнее? Мало ли другихъ несправедливостей въ законѣ, карающемъ священное лице за добровольное снятіе сана? Пришелся къ слову этотъ именно тормазъ лишь потому, что, какъ говорятъ, въ Государственномъ совѣтѣ пересматривается теперь этотъ законъ, столь жестокій для священнослужителей и столь несправедливый въ существѣ.

А кстати: какое мнѣніе дано св. синодомъ по этому вопросу, и какъ порѣшитъ съ нимъ законодательная власть, неизвѣстно. Но не ужели же въ самомъ дѣлѣ и теперь не снимется эта несправедливость, и неосновательная, и вредная?

О мѣрахъ къ предупрежденію дальнѣйшаго развитія раскола *).

Нѣсколько недѣль тому назадъ, на этихъ самыхъ столбцахъ, вниманію читателя предложенъ былъ голосъ *Записнаго Раскольника* (такъ назвалъ себя самъ авторъ). *Записной Раскольникъ* говоритъ о тягости положенія въ расколѣ и притомъ тягости двойной,—внѣшней и внутренней. Не смотря на отсутствіе преслѣдованій и сравнительно снисходительное отношеніе государства къ старообрядству, даже простыя гражданскія права старообрядцевъ не обезпечены: браки ихъ суть ничто въ глазахъ законодательства, и стоитъ завести дѣло охотнику до чужой собственности, семейства ихъ не могутъ быть увѣрены въ правильномъ переходѣ имущества, и притомъ согласномъ съ желаніями самого владѣльца. Таково положеніе внѣшнее; но начинаютъ тяготиться неудовлетворительностью и внутренней жизни раскола, отсутствіемъ духовной питательности въ немъ; сердца, умы, привычки причисляющихся къ расколу лежатъ уже внѣ предѣловъ старообрядчества, а выхода они не видятъ, благодаря

*) С. И. 9 января, № 8.

Digitized by Google

болѣе всего тому, что внутреннею, бытовою жизнію управляетъ въ расколѣ женщина. Женщина здѣсь еще не раздвоилась: ее не тянетъ въ другой міръ съ другимъ образованіемъ и привычками; она не ощущаетъ ложнаго положенія, которое ежеминутно слышится ея мужемъ, братомъ, сыномъ при каждомъ столкновеніи съ обществомъ; напротивъ, она замкнута въ своемъ кругу и довольна имъ. А вмѣстѣ она есть и власть (потому между прочимъ она и довольна), верховнѣйшая власть въ семействѣ, до котораго доходитъ некогда мужу, занятому дѣлами; она есть воспитательница юныхъ; она есть наконецъ главная проводница понятій религіозныхъ въ обоихъ полахъ и во всѣхъ возрастахъ. О вѣрѣ, такъ же какъ о воспитаніи малютокъ, гдѣ тутъ мужчинѣ, погруженному въ практическій міръ, растолковывать и раздумывать? Онъ смотритъ глазами жены, матери, бабушки; а бабушка, жена, мать это—главныя орудія тѣхъ немногихъ духовныхъ вожаковъ, мужскаго пола, которые избрали себѣ спеціальностью не промыслы или торговлю, а богословствованіе.

Записной Раскольникъ не остановился на этихъ отрицательныхъ разсужденіяхъ. Онъ предлагаетъ мѣры, какими, по его мнѣнію, справедливо было бы вывести расколъ изъ современнаго тягостнаго внѣшняго положенія и вмѣстѣ облегчить ему духовное возсоединеніе съ остальнымъ русскимъ міромъ. „Что же изъ этого слѣдуетъ?“ Такими словами онъ окончилъ описанную имъ картину двойной тягости, и отвѣтилъ: *„училище женское*, да особенно—*ревизскія сказки на иномъ порядкѣ;* вотъ что намъ нужно.“

Записной Раскольникъ надѣется, что новымъ порядкомъ переписи и женскими училищами предупредится дальнѣйшее развѣтвленіе раскола, и даже приблизится его духовное объединеніе съ остальнымъ народомъ. По правдѣ сказать, успѣхъ намъ кажется сомнительнымъ.

Заслугу новаго порядка переписи поставляетъ авторъ между прочимъ въ томъ, что тогда обнаружатся главные вожди раскола. Пусть такъ; но завтра же могутъ явиться новые вожди, которые наравнѣ съ прежними будутъ признаны извѣстною

Digitized by Google

частію раскола, а послѣ завтра еще новые, и такъ далѣе до безконечности. Гдѣ же предѣлъ и основаніе остановиться и государству въ своей терпимости, и гдѣ основаніе ждать отъ раскола остановки? Или нѣтъ нужды и останавливаться и ждать остановки? Но это противорѣчило бы предполагаемой цѣли. Во всякомъ случаѣ, государству, прежде чѣмъ признавать того или другаго вождя законнымъ и его дѣйствія освящать гражданскими правами, необходимо удостовѣреніе, что онъ дѣйствительно уполномоченъ отъ того или другаго общества совершать ли крещеніе, заключать ли браки. А прежде чѣмъ принимать удостовѣреніе въ полномочіи лица, необходимо еще удостовѣреніе въ полномочіи самого общества уполномочивающаго. Слѣдовательно, еще необходимъ предварительно утвержденный уставъ каждаго общества, а прежде этихъ уставовъ нужно еще рѣшеніе общаго законодательнаго вопроса: до какихъ предѣловъ и за кѣмъ признавать право образовать изъ себя особенное общество, и на чемъ основать это право: на одной ли численности, и притомъ какой? на содержаніи ли ученій, и притомъ въ какомъ смыслѣ? А только въ этомъ и все затрудненіе: разрѣши законодательство этотъ вопросъ, такъ или иначе, тогда всѣ второстепенныя мѣры о порядкѣ ли переписи, о принятіи ли свидѣтельствъ, даже о школахъ, рѣшаются сами собой. Каждое общество, признанное въ правѣ существовать отдѣльно среди другихъ себѣ подобныхъ, станетъ въ тоже правильное, общими законами предвидѣнное отношеніе къ государству, какъ и всякое другое терпимое,—лютеранское, магометанское и пр., и члены его будутъ наравнѣ со всѣми обезпечены въ своихъ гражданскихъ правахъ.

Не разъясняется авторомъ и вопросъ: къ чему поведетъ воспитаніе дѣвочекъ подъ двойнымъ вліяніемъ расколоучителя и институтки? Оно можетъ вести или къ индиферентизму, то есть, потерѣ всякой вѣры, если преодолѣетъ вліяніе преподавательницы (особенно — обучающей, „чему и какъ она сама знаетъ“); или къ укрѣпленію раскола возведеніемъ его въ высшій смыслъ противъ теперешняго. Послѣднее произойдетъ, если

Digitized by Google

при общемъ образованіи не останется безъ силы и вліяніе законоучителя. Такое просвѣтлѣніе раскола мы не находимъ вреднымъ: но повидимому ни самъ авторъ не желалъ бы его, ни, тѣмъ менѣе, отъ правительства можно ждать готовности ему содѣйствовать. Къ индиферентизму же или потерѣ всякой вѣры, пожалуй, благосклонно отнеслось бы правительство, по крайней мѣрѣ нѣкоторые его органы: г. оберъ-прокуроръ св. синода, напримѣръ, къ числу благотворныхъ, по его мнѣнію, признаковъ въ расколѣ относитъ именно „индиферентизмъ“ (въ Саратовской епархіи). Но мы думаемъ, что самъ *Записной Раскольникъ* предпочтетъ, съ своей стороны, всякую вѣру, какая бы ни была, полному равнодушію, или отсутствію вѣры во что бы ни было. Да и мы тоже полагаемъ, что это было бы не столько просвѣщеніемъ, сколько развращеніемъ.

Впрочемъ мы не намѣрены подробно разсматривать предположенія, высказанныя *Записнымъ Раскольникомъ*. Достаточно ихъ поставить на видъ, какъ свидѣтельство являющагося сознанія въ расколѣ, во всякомъ случаѣ похвальнаго. Но не можемъ удержаться, чтобъ не указать, какъ отнеслись къ первой статьѣ *Записнаго Раскольника* въ одномъ изъ спеціально-духовныхъ органовъ печати. *Записной Раскольникъ*, какъ сказали мы, жаловался на необезпеченность гражданскихъ правъ, не твердыхъ благодаря тому именно, что бракъ раскольниковъ и семьи ихъ не признаны законодательствомъ. Въ Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ кто-то В—ъ (въ № 51 прошлаго года) отвѣчаетъ на это:

Что же это показываетъ?—то что бракъ не есть какое-либо узаконеніе чисто государственное, гражданское, какъ нѣкоторые хотятъ думать въ старообрядствѣ и не въ старообрядствѣ.

Какова логика! По здравому смыслу напротивъ отсюда-то и слѣдовало бы заключить, что государство стало-быть хочетъ признавать бракъ своимъ учрежденіемъ, когда связываетъ его своими, гражданскими послѣдствіями.

Но далѣе:

Всѣ вышеприведенныя распоряженія правительства показываютъ, что оно видитъ въ раскольническомъ сожитіи мужа съ женою

Digitized by Google

нечистоту, которая заглаждается только покаяніемъ въ св. церкви и ей одной усвоенъ силу, освящающую чадородіе.

Спрашиваютъ о правѣ наслѣдства, отвѣчаютъ о силѣ, освящающей чадородіе: говорятъ о переходѣ имуществъ, отвѣчаютъ о чистотѣ зачатія. Да развѣ сила, освящающая чадородіе, есть то же, что сила, дарующая имущество, а лишеніе наслѣдства принадлежитъ къ одному изъ видовъ покаянія въ церкви, заглаждающаго нечистое зачатіе? Любопытно, какъ съ этой точки зрѣнія смотритъ г. В—ъ на гражданскія права магометанъ: тѣ уже совсѣмъ не признаютъ брака таинствомъ; не лишитъ ли ихъ развѣ уже всего окончательно, подъ видомъ очистительнаго покаянія?

О положеніи духовенства*).

Читатель обратитъ вниманіе на письмо изъ Кадома, сегодня помѣщаемое. Писанное лицомъ не высокаго званія, притомъ по просьбѣ людей еще болѣе простыхъ, вызванное большею частью статьями, у насъ же напечатанными, сопровождается оно просьбою къ редакціи высказать свое мнѣніе по представляемому вопросу.

Сказать мнѣніе значитъ на сей разъ подтвердить мнѣніе корреспондента и развѣ лишь отчасти разъяснить: спорить не о чемъ.

Всѣ вопросы касаются собственно духовенства, его отношеній къ мірянамъ и отношенія мірянъ къ нему. Мѣстная картина этихъ отношеній, какую чертитъ корреспондентъ, правду сказать, не веселая. Корреспондентъ и тѣ, кто внушилъ ему письмо, высоко ставятъ духовенство въ идеѣ, вопросъ о духовенствѣ признаютъ даже первымъ нашимъ общественнымъ вопросомъ, но въ дѣйствительности видятъ другое. Печально было бы, если бы духовенство этихъ мѣстностей, то есть, Тамбовской и Воронежской губерній, дѣйствительно, какъ гово-

*) С. П. 20 января, № 19.

Digitized by Google

ритъ корреспондентъ, такъ недостойно своего званія вело себя.... Но впрочемъ мы не станемъ повторять того, о чемъ и самъ корреспондентъ сказалъ болѣе, чѣмъ довольно.

Чтобы прійти къ лучшему, необходимо, по мнѣнію корреспондента, измѣнить самое воззрѣніе на одинъ изъ главнѣйшихъ пороковъ въ духовенствѣ: нетрезвость; она не должна быть терпима окончательно; нетрезвой жизни духовное лицо слѣдуетъ отстранить отъ мѣста сейчасъ, и при томъ навсегда, таково мнѣніе кадомца: немного строго, но пожалуй справедливо.

Въ особенности, говорятъ кодомцы, не слѣдовало бы отсылать духовныя лица на такъ называемое покаяніе. Въ подтвержденіе корреспондентъ рисуетъ картину мѣстныхъ монастырей, и заключаетъ, что не очищенный оттуда выйдетъ священникъ, скорѣй наоборотъ.—Пожалуй и это справедливо.

А еще болѣе справедливо желаніе корреспондента, чтобы повсюду были устроены приходскія попечительства, которымъ бы съ тѣмъ вмѣстѣ дать право входить съ представленіями къ епархіальному начальству объ отводѣ священника. Это коренная мѣра, и зло дѣйствительно пресѣчется скорѣе этимъ. Держать пастыря нежелаемаго пасомыми: это противно самому существу церковныхъ отношеній. У насъ сохранился по крайней мѣрѣ хотя тотъ истинно христіанскій обычай, что не посылаютъ на духъ насильно къ духовнику нежелаемому. А не все ли равно дать вообще нежелаемаго священника приходу? Изъ села не пойдетъ крестьянинъ къ другому духовнику, когда надо такового искать за десять-за пятнадцать верстъ. Прихожанинъ просто предпочтетъ уклониться отъ исповѣди, или исполнить ее лицемѣрно, а то и прямо перейти въ расколъ. Желанія прихожанъ объ отводѣ священниковъ у насъ, правда, и теперь принимаются во вниманіе, но имъ даютъ лишь условную силу, юридическую, а не нравственную. Они служатъ матеріалами для слѣдствій и дознаній; отъ нихъ требуютъ доказательствъ, рѣшенія по нимъ даютъ бюрократическимъ порядкомъ. Въ вопросахъ совѣсти не должно быть мѣста требованіямъ доказательствъ, а

Digitized by Google

развѣ однимъ опытамъ и миротвореніямъ. Но когда, не смотря на всѣ усилія примирить, раздастся рѣшительный голосъ: не хотимъ, не можемъ, смущается совѣсть,—остается одно: исполнить желаніе; пастырь призванъ умирять, а не смущать совѣсти.

И такъ слѣдовало бы закону только формулировать это безусловное нравственное право излюблять себѣ настыря по сердцу и въ частности опредѣлить лишь тѣ случаи, когда во мнѣніи о пастырѣ самъ приходъ раздѣляется. Здѣсь есть также мѣсто усиліямъ миротворенія; но если они безуспѣшны, останется всетаки одно: предложить или нежелающимъ отойти самимъ, или нежелаемому удалиться.

Впрочемъ, мы уже касались этого вопроса неоднократно. Въ отвѣтъ кадомцамъ остается прибавить, что если въ отношеніяхъ между пастырями и пасомыми за основаніе признать упомянутыя начала безусловной нравственной свободы, тогда нужно принять и всѣ дальнѣйшіе выводы изъ этого основанія. Кадомцевъ смущаетъ мнѣніе, высказанное у насъ когда-то однимъ крестьяниномъ противъ неблагообразнаго „хожденія со святыми“; это мнѣніе имъ кажется подкопомъ подъ религію. Но когда не должно быть принужденія въ отношеніяхъ вообще, позволительно ли принуждать въ частностяхъ? Съ лицемѣрнымъ почтеніемъ принимать то, чему не лежитъ душа и чѣмъ смущается даже благочестивая совѣсть, значитъ вводить въ соблазнъ и притомъ принудительно. Протестовать противъ принудительнаго соблазна значитъ ли подкапываться подъ благочестіе? Обычай святъ, но оставьте его на волю каждому; запрещеніе его было бы посягательствомъ и противъ святыни и противъ народнаго благочестія; но продолжать его противъ воли есть не меньшее оскорбленіе и самой святыни и вѣрующей совѣсти.

Корреспондентъ касается и другихъ вопросовъ. Онъ спрашиваетъ между прочимъ: какой законъ даетъ полиціи право охранять благочиніе въ самой церкви—гражданскій или церковный? Само собою разумѣется—гражданскій, и притомъ въ немъ заключается недоразумѣніе, которое стоило бы разъясненія посредствомъ новаго законоположенія.

Digitized by Google

Корреспондентъ возмущается также сокращеніемъ приходовъ: онъ разсказываетъ всѣ неудобства, можно сказать, поруганія, какимъ подвергается сельскій людъ и всѣ испытанія, претерпѣваемыя имъ, благодаря этой мѣрѣ. Крестьянинъ изъѣздилъ десятки верстъ по цѣлому околотку, ища священника, который бы похоронилъ младенца, и послѣ тщетныхъ поисковъ вынужденъ былъ предоставить гробъ полиціи, въ предположеніи, что она будетъ счастливѣе въ поискахъ. Читатель прочтетъ этотъ разсказъ краснорѣчивый самой своей простотою; прибавлять къ нему разсужденія нечего. Достаточно, что сокращеніе приходовъ не для другой цѣли и предпринято, какъ для улучшенія быта, то есть говоря проще—увеличенія доходовъ духовенства. Иною цѣлью и не задавалось постановленіе. Чего же ждать, когда такова была цѣль: увеличить доходы духовенства, хотя бы посредствомъ уменьшенія средствъ къ преуспѣянію вѣры и благочестія?

По поводу предположенія объ устройствѣ православнаго храма въ стилѣ X вѣка *).

Въ свое время мы уже извѣщали разъ о намѣреніи здѣшняго Музея устроить православный храмъ въ стилѣ X вѣка. Намъ сообщаютъ теперь, что въ конкурсъ уже представлено изъ разныхъ мѣстъ, и между прочимъ изъ Рима и изъ Архангельска, шесть проектовъ-рисунковъ будущаго храма: на дняхъ вѣроятно будутъ они выложены на показъ публикѣ.

Значительный шагъ впередъ будетъ сдѣланъ, когда наконецъ, пусть ближайшимъ образомъ съ археологическою цѣлію, встанетъ въ Москвѣ живымъ воспроизведеніемъ христіанская древность безъ примѣси многаго, что безъ полной основательности успѣло стать не только за древность, но даже за неприкосновенную святыню. Шагъ впередъ не для одного внѣш-

*) С. И. 5 марта, № 62.

Digitized by Google

няго успѣха полемики богослововъ съ расколомъ, какъ, можетъ быть, покажется инымъ: но шагъ въ преуспѣяніи нашей внутренней жизни, и притомъ не одной только церковной въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, и тѣмъ менѣе—обрядовой. Расколъ не только самъ въ себѣ есть воплощеніе застоя обрядовыхъ формъ опредѣленнаго времени, но производитъ и внѣ себя застой, и притомъ не въ однихъ обрядахъ, страхомъ, который предносится: „какъ бы не вышло отсюда новаго раскола!“ Предложите тронуть обрядъ, не только самъ въ себѣ, но и въ наименѣе существенной его принадлежности какой-нибудь: „да это будетъ новый расколъ!“ Заговорите о необходимости болѣе радикальныхъ реформъ въ устройствѣ духовнаго управленія: „а ну какъ расколъ?“ У многихъ боязнь собора идетъ опять изъ боязни „раскола“. Для многихъ тотъ же „расколъ“ служитъ предлогомъ, пугаломъ для устраненія того, что собственно по личнымъ соображеніямъ кажется имъ неудобнымъ. А приложеніе такихъ „доводовъ отъ раскола“ къ жизни церковной отдается сейчасъ послѣдствіями и на другихъ отрасляхъ, отчасти на строѣ даже политическомъ. Широкая, безусловная вѣротерпимость чего боится?—Раскола. Безусловная свобода мыслящаго званія отчего не осуществляется?—Тотъ же расколъ опять выдвигается въ числѣ пугалъ. Бюрократическое отношеніе къ духовенству, неохота сдать его на руки самому народу, нежеланіе на это самого духовенства, откуда оно, и чего боится или чѣмъ прикрывается?—Все тотъ же расколъ несчастный отвѣчаетъ. А есть догадки, которые съумѣютъ связать расколъ даже съ пугачевщиной, какъ два явленія нераздѣлимыя. Здѣсь зашло уже въ политическую область... и конца нѣтъ, какая перспектива виднѣется послѣдствій...

А страна за все отвѣчаетъ: ея развитіе умственное, отчасти и нравственное, а за ними, какъ неизбѣжное послѣдствіе, и благосостояніе тормозится. Въ иныхъ отрасляхъ мы какъ бы замерли, разъ напуганные явившимся призракомъ. Стоитъ сейчасъ въ глуши явиться какому нибудь изувѣру и совершить злодѣяніе по поводу—ну хоть бы шестиугольнаго дома, если

Digitized by Google

вздумалось кому таковой построить: трудно ручаться, чтобы не послѣдовало затѣмъ распоряженіе, запрещающее строить впредь шестиугольные дома. Помнимъ, отопленіе московскихъ соборовъ встрѣчало возраженіе между прочимъ съ этой стороны, и сколько пошло вѣроятно на тотъ свѣтъ смертельно простуженныхъ святынею, прежде чѣмъ рѣшились болѣе отважные преодолѣть неосновательный страхъ. А тамъ, благодаря этимъ же страхамъ успѣло возникнуть и окрѣпнуть понятіе о восточной церкви, какъ объ окончательно косной: иностранцу гдѣ обсуждать наши домашнія дѣла, и соображать, что страхъ расколовъ можетъ производить въ иномъ мѣстѣ дѣйствіе не меньшее, чѣмъ въ другомъ турецкое владычество!

Новыхъ расколовъ бояться нечего; бывшее при исправленіи книгъ не повторится, въ этомъ можно успокоиться, хотя это еще и не особенно говоритъ въ нашу пользу. Въ иныхъ случаяхъ выраженіе боязни можно было бы основательнѣе даже такъ перевернуть: „къ сожалѣнію, даже и тутъ не произойдетъ раскола!“ Во многихъ отношеніяхъ это признакъ полнаго равнодушія къ духовнымъ интересамъ, что ничуть не благо. А это самое равнодушіе-то и воспиталось, между прочимъ, опять излишествомъ консерватизма, которое въ извѣстныхъ размѣрахъ способно душить личный замыселъ, самостоятельность, энергію, живость ума. Но потому же самому и крайне важенъ всякій признакъ рѣшимости сбросить неосновательный страхъ, и оказать напротивъ равнодушіе къ временнымъ несущественнымъ формамъ; пусть сначала на той самой почвѣ, откуда вышелъ расколъ. Храмъ X столѣтія, архитектурное произведеніе, многаго не знающій, что наросло до XVII вѣка въ внѣшнемъ устройствѣ храмовъ; а тамъ можетъ быть и богослуженіе въ немъ же не привязанное раболѣпно къ позднѣйшимъ историческимъ приростамъ. Это первый шагъ; имъ страхъ разсѣется; затѣмъ другіе впереди, а затѣмъ во многомъ и возрожденіе....

Digitized by Google

Евреи въ Новороссіи*).

Происшествіе въ Одессѣ прискорбно, но оно вмѣстѣ есть и указаніе. Скажутъ ли, что здѣсь дѣйствуетъ религіозная вражда? Но отчего не обнаруживается она къ другимъ вѣроисповѣданіямъ, положимъ — магометанскому? Пасха — только случайный поводъ. Отчего этихъ взрывовъ и даже намековъ на нихъ не видимъ въ другихъ мѣстахъ? А Одесса вотъ уже второй разъ видитъ ихъ почти на одномъ десятилѣтіи. Стоитъ задать вопросъ: да все-ли сдѣлано самимъ еврейскимъ населеніемъ, чтобы примирить съ собою остальныя національности, и не допускается ли, напротивъ, ими чего, что разжигаетъ къ нимъ ненависть?

Южный край „ожидовляется“ вотъ что, и притомъ именно въ этихъ выраженіяхъ приходилось намъ не разъ и не отъ одного слышать и читать. Евреи въ Новороссійскомъ краѣ не только распространяются, но все захватываютъ въ свои руки: захватываютъ, притомъ не только не оплодотворяя края, но высасывая сокъ изъ него, изсушая силы, истощая населеніе; они все берутъ и ничего не даютъ, ничего не приносятъ, ни капиталовъ, ни труда, ни просвѣщенія, а одну изворотливость, и притомъ направленную на одно маклачество. Вотъ причина негодованія, котораго не знаютъ средняя Россія, пока еще не засосанная этими паразитами, ни западная Россія, уже засосанная ими въ конецъ, такъ что и голоса подать не въ силахъ. Но Южный Край находится именно въ положеніи перехода отъ возможности пользоваться благосостояніемъ въ собственную выгоду—къ полному раззоренію въ исключительную пользу евреевъ.

Правда ли, что Общество Пароходства и Торговли успѣло стать въ сущности обществомъ еврейскимъ? Правда ли, что южныя желѣзныя дороги сплошь въ рукахъ еврейскихъ? Правда ли, что поземельное владѣніе мало по малу, но быстро все переходитъ въ еврейскія руки? Правда ли, что весь не только крупный, но и мелкій закупъ хлѣба перешелъ въ послѣднее время

*) С. И. 8 апрѣля, № 94.

Digitized by Google

къ тѣмъ же евреямъ? Если все это правда, а говорятъ—правда, положеніе осѣдлаго населенія горькое, и горькое именно потому, что оно есть истощеніе его силъ, ничѣмъ не вознаграждаемое и ничѣмъ не оправдываемое. Желѣзныя дороги, повидимому такое благодѣяніе для края, обращаются въ его же разореніе. Везъ чумакъ въ прежнее время свои произведенія въ Одессу, онъ кормилъ себя, кормилъ воловъ; вся плата за проѣздъ, вся плата за посредничество въ обмѣнѣ оставалась въ краѣ, и шла на его оплодотвореніе. Но чумакъ не можетъ соперничествовать съ желѣзною дорогою; плата за провозъ перешла къ ней (въ сущности—въ еврейскія руки); а вознагражденіе за посредничество—и подавно: еврей тутъ уже и подвернулся; подставилъ себя въ маклака, скупаетъ хлѣбъ на самыхъ мѣстахъ производства, дѣйствуя, разумѣется, слишкомъ извѣстными способами: не капиталомъ, котораго у него нѣтъ, а задатками, и потомъ—гдѣ обманомъ, гдѣ соблазномъ, гдѣ прижимкой, гдѣ злодѣйственнымъ кредитомъ, обращающимся быстро въ паутину, изъ которой несчастный крестьянинъ уже не выпутается иначе, какъ раззоренный и забитый въ конецъ. И вся прибыль отъ производства, добрая часть самыхъ даже издержекъ производства, все это уходитъ къ услужливому посреднику, и оттуда уже не возвращается на обогащеніе края, оставаясь въ карманѣ всемірнаго гражданина, размѣненное на металлъ или процентную бумагу, которая не имѣетъ ни осѣдлости, ни патріотизма.

Должно же чувствоваться въ населеніи это явленіе? Не должно ли было чувствоваться ближайшимъ образомъ и въ самой Одессѣ оскорбленіе, оказываемое населенію, напримѣръ, хотя бы правилами о продажѣ мяса, столь предупредительными къ исключительнымъ еврейскимъ интересамъ. Въ Одессѣ (какъ впрочемъ и во всѣхъ, кажется, еврейскихъ городахъ) отдается то предпочтеніе еврейскому населенію, что ему приберегается самое лучшее мясо, остальные жители не смѣютъ его кушать, прежде чѣмъ этими высшими сортами удовлетворены будутъ еврейскія потребности, или же должны питаться ошурками.

Digitized by Google

Еврейское общество, правда, за эту привилегію платитъ городу. Но вотъ что поучительно: эта плата обращается однако на содержаніе еврейскихъ же училищъ. Итакъ выходитъ въ сущности, что населеніе города отказывается отъ лучшаго куска съ исключительною цѣлью: во первыхъ, доставить этотъ кусокъ евреямъ, и во вторыхъ дать тѣмъ же евреямъ способъ посредствомъ образованія изощрять еще болѣе свои способности къ дальнѣйшему и сильнѣйшему господству надъ тѣмъ же населеніемъ.

Всѣ эти явленія стоятъ вниманія законодательной власти. Пускай правосудіе изречетъ свой приговоръ надъ зачинщиками и производителями буйства; буйство не должно быть терпимо, должно быть строжайшимъ образомъ наказано. Но пусть обратятъ вниманіе и на положеніе края, на его постепенное истощеніе, обязанное этому все усиливающемуся непроизводительному вторженію барышничества во всѣ отправленія хозяйственной жизни; пусть взвѣсятъ, какое послѣдствіе грозитъ краю, благодаря этому нашествію паразитизма; пусть оцѣнятъ и политическія послѣдствія, къ которымъ способно привести такое экономическое положеніе. Еврейское населеніе ничуть уже не есть цементъ, которымъ бы связывались окраины съ сердцевиною; всего менѣе оно есть проводникъ русской національности, и всего скорѣе оно есть, напротивъ, начало разлагающее національность вообще и въ частности—германизирующее. Евреями пользовалась и Австрія, чтобъ германизировать Галицію.

Мы не принимаемъ на себя смѣлости указывать подробныя мѣры, настаивая лишь на сущности; всю силу законодательства и администраціи слѣдуетъ устремить, чтобы въ спасеніе края и дальнѣйшей его будущности пресѣчь, какъ-никакъ, это постепенное засасываніе паразитизмомъ еврейскаго барышничества, исключительно живущимъ на счетъ народнаго труда, ничего отъ себя къ производительности края не прибавляющимъ, и тѣмъ болѣе опаснымъ, что благодаря одноплеменности и единовѣрію, онъ вездѣ образуетъ, тотчасъ какъ появляется, цѣлую лигу монополизма, цѣлую паутину задушающихъ экономическихъ отношеній.

Digitized by Google

Евреи въ Новороссіи*).

Евреямъ выгодно, когда разсуждаютъ о нихъ какъ объ „иновѣрцахъ“. Они любятъ укрываться за этотъ щитъ, находя здѣсь необходимый запасъ матеріала, чтобы выставить себя „жертвами фанатизма“, и упрекать другихъ за „средневѣковое суевѣріе“. Кто допустилъ это за исходную точку для разсужденій, тотъ уже пойманъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣротерпимость не есть ли главное положеніе современнаго просвѣщенія? И вотъ, утвердившись на этомъ основаніи, при обсужденіи еврейскаго вопроса, готовы многіе мириться съ еврействомъ, и едва не признать въ немъ лучшее знамя цивилизаціи.

Но вопросъ, оставаясь вполнѣ религіознымъ для самихъ евреевъ, всего менѣе религіозенъ для прочихъ. Для не-евреевъ это—вопросъ просто политическій и притомъ въ двоякомъ смыслѣ, въ этнографическомъ и въ экономическомъ. Еврейство есть племя, которое себя не смѣшиваетъ съ другими и не растворяется ни въ какомъ, и притомъ не только племя, но вмѣстѣ и особый промыселъ, существо котораго есть нажива на счетъ чужого труда. Вотъ смыслъ, въ какомъ предстаетъ европейцу еврей, и вотъ исходная точка, съ какой приходится ему разсуждать о еврейскомъ вопросѣ. Европеецъ знаетъ правда, что и эта несмѣсимость еврейскаго племени и этотъ еврейскій промыселъ эксплуатаціи основывается на религіи; что еврейская религія собственно не есть и вѣра, въ смыслѣ какъ понимаютъ ее у всѣхъ другихъ, что она есть національное законодательство, усвоившее себѣ названіе и важность религіозной вѣры. Но это во всякомъ случаѣ есть дѣло самого еврея. Пускай думаетъ онъ о себѣ какъ знаетъ, пускай бережетъ свое благородное происхожденіе отъ Авраама съ большей строгостью, чѣмъ берегутъ бѣлизну своей кости роды высшіе—аристократическіе и даже царственные; пускай въ число религіозныхъ понятій входитъ у еврея, что онъ есть переселенецъ и вѣчный

*) С. И. 12 апрѣля, № 98.

Digitized by Google

странникъ, котораго душа не должна прилагаться къ чужой землѣ и чужому народу, и что лишь „шахеръ", пожива, барышъ, проценты, взимаемые съ иновѣрныхъ, угодны Іеговѣ: пускай все это остается внутренними убѣжденіями тѣхъ самыхъ, кто въ этомъ полагаетъ религію. Прочимъ народамъ, хотя бы и осужденнымъ на сожительство съ этимъ ѳеократическимъ племенемъ, нѣтъ нужды становиться на ту же точку зрѣнія, и съ своей религіи вести встрѣчный искъ, когда, напротивъ, ихъ религія именно чужда этого смѣшенія политики съ вѣрою и національности съ догматомъ.

Нѣкоторые не находятъ другого средства противъ зла, кромѣ запрета евреямъ селиться въ новороссійскихъ городахъ. Но куда же прикажете дѣваться? Поворотить въ западный край, который и безъ того уже стонетъ, ими же переполненный? Мы не сказали бы ничего, еслибъ найдено было возможнымъ селить евреевъ особыми колоніями, и притомъ совсѣмъ отдѣльно отъ прочихъ національностей. Произведенъ былъ бы по крайней мѣрѣ историческій опытъ, не лишенный поучительности. Народъ, для котораго самое существо жизни въ томъ, чтобъ къ кому нибудь прикасаться, оставленный одинъ самъ съ собою, и—добавимъ: оставленный со всѣми естественными источниками богатства и со всѣми средствами къ производительному труду,— что онъ будетъ дѣлать? И притомъ—когда бы отнять у него съ тѣмъ вмѣстѣ возможность къ уклоненіямъ въ родѣ тѣхъ, которыя уже виданы въ земледѣльческихъ еврейскихъ колоніяхъ печальной памяти? Извѣстно, что и избы и земли числились за этими „землевладѣльцами", которые въ сущности жили другими промыслами, болѣе себѣ сподручными...

Одесская дума, какъ увѣдомляютъ оттуда, поднимаетъ этотъ щекотливый вопросъ о своихъ евреяхъ и объ избавленіи и ихъ и себя отъ дальнѣйшихъ непріятностей неблагополучнаго сожительства. Къ какимъ-то выводамъ окончательнымъ она придетъ, посмотримъ?

Digitized by Google

Евреи въ Новороссіи*).

Приходится опять вернуться къ одесскому происшествію и къ еврейскому вопросу вообще. Отъ г. Минъ, здѣшняго раввина, мы получили поправку извѣстія, не вѣрно сообщеннаго г. Поспѣловымъ. Не евреи сшибли крестъ съ греческой церкви, а снятъ онъ былъ ктиторомъ церкви. Само собою разумѣется, мы очень рады это засвидѣтельствовать. Перечитывать показанія ктитора, о чемъ проситъ г. раввинъ, мы не считаемъ нужнымъ, и надѣемся, что г. Минъ не будетъ въ претензіи, и что вся публика сочтетъ достаточнымъ для этого одно свидѣтельство самого господина Мина.

Но въ письмѣ г. Мина, кромѣ этой ссылки, есть еще черта, которой не опустимъ безъ вниманія. Г. Минъ говоритъ, что онъ не согласенъ съ нашимъ взглядомъ на одесское происшествіе, полагая, что помѣщеніемъ его возраженія мы измѣнили бы цѣлому направленію своего изданія. Онъ не хочетъ требовать отъ насъ этой жертвы,—она была бы слишкомъ велика.—Напрасно; тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ дали бы мы мѣсто всякому разъясненію, идущему отъ самихъ евреевъ, что во-первыхъ желаемъ только истины и общественнаго блага, и во-вторыхъ искренно и глубоко убѣждены, что излеченіе золъ, наносимыхъ странѣ еврейскимъ населеніемъ, зависитъ болѣе всего, если не исключительно, отъ самихъ же евреевъ; болѣе развитые изъ нихъ, къ каковымъ мы относимъ и г. раввина, особенно обязаны сослужить въ этомъ общественную службу.

Но лишь съ однимъ уговоромъ. Въ разъясненіе вопроса, имѣющаго столь всероссійскую и даже всемірную важность, мы просили бы избавить и насъ и читателей отъ избитыхъ до пошлости фразъ о религіозной нетерпимости, о среднихъ вѣкахъ и т. д. Слава Богу, мы живемъ не въ среднихъ вѣкахъ и вѣры у евреевъ никто не отнимаетъ. Вопросъ еврейскій есть вопросъ

*) С. И. 16 апрѣля, № 102.

Digitized by Google

соціальный, и гонимыми оказываемся мы—коренное населеніе, а не евреи; коренное населеніе чувствуетъ нужду стать въ оборонительное положеніе противъ натиска этой чужеядной стихіи.

Просимъ г. раввина не оскорбиться послѣднимъ выраженіемъ: оно относится не къ нему; не относится, вѣроятно, и къ десяткамъ тысячъ его единоплеменниковъ, но оно относится и притомъ вполнѣ вѣрно къ самому еврейству, какъ принципу, какъ знамени. Этому принципу, собственному своему знамени могутъ быть невѣрны, къ собственной чести, отдѣльныя единицы, но принципъ, знамя остается, и существованіе ихъ не перестаетъ быть несовмѣстнымъ съ благосостояніемъ остального человѣческаго рода. Сущность еврейства въ томъ, какъ мы уже выражались вкратцѣ въ прошлый разъ, что евреи свой племенной вопросъ возводятъ въ религіозный,—религіозно относятся къ себѣ, какъ къ племени. А отсюда неизбѣжно должны выходить слѣдующія послѣдствія.

Евреи никому изъ всего человѣчества не могутъ быть братьями; если могутъ и бываютъ, то не должны, по требованію своей вѣры, которая продолжаетъ смотрѣть на израиля, какъ на народъ избранный. А отсюда выходятъ и дальнѣйшія болѣе частныя послѣдствія.

Евреи не могутъ прижиться ни къ какой національности (по крайней мѣрѣ опять не должны) и не могутъ быть ни въ какомъ государствѣ вполнѣ надежными гражданами: потому что никакой быть и никакое законодательство никакого государства не могутъ быть ими признаны за свои; имъ все у другихъ чужое; они не дѣлали ни съ кѣмъ исторіи; исторія у нихъ своя, общая имъ, разсѣяннымъ по земному шару, и не имѣющая общаго ни съ чьею исторіею никакого другого народа.

Все это факты историческіе, тысячелѣтіями запечатлѣнные. Возражать противъ нихъ было бы смѣшно; а доказывать примѣрами противное и увѣрять въ вѣрноподданничествѣ евреевъ къ тому или другому государству даже безстыдно. Никто добросовѣстный и не станетъ обвинять евреевъ поголовно въ измѣнѣ; было бы несправедливо сказать даже, чтобы отдѣльныя еврей-

Digitized by Google

скія единицы не оказывали тамъ или здѣсь государственныхъ услугъ, но позволительно требовать, чтобъ не увѣряли въ патріотизмѣ, къ которому не можетъ быть побужденій. Для евреевъ каждое государство и каждая національность сами въ себѣ должны быть безразличны: не безразличны только отношенія къ себѣ, своему племени, и отношенія къ себѣ въ другомъ, тѣснѣйшемъ смыслѣ, то есть своему карману. А отсюда понятны соціальныя послѣдствія, тѣ послѣдствія, извѣстныя всему свѣту и всѣмъ свѣтомъ чувствуемыя одинаково, гдѣ болѣе, гдѣ менѣе, смотря по относительной пропорціи еврейскаго народонаселенія къ коренному. Личности здѣсь даже не виноваты: все это естественныя послѣдствія основнаго начала.

Остановимся здѣсь и не станемъ развивать дальнѣйшихъ подробнѣйшихъ послѣдствій, которыя всему свѣту извѣстны и всѣми во всемъ свѣтѣ съ безпримѣрнымъ единодушіемъ оцѣниваются одинаково. Мы хотѣли указать только основаніе, на которомъ единственно возможно разсуждать о еврейскомъ вопросѣ съ полнымъ безпристрастіемъ. Этого то безпристрастія и ожидали бы мы отъ просвѣщеннѣйшей части евреевъ, чтобы они, принявъ за основаніе несомнѣнную исключительность ихъ племени, зависящую не отъ другихъ, а отъ него самого, добросовѣстно пособили коренному населенію сами придумать мѣры, которыми бы ослаблялось въ примѣненіи зловредное дѣйствіе племеннаго принципа, въ основаніи ни съ какой національностью непримиримаго. Считаемъ излишнимъ прибавлять, что указанія на примѣръ Западной Европы мы сочли бы здѣсь столь же недобросовѣстной увертkой, какъ и увѣренія въ задушевности еврейскаго патріотизма. Евреи, гомеопатически разведенные въ западно-европейскомъ населеніи, совсѣмъ не то, что тѣ же евреи у насъ, составляющіе гдѣ добрую половину, а гдѣ и большинство нашихъ городовъ. Тамъ приходилось евреямъ отвоевывать себѣ бытіе; здѣсь приходится отъ нихъ отбиваться. Скажите же средство возстановить по крайней мѣрѣ равновѣсіе въ силахъ? Укажите средство, какъ направить несомнѣнныя способности этого племени на трудъ производитель-

Digitized by Google

ный, который бы не истощалъ, а обогащалъ туземное населеніе? Или, можетъ быть, скажутъ, что съ приливомъ евреевъ обогащается туземное населеніе? Это было бы любопытно, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что свидѣтельствовало бы о невѣроятной тупости цѣлаго народа, поголовно неспособнаго различать раззорителей отъ благодѣтелей. Но во всякомъ случаѣ мы рады были бы даже такому выводу, если бы онъ былъ намъ фактически доказанъ.

Къ еврейскому вопросу*).

Для еврея внутреннее уваженіе къ закону страны не существуетъ: пустить одного, за нимъ пойдутъ тысячи, хотя бы законъ и ограничилъ право десятками. Укрыться отъ преслѣдованія они сумѣютъ и—должны мы въ этомъ къ стыду сознаться—найдутъ обильное потворство въ самой администраціи. Примѣръ живой передъ глазами: переселившіеся въ Москву евреи всѣ ли удовлетворяютъ ограниченіямъ, которымъ законъ подчиняетъ ихъ водвореніе здѣсь?

Нельзя согласиться съ мнѣніемъ о томъ, что въ пользу образованныхъ евреевъ должно быть допущено изъятіе. Это коренное заблужденіе, къ несчастію, раздѣляется самимъ законодательствомъ. Оно опирается на предразсудкѣ, которому даже не трудятся подъискать основаніе,—будто образованный еврей безвреднѣе. Почему такъ? Отнимается образованіемъ способность къ эксплуатаціи? Не наоборотъ ли? Привычка наживаться чужимъ трудомъ происходитъ не отъ невѣжества; образованіе само по себѣ не отниметъ способности къ этому, напротивъ, разовьетъ ее только и изощритъ, и равно не способно отбить охоту отъ обогащенія на чужой счетъ. Но образованіе во всякомъ случаѣ есть сила, и воспитывать искусственно и даже распространять эту силу въ чужомъ племени среди коренного

*) С. И. 25 апрѣля, № 111.

Digitized by Google

населенія, оставляемаго въ темнотѣ, это есть одно изъ гибельнѣйшихъ политическихъ заблужденій; это значитъ собственными руками вить на себя веревку.

Успѣшнѣе были бы мѣры, предпринимаемыя съ другого конца, и притомъ болѣе положительныя, чѣмъ отрицательныя. Не говоря о просвѣщеніи, которое предпочтительно слѣдуетъ сѣять между своимъ населеніемъ, и притомъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ гуще размѣшано оно инородчествомъ,—рядомъ экономическихъ мѣръ въ пользу коренного населенія можно, если не уничтожить, то ослабить язву еврейскаго паразитизма. Народные банки здѣсь на первомъ планѣ: банки, которые вмѣстѣ были бы и ссудные и страховые, и даже посредническіе въ сбытѣ произведеній народнаго труда. Учрежденіе таковыхъ подрѣзало бы главнѣйшую еврейскую промышленность въ самомъ корнѣ. Евреи сами побѣгутъ оттуда, гдѣ существуетъ правильно организованный народный трудъ и облегченъ кредитъ. Затѣмъ должны слѣдовать уже мѣры, направленныя на самихъ евреевъ, и притомъ столько же положительныя, сколько отрицательныя. Не мѣстности, но промыслы нѣкоторые должны быть воспрещены евреямъ безусловно, именно всѣ тѣ, гдѣ возможна эксплуатація; гдѣ не прямымъ участіемъ въ производствѣ и не наличнымъ капиталомъ дѣйствуется, а посредничествомъ, — къ каковымъ относится напримѣръ шинкарство, и въ болѣе верхнихъ слояхъ— подряды. Не мѣшали бы также особенныя реальныя школы, по различнымъ отраслямъ еврейскаго труда, для пріученія еврейскихъ дѣтей къ производительнымъ промысламъ; возможно было бы и установленіе особыхъ обязательныхъ свидѣтельствъ, по которымъ еврей не иначе имѣлъ бы право промышлять за свой счетъ, какъ представивъ удостовѣреніе, что онъ предварительно занимался извѣстные годы въ качествѣ ученика, работника и подмастерья въ ремесленномъ или сельско-хозяйственномъ заведеніи (однако никакъ не у еврея); или же удостовѣряли бы въ дѣйствительной наличности извѣстнаго капитала. Въ дополненіе къ послѣдней мѣрѣ могли бы быть прибавлены постановленія, которыя бы затрудняли евреямъ возможность зло-

Digitized by Google

употреблять кредитомъ и притомъ не только въ качествѣ заимодавцевъ, но и въ качествѣ должниковъ. Безразборчивый кредитъ, имъ оказываемый, есть одна изъ причинъ зла; въ большей части случаевъ, какъ извѣстно всякому купцу, имѣвшему съ ними сношенія, отпускъ имъ товара въ долгъ обращается на голову вѣрителю, нанося, съ тѣмъ вмѣстѣ, несомнѣнный существеннѣйшій вредъ сельскому населенію. Выманивая товаръ въ кредитъ у оптоваго торговца, оборотливый израильтянинъ пускаетъ его за наличныя, а то тоже въ кредитъ поселянамъ, но уже за жидовскіе проценты; сдирая кожу съ крестьянина, самъ оттягиваетъ платежи, и даже совсѣмъ раскланивается со своимъ вѣрителемъ, и такимъ то путемъ наживаетъ дѣйствительно капиталы. Все это слишкомъ обыкновенно и слишкомъ извѣстно; но тѣмъ и необходимѣе противъ этого мѣры.

Разумѣется, мы предлагаемъ одинъ набросокъ, далеко не исчерпывающій всего, что могло бы быть постановлено въ обоюдное огражденіе и коренного населенія и евреевъ (обращеніемъ ихъ къ производительному труду, мы полагаемъ, оказана была бы польза имъ самимъ не меньшая, чѣмъ странѣ вообще). Не распространяясь далѣе, заключимъ слѣдующимъ замѣчаніемъ. Сравнительная малочисленность евреевъ въ западной Европѣ есть дѣйствительно одна изъ причинъ ихъ относительной безвредности; но другая заключается именно въ томъ, что само коренное населеніе тамъ достаточно оборонено противъ нихъ своимъ развитіемъ и экономическимъ устройствомъ. Алжирцы однимъ изъ главныхъ поводовъ къ своему возстанію ставятъ именно подарокъ, которымъ наградилъ колонію еврей Кремье, министръ 4-го Сентября, пустившій туда соплеменниковъ своихъ съ полными правами гражданства. Вотъ вамъ и краснорѣчивое доказательство, гдѣ евреевъ терпятъ, и гдѣ противъ нихъ вопіютъ, хотя бы даже и подъ западно-европейскимъ господствомъ. А вмѣстѣ дается и столь же краснорѣчивое опроверженіе сердобольнымъ ходатаямъ за евреевъ, что всей де печали виною будто христіанская нетерпимость. Арабы алжирскіе, надѣемся, не христіане.

Digitized by Google

О распоряженіи церковными доходами *).

Кадомскій корреспондентъ пишетъ намъ... но впрочемъ о кадомскихъ дѣлахъ только отчасти. Какъ и прежде, жалуется онъ на мѣстное духовенство; извѣщаетъ, что нетрезвость есть общее явленіе; что безплодно подавались жалобы мѣстному преосвященному; также безплодно прошенъ былъ и св. синодъ. Но корреспондентъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, касается общаго вопроса. Онъ передаетъ впечатлѣніе, произведенное распоряженіемъ объ установленіи процентнаго сбора съ церквей на мѣсто прежняго свѣчнаго.

Корреспондентъ пускается въ цѣлый проектъ, съ подробнымъ перечисленіемъ всѣхъ формальностей.

Мы, наоборотъ, вовсе не сочувствуемъ этой замѣнѣ свѣчнаго сбора процентнымъ, какъ мѣрѣ произвола, рѣдко даже виданнаго. Но мысль о томъ, чтобъ все церковное хозяйство подчинить попечительскому надзору, во всякомъ случаѣ есть самая здравая. Только можетъ быть увѣренъ корреспондентъ, что никогда ея не примутъ, по крайней мѣрѣ дотолѣ, доколѣ не воспитается убѣжденіе, что добровольные вклады, жертвуемые въ церковь, обращать на произвольное назначеніе, независимое отъ воли жертвователей, противно всѣмъ основаніямъ права. А теперь пока еще далеко до того убѣжденія. Напротивъ, какъ видитъ корреспондентъ, имущество церковное подлежитъ теперь вполнѣ бюрократическому произволу: двинуть его туда, куда и не помышляли приносящіе, считается въ порядкѣ вещей. Болѣе: никогда еще не бывало такой крѣпкой самоувѣренности, съ какою теперь Положеніе не только распоряжается по своему благочестивыми приношеніями, но даже обращаетъ ихъ въ повинность, принудительно требуя, чтобъ пожертвовавшіе разъ не смѣли уже отказываться отъ повторенія равноцѣнныхъ жертвъ и на будущее время. Свѣчной сборъ былъ также произволенъ; но тамъ было благовидное основаніе, что берутся не прямо

*) С. И. 7 мая, № 123.

Digitized by Google

приношенія, а уже прибыль отъ оборотовъ, производимыхъ церковными суммами, и только она одна. Теперь найдено возможнымъ оставить и это соображеніе въ сторонѣ; церкви прямо обложены податьми со всего дохода, и притомъ произвольно опредѣленнаго, на основаніи случайныхъ показаній. Нужды нѣтъ, что доходы во всякомъ случаѣ сбираются отъ добровольныхъ подаяній; опредѣлено, и притомъ однимъ почеркомъ пера, что этихъ добровольныхъ даяній должно быть не менѣе назначенной цифры, и что съ этой назначенной цифры должны всѣ церкви вносить подать въ видѣ процента.

Разумѣется, это не только не основательно, но даже само съ собою не сообразно; „принужденіе къ добровольности“— таковъ выходитъ смыслъ этой мѣры, которая притомъ имѣетъ видъ какой-то пошлины на усердіе къ храму Божію. Но здѣсь-то и основаніе, почему съ тѣмъ вмѣстѣ нельзя пока и думать о подчиненіи церковныхъ суммъ приходскому надзору. Увѣренность въ правѣ распоряжаться благочестивыми приношеніями независимо отъ воли приносящихъ стоитъ именно въ связи съ другимъ воззрѣніемъ,—что церковь въ смыслѣ прихода не есть юридическая личность. Допустить же попечителей, или проще— самихъ прихожанъ до приходскихъ суммъ, значило бы именно согласиться, что каждая церковь сама въ себѣ есть юридическая личность, обладающая правами, и что суммы церковныя, поступающія отъ добровольныхъ пожертвованій, принадлежатъ именно ей, мѣстной церкви, то-есть приходу, которому она служитъ средоточіемъ,—приходу (прихожанамъ вмѣстѣ съ пастыремъ), какъ малому обществу вѣрующихъ, составляющему малую долю великой единицы, церкви, какъ вселенскаго собранія вѣрующихъ. Но что же тогда? Развѣ тогда представлялась бы теперешняя возможность облагать церкви повинностями, и притомъ на основаніи совершенно произвольнаго расчисленія, и на предметъ, положимъ полезный, но котораго вовсе не имѣли въ виду первоначальные вкладчики?

Поэтому и остается помириться съ тѣмъ, что есть, и именно что деньги церковныя вѣдаются священникомъ, который ихъ

Digitized by Google

не вѣдаетъ; старостою, который ихъ показываетъ столько угодно, и—благочиннымъ, который вынужденъ вѣрить всему, что ему показываютъ. Корреспондентъ справедливо опасается, что утайка суммъ будетъ продолжаться. Полагаемъ вмѣстѣ съ нимъ, что она будетъ даже увеличиваться; новое Положеніе не только не устраняетъ ея, напротивъ къ ней вынуждаетъ, какъ вынуждалъ къ ней, хотя и менѣе, свѣчной сборъ. Положеніе о свѣчномъ сборѣ не разсуждало, что на прибыль отъ свѣчей содержатся въ большинствѣ сами церкви, изъ которыхъ многимъ даже на необходимѣйшій ремонтъ не хватало другихъ доходовъ. Оставалось священникамъ со старостами выбирать: или оставить ближайшія потребности церкви неудовлетворенными, или же лгать. Оффиціальная ложь сплошь и рядомъ не считается ложью, особенно когда ложь допускается въ охраненіе высшей справедливости, нарушаемой бюрократическимъ требованіемъ. Таково было первое основаніе къ утайкѣ церковныхъ суммъ, въ сущности это было честное отношеніе; эта ложь была правда самовольнымъ, но все-таки регуляторомъ, посредствомъ котораго безразборчивая сила закона возвращалась въ той мѣрѣ примѣненія, какая допускалась справедливостью. Принудительный взносъ церковныхъ прибылей обращался молча народомъ въ добровольный, какимъ ему и слѣдовало быть по существу. Церкви вносили что могли и что хотѣли, по добровольному усердію прихода; староста съ священникомъ были въ такихъ случаяхъ истолкователями чувствъ прихода и цѣнителями церковныхъ нуждъ; вносили столько, сколько возможно было, не раззоряя церкви, не оскорбляя прихожанъ.

Утайка, сначала относительно честная, обращалась потомъ очень часто въ безчестную: велико искушеніе распорядиться отъ всѣхъ утаенными деньгами, уже не въ пользу церкви, а въ свою собственную! Теперь будетъ тоже, но сильнѣе. Прежде еще представлялась возможность записать свѣчные доходы кошельковыми, безъ опасенія за ихъ сохранность. Но какъ будетъ записать теперь? На томъ же основаніи, на какомъ требуютъ двадцати, могутъ потребовать пятидесяти процентовъ,

Digitized by Google

могутъ наконецъ отнять все; утаить вѣрнѣе. Притомъ, благодаря произвольному назначенію обязательной цифры доходовъ, не всякая церковь въ состояніи будетъ выполнить свою повинность безъ отягощенія: нѣкоторыя приведены будутъ къ печальной необходимости оставаться безъ топлива и безъ освѣщенія; не всѣ на это рѣшатся; найдутся искусники старосты, которые, удовлетворивъ ближайшимъ церковнымъ нуждамъ, яко бы на счетъ приношеній нарочито на сей предметъ поступившихъ, поставятъ на приходѣ нуль, и обратятся къ начальству съ лукавымъ вопросомъ: не прикажетъ ли оно приступить къ продажѣ церковной ризницы, такъ какъ на взносъ повинности денегъ достаточныхъ не поступало?

Чѣмъ будутъ отвѣчать на такіе вопросы—неизвѣстно. Вѣроятно, будутъ сначала закрываться церкви,—мѣра, къ которой уже и прибѣгаютъ съ успѣхомъ по другому случаю, именно для возвышенія окладовъ духовенству. Но затѣмъ вынуждена будетъ казна взять церкви на полное свое попеченіе, какъ въ Западномъ краѣ, а къ церковнымъ ящикамъ приставлять своихъ чиновниковъ или сторожей. Къ такому переходу можетъ придти дѣло помимо всякой даже утайки: приношенія въ церковь, по мѣрѣ постепеннаго примѣненія новыхъ правилъ, все будутъ болѣе и болѣе уменьшаться: такъ въ природѣ вещей; добровольное усердіе по существу не терпитъ, чтобъ съ нимъ обращались какъ съ принудительнымъ оброкомъ; оно скорѣе само изсякнетъ.

Но можетъ быть впрочемъ, что и остановятся во время, когда грозящія послѣдствія начнутъ представать во всей своей очевидности. И тогда обратятся именно къ тому порядку, котораго желаетъ корреспондентъ. Понятно, что и теперь, если бы рѣшились къ нему обратиться, все пошло бы иначе. При попечительскомъ надзорѣ за церковнымъ хозяйствомъ, составленномъ изъ самихъ прихожанъ, купно съ священникомъ, доходы церковные не только бы перестали быть предметомъ кражи, но и вообще умножились бы; каждому прихожанину хозяйство церковное еще ближе было бы къ сердцу, чѣмъ теперь. Нѣтъ

Digitized by Google

сомнѣнія, что даже тѣ всероссійскія и епархіальныя нужды, на которыя теперь достаются деньги насильственнымъ, безъ дальнихъ разговоровъ, обложеніемъ церквей, удовлетворялись бы не только охотно, но и обильнѣе теперешняго, а съ тѣмъ вмѣстѣ паства нравственно связалась бы несомнѣнно крѣпче съ духовенствомъ и его судьбою. Но для этого, повторимъ опять, нужна сперва перемѣна въ основномъ воззрѣніи. А чтобы перемѣнить воззрѣніе, для этого, если только не приведетъ къ ней по неволѣ горькій опытъ нужно только немножко готовности пожертвовать произволомъ.

Объ организаціи приходовъ и содержаніи церквей *).

Между причтами и церковными старостами, говоря вообще, идутъ пререканія о власти. Духовенство естественно стоитъ за причты; старостамъ естественно говорить за себя; мірянамъ вообще естественно принимать на себя также сторону старостъ, ибо старосты избираются ими и изъ нихъ. Духовенство винитъ старостъ въ утайкахъ суммъ, въ самовольномъ распоряженіи, и даже въ растратахъ. Противъ этого нареканія справдливо возражаютъ ссылками на узаконенія, которыя даютъ не только возможность, но налагаютъ на причты и обязанность контролировать старосту. Но со стороны духовенства отвѣчаютъ столь же основательно, что завести контроля нельзя; иначе не найдешь никого въ старосты; староста почтетъ контроль за оскорбленіе.

Ясно, что здѣсь требуется новое рѣшеніе, не ограничивающееся способомъ обезпеченія церковныхъ суммъ, который указывается въ современныхъ узаконеніяхъ, остающихся мертвою буквою. Ясно также, что ни той ни другой сторонѣ нельзя дать перевѣса, и всего менѣе было бы справедливо передать церковныя суммы въ исключительное вѣдѣніе причтовъ. Напримѣръ, о Ярославской епархіи разсказываютъ, что по случаю спора,

*) С. И. 3 іюля, № 180.

Digitized by Google

возникшаго между священникомъ и старостою при тамошней кладбищенской церкви, преосвященный назначилъ исправлять должность старосты—*діакону!* Это немногимъ лучше, какъ еслибы старостѣ поручить исправленіе должности діакона. Правда, обязанности діакона въ первенствующей церкви приближались нѣсколько къ теперешнимъ обязанностямъ старостъ; но тогда было общеніе имуществъ, общая трапеза любви, и клиръ отъ мірянъ далеко отдѣленъ былъ не такъ рѣзко, какъ теперь. Въ настоящее время староста есть делегать мірянъ именно насупротивъ причта; представитель одной стороны передъ другою. Избирать изъ причта въ старосты значитъ смѣшивать обязанности въ самомъ существѣ.

Повторяемъ, законъ долженъ дать рѣшеніе вопросу. Отъ него ожидается правильная организаціи прихода и установленіе точныхъ юридическихъ отношеній между всѣми составными его членами вообще, двумя главными его половинами въ особенности: причтомъ и мірянами, и наконецъ между имъ и остальными приходами.

Что такое приходъ? Равнозначителенъ ли онъ причту? Но можетъ быть нѣсколько причтовъ въ одномъ приходѣ.

Равнозначителенъ ли онъ церкви? Но и одинъ приходъ можетъ имѣть нѣсколько церквей; и при одной церкви можетъ быть нѣсколько приходовъ. Бываютъ приходы (но это уже ненормальность) даже безъ церкви.

Какое назначеніе подаяній, приносимыхъ въ церковь? Одно ли церковное благолѣпіе имѣетъ право ими пользоваться? Содержаніе священнослужителей не есть ли первая обязанность приходскихъ суммъ, такъ какъ безъ внѣшняго зданія церковь существовать можетъ, но безъ пастыря нѣтъ стада?

Должно ли это содержаніе оставаться добровольнымъ, милостынею, по изволенію даваемою и безропотно принимаемою, или должно быть ограничено юридическими предѣлами? Откуда начинается право обращать на личное содержаніе духовенства суммы, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ церковныя? Гдѣ дается право прибѣгать, независимо отъ того, къ обязательной дополнительной раскладкѣ

Digitized by Google

на прихожанъ? Подлежатъ ли притомъ этой раскладкѣ одни присные сыны церкви или и отщепенцы?

Всѣ частныя церкви суть члены единаго тѣла вселенской церкви, чрезъ своего епископа во первыхъ, чрезъ верховную іерархію всей національной церкви во вторыхъ. На нравственной обязанности мірянъ лежитъ не только содержать свою епархію, но и помогать нуждающимся церквамъ—сестрамъ. Гдѣ юридическіе предѣлы этой помощи? Кто имѣетъ право на нее, кто обязанъ ее давать, на комъ лежитъ право распредѣлять, и удовлетвореніемъ какихъ потребностей она должна быть ограничена?

Это вопросы главнѣйшіе; за ними болѣе подробные, еще многочисленнѣйшіе. И все это остается доселѣ безъ юридическаго опредѣленія, или точнѣе—безъ скрѣпленія государственною властью, потому что отвѣты давно готовы въ канонахъ и въ обычаяхъ первенствующей церкви. Разработка и юридическое примѣненіе этихъ основъ церковнаго права къ нашему времени и нашей мѣстности есть задача неотложная. Съ нея бы по надлежащему и нужно было начинать, прежде чѣмъ приводить въ исполненіе какія бы ни было реформы, предпринимаемыя въ духовенствѣ. Тогда бы преодолѣлись сами собою многія затрудненія, которыя ставятъ теперь въ тупикъ; предупреждены были бы многія неосновательныя пререканія и жалкія недоразумѣнія. А нечего и говорить о томъ, что внѣшнее церковное устройство вообще стало бы у насъ тогда на нравственно незыблемомъ, единственно истинномъ основаніи, и духовенство въ частности обезпечилось бы такъ, какъ оно не смѣетъ теперь и мечтать, когда возлагаетъ свое единственное упованіе на милость свѣтской власти и на государственную казну.

Digitized by Google

Пренія о вѣрѣ въ Кремлѣ *).

Въ Москвѣ существуетъ прекрасный обычай воскресныхъ собесѣдованій. Ведутся они съ давняго времени, происходятъ въ Кремлѣ и касаются религіозныхъ вопросовъ,—преимущественно разногласій между православіемъ и расколомъ. Начиная съ Свѣтлой Недѣли все лѣто видишь большія или меньшія кучки, иногда около рѣшетки, выходящей на сторону набережной, иногда внутри площадки, образуемой соборами. Какъ идутъ эти пренія? Какой ведется порядокъ? Ведутся они случайно, а порядковъ установленныхъ нѣтъ: но дѣлало честь этимъ преніямъ искони—уваженіе мнѣніямъ, оказываемое одною стороною другой. Поэтому-то обычай этотъ и прекрасенъ, и при развитіи своемъ, въ правильномъ при томъ организованномъ видѣ, онъ обѣщалъ бы много пользы и просвѣщенію народа и его положенію вообще, и въ частности—разъясненію споровъ, раздирающихъ русскую духовную паству на двѣ, хотя не равныя, половины.

Прошлымъ годомъ пришлось намъ, со словъ одного корреспондента, передать случай, что вопреки преданному обычаемъ уваженію къ чужимъ мнѣніямъ, Кремлевская площадка представила явленіе личной горячности, зашедшее далѣе предѣловъ надлежащаго. Одинъ изъ препиравшихся отъ словесныхъ доводовъ перешелъ къ оплеухамъ. Прискорбно прибавить, хотя то было и естественно, что къ этимъ доводамъ „дѣйствія“ прибѣгъ именно православный; а естественно это потому, что православный чувствуетъ себя огражденнымъ властію, чего лишенъ старообрядецъ.

Дѣйствительность случая этого подвергнута была послѣ отъ другихъ сомнѣнію; можетъ быть, его и не было, или былъ онъ не въ томъ видѣ какъ переданъ, и виновникомъ былъ, можетъ быть, не одинъ изъ препиравшихся, а случайный пришелецъ. Но намъ сообщали потомъ очевидцы, вполнѣ заслуживаю-

*) С. И. 15 іюля, № 192.

Digitized by Google

щіе довѣрія, уже объ общемъ измѣненіи, послѣдовавшемъ въ свойствѣ Кремлевскихъ преній. Пренія, не переставая принимать на себя видъ собесѣдованій, тѣмъ не менѣе потеряли прежнюю взаимность. Говоритъ обыкновенно одинъ, не давая слова противникамъ, и говоритъ не просто проповѣдуя, а издѣваясь и какъ бы вызывая на отвѣтъ, но въ тоже время останавливая всякій отвѣтъ при первомъ покушеніи. Намъ назвали самое лицо, и опредѣлили время, съ котораго началось это превращеніе собесѣдованій въ одноличную, и притомъ въ бранную проповѣдь. Лицо это есть отецъ Пафнутій, одинъ изъ новообращенныхъ старообрядцевъ (бывшій тамъ епископъ), и время это есть время перваго его появленія на ступенькахъ Благовѣщенскаго собора.

Одноличная проповѣдь имѣетъ свои достоинства, и мы ничуть не желали бы, чтобы проповѣданіе, особенно православнаго пастыря, находило себѣ препятствіе въ томъ, что оно ведется на площади, а не въ закрытомъ зданіи. Но проповѣданіе не есть глумленіе, и проповѣдающему во всякомъ случаѣ надлежитъ заранѣе опредѣлить свое положеніе, какъ лица, желающаго исключительно изрекать свои мысли, а не выслушивать другихъ. Не было бы по крайней мѣрѣ недоразумѣнія. А проповѣданіе отца Пафнутія не престаетъ имѣть притязаніе на собесѣдовательность.

Пренія о вѣрѣ въ Кремлѣ*).

По поводу статьи о кремлевскихъ преніяхъ, напечатанной у насъ въ № 192, получили мы два письма и одно описаніе. Описаніе сообщаетъ содержаніе бесѣды, происходившей не далѣе, какъ вчера, на той же площадкѣ предъ Благовѣщенскимъ соборомъ. Письма излагаютъ общій характеръ проповѣдей отца Пафнутія (догадка насъ не обманула: проповѣдникъ, о которомъ писалъ корреспондентъ, дѣйствительно былъ отецъ Пафнутій).

*) С. И. 20 іюля, № 197.

Digitized by Google

Одно изъ писемъ опровергаетъ обвиненіе, воздвигаемое противъ отца Пафнутія корреспондентомъ. „Я всегда бываю на кремлевскихъ собраніяхъ, когда говоритъ на нихъ отецъ Пафнутій,—пишетъ кто-то М. О.—и могу васъ увѣрить, что лучше невозможно говорить.“ Затѣмъ М. О. распространяется о подвижническомъ значеніи проповѣди и всей дѣятельности отца Пафнутія; напоминаетъ, что не изъ-за выгодъ какихъ-нибудь, а изъ ревности по истинѣ простаиваетъ проповѣдникъ по три—четыре часа на камнѣ; что многіе изъ раскольниковъ обращаются къ нему съ ругательствами, называя его „ты,“ но что онъ напротивъ „никому не говоритъ ты, и никого не называетъ дуракомъ, хотя есть такіе шелопаи, которыхъ можно бы не только назвать с— сыномъ, но и въ рыло дать.“

Такъ говоритъ защититель отца Пафнутія, предлагая намъ въ заключеніе лично удостовѣриться въ справедливости этой характеристики. Противоположно отзывается другое письмо. Оно подтверждаетъ, что отецъ Пафнутій не „терпитъ возраженій, обращается вообще гордо и повелительно съ предстоящими и не стѣсняется въ выраженіяхъ.“ „Приказываю отсюда этого негодяя удалить; и замѣчаю, что вѣрно онъ сегодня хорошо пообѣдалъ и порядочно выпилъ:“ такъ будто бы при одномъ случаѣ, которому корреспондентъ былъ свидѣтелемъ, обратился проповѣдникъ къ какому-то почтенному гражданину, желавшему возражать. „Разумѣется, продолжаетъ корреспондентъ,—опозоренный гражданинъ смиренно повиновался, не дожидаясь полицейскаго блюстителя порядка; а съ нимъ и многіе слушатели отошли подальше отъ мѣста, гдѣ издѣвается надъ простымъ народомъ отецъ Пафнутій, дабы не попасть въ полицію по его приказанію.“ Далѣе авторъ письма увѣряетъ, что отецъ Пафнутій этимъ своимъ обращеніемъ успѣлъ удалить отъ себя многихъ, бывшихъ своихъ почитателей. Между прочимъ онъ приводитъ ихъ въ недоумѣніе и самымъ содержаніемъ проповѣди. „То онъ (такъ повѣствуетъ авторъ письма) раскольниковъ бранитъ, то господствующей церкви служителей порицаетъ, которые не такъ знаменаются, какъ будто играютъ рукой на инстру-

Digitized by Google

мептѣ, болтаютъ; другихъ зазираетъ за употребленіе въ алтарѣ табака; котораго несчастнымъ называетъ, да и проповѣди его (отца Ивана при церкви Пятницкой) несчастныя, говоритъ." Такову характеристику даетъ отцу Пафнутію второе письмо, заключаясь совѣтомъ, что полезно было бы, на оборотъ, именно отцу Пафнутію поучиться у отца Іоанна Пятницкаго, какъ держать себя въ собесѣдованіяхъ съ недоумѣвающими и возражающими.

Недоумѣніе почтеннаго корреспондента о содержаніи проповѣдей отца Пафнутія разрѣшается легко. Почитать служителей церкви въ ихъ санѣ не значитъ одобрять все, что совершается ими въ качествѣ подобострастныхъ всѣмъ смертныхъ; усиліе защищать уклоненія отъ церковныхъ уставовъ, допускаемыя тѣмъ или другимъ церковнымъ служителемъ въ частности, можетъ только отвлечь отъ церкви, а не привлечь къ ней. Вѣрнымъ будетъ лишь то замѣчаніе, что отцу Пафнутію, въ качествѣ дѣятеля противъ раскола, не самому первому подобало бы начинать объ этомъ рѣчь. Иное дѣло выступать обличителемъ старообрядческихъ заблужденій и иное—обличителемъ нравовъ православнаго духовенства. Развѣ, можетъ быть, въ числѣ слушателей стекаются къ отцу Пафнутію и духовныя лица? Но если ихъ предъ нимъ не бываетъ, тогда обличенія, противъ нихъ разсыпаемыя заглазно, безъ увѣренности, что услышатъ тѣ, противъ кого обличенія направлены, съ увѣренностію напротивъ, что услышатъ единственно лица, и безъ того смотрящія на церковь и ея служителей мрачно:—тогда это обличеніе обращается уже не въ поученіе, а въ злословіе, не въ пользу, а во вредъ.

Затѣмъ получено нами описаніе вчерашней бесѣды.... Но почему же—спроситъ насъ читатель—не получено редакціею отзыва отъ самого отца Пафнутія, который именно къ этому былъ приглашенъ для разувѣренія соблазняющихся повелительнымъ характеромъ его проповѣданія?...—Да вчерашняя-то бесѣда, описаніе которой намъ доставлено, и была этимъ отзывомъ. Отецъ Пафнутій не нуждается въ печатномъ органѣ; какъ

Digitized by Google

у публициста находятся газетные столбцы въ распоряженіи, такъ у отца Пафнутія въ распоряженіи каѳедра, съ которой онъ точно также можетъ объясняться съ тысячами слушателей, какъ публицистъ съ тысячами читателей. По этому-то, вѣроятно, соображенію отецъ Пафнутій отвѣчаетъ чрезъ площадь, и потому-то, вѣроятно, избралъ вчера предметомъ бесѣды „Современныя Извѣстія“ и ихъ редактора, а кстати науку и воспитаніе. Описаніе сообщаетъ, что отецъ Пафнутій, по обыкновенію, не стѣснялся въ выраженіяхъ; редактора „Современныхъ Извѣстій“ онъ обзывалъ: „начальникомъ нигилистовъ, атеистовъ, матеріалистовъ, скандалистомъ, собакою, псомъ лающимъ, скотомъ безсмысленнымъ“, и такъ далѣе въ этомъ родѣ, говорилъ, что этотъ злосчастный редакторъ воспиталъ Каракозова (?); извѣстіе корреспондента о неприличномъ и грубомъ обращеніи проповѣдника со ступеней Благовѣщенскаго собора приписалъ желанію редактора выручить лишнихъ 300—400 р.; свое же нежеланіе опровергать извѣстіе объяснилъ: „какъ только я напишу, говоритъ, опроверженіе, то у него опять 300—400 р. лишнихъ. А онъ за 800 р. продастъ Христа Спасителя.“

Это все говорилось о редакторѣ „Современныхъ Извѣстій“, которому кстати приписывалось и самое составленіе извѣстія. А вообще о наукѣ, печати и всемъ образованномъ классѣ бесѣдовалъ такъ (будемъ говорить подлинными словами описанія):

Появившись на обычномъ мѣстѣ онъ началъ ни съ того, ни съ сего ругать, на чемъ свѣтъ стоитъ, науку, „Современныя Извѣстія“, вмѣстѣ съ редакторомъ, и весь образованный классъ. Началъ съ науки: доказывалъ, что всѣ науки—дѣтскія мечты, въ нихъ нѣтъ ничего основательнаго; онѣ тлетворно дѣйствуютъ на нравственность. Всѣ ученые, утверждаетъ онъ, суть тѣ же лжеучители, о которыхъ предсказалъ Спаситель, и умолялъ народъ въ скоромъ времени ожидать такихъ лжеучителей, ибо теперь настало предреченное Христомъ царство тьмы. Пропагандировалъ, что въ настоящее время опасно учить дѣтей; всѣ учителя—нигилисты; говорятъ, что Бога нѣтъ, царь не нуженъ.

Digitized by Google

Этой проповѣди о наступающей кончинѣ міра и пришествіи антихриста мы не удивляемся; живо представляемъ себѣ даже все краснорѣчіе, съ какимъ повѣтствовалъ объ этомъ отецъ Пафнутій; въ сектѣ, которой принадлежитъ его прошлое, такой неистощимый запасъ проповѣдей въ этомъ родѣ. Да на той же самой площадкѣ, изъ устъ первоучителей раскола раздавалась эта же самая проповѣдь да еще съ большею торжественностію въ 1682 году.

Не удивляемся и приличію выраженій, съ какими отнесся почтенный проповѣдникъ къ лицу редактора „Современныхъ Извѣстій“ публично, хотя и заочно. Это только частность, вполнѣ гармонирующая съ общимъ характеромъ дѣятельности.

Но вотъ, что, пожалуй, не совсѣмъ понятно. Послѣ громоваго обличенія на печать, науку, образованный класъ вообще, на „Современныя Извѣстія“ и ихъ редактора въ частности, проповѣдникъ попросилъ отъ слушателей, чтобы они составили актъ, съ засвидѣтельствованіемъ, что въ прошлое воскресенье, 11 числа, возражавшій старообрядецъ не былъ названъ с— сыномъ. И нашелся какой то студентъ юристъ, которымъ, дѣйствительно, какъ сообщаетъ описаніе, требуемый актъ составленъ и даже подписанъ первымъ. Студентъ юристъ. Этому даже не вѣрится; но корреспондентъ увѣряетъ, что, если угодно, у него подъ рукой есть не одинъ свидѣтель, который подтвердитъ дѣйствительность этой потѣхи, довершонной въ заключеніе тѣмъ самымъ старообрядцемъ, который въ первоначальной корреспонденціи выставленъ былъ обруганнымъ. Старообрядецъ этотъ тоже къ акту подписался, но вмѣстѣ и объявилъ (какъ видится, впрочемъ, словесно), что с— сыномъ его отецъ Пафнутій не называлъ, а скотиной пожаловалъ.

Такова исторія; она не лишена поучительности. Что съ своимъ актомъ отецъ Пафнутій намѣренъ дѣлать, не любопытствуемъ. Но позволяемъ себѣ во всякомъ случаѣ разувѣрить достопочтеннаго проповѣдника въ популярности, которую повидимому онъ за собою предполагаетъ. Ужели онъ думаетъ въ

Digitized by Google

самомъ дѣлѣ искренно, что имя его на газетныхъ столбцахъ особенно привлекаетъ читателя? Пусть вѣритъ, что въ числѣ интересныхъ людей и событій онъ, отецъ Пафнутій, и его кремлевскія бесѣды, занимаютъ мѣсто, куда далеко не оправдывающее такого самомнѣнія....

Движеніе старокатоликовъ*).

Католичество въ смыслѣ папизма, не шутя, разлагается. Гейдельбергское собраніе показываетъ, что борьба противъ догмата непогрѣшимости папской не ограничивается отдѣльными протестами и не ограничивается отдѣльною страною. Правильныя общины „старыхъ католиковъ", какъ назвали себя противники непогрѣшимости, образуются въ Германіи, въ Сѣверной и Южной, въ Швейцаріи; ищутъ только случая, чтобы образоваться въ Австріи. Онѣ вступаютъ въ сношенія между собою,—предвѣстіе, что изъ малыхъ приходовъ, разбросанныхъ по разнымъ странамъ, соберется одно великое стадо. Отъ правительствъ нельзя ожидать противодѣйствій. Однимъ словомъ: статистика въ отдѣлѣ о вѣроисповѣданіяхъ можетъ готовить новую графу.

Средоточіемъ движенія является Баварія. Оттуда пошелъ и починъ. Принадлежитъ онъ отчасти правительству, отчасти ученому сословію. Обстоятельства эти заслуживаютъ быть отмѣченными. Первое отпаденіе отъ папства принадлежало тоже Германіи, но на тотъ разъ Сѣверной. Теперь Южная собирается съ тѣмъ же, и мѣсто бранденбургскаго курфирста, между прочимъ помогавшаго лютерству, предоставляется баварскому королю. Для Бранденбурга послужило это зерномъ, изъ котораго выросъ сначала бранденбургскій курфирстъ въ прусскаго короля, а потомъ прусскій король въ германскаго императора.... Непрерывною цѣпью послѣдствій доведена Пруссія

*) С. И. 7 августа, № 215.

Digitized by Google

до своего высокаго первенства, а началомъ успѣхъ ея все-таки упирается въ борьбу съ папизмомъ. Саксонія упустила тогда представлявшійся случай и очистила мѣсто соперницѣ; погоня за Польшею впослѣдствіи еще болѣе подсобила родинѣ Лютера сойти съ подобающаго ей первенства въ протестантскомъ мірѣ. Теперь значеніе религіозныхъ вопросовъ сильно умалилось въ политической жизни; а папство, въ частности, и до ватиканскаго собора съ его сумасброднымъ постановленіемъ было на дѣлѣ давно болѣе призракомъ власти, чѣмъ властью. Но все-таки баварскій король могъ бы поставить страну свою въ высокое положеніе, если бы догадался стать болѣе рѣшительно и болѣе дѣятельно во главу новаго движенія, хотя и называющаго себя „старымъ“. Таже Пруссія между прочимъ изъ таможеннаго объединенія успѣла составить ступень для политическаго возвышенія: не пустое было бы образовать изъ себя средоточіе для духовной жизни; эта жизнь не менѣе, если не болѣе важна, чѣмъ торговля.

Но все-таки честь принадлежитъ Германіи, государству и наукѣ. А католичество на западѣ считаетъ сынами не однихъ нѣмцевъ. О народахъ романскаго племени не говоримъ. У тѣхъ свои, домашніе счеты со старымъ духовнымъ владыкою. Они между собой сочтутся, не тревожа остальныхъ. Папа, въ томъ ли, другомъ ли видѣ, съ такимъ или инымъ катихизисомъ, но все останется у нихъ духовнымъ кормильцемъ; ихъ трудно безъ него представить. Они могутъ обратиться въ безвѣріе, но удержатъ папу наружнымъ духовнымъ главой по тому чувству историческаго лицемѣрія, которое искони было присуще католичеству, и въ которомъ съ одинаковымъ усердіемъ упражнялись и пасомые, и пастыри, напоминая римскихъ авгуровъ. Для народовъ романскихъ папа есть неизбѣжная вспомогательная сила. Для папъ романскіе народы старая семья: могутъ ссориться между собой, но для чужихъ они одно. И сейчасъ, глава французской республики, нужды нѣтъ, что самъ даже протестантскаго исповѣданія, только изъ политической боязни передъ Италіею не рѣшился повторить Наполеона III въ защиту обиженному папѣ.

Digitized by Google

Но славяне западные, которыхъ тоже не мало въ числѣ сыновъ Рима? Но что потомки Гуса? Что и вольномыслящіе епископы, германскіе и славянскіе все равно, которыхъ столь краснорѣчивые протесты раздавались въ Ватиканѣ прошлымъ годомъ? Что въ частности Штросмайеръ, герой собора, и епископъ и славянинъ въ добавокъ?—Здѣсь предъ нами поучительный примѣръ другого историческаго лицемѣрія, даже болѣе постыднаго, чѣмъ вѣковое всенародное лицемѣріе романскихъ народовъ, колѣнопреклоняющихся предъ папою оффиціально, и въ сторону тѣмъ же временемъ дѣлающихъ ему гримасы. Епископскаго чина противники непогрѣшимости, безъ различія національности, разъигрываютъ Пилата, примѣръ благо хорошо имъ извѣстенъ. Они умываютъ руки; они все сдѣлали, что поговорили; а теперь къ тому же и не видятъ, изъ за чего волноваться: догматъ, благодаря предупредительной мѣрѣ правительствъ, не дошелъ де до нихъ, „мы-де его не знаемъ“ (т. е. оффиціально, по католическому катихизису, такія отговорки сходятъ за чистую совѣсть).

Такъ, безъ различія національностей, епископы передъ паствами. А національность славянская, съ своими умственными вождями, лицемѣритъ въ томъ же вопросѣ по другому способу. Они прикидываются презирающими эти „отсталыя препирательства“, предоставляя это „клерикализму“; они де отрицаютъ вопросъ въ существѣ, имъ не пристало стоять ни за какую вѣру; это де не современно. Однако же клерикалы—сила; однако же поле оставляется за тѣми, о комъ говорится, или лучше—молчится съ такимъ презрѣніемъ; однако же національные вожди не презираютъ бороться съ тѣми же клерикалами на политической почвѣ, избѣгая только затрогивать религіозную спеціальность.... Даже сомнительно, чтобы національные вожди не чувствовали своего вопіющаго противорѣчія; сомнительно, чтобы не сознавали они сами, что мнимымъ презрѣніемъ они въ сущности оказываютъ признаніе и уваженіе тому же клерикализму, который, повидимому, такъ презирается. Со стороны виднѣе,—каждый безпристрастный чужеземецъ не католикъ читаетъ ясно,

Digitized by Google

что безучастіе къ догмату непогрѣшимости, оказываемое національными вождями славянскихъ племенъ, истекаетъ не изъ одного презрѣнія, а изъ оставшагося подобострастія передъ силою, за которою еще сознаютъ право господства надъ народомъ, и предъ которою сами они еще не излѣчились отъ темнаго рабскаго страха по преданію. А затѣмъ—отсутствіе идеаловъ. Повалить кумиръ, но что на его мѣсто поставить? Лично для себя каждый рѣшаетъ этотъ вопросъ отрицаніемъ, не идя далѣе. Исповѣдать, что весь народъ долженъ быть оставленъ безъ церкви, не рѣшаются, потому что не признаютъ фактической возможности, а многіе въ душѣ не признаютъ и справедливости. Нѣтъ смѣлости ни поставить открыто вопросъ, ни углубиться въ него. И остается почтеннымъ національнымъ вождямъ повторять изъ себя того хитреца, который, крадучись съ зажмуренными глазами, воображаетъ добродушно, что благодаря этому никто его не видитъ.

Великія минуты въ исторіи не повторяются; упущенный случай не возвратится. Что возможно было для славянскихъ племенъ и ихъ вождей въ теперешнемъ католическомъ вопросѣ берется все-таки германцами и государственною властью. Уступивъ Гуса Лютеру, пойдутъ и теперь славяне-католики въ хвостѣ за Баваріею, буде подымется послѣдняя на рѣшительныя дѣйствія. Если же и Бавaрія постарается свести на нѣтъ, удовольствовавшись какою нибудь двоедушною сдѣлкою, тогда и наши западные соплеменники останутся допѣвать у себя дома безплодную пѣсню противъ клерикализма, съ нимъ на дѣлѣ мирясь однако. Что же послѣ того и жаловаться? Политическое превозможенье всегда есть плодъ духовнаго.

О власти епископовъ*).

И у насъ ведется разговоръ о непогрѣшимости, только не папской, а епископской,—по поводу предстоящей духовно-судной реформы. Духовенство противъ теперешняго полновластія

*) С. И. 10 октября, № 279.

Digitized by Google

епископовъ. Міряне не имѣютъ основаній отстаивать епископскую власть. Въ коммиссіи, которая трудится надъ основаніями реформы, нѣкоторые члены, какъ передаютъ газетные слухи, склоняются тоже—удовлетворить единодушнымъ желаніямъ клира и народа. А единодушіе въ клирѣ таково, что еслибы рѣшились спросить изъ конца въ конецъ по всей Россіи всѣхъ его членовъ, чтобъ они сказались чистосердечно и безпристрастно, какъ предъ Богомъ и совѣстью, результаты поразили бы публику, ужаснули епископовъ. Тѣмъ не менѣе, и въ средѣ коммиссіи, какъ слышно, и внѣ ея, находятся лица, отстаивающія архіерейское полновластіе. Вотъ и споръ о непогрѣшимости! Слово не произносится; но защитники архіерейской власти должны по совѣсти признаться, что они защищаютъ непогрѣшимость, если не желаютъ быть обличены въ худшемъ. Полновластіе, основанное на непогрѣшимости, будетъ имѣть по крайней мѣрѣ нравственную благовидность.

Архіерейское полновластіе, говорятъ его защитники, имѣетъ основаніе въ церковныхъ правилахъ. Церковныя правила (каноны), въ собственномъ смыслѣ взятыя, не могутъ утверждать ничьего и ни въ чемъ полновластія. Они опредѣляютъ отношенія внутри самой церкви независимо отъ соотношеній ея съ другими общественными тѣлами, каково напримѣръ государство. А внутреннія отношенія церкви всѣ добровольны. Жизнь церкви есть выраженіе вѣры и любви, т. е. свободы въ обоихъ ея примѣненіяхъ, умозрительномъ и дѣятельномъ. Вѣра есть свободное воспринятіе истины, любовь—свободное ея примѣненіе. Вѣра по неволѣ будетъ—*опытъ*, непосредственно (эмпирически) или выводами логики (раціонально) вынуждающій согласиться съ истиною, хотя бы не желалъ. А насильная любовь,—это есть нелѣпость, которая трудно даже выговаривается.

Это понятія коренныя,—коренныя понятія о сущности христіанства и его выраженіи чрезъ церковь. Церковныя правила не могутъ противорѣчить основаніямъ христіанства и церкви. Смотрѣть съ основныхъ христіанскихъ понятій, епископъ, какъ и всякій христіанинъ, если угодно, дѣйствительно полновла-

Digitized by Google

стенъ—но вмѣстѣ и безвластенъ; полновластенъ надъ тѣми, кто его слушаетъ добровольно; не имѣетъ никакой власти—надъ тѣмъ, кто его не принимаетъ.

Самое понятіе о власти примѣнимо къ іерархическимъ отношеніямъ лишь въ несобственномъ смыслѣ. Власти въ томъ смыслѣ, къ которому пріучили насъ мірскія отношенія, и которымъ предполагается повиновеніе независимое отъ доброй воли, по физической невозможности противиться или по страху предвидимой кары,—такой власти совсѣмъ нѣтъ въ церкви. И епископскій чинъ есть не власть, а даръ и служеніе; даръ, получаемый преемственнымъ рукоположеніемъ отъ апостоловъ, при содѣйствующей молитвѣ вѣрующихъ, и сохраняемый чрезъ вѣрность апостольскому ученію, при содѣйствіи опять общенія же вѣрующихъ въ молитвѣ и таинствахъ. Епископъ, лишенный общенія вѣрующихъ, перестаетъ быть епископомъ,—не по своему праву (въ строгомъ смыслѣ *право* есть понятіе еще менѣе церковное, чѣмъ понятіе *власть*), а по существу; съ лишеніемъ общенія онъ теряетъ даръ, имъ принятый чрезъ рукоположеніе, какъ равно теряетъ его и отступничествомъ отъ апостольскаго ученія. Но вѣрность апостольскому ученію сама судится собраніемъ же вѣрующихъ, которое хранитъ преданіе и благодать цѣлымъ своимъ составомъ, черезъ вѣка и вселенную единодушнымъ въ вѣрѣ и любви, безъ различія мѣстъ, временъ, возрастовъ, званій (вселенскимъ), а не однимъ составомъ епископовъ. Равно наоборотъ: вѣрующіе міряне хранятъ преданіе и принадлежатъ церкви, при содѣйствіи епископскаго служенія. Оно связываетъ ихъ съ остальными членами церкви: въ прошедшемъ и будущемъ непрерывностью рукоположенія; въ настоящемъ—таинствами и ученіемъ, непосредственно и чрезъ рукополагаемыхъ пресвитеровъ преподаваемыми, и—взаимообщеніемъ, чрезъ прочихъ епископовъ, съ прочими церквами вселенной. Въ этомъ-то обоюдномъ, можно сказать круговратномъ, взаимно-содѣйствіи духовнаго общенія и состоитъ церковная жизнь; въ немъ и есть основаніе для іерархіи, въ немъ смыслъ таинствъ. Если бы возможно было представить церковь внѣ общенія съ епископомъ,

Digitized by Google

или епископа внѣ общенія съ вѣрующими, то было бы злоупотребленіе словами; то—ни церковь, ни епископъ. Собраніе, отвергнутое епископомъ (съ которымъ согласилось все епископство и съ нимъ остальные вѣрующіе), отлучено. Епископъ, оставленый своею паствою (съ которою согласились всѣ остальныя паствы съ своими епископами), изверженъ.

Это опять понятія коренныя, уже прямо касающіяся іерархическихъ отношеній. Церковныя правила не могутъ имъ противорѣчить и постановлять обратнаго тому, въ чемъ положено существо іерархіи. Епископъ полновластный по существу будетъ—епископъ не нуждающійся въ общеніи вѣрующихъ; или же общеніе вѣрующихъ должно будетъ признать не нуждающимся въ ихъ доброй волѣ. Тогда ихъ молитва за епископа будетъ не даръ любви вспомогающей и терпящей, а повинность; соучастіе въ таинствахъ—не духовное единеніе, а пожалованіе съ одной, знакъ подданства съ другой стороны:—взглядъ извѣстный западныхъ вѣроисповѣданій, которыя въ этомъ случаѣ оба стоятъ на одномъ началѣ, не смотря на свою противоположность. Это будетъ взглядъ, съ тѣмъ вмѣстѣ ведущій къ матеріализму, и на немъ въ глубинѣ основанный,—на томъ матеріализмѣ, противъ котораго западное исповѣданіе столь незаконно споритъ теперь, само бывъ ему прямымъ родоначальникомъ. Когда въ мірѣ духовномъ отрицается сила нравственныхъ содѣйствій, или нравственнымъ признается содѣйствіе безвольное: тогда воля въ человѣкѣ либо вполнѣ отрицается, либо признается за явленіе управляемое внѣшнею силою, что впрочемъ будетъ одно и тоже: стало быть воли и души въ строгомъ смыслѣ нѣтъ, и міръ духовно-нравственный будетъ тотъ же міръ исключительной внѣшности, управляемой единственнымъ закономъ вещественной необходимости.

Возраженіе мало поможетъ, что римскіе католики признаютъ не только епископовъ, но и папу, и что ослабленіе епископской власти близится съ протестанствомъ, не признающимъ ни іерархіи ни таинствъ. Этими особенностями западныхъ исповѣданій доказывается лишь одно, что то и другое разсуждаетъ

Digitized by Google

послѣдовательнѣе православныхъ ревнителей епископскаго самовластія,—каждое въ свою сторону. Догматъ папства есть только завершеніе власти, нравственно уединенной отъ состава вѣрующихъ; отрицаніе іерархіи съ таинствами есть только завершеніе уединенности вѣрующихъ, обязанныхъ къ безучастному повиновенію.

Когда епископъ есть владыка для своей паствы, церковныя велѣнія котораго безусловно обязательны, тогда онъ есть глава своей церкви; видимымъ образомъ онъ замѣщаетъ ей невидимаго Главу, котораго дарами единственно располагаетъ. Но видимымъ главою по существу долженъ быть одинъ, какъ одинъ невидимый; о единствѣ главенства пишутся подробные трактаты въ католическихъ богословіяхъ, и они вполнѣ основательно приходятъ къ выводу о необходимости другаго, кромѣ епископовъ, подлиннаго, высшаго, единаго видимаго главы, которому бы подчинены были сами епископы, какъ епископамъ, чрезъ низшее священство, подчинены міряне; и который былъ бы первымъ и непосредственнымъ намѣстникомъ невидимаго главы и первымъ для всей церкви раздаятелемъ духовныхъ благъ и велѣній. Такимъ образомъ признанъ папа. Наоборотъ разсуждаютъ протестанты. „Когда чинъ епископскій есть власть, ненуждающаяся для своей силы въ духовномъ соучастіи вѣрующихъ, стало быть она имѣетъ дѣло съ внѣшностью, есть внѣшнее установленіе и сама—лишь внѣшность; за таковую ее и признаемъ, а духовная связь съ невидимымъ главой останется у каждаго изъ насъ по себѣ, непосредственно“. И отсюда отвергнуто епископство со всѣмъ священствомъ, и добрая половина таинствъ, а остальныя умалены въ силѣ и извращены въ смыслѣ, по тому же соображенію. Остановиться на полдорогѣ непослѣдовательно; поворотить съ полдороги въ обратную сторону противно здравому смыслу. „Церковныя велѣнія епископа не безусловно обязательны; по отношенію къ пасомымъ онъ полновластенъ, но самъ подчиненъ собору епископовъ, который есть высшая власть, и надъ нимъ и надъ всѣми вѣрующими; къ ней въ случаѣ нужды и могутъ прибѣгать послѣдніе“. Эти

Digitized by Google

разсужденія, до буквальной тождественности общія нашимъ ревнителямъ епископской власти съ западными противниками „непогрѣшимости“, обличаютъ или некрѣпкую голову, неспособную мыслить логически, или слабую волю, не рѣшающуюся принять законныхъ выводовъ изъ своихъ же началъ. Когда соборность вѣрующихъ не прибавляетъ имъ духовной силы сравнительно съ каждымъ изъ христіанъ самимъ по себѣ,—въ силу чего у собора епископовъ оказываются лишніе дары, противъ каждаго изъ епископовъ въ отдѣльности? Соборность усугубляетъ епископамъ даръ тайнодѣйствія, восполняетъ духовную силу: отчего тоже начало бездѣйствуетъ въ приложеніи ко всему составу вѣрующихъ, который есть соборность еще болѣе полная? Когда церковь, въ видимомъ устройствѣ, представляется треугольникомъ или конусомъ, гдѣ свѣтъ и сила распространяется съ вершины къ основанію, съ какимъ разумомъ это направленіе внезапно перемѣщается, и на самой вершинѣ конусъ опрокидывается? Либо—соборность, и тогда не однихъ епископовъ, а всѣхъ вѣрующихъ, съ епископами включительно: и это будетъ круговое, кольцеобразное теченіе (продолжаемъ математическое сравненіе, къ нему прибѣгали и въ церковномъ мірѣ),—и тогда этотъ кругъ будетъ истиннымъ образомъ церкви, которому *тѣло*, съ его кругообращеніемъ соковъ, останется дѣйствительнымъ подобіемъ,—подобіемъ, которымъ и объясняютъ устроеніе церкви. Либо одиночность,—и вотъ разсѣянныя точки протестантскаго міра, съ личностями каждая по себѣ. Или же, наконецъ, именно этотъ, вполнѣ выдержанный папистическій конусъ, гдѣ папа, на вершинѣ, является единственнымъ для всѣхъ источникомъ небеснаго свѣта и благодатной силы. Большинство послѣдняго римскаго собора и самъ Пій IX разсуждаютъ послѣдовательнѣе своихъ единовѣрцевъ и проводятъ логическіе выводы до конца, съ рѣшительностью или искренностью, которой, либо той, либо другой, не достаетъ у ихъ противниковъ, какъ и у нашихъ епископаловъ.

Разумѣется, церковныя правила не могутъ утверждать и такихъ положеній, которыя сами въ себѣ противны здравымъ

логическимъ выводамъ, непослѣдовательны и нерѣшительны. Не могутъ они противорѣчить и церковной практикѣ, которая заявляла себя согласно кореннымъ понятіямъ о церкви, какъ о тѣлѣ, гдѣ есть круговращеніе соковъ, а не какъ о машинѣ, гдѣ отъ главнаго привода все остальное вертится. Бывали епископы, обличенные паствами, лишенные общенія и затѣмъ отлученные отъ всей церкви, какъ бывали и частныя церкви, а тѣмъ болѣе отдѣльныя лица, по обличеніи, лишаемы епископскаго, а за нимъ и всецерковнаго общенія. Собору епископовъ не придавалось значенія военныхъ совѣтовъ, гдѣ генералы разсуждаютъ, потому что они командуютъ. Соборами провѣрялось лишь преданіе, хранимое всею церковью во всемъ составѣ. Если обычай ввелъ потомъ наименованіе „отцовъ—архипастырей“ и „владыкъ“, то даже въ худшія времена не усвоивалось епископамъ названія „отцовъ-командировъ“. Если отдѣльные христіане и малыя церкви относились къ епископамъ *сыновно,* то епископы въ своихъ привѣтствіяхъ, отдѣльнымъ ли церквамъ, отдѣльнымъ ли христіанамъ, не восходили далѣе *братскаго цѣлованія.* Церкви, лишенныя епископовъ, признавались *вдовствующими,* но не *сиротствующими.*

Разумѣется, церковныя правила, въ собственномъ смыслѣ взятыя, и не утверждаютъ того, чего не могутъ утверждать. Иное дѣло постановленія „номоканоническія“, которыми опредѣляются отношенія церковныя въ соприкосновеніи съ гражданскими, съ того мгновенія и на той чертѣ, когда и гдѣ церковь перестаетъ игнорировать (оставлять внѣ вниманія) государство, а государство перестаетъ преслѣдовать церковь. Государство живетъ иными началами; именно оно-то и живетъ тѣми началами, которыя столь неосновательно приписываются церкви папистами и ихъ завѣдомыми и не завѣдомыми единомышленниками. Оно утверждается не на вѣрѣ и любви, а на равновѣсіи правъ. Оно предполагаетъ въ своихъ членахъ не самоотверженіе, а своекорыстіе; и—силою корысть справедливую подкрѣпляетъ, несправедливую караетъ. Оно-то и имѣетъ дѣло исключительно съ внѣшними людскими отношеніями, и тре-

Digitized by Google

буетъ или запрещаетъ, не нуждаясь во внутреннемъ согласіи на свои велѣнія: духовная жизнь для него имѣетъ значеніе лишь причины внѣшнихъ явленій, ему подлежащихъ. Государство можетъ не только допустить церковь (и не можетъ не допустить; собственная жизнь церкви совершается помимо государства, не нуждаясь въ его подпорѣ, не теряя отъ его гоненія). Государство можетъ, для своихъ видовъ, подкрѣплять являемую церковную жизнь своею силою, придавать ей обязательность гражданскаго закона. Церковь въ свою очередь вынуждается соизмѣрять свои порядки государственными,—въ тѣхъ предѣлахъ опять, гдѣ касается дѣло внѣшнихъ проявленій ея жизни. Царство духовное и невидимое, она состоитъ частію изъ видимыхъ членовъ, и ихъ вѣра и любовь является въ осязаемыхъ послѣдствіяхъ, личныхъ и вещественныхъ, которыя въ переводѣ на государственный языкъ оказываются правами гражданскими, уголовными, имущественными. Отсюда и проистекъ этотъ другой видъ правилъ, которому, сообразно древнему словоупотребленію, придаемъ мы названіе *номоканоническаго* (законоправильнаго, гражданско-церковнаго) и который строго отличается среди прочихъ каноновъ, если не всегда формою, то содержаніемъ. Ихъ не было, когда церковь была гонима. Церковь отказывала тогда государству въ нравственномъ значеніи всецѣло. Покоряясь его велѣніямъ (за исключеніемъ требованій вѣроотступничества), она отдавала тѣло своихъ членовъ, не прилагая души; переносила враждебный государственный бытъ въ томъ же расположеніи и по той же покорности Промыслу, въ какомъ и съ какою принимаются ниспосылаемыя физическія явленія; неохотно прибѣгала къ государству за правдою въ области даже гражданскихъ явленій (судъ-святыхъ). Когда же государство признало само начала христіанства, и пожелало, чтобы его внѣшняя правда, въ области принудительныхъ отношеній, служила обратнымъ отраженіемъ внутренней правды свободныхъ отношеній церковныхъ, церковь не уклонилась отъ внѣшней охраны, предложенной ей государствомъ.

Понятно однако, какіе бы за тѣмъ ни предписывались внѣшніе порядки церковной жизни номоканоническими поста-

Digitized by Google

новленіями, всѣ они, во первыхъ, случайны, преходящи и измѣняемы по существу; всѣ они, во вторыхъ, падаютъ на государство, служа ему отраженіемъ и отъ него завися, и не могутъ быть вмѣнены церкви. Ссылка на нихъ въ предстоящей церковной судебной реформѣ оказывается по этому лишенною значенія сама по себѣ: о томъ и идетъ дѣло, чтобы соотношенія церкви съ государствомъ, по крайней мѣрѣ въ области суда, поставить на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ было. Защитники епископскаго полновластія совершаютъ такимъ образомъ подмѣнъ, когда подъ именемъ правилъ церковныхъ, подставляютъ въ видѣ указаній государству то, что было примѣненіемъ къ государственнымъ же требованіямъ, только требованіямъ иныхъ временъ и народовъ. Прежде, чѣмъ прибѣгать за охраною епископскаго самовластія къ поспѣшнымъ ссылкамъ на церковные законы, необходимо было еще разъяснить себѣ, что въ церковныхъ законахъ принадлежитъ прямо церкви, что ея государственному положенію; что къ церкви безразлично и что напротивъ есть даже выраженіе внѣшняго гнета, остающагося, можетъ быть по преданіямъ языческаго права, въ христіанскомъ государствѣ. Надобно было опознаться и въ современныхъ намѣреніяхъ, и притомъ нашего государства: желаетъ ли оно предписываемою реформою отвести церковно-государственный укладъ далѣе отъ чистаго церковнаго идеала или подвести къ нему ближе? Только при окончательной выясненности этихъ соображеній могутъ быть начала реформы поставлены твердо, безъ всякихъ двусмыслій и недоразумѣній, въ родѣ непогрѣшимости епископовъ, предлагаемой подъ именемъ полновластія, и въ родѣ полновластія, отстаиваемаго на основаніи церковныхъ правилъ, оказывающихся государственными.

Digitized by Google

О приходскихъ попечительствахъ *).

Нѣкто, подписавшій Полуприхожаниномъ, выражаетъ сочувствіе мысли объ устройствѣ попечительствъ при приходахъ, высказанной въ одномъ изъ недавнихъ №№ „Современныхъ Извѣстій“.

Со стороны старостъ, и именно московскихъ, возраженія противъ этой мысли еще понятны. Старосты въ Москвѣ—полные хозяева церквей; званіе старосты даетъ имъ кромѣ того легкій случай къ полученію наградъ и притомъ часто за чужой счетъ. А къ разнымъ отличіямъ куда какъ падко то сословіе, изъ котораго почти исключительно поставляются старосты. Непонятны возраженія со стороны духовенства, которое, при теперешнемъ почти подчиненномъ положеніи предъ старостами въ хозяйственныхъ дѣлахъ, терять ничего не можетъ, а пріобрѣсти напротивъ и въ нравственномъ вліяніи и въ вещественномъ обезпеченія—много.

Мы слышали обратное возраженіе—правда собственно противъ мысли нами поддерживаемой о томъ, чтобы расширить значеніе попечительствъ и прихода, а образовать изъ нихъ первый органъ для всѣхъ отраслей общественнаго управленія безъ исключенія. Опасаются: не было ли бы придано этимъ преобладающее значеніе духовенству? Возраженіе столь же мало основательное, какъ и это опасеніе духовенства потерять, съ учрежденіемъ попечительствъ, какое-то не существующее вліяніе. Когда приходъ будетъ признанъ органомъ для всѣхъ отраслей управленія, церковь и духовныя нужды прихожанъ войдутъ въ вѣдѣніе попечительства или совѣта, какъ часть среди другихъ частей. Никакого преобладающаго, тѣмъ болѣе—искуственнаго вліянія никому не удѣлится: напротивъ, именно тѣмъ то и представила бы особенное удобство эта общественная единица: самосоздная, не сочиненная искуственно, она заключаетъ въ себѣ всѣ элементы населенія безразлично. Скажемъ болѣе:

*) С. И. 18 октября, № 287.

Digitized by Google

приходская церковь, съ ея причтомъ, обратилась бы тогда болѣе въ предметъ попеченія, вмѣсто того чтобъ быть субъектомъ попеченія; болѣе о ней будутъ пещись, нежели она о комъ.

Впрочемъ усиленное значеніе прихода и расширенное значеніе приходскихъ попечительствъ, во всякомъ случаѣ, есть дѣло, еще подлежащее законодательству. Но попечительства въ тѣсномъ смыслѣ, какъ учрежденія, пекущіяся о церкви, причтѣ, приходскомъ призрѣніи и обученіи,—въ этомъ смыслѣ пепечительства уже дозволены закономъ, и остается лишь сожалѣть, что, по непостижимому недоразумѣнію, они такъ туго распространяются. Пусть старосты боятся терять значеніе; но ихъ въ каждомъ приходѣ одинъ, а прихожане—всѣ. Пусть духовенство противится, сопротивленіе его можетъ быть только нравственное; не станетъ же причтъ противиться желанію прихожанъ, единодушно выраженному, и притомъ имѣющему цѣлью благосостояніе, между прочимъ, самого же причта. За чѣмъ же станетъ дѣло? Если удастся дѣятельность попечительствъ въ предѣлахъ, теперь имъ отведеныхъ,—тогда и для законодательства явится новое побужденіе обратить особое вниманіе на эту общественную единицу, и именно изъ нея образовать первый органъ власти уже по всѣмъ дѣламъ, не однимъ церковнымъ.

Дѣти духовенства*).

Судьба тѣхъ дѣтей духовенства, которымъ, по обстоятельствамъ случайнымъ, не дано средствъ кончить курсъ въ высшемъ или среднемъ учебномъ заведеніи, — судьба этихъ не обласканныхъ дѣтей заслуживаетъ сердоболія. Намъ припоминается одинъ дѣйствительный случай, происшедшій въ пятидесятыхъ, если не въ сороковыхъ годахъ, и притомъ съ окончившими курсъ. Дѣло было во Владимірской епархіи, изобиловавшей передъ всѣми другими числомъ учащихся. Два студента,

*) С. И. 24 октября, № 293.

Digitized by Google

сыновья бѣднаго сельскаго дьячька, чтобъ не отягощать своего бѣднаго родителя, нанялись, за отсутствіемъ другихъ средствъ добывать хлѣбъ, въ ткачи. Дошло до преосвященнаго; огорчился онъ, почти оскорбился этимъ случаемъ, унижавшимъ, по его мнѣнію, званіе студента. Вызвалъ ихъ ткачей—братьевъ; допрашиваетъ о причинахъ. „Семья большая, бѣдность; отецъ ожидалъ подпоры, мы же къ нему на шею: надобно чѣмъ нибудь жить; а на духовныя мѣста, за множествомъ кандидатовъ, съ каждыми двумя годами все прибывающихъ, попасть не можемъ.“—Выслушалъ преосвященный.—„Ну поѣзжайте, работайте съ моего благословенія.“—„А кто же насъ вознаградитъ за потерянное время, за проѣздъ полутораста верстъ и обратно?“ Студенты—братья впрочемъ подумали это только, не осмѣлившись признаться вслухъ, что благословеніе, въ которомъ они не особенно нуждались, лишь отбило же хлѣбъ, самымъ своимъ доброжелательствомъ. Случай мы сказали происходилъ давно и притомъ съ кончившими курсъ. Но теперь хуже. Даже курсъ кончить невозможно, по ограниченному штату, положенному для учащихся; частію по отсутствію средствъ у многосемейныхъ къ содержанію дѣтей; по ограниченности пособій, какими можетъ помогать имъ учебное вѣдомство; наконецъ по относительной роскоши, которой требуетъ новый училищный уставъ отъ содержанія учениковъ. Онъ требуетъ отъ училищъ такого содержанія учениковъ, котораго и половиною были бы довольны многіе, привыкшіе съ дѣтства къ умѣренности, многіе даже къ нищетѣ. Но составители устава задались, чтобы семинаріи и училища были заведеніями comme-il faut, которыя не стыдно показать кому угодно. Еще бы оканчивали курсъ, какъ встарь, въ затрапезныхъ даже халатахъ! Стыдно же такихъ и показать посѣтителямъ свѣтскимъ, да еще пожалуй и „высокимъ посѣтителямъ“.

Но это мимоходомъ, а сущность въ томъ, что благодаря содѣйствію упомянутыхъ причинъ, къ которымъ еще прибавляется ограниченіе числа церквей и, слѣдовательно, вакансій для священно-служительскихъ мѣстъ, большинство дѣтей духо-

Digitized by Google

венства образуетъ буквально изгоевъ стараго времени, пролетаріевъ по нашему, да такихъ пролетаріевъ, которымъ нигдѣ и мѣста не отыскивается. Вышелъ изъ семинаріи съ полдороги: куда же онъ дѣнется? Куда дѣвается, спросили бы мы даже, и съ любопытствомъ прочитали бы статистическую вѣдомость, если бы ее кто потрудился составить за нѣсколько лѣтъ: „О дальнѣйшей судьбѣ дѣтей духовенства, не попавшихъ въ духовное званіе“. Не всѣ имѣютъ отличныя дарованія; не у всѣхъ призваніе къ гуманитарному и филологическому образованію, а еще менѣе дѣтей съ матеріальными средствами. Выбылъ. Куда? Въ ткачи? Но не даромъ Манчестеромъ-то называютъ только Шуйскій уѣздъ. Въ сельскіе работники и лавочные сидѣльцы не возьмутъ; въ ученики ремесленнаго заведенія поздно. Образованіе, къ которому стремился мальчикъ и которымъ отчасти питался, обращается ему въ накладъ; школа принесла ему злополучіе; не изнуряя себя школой, онъ имѣлъ бы карьеру, за тѣмъ же прилавкомъ, станкомъ, даже за сохой, если бы догадался приловчиться къ нимъ съ малолѣтства. Не всѣ Ломоносовы, чтобы идти семнадцати лѣтъ въ первоучину, да фабрика или мастерская не Академія Славяно-греко-латинская.

О евреяхъ*).

Въ иностранныхъ извѣстіяхъ, подъ заглавіемъ „Страхъ отъ евреевъ“, передаются размышленія о міродержительной силѣ еврейскаго племени, найденныя нами въ одной изъ славяно-австрійскихъ газетъ. Авторъ повидимому шутитъ, но ничуть не шутка, а чистая дѣйствительность, что капиталы всего міра въ рукахъ еврейскихъ. Обѣтованіе Іеговы исполнилось, восклицаетъ авторъ: Израиль господствуетъ надъ вселенной. Автору (не знаемъ, славянинъ ли онъ, или нѣмецъ) неизвѣстно,

*) С. И. 7 ноября, № 307.

Digitized by Google

повидимому, что нѣкоторыми учеными изъ евреевъ дѣйствительно такъ и объясняются пророчества о Мессіи. Повѣрье, что Мессія придетъ единолично, возставитъ израильское царство и покоритъ всѣ народы силою меча, остается принадлежностью старой школы, противъ которой само еврейство въ своемъ образованномъ слоѣ возстаетъ, какъ противъ предразсудка. Но когда это предразсудокъ, гдѣ же будетъ смыслъ еврейства, гдѣ основаніе для этой особенной религіи, притомъ неразрывно связанной съ происхожденіемъ отъ Авраама, Исаака и Іакова?— Во владычествѣ духовномъ и притомъ не одного лица, а всего племени, надъ остальнымъ человѣчествомъ. Еслибъ сотрудникъ пражской газеты заглянулъ въ учебники еврейской вѣры, принадлежащіе новому возрожденному Мендельсономъ еврейству, онъ прочиталъ бы ясными буквами напечатанное толкованіе, къ которому онъ приходитъ догадкою, и притомъ подъ видомъ шутки: завѣтъ съ Іеговою и міродержитель Мессія означаютъ міровое владычество еврейскаго племени.

Учебники и ученые не поясняютъ, въ чемъ же это міровое владычество, но за нихъ говоритъ дѣйствительность. Всемірный рынокъ въ рукахъ еврейскихъ, а въ рукахъ рынка все, и политика и даже наука. Деньги для еврея не только общій мѣритель, но даже единственный мѣритель. Недосказанное поясненіе, вѣроятно, и истолковывается большинствомъ въ видѣ финансоваго господства. Но возможно и другое, на которое указываетъ принадлежность передовыхъ евреевъ къ красной партіи, и даже краснѣйшей изъ красныхъ (глава Международной есть еврей). Призваніе еврейской науки и религіи есть призваніе разрушительное, и притомъ въ обоихъ смыслахъ—религіозномъ и государственномъ. Къ нему ведетъ именно то обстоятельство, что еврей равнодушенъ ко всякому государству, и всѣ общественныя обязанности покоряетъ двумъ побужденіямъ,— личной выгодѣ и своей религіозной связи (она же и племенная). Еврей поэтому прирожденный космополитъ; таковъ онъ на практикѣ, и не очень большое требуется логическое соображеніе, чтобъ, не останавливаясь на полдорогѣ, возвести прак-

Digitized by Google

тику, усвоенную вѣковымъ преданіемъ, въ теорію, въ принципъ. Космополитъ по политическому принципу, исключительный слуга своекорыстія по принципу соціальному и нравственному, просвѣщенный еврей съ тою же послѣдовательностью долженъ дойти до атеизма въ принципѣ религіозномъ. Одно съ другимъ вообще связано неразрывно, какъ доказываетъ исторія и современное расположеніе общественныхъ направленій. По еврейски мыслящему тѣмъ болѣе достойно прійти къ атеизму, что здѣсь будетъ окончательное логическое оправданіе религіозной особенности. Либо оставаться на повѣрьѣ старыхъ меламдовъ, но ихъ грубымъ нелѣпицамъ противостоитъ сколько нибудь просвѣщенный умъ. Или же остановиться на чистомъ деизмѣ (Мендельсоновская религія). Но тогда еврейская религія сойдется съ крайнимъ протестантствомъ и нѣтъ основаній оставаться при еврействѣ, какъ еврействѣ. Гдѣ же будетъ его современное назначеніе, чѣмъ оправдывается его отдѣльность, когда евреи не имѣютъ современнаго даже языка особеннаго? По общности языка еврей деистъ именно и долженъ бы примкнуть къ нѣмецкому протестантству. Такимъ то образомъ, еврей, додумавшійся до глубочайшихъ основаній, неизбѣжно не только перейдетъ на сторону атеизма, но присвоитъ своей націи и религіи (что одно и тоже) даже водительство въ этомъ направленіи: еврейство де исторически назначено ниспровергнуть государства и религіи, и основать царство личной корысти. Предсѣдательство Маркса въ Международной очень просто.

Надобно удивляться, что европейская наука и публицистика въ своихъ сужденіяхъ о еврействѣ пробавляется осмнадцатымъ столѣтіемъ. Далѣе и болѣе того, что было сказано во времена, когда свѣжи были религіозныя гоненія, и когда дымъ отъ костровъ инквизиціи еще не вполнѣ разсѣялся,—далѣе и болѣе дешевыхъ общихъ мѣстъ никто не говоритъ объ евреяхъ. Чуть что, евреи все еще изображаются угнетеннымъ несчастнымъ племенемъ, когда въ дѣйствительности наоборотъ. Разумѣется, сравнивать слѣдуетъ величины однородныя, племена съ племенами, и не брать единицами: одиночный Шлемка Волын-

Digitized by Google

ской губерніи, разумѣется, окажется загнатѣе герцога Соммерсета, хотя несомнѣнно, что ни одинъ англійскій лордъ не сравняется силою съ Ротшильдомъ, и всѣ перы, герцоги и маркизы въ совокупности безконечно жалче совокупности банкировъ евреевъ. Палата лордовъ вотъ уже шатается и сейчасъ: извольте ка пошатнуть палату международныхъ фондовъ. Нѣмецкое племя возбуждаетъ теперь въ остальныхъ зависть своимъ преобладаніемъ: а разберити поподробнѣе это преобладаніе: на глубинѣ и окажется (какъ замѣчаетъ иностранный авторъ шутливой замѣтки), что каждый, хотя будь тутъ разнѣмецъ, непремѣнно самъ зависитъ прямо или косвенно отъ еврея. Да ни одно царство въ свѣтѣ столько и не зависитъ отъ евреевъ, сколько нѣмецкое, и притомъ всюду,—даже въ наукѣ, искусствѣ, публицистикѣ: большинство журналовъ въ Германіи—положительно въ еврейскихъ рукахъ; да не надобно забывать и того, что послѣдній, высшій цвѣтъ германской поэзіи—Гейне, жидъ.

О мюнхенскомъ конгрессѣ старокатоликовъ*).

Г. профессоръ Осининъ читаетъ въ Петербургѣ лекціи о такъ названомъ „старокатолическомъ“ движеніи.

Г. Осининъ, въ качествѣ члена греко-восточной церкви, былъ депутатомъ на мюнхенскомъ конгрессѣ старокатоликовъ.

Г. Осининъ думаетъ посредствомъ лекцій познакомить публику съ тѣмъ, что онъ, въ качествѣ личнаго свидѣтеля, ближе другихъ видѣлъ.

Первая вступительная лекція была уже передана. Ждемъ послѣдующихъ съ любопытствомъ: намѣренъ ли г. профессоръ лекціями поправить неосторожныя выраженія свои на конгрессѣ? Или же думаетъ къ первой неосторожности присоединить новую неловкость?

Вотъ у насъ передъ глазами стенографическій отчетъ о засѣданіяхъ конгресса. Припоминаемъ и отчетъ г. Осинина о

*) С. И. 20 ноября, № 320.

Digitized by Google

конгрессѣ и своей рѣчи, напечатанной въ „Голосѣ“. Публикѣ россійской г. Осининъ своимъ отчетомъ сообщилъ, что къ произнесенію рѣчи на конгрессѣ онъ былъ побужденъ рѣчью профессора Михелиса о существѣ отношеній между восточной и римской церквами. Отношенія между двумя церквами Михелису, какъ римско-католику, представлялись не совсѣмъ вѣрно; г. Осининъ, по его словамъ, счелъ долгомъ поправить профессора Михелиса. Смотримъ въ стенографическій отчетъ и находимъ, что г. Осининъ не поправлялъ Михелиса, напротивъ, подтверждалъ, и только подтверждалъ. Можетъ быть стенографъ невѣрно записалъ, но такъ напечатано: „поэтому я считаю долгомъ тоже вполнѣ подтвердить съ своей стороны то, что профессоръ Михелисъ сказалъ о значеніи различій (между церквами).“ И далѣе еще не разъ г. Осининъ произнесъ, по показанію стенографа, это подтверждаю.

Да можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ оставалось только подтвердить? Поправлять, какъ показалось послѣ самому г. Осинину, было даже нечего? Посмотримъ.

Михелисъ находилъ неточнымъ выраженіе въ программѣ конгресса, что между восточною и римскою церквами будто бы нѣтъ существеннаго различія или разногласія (kein wesentlicher Unterchied); онъ находилъ, что точнѣе сказать: нѣтъ разногласій непреодолимыхъ (kein unüberverindbarer). Съ этимъ и согласился г. Осининъ, что между двумя церквами нѣтъ разногласій непреодолимыхъ. Въ общемъ смыслѣ съ этимъ выраженіемъ согласиться было бы тѣмъ основательнѣе, что не бываетъ и вообще разногласій о чемъ бы то ни было и между кѣмъ гдѣ бы то ни было, которыя были бы непреодолимы, которыя, другими словами, отрицали бы всякую возможность убѣдиться въ истинѣ тому, кто изъ спорящихъ заблуждается. Но дѣло не въ общемъ смыслѣ, а въ частностяхъ. Профессоръ Михелисъ объяснилъ свою мысль и въ частности, и профессоръ Осининъ тоже подтвердилъ ее и въ частностяхъ. Посмотримъ.

Михелисъ высказывалъ въ своей рѣчи, что греческою церковью догматъ папства, и притомъ въ приложеніи къ рим-

Digitized by Google

скому престолу, не отрицается. „Греки, говоритъ онъ, совершенно въ этомъ согласны; они признаютъ папу (примаса, primat); они признаютъ и римскаго епископа, исторически уполномоченнаго носителя идеи церковнаго главенства (Primatsidee der Kirchen), и вовсе не думаютъ отвергать его, усматривая въ немъ существенную принадлежность церкви Христовой.“ Прибавилъ къ этому Михелисъ и подтвердительное соображеніе. Если, говоритъ онъ, стать на историческую точку и признать папу вообще (wer überhaupt den Primat vill in der Kirche), тотъ не станетъ потомъ уже и спорить, имѣетъ ли кто еще, кромѣ римскаго епископа, законное право быть папою. И въ этомъ-то греки согласны, прибавилъ онъ. Нужно де только ограничить папскія права.

Г. Осининъ не поправилъ г. Михелиса въ этомъ чисто римскомъ пониманіи папства и въ этомъ совершенно ложномъ представленіи о восточной церкви; напротивъ съ этимъ-то онъ и согласился и именно это то онъ и подтвердилъ. Онъ не сказалъ, что самая идея папства, въ смыслѣ главенства надъ церковью (означаемаго въ католическихъ богословіяхъ и исповѣданіяхъ словомъ приматъ), опровергается восточною церковью; что именно она-то, эта идея, и ниспровергаетъ существо церкви, какъ понимаетъ его чистое христопреданное ученіе. Напротивъ г. Осининъ поспѣшилъ приписать вселенской церкви римское заблужденіе: „Да, говоритъ онъ въ отвѣтъ Михелису, что касается папы (den Primat) восточная церковь и въ древности и позднѣе всегда говорила, что она можетъ и хочетъ принимать римскаго епископа первымъ (primus) между епископами. Это засвидѣтельствовано и на древнихъ вселенскихъ соборахъ, да было и всегда принимаемо за основаніе всеобщаго догматическаго сознанія. Слѣдовательно, примата (den Primat) римскаго епископа мы не отрицаемъ въ принципѣ; мы только утверждаемъ, что римскій епископъ лишилъ себя законнаго примата, когда онъ задумалъ не только о приматствѣ, но о незаконномъ господствѣ. Правда г. Осининъ, подставкою слова первый, какъ будто бы и ослабляетъ

Digitized by Google

смыслъ, придаваемый католиками слову „приматъ“. Но онъ однако, какъ видно, съ намѣреніемъ умолчалъ о томъ, что римскій епископъ признавался только первымъ среди равныхъ (primus inter pares). Это совсѣмъ не то, даже противоположно тому, что признаютъ римско-католики. Но г. Осинину именно хотѣлось оставить членовъ конгресса въ той мысли, что восточная церковь не прочь противъ папства; что въ этомъ пунктѣ она согласна съ ними, досточтимыми богословами. Петербурскій профессоръ добавилъ чего не говорилъ даже Михелисъ, что папство (приматство тожъ) было всегда основаніемъ нашего догматическаго (!!) сознанія: гг. и оо. члены конгресса должны были понять изъ этого, что папство значится у насъ даже и въ катихизисахъ; иначе, какое же основаніе догматическаго сознанія? И ни слова о томъ, что признанное первенство папы было лишь первенствомъ чести, первенствомъ по учтивости, предоставлявшимся изъ уваженія къ царствующему граду,—стало быть не только не догматическое, но даже не церковно-уставное, словомъ было и есть менѣе, чѣмъ ничто въ догматѣ и ничто въ законодательствѣ церковномъ,—случайность чисто свѣтскаго, государственнаго свойства. Наконецъ г. Осининъ подтвердилъ Михелиса и еще сильнѣе, и зашелъ опять далѣе нѣмецкаго профессора, заговоривъ вскорѣ прямо уже о главенствѣ (Suprematie), о чемъ не говорилъ Михелисъ: даже это верховное главенство римскаго епископа, по словамъ петербурскаго профессора, будто признано церковью въ принципѣ. „Итакъ, въ смыслѣ первенства или папства, главенство римскаго епископа всегда было нами признаваемо“—таковы его буквальныя слова.

Зашло дѣло до другого различія, до догматическаго различія въ ученіи о св. Троицѣ. Предъ нимъ остановился и Михелисъ. Онъ находилъ это различіе существеннымъ, и потому именно предложилъ въ программѣ другую редакцію пункта, касавшагося греческой церкви. „Тутъ дѣло касается, сказалъ онъ, глубочайшаго основанія всей тайны самой (тайны о св. Троицѣ): мы потеряемъ самое основаніе, если этотъ, повиди-

Digitized by Google

мому маловажный пунктъ христіанскаго ученія понять будетъ неправильно". Михелисъ не видитъ здѣсь даже средства къ соглашенію, онъ изъявляетъ надежду только, что греки авось согласятся на прибавку къ символу, изъ уваженія къ внутренней истинѣ римскаго догмата, если де захотятъ, чтобъ внутреннее существо вѣры оставалось не тронутымъ.

Г. Осининъ однако и здѣсь взялся только подтверждать, и здѣсь онъ пошелъ даже далѣе ожиданій нѣмецкаго профессора. Выраженія его такъ успокоительны для римско-католиковъ, что въ переводѣ на простой житейскій языкъ значили „что-де это вы, это-де уже совершенные пустяки, хотя и вѣрно то, что въ нихъ существенный пунктъ ученія". Буквально же сказано было: „Думаю, что это не есть разногласіе непреодолимое. Вообще, по нашему взгляду, только одно и есть главное препятствіе къ сближенію и соединенію церквей—неограниченность и непогрѣшимость римскаго епископа. Стоитъ лишь устранить это препятствіе;—тогда, по моему полнѣйшему убѣжденію, для интеллигентной части нашей восточной церкви, не остается болѣе ничего непреодолимаго".

На этомъ мѣстѣ г. петербурскій профессоръ заслужилъ браво конгресса. И не удивительно: даже они вѣроятно не ожидали такой уступчивости. Г. Осининъ отстранилъ самый существенный пунктъ, который даже для нихъ кажется едва одолимымъ. Г. Осининъ притомъ дипломатическимъ умолчаніемъ далъ имъ понять, что дѣйствительно, по крайней мѣрѣ, интеллигентная часть не станетъ спорить; что она согласится, какъ выразился Михелисъ, принять добавку къ символу, изъ уваженія къ ея внутренней истинѣ. Этимъ далъ онъ понять вмѣстѣ, что церковь восточная, по крайней мѣрѣ интеллигентная часть ея, какъ ожидаетъ Михелисъ, стала бы готова согласиться съ римскимъ ученіемъ о Троицѣ, готова вообще преодолѣть свое разногласіе. Г. Осининъ ни словомъ не намекнулъ, что церкви, въ виду лжеученія, преодолѣвать въ себѣ нечего, и что нельзя допускать даже постановки вопроса о какой либо взаимности уступокъ, да еще касательно догмата,

Digitized by Google

когда идетъ дѣло о церкви вселенской съ одной стороны, и горсти нѣсколькихъ лицъ, сознавшихъ часть своихъ заблужденій, съ другой.

Тѣмъ не менѣе г. Осининъ именно такими-то выраженіями и подтверждалъ, успокоивалъ, виноваты, — поправлялъ „старокатоликовъ“. Не знаемъ нужно ли къ сказанному прибавлять еще что либо для читателей знающихъ? И нужно ли оправдывать нашъ вопросъ: чего хочетъ достигнуть почтенный г. профессоръ теперешними своими лекціями,—загладить ли свою неосторожность (употребляемъ возможно мягкое слово) или же подбавить къ ней новую? Во всякомъ случаѣ, нравоученіе просится такое:

Если бы случилось когда посылать еще разъ представителей нашей церкви на католическій конгресъ, то слѣдуетъ сперва удостовѣриться: понимаетъ ли посылаемый существенныя основанія вѣры? Знаетъ ли твердо даже главнѣйшія отличія между исповѣданіями? Умѣетъ ли различить догматъ отъ внѣшней случайности? Наконецъ, не способенъ ли онъ, изъ желанія снискать благосклонное одобреніе иностранныхъ авторитетовъ, надавать обѣщаній, по меньшей мѣрѣ равносильныхъ флорентинской уніи?—А не то явится даже пожалуй на сцену опять интеллигентная часть, которой припишется готовность жертвовать догматами, и на вселенскую церковь произнесется опять поклепъ въ признаніи папства.....

Объ оставленіи въ приходѣ священника вопреки желанію прихожанъ *).

Можно ли читать безъ возмущенія помѣщаемое сегодня письмо корреспондента изъ Выксы? Священникъ заводитъ кабакъ на церковной землѣ, и епархіальное начальство, вмѣсто того, чтобы подвергнуть его взысканію, производитъ его же въ бла-

*) С. И. 26 ноября, № 326.

Digitized by Google

точинные, какъ будто въ награду за питейную дѣятельность (предписавши, правда, кабакъ закрыть). Приходъ просить вывести отъ себя священника, ревновавшаго о кабацкомъ дѣлѣ: епархіальное начальство отвѣчаетъ требованіемъ доказательствъ его виновности, и держитъ насильно священника при приходѣ, единодушно выразившемъ свое нежеланіе имѣть его!

„Подай доказательство виновности“: это значитъ, что Нижегородская консисторія не отличаетъ ничѣмъ священника отъ становаго пристава. Священникъ есть духовникъ своихъ прихожанъ. „Да, совѣсть наша смущается исповѣдаться предъ нимъ, смущается сообщеніемъ съ нимъ въ таинствахъ; миръ душевный нарушается: отсутствіемъ уваженія, любви, прямою враждою оскорбляется святыня, оскорбляются таинства...“—Подай доказательства виновности!—Стало быть, если нѣтъ юридическихъ уликъ какого-нибудь юридическаго проступка, по внѣшности и формальности все гладко,—ступай насильно на духъ, люби и уважай насильно, то есть лицемѣрь, оскорбляй святыню, не уважай таинствъ: вотъ что читается въ приговорѣ консисторіи. Въ какомъ заведеніи воспитывались оо. члены консисторіи, и какую книгу читаютъ они въ слухъ народу во время своихъ священнослуженій, остается это не объясненнымъ. Или, въ самомъ дѣлѣ, не Евангеліе съ Апостоломъ читаютъ въ церквахъ оо. члены консисторіи и не богословію поучались въ свое время.

„Мы на духъ идти не неволимъ“, скажутъ можетъ быть, то есть: „иди куда хочешь?“ Ставить пастыря, чтобъ онъ терялъ стадо? Въ чемъ же служеніе пастыря, по понятіямъ консисторіи?—Въ механическомъ исполненіи внѣшней стороны обрядовъ: признаніе было бы оригинальное, и едва ли бы съ нимъ согласились даже члены прочихъ консисторій.

Положимъ даже, что никакого проступка дѣйствительно нѣтъ, что самое заведеніе кабака на церковной землѣ есть дѣло даже достохвальное въ священнослужителѣ; положимъ, что вообще желаютъ удаленія священника несправедливо; допустимъ это, самое большее и невѣроятное: священника *гонятъ*. Судя по всему, трудно представить, чтобы распоряженіе консисторіи

Digitized by Google

внушено было желаніемъ доставить священнику радость одного изъ евангельскихъ блаженствъ (блаженны, когда гонятъ и поносятъ и пр.). Создавать искусственно положеніе юродиваго о. благочинному, который вовсе, вѣроятно, и не помышляетъ о томъ, чтобы отдавать себя на посмѣхъ и гоненія: нѣтъ, это было бы тѣмъ болѣе странно со стороны консисторіи, что соединено съ прямымъ введеніемъ цѣлой паствы въ грѣхъ, по меньшей мѣрѣ,—въ грѣхъ осужденія. Консисторія есть присутственное мѣсто не по части разведенія соблазновъ, а казалось бы—наоборотъ.

Итакъ, если это предположеніе не удается, отчего жъ не исполнить желаніе прихожанъ? Съ цѣлію воспитать въ нихъ чувство справедливости? Есть на то другія, болѣе подручныя и болѣе успѣшныя средства. Зачѣмъ и самъ священникъ упирается отойти?—„Не желая потерять доходное мѣсто“, поясняетъ корреспондентъ. Въ самомъ священникѣ еще понятно и извинительно (по личной, людской немощи). Но указомъ консисторіи возводится это въ принципъ, въ правило, освящается какъ должное: стало быть оффиціально постановляется признаніе, что священнослужительская должность, по существу, есть промысловая, что въ корысти ея главный смыслъ, что приходъ есть аренда, и что этому обстоятельству должны быть подчинены всѣ остальныя соображенія при сужденіи о священнослужительскомъ санѣ и его обязанностяхъ.

Признаніе было бы ужасно, если бы, къ счастію, оно не было пока единичнымъ. Изслѣдователи о расколѣ, о худомъ движеніи народной нравственности, о маломъ распространеніи просвѣщенія, объ отпаденіи христіанъ въ магометанство (въ Казанской губерніи) не имѣли бы нужды ломать много голову. Причина всему открылась бы очень не сложная.

Въ заключеніе позволительно выразить сожалѣніе, что письмо корреспондента не указываетъ прямо, какъ отнесся къ дѣлу мѣстный преосвященный. Конечно, онъ согласился съ мнѣніемъ консисторіи: это видно по послѣдствіямъ. Надѣяться однако позволительно, что при нѣкоторой внимательности, прео-

Digitized by Google

священный предпочтетъ миръ даже и малой части ввѣреннаго ему стада—раздору, хотя памятуя евангельское слово: „когда гонятъ изъ одного города, идите въ другой“. А здѣсь и не гонятъ, но просятъ, ради мира церковнаго и въ отвращеніе соблазна.

О мюнхенскомъ конгрессѣ старокатоликовъ *).

Возвращаемся къ г. профессору Осинину. Пріятно удостовѣриться, что передъ Мюнхенскимъ съѣздомъ онъ не умолчалъ о существенной чертѣ, опущеніе которой насъ болѣе всего удивляло. Оказывается, онъ выразилъ прямо, что римскій епископъ былъ признаваемъ первымъ между равными; замѣна послѣднихъ двухъ словъ, весьма существенныхъ другими двумя, принадлежало обслышавшемуся стенографу, какъ и одно еще мѣсто, подмѣненное даже безъ всякаго созвучія съ подлинными словами; именно, вмѣсто „принадлежностью церковнаго сознанія“ (Beillage des Kirchlichen Bewusstseyns) подставлено „основаніемъ догматическаго сознанія“ (Grundlage des dogmatichen Bewusstseyns)?

Итакъ, вопросъ объ этомъ конченъ; мы имѣемъ подлинную рѣчь, и притомъ въ точномъ переводѣ. Но думаетъ г. Осининъ, что много этимъ измѣняется значеніе его рѣчи?

Нѣкоторые, слышали мы, находятъ, что назвать первенство папы „принадлежностью церковнаго сознанія“ будетъ даже сильнѣе, чѣмъ признать „основаніемъ догматическаго сознанія“. Мы этого не находимъ, но не находимъ и того, чтобы черезъ эту перемѣну словъ смыслъ сильно измѣнялся, если только подразумѣвался смыслъ какой нибудь. Если же его никакого не подразумѣвалось, то все равно не было его въ словахъ подлинно произнесенныхъ, какъ и въ словахъ ложно приписанныхъ. Съ безсмыслiемъ послѣднихъ самъ Осининъ не споритъ: слова, приписанныя мнѣ стенографомъ, говоритъ онъ, не имѣли бы „ни-

*) С. И. 3 декабря, № 333.

Digitized by Google

какого смысла, такъ какъ первенство, предоставленное римскому епископу въ древней церкви, не имѣетъ никакого отношенія къ догматамъ вѣры". Но г. Осининъ не потрудился пояснить, какое же было отношеніе того же первенства къ церковному сознанію, и что это за принадлежность (Beilage) церковнаго сознанія? Церковное сознаніе истинъ вѣры, кажется такъ; при томъ оно предполагается всеобщимъ, потому что называется „церковнымъ". Вотъ смыслъ единственный возможный; иначе бы говорилось о церковной практикѣ или о церковныхъ обычаяхъ. Но говорилось о сознаніи.

Наша личная догадка: что сомнительное мѣсто дѣйствительно и было произнесено безъ дальнѣйшаго подразумѣваемаго смысла. Оно было послѣдствіемъ желанія держаться на томъ же уровнѣ философскаго созерцанія, на которомъ стояли остальные собесѣдники; г. Осининъ не хотѣлъ отставать отъ нихъ, и потому тоже пустилъ въ ходъ философскіе термины, въ родѣ сознанія, да при томъ церковнаго.....

О выраженіи „приматъ" г. Осининъ самъ соглашается, что оно у латинянъ имѣетъ особый смыслъ, котораго православный допустить не можетъ. Петербургскій профессоръ не находилъ лишь нѣмецкаго слова подъ рукою, которымъ бы изобразить точный смыслъ православный.—Въ отвѣтъ на это остается конечно соболѣзновать о ненаходчивости г. профессора, тѣмъ болѣе, что нѣмецкій языкъ не лишенъ оборотовъ, которыми можно было бы выразить понятіе о почетномъ первенствѣ въ отличіе отъ первенства существеннаго. Въ крайнемъ случаѣ профессоръ могъ бы прибѣгнуть къ латинскимъ и греческимъ выраженіямъ, затрудняться которыми тѣмъ менѣе онъ могъ, что занимаетъ спеціальную каѳедру по изученію вѣроисповѣдныхъ отличій, и слушателями на съѣздѣ имѣлъ такихъ же профессоровъ, какъ самъ.

Г. Осинину казалось довольнымъ, что онъ прибавилъ въ поясненіе: „не господство, не абсолютизмъ, и не незаконное главенство". Удовлетворятся ли столь же легко и читатели, не беремся рѣшить. Г. Осинину могутъ возразить, что и католи-

Digitized by Google

ческіе богословы, именно тѣ, передъ которыми онъ говорилъ, равно отклоняли отъ приматства абсолютизмъ, господство и незаконное главенство; что старокатолики находятъ нужнымъ лишь ограниченіе папскихъ правъ, такъ сказать, превращеніе церковнаго самодержавія въ конституцію, не тревожа понятія о церковномъ приматствѣ, усвоеннаго ими по своимъ богословскимъ преданіямъ. Представитель восточной церкви, между тѣмъ, ни единою чертою не отклонилъ этой закоренѣлой папистичности представленій. Онъ не только не отклонилъ, напротивъ, утвердилъ даже болѣе, чѣмъ могли и, вѣроятно, ожидали сами католики. Г. Осининъ отклонялъ только незаконное главенство, согласившись съ главенствомъ вообще самимъ по себѣ. „Мы такимъ образомъ въ принципѣ не отрицаемъ первенства римскаго епископа... Такимъ образомъ, какъ primus inter pares (первый среди равныхъ) преимущество римскаго епископа всегда признается.“ Это подлинныя слова, признаваемыя самимъ Г. Осининымъ. Но мы должны еще добавить, что въ переводѣ на русскій языкъ г. Осининъ постарался ослабить дѣйствительную силу подлиннаго нѣмецкаго выраженія. Онъ переводитъ словомъ преимущество то же выраженіе, которое выше онъ самъ передалъ, и совершенно правильно, словомъ главенство (Suprematie, верховенство). Итакъ г. петербургскій профессоръ по собственному сознанію согласился, что церковь восточная въ принципѣ признаетъ будто бы главенство за римскимъ епископомъ. Согласимся даже, что словомъ супрематство полагалъ онъ обозначить только преимущество, забывъ по своей ненаходчивости о болѣе точномъ словѣ для этого понятія (prae-rogatiwe). Но станетъ ли спорить г. Осининъ, что въ понятіяхъ своихъ слушателей онъ оставилъ представленіе именно котораго желалъ? У нихъ должна была оставаться въ головѣ или безсмыслица;—и это было бы, если бы они приняли (вопреки общему словоупотребленію) супрематію за простое первенство. Безсмыслица выходила бы тогда, потому что оказалось бы, что восточная церковь признаетъ незаконнымъ первенство, признавая его въ смыслѣ первенства законнымъ. Или же ученые богосло-

Digitized by Google

вы должны были, что было для нихъ основательнѣе и легче, приписать словамъ смыслъ, прямо согласный съ общимъ словоупотребленіемъ, то есть, что представитель церкви отклоняетъ лишь незаконное главенство, не отрицая главенства въ существѣ.

Впрочемъ, не щегольство ли тутъ опять виною? Г. Осининъ не удержался отъ выраженія въ принципѣ,—вѣдь оно тоже философское. Понималъ ли ораторъ, что значитъ въ принципѣ? Склонны усомниться въ этомъ; иначе не допускаемъ, чтобы профессоръ богословія употребилъ такое выраженіе объ обстоятельствѣ совершенно случайномъ. Первенство римскаго епископа въ принципѣ. Первенство само въ себѣ, въ понятіи существенно, стало быть—всегда неотъемлемо; стало быть отмѣна этого первенства наоборотъ есть случайность, недостатокъ, неполнота церковнаго устройства. „Первенство римскаго епископа въ принципѣ всегда признается"; стало быть не могло не быть оно признаваемо (ибо—„принадлежность церковнаго сознанія") и при апостолахъ, съ той минуты по крайней мѣрѣ, какъ поставленъ первый послѣ Петра римскій епископъ. Стало быть, первенство римскаго епископа (пусть даже и почетное) признаваемо было даже при жизни апостола Іоанна, а тѣмъ паче при спорахъ съ римскимъ престоломъ о пасхѣ, и на помѣстныхъ соборахъ, происходившихъ въ первыя три столѣтія. Чего же лучше для старокатоликовъ и даже для католиковъ вообще? Но почтенный русскій богословъ едва ли думалъ это сказать. Едва ли согласится онъ и въ томъ, чтобъ признать также принципъ и въ другомъ, совершенно параллельномъ фактѣ церковной исторіи—въ предсѣдательствѣ византійскихъ императоровъ на церковныхъ соборахъ, во времена имперскія. Онъ не согласится возвести послѣднее въ принципъ уже потому, что на случай возможнаго собора въ будущемъ приходилось бы предложить эту честь турецкому султану, или же лишить церковь возможности соборовъ. Прискорбно; но факты совершенно однозначущи; епископу римскому, какъ епископу тогдашняго царствующаго града имперіи, тогдашней вселенной предлагаема была честь внѣшняго первенства среди прочихъ епископовъ; а

Digitized by Google

императорамъ, царствовавшимъ надъ тою же вселенной, предлагалась почетное внѣшнее же предсѣдательство на церковныхъ собраніяхъ. „Это засвидѣтельствовано вселенскими соборами“, прибавимъ мы словами г. Осинина же, который именно въ этихъ случайностяхъ обстановки соборовъ ищетъ себѣ опоры и даже воображаетъ, что западные богословы вполнѣ осязаютъ его православіе, благодаря этой ссылкѣ. Нѣтъ, ученая аудиторія, безъ сомнѣнія, такъ и поняла, какъ понимала до объясненія г. Осинина: что первенство папы существенно; что существенно оно даже для вселенскихъ соборовъ; что существенность первенства не отрицается даже восточными богословами. Деликатность, а можетъ быть и сознаніе собственной непослѣдовательности, мѣшала имъ спросить пріѣзжаго богослова: но если первенство, а тѣмъ болѣе главенство римскаго епископа для церкви существенно (принципъ),—причемъ же оставались вы, восточные, доселѣ, оставаясь внѣ папы?

Г. Осининъ на этотъ щекотливый вопросъ, можетъ быть, отвѣтилъ различеніемъ, которое у него находилось въ запасѣ и которымъ онъ не замедлилъ во всякомъ случаѣ воспользоваться: онъ отличилъ бы „интеллигентную“ (образованную) часть церкви отъ остальной. Г. Осининъ настаиваетъ и теперь на этомъ двухъярусномъ раздѣленіи церкви. Онъ и теперь утверждаетъ, что въ основаніе возможного соединенія церквей должна быть поставлена разница вѣрующихъ по степени ихъ образованія. Онъ усиливается даже подкрѣпить это мнѣніе тѣмъ обстоятельствомъ, что „понимать взаимное соотношеніе догматическихъ разностей, степень важности ихъ и т. п. едва ли можетъ кто другой, кромѣ людей развитыхъ, образованныхъ въ нравственно-религіозномъ смыслѣ этого слова, т. е., иначе говоря, интеллигентная часть общества“. Этотъ пунктъ такъ существенъ, и столько свѣта даетъ не только на рѣчь г. Осинина, но и на смыслъ отчасти даже съѣзда, на которомъ онъ присутствовалъ, и самого движенія, которому съѣздъ послужилъ выраженіямъ, что мы просимъ позволенія и г. Осинина и у читателей поговорить о немъ особо.

Digitized by Google

Къ религіозному съѣзду въ Мюнхенѣ*).

Докторъ Михелисъ въ своей рѣчи на Мюнхенскомъ съѣздѣ находитъ, что въ программѣ старокатоликовъ разность между восточною и римскою церквами обозначена слабо, названная „несущественною". Разность гораздо глубже; она касается существеннѣйшаго пункта, неправильное пониманіе котораго колеблетъ основаніе христіанской вѣры, подрываетъ смыслъ верховнѣйшаго изъ догматовъ. Достаточно сказать, что нѣтъ „непреодолимой" разности, а не то, что нѣтъ „существенной".

Хотя раздѣленіе такъ глубоко, тѣмъ не менѣе, по представленію доктора Михелиса, двѣ церкви очень близки, и даже соединеніе между ними возможнѣе, чѣмъ между римской и утрехтской. Какъ такъ, когда утрехтская есть дочь римской же, когда епископы этой церкви, при каждомъ вступленіи на каѳедру, подносятъ папѣ свое чисто-римское исповѣданіе вѣры, вмѣстѣ съ клятвою полнаго подданства римскому престолу? Правда, римскій престолъ каждый разъ систематически отвѣчаетъ отлученіями на смиренныя выраженія вѣрноподданническаго единовѣрія, и продолжаетъ эту исторію цѣлыхъ двѣсти лѣтъ, изъ за мѣстнаго, единственно епархіальнаго вопроса, изъ за желанія этой небольшой церкви имѣть собственныхъ епископовъ. Но правда и то, что всѣ нареканія на существующія будто разногласія утрехтской съ римской церковью суть клевета. Утрехтцамъ, какъ соглашается Михелисъ, оказывается постоянная несправедливость; тѣмъ не менѣе, по его словамъ, на греческую церковь представляется все-таки болѣе надеждъ соединенія.

Кажущееся противорѣчіе разрѣшается въ представленіяхъ ученаго доктора тѣмъ, что греки, какъ говоритъ онъ, признаютъ папство въ принципѣ, какъ равно признаютъ и то, что достоинство папы, примата надъ церквами, принадлежитъ именно римскому епископу. Докторъ нашелъ даже какой-то соборъ

*) С. И. 6 декабря, № 336.

Digitized by Google

греческій, гдѣ вычиталъ это признаніе. Къ разногласіямъ второстепеннымъ, напримѣръ, формѣ литургіи и безженству священниковъ, говоритъ онъ, греки равнодушны. А въ существенной разности, въ той разности, которая подрываетъ основаніе христіанскихъ догматовъ, греки должны уступить,—и уступятъ, какъ надѣется докторъ Михелисъ. Уступить они должны по тому, разсуждаетъ онъ, что лишнее слово, подбавленное къ символу, заключаетъ все-таки истину; а убѣдить ихъ въ томъ, что внесенное понятіе дѣйствительно есть истина, должна современная наука;—„если поставить себя на точку зрѣнія теперешней богословской науки“: таковы его подлинныя слова. Съ своей стороны, старокатолики, или католики вообще, согласятся, что прибавка къ символу можетъ быть (впрочемъ, только „можетъ быть“, а еще не навѣрное) не вполнѣ достаточно уполномочена была преданіемъ.

Такъ-то и выходитъ, что и различіе существенно и соединеніе легко,—легко, не смотря и на существенность различій и не смотря на недостаточное согласіе римской церкви съ преданіемъ, ею самою сознаваемое; легко потому де, что греки папу признаютъ, къ большей части своихъ догматовъ равнодушны, а въ самомъ глубочайшемъ различіи, нужды нѣтъ, что оно очень существенно и способно колебать основаніе вѣры, уступятъ католикамъ, или нѣтъ—современной наукѣ, то есть нѣмецкой наукѣ, то есть нѣмецкимъ профессорамъ, въ силу того, что это называется „наукой“, и что они суть профессора, которые признаютъ ее „наукой“, то есть истиной.

Еще одна черта. Михелисъ говоритъ только о греческой церкви, не упоминая ни слова о русской, хотя въ программѣ, которую разбираетъ онъ, прямо поименованы та и другая. Михелисъ предостерегъ своихъ слушателей, что его умолчаніе ничуть не случайно: „я все-таки отличаю—греческой“ сказалъ онъ,—налегаю на это различіе. Другими словами, докторъ прямо выдѣляетъ русскую церковь, и прямо указываетъ, что не хочетъ говорить о ней; выдѣляетъ очевидно потому, что не считаетъ ее вполнѣ единогласною съ греческой; не хочетъ гово-

Digitized by Google

рить, очевидно, потому, что считаетъ даже не стоющею, чтобъ говорить, не стоющею разсмотрѣнія, не представляющею даже основанія, на которомъ бы строить какія предположенія....

Пренія, далѣе послѣдовавшія на соборѣ, поясняютъ намъ это различеніе, на которомъ стоитъ ученый докторъ. И далѣе, лишь только заходила на съѣздѣ рѣчь о восточной церкви, говорилось все о греческой. О русской умолчалось, даже когда зашло дѣло, что старокатолики могутъ себѣ добывать священниковъ обманнымъ образомъ, чрезъ поставленіе у чужихъ епископовъ, между прочимъ у греческихъ. (Способъ, кажущійся имъ остроумнымъ и новымъ, а намъ, русскимъ, давно знакомый по сектѣ поповщинской). Русская упомянута, сколько припомнимъ, лишь одинъ разъ;—когда пошла рѣчь о вопросѣ: слѣдуетъ ли имъ, старокатоликамъ, становиться подъ защиту и зависимость свѣтской власти? „Свѣтской власти! воскликнулъ одинъ членъ. Какой свѣтской власти, съ позволенія спросить? Всѣхъ на свѣтѣ? Такъ не русской ли ужъ? Увѣрены, что многіе изъ присутствующихъ этого бы ужаснулись.“—Причина этого ужаса дана была на съѣздѣ довольна ясная: высказана была мысль, что враги старокатоликовъ клеймятъ ихъ движеніе именемъ столь „презрѣннаго византійства“, что византійство есть то же ультрамонтанство, только на изнанку.

Не станемъ входить здѣсь въ разъясненіе недоразумѣнія, сказавшагося и этими намеками и этими ужасами, и различать, что, дѣйствительно, есть истиннаго въ общемъ понятіи о византійствѣ, и точно ли приложимо это понятіе вполнѣ къ русской церкви, какъ думаютъ почтенные члены съѣзда. Наша цѣль—возстановить во всей полнотѣ и ясности смыслъ рѣчи, давшей поводъ представителю нашей церкви отвѣчать съ своей стороны подтвержденіемъ. Г. Осинину все-таки продолжаетъ казаться, что онъ не только *подтвердилъ*, но и *поправилъ* ученаго доктора. Вѣримъ, что его таково было намѣреніе. Но текстъ рѣчи Михелиса на лицо. Можетъ быть, оскорбленному достоинству не слѣдовало бы даже отвѣчать на выраженія высокомѣрнаго презрѣнія, основаннаго на добровольномъ заблужденіи. Хри-

Digitized by Google

стіанская любовь звала къ отвѣту, и мы не судимъ почтеннаго г. Осинина, что онъ рѣшился отвѣчать. Но отвѣчать слѣдовало—опровергнуть. Слѣдовало отвести нареканіе на русскую церковь, будто разногласящую съ греческою или стоящую на другомъ основаніи и заслуживающую намѣреннаго выдѣленія. Слѣдовало отразить поклепъ на греческую церковь, будто бы соглашающуюся на папство въ принципѣ, и способную изъ угожденія „наукѣ", такъ названной, уступить догматы, даже существеннѣйшіе и притомъ обоюдно признаваемые противными преданіямъ. Слѣдовало отразить сомнительныя ссылки на сомнительные соборы. Слѣдовало обличить намѣренное ослѣпленіе, презрѣніе, недостойное христіанской любви, высокомѣріе, предпочитающее богословскій факультетъ вселенскому собору и единогласнымъ свидѣтельствамъ церкви. Слѣдовало вывести противорѣчіе, на которомъ стоитъ ораторъ со всѣми единомысленниками, держась за папство, которое отъ нихъ отрекается и отъ котораго сами они отрекаются. Г. Осининъ отвѣтилъ, что восточная церковь стоитъ на базисѣ древней нераздѣленной церкви (тоже воображаютъ о себѣ и старокатолики, понимая вѣрованіе нераздѣленной церкви по своему, и устами доктора Михелиса призывая св. Григорія во свидѣтели исконной силы папства). Отвѣтилъ онъ, что папство хотя и въ смыслѣ первенства, но всегда признается *въ принципѣ*. Отвѣтилъ онъ, что разность, хотя существенная, дѣйствительно не представляется непреодолимою, по крайней мѣрѣ для *интеллигентной* части (параллель „теперешней наукѣ").

Не судимъ г. Осинина, но сожалѣемъ, что онъ недостаточно оборонилъ себя отъ обаянія, произведеннаго величественнымъ, какъ могло казаться, зрѣлищемъ представителей науки. Увѣренное *мы*, къ *намъ*, съ *нами* произвело, какъ намъ кажется, на русско-православнаго депутата подавляющее впечатлѣніе. Римское высокомѣріе предъ православнымъ смиреніемъ, да тутъ кстати и нѣмецкая самоувѣренность предъ русскою мягкостью. Въ ложномъ, безвыходномъ,—можно было бы сказать комическомъ, если бы не касалось столь священныхъ интересовъ,—

Digitized by Google

въ жалкомъ, безпомощномъ положеніи былъ съѣздъ. Нѣтъ точки опоры, не предвидится исхода; каждое изъ мельчающихъ исповѣданій оказывается болѣе правымъ въ себѣ, болѣе состоятельнымъ логически (не говоря о православныхъ, которые правы безусловно). Отчаянными взорами кидаются представители движенія за помощью, подпорою и сочувствіемъ, туда и сюда; но ища, испрашивая, боясь,—они говорятъ тѣмъ не менѣе словами: „поймите, что оказываемъ вамъ счастіе и честь, что къ вамъ обращаемся". Какъ отнесся бы на это протестантъ, да притомъ нѣмецъ же, неизвѣстно. Впрочемъ съѣздъ и самъ оказалъ протестантамъ, въ ихъ качествѣ нѣмцевъ, примѣрное благоволеніе, признавъ ихъ, между прочимъ, въ одной рѣчи, особенно себѣ дорогими и близкими. (Куда тутъ и разности, хотя на этотъ разъ даже болѣе существенныя, чѣмъ съ православіемъ!) Но православное смиреніе съ русскою мягкостью не устояли. Такъ и объясняемъ рѣчь г. Осинина. Онъ пропѣлъ въ защиту церкви пѣснь на ноту, которую ему задала окружающая самоувѣренность. Можетъ быть и это былъ уже подвигъ, что онъ сказать осмѣлился, и то принять за велико, что выслушали благосклонно...

Мѣры противъ бродяжничества монаховъ *).

Чтобы поразить въ корнѣ бродяжничество мнимо и подлинно монашествующихъ, необходима мѣра обширная и общая. Эти „богомолья", по которымъ такъ любятъ странствовать подлинные и мнимые монахи, суть язва монастырей. За весьма рѣдкими исключеніями, богомолье бываетъ просто бродяжничествомъ и побуждается къ нему, монахъ ли то, послушникъ, не усердіемъ къ благочестивымъ подвигамъ, а желаніемъ побыть на волѣ, да кстати и поискать, не окажется ли гдѣ мѣстечка потеплѣе и повыгоднѣе, куда пріютиться вмѣсто своего монастыря впредь до того, когда и новое мѣсто поприскучитъ, и

*) С. И. 9 декабря, № 339.

Digitized by Google

снова начинается богомолье съ привольною жизнью странника и новыми поисками новаго монастырскаго пріюта. Стоитъ поговорить съ любымъ настоятелемъ монастыря; онъ не замедлитъ разсказать подробности, изъ которыхъ ясно, что самыя благонамѣренныя усилія поддержать иноческій духъ обители разбиваются объ этотъ простой фактъ: „монахи разбѣгутся подъ видомъ богомолья, и удержать ихъ нельзя; монастырь останется пустъ“. Самый благонамѣреннѣйшій настоятель въ силу этого обращается въ раба установившихся монастырскихъ привычекъ, и вынуждается смотрѣть сквозь пальцы на уклоненія братіи отъ монастырской братіи и даже сносить подъ часъ ихъ дерзости, которыя во всякомъ другомъ обществѣ, кромѣ монастырскаго, отозвались бы тяжко для виновнаго.

Вообще совершенно ложно представленіе о строгой будто бы дисциплинѣ и суровой субординаціи въ нашихъ монастыряхъ. Скорѣе бываетъ исключеніемъ, чѣмъ правиломъ, и главнѣйшая причина этому—невозбранный монахамъ переходъ изъ одного монастыря въ другой и столь же невозбранная возможность странствовать вообще. Строго говоря, отъ епархіальнаго архіерея зависитъ не пустить монаха; но этого не дѣлается, и сами настоятели ужаснулись бы, если бы кого изъ братіи насильно удерживали въ монастырѣ; тогда оставалось бы бѣжать самому настоятелю. Тѣмъ болѣе—просьбы объ отлучкахъ всегда благовидны: ну, какъ въ самомъ дѣлѣ препятствовать богомолью?

По нашему мнѣнію, грѣшнѣе препятствовать мірянину въ отправкѣ на богомолье, чѣмъ монаху. Напротивъ, отлучка монаха есть уже отчасти измѣна обѣту. Монахъ не имѣетъ своей воли, въ этомъ сущность одного изъ обѣтовъ (послушанія); помышленіе объ оставленіи своей обители и своего аввы есть уже грѣхъ, въ которомъ монахъ долженъ просить объ эпитеміи: вотъ строгій образъ иноческой жизни, оставленный намъ древними уставами. Законодательству слѣдовало бы имѣть это въ виду и повертывать, хотя по немногу, монастыри въ этомъ смыслѣ къ ихъ истинному типу.

Digitized by Google

Монахъ не долженъ оставлять монастыря, въ которомъ произнесъ обѣтъ иночества,—иначе какъ по прямому приказанію начальства: вотъ основное правило, которое должно быть поставлено во главу монастырскаго устройства.

Исключенія могутъ быть дозволены, но какъ исключенія, въ особенныхъ уважительныхъ обстоятельствахъ. Перебѣжки изъ монастыря въ монастырь, а тѣмъ болѣе переманиваніе монаховъ, и еще болѣе—веселыя странствованія изъ монастыря въ монастырь должны быть преслѣдуемы строго. Въ тѣхъ даже исключительныхъ случаяхъ, когда монаху послѣ предварительнаго, болѣе или менѣе долговременнаго искуса (искусъ на эти случаи необходимъ положительно) дозволится отправка на богомолье, требовать отъ него отчета день за день въ его путешествіи. Монастырямъ же, принимающимъ монаховъ странниковъ, должно быть вмѣнено въ обязанность налагать на нихъ послушаніе, хотя бы они явились на день. Предполагается, что идя на богомолье онъ отправляется на новый подвигъ, а не на отдыхъ. Итакъ нужно не лишать его случаевъ къ упражненію себя въ подвижничествѣ.

Не можемъ, разумѣется, подробно формулировать здѣсь предлагаемую регламентацію монашескаго послушанія, но начало должно быть выдержано. А тогда мы избавимся и отъ нареканій на монашескій чинъ, да и все сословіе монашества тогда преобразится, и приблизится къ своему первообразу. Правда, останутся тогда только избранные; предпочтутъ многіе сложить санъ, въ которомъ не находятъ ожиданнаго и теперь обычнаго приволія. Но тѣмъ будетъ лучше и для самихъ монастырей и для всего общества.

О расколѣ*).

Запретомъ на старообрядческія школы говорить либо чистое суевѣріе,—боязнь новостей, ничѣмъ дальнѣйшимъ не осмысленная: „вѣрнѣе во всякомъ случаѣ теперешнее извѣстное,

*) С. И. 11 декабря, № 341.

Digitized by Google

чѣмъ будущее темное". Либо это есть отголосокъ опасеній не религіознаго, а исключительно политическаго свойства. Любители гонительныхъ мѣръ противъ раскола не чужды выставлять старообрядчество элементомъ политически опаснымъ. „Вооружить силу эту самостоятельнымъ образованіемъ значитъ сѣять будущія политическія волненія и потрясенія": такъ могутъ разсуждать, кому выгодно тѣснить расколъ, и кто понимаетъ, что однихъ вѣроисповѣдныхъ различій недостаточно къ оправданію преслѣдованій.

Само собою разумѣется, и этими опасеніями можетъ говорить опять лишь невѣдѣніе о расколѣ или прямая на него клевета. Какъ бы то ни было, но желаніе учиться, и притомъ школьнымъ образомъ, сильно въ расколѣ. Припомнимъ, что кромѣ ходатайства о дозволеніи открывать школы вообще было заявлено на нашихъ столбцахъ отъ Записнаго раскольника желаніе его единовѣрцевъ имѣть школы, въ частности женскія, и также подъ руководствомъ учительницъ не изъ старообрядства. Кромѣ того, на дняхъ намъ доставленъ родъ воззванія отъ старообрядцевъ къ старообрядцамъ, въ которомъ они особенно просятъ быть выученными по гречески. Исправленіе книгъ все-таки послужило первымъ поводомъ къ раздѣленію,— такъ разсуждаютъ они, и приходятъ къ выводу, что сличеніе славянскаго текста съ греческимъ должно облегчить возсоединеніе съ господствующею церковью. Авторъ посланія добродушно увѣренъ, что стоитъ только самимъ старообрядцамъ согласиться на его планъ,—о возможномъ сопротивленіи со стороны правительства онъ и не помышляетъ, предполагая (и вполнѣ основательно), что правительство изъ собственныхъ видовъ должно бы содѣйствовать начинанію. Мы не раздѣляемъ этого розоваго упованія, и поэтому не рѣшаемся даже печатать воззванія: ему могутъ приписать еще дурные виды. Надобно будетъ подождать перемѣны господствующихъ оффиціальныхъ понятій о расколѣ на иныя, болѣе свободныя отъ недоразумѣній. Жаль лишь будетъ, если до той поры угаснетъ въ расколѣ возгорѣвшееся желаніе учиться. Если же полагаютъ, что жажда обра-

Digitized by Google

зованія въ расколѣ пересилитъ наконецъ отвращеніе ихъ отъ школъ никоніанскихъ, или же что въ духовенствѣ предрасположеніе къ административнымъ мѣрамъ скоро будетъ пересилено ревностью учительной дѣятельности: это мечта, осуществленіе которой едва ли могутъ ожидать даже въ оффиціальныхъ кругахъ.

Диспуты съ старообрядцами о предметахъ вѣры*).

Еще явленіе изъ жизни нашего раскола. Намъ сообщаютъ, что представители старообрядства, и притомъ всѣхъ сектъ, желаютъ устроить диспутъ (разглагольствія), о предметахъ вѣры между собою и съ православными. Передаютъ такъ:

2 декабря на общемъ собраніи изъ старообрядцевъ и православныхъ, состоявшемся въ библіотекѣ коммерціи совѣтника Алексѣя Ивановича Хлудова, составлены были правила для предпринимаемаго разглагольствія. Въ основу этихъ правилъ положенъ порядокъ, наблюдаемый во всѣхъ ученыхъ обществахъ. Прежде всего разглагольствіе предположено вести въ духѣ любви и мира, съ одною общею цѣлью—выяснить истины православія и достоинство истинной церкви. Предсѣдателемъ собранія избранъ (обратившійся изъ раскола) достопочтенный игуменъ отецъ Павелъ, а товарищемъ ему одинъ изъ представителей старообрядства. Предсѣдатель открываетъ засѣданіе, наблюдаетъ очередь въ постановкѣ вопросовъ, порядокъ въ произнесеніи сужденій и рѣчей и т. п. Вопросы предварительно собранія за нѣсколько дней заявляются старообрядцами избранному предсѣдателю. Отъ старообрядцевъ же будетъ зависѣть и назначить день для разглагольствія... Составленныя и подписанныя правила положено напечатать во всеобщее свѣдѣніе; весь процессъ разглагольствія, положено записать стенографически и также предать чрезъ печать гласному обсужденію. За недостаткомъ въ Москвѣ ученыхъ представителей старой

*) С. И. 18 декабря, № 348.

Digitized by Google

вѣры, старообрядцы хотятъ для предстоящаго разглагольствія выписать книжныхъ людей изъ провинцій. Поповцы волей-неволей должны будутъ въ этомъ случаѣ обратиться къ представителямъ безпоповщины.

Разумѣется, предположенію можно только радоваться, и можно пожелать, чтобы правительство, и духовное и свѣтское, оказало съ своей стороны зависящее содѣйствіе; другими словами—чтобы оно не мѣшало выполненію намѣренія, обѣщающаго во всякомъ случаѣ не иныя послѣдствія, какъ благо церкви и умиротвореніе споровъ, раздирающихъ нашъ духовный міръ. Позволительно надѣяться, что власти настоящихъ временъ не окажутся менѣе либеральными временъ двоецарствія и Петра I. И въ тѣ времена, далеко не хвалящіеся терпимостью, путь разглагольствій признанъ былъ естественнѣйшимъ для разрѣшенія недоумѣній чисто-духовныхъ. Во время стрѣлецкихъ смутъ сторона раскола, къ сожалѣнію, позволила себѣ насиліемъ нарушить миръ словопренія. При выгорѣцкихъ преніяхъ (повлекшихъ за собою составленіе извѣстныхъ Поморскихъ Отвѣтовъ) свѣтское правительство оскорбило миръ совѣщаній вмѣшательствомъ вооруженной силы, а духовное поступило слишкомъ самонадѣянно и можно сказать легкомысленно, уполномочивъ полуученаго іеромонаха вести препирательство съ цѣлымъ сонмомъ расколоучителей, изъ которыхъ, безъ сомнѣнія, каждый превосходилъ посланнаго своею начитанностью, а изъ нихъ Денисовъ, тогдашній умственный глава безпоповства, безъ сомнѣнія, стоялъ выше православнаго іеромонаха-миссіонера и школьнымъ образованіемъ, не говоря о дарованіяхъ и діалектикѣ, въ которыхъ расколоучителю равныхъ окажется не много во всѣ два столѣтія во всѣхъ литературахъ. Печальный исходъ разглагольствія, которому впрочемъ сумѣли придать видъ „допросовъ“—извѣстенъ. Православный посланецъ, не смотря на все свое полновластіе, вышелъ посрамленнымъ, и правительству пришлось замять неудачу мѣрами гражданскими, въ которыхъ состязаться съ нимъ, разумѣется, уже никто не могъ. Понятно однако, что и гражданскія мѣры, какъ

Digitized by Google

и всегда, привели къ результату противоположному. Поморскіе Отвѣты все-таки остались первою книгою для безпоповца, и исторія выгорѣцкихъ преній въ его глазахъ все-таки осталась фактическимъ доказательствомъ правоты безпоповства въ частности и старообрядства вообще.

Съ тѣхъ поръ, сколько мы знаемъ, къ системѣ преній, даже въ видѣ допросовъ, не возвращались уже, а исключительно путемъ духовнаго дѣйствованія приняты мѣры увѣщанія—съ правомъ слова лишь одной сторонѣ. Худо. Этимъ расколъ только тѣмъ болѣе подкрѣплялся въ мнѣніи о своей непобѣдимости. Сами увѣщанія обратились въ пустую формальность, почти въ комедію, а не то даже въ прямое ругательство святымъ вѣрованіямъ. Послѣднее—тогда, когда увѣщаемый представалъ предъ властнаго увѣщателя не только безгласнымъ, но и съ кандалами на ногахъ, окруженный штыками.

Желаніе публичнаго разглагольствія, теперь выражаемое, есть несомнѣнное желаніе истины, желаніе примиренія, и вмѣстѣ свидѣтельство колебанія среди самихъ отторгшихся. И пора. И невозможно не возникнуть колебанію въ умахъ искреннихъ, послѣ этихъ нескончаемыхъ исканій точки опоры, однако никакъ не обрѣтаемой. Безпоповство, разлетѣвшееся на секты, имъ же нѣсть числа, и само поповство, тоже раздираемое; наконецъ облегчительное предложеніе единовѣрія и въ особенности послѣдніе случаи обращенія лицъ, считавшихся столпами въ старообрядствѣ: подобнаго стеченія обстоятельствъ не было въ старыя времена, не только полтораста, даже сто и восемьдесятъ лѣтъ назадъ. Первоучители были еще въ памяти, и слава ихъ непобѣдимости была еще свѣжа; неизбѣжность нескончаемаго раздѣленія еще не представлялась въ такой несомнѣнности; объ единовѣріи не было помысловъ; хульные отзывы о двоеперстіи еще красовались въ предисловіяхъ къ церковнымъ псалтырямъ, и расколъ не терялъ людей, въ которыхъ находилъ умственную опору.

Въ тѣхъ же обстоятельствахъ и предстоятели православія должны обрѣтать основаніе, чтобы возвратиться къ пути мир-

Digitized by Google

ныхъ преній благовременно. Церковь не вынуждается теперь ставить борцевъ въ родѣ іеромонаха Неофита печальной памяти, стоявшаго на основаніяхъ столь отдаленныхъ отъ точки зрѣнія расколоучителей, что не только оспариваніе, даже пониманіе своихъ противниковъ было ему невозможно. Той же участи подвержены были даже первосвященнѣйшіе слѣдовавшіе затѣмъ іерархи-полемики, въ родѣ Арсенія Мацѣевича съ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ,— авторомъ Обличенія неправды раскольническія. Православіе можетъ выставить людей, какъ Павелъ Прусскій или отецъ Пафнутій, вышедшихъ изъ той же школы, которая ставитъ имъ и противниковъ. Независимо отъ того, расколъ въ настоящее время достаточно вообще обслѣдованъ, и грубое недоразумѣніе въ существѣ его вѣрованій и сомнѣній не можетъ повториться ни въ комъ по прежнему.

Мимоходомъ сказать, избраніе достопочтеннаго Павла Прусскаго въ предсѣдатели сколько утѣшительно для православнаго, ибо само по себѣ служитъ уже свидѣтельствомъ миролюбивой готовности старообрядства уступить въ случаѣ ясныхъ доказательствъ; но тоже предсѣдательство вмѣстѣ отнимаетъ у православныхъ одну изъ лучшихъ силъ. Соглашаясь на принятіе предсѣдательства, предвидѣлъ ли достопочтенный отецъ Павелъ, что это почетное званіе почти отнимаетъ у него право рѣчи, и во всякомъ случаѣ несомнѣнно отнимаетъ право защиты? Предсѣдатель, по существу своего званія, не долженъ самъ отъ себя склонять вѣсовъ на ту или другую сторону: его дѣло, какъ выражаются, резюмировать, то есть вкратцѣ и съ возможною точностью, безъ усиленій и ослабленій, изложить въ сопоставленіи содержаніе доводовъ той и другой стороны. Даже въ силахъ ли будетъ достопочтенный предсѣдатель совершить этотъ подвигъ безпристрастнаго отрѣшенія отъ личныхъ воззрѣній?

Какъ бы то ни было, можно только радоваться, и можно только просить, чтобы преднамѣреваемому дано было безпрепятственно совершиться. Смѣшно будетъ, разумѣется, ласкаться надеждою, что съ разу такъ, тотчасъ послѣ разглагольствія, или даже въ продолженіе его, та и другая сторона повинится

Digitized by Google

и произнесетъ: „признаемся, ошибались“, и затѣмъ послѣдуетъ огульное, мгновенное же обращеніе цѣлыхъ массъ. Повторенія такихъ обращеній массами, возможныхъ только при проповѣди апостольской или миссіонерской, ждать будетъ дѣтски. Но послѣдствіе произойдетъ тоже, только совершится медленнѣе (но тѣмъ глубже). Записанное въ подробности разглагольствіе составитъ книгу, равную по значенію Поморскимъ Отвѣтамъ, хотя противоположную по своимъ воспитательнымъ послѣдствіямъ. Не мигомъ и Поморскими Отвѣтами совращались, и притомъ не цѣлыми массами. Не ближайшихъ свидѣтелей, а тѣмъ менѣе участниковъ словопренія нужно имѣть въ виду, а тѣхъ милліоны, которые внимательно и въ тиши прослѣдятъ доводы обѣихъ сторонъ, взвѣсятъ, и внутри себя, предъ совѣстью произнесутъ приговоръ за или противъ, не стѣсняемые немощью ложнаго самолюбія и столь же ложнымъ стыдомъ публичнаго сознанія въ ошибкахъ.

Можетъ быть, да и всего вѣроятнѣе, первымъ разглагольствіемъ не исчерпаются даже главнѣйшіе пункты. Но тѣмъ лучше, что это поведетъ къ дальнѣйшимъ мирнымъ преніямъ, столь же публичнымъ. Истина будетъ уясняться только этимъ, и путь къ взаимному примиренію въ духѣ любви только сглаживаться.

Объ употребленіи монастырскихъ доходовъ *).

Монастыри что-то начали особенное вниманіе обращать на себя, и притомъ своими воображаемыми богатствами. Недавно, со словъ Петербургскихъ Вѣдомостей, высчитывались доходы архіереевъ, при чемъ особенная дана сила тому, что богатѣйшіе изъ монастырей повторяютъ собою у насъ пребенды или бенефиціи западной церкви, говоря проще—даются архіереямъ въ видѣ арендъ или оброчныхъ статей. А прежде, со словъ тѣхъ же Вѣдомостей, высчитывались вообще доходы монастырей, при чемъ находилось, что монастыри не въ мѣру богаты. Мы только теперь передаемъ эти исчисленія, потому что не желали передавать безъ оговорки: мы находимъ, что доходы, по крайней

*) С. И. 21 декабря, № 351.

Digitized by Google

мѣрѣ нѣкоторыхъ монастырей, сильно преувеличены. Судимъ такъ по Троицкой лаврѣ, доходы которой не могутъ простираться до 500,000 р., сколько можемъ судить, зная нѣсколько ихъ источники. Равномѣрно и сорокатысячный доходъ лаврскихъ настоятелей, въ приложеніи опять къ этой же лаврѣ, скорѣе всего можетъ быть причисленъ къ миѳамъ. Лѣтъ двадцать, пятнадцать назадъ, архимандричій доходъ отъ лавры представлялъ цифру гораздо умѣреннѣйшую, отъ трехъ до четырехъ тысячъ, слѣдовательно, въ десятеро менѣе. Правда, при покойномъ митрополитѣ (Филаретѣ) въ доходъ архимандрита отчислялась третья часть только одного изъ лаврскихъ доходовъ, кружечнаго отъ молебновъ. Справедливость кстати требуетъ замѣтить, что покойный митрополитъ не пользовался и этими деньгами: онѣ большею частію оставляемы были имъ въ лаврѣ, и употреблялись съ его разрѣшенія и приказанія на общія лаврскія нужды и пособія разнымъ лицамъ. Если-даже предположить, что благодаря желѣзной дорогѣ доходы сильно возросли и что въ долю архимандрита поступаетъ теперь третья часть и изъ другихъ лаврскихъ доходовъ (что еще неизвѣстно): удесятеренная цифра будетъ все-таки невозможностью.

Мы не утверждаемъ; основываемся на догадкахъ; едва ли на чемъ, кромѣ догадокъ, основываются и досужіе исчислители монастырскихъ богатствъ. Самымъ лучшимъ средствомъ было бы, разумѣется, привести доходы въ извѣстность. Несомнѣннымъ во всякомъ случаѣ остается одно, что монастыри наши считаются богатыми и что на богатства ихъ зарятся. Независимо отъ свѣдѣній, появившихся уже въ печати, въ послѣднее время поступали и къ намъ не одинъ изъ запросовъ о богатствахъ монастырскихъ и не одно изъ предположеній, куда употребить ихъ производительнѣе. Заходитъ рѣчь, напримѣръ, о дороговизнѣ квартиръ. Г. П. Кленусъ находитъ въ числѣ средствъ готовое въ видѣ пустующихъ монастырскихъ помѣщеній. Другой ищетъ въ монастыряхъ же обязательнаго пріюта для нищихъ малютокъ.

Пора замѣтить, что всѣ эти разужденія о томъ, какъ распорядиться монастырскими богатствами (согласимся даже, что вычисленія вполнѣ вѣрны), построены вообще на ложномъ

Digitized by Google

основаніи: на неуваженіи къ частному праву. Начало это худое, едва ли станетъ кто спорить. Одно изъ двухъ: или терпѣть монастыри или нѣтъ; или признавать ихъ юридическою личностью, или отрицать въ нихъ это право. Въ Англіи это право было отринуто, что послужило лишь послѣдствіемъ къ обходу закона. Монастыри все-таки продолжали существовать, но подъ другимъ видомъ; имущества все-таки пріобрѣтались ими, но на чужое имя. Государство и не въ силахъ воспрепятствовать учрежденіямъ, коль скоро таковыя являются въ удовлетвореніе опредѣленнымъ народнымъ потребностямъ и понятіямъ, истиннымъ или ложнымъ съ отвлеченной точки зрѣнія, не станемъ объ этомъ спорить. На правительствѣ во всякомъ случаѣ лежитъ долгъ отнестись къ праву честно, или признавать, или не признавать. Заразъ, и терпѣть существованіе монастырей, и даже оказывать имъ наружное уваженіе, признавать въ нихъ какъ бы юридическую личность, и съ тѣмъ вмѣстѣ нарушать существенныя гражданскія права, составляющія основаніе имущественной безопасности всѣхъ и каждаго: это не просто логическій абсурдъ; это есть подрывъ довѣрія къ власти, колебаніе основъ общественныхъ. „Каково богатство! Оно могло бы быть употреблено на общественныя цѣли полезныя“: если подобное соображеніе уполномочиваетъ на самовольное распоряженіе имуществами монастырскими, состоящими на частномъ правѣ, то почему оно будетъ не основательно въ приложеніи къ имуществамъ, состоящимъ на частномъ правѣ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, т. е. къ личнымъ владѣніямъ? Единоличнымъ господамъ, которые имѣютъ несчастіе владѣть сотнями тысячъ десятинъ и милліонами процентныхъ бумагъ, еще труднѣе будетъ доказать право свое на неприкосновенность своей собственности, чѣмъ монастырямъ, которые во многихъ случаяхъ способны доказать и происхожденіе имуществъ болѣе безукоризненное и даже употребленіе болѣе производительное, чѣмъ иной, проживающій на парижскихъ лоретокъ сотни тысячъ съ имѣнія, доставшагося его отцамъ за заслуги весьма сомнительныя, и пожалуй именно изъ числа тѣхъ же монастырскихъ имуществъ (въ свое время подвергнутыхъ отчужденію).

Digitized by Google

Нѣтъ, мы стоимъ на строгомъ правѣ, и въ этомъ смыслѣ не только не раздѣляемъ этихъ похотливыхъ взглядовъ на чужое добро, и не только не одобряемъ принудительныхъ обращеній частной и общественной собственности въ государственную, подъ предлогами болѣе или менѣе благовидными: напротивъ, желали бы даже покрѣпче уваженія къ частному праву, чѣмъ есть доселѣ. Личная собственность у насъ, правда, охранена, но за то общественныя учрежденія легко принимаются за государственныя, и исторія не съ одними монастырями показываетъ, какъ невѣрно разсчитаетъ благотворитель, если предположитъ вѣчную несокрушимость дара, когда завѣщаетъ капиталъ, и даже недвижимый, на заведеніе, предположимъ, благотворительное или учебное. Гдѣ ручательство, что даръ останется на вѣки, что капиталъ не присвоится казною путемъ насильственнаго займа (благо тягаться некому), что недвижимая собственность не превратится по произвольной оцѣнкѣ въ деньги, которыя, какъ и слѣдуетъ, не замедлятъ подешевѣть и представить вмѣсто нарицательнаго рубля существенный гривеникъ? Въ необезпеченныхъ общественныхъ имуществахъ (не казенныхъ) мы усматриваемъ даже одно изъ самоглавнѣйшихъ препятствій къ развитію у насъ просвѣщенія-ли самостоятельнаго, или призрѣнія правильно организованнаго. То ли было бы, когда бы ни церкви, ни монастыри, ни благотворительныя и просвѣтительныя заведенія, основанныя на средства частныя и общественныя, не причислялись къ „казеннымъ“ и не состояли подъ казеннымъ управленіемъ? У насъ негодуютъ, что благотвореніе любитъ золотить церковныя крыши, строитъ дорогія колокольни и лить большіе колокола, туго подаваясь на учрежденіе училищъ и прочихъ заведеній съ разумно-духовною цѣлію. Но благотворитель увѣренъ по крайней мѣрѣ что колокольня останется цѣла. Въ Петербургѣ, Троицкой лаврѣ между прочимъ принадлежитъ земля на бойкомъ мѣстѣ, около Чернышева моста. Слышали мы, что тамъ лавра возводитъ теперь огромное зданіе. А въ прежнее время, слыхали мы, митрополитъ Филаретъ рѣшительно отказывалъ въ благословеніи на подобное сооруженіе, не смотря

Digitized by Google

на предвидимый значительный доходъ; „отнимутъ!“ Это опасливое предвидѣніе нельзя было обвинять въ неосновательности, послѣ краснорѣчивыхъ опытовъ не только старины, но и новѣйшихъ временъ. Домъ на Невскомъ проспектѣ, въ томъ же Петербургѣ, принадлежащій духовно-учебному вѣдомству и пріобрѣтенный на духовно-учебные капиталы, безъ разговоровъ былъ замѣщенъ, да и теперь замѣщается квартирами чиновниковъ: а вѣроятно на его доходы могла бы существовать добрая семинарія! Доходъ съ имуществъ здѣшней Пѣвчей, доходъ съ Синодальной типографіи идутъ ли въ назначеніе, сообразное съ волями первоначальныхъ учредителей? Указываемъ примѣры, которые сейчасъ на виду, не трогая другихъ.

Можно желать болѣе производительнаго употребленія монастырскихъ богатствъ; должно этому содѣйствовать законодательство, но не отрицаніемъ юридическихъ общественныхъ личностей, не коммунизированіемъ имуществъ, а путемъ прямо обратнымъ. Сомнительно, гдѣ богатства получатъ болѣе производительное употребленіе, въ рукахъ ли самостоятельныхъ учрежденій, или въ рукахъ централизованнаго чиновничества, которое въ попеченіяхъ объ общемъ благѣ, конечно, менѣе всего забываетъ о себѣ. Дать, напротивъ, полную самостоятельность въ распоряженіи доходами всѣмъ общественнымъ учрежденіямъ, которыя не обязаны казнѣ своими средствами; органическимъ закономъ укрѣпить за общественными имуществами неприкосновенность столь же полную, какъ и за личною собственностью; а затѣмъ лишь въ уставахъ каждаго изъ заведеній точнѣе опредѣлить ихъ безкорыстныя общественныя цѣли и блюсти за ихъ выполненіемъ: вотъ что требовалось бы отъ законодательства и администраціи. При этихъ условіяхъ, вѣроятно, не одинъ лишній университетъ явился бы у насъ на частныя и общественныя средства, не говоря о малыхъ училищахъ. Высокихъ колоколенъ и большихъ колоколовъ вновь созидалось бы несомнѣнно менѣе: за то и монастыри вѣрнѣе стяжали бы тогда высокое уваженіе общества, нужды нѣтъ, что теперь теряютъ даже его снисходительность.

Digitized by Google

1872 ГОДЪ.

О духовно-судебной реформѣ*).

Нечего говорить, вполнѣ сочувствуемъ почтенному іерею, сотруднику „Современныхъ Извѣстій“ священнику Полтавской епархіи, въ его тоскѣ по безгласности, въ какой приготовляется реформа духовнаго суда. Но не раздѣляемъ ни на каплю его упованія, что тьма возсіяетъ и уста отверзутся. Достаточно убѣждаютъ предшествовавшіе опыты, указываемые самимъ корреспондентомъ. Обнародованіе можетъ быть воспослѣдуетъ, но не съ тѣмъ чтобъ вызвать замѣчанія, тѣмъ менѣе— воспользоваться ими, а для приличія; послѣдуетъ въ добавокъ тогда, когда и высказывать замѣчанія поздно. Вообще на проекты, вполнѣ готовые, съ главами, отдѣлами, подраздѣленіями, мудрено отзываться; возможно еще, когда основныя начала не возбуждаютъ недоумѣній, но когда основаніе ложно? Отвергать всецѣло, оспаривать основанія, доказывать ихъ ложь, раскрывать ничтожество законодательнаго труда наканунѣ возведенія его въ обязательную силу: пользы общественной мало; остается молчать, когда не желаютъ слушать. Тѣ умѣстны и плодотворны замѣчанія, которыя вызываются по мѣрѣ самаго возрастанія законодательной мысли, приглашаются къ участію въ самомъ ея процессѣ.

*) С. И. 6 января, № 5.

Digitized by Google

Не раздѣляемъ упованій корреспондента и на то, что происходитъ будто бы въ устройствѣ церкви возвращеніе къ временамъ апостольскимъ. Мы *пятимся*, но не возвращаемся; отступаемъ все далѣе отъ идеала въ устройствѣ церкви, а не восходимъ отъ новѣйшаго къ древнѣйшему. Представленіе корреспондента, при всемъ набожномъ добродушіи, заключаетъ въ себѣ долю даже кощунства, конечно, не сознаваемаго. Довольно указать на самый способъ реформы, который есть исключительно бюрократическій; это ли есть апостольское основаніе? До апостоловъ, положимъ, восходить и далеко, и даже невозможно (говоримъ объ *устройствѣ*, а не о *вѣрѣ*): устройство церкви послѣ апостоловъ, даже и на другой день ихъ кончины, не могло быть тѣмъ же, чѣмъ при жизни ихъ, непосредственныхъ посланниковъ Основателя церкви, облеченныхъ чрезвычайною властію. Легче возвратиться къ устройству временъ вселенскихъ, короче—къ устройству соборному; это и возможно и благовременно. Такъ гдѣ же это и въ чемъ было или предвидится? Не на оборотъ ли?

Дѣйствительно, не только на оборотъ желаемымъ основаніямъ церковнымъ, но вмѣстѣ и въ прямой противоположности тому, что совершается въ другихъ областяхъ русской жизни, съ государственной точки зрѣнія. Чѣмъ славно настоящее царствованіе? Какъ выразился кто-то съ замѣчательною вѣрностью, оно есть постепенное *раскрѣпленіе;* это есть основная мысль всѣхъ совершаемыхъ реформъ, главная нота всѣхъ аккордовъ, выдающаяся черта движенія. Было время, государствомъ все было подтянуто. Необходимость ли это была историческая, или случайность, не станемъ обсуждать; это дѣло историіографовъ. Но несомнѣненъ фактъ, что подтянутыя общественныя силы найдено благовременнымъ развязать мало по малу. Государственная власть то въ одной, то въ другой отрасли начала давать обществу свободу движенія, снимая съ себя самой лишнія заботы, отстраняя одно за другимъ огражденія, потерявшія смыслъ: отмѣнено крѣпостное право; судъ данъ и гласный и съ присяжными,—съ участіемъ, слѣдовательно, общества и нравственнымъ

Digitized by Google

и властнымъ. Пріоблегчены тугія помочи, на которыхъ ходила печать; болѣе простора въ школьномъ дѣлѣ. Областная жизнь получила самоуправленіе, съ которымъ немногія страны въ мірѣ могутъ потягаться широтою. Въ экономическомъ и финансовомъ мірѣ, нечего и говорить, сколько предоставлено почина обществу! Словомъ вездѣ, кромѣ—церкви. Во всѣхъ этихъ реформахъ государственная власть, облегчая взаимно отношенія, противопоставляла государству въ тѣсномъ смыслѣ тоже государство, но въ смыслѣ *общества* и *народа*, которымъ и давала просторъ. Кромѣ однако *народа*, то есть массы бытовыхъ силъ, и кромѣ *общества*, то есть того же народа, но въ его интеллектуальной потенціи (смысленной степени), тоже государство есть еще *церковь*; тотъ же народъ и тоже общество, независимо отъ силъ экономическихъ и ителлектуальныхъ, является еще носителемъ духовно-нравственныхъ идеаловъ, и въ этомъ смыслѣ—собирательною личностью (при разновѣріи—собраніемъ такихъ личностей), которой, въ свою очередь, соотвѣтствуетъ и свое внѣшнее устройство, въ своемъ особомъ, то есть церковномъ мірѣ.

Итакъ, что произведено по этой части? Ослаблены государственныя возжи? Почтенный корреспондентъ согласится, если размыслитъ внимательно, что возжи не ослаблены, не ослабляются, напротивъ затягиваются туже и туже въ глухой узелъ. Главный и почти единственный соблазнъ въ насъ для иновѣрцевъ есть то, что называютъ они *византійствомъ*, которое, какъ замѣтилъ удачно одинъ изъ членовъ Мюнхенскаго конгресса, есть *ультрамонтанство* на выворотъ. Ультрамонтанствомъ называется стремленіе церкви поглотить въ себя государство,—іерархія, одѣтая, на мѣсто духовныхъ, мірскими доспѣхами и ищущая власти, помимо духовнаго, въ вещественномъ мірѣ. Византійствомъ называется обратный подмѣнъ, когда государственные органы заступаютъ мѣсто церковныхъ, дѣйствуя за нихъ въ неподлежащей имъ области духовныхъ отношеній; словомъ—захватъ государства въ области церковной, какъ ультрамонтанство—захватъ іерархіи въ области государственной.

Digitized by Google

Спрашиваемъ: что же сдѣлано по этой части и въ какую сторону двигаемся? Можетъ быть корреспондентъ будетъ счастливѣе насъ, но мы затрудняемся въ современныхъ отношеніяхъ государства къ міру церковному вообще и іерархіи въ особенности отыскать что нибудь соотвѣтственное тому, что произведено тѣмъ же государствомъ въ отношеніяхъ къ земству, обществу, народу, въ области суда, финансовъ, администраціи, внѣшняго просвѣщенія. Органы свѣтской власти не только не сняли съ себя ни единой заботы о духовномъ мірѣ, но подбавили новыхъ; іерархіи не только не предоставленъ починъ, напротивъ захваченъ у нея съ рѣшительностью рѣдко виданною; достаточно припомнить, что даже такая мѣра, какъ превращеніе всѣхъ монастырей въ общежительные, рѣшена „по предложенію“ г. оберъ-прокурора! А замѣтимъ еще, что въ прежнія, закрѣпощенныя времена, приближеніе большее или меньше къ византійству даже и не представляло особеннаго извращенія отношеній,—именно благодаря общему закрѣпощенію. Общество слагало тогда на плечи государству всю заботу по всѣмъ дѣламъ, хотя бы относившимся къ общественной сферѣ въ тѣсномъ смыслѣ. Въ томъ числѣ оно возлагало на государство и вѣровать за него, т. е. предписывать вѣру, рѣшать относящіеся къ ней вопросы, отыскивать ей соотвѣтственныя формы внѣшняго устройства. Тутъ немножко есть софизма, но оправданіе было благовидно. Въ такомъ смыслѣ и объяснялось знаменитѣйшими изъ іерарховъ наше церковное устройство, напримѣръ, Филаретомъ по вопросу о назначеніи епископовъ. Въ послѣднемъ вопросѣ впрочемъ и безъ софизма власть государственная имѣетъ право,—право двойное, не только въ смыслѣ вѣрующей за православный народъ и оцѣнивающей вѣру предназначаемаго епископа (софизмъ), но именно въ силу своего свѣтскаго значенія (основаніе правильное, безъ софизма): государственная власть обязана блюсти, чтобы правители „признанной“ церкви, были не только правовѣрными, о чемъ судить дѣло самой церкви, но и для государства безвредными, что уже прямое дѣло ея самой. Но помимо этого случая и помимо

Digitized by Google

этого отрицательнаго отношенія, противъ котораго никто не скажетъ даже изъ безпристрастныхъ иновѣрцевъ, не только безъ натяжки, но безъ прямаго оскорбленія здравому смыслу трудно защищать усиленное вмѣшательство государственныхъ органовъ туда, гдѣ имъ менѣе всего подобало бы заботы.

Авторъ не согласится съ нами, знаемъ заранѣе; потому что онъ—священникъ, а низшему духовенству польщено реформами духовнаго вѣдомства. Говоря безъ преувеличенія, идеалы въ церковномъ мірѣ, осуществляемые новѣйшими законоположеніями, не идутъ далѣе книгъ, изданныхъ заграничною печатью: *О сельскомъ духовенствѣ, О черномъ и бѣломъ духовенствѣ, О духовныхъ училищахъ.* Выполняется программа этихъ сочиненій съ рѣдкимъ постоянствомъ и замѣчательнымъ усердіемъ. Авторъ одного изъ этихъ твореній назвалъ, между прочимъ, архіереевъ „сатрапами въ рясахъ“. Въ свое время защитниками архіерейства было противъ него возражено; но не замѣчено было одного, что отъ „сатраповъ въ рясахъ“ авторъ аппеллируетъ къ сатрапамъ же, только въ мундирахъ и вицмундирахъ: перемѣна не въ одномъ одѣяніи, а и въ существѣ. Какъ бы ни было, но противопоставленіе бѣлаго и чернаго духовенства дѣйствительно проводится съ особенною озлобленностію. Реформы служатъ ей лишь отголоскомъ, и приходское духовенство не можетъ быть ими недовольнымъ. Что нужды, что духовныя лица закрѣпощаются въ государственную службу, но государство озабочивается ихъ обезпеченіемъ. Число церквей принудительно сокращается; народъ будетъ рѣже слышать поученія, меньше случаевъ молиться; это такъ, но доходы причтовъ за то увеличатся. Извращается существо священноначалія; въ мечтахъ чуть не доходятъ до пресвитеріанства: но отъ сатраповъ-то въ рясахъ, говорятъ, освободимся.

Итакъ, мы знаемъ, что достопочтенный корреспондентъ съ нами не согласится, но не можемъ не передать ему, что со стороны, именно всему собору русской паствы, да всякому добро мыслящему и безпристрастному даже изъ иновѣрцевъ, совершаемыя и предпринимаемыя въ духовенствѣ реформы пред-

Digitized by Google

ставляются въ иномъ свѣтѣ, нежели тѣсному міру русскаго клира. Русское духовенство любитъ себя сравнивать съ крѣпостными: пусть будетъ по его,—и оно торжествуетъ примѣненіемъ къ себѣ выборнаго начала, усматривая въ немъ великую либеральность. А со стороны вотъ чѣмъ представляется: дворовые, возмущенные самовластіемъ господъ (удерживаемъ сравненіе), потребовали и получили право выборовъ, среди себя изъ себя, противъ господина, оставляя крестьянъ въ сторонѣ, на счетъ которыхъ живутъ. Или ближе: становымъ приставамъ предоставлено право выбирать изъ себя исправника. Беремъ опять сравненіе, которымъ не должно оскорбляться духовенство; оно же измѣряется табелью о рангахъ и любитъ себя измѣрять, тѣмъ болѣе любитъ получать соотвѣтственныя рангамъ отличія. Однако не дико ли это? Что скажетъ со стороны самъ почтенный корреспондентъ, еслибъ въ его губерніи и уѣздѣ случились таковые казусы съ земскою полиціею, да еще—бюрократическимъ путемъ возведены были на степень закона?

Съ точки зрѣнія церковной и подлинной іерархической, одно противоположеніе имѣетъ смыслъ, да и то не противоположеніе, а различеніе—между паствою и клиромъ. Но противоположеніе клира низшаго высшему есть такая же безсмыслица, какъ въ воинскомъ чинѣ противолопоженіе офицеровъ генераламъ. Повѣрьте, паствѣ, которая желаетъ быть пасомою, а не стригомою только, рѣшительно равно, стригутъ ли ее избираемые не ею или никѣмъ не избираемые. А западный богословъ, не предубѣжденный, лишь подивится, что къ русскому клиру привилось не только римско-католическое понятіе о церкви *представительной* (выраженіе, употребляемое и почтеннымъ корреспондентомъ,—вѣроятно безъ догадки о подлинномъ смыслѣ), но даже внутри представительной церкви разбиваются два лагеря, изъ которыхъ одинъ, отлагаясь отъ началъ іерархическихъ, спѣшитъ стать подъ хоругвь бюрократическую, и лобызаетъ случай не только чувствовать, но и стать вполнѣ чиновникомъ государственной службы. Въ своемъ родѣ это—высоко замѣчательное явленіе,—со временъ существованія церкви и государствъ по

Digitized by Google

крайней мѣрѣ еще не виданное (минуя протестантство, которое совсѣмъ утратило іерархію).

Есть еще и третья сторона, которая можетъ быть судьею въ настоящемъ дѣлѣ,—невѣріе. „Всякое царство раздѣльшееся на ся запустѣетъ“: законъ этотъ и представителямъ невѣрія извѣстенъ, хотя они не читаютъ Евангелія. Въ этомъ смыслѣ и съ этой стороны сочувствіе къ духу предпринимаемыхъ реформъ обезпечено; приходское духовенство можетъ въ этомъ не сомнѣваться, хотя бы и сомнѣвалось, что собственными руками усердно роетъ подкопъ прежде всего противъ самого же себя.

Не достаетъ мѣста, чтобъ сказать нѣчто и на частныя пожеланія корреспондента, между прочимъ о прокуратурѣ. Въ томъ же добродушіи корреспондентъ не видитъ, вмѣстѣ съ безчисленными многими, что сама по себѣ прокуратура есть учрежденіе чисто государственное; что перенесенная въ церковныя отношенія она искажаетъ самыя ихъ основанія; что въ дѣлѣ свѣтскаго суда она есть именно послѣдствіе безразличія къ внутреннему началу совѣсти и подмѣнъ его другимъ. Но впрочемъ, стоитъ ли говорить и разъяснять далѣе? Съ какихъ глубокихъ основаній надо подымать, чтобъ поставить простое, элементарное различеніе церковнаго отъ гражданскаго, духовнаго отъ свѣтскаго!...

О духовно-судебной реформѣ *).

Спрашиваютъ насъ, что значитъ: „прокуратура есть послѣдствіе безразличія къ внутреннему началу совѣсти и подмѣнъ его другимъ?“ Вопросъ относится къ заключительнымъ словамъ вчерашней нашей замѣтки.

Отвѣчаемъ:

„Прокуратура, въ смыслѣ обвинительной власти, есть принадлежность состязательнаго процесса.

„Состязательный процессъ, въ противоположность слѣдственному, есть судъ, основанный на сличеніи фактовъ, а не на признаніи подсудимаго.

*) С. И. 7 января, № 6.

Digitized by Google

„Основываться на признаніи подсудимаго значитъ основаться на его совѣсти".

Было время, когда, чтобъ исторгнуть признаніе, находили необходимою даже пытку,—удивительное сочетаніе уваженія къ нравственному закону съ грубѣйшимъ попраніемъ первыхъ нравственныхъ же правъ! Правосудіе боялось учинить несправедливость, и искало, чтобы приговоръ былъ изреченъ собственными устами подсудимаго, въ которомъ предполагало и совѣсть, то есть нравственный законъ, и самопамятованіе, то есть сознаніе о совершенномъ фактѣ, и самовмѣненіе, то есть внутреннюю оцѣнку факта. Приговоръ суда, по тогдашнимъ понятіямъ, долженствовалъ быть только повтореніемъ приговора, предполагавшагося въ душѣ подсудимаго. Это была мечта, прежде всего уже потому, что внутренній законъ совѣсти и внѣшній законъ гражданскій далеко не тожественны. Потому во вторыхъ, что человѣческая природа не только носитъ въ себѣ нравственный законъ, не только свободна въ его выполненіи въ силу того, что онъ нравственный, но въ силу самой этой же свободы имѣетъ еще и преимущество лгать, то есть не только поступать противъ внутренняго закона, но принимать выраженія, несоотвѣтственныя ни закону, ни поступку, ни сознанію. Влѣзть въ чужую душу невозможно; судъ могъ только исторгать признаніе, во всякомъ случаѣ сомнительное, средствами насильственными, грубыми или тонкими, во всякомъ случаѣ прямо оскорбительными тому же внутреннему нравственному закону, которому думалъ служить.

„Итакъ, оставлю душу подсудимаго. Внѣшнее правосудіе, и останусь внѣшнимъ. Не стану допытываться внутреннихъ свидѣтельствъ. О внѣшнемъ фактѣ, мнѣ подлежащемъ, буду судить по внѣшнимъ же обстоятельствамъ, къ которымъ отнесу и собственныя показанія подсудимаго, предоставляя ему на волю притомъ, хочетъ онъ давать ихъ или нѣтъ". Таково начало новѣйшаго правосудія, и отсюда состязательный процессъ. Не вмѣшиваясь въ совѣсть, не предполагая искренности, не обязывая подсудимаго къ нравственному участію въ процессѣ, пра-

Digitized by Google

восудіе ограничивается закономъ внѣшнимъ, условнымъ, и предъ лицомъ его, внѣшнимъ же образомъ, воспроизводитъ искусственно борьбу побужденій, подъ именемъ подсудимаго, но помимо его. На мѣсто обличающей совѣсти встаетъ обвинитель: побужденія произвола съ его отговорками беретъ защитникъ; возсѣдаетъ судъ, олицетворяя самый законъ на подобіе тому, какъ и въ душѣ каждаго, предъ нравственнымъ сознаніемъ и волею свѣтитъ законъ. А приговоръ? Приговоръ тоже произнесется подобно произносимому внутреннею совѣстію, но помимо же подсудимаго. Въ замѣну внутренной совѣсти двѣнадцать постороннихъ совѣстей выскажутъ этотъ приговоръ на разъигранную борьбу побужденій, въ соотвѣтственность условленнымъ нравственнымъ требованіямъ общества и въ приготовленіе къ исполненію, которое тотчасъ же и послѣдуетъ отъ закона въ лицѣ судей.

Внѣшнее правосудіе достигаетъ всего, чего возможно, и пройдетъ тысячелѣтіе, едва ли придумано будетъ что-либо, полнѣе оберегающее свободу человѣческой личности, вмѣстѣ съ обереженіемъ общественной безопасности возможно полнымъ. Но правосудіе тѣмъ не менѣе остается внѣшнимъ, безразличнымъ къ совѣсти, беззаботнымъ о внутренней правдѣ, безучастнымъ къ духовной жизни. Самый процессъ тѣмъ не менѣе остается игрою, призракомъ, лицемѣріемъ, словомъ формальною ложью. Кромѣ присяжныхъ и судей, на которыхъ лежитъ и обязанность и потребность сказать истину, остальные представляютъ комедію или трагедію, смотря по обстоятельствамъ,—и иначе невозможно по самой задачѣ и способамъ правосудія.

Требованіемъ прокуратуры отъ духовнаго суда предлагаютъ, стало быть, перенести то же на церковь. Итакъ, представимъ служителя *церкви* предъ этимъ судомъ, который назовется, тѣмъ не менѣе, *духовнымъ*. Самъ законъ гражданскій избавляетъ священника отъ присяги, выражая тѣмъ признаніе, что въ церкви-то именно и живетъ та внутренняя правда, отъ которой государство отказывается, признавая себѣ непосильною, и что въ служителѣ-то церкви уже, какъ ближайшемъ носителѣ духов-

Digitized by Google

ныхъ началъ, не хочетъ оно заподозривать отреченія отъ совѣсти. Такъ судитъ царство отъ міра сего, но не того, оказывается, желаютъ отъ самой церкви царства не отъ міра сего. Служителю церкви, и притомъ на церковномъ судѣ, предоставлено будетъ, какъ естественно подобающее, право лгать, наравнѣ съ мірскимъ гражданиномъ, по началамъ мірского суда; ему подставятъ тоже искусственную внѣшнюю защиту; на него напустятъ тоже поддѣльное обвиненіе; надъ нимъ представлена будетъ таже лицедѣйственная игра съ тѣмъ же безразличіемъ къ совѣсти и духовной жизни. А иначе и невозможно. Въ томъ и смыслъ прокуратуры; адвокатура при ней неизбѣжна, т. е. состязательный процессъ; а при состязательномъ процессѣ прямое условіе—отреченіе отъ внутренняго начала совѣсти, повелѣвающей и свидѣтельствующей, и замѣна его внѣшнимъ закономъ съ одной стороны и чужими совѣстями съ другой.

Конечно мы въ потьмахъ не знаемъ, что въ коммиссіи о духовномъ судѣ говорено защитниками прокуратуры, что противниками. Но мы слышимъ голоса внѣ коммиссіи; читаемъ настойчивыя предложенія именно воспроизвести въ церкви свѣтскій процессъ со всѣми его принадлежностями, и даже—присяжными; горячо разсуждается о примѣненіи также и началъ мироваго суда къ церкви. Присяжные на іерархическомъ судѣ! Мировой судъ въ церкви! Но мировой-то судъ и есть самъ заимствованный у церкви, но лишь искаженный примѣненіемъ къ строю и началамъ гражданскимъ. Судъ-то присяжныхъ и есть возвращеніе же къ началу совѣсти, только лишь не полное и формальное. Переносъ тѣхъ же учрежденій снова къ церкви, въ новомъ изданіи, исправленномъ по гражданскому кодексу, было бы самоотреченіемъ церкви, въ своемъ родѣ блистательнымъ. Вопросъ о нашемъ византійствѣ упразднялся бы тогда самъ собою; оставалось бы спрашивать только: зачѣмъ же церкви послѣ того свой судъ, когда онъ есть тотъ же судъ гражданскій, и что же останется отъ нея самой, когда она и въ этомъ станетъ лишь отправленіемъ государственнаго же бытія?

Digitized by Google

Объ употребленіи монастырскихъ доходовъ *).

Преднамѣреваемая школа для малолѣтнихъ нищихъ, получила чрезъ насъ приношеніе чрезъ того самого корреспондента крестьянина М—ва, который изъявилъ удивленіе, что монастыри не возьмутъ на себя это дѣло.

Совершенно согласны съ достопочтеннымъ корреспондентомъ, и съ своей стороны удивляемся, что мы защищаемъ непроизводительное употребленіе монастырскихъ богатствъ. Напротивъ, мы только возражаемъ противъ чуждаго и притомъ насильственнаго вмѣшательства; мы стоимъ только за самостоятельность и этихъ юридическихъ единицъ, называемыхъ монастырями, какъ желали бы возможно широкой самостоятельности для всѣхъ другихъ ассоціацій, признанныхъ въ государствѣ и терпимыхъ. Мы полагаемъ, что ассоціаціи повидимому свободныя, но обращаемыя въ орудіе принудительной власти, становятся зломъ общественнымъ, именно въ силу этой лжи и противорѣчія, которыя кладутся на нихъ. Мы полагаемъ равномѣрно, что большая часть золъ, въ которыхъ упрекаютъ монастыри, проистекаетъ именно отъ ложнаго положенія, въ которое они поставлены, и въ которомъ они вынуждены обращать свои взоры и съ надеждами и опасеніями, со всѣми стремленіями къ верху (земному, а не небесному), на угожденіе начальству, а не къ низу, на помощь братьямъ меньшимъ, вещественную и духовную.

Вопросъ иной, допустима ли для монастырей та безусловность произвола въ распоряженіи имуществами, какая свойственна личному владѣнію. Правильность въ распоряженіи общественнымъ достояніемъ каждой ассоціаціи (союза лицъ, собравшихся для опредѣленной цѣли) ограждается уставомъ и опредѣляется цѣлью ассоціаціи. Вотъ почему, въ той же замѣткѣ, которая возбудила недоумѣніе почтеннаго М—ва, мы указали, какъ на дѣло первой необходимости, на пересмотръ монастыр-

*) С. И. 8 января, № 7.

Digitized by Google

скихъ уставовъ. Правду сказать, ихъ даже почти нѣтъ въ смыслѣ, который желателенъ и который сейчасъ указанъ. Всѣ монастыри руководствуются уставомъ св. Василія Великаго; немногіе имѣютъ свои особенныя дополненія, но касающіяся исключительно внутренняго распорядка монастырской жизни и ея аскетической стороны. Отсюда слѣдуетъ лишь только то, что уставы необходимы, и притомъ которые опредѣляли бы не однѣ подробности подвижничества, и притомъ отрицательныя (нестяжательность, цѣломудріе, послушаніе), но указывали и обязательную дѣятельность монастыря на пользу мірскую въ формахъ и примѣненіи, какія каждый монастырь найдетъ для себя удобнѣйшими и приличнѣйшими.

Иной также вопросъ о *нравственной* оцѣнкѣ теперешней жизни монастырей и распорядительности ихъ по своимъ имуществамъ. Корреспондентомъ высказаны въ этомъ смыслѣ золотыя истины, и остается печалиться, что въ корпоративныхъ преданіяхъ монастырей не засѣло ни одной подобной мысли о разумномъ направленіи благотворительности. Но приходимъ и здѣсь къ прежнему выводу. Все дѣло въ томъ, что монастыри почти перестали быть ассоціаціями; они скорѣе обратились въ аренды и роты, переходящія къ владѣльцамъ и командирамъ на правѣ пожалованія. Настоятели насылаются со стороны, смѣняются, переводятся, въ видѣ повышенія и пониженія, состоятъ на службѣ, получаютъ отличія гражданскія и іерархическія. А обитель—трудящійся людъ, часто бродячій, руководствующійся болѣе однимъ изъ обѣтовъ иночества, послушаніемъ, которое по преимуществу и внушается (на прочее просятся сквозь пальцы). А затѣмъ—уставовъ опредѣленныхъ нѣтъ. Чего жъ ждать?

Digitized by Google

О возложеніи грамотности въ приходѣ на отвѣтственность духовенства*).

Нужно условиться первоначально, что намъ всего нужнѣе въ народномъ обученіи, и опознаться, какими обладаемъ мы средствами къ достиженію цѣли. Прежде всего, казалось бы, нужна грамотность въ самомъ простомъ смыслѣ слова, то есть умѣнье читать и писать.

О дальнѣйшемъ позволительно мечтать, когда обезпечены будемъ въ первоначальномъ, въ томъ, что никто изъ согражданъ не лишенъ необходимаго шестого чувства, которымъ разумное существо сообщается съ себѣ подобными и безъ котораго цѣлой половины міра для человѣка не существуетъ. Исключительная забота объ учительскихъ семинаріяхъ смѣшиваетъ двѣ вещи, которыя вовсе могутъ быть не слитными: обученіе грамотности и обученіе элементарнымъ познаніямъ. Прекрасно второе, но, прежде чѣмъ его достигнемъ, не нужно упускать перваго, и пока подготовятся школьные учители, способные преподавать элементарныя познанія, слѣдуетъ воспользоваться всѣми подручными способами, лишь бы скорѣе распространить на все населеніе хотя грамотность. Иначе выйдетъ то же, что и вообще у насъ при заведеніи наукъ: установили академію, когда не только университетовъ, даже гимназій не было.

Можно спорить о томъ, должно ли быть общеобязательнымъ пріобрѣтеніе элементарныхъ знаній; но трудно допустить споръ о томъ, дозволительно ли требовать грамотности отъ всѣхъ безъ исключенія. Безграмотный есть вѣчный несовершеннолѣтній, немногимъ менѣе обиженный, чѣмъ слѣпой или нѣмой. Такъ состоитъ по существу самого дѣла во всякомъ государствѣ, которое считаетъ себя устроеннымъ, въ которомъ есть права, есть писаные законы, существуютъ всевозможные акты гражданскихъ отношеній, гдѣ вышелъ народъ изъ патріархальности племенной, управляющейся устными преданіями и дого-

*) С. И. 13 января, № 12.

Digitized by Google

ворами на слово при свидѣтеляхъ, и гдѣ исчезло рабство, подставляющее немногихъ полноправныхъ опекуновъ за тысячи несовершеннолѣтнихъ взрослыхъ. Закону въ устроенномъ государствѣ приходится дѣлать изъятія для безграмотныхъ, довольствоваться шаткими, неопредѣленными, легко оспариваемыми данными для обезпеченія всѣхъ правъ, для утвержденія всѣхъ обязанностей; отступать отъ своихъ же общепринятыхъ правилъ въ примѣненіе къ исключительному положенію безграмотнаго. И закону только остается выговорить это, признать фактъ за то, что онъ есть на самомъ дѣлѣ; другими словами—признать безграмотнаго вѣчнымъ несовершеннолѣтнимъ, отказать въ правѣ полнаго гражданина тому, кто не умѣетъ даже подписать своего имени, засвидѣтельствовать помимо чужого посредства собственную личность; не можетъ безъ посторонняго пособія приступить ни къ какому акту; лишаетъ согражданъ возможности вступать съ нимъ въ правильныя обязательства. Что же тутъ дожидаться настоящихъ школьныхъ учителей, усовершенствованныхъ на патентованный нѣмецкій манеръ? Станьте на эту точку зрѣнія безусловной необходимости въ грамотности, и спѣшите воспользоваться всѣмъ, что есть подъ руками, чтобъ распространить ее возможно скорѣе и возможно дешевле.

Возможно скорѣе и возможно дешевле: это вопросъ о томъ, какіе имѣемъ въ рукахъ элементы къ распространенію грамотности, не дожидаясь приготовленія школьныхъ учителей и не считая тѣхъ изъ нихъ, которые уже имѣются по мѣстамъ. Первый элементъ: тотъ же полуграмотный крестьянинъ мужескаго или женскаго пола, и—отставной солдатъ, то есть крестьянинъ же, но прошедшій чрезъ фронтъ. Писарь и дьячекъ элементъ второй, другая ступень: тоже полуграмотность, но помазанная притязаніями на образованность своего рода, благодаря часовому пребыванію въ какой-то когда-то школѣ. Наконецъ, приходское духовенство, въ лицѣ священниковъ и дьяконовъ, кончившихъ полный семинарскій курсъ. Опытъ достаточно показалъ, что надежды на духовенство тщетны; самые горячіе въ былое время защитники правъ его на народное

Digitized by Google

обученіе давно махнули рукою. Воспользоваться унтеръ-офицерами, прошедшими чрезъ полковыя школы было бы тѣмъ цѣлесообразнѣе, что въ виду всеобщая воинская повинность. Заблаговременное обученіе грамотѣ лишь избавило бы крестьянскаго мальчика отъ выучки, которую придется ему все равно проходить со временемъ, подъ руководствомъ того же унтеръ-офицера, но при обстоятельствахъ менѣе благопріятныхъ, уже по самому возрасту, который тѣмъ пріимчивѣе къ грамотѣ, чѣмъ моложе.

Съ вопросомъ о народной грамотности пора бы законодательству кончить. При дружномъ содѣйствіи земствъ, въ участіи которыхъ, повидимому, нельзя сомнѣваться, если вѣрить по крайней мѣрѣ ихъ заявленіямъ, всѣ современные намъ малолѣтки несомнѣнно могутъ стать ко времени своего совершеннолѣтія вполнѣ грамотными, не требуя сверхъестественныхъ усилій, ни особенныхъ пожертвованій. Стоило бы: 1) объявить грамотность общеобязательною съ предупрежденіемъ о тѣхъ гражданскихъ лишеніяхъ, которымъ чрезъ извѣстное число лѣтъ будутъ подвергаемы безграмотные. 2) Установить повсемѣстно легкую премію учителямъ за каждаго обученнаго грамотѣ. 3) Не ограничиваясь приготовленіемъ учителей въ семинаріяхъ, раздавать дипломы на права учителей грамотности (само собою только грамотности, если на болѣе полное право нѣтъ достаточныхъ основаній) съ возможно широкою щедростью всякому желающему. 4) Поощрить учрежденіе разъѣзжихъ школъ, что при нашихъ пространствахъ, взаимномъ отдаленіи селеній и русской зимѣ, особенно неизбѣжно. Наконецъ, 5) нѣсколько посильнѣе налечь на духовенство. Лѣтъ десять назадъ обратились къ его нравственной обязанности; въ удовлетвореніе этому призыву и явились тысячи школъ, но болѣе на бумагѣ. Послѣдними реформами въ духовенствѣ прибѣгли къ косвенному принужденію, обѣщая давать священническія мѣста только послѣ прохожденія учительскихъ и псаломщическихъ мѣстъ. Можетъ быть это и принесетъ отчасти плодъ. Но дѣйствительнѣе будетъ дѣйствовать прямѣе; грамотность (а кстати—знаніе и нужнѣйшихъ молитвъ) въ приходѣ возложить на отвѣтствен-

Digitized by Google

ность приходскаго духовенства. Одновременно съ нравственнымъ давленіемъ на самихъ крестьянъ съ одной стороны и съ поощрительными мѣрами съ другой, понужденіе такого рода сопровождалось бы, вѣроятно, лучшимъ успѣхомъ, чѣмъ въ былое время воззваніе къ нравственнымъ обязанностямъ, или теперь посулы священническихъ мѣстъ за прохожденіе учительскихъ обязанностей.

Голосъ ксендза противъ ультрамонтантства *).

Намъ прислано письмо однимъ изъ ксендзовъ Привислянскаго края, съ просьбою не обнародовать имени автора: ему не сдобровать, если высшее духовенство конгрессовой Польши довѣдается, что одинъ изъ клевретовъ папскаго воинства осмѣливается порицать макіавелическую систему ультрамонтантства и воззывать къ устройству клира, болѣе соотвѣтственному началамъ христіанства, а вмѣстѣ болѣе соотвѣтственному и требованіямъ русскаго патріотизма.

Странно звучитъ эта просьба. Ее мы исполняемъ, разумѣется: но обидно подумать, что русская правительственная власть до того слаба въ собственныхъ владѣніяхъ, что выраженіе доброжелательства къ ней и протестъ противъ ея враговъ должны накидывать на себя таинственность, изъ опасенія гоненій, противъ которыхъ нѣтъ защиты. Чего бы не дали правительства итальянское, испанское и даже французское, чтобъ имѣть у себя подъ руками такихъ апостоловъ противъ ультрамонтантства, какимъ является авторъ письма! А онъ только одинъ изъ многихъ, только болѣе смѣлый; при нѣкоторой увѣренности въ безопасности, несомнѣнно запѣлъ бы такой многочисленный хоръ, котораго заглушить не въ силахъ бы былъ весь орденъ іезуитовъ со всѣми приверженцами.

Мы выразились: „обидно за слабость русской правительственной власти“,—но выразились не точно. Это не есть дѣйствительная слабость; и низшее духовенство и народъ, какъ

*) С. И. 22 января, № 21.

Digitized by Google

ивствуетъ изъ письма, стали бы на сторонѣ правительства, чѣмъ смѣлѣе оно вступило бы въ борьбу съ ультрамонтантскимъ Римомъ. Слабость въ этомъ случаѣ есть просто припадокъ ипохондріи,—слабость здороваго малаго съ крѣпкими мышцами, способнаго поднимать двѣнадцать пудовъ лѣвой рукой: но при видѣ бѣгущей кошки богатырь теряется, и готовъ заискивать у нея, боясь мнимой силы. Вѣрить ли? Знаменитый патеръ Гіацинтъ, какъ извѣстно, изъявилъ желаніе принять православіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ намъ сказывали, онъ изъявилъ желаніе и сказать (въ Петербургѣ) нѣсколько бесѣдъ о причинахъ, побудившихъ его бросить не только ультрамонтантовъ, но разойтись и со старокатоликами. Говорятъ, что власти колеблются въ своемъ согласіи, если не прямо отказали. Почему такъ? А чтобы не раздражить папу. За папой нужно ухаживать теперь, говорятъ мудрецы; нужно воспользоваться его стѣсненнымъ положеніемъ, чтобъ заключить наиболѣе уступчивый съ его стороны—*конкордатъ*! Если-бъ мы не были увѣрены, что слухъ намъ сообщенный имѣетъ основаніе; если-бъ не читали мы къ тому же единодушныя предвѣщанія въ иностранныхъ газетахъ о предстоящемъ сближеніи Россіи съ папою (вмѣстѣ съ единодушными надъ этимъ и насмѣшками, прибавимъ мы): мы (и вѣроятно съ нами милліонъ русскихъ людей) подумали бы, что подобные слухи выдуманы просто для потѣхи. Пробѣгая недавно цифры учащихся на богословскихъ факультетахъ въ итальянскихъ университетахъ, мы замѣтили краснорѣчивыя: въ нѣсколькихъ университетахъ О, въ другихъ 1, кажется—ни въ одномъ болѣе 3. Такова сила папства на собственной своей, исконной территоріи! И при этомъ-то заискивать побѣду заключеніемъ конкордата, когда сами католическія державы разрываютъ конкордаты?—Хохла спрашиваютъ: чему ты смѣешься?—А какъ же, москаля обманулъ! Москаль спрашивалъ, сколько галокъ онъ сосчиталъ предъ собою и знаетъ ли, что съ каждой галки нужно платить по копѣйкѣ.—Пятьдесятъ, отвѣчалъ хохолъ, и выложилъ деньги. И торжествуетъ: „а ихъ насчиталъ и цѣлыхъ полтораста!“

Digitized by Google

Само собою разумѣется, желаемъ мы, чтобъ слухъ оказался несправедливымъ, и чтобъ не теряли мы, что дается намъ прямо въ руки само собою. О. Гіацинтъ есть знаменитое имя; имѣя его, мы держимъ въ рукахъ полкатоличества, грозимъ ультрамонтантству; приказываемъ, а не повинуемся. Тоже сказать должно и объ этихъ протестахъ противъ насильственнаго безженства. Стоитъ только умѣючи поощрить это движеніе: при возбудившемся уже протестѣ противъ ультрамонтантства вообще въ Европѣ, при готовности части католичества совсѣмъ отказаться отъ Рима подъ формою старокатолицизма, протестъ низшаго духовенства привислянскихъ губерній есть прямо кладъ. Искусснымъ политикамъ это былъ бы случай совсѣмъ порѣшить съ ультрамонтантствомъ, а вмѣстѣ окончательно упрочить политическое бытіе старой Польши на основаніяхъ, не только не враждебныхъ Россіи, напротивъ: могли бы мы образовать у себя центръ для обновленнаго, независимаго католичества, куда бы потянулись и остальные недовольные Римомъ изъ другихъ странъ. И ни одна страна такъ не свободна основать этотъ центръ новаго протестантизма, или точнѣе новаго католичества, устроеннаго на національныхъ основаніяхъ, какъ Россія. Католическія державы связаны своимъ прошедшимъ, связаны своими конституціями, которыя даютъ католицизму все-таки значеніе господствующаго вѣроисповѣданія, у котораго по закону все-таки глава есть Римъ. Протестантскія державы, въ родѣ Пруссіи и Англіи, пожалуй и рады бы, но имъ нѣтъ того случая. Само протестантство не есть то, что православіе, не есть вѣра историческая, связанная преемствомъ съ апостолами; и въ политической области не достаетъ элементовъ, которые съ такими удобствами даются у насъ готовыми протестами противъ целибата.

Но впрочемъ можетъ быть суждено намъ быть добровольно разслабленными; можетъ быть и въ этомъ сказывается свой мудрый законъ исторіи.

Digitized by Google

О дозволеніи переходить изъ православія въ единовѣріе*).

Корреспондентъ изъ Торжка на дняхъ (№ 19) выражалъ прискорбіе и удивленіе, что староста православной церкви отпѣтъ былъ при старообрядческой. Мы объясняли себѣ извѣстіе такъ; староста обратился въ расколъ передъ смертію. Бываетъ, по крайней мѣрѣ бывало, по деревнямъ: перекрещивали даже мертвыхъ, чѣмъ фанатики старообрядства и пользовались къ мнимой силѣ своего ученія: „вотъ человѣкъ, жилъ, грѣшилъ, а предъ смертью позналъ истину, что и засвидѣтельствовалъ". О томъ, сознающаго ли человѣка и даже живаго ли перекрещивали, объ этомъ, разумѣется, умалчивалось.

Въ Торжкѣ происходило, оказывается, не то. Обращенія никакого не происходило, потому что староста отпѣтъ былъ въ „единовѣрческой" церкви, слѣдовательно, той же православной. Тѣмъ не менѣе отпѣтъ былъ въ ней, старообрядчески, а не по обычному православному чиноположенію, и отпѣтъ именно не тамъ, гдѣ былъ долго старостою; отпѣтъ былъ старообрядчески по собственному желанію, выраженному передъ смертію. Если вѣрить поправкѣ, это желаніе старосты возбуждено было огорченіемъ, что въ обыкновенныхъ православныхъ церквахъ богослуженіе отправляется съ небреженіемъ, поспѣшно; что вообще не достаетъ отправленію богослуженія той глубокой торжественности благочинія, которая свойственна старообрядству вообще и единовѣрческому богослуженію въ частности.

Вотъ и есть та печальная сторона, которая наводитъ тяжелыя думы и производитъ тяжелое впечатлѣніе. Не имѣемъ поводовъ сомнѣваться въ искренности „Новоторжскаго единовѣрца". Есть даже внутреннее основаніе вѣрить, что именно такъ происходило. Но какое поученіе вытекаетъ отсюда для приходскаго духовенства! И чего бы стоило ему предупредить случаи, подобные происшедшему, которые не могутъ остаться безъ воздѣйствія и на православныхъ и на единовѣрцевъ. Пре-

*) С. И. 26 января, № 25.

Digitized by Google

дупредить расколъ, по мѣстамъ, можетъ быть, даже ослабить его и совсѣмъ истребить, какъ оказывается, есть средство, и до того легкое, что для него не требуется что-нибудь чрезмѣрное, напротивъ только должное,—только полная внимательность къ богослужебному чину и вполнѣ благоговѣйное отправленіе.

Новоторжскій единовѣрецъ, оскорбляясь, замѣчаетъ, что единовѣріе ничуть не есть расколъ, въ чемъ мы, разумѣется, съ нимъ согласны, и тверскому епархіальному начальству нужно отдать только справедливость, что оно дало соизволеніе на совершеніе послѣдняго обряда надъ Диковымъ согласно его завѣщанію. Вопросъ становится еще дальше. Когда единовѣріе и православіе—одно (что несомнѣнно), дѣйствительно ли необходимо усматривать въ обрядахъ, совершаемыхъ по неисправленнымъ книгамъ, только переходную ступень къ обрядамъ по новоисправленнымъ? Переходъ изъ единовѣрія въ православіе у насъ благословляется; переходъ обратный возбраняется: дѣйствительно ли это неизбѣжно? Согласимся, что дозволеніе совершать богослуженіе по іосифовскимъ книгамъ есть *снисхожденіе*, оказываемое въ чаяніи полнаго возсоединенія, котораго требуетъ христіанская любовь и единомысліе. Но когда въ предполагаемыхъ способными къ твердому „брашну“ оказываются въ дѣйствительности нуждающіеся еще въ „млекѣ“, какое есть основаніе отказывать имъ въ удовлетвореніи чувства благочестія способами, болѣе сродственными ихъ духовному состоянію, тѣмъ болѣе, когда доказано, что къ существу вѣры способы эти одинаковы? Случай въ Торжкѣ доказываетъ притомъ, что даже не разница обрядовъ влечетъ иныхъ въ единовѣрческій храмъ, а только способъ совершенія, внимательное настроеніе, предполагаемое въ совершителяхъ и облегченное этимъ молитвенное возбужденіе въ предстоящихъ участникахъ. А такое побужденіе не только не предосудительно, но похвально и желательно. Предполагается, что та же „истовость“, молитвенно возбуждающая, возможна и въ обыкновенномъ православномъ храмѣ, и что она даже соблюдается; но это *предполагается;* дѣйствительность говоритъ другое, и на случай

Digitized by Google

этой дѣйствительности слѣдовало бы дать просторъ чувству благочестія удовлетворять себя тамъ и здѣсь, по изволенію. Не воспрещается и не можетъ быть разумно воспрещено предпочтеніе иконѣ стараго письма, хотя бы съ изображеніемъ двухперстнаго сложенія; этотъ молится предъ нею преимущественно, чѣмъ предъ другою, ее предпочтительно поднимаетъ себѣ въ домъ для освященія. Разница будетъ небольшая—дозволить въ отношеніи къ храму и богослуженію вообще, что признается безукоризненнымъ относительно частной святыни, когда существо единовѣрія не нарушается.

Предполагаютъ, что православный стоитъ уже на высшей точкѣ христіанскаго разумѣнія. Но это опять предполагается, въ противорѣчіе дѣйствительности. Милліоны православныхъ мірянъ могутъ стоять и дѣйствительно стоятъ на суевѣріяхъ даже не христіанскихъ, лишены первыхъ понятій вѣры, лишь числятся православными христіанами и по унаслѣдованному обычаю связываются лишь механически и съ таинствами и съ богослуженіемъ. Наоборотъ, и въ единовѣрцахъ, и даже въ раскольникахъ, сотни, тысячи, десятки тысячъ, можетъ быть, и болѣе есть лицъ, которыя въ катихизическихъ понятіяхъ о вѣрѣ и нравственности стоятъ выше не только православныхъ мірянъ, но и иныхъ изъ клира.

Недостойно, разсуждая за церковь, подкладывать софизмъ подъ основаніе, и предполагаемое съ желаемымъ брать какъ бы дѣйствительное. Иное дѣло, если бы каждый мірянинъ у насъ не только внѣшнимъ образомъ зналъ символъ вѣры (а и того нельзя утверждать о большинствѣ), но понималъ катихизически каждый членъ, а равно понималъ смыслъ и сущность всей обрядовой стороны: тогда дѣйствительно переходъ къ единовѣрческому храму былъ бы отпаденіемъ, не заслуживающимъ снисхожденія. Но когда совершается переходъ въ невѣдѣніи, по предрасположенію къ однимъ, а не другимъ обрядамъ, но съ ненарушимымъ уваженіемъ къ вселенской вѣрѣ: и то достойно снисхожденіи. А если же руководитъ да еще прямое желаніе благочестиваго возбужденія, при чемъ сохраняется не

Digitized by Google

только единовѣріе, но даже самому обряду старокнижному не отдается, самому по себѣ, предпочтеніе предъ общеупотребительнымъ въ церкви? Когда преимущество отдается именно благоговѣйности? Когда ищется возбудить себя къ сердечной, а не механической молитвѣ? Тутъ не только снисхожденія, но благословенія достойно. Тверской преосвященный, вѣроятно, такъ и разсудилъ.

Однимъ словомъ, это вопросъ достойный того, чтобы іерархія обсудила его съ полнымъ вниманіемъ. Когда бы дозволеніе, данное тверскимъ преосвященнымъ, возведено было въ правило, благодѣтельно, можетъ быть, отозвалось бы оно и на духовенствѣ. Было бы ему лишнее побужденіе духовно просвѣщать своихъ пасомыхъ и лишнее побужденіе оказывать полнѣйшую внимательность къ совершаемому богослуженію. А этимъ путемъ можетъ быть и приблизилось бы именно къ тому, о чемъ тщетно преполагается въ пастырскихъ богословіяхъ и въ оффиціальныхъ церковно-административныхъ отчетахъ: православные были бы дѣйствительно, а не числились православными; приступали къ таинствамъ съ полнымъ понятіемъ о догматахъ вѣры и нравственности христіанской, и ограда церкви утверждалась бы не на внѣшнихъ спискахъ и полицейскихъ запрещеніяхъ, а на глубоко внѣдренныхъ убѣжденіяхъ въ совѣсти каждаго. А затѣмъ, само собою достиглось бы тогда въ церкви не только полное единовѣріе, но даже желаемое единообычіе.

Къ вопросу о соединеніи церквей*).

Трудно безъ отвращенія читать содержаніе лекціи пресловутаго Деллингера, патріарха старокатоликовъ. Не преувеличивая, можно назвать ее „христопродажническою“. Нужно соединеніе церквей, проповѣдуетъ Деллингеръ. А почему оно нужно? А потому, говоритъ онъ, что существуетъ Восточный вопросъ;

*) С. И., 28 января, № 27.

Digitized by Google

что въ рукахъ Россіи ключи будущности востока; а ключи эти въ ея рукахъ потому, что населенія Турціи русскому народу единовѣрны. Итакъ, предстоитъ опасность европейскому равновѣсію вообще и Австріи съ Германіею въ особенности. Отвратить эту опасность можно уніей; единовѣріе дастъ и нѣмцамъ право вмѣшательства въ судьбу турецкихъ христіанъ; назвавшись единовѣрнымъ, великій германскій народъ заручитъ-де тогда и сочувствіе племенъ востока, и законно потребуетъ доли въ добычѣ, которая по всѣмъ правамъ теперь принадлежитъ Россіи.

Такъ разсуждаетъ *богословъ*; такъ разсуждаетъ онъ о *вѣрѣ*; это взглядъ людей, смутившихся въ *совѣсти* провозглашеніемъ папской непогрѣшимости! Яснѣе обличить свое безвѣріе трудно; блистательнѣе засвидѣтельствовать коренную невѣжественность и испорченность невозможно; безстыднѣе признаніе немыслимо. Называть „единеніемъ въ вѣрѣ“ политическую уловку, выставлять цѣлію христіанскаго общенія обманное пріобрѣтеніе народныхъ сочувствій, и все, въ довершеніе, покорять, играя словами „Христосъ“ и „каѳолическое православіе“, преобладанію Австрійской и Германской державъ! Русскому, и вообще православному христіанину далѣе и пояснять не нужно; очевидно ему будетъ, что католикъ, старый ли, новый ли, называйся онъ какъ угодно, потерялъ даже ощущеніе того, что такое вѣра и что такое христіанство, хотя и шумитъ, вставая со знаменемъ, на которомъ тѣ-же священныя имена начертаны такими крупными буквами! Христопродажническія увѣщанія произносятся не какимъ-нибудь невѣжественнымъ аббатомъ изъ Испаніи, едва разбирающимъ грамоту: это знаменитость Деллингеръ; это глава смущающихся неслыханнымъ догматомъ личной непогрѣшимости, это отголосокъ лицъ, возставшихъ за истину, только за чистую истину, только по смущенному нравственному чувству!

Несчастный ученый невѣжда, въ своемъ кощунствѣ, не подозрѣваетъ даже, сколь неопровержимо онъ, самъ собою, собственною своею особою подтверждаетъ печальную вѣрность убѣжденія, приписываемаго имъ русскому народу, что народъ

Digitized by Google

этотъ одинъ обладаетъ истиною. Впрочемъ, по мнѣнію ученаго главы старокатоликовъ, маститаго богослова, прославленнаго ректора-профессора, могутъ быть двѣ одинаковыя истины, хотя бы даже одна другой противоположныя, и притомъ въ вопросахъ вѣры, въ томъ, что и по его богословію именуется догматомъ. За то, какое блистательное разочарованіе и тѣмъ немногимъ изъ насъ, русскихъ, которые склонились было повѣрить на часъ, что покорные слуги римскаго владыки, возмутившіеся откровенно-честнымъ опредѣленіемъ ихъ дѣйствительно тысячелѣтняго вѣрованія, чтобъ эти умы, ищущіе себѣ религіознаго успокоенія во лживомъ извращеніи дѣйствительности, чтобъ они способны были ощутить дѣйствительное чувство вѣры! Нѣтъ его, этого чувства; оно утрачено, и пробужденія его и ожидать тщетно: католицизмъ, старый ли, новый ли, остается чѣмъ есть,—атеизмомъ въ принципѣ, съ тою лишь разницею, что одними атеизмъ откровенно и послѣдовательно принимается, другими лицемѣрно утаивается и нѣкоторыми добродушно не сознается. Но самовластіе, но насиліе нравственное, но презрѣніе къ духовнымъ правамъ человѣческой природы, но безстыдство вопіющихъ противорѣчій, но то, что называется „іезуитствомъ“ и „ультрамонтантствомъ“ въ своемъ проявленіи болѣе откровеннымъ и послѣдовательнымъ, это сохраняется во всѣхъ, именующихъ себя католически-вѣрующими, вѣруютъ ли они по старому, тридентинскому, называемому теперь „новымъ“, или по новому, мюнхенскому, которое теперь жалуетъ себя въ „старое.“

Народность въ религіи*).

Продолжаемъ съ достопочтеннымъ корреспондентомъ бесѣду о *расположеніи* католичества, какъ выражается Голосъ, или какъ выразиться точнѣе—объ *обрусеніи* католичества. Корреспондентъ не находитъ нужнымъ вводить русскій языкъ въ католическое богослуженіе насильственно, въ чемъ и мы съ нимъ

*) С. И. 31 января, № 30.

Digitized by Google

согласны. Но корреспондентъ, тѣмъ не менѣе, находитъ повидимому, что католическое богослуженіе на русскомъ языкѣ есть явленіе желаемое; что обрусеніе католичества есть прибытокъ русской народности; что еслибъ не прямое упорство католической іерархіи, то и очень не худо бы русскому правительству и обществу приняться для католиковъ, русскихъ подданныхъ, за повтореніе апостольскихъ трудовъ Кирилла и Меѳодія, только уже въ видахъ католичества, а не православія, съ мыслію впрочемъ, что апостольскій подвигъ предпримется не въ пользу самого католичества, а въ пользу русской народности. Съ этимъ мы не согласны; не согласны потому, что находимъ неправильною основную мысль, на которой зиждутся эти планы: мысль эта: будто языкъ и національность одно и тоже, а вѣра и національность совершенно разное. Сомнѣваемся въ такомъ тождествѣ языка съ національностью. Не менѣе сомнѣваемся и въ этомъ національномъ безразличіи вѣроисповѣданій.

„Нельзя навязывать какую-либо національность вѣроисповѣданію, напримѣръ французскую католику, нѣмецкую лютеранину“.—Точно такъ, нельзя, потому что добрая половина нѣмцевъ суть католики исторически, и часть французовъ исторически же пріобщилась реформѣ, початой Лютеромъ; но не потому, чтобы національность и вѣра были взаимно равнодушны. Случайный ли это фактъ, что исторія однако сохранила папскій католицизмъ въ племенахъ романскихъ и кельтскихъ и вывела изъ него племена тевтонскія, и притомъ сѣверныя? Англія, при всемъ своемъ аристократическомъ устройствѣ, не удержала и та католичества. Ирландія, столь тѣсно связанная судьбами съ Англіею, однако осталась католическою, при своемъ кельтскомъ происхожденіи. Тевтонскіе Нидерланды отвоевали себѣ протестантство; валлонская Бельгія до сихъ поръ не только католичка, но ультрамонтантка. Случайно ли и то, что часть романо-кельтовъ заразилась протестантствомъ не чрезъ Лютера однако, а чрезъ Кальвина, который вмѣстѣ по душѣ пришелся и шотландцамъ, не внушивъ особеннаго расположенія щирымъ нѣмцамъ? Если это случайно, тогда все случайно; никакая ана-

Digitized by Google

логія ни къ чему не ведетъ; никакихъ историческихъ законовъ не существуетъ, ни въ чемъ нѣтъ смысла и нечего нигдѣ отыскивать. Если же не случайность, то смысломъ освѣтится намъ даже нѣмецкое еврейство,—доводъ, которымъ между прочимъ пользуются защитники филологической національности. Присматриваясь, увидимъ, что нѣмецкое еврейство, очищенное, просвѣщенное, еврейство Мендельсона, а не талмуда, есть именно нѣмецко-лютеранское, а не какое другое. Содержаніе вѣроученія тамъ и здѣсь сравнялось; остались небольшія формальныя разности, удерживаемыя евреемъ, лишь бы изъявить чѣмъ-нибудь свое уваженіе къ племени и подкрѣпить свое метрическое свидѣтельство. А нѣмецъ поспѣшилъ сбросить изъ своего римскаго наслѣдства, что его черезъ-чуръ бы отдаляло отъ новаго израильтянина. Не случайностью объяснимъ и слѣдующее: отчего нѣтъ англійскаго магометанства и даже испанскаго, хотя Англія первая магометанская держава, а Испанія была полумавританская? Отчего англиканское вѣроисповѣданіе и богослуженіе есть только англійское, а не французское и нѣмецкое? Гдѣ составъ богослуженія и молитвъ переводился съ одного языка на другой, помимо двухъ исключительныхъ случаевъ: одного, когда происходитъ гуловое обращеніе цѣлаго племени въ новую вѣру, и—другаго, когда ученый знакомитъ любознательныхъ соотечественниковъ съ чужими догматическими и литургическими особенностями?

Языкъ есть только одно изъ выраженій народной жизни; народность дается не имъ однимъ, но многими другими условіями, въ томъ числѣ вѣроисповѣданіемъ. Бельгіецъ есть ли французъ? По языку, *да*. Эльзасецъ, даже говорящій по-нѣмецки, есть ли нѣмецъ? Самъ онъ себя не хочетъ знать таковымъ. Сѣверо-американецъ есть ли англичанинъ? Таково безразличіе языка къ національности, хотя это и признакъ, дѣйствительно болѣе другихъ твердый. За то не отнимайте и у вѣроисповѣданій національное значеніе, хотя они менѣе даже, чѣмъ языкъ, съ народностью тождественны. Англиканство для Англіи, лютеранство для Швеціи и Сѣверной Германіи, като-

Digitized by Google

лицизмъ для Испаніи, есть не просто вѣрованіе большинства; это цѣлый процессъ историческій, это—одно изъ ихъ призваній среди другихъ народовъ міра, а это и есть что называется народностью, изъ чего она составляется главнѣйшимъ образомъ.

Отвлекающихъ религію отъ народности сбиваетъ съ толку безусловность религіозной истины (предмета религіозныхъ вѣрованій) и безусловность личнаго убѣжденія (субъективнаго отношенія къ истинѣ). Но забывается при этомъ, что когда разсуждаютъ о католичествѣ, лютеранствѣ, магометанствѣ, словомъ о „вѣроисповѣданіи", дѣло идетъ ни о личныхъ убѣжденіяхъ, ни объ истинѣ самой въ себѣ, а о духовномъ, многочленномъ организмѣ, независимомъ ни отъ личности, ни отъ достоинства истины. Обще-признанное вѣроученіе (символъ), образовавшееся по нему богослуженіе, усвоенныя привычки въ быту, нравственныя предрасположенія, унаслѣдованныя отъ предковъ и коренящіяся въ отдаленномъ основаніи на катихизисѣ и богослуженіи, цѣлый рой воспоминаній о своихъ великихъ людяхъ (святыхъ), еще болѣе многочисленный рой воспоминаній о претерпѣнныхъ радостяхъ и горестяхъ, борьбахъ и побѣдахъ,—радостяхъ и горестяхъ, борьбахъ и побѣдахъ общественныхъ, находящихъ одинаковый отзвукъ въ сердцахъ милліоновъ, слагающихся въ одинаковое представленіе также у милліоновъ, но чуждыхъ и непонятныхъ другимъ: вотъ что есть вѣроисповѣданіе; вѣроисповѣданіе есть совокупность своеобразныхъ нравственныхъ идеаловъ, сознанныхъ и подразумѣваемыхъ. Вѣроисповѣданіе такой же организмъ, какъ языкъ, и составляетъ вмѣстѣ съ нимъ подкладку духовной жизни. Единство исповѣданія, въ связи съ единствомъ языка и затѣмъ съ единствомъ внѣшнихъ условій жизни, каковы политическое устройство и географическое мѣсто, наконецъ,—обусловленный всѣми четырьмя дѣятелями бытъ съ его привычками, и есть—національность, проще—*народъ*. Народъ, скажемъ вдобавокъ, долженъ быть представляемъ никакъ не въ ширину только, но и въ длину; не только въ смыслѣ живыхъ милліоновъ, одновременно живу-

Digitized by Google

щихъ на одномъ пространствѣ, подъ одними условіями, но въ смыслѣ ряда поколѣній, взаимно преемствующихъ, и преемственно сохраняющихъ одни существенные преданія, одни понятія, однѣ привычки, одни общественныя вѣрованія, опредѣленный складъ мысли и, какъ довершеніе и скрѣпленіе всего— сознаніе о себѣ, какъ о недѣлимомъ цѣломъ, тождественно продолжающемся и распространяющемся, вдали и здѣсь, сегодня и вѣка назадъ, равно какъ и вѣка впередъ. Короче, національность есть единство *историческихъ* судебъ, признаваемыхъ за *свои*.

Это съ общей, теоретической точки зрѣнія. Перейдемъ къ практикѣ, къ частному вопросу, насъ занимающему.

Для васъ безмолвны Кремль и Прага,

сказалъ поэтъ Европѣ. Для русскаго Кремль не безмолвенъ. Но Кремль сказываетъ русской душѣ не объ одномъ Василіѣ Іоанновичѣ, съ голымъ числомъ изъ хронологіи, но сказываетъ о цѣлой длинной исторіи, а въ ней и о православіи на главнѣйшемъ изъ мѣстъ; и тоже православіе, ясно или темно, воспоминается здѣсь именно въ смыслѣ одного изъ существеннѣйшихъ отличій русской народности отъ польской. И воспоминаніе о Прагѣ, русскому и поляку одинаково, скажетъ не объ одной Рѣчи Посполитой, Екатеринѣ иль Суворовѣ, или о существованіи юсовъ въ польскомъ языкѣ, затерянныхъ въ русскомъ, но и о междуцарствіи, и о казачинѣ, объ уніи и диссидентахъ; содержаніе воспоминанія въ глубинѣ опять будетъ даже преимущественно религіознымъ. Все равно, сознаетъ ли себя полякъ католикомъ или русскій православнымъ, и лично вѣруетъ ли во что-нибудь вообще тотъ и другой; дѣло въ томъ, изъ чего тотъ и другой духовно сложенъ, если подвергнуть ихъ природу анализу. Если только одинъ дѣйствительно есть полякъ, другой дѣйствительно есть русскій, не по одному имени: на днѣ, на глубокомъ днѣ, непремѣнно гнѣздится у одного и папа и унія (а равно и шляхетство); у другаго и православіе, и міръ, и казачество. Въ Герценѣ слышите вы не только русскаго, но и православнаго, хотя онъ атеистъ: а кардиналъ Биц-

Digitized by Google

цари, какъ оказывается изъ факта вчера сообщеннаго корреспондентомъ же, оказываетъ себя враждебнымъ даже языку русскому, хотя этотъ языкъ ему не менѣе чужой, чѣмъ польскій; съ русскимъ языкомъ и у него не варятся представленія о католичествѣ, вопреки даже обратнымъ побужденіямъ, которыя бы должны подсказываться собственною выгодою католицизма. А оттого все, что Герценъ есть все-таки русскій, не смотря на своей атеизмъ, а кардиналъ Биццари есть насквозь католикъ.

Исторія не дала Руси католичества, напротивъ дала прямое призваніе именно *противъ* католичества. Разсуждайте какъ угодно, но нужно не сочинять, а признать дѣйствительность. Цѣлая огромная масса даже отложилась отъ духовнаго тѣла Руси, именно протестуя на кажущуюся слабость въ противодѣйствіи латинству. Говоримъ о расколѣ. Начиная съ аллилуіа, латинскихъ крыжей, троеперстія, и кончая насиліемъ книжнаго исправленія, односторонне іерархическаго, тутъ во всемъ сзади стоялъ протестъ противъ латинства и папства, частію сознанный и прямо поставленный, частію косвенно намекавшій. Троеніе аллилуіа, крыжи, троеперстіе обвинялись въ латинствѣ прямо; въ Никонѣ слышалось папское начало. Начала для массъ важнѣе частныхъ догматовъ; и Кальвинъ соблазнилъ часть Франціи именно тѣмъ, что его фаталистическая система повторила законъ духовнаго рабства, отличительный признакъ папизма, только перемѣстивъ члены уравненія, и подставивъ, вмѣсто папы съ Римомъ, предопредѣленіе.

Католическимъ богослуженіемъ на русскомъ языкѣ бюрократически сочиняется новая народность и заводится новая форма исповѣданія. Циркулярами вступать въ борьбу съ историческимъ процессомъ, инструкціями создавать новый видъ среди семействъ, называемыхъ въ этнографіи народностями и исповѣданіями: это затѣя по меньшей мѣрѣ комическая. Искусственная случка духовныхъ культуръ и сращиваніе народностей—дѣло нѣсколько потруднѣе, чѣмъ выводка голубей желаемой масти. Но нельзя отрицать въ подобныхъ усиліяхъ помѣхи правильному народному развитію.

Digitized by Google

Бѣлоруссъ минскій и гродненскій есть ли католикъ? Вотъ вопросъ, который требуетъ еще рѣшенія, хотя его и предполагаютъ рѣшеннымъ. По нашему да и нѣтъ. Бѣлоруссъ прежде всего есть *уніятъ*, хотя бы уже обратившійся въ чистаго католика; а это нѣчто болѣе, чѣмъ католикъ просто, каковымъ есть итальянецъ, даже баварецъ. Историческое содержаніе у этого вида вѣры (уніятства) есть именно вражда и презрѣніе къ Руси, чисто русской. Въ этомъ его существо, таково его происхожденіе; это не просто вѣра, но отреченіе отъ другой вѣры, стоящей рядомъ, но притомъ признающей себя за основу народности. Смѣшно увѣрять, что все дѣло въ разницѣ догматовъ. Можно отдать честь католику-гродненцу, что онъ продвинулся въ догматическомъ разумѣніи не дальше православнаго пензенца.

Но какъ ни смѣшно, поставимъ вопросъ и объ этомъ. Предположимъ, что гродненскій католикъ вѣруетъ далѣе, чѣмъ даже баварецъ или французъ, которыхъ, видимъ, и не шевельнули нововведенные догматы. У гродненскаго смерда въ сознаніи есть еще нѣчто, кромѣ словъ ксендза, что „если въ папу не будешь вѣровать и въ костелъ ходить, то будешь проклятъ“, и „если ксендза не будешь слушать, то пропадешь въ аду“. Итакъ, этотъ гродненецъ, приходитъ въ церковь, и слышитъ, что вѣра его преподается ему не въ кабалистическихъ, непонятныхъ заклинаніяхъ, чѣмъ ему казалась латынь и не на панскомъ языкѣ (польскомъ), какъ прежде, а на русскомъ. Что этимъ достигается?

„То, что гродненецъ сознаетъ *себя* болѣе русскимъ, чѣмъ доселѣ“.

„То, что онъ сознаетъ *костелъ* русскимъ, чего не было доселѣ“.

Которое изъ двухъ послѣдствій вѣрнѣе, предоставляемъ судить тѣмъ, кто постарается предварительно рѣшить: сознаетъ ли себя бѣлоруссъ и теперь полякомъ? Онъ сознавалъ себя пока не полякомъ, ни русскимъ, но „хлопомъ“, вѣру свою „панскою“. Сознать и ощутить и хлопство и панство, и вѣру свою и русскую, все это вмѣстѣ за одно и тоже, это будетъ

Digitized by Google

вавилонское смѣшеніе понятій, изъ котораго бѣдному бѣлоруссу съ трудомъ и выбраться!

Таково послѣдствіе, при предположеніи, что хлопъ бѣлоруссъ есть католикъ не по внѣшности только. Но самое это предположеніе можетъ быть принимаемо только въ невѣдѣніи католицизма вообще, уніи въ частности и бѣлорусскаго крестьянина въ особенности. Бѣлоруссъ-католикъ есть менѣе католикъ, чѣмъ лютеранинъ есть православный. Но совершенно внѣшнее отношеніе, въ которомъ держится теперь русскій католикъ къ костелу, перемѣняется тотчасъ на внутреннее, лишь только посредство, чрезъ которое сносится съ нимъ костелъ, становится прозрачнѣе. Предъ нимъ не механизмъ обрядовъ будетъ, но смыслъ; онъ усвоитъ не повиновеніе одно ксендзу, но дѣйствительное въ догматы вѣрованіе, котораго нѣтъ теперь. Русское богослуженіе въ католическомъ костелѣ и русская проповѣдь (а тѣмъ болѣе—бѣлорусская простонародная) только углубитъ и укрѣпитъ въ бѣлорусскомъ населеніи католицизмъ. Нарочно этому содѣйствовать значитъ собственными руками поливать и возращать сѣмя, не только чужое русской народности, но по существу враждебное. И тѣмъ прочнѣе оно заляжетъ, тѣмъ глубже укоренится, тѣмъ опаснѣе въ будущихъ политическихъ плодахъ, чѣмъ отдаленнѣе наоборотъ великорусскій простолюдинъ отъ своего богослужебнаго языка и отъ своей церковной проповѣди. Русскій католикъ будетъ ближе къ своей, непріязненной русскимъ вѣрѣ, чѣмъ православный русскій къ своей исконной, составлющей одну изъ историческихъ стихій его народности и одинъ изъ залоговъ ея величія и славы. Чтобы сравнять, оставалось бы ввести *славяно*-русскую рѣчь въ костелъ, то есть произвести еще большую путаницу въ сознаніи не только бѣлорусса, но самого великорусса: да и цѣль политическая, которая предполагается, не приблизилась бы, а отдалилась; славяно-русская рѣчь хороша для руководства къ изученію русскаго языка въ гимназіяхъ, а не въ костелахъ.

Доводъ, иногда употребляемый современными апостолами обрусенія: „но не возмутительно ли однако, что запрещаютъ

Digitized by Google

молиться на родномъ языкѣ?“ можетъ быть произносимъ только въ шутку. Запрещать молиться на томъ ли другомъ ли языкѣ нельзя,—по очень простому соображенію, что языкъ молитвы, какъ сама молитва, не имѣетъ ни нужды ни привычки слушать постороннихъ приказаній; каждый молится, какъ хочетъ и какъ знаетъ. Да богослуженіе не есть и молитва. Нѣтъ основаній хлопотать за папу ревностнѣе самого папы и заботиться о понятливости того, что по требованію самого католицизма должно оставаться непонятнымъ. А къ частнымъ бесѣдамъ, тѣмъ болѣе къ исповѣди (важнѣйшимъ орудіямъ сношеній іерархіи съ вѣрующими), нельзя приставить полиціанта для наблюденія, на какомъ языкѣ ведутся разговоры, и не внушается ли на исповѣди, чего добраго, пожалуй даже отвращеніе къ языку, признанному оффиціально церковнымъ!

Итакъ, попытка обрусить бѣлоруссовъ черезъ костелъ и обрусить само католичество черезъ грамматику Востокова съ академическимъ словаремъ сама въ себѣ есть несообразность. Скорѣе можно обрусить костелъ чрезъ пріученіе населенія къ русскому языку, чѣмъ наоборотъ. А тѣмъ еще вѣрнѣе можно чрезъ обрусеніе населенія отвлечь его совсѣмъ отъ костела, въ чемъ и не было бы особенной бѣды. Да и то, не такимъ же внѣшнимъ путемъ пріучаютъ къ народности.

Языкъ есть одно изъ орудій распространенія и сохраненія народности, но не самъ собой въ смыслѣ лексикона и грамматики, а чрезъ свое содержаніе прежде всего, чрезъ духовную производительность народа, въ наукѣ, поэзіи, законодательствѣ, общежитіи, сказавшуюся между прочимъ въ языкѣ. Одною выучкою говорить по-русски не обратимъ иностранца въ русскаго: иначе пруссаки должны бы быть признаны отчаянными руссофилами за то, что учатъ не только офицеровъ, но даже фельдфебелей говорить, по крайней мѣрѣ понимать, по-русски. Кромѣ оффиціальнаго всегда можетъ быть сердечный языкъ, за которымъ не угоняемся: кромѣ общественнаго можетъ быть домашній, котораго не искоренимъ. Хотите ввести русскій языкъ? Заставьте его полюбить, чтобы почувствовали его не-

Digitized by Google

обходимымъ не только въ общественномъ быту, но болѣе удобнымъ и въ домашнемъ. Желаемъ оттѣснить чужой языкъ, проводникъ чужой народности? Устроимъ, чтобъ онъ оказывался не только лишнимъ, но противнымъ и затруднительнымъ. А къ этому ведутъ не столько мѣры запретительныя противъ чужого языка (хотя онѣ вполнѣ законны противъ употребленія оффиціальнаго, тѣмъ болѣе тенденціоннаго), сколько поощрительныя своему, и именно его содержанію, а не формѣ. Просторъ своей наукѣ и литературѣ, содѣйствіе ихъ богатству, уваженіе къ ихъ свободѣ, произведетъ въ политическомъ смыслѣ послѣдствія въ тысячу разъ быстрѣйшія и сильнѣйшія, нежели оффиціальныя предписанія объ оффиціальныхъ наблюденіяхъ за грамматикой и словаремъ. Стоитъ вообразить хотя одну мѣру: вся русская печать, напримѣръ, вполнѣ освобождена отъ цензуры, а вся инородческая въ Россіи подвергнута цензурѣ, пусть даже въ такой степени, въ какой теперь подлежитъ русская (больше можно и не желать). Мы не проектируемъ этой мѣры, но просимъ только вообразить ея послѣдствія. Вотъ и станетъ понятно, нагляднѣе всего, *гдѣ* кроется легчайшее средство къ обрусенію, и *въ чемъ* главнѣйшая причина неуспѣховъ, теперешнихъ, да можно предрекать смѣло—и будущихъ...

О народности въ религіи *).

Римской куріи католическое богослуженіе на русскомъ языкѣ не угодно, не смотря на то, что выгодно въ смыслѣ укрѣпленія церкви среди народности, слабо связанной съ католичествомъ. Въ послѣднемъ не можетъ сомнѣваться reverendissimus кардиналъ. По мнѣнію кореспондента, римскому двору просто не хочется ни въ чемъ быть соучастнымъ съ русскимъ правительствомъ. Пусть такъ. А почему не хочется? Вопросъ только переклады[illegible], а не рѣшается. Римскій дворъ хочетъ

---

* С. П. 19 Февраля. № 43.

Digitized by Google

хотѣть непремѣнно того, чего поляки. Но этимъ-то и доказывается, что католицизмъ ощущаетъ себя не просто вѣрою, но вѣрою, которая связана съ извѣстною народностью. Одна народность ему ближе, другая чужда; съ тою становится онъ на одну точку, съ другою не хочетъ соглашаться, хотя ему, какъ вѣрѣ чисто взятой, предстоитъ выгода. Прозрѣваетъ ли онъ, что за выгодою послѣдуетъ и невыгода; что обрусеніемъ католиковъ воспользуются къ привлеченію ихъ въ православіе, исповѣдуемое большинствомъ русскаго народа? Но это опять тоже. Находятъ, стало быть, что съ однимъ языкомъ и одною народностью болѣе сращивается одна вѣра, съ другими другая; въ чистой русской народности видится мало задатковъ, чтобъ католицизмъ засѣлъ глубоко и прочно; и наоборотъ, въ обрусеніи усматривается опасность отпаденія.

Ни Гизо, ни горсть англійскихъ евреевъ ничего не доказываютъ. И о Гизо, и объ англійскомъ евреѣ (все равно и французкомъ, въ родѣ Кремье), вопросъ будетъ таковъ:—чего болѣе въ ихъ духовной природѣ, національнаго (французскаго и англійскаго) или вѣроисповѣднаго, реформатскаго и еврейскаго? Если перваго болѣе, тогда скажемъ, что, не смотря на личную принадлежность къ реформатству или еврейству, они отчасти и католики, безсознательно. О Гизо это несомнѣнно; о многихъ французскихъ прелатахъ несомнѣнно противоположное; они болѣе римляне, чѣмъ французы. Объ евреяхъ, томъ или другомъ все равно, отвѣтъ болѣе сомнителенъ. Вѣра еврейская именно и доказываетъ всего крѣпче, до какой неразрывности, даже уродливой, можетъ доходить не только связь, но тожество вѣры съ народностію. Это и вѣра еврейская, и непремѣнно—еврейская народность; племя и вѣра совпадаютъ. Еврей можетъ быть прекраснымъ „подданнымъ государства“, русскаго, англійскаго, французскаго, какого угодно, но ни какъ не членомъ живымъ той или другой народности. Будетъ обольщеніемъ увѣрять въ иномъ и воображать иначе. Языкъ и часть обычаевъ скрѣпляютъ еврея съ мѣстнымъ населеніемъ, но не срощаютъ. Еврею безмолвны историческія страданія и радости его согражданъ; онъ чу-

Digitized by Google

жой имъ; несправедливо отъ него и требовать иного; пускай и воспоминаетъ онъ объ Іерусалимѣ, вавилонскомъ плѣненіи, а не о крестовыхъ походахъ или борьбѣ съ татарами, съ воспоминаніемъ чего французъ или русскій соединяетъ воспоминаніе о своей судьбѣ. Наконецъ, дойди дѣло до практической провѣрки, эта взаимная далекость не замедлитъ выступить разительно. Почему бы ни уклонялись повсюду евреи отъ военной службы, и почему бы ни хвастались они (отъ чего они тоже не прочь повсюду) участіемъ своимъ въ государственныхъ войнахъ, стоитъ задать вопросъ: кого однако предпочтетъ еврей во время войны, единовѣрца ли иностранца, или соотечественника иновѣрца? Въ вопросѣ заключается и отвѣтъ.

Корреспондента сбиваетъ неосновательное предположеніе, что связь народности съ вѣрою предполагаетъ въ каждомъ народѣ одну опредѣленную вѣру, и притомъ въ смыслѣ сознательнаго усвоенія опредѣленныхъ катихизическихъ положеній. Французское реформатство, которымъ между прочимъ пользуется онъ для своего недоумѣнія, само есть вполнѣ родное французской народности, о чемъ мы уже и говорили разъ. Вообще, та вѣра принадлежитъ къ народности, съ которою зналась исторія народа и которою создавался народъ въ народъ. Нѣмецъ вовсе не есть исключительно лютеранинъ или, такъ сказать, лютеранинъ отвлеченно взятый; англичанинъ, чтобъ быть и чувствовать себя англичаниномъ, не имѣетъ надобности числиться непремѣнно реформатомъ. Вѣроисповѣданіе англійское, даже въ смыслѣ учрежденной церкви, есть реформатство, но вышедшее изъ католичества чрезъ насилія королевской власти, гоненія республики, и пуританство; нѣмецкая вѣроисповѣдь есть то же католичество, но побѣжденное, и отчасти доселѣ еще побѣждаемое—отвлеченнымъ мышленіемъ; во французской исторіи борьба съ гугенотами столь же существенна и такъ же запечатлѣла и народность и вѣру. Оба оттѣнка западной вѣроисповѣди равно одинаково родны всѣмъ тремъ народамъ, хотя каждому съ особымъ прошлымъ и съ особеннымъ воспоминаніемъ, съ своей особой обстановкою, съ своимъ вкусомъ, и въ каждомъ распре-

Digitized by Google

дѣлены между населеніемъ въ разной, и количественной и качественной, пропорціи. Въ области чисто политической, ни тори ни виги не перестаютъ быть англичанами; не перестаютъ быть вполнѣ и католики съ протестантами ни англичанами, ни нѣмцами, ни французами, хотя среди каждой народности являются съ своими особенностями и на каждую кладутъ не одинаковую печать.

Примѣръ Америки, то же приводимый корреспондентомъ въ кажущееся возраженіе, лишь напоминаетъ, что и у нея, какъ у всякой другой народности, есть свой типъ вѣры. На него указалъ колыбельный періодъ этой страны,—страны выходцевъ-диссентеровъ, и притомъ „трясучекъ“ по преимуществу. Отсюда эта необыкновенная разметанность личныхъ вѣрованій, съ неменьшимъ обиліемъ и разнообразіемъ самихъ общинъ религіозныхъ. Особенная религіозная окраска не только не снимается, напротивъ, едва ли не явственнѣе покрываетъ населеніе, чѣмъ въ другихъ странахъ, обозначая съ неменьшею ясностью и своеобычныя нравственныя требованія. Спиритизмъ и мормонство явленія—предпочтительно американскія: едва ли кто съ этимъ станетъ спорить.

Повторяемъ сказанное прошлый разъ: народъ и народность есть исторія народа. Ни отдѣльное лицо изъ народа, ни данное время изъ всенародной жизни, ни отдѣльно взятая черта народнаго быта не возстановляютъ полнаго народнаго обличія; за то ничего нельзя и отвлечь, разсматривать независимо, одинъ ли моментъ, одну ли черту народности; нельзя въ томъ числѣ и вѣроисповѣданіе, сложенное исторіею, признавать безразличнымъ къ народности. При практическихъ мѣрахъ по западнымъ губерніямъ нельзя по этому признавать безразличнымъ вопросъ: чѣмъ значится католицизмъ въ исторіи, не оставившей Русь на степени только „породы“ или „державы,“ а сложившей ее въ народъ и государство. Какіе заложены ею нравственные идеалы въ народѣ, и въ какомъ отношеніи къ этимъ идеаламъ идеалы католическіе? Идеалы народные хранятся отчасти во всемъ быту (религіозномъ въ томъ числѣ), въ окружающей

Digitized by Google

природѣ, въ экономической обстановкѣ; выражаются въ символикѣ и обрядности,—вѣроисповѣдной отчасти, затѣмъ символикѣ и обрядности бытовой, и наконецъ полнѣе—въ языкѣ и духовномъ творчествѣ. А народное творчество тоже носитъ отпечатокъ народныхъ вѣрованій, и съ другой стороны само вѣрованіе полагаетъ себя въ каждомъ историческомъ организмѣ подъ особеннымъ угломъ зрѣнія, свойственнымъ отличительно этой, а не другой народности. Сказанное, переплетающееся взаимоотношеніе разныхъ стихій народности можно было бы изобразить даже въ математической формулѣ, съ плюсами, минусами и корнями: было бы нагляднѣе; и было бы тогда убѣдительнѣе, что роднить (а тѣмъ болѣе—насильственно) католическую обрядность съ русскимъ языкомъ значитъ лишь тормозить естественный ходъ; искуственно мѣсить тѣсто, отъ котораго отказалась исторія, признавъ элементы несоединимыми. Въ переводѣ же на практическій языкъ это будетъ значить: угощать себя собственноручно снадобьями, разрушительно дѣйствующими на органическую ткань.

Почему Герценъ совѣтовалъ своей знакомой отдать дѣтей къ католическимъ монахинямъ, мы, разумѣется, отвѣчать не беремся. Можетъ быть дама надоѣла ему педагогическими просьбами, и притомъ съ изъявленіемъ желанія оставить дѣтей подъ религіознымъ вліяніемъ. Своихъ дѣтей Герценъ, если не ошибаемся, воспитывалъ въ тщательно обереженномъ атеизмѣ. Но мы не видимъ, къ чему можетъ вести представленный примѣръ. Что Герценъ хотѣлъ намѣренно расположать орудія противъ Россіи? Не думаемъ, хотя и не имѣемъ нужды брать Герцена въ этомъ случаѣ подъ защиту. Ничего не говоритъ и поощреніе, имъ оказанное бѣлокриницкой лжеіерархіи. Надо же вспомнить, что Герценъ былъ атеистъ; что если усматривались въ немъ остатки православія, то безъ сомнѣнія не въ томъ, чтобы атеистъ убѣжденъ былъ въ истинѣ православнаго катихизиса или признавалъ необходимымъ правильное рукоположеніе для іерархіи. Но поставьте Герцена рядомъ съ Ледрю Ролленемъ, Мадзини, ну и кѣмъ еще? Да не самъ ли онъ выражаетъ отвращеніе

Digitized by Google

къ европейскимъ апостоламъ революціи? Чтожъ и почему претило ему въ нихъ, при несомнѣнномъ единствѣ политическаго катихизиса? Почему его такъ ломало и отъ поляковъ, не смотря на всю дружбу, которую считалъ онъ нужнымъ оказывать имъ? Виноваты ли въ этомъ однѣ его личныя особенности (да и о тѣхъ вопросъ, откуда онѣ); навѣяно ли это народностію, но въ тѣсномъ смыслѣ „языка"? Или же корень неудовлетворимости лежалъ гдѣ-нибудь еще, глубже, въ нравственныхъ требованіяхъ, въ которыхъ самъ онъ не только не признавался себѣ, но пусть даже отвергалъ ихъ сознательною мыслію?

Впрочемъ это частный вопросъ, относящійся скорѣе къ исторіи русской литературы, чѣмъ къ дѣлу, занимающему нашихъ корреспондентовъ. Прибавимъ по поводу ссылокъ на Герцена только одно слово. Ну вотъ примѣръ еще, и притомъ для русскаго яснѣйшій изъ всѣхъ, какіе только могутъ быть отысканы въ исторіи. Старообрядецъ-безпоповецъ можетъ сходиться, и даже сходится, въ догматическихъ положеніяхъ съ крайнимъ протестантомъ; духоборецъ и христовецъ еще ближе сходятся съ иллюминатами и трясунами запада. Отрицать ли однако, или нѣтъ, что старообрядство и духоборство есть одно изъ русскихъ вѣрованій, а протестанство съ квакерствомъ все-таки одно изъ западно-европейскихъ? И согласимся ли, что назади, въ глубинѣ старообрядства съ духоборствомъ, слышится все-таки православіе, и притомъ русское; а въ раціонализмѣ съ иллюминатствомъ на днѣ лежитъ католичество, и притомъ у одного именно нѣмецкое, у другого британское? Опять отдѣлимъ исключительные случаи тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ личностей: исключенія нигдѣ не ставятся въ правило, и случайности не возводятся въ законъ.

Digitized by Google

О церковныхъ попечительствахъ*).

Едва ли кто станетъ съ тѣмъ спорить, что въ развитіи попечительствъ таится начало возможныхъ успѣховъ и нравственнаго и умственнаго развитія населенія. Мы смѣло прибавимъ—даже экономическаго. Предчувствіе этого всесторонняго вліянія, которое способны оказать попечительства на низшее населеніе, не чуждо было и нѣкоторымъ земскимъ собраніямъ. Помнимъ былъ и въ Московскомъ въ свое время вопросъ о возможности обратить попечительства въ орудіе земской власти, по крайней мѣрѣ по дѣламъ образованія. Преткновеніе опять оказалось въ неуясненномъ понятіи; да что же такое однако попечительства и стоятъ ли они еще въ какомъ либо отношеніи къ земству? Не чисто ли они учрежденія церковныя.

Попечительства устроились, если память намъ не измѣняетъ, въ противоядіе „братствамъ“. Братства узаконены и сами по себѣ, но въ то время, когда общество о нихъ заговорило, вспомнивши о томъ, что братствамъ нѣкогда обязанъ былъ западный край спасеніемъ русской народности и вѣры, и когда пошла на нихъ мода (мода бываетъ у насъ на все, въ томъ числѣ и на братства), тогда показалось нѣкоторымъ страшно. Братство это—fraternité, а fraternité это—революція. Конечно, ни русскій православный народъ, ни въ частности исторія православія, отбивавшагося отъ польскаго католичества, ни мало не виноваты въ томъ, что нѣкоторые русскіе люди воспитали свою умственную способность на французскомъ словарѣ, а свои знанія на исторіи европейскихъ насилій. Но пугало, заключавшееся въ христіанскомъ названіи, слѣдовало устранить: выскочило „попечительство“. Оно было потому дитятей незаконнорожденнымъ, и до сихъ поръ не знаетъ ни отца, ни матери, ни родныхъ, всѣ его чуждаются, хотя всѣ отдаютъ ему справедливость. Пора его усыновить и ввести въ полныя права наслѣдства; конечно, нужно дать ему ради этого и новый видъ.

*) С. И. 23 февраля, № 53.

Digitized by Google

Мы не намѣрены излагать здѣсь, въ чемъ необходимо исправить уставъ приходскихъ попечительствъ, чѣмъ дополнить и чѣмъ согласить его съ инструкціею духовнымъ старостамъ, уставомъ консисторій, духовнымъ регламентомъ и наконецъ земскими учрежденіями и городовымъ положеніемъ. Ограничимся указаніемъ противорѣчій, какія теперь въ немъ есть, и притомъ болѣе видныхъ.

Попечительство есть конституированный приходъ,—по крайней мѣрѣ зачатокъ приходской конституціи, приходскаго порядка; это приходъ въ своемъ представительствѣ. Причтъ и церковный староста суть также выраженіе прихода и его представительство. Но староста съ священникомъ могутъ быть и не быть членами попечительства.

У причта со старостой предметъ попеченія тотъ же, что у попечительства,—церковь приходская. Но у попечительства есть сверхъ того свои заботы, повидимому, необязательныя для церкви и ея ближайшихъ приставниковъ, священника со старостой: попечительство заботится о воспитаніи дѣтей, объ уменьшеніи нищенства. Мы знаемъ однако же и изъ исторіи и изъ быта, что тѣ же заботы искони признавались присущими именно церкви, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ взятой. Бѣдные—на рукахъ церкви съ самыхъ дней апостольскихъ; изъ старыхъ церквей рѣдкая доселѣ не имѣетъ богадѣльни; при многихъ есть и училища. Нищіе по старой памяти все толпятся въ церкви, и церковь по крайней мѣрѣ ихъ не гонитъ.—Но то, говорятъ, церковь и приходъ, пекущіеся о нищихъ, страждущихъ и убогихъ и о себѣ самой въ смыслѣ храма—сами по себѣ; а то попечительство приходское, заботящееся о бѣдныхъ прихода, о малуткахъ и о церковномъ храмѣ съ причтомъ—само по себѣ.

Но народное образованіе, искорененіе нищенства, помощь убогимъ, это то же—забота земства?—Да, и однако эта забота приходскихъ попечительствъ, которымъ до земства никакого дѣла нѣтъ, какъ и земству нѣтъ права мѣшаться въ попечительства.

Итакъ, попечительство есть, можетъ быть, учрежденіе благотворительное, и въ этомъ смыслѣ добровольное, потому несмѣ-

Digitized by Google

симое ни съ земствомъ, ни съ приходскою церковью.—Да попечительства не обязательны; учрежденіе ихъ зависитъ отъ доброй воли прихожанъ: но однако они подчинены уставу; предметъ ихъ попеченій очерченъ, кругъ дѣйствій ограниченъ и этотъ кругъ совпадаетъ съ другимъ, признаннымъ учрежденіемъ равномѣрно не только узаконеннымъ, но какъ и приходскія попечительства—непринудительнымъ. Самъ приходъ и есть такое учрежденіе; церковь не острогъ и прихожане не арестанты. Церковь существуетъ, и при ней причтъ, потому что существуютъ прихожане, и потому что прихожане добровольнымъ пожертвованіемъ содержатъ и причтъ и церковное зданіе. Перестали прихожане приходить въ церковь, подавать въ кружки, ставить свѣчи, принимать и приглашать духовенство: перестанетъ существовать и приходъ и церковь и причтъ, а то пойдетъ на сломъ и продажу. Итакъ въ чемъ же различіе и почему оно?

Здѣсь повторяется тоже, о чемъ нѣкогда сказано было въ газетѣ „День“ по поводу исторіи одного города, если не ошибаемся—Мологи. Былъ городъ, какъ городъ; собирались повинности, избиралось и утверждалось городское управленіе; на городскія нужды расходовались городскія суммы. Но помимо этого города, городского управленія, городскихъ суммъ и городскихъ заботъ, существовалъ въ томъ же городѣ и изъ тѣхъ же лицъ, другой городъ, съ другимъ управленіемъ, съ другими капиталами, съ другими заботами. Тотъ же голова, съ тою же думою засѣдалъ въ присутственномъ мѣстѣ, подписывалъ раскладочные листы, писалъ отношенія въ полицію и отчеты въ губернское правленіе. И они же, тотъ же голова, съ тою же думою, помимо доходовъ принудительно опредѣленныхъ, завѣдывали добровольно составленными капиталами, расходовали ихъ съ вѣдома горожанъ на городскія нужды и давали отчетъ въ нихъ горожанамъ. Дѣло продолжалось годы, пока бюрократическій глазъ открылъ существованіе города, заботящагося о городскихъ нуждахъ полнѣе казенныхъ предписаній и честнѣе казеннаго порядка, исполнявшагося, какъ и вездѣ водится, для очистки формъ.

Digitized by Google

Въ родѣ этого раздвоенія города на самаго себя, на городъ именованіемъ и городъ дѣломъ, на городъ казенный и на городъ бытовой, городъ личину и городъ-личность: въ родѣ этого раздвоенія повторилось и надъ приходомъ, да еще узаконено. Церковь, причтъ, староста, то приходъ показной, церковь казенная; а то приходъ настоящій и церковь въ живомъ смыслѣ. Плоды неестественнаго раздвоенія тѣ же; да они еще тѣмъ болѣе усиливаются, что кромѣ этихъ двухъ видовъ, существуетъ еще третій видъ церкви и прихода, который назовемъ: исподнимъ. Попечительству все-таки данъ казенный нарядъ. И вотъ, помимо прихода и церкви показныхъ, успѣлъ образоваться изъ тѣхъ же лицъ еще потаенный приходъ, у котораго есть и свои капиталы, иногда и свои учрежденія, въ родѣ богадѣленъ, питающіяся на церковныя суммы, хотя и не показанныя въ книгахъ. И наконецъ, при всякой церкви бываютъ свои собранія, совѣщанія, постановленія потайной церкви, опять стоящія къ оффиціальной, показной церкви, въ отношеніи катакомбы къ подземному зданію. На этихъ совѣщаніяхъ постановляется наемъ дьяконовъ, вотируется жалованье сторожу на церковныя деньги, придумываются доброхотные неизвѣстные благотворители, пожертвовавшіе на церковную ограду, для которой кружечный сборъ откладывался по частямъ, при цѣломъ рядѣ смѣнявшихся старостъ и священниковъ.

Итакъ, вотъ что есть. А такъ ли должно быть, разсудить не трудно. Городовое Положеніе отчасти прекратило самую возможность раздвоенія городовъ на городъ—казну и городъ—общество, простымъ средствомъ—сближеніемъ казеннаго городского устройства съ подлинными городскими потребностями. А церковному устройству и тѣмъ паче не подобало бы оставаться неизбѣжнымъ носителемъ постояннаго обмана, къ которому невольно принуждается живая церковь накинутымъ на нее казеннымъ оголовкомъ. И путь единственный, разумѣется, тотъ же, какой употребленъ и въ мѣстномъ самоуправленіи; онъ есть и единственно справедливый. Признайте же приходъ за самостоятельную юридическую единицу, какъ признанъ и городъ, и

Digitized by Google

согласитесь, что онъ имѣетъ полнѣйшее право на безусловную самостоятельность, что ничѣмъ никому не обязанъ. Возникъ онъ самъ собою; понужденій не требовалъ; и что если испытывалъ отвнѣ, то не столько помощи, сколько вмѣшательства, часто оскорбительнаго, и поборовъ, тѣмъ менѣе оправданныхъ юридически, что простирались они на благотворенія вопреки прямой волѣ благотворителей. И въ сущности, настоящее казенное устройство церквей и приходовъ никому и не приноситъ пользы, кромѣ нѣсколькихъ чиновниковъ, извлекающихъ отсюда выгоды и почести. А православію, просвѣщенію, нравственности, благосостоянію народа, обезпеченію и возвышенію духовенства— только вредъ. Наконецъ стоитъ подумать и о вредѣ, который наносится чрезъ это и политическому воспитанію народа; на первый взглядъ онъ какъ будто и не замѣтенъ въ нашемъ преданномъ и послушномъ народѣ. Но онъ есть; впечатлѣнія копятся; а политическая мудрость конечно не въ томъ состоитъ, чтобъ презирать народные вздохи и ропоты, хотя бы и смиренные.

Къ дѣлу Митрофаніи*).

Сопоставленіе векселей покойнаго Солодовникова съ поддѣльными векселями, изготовленными въ острогѣ, мы полагаемъ произошло отъ одновременности городского говора о тѣхъ и другихъ векселяхъ. Корреспондентъ, понятно, не желалъ разбивать рѣчь обо одномъ и томъ же предметѣ: заговоривъ о говорѣ, возбужденномъ одними векселями, естественно упомянулъ о говорѣ, идущемъ по поводу другихъ, векселей же. Говоръ возбужденъ очевидно „странностью случая“, какъ выразился корреспондентъ. Названіе странный нѣкоторымъ кажется щекотливымъ; замѣнимъ его безразличнымъ словомъ: необычный. И дѣйствительно дѣло, какъ разсказываетъ о немъ сама мать игуменья, не принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ.

*) С. И. 24 февраля, № 54.

Digitized by Google

Оставимъ въ сторонѣ обстоятельство, что игуменья православнаго монастыря обращается за пожертвованіемъ къ извѣстному скопцу, даже коноводу скопцовъ. Изъ словъ матери Митрофаніи не видно, когда состоялось между ними соглашеніе: прежде чѣмъ арестованъ Солодовниковъ или послѣ ареста. Если бы по случаю вышло послѣднее (а публика не можетъ знать, прежде или послѣ), недоумѣніе и даже соблазнъ простительны. Сама ли мать игуменья отправлялась къ заключенному просить вспомоществованія на устрояемую общину; заключенный ли вступилъ первый и обратился къ матери игуменьѣ; личными ли переговорами ведено было дѣло, письменными ли сношеніями: публика скажетъ „странно“. И публикѣ простительно. Что такъ побудило сердобольствовать Солодовникова объ общинѣ сестеръ милосердія именно въ часы заключенія? Что побудило устроительницу общины обратиться къ заключенному наканунѣ суда надъ нимъ? Какъ объясняла себѣ игуменья православнаго монастыря пожертвованіе, поступающее отъ лица, котораго судебная палата нашла основательнымъ заподозрить не только въ принадлежности къ сектѣ, ругающейся внутренно надъ православіемъ, но и въ содѣйствіи къ ея распространенію?

Можетъ быть пожертвоваваніе состоялось прежде ареста. Публикѣ естественно удивляться, что Солодовниковъ облекаетъ пожертвованіе въ форму векселей. Это уже не только необычно и неслыханно, но не соотвѣтствуетъ самому понятію о пожертвованіи. Какъ легко благотворить такимъ способомъ. Векселями можно надавать и милліоны. Но не каждый пріемщикъ благотвореній посмотрѣлъ бы на вексельное благотвореніе благодушно, какъ мать Митрофанія. Благотвореніе есть даяніе, а не обѣщаніе, а обѣщаніе есть обѣщаніе, то есть обнаружившееся душевное расположеніе, готовность, а не самое дѣло. Нехристіански облекать благотворительное обѣщаніе, по существу совершенно добровольное, въ принудительную форму, каковъ вексель, документъ, которымъ даетъ векселедатель векселедержателю право принудить себя, въ случаѣ нужды, даже тюремнымъ заключеніемъ. Но благотворитель можетъ перемѣ-

Digitized by Google

нить впослѣдствіи намѣреніе, совсѣмъ раздумать, или направить благотвореніе въ другую сторону. Итакъ мать игуменья, принимающая христіанскій даръ, посадитъ тогда отказывающагося въ долговое отдѣленіе и поступитъ съ должникомъ по примѣру того немилосердаго заимодавца, который „емъ его давляше“, по слову Спасителя? Добровольность есть существенная принадлежность христіанской жертвы; въ этомъ ея все христіанское достоинство, и мы отказываемся понять, какимъ образомъ рѣшилась православная игуменья согласиться на даръ въ формѣ, положительно противной самымъ простымъ понятіямъ христіанской нравственности? Пользуясь объясненіемъ самой матери Митрофаніи, мы обращаемъ вниманіе епархіальной власти, которая, вѣроятно, не оставитъ подчиненную инокиню безъ нравственнаго назиданія объ отличительныхъ особенностяхъ христіанскаго благотворенія. Не преминетъ матери игуменьѣ, безъ сомнѣнія, и духовный отецъ ея внушить всю оскорбительность для христіанскаго чувства такихъ благотвореній, обставленныхъ угрозами тюремнаго заключенія.

Это наши соображенія, а не корреспондента „Биржевыхъ Вѣдомостей“, который смотритъ на дѣло, повидимому, съ болѣе прозаической, житейской, юридической стороны. Его поражаетъ сопровожденіе подписи Солодовникова удостовѣреніемъ матери игуменьи. И нельзя не поражаться. Что необычно, то необычно. На векселяхъ дѣлается бланковая надпись векселедержателемъ: она служитъ вмѣстѣ и однимъ изъ ручательствъ подлинности векселя. Мать Митрофанія, по своему званію монахини, не можетъ подписать бланка. Но по тому же смыслу своего званія и по смыслу того же закона, не приходилось ей вмѣшиваться въ вексельное дѣло и другимъ какимъ способомъ. Тѣмъ болѣе, что это безполезно. Подпись на векселѣ есть собственно свидѣтельство о комерческой сдѣлкѣ, которой онъ служитъ представителемъ; вексель при томъ предполагаетъ всегда валюту, товарную или денежную: свидѣтельство посторонняго лица, а тѣмъ болѣе монахини, тутъ ни при чемъ; оно не представляетъ сдѣлки (продажи и купли) и не даетъ предполагать ни о какой

Digitized by Google

валютѣ. Векселя Солодовникова, по собственному показанію матери игуменьи, есть векселя безденежные, и уже потому не законные, лишенные силы: христіанская готовность къ благотворенію не причисляется къ валютамъ и какая бы ни была употреблена Солодовниковымъ на своихъ векселяхъ редакція: „получилъ наличными деньгами сполна“ или „получилъ товаромъ сполна“, то и другое выраженіе оказывается не соотвѣтствующимъ дѣйствительности. Подлинность подписи дѣла не измѣняетъ, и постороннее свидѣтельство, хотя бы игуменьи, крѣпости векселю не прибавляетъ. Вексель оказывается безденежнымъ: въ форму векселя оказывается облеченною сдѣлка, для которой законъ назначилъ другія удостовѣрительныя, юридическія формы. Сама мать игуменія упоминаетъ о письмахъ Солодовникова, имѣющихся у нея и подтверждающихъ дѣйствительность дара, или точнѣе—дѣйствительность обѣщанія. На нашъ взглядъ, крѣпость и этихъ писемъ, если они не оформлены юридическою силою обязательства, тоже сомнительна.

Корреспондентъ впрочемъ, повидимому, даже не этимъ поразился. Именно сопоставленіе, въ которомъ онъ передаетъ вмѣстѣ о векселяхъ Солодовникова и о векселяхъ острожныхъ, даетъ заключить, что онъ предполагаетъ въ принимающихъ векселя—сомнѣніе о подлинности, и именно сомнѣніемъ ихъ объясняетъ сопроводительное удостовѣреніе матери игуменьи. Намъ самимъ кажется, да и всякій заключитъ изъ подлинныхъ словъ самой матери Митрофаніи, что сомнѣніе должно быть изъявлялось, или по крайней мѣрѣ предполагается и ожидается самою матерью игуменьею. Повторяемъ, что ея удостовѣреніе не прибавляетъ документамъ ни на волосъ силы; но тѣмъ непонятнѣе побужденіе давать удостовѣреніе, и тѣмъ естественнѣе предположить, что дается оно въ предвидѣніи сомнѣній. Но если такъ (и иначе предположить трудно), мать Митрофанія поступила положительно неосторожно, потому что лишь прибавляетъ новый поводъ къ сомнѣніямъ, вмѣсто того, чтобы ихъ разсѣять. Вексель по существу безспоренъ, и въ случаяхъ сомнѣній обязанность доказывать подлогъ лежитъ на плательщикѣ;

Digitized by Google

а здѣсь векселедержатель принимаетъ на себя трудъ опровергать сомнѣнія. И чемъ опровергать. Удостовѣреніе матери игуменьи въ настоящемъ случаѣ имѣетъ ровно такую же силу, какъ удостовѣреніе въ подлинности завѣщанія, если бы къ подписи завѣщателя и свидѣтелей вздумалъ прибавлять и свою тотъ, въ чью пользу составлено завѣщаніе. Игуменья свидѣтельствуетъ въ своемъ дѣлѣ и въ свою пользу, и приписываетъ успокоительную силу своему увѣренію о своемъ искѣ. Ея-то свидѣтельство прежде всего и должно быть устранено, какъ прикосновенное къ дѣлу. Тѣмъ болѣе, что есть способъ прямой и болѣе простой удостовѣриться въ подлинности: векселя должны значиться въ книгахъ Солодовникова.

О послѣднемъ пунктѣ мать игуменья совершенно умалчиваетъ, а онъ-то и есть самый существенный. Значатся эти векселя въ торговыхъ книгахъ Солодовникова? Вошли они въ балансъ его имущества, составленный по его смерти?—Если да, то и толковать нечего: уста корреспонденту заграждены, а вмѣстѣ и публикѣ, съ говора которой онъ излагаетъ. Если же поименнованные векселя не вошли въ балансъ имущества и долговъ Солодовникова, и если мать Митрофанія не догадалась представить векселя при составленіи описи наслѣдству, оставшемуся послѣ умершаго; тогда дѣло рѣшается (помимо вопроса о подлинности векселей) юридическимъ разсмотрѣніемъ слѣдующихъ вопросовъ: имѣлъ ли Солодовниковъ право распоряжаться своимъ имуществомъ въ то время, когда подписывалъ векселя? И своею несомнѣнною безденежностью не утрачиваютъ ли векселя свою силу во всякомъ случаѣ? Подлинность документовъ здѣсь есть самое маловажное; а еще менѣе важно удостовѣреніе лица заинтересованнаго. Разумѣется, это не относится къ случаю, буде наслѣдники Солодовникова согласятся добровольно принять на себя обязательство покойнаго. Но тогда это будетъ съ ихъ стороны уже особый, самостоятельный даръ, юридически не связанный съ пререкаемыми векселями.

Въ заключеніе пояснимъ: мы на минуту усомнились въ подлинности самого письма матери Митрофаніи. Но оно пи-

Digitized by Google

сано на оффиціальномъ бланкѣ Покровской Общины, и что насъ успокоило. А то, по содержанію письма судя, можно было даже опасаться, не вздумалъ ли кто еще, помимо керреспондента „Биржевыхъ Вѣдомостей", подбавить неблагопріятнаго впечатлѣнія, связаннаго съ именемъ достопочтенной игуменьи? Столько тутъ изъ собственныхъ ея словъ раждается недоумѣній и нравственныхъ и юридическихъ. Послѣднія, какъ убѣдится сама достопочтенная устроительница общины, очень и очень нешуточны. Искренно желаемъ, чтобы и ей самой и устрояемой ею общинѣ, успѣху которой можно только сочувствовать, обошлось дѣло вполнѣ благополучно, чтобы изъ столькихъ неблагопріятныхъ случайностей, которыя столь естественно предполагаются въ этой неестественной исторіи о безденежныхъ векселяхъ, выданныхъ чрезъ подставное лицо другому лицу, не имѣющему права векселеваться, выданныхъ при томъ лицомъ подвергшимся суду, да вдобавокъ именно сектантомъ, и притомъ православной игуменьѣ:—искренно и душевно желаемъ, чтобъ изъ всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ случайностей въ этой неестественной исторіи, естественно предполагаемыхъ, пало на долю дѣйствительности возможно меньшее. А совокупность всей этой обстановки, если бы вся она оказалася дѣйствительностію, не пріятно дѣйствуетъ даже на нравственное чувство.

Нѣмецкій переводъ русской церковной исторіи и катихизиса*).

Отъ имени русскихъ людей достойно поблагодарить г. Блюменталя; мы говоримъ о нѣмецкомъ переводѣ Русской церковной исторіи Филарета (Черниговскаго) и Катихизиса Филарета (Московскаго), недавно изданномъ имъ во Франкфуртѣ на Майнѣ. Благодарность наша должна увеличиться, при воспоминаніи о преклонныхъ лѣтахъ переводчика, о его положеніи сановника, о томъ что по спеціальности своей онъ никогда не

*) С. И. 2 марта, № 60.

Digitized by Google

принадлежалъ богословію, а медицинѣ, и даже по вѣроисповѣданію принадлежитъ, если не ошибаемся, лютеранской церкви.

И переводъ г. Блюменталя не мертвый механическій трудъ; своему труду онъ предпослалъ предисловіе, въ которомъ отдаетъ справедливость достоинству русской церкви, защищаетъ ее отъ нареканій и даже гадаетъ о ея дальнѣйшемъ преимущественно высокомъ призваніи,—очевидно, объясняя тѣмъ самымъ и побужденія, почему предпринятъ имъ этотъ, во всякомъ случаѣ не легкій, трудъ. Читатель не поскучаетъ, что мы передадимъ ему (въ русскомъ переводѣ) нѣсколько строкъ изъ этого замѣчательнаго предисловія.

„И свѣтскій историкъ вноситъ свой личный взглядъ въ изложеніе исторіи: такъ начинаетъ г. Блюменталь свое предисловіе; и на повѣствованія о гражданскихъ событіяхъ непремѣнно воздѣйствуетъ духовное направленіе историографа; но тѣмъ болѣе подпадаетъ этой судьбѣ изложеніе церковной. О русской церкви почти не слышатся безпристрастные отзывы, въ западной литературѣ оказывается такимъ образомъ пробѣлъ. Переводомъ двухъ книгъ, одной исторической, другой догматической, пробѣлъ этотъ долженъ восполниться“.

Такъ досточтимый переводчикъ объясняетъ внѣшній поводъ къ своему труду. Посмотримъ, какъ онъ отзывается о самомъ предметѣ, съ которымъ имѣютъ дѣло переведенныя имъ сочиненія, т. е. о русской церкви. Переводимъ буквально:

„Русская церковь, получившая христіанское ученіе отъ востока, пережила времена полныя испытаній, претерпѣла много напастей, много и крѣпко должна была бороться съ внѣшними и внутренними врагами: и тѣмъ не менѣе, пребывая въ вѣрѣ и терпѣніи, крѣпко сохранила ввѣренную ей драгоцѣнность, не умаляя и не измѣняя, такъ что и въ наши дни ея ученіе и устройство таковы же, какъ были въ восточной церкви во времена Златоустовъ и Василіевъ. Это, мнѣ кажется,—не маловажная заслуга; эта девятью вѣками доказанная вѣрность есть явленіе столь досточтимое, что сердце каждаго христіанина должно исполняться нелицемѣрнымъ почтеніемъ“.

Переводчикъ обращается затѣмъ къ упрекамъ, которые раздаются противъ русской церкви на западѣ, что она закаме-

Digitized by Google

нѣла будто бы въ мертвой формальности, и своею неподвижностью тормозила развитіе науки, которому отдался западъ. Переводчикъ отстраняетъ это обвиненіе въ самомъ основаніи, указывая, что въ содержаніи христіанскаго ученія есть сторона по существу неизмѣнная—откровенное ученіе, и что именно западъ своимъ движеніемъ перешелъ далеко предѣлы позволительнаго, такъ что придумывалъ даже новые неслыханные догматы. Но переводчикъ кромѣ того отрицаетъ и основательность упрека.

Русская церковь не закаменѣла въ мертвомъ формализмѣ. Это она доказала тѣмъ, что отъ перваго начала и до сихъ дней не убоялась ни опасностей, ни труда, чтобъ благовѣствовать спасеніе сосѣднимъ народамъ, сидѣвшимъ еще и сидящимъ во тмѣ и сѣни смертной. Она доказала это тѣмъ, что и подъ варварскимъ игомъ дикаго монгола она сумѣла укрѣпить такъ своихъ сыновъ, что они скорѣе разставались съ жизнію, чѣмъ отрекались отъ вѣры отцовъ своихъ. Доказала это среди преслѣдованій, которымъ польскіе магнаты и фанатическіе ксендзы подвергали значительную часть ея, когда она предпочитала поношенія, мученія и смерть отреченію отъ вѣры. Доказала наконецъ и тогда, когда суевѣріе и невѣжество народа и низшаго духовенства произвели расколъ въ ней самой. Тогда именно она-то и противопоставила погрязшимъ въ мертвой формальности живую истину, неослабно поучая заблудшихъ, что не буква, а духъ животворитъ. Церковь, которая принесла такіе плоды, дала такія доказательства непоколебимой вѣры, можетъ ли быть основательно упрекаема въ застоѣ, въ окаменѣвшемъ мертвомъ формализмѣ?

Въ заключеніе переводчикъ, вкратцѣ обозрѣвъ судьбы русской церкви и ея современное устройство, говоритъ между прочимъ:

„Такимъ-то образомъ русская церковь, въ видѣ слабаго ростка насажденная именно во времена величайшихъ церковныхъ смутъ, возросла нынѣ въ великое древо, не смотря на бури и непогоды, угрожавшія ея развитію, и „дѣломъ любви и служенія, вѣры и терпѣнія“ исполнила свою ближайшую задачу: просвѣтила пустынный сѣверъ тихимъ свѣтомъ евангелія. Но можетъ быть предстоитъ ей еще и высшая задача; можетъ быть призвана она христіанскою любовью умирить противоборствующія мнѣнія, и кроткимъ духомъ терпѣнія, дарованнымъ ей отъ Господа, исцѣлить ту долгую

Digitized by Google

язву, которая чрезъ вѣки разъѣздаетъ члены тѣла Христова. Тогда надъ ней сбылись бы и тѣ слова Господа, возвѣщенныя Ѳіатирскія церкви: вѣмъ твои дѣла, и послѣдняя больша первыхъ."

Послѣдними словами переводчикъ очевидно намекаетъ на западный расколъ вообще, и въ частности на новое раздѣленіе, которое произведено тамъ послѣднимъ ватиканскимъ соборомъ. Послѣднимъ обстоятельствомъ едва ли даже не объясняется по преимуществу появленіе перевода именно въ наши дни. И сдается намъ, что трудъ высокочтимаго переводчика уже принесъ нѣкоторые плоды. Пробѣгая лекціи Деллингера, печатаемыя теперь въ иностранныхъ газетахъ, замѣчаемъ, что помимо нѣкоторыхъ предразсудковъ, еще сохраняющихся, маститый патріархъ новокатоличества начинаетъ уже смотрѣть на греческую и даже на русскую церковь (къ которой относились новокатолики съ особеннымъ сомнѣніемъ) инымъ, болѣе безпристрастнымъ взглядомъ. Произведено ли это исключительно бесѣдами г. Осинина? Сомнѣваемся. Не скорѣе ли это слѣдъ уже запечатлѣнный этого труда, принадлежащаго почтенному московскому доктору, нынѣ почетному опекуну.

Стоило—и даже позываетъ на это—сказать въ заключеніе и еще нѣсколько словъ: пожалѣть объ исключительности этого явленія, за которое г. Блюменталь заслуживаетъ столь полной благодарности отъ всѣхъ русскихъ православныхъ. Двумя сочиненіями Филаретовъ, имъ переведенными, не исчерпывается самостоятельная русская духовная литература. Не говоря о сочиненіяхъ покойнаго Хомякова, которыя всего ближе касаются къ теперешнему спорному западному вопросу, но которыя и безъ того изданы первоначально не на русскомъ, сочиненія тѣхъ же самыхъ двухъ Филаретовъ есть, кромѣ переведенныхъ, и другія, которыми можно не только тѣмъ подробнѣе познакомить западныхъ богослововъ съ русской церковью, но и тѣмъ полнѣе отразить ихъ упрекъ въ отсутствіи духовной мысли, которымъ будто бы страдаетъ окончательно наша церковь... Но впрочемъ, прежде чѣмъ знакомить западъ и жалѣть о его предразсудкахъ, слѣдуетъ еще обратиться къ себѣ и пожалѣть о предразсудкахъ, которые съ неменьшею силою господствуютъ и

Digitized by Google

у насъ и относительно того же предмета. Да и что же сдѣлали, чтобъ знакомить насъ самихъ съ своими? Въ этомъ смыслѣ упрекъ неотразимый и пятно несмываемое ложится въ особенности на наслѣдникахъ покойнаго митрополита Филарета, а съ ними вмѣстѣ и на всемъ среднемъ и молодомъ поколѣніи духовенства. Вотъ прошло уже болѣе четырехъ лѣтъ послѣ его смерти. Что же сдѣлано по изданію его сочиненій? Печатаются кое-какія иногда его письма и разсказываются отъ времени до времени о немъ анекдоты въ духовныхъ журналахъ. И все. Не говоримъ уже о богословахъ и духовенствѣ вообще. Но наслѣдники, получившіе отъ покойнаго, между прочимъ, не малые и вещественной цѣнности остатки, что-же они то? И не шевелятся, чтобъ засвидѣтельствовать свою признательность хотя какою нибудь заботою о приближеніи полнаго изданія сочиненій не только замѣчательнѣйшаго изъ духовныхъ писателей русскихъ, но и лично ихъ собственнаго благодѣтеля. Хотя бы святѣйшій синодъ вступился за это дѣло...

Воинствующее ультрамонтантство *).

Болѣзнь о. Фелинскаго несомнѣнна. Она подтверждена двукратно, въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ и у насъ; у насъ притомъ такимъ сообщеніемъ, которое носитъ всѣ слѣды происхожденія почти полуоффиціальнаго. И тѣмъ не менѣе случай страненъ. Почему страненъ, объ этомъ скажетъ письмо о. Ипполита Лютостанскаго. Но и помимо этого письма насъ спрашиваютъ: „болѣзнь несомнѣнна, да какъ она пришла? Одна сторона дѣла разъяснена: но въ первомъ сообщеніи была и другая сторона“. И объ этой, другой сторонѣ мы опять получаемъ письма. Не хотимъ ихъ оглашать: полагаемъ, что постановкою общаго вопроса о католическихъ учебныхъ заведеніяхъ мы исполнили свой долгъ; идти далѣе, въ частности, дѣло уже не

*) С. И. 8 апрѣля, № 97.

Digitized by Google

публицистики. Письмо о. Ипполита иное дѣло: это страница русской статистики любопытная, невольно поражающая повтореніемъ однородныхъ послѣдствій послѣ однородныхъ обстоятельствъ. Наука при такого рода данныхъ отлагаетъ слово „случай“: математика видитъ въ нихъ „законъ“, предоставляя философу отыскивать „причину“.

Случай, по словамъ о. Ипполита, неизмѣнно повторяющійся, есть тотъ, что ксендзы, принимающіе православіе, или приближающіеся къ нему, оканчиваютъ сумасшествіемъ, или состояніемъ къ нему близкимъ, иногда истиннымъ, а иногда мнимымъ, только заподозрѣваемымъ друзьями или недругами.

Итакъ, это выходитъ уже не случай? Не странно ли же? Не остается ли послѣ того странною, въ числѣ другихъ и болѣзнь о. Фелинскаго, о которомъ узнаемъ теперь, что онъ былъ направленія не только русскаго, но и близкаго къ православію.

Приближенные отца Фелинскаго и костельный причтъ могли не замѣчать; это—случайность, нисколько не удивительна. Присоединимъ кстати и событіе съ Сенчиковскимъ, о которомъ читатели знаютъ. Итакъ, уже ли же это роковой законъ? И гдѣ причины? Причины могутъ быть въ намѣренномъ устроеніи такихъ условій, которыя рано или поздно должны привести къ сумасшествію, и могутъ заключаться въ положеніи вещей, независимомъ отъ намѣренія отдѣльныхъ лицъ. Во всякомъ случаѣ вопросъ заслуживаетъ глубокаго вниманія: есть надъ чѣмъ задуматься политику, администратору, публицисту.

Правда, общественная жизнь наша вообще въ нравственномъ кризисѣ. Не одно умственное разстройство и не однихъ ксендзовъ, принимающихъ православіе,—не менѣе поражаетъ и повтореніе самоубійствъ, самоубійствъ, въ особенности совершаемыхъ молодыми людьми, почти мальчиками, молодыми женщинами, почти дѣвочками, при обстоятельствахъ, по обыкновеннымъ условіямъ непонятныхъ. Тутъ, очевидно, опять не случайность; повтореніе сказываетъ о какой то общей причинѣ, замѣшивающей здравое психическое настроеніе и ведущей къ послѣдствіямъ противоестественнымъ. Но причина тамъ лежитъ

Digitized by Google

внѣ намѣренія чьего бы то ни было; никто не хочетъ, чтобъ этотъ мальчикъ или эта дѣвочка закатили пулю въ лобъ или въ сердце. Это—сложившіяся обстоятельства, встрѣча нравственныхъ недоразумѣній, дѣлающихъ инымъ жизнь не только постылою, но замѣшивающихъ разсудокъ и волю. То же ли и здѣсь?

Странно, что, когда дѣло заходитъ объ ультрамонтантствѣ, да еще въ соединеніи съ политической страстью, нельзя сказать съ положительной увѣренностью: „тутъ дѣйствуетъ просто сила вещей; никто намѣренно не содѣйствуетъ умалишеніямъ въ данныхъ случаяхъ“. Трудно обвинять, но трудно съ увѣренностью доказывать и противное. Въ иностранныхъ газетахъ было недавно извѣстіе объ отравленіи Антона, одного изъ руководителей старокатолическаго движенія. Что-то потомъ замолчали объ этомъ; но можно ли предположить, чтобы стали разногласить, на кого прежде всего должно пасть подозрѣніе? Нѣтъ податливѣе ультрамонтантской совѣсти; нѣтъ ловче іезуитской діалектики; она все способна оправдать и освятить: это—убѣжденіе всего человѣчества, подтвержденное столѣтіями. Поэтому-то и у насъ, когда дѣло заходитъ о столкновеніи началъ, въ родѣ того, что случилось съ Фелинскимъ или съ Сенчиковскимъ ли, съ Лютостанскимъ ли, можно ошибиться въ томъ и другомъ случаѣ, можно оказать напраслину въ примѣненіи къ тому или другому лицу; но—ожидать всего можно; въ общемъ покоръ будетъ всетаки справедливъ, когда говорятъ: „это ихъ дѣло“. Борьба съ ультрамонтантствомъ для всего остального міра, протестантскаго ли, православнаго ли, тѣмъ и жестока, что имѣетъ противъ себя дисциплинированную и притомъ тайную силу. Противъ васъ могутъ вести цѣлую компанію, всѣ ходы которой разсчитаны, успѣхъ которой разложенъ на цѣлые годы, десятилѣтія: а вы остаетесь въ добродушномъ отношеніи къ отдѣльнымъ лицамъ и случаямъ, которые, взятые сами по себѣ, представляются очень простыми, невинными и легко объяснимыми. Ультрамонтантство и еврейскій кагалъ два родные брата въ этомъ отношеніи и, безъ сомнѣнія, нѣтъ, не было и едва ли будетъ когда какое тайное общество, которое

Digitized by Google

бы сравнялось съ ними и въ силѣ и въ искусствѣ психологическомъ и политическомъ. Руси приходится, къ сожалѣнію, считаться съ обѣими этими силами, и обѣ онѣ дѣйствуютъ въ ней единовременно,—на одинъ изъ ея краевъ по преимуществу. Отъ кагала Пруссія избавлена. Но ультрамонтантству, наконецъ, даже она объявляетъ войну, и войну нещадную; въ сегодняшнемъ номерѣ мы найдемъ новое подтвержденіе рѣшительности, съ какою берется нѣмецкая политика за пополненіе этой своей новой задачи. Любопытно будетъ, что-то одолѣетъ въ концѣ: нѣмецкая ли настойчивость или іезуитская изворотливость?

Къ еврейскому вопросу*).

Изъ Балты мы получили письмо, разсуждающее съ мѣстной точки зрѣнія о вопросѣ, все болѣе и болѣе начинающемъ занимать и общество и печать: о еврейскомъ вопросѣ. Корреспондентъ совершенно раздѣляетъ мнѣніе, нѣкогда нами высказанное, что напрасно вопросъ еврейскій сводятъ на религіозный, когда онъ преимущественно, если не исключительно, есть соціальный. Кто видитъ въ немъ религіозный вопросъ, сказали мы нѣкогда, тотъ заранѣе становится на еврейскую точку зрѣнія и заранѣе осуждаетъ себя на пристрастіе и несправедливость, тѣмъ болѣе горькую, что дѣло здѣсь идетъ о развитіи умственномъ и экономическомъ цѣлыхъ краевъ Россіи. Корреспондентъ, обозрѣвая мѣстныя отношенія, приходитъ къ тому же заключенію. Онъ пишетъ подъ впечатлѣніемъ безпокойства, проявившагося въ христіанскомъ населеніи передъ праздниками въ Одессѣ; обозрѣваетъ мѣры предохраненія, принятыя мѣстными властями; упоминаетъ о 14 тысячахъ войска, сосредоточенныхъ въ городѣ; о томъ что и этого числа находили недостаточнымъ; говоритъ, что на стѣнахъ появлялись приклеенныя безпокойнаго свойства объявленія. Они были сняты

*) С. И. 20 апрѣля, № 106.

Digitized by Google

полиціею, продолжаетъ корреспондентъ, и отданъ былъ приказъ о розысканіи виновныхъ. Не пора ли, заключаетъ корреспондентъ, подумать объ ограниченіи еврейской пропаганды и эксплоатаціи?

Пора, безъ сомнѣнія; мы не понимаемъ, о какомъ лишеніи гражданскихъ правъ говоритъ онъ въ своемъ письмѣ. Евреи лишены съ нами равныхъ правъ! Мы любопытствовали бы: какихъ это они правъ лишены въ сравненіи съ нами? Намъ извѣстны пока только привиллегіи, которыми они пользуются (въ родѣ, напримѣръ, своихъ училищъ, содержимыхъ на капирное мясо). Жалобы на мнимое неравенство правъ есть такой же отводъ глазъ какъ мнимая религіозная нетерпимость. Ужъ не разумѣется ли при этомъ отсутствіе правъ свободнаго разселенія? Но во первыхъ, ограниченіе положенное закономъ, фактически даже не существуетъ. Каждый еврей можетъ гулять по всей Россіи свободно, съ однимъ лишь условіемъ,— дозволенія отъ кагала. Кагалъ захочетъ, выдадутъ свидѣтельство въ знаніи ремесла тому, кто отъ рода не зналъ никакого; не захочетъ кагалъ,—не пуститъ, и дѣйствительно никогда не выпускаетъ откуда нибудь изъ Гродна или Бердичева, хотя бы просящійся дѣйствительно былъ ремесленникъ, дѣйствительно имѣлъ по закону право на выселеніе, и дѣйствительно своимъ выселеніемъ прибавилъ бы для Великой Россіи лишнія, не эксплоататорскія, а производительскія руки. Да и надо имѣть вообще слишкомъ довольно безстыдства, чтобъ жаловаться на отсутствіе права, котораго лишены поболѣе двадцати милліоновъ даже коренного населенія. Крестьянству для выселенія противопоставлены такія условія, которыя постѣснительнѣе, чѣмъ для евреевъ. Да то еще коренные русскіе крестьяне; а что сказать объ эстахъ и латышахъ?

Въ сущности жалобы евреевъ и жидолюбцевъ на неравенство суть жалобы на недостаточность привиллегій. Имъ еще мало ихъ. Они пользуются полною свободою вѣры; пользуются самоуправленіемъ, полноты неслыханной и завидной для всякаго изъ народовъ вселенной; они умѣютъ себя освобождать,

Digitized by Google

благодаря тому же кагальному самоуправленію, и отъ части податей (воровскимъ сокрытіемъ числа душъ), и отъ военной повинности (разложеніемъ выкуповъ за себя на коренное трудящееся населеніе). Они почти всемогущи. Они государство въ государствѣ, притомъ—государство, пользующееся всѣми преимуществами власти и ненесущее отвѣтственности; государство, сильное, сверхъ того, и внѣшними союзами, идущими далеко за предѣлы ихъ названнаго отечества, разстилающимися по всему міру. Этого ли мало? Да, пора подумать не о томъ, чтобъ давать правъ еще больше и закабалить коренное населеніе окончательно, но чтобы высвободить населеніе изъ хищническихъ рукъ этой банды, какъ назвалъ ее корреспондентъ; разрушить устройство ея какъ банды; сравнять ихъ дѣйствительно со всѣмъ населеніемъ, но въ обратномъ смыслѣ: сравнять въ тяготахъ, а не въ привиллегіяхъ, сравнять въ строгости закона, который не долженъ нотворствовать систематической эксплоатаціи живыхъ народныхъ силъ, изъ ложнаго опасенія, что мѣру, предписываемую экономическимъ смысломъ и требованіями національнаго развитія, припишутъ религіозному фанатизму.

Значеніе религіознаго вопроса для Чеховъ и Болгаръ*).

У М. П. Погодина, 16 мая, въ память Славянскаго Съѣзда, по обыкновенію, собрались и нынѣшнимъ годомъ, хотя въ небольшомъ числѣ, друзья славянской взаимности; и также по обыкновенію, достопочтенный хозяинъ произнесъ рѣчь, въ которой обозрѣлъ современное положеніе славянскихъ дѣлъ. Въ ней, между прочимъ, съ замѣчательною вѣрностью указано, что церковный вопросъ могъ быть для западныхъ славянъ, чеховъ, существеннымъ, а для славянъ турецкихъ, болгаръ, грозитъ быть роковымъ.

Къ сожалѣнію и удивленію, чехи дѣйствительно не досмотрѣли въ свое время, что Ватиканскій соборъ, съ его дог-

*) С. И. 21 мая, № 137.

Digitized by Google

матомъ непогрѣшимости, давалъ имъ случай не только добиться политической самобытности въ своемъ отечествѣ, но и стать во главѣ, можетъ быть, цѣлой половины католическаго міра. Не досматриваютъ они, къ сожалѣнію, и доселѣ, что не въ жалкой конституціонной борьбѣ, а именно здѣсь, на почвѣ церковной, заря ихъ освобожденія и единственно прочное начало всякой самобытности. Языкъ еще не право быть особымъ народомъ въ глазахъ современной политики. Ему даютъ право, когда самъ народъ признанъ въ своемъ бытіи. Но искать обратнымъ путемъ, въ филологіи, основаній къ народной самобытности, слишкомъ смѣло, особенно когда языкъ и самъ-то по себѣ еще въ пеленкахъ, не установилъ окончательно своихъ предѣловъ. На почвѣ же политической въ тѣсномъ смыслѣ, борьба, та борьба на основаніи „историческаго права“, которую выдерживаютъ чехи, ведетъ въ обѣ стороны; нынѣшній годъ былъ тому лучшимъ доказательствомъ. Только духовная самостоятельность даетъ безспорное право народной самобытности. Чтобы быть новымъ дѣятелемъ въ исторіи, о чемъ мечтаетъ славянство, оно должно предъявить и новыя историческія начала, выкинуть *свое* знамя, политическое ли, соціальное ли, или духовное въ тѣснѣйшемъ смыслѣ религіознаго. Послѣднее давалось легко, подсказывалось, даже повелѣвалось исторіею. Время упущенное не возвращается, и если юбилей Гуса съ Ватиканскимъ соборомъ прошелъ мимо, позволительно даже совсѣмъ усомниться въ дальнѣйшей исторіи чеховъ. Народы живутъ будущимъ, а не прошедшимъ, иначе и чехи повторятъ Польшу, и ихъ борьба за самобытность напомнитъ донкихотство мечтателей о Рѣчи Посполитой.

Въ болгарскомъ дѣлѣ тоже повидимому упущенъ случай. Вселенскимъ соборомъ можно было блистательно рѣшить задачу, и притомъ не въ тѣсныхъ только предѣлахъ іерархической распри константинопольскаго патріархата, но міровую задачу вообще объ отношеніяхъ церкви къ государствамъ и національностямъ. Греческая іерархія въ спорѣ съ болгарами стоитъ вполнѣ на государственной точкѣ зрѣнія, не только не

Digitized by Google

національной, но даже не церковной; она опирается на каноническія правила, но составленныя послѣ учрежденія восточной имперіи. Уклоняясь отъ собора, который былъ предлагаемъ патріархомъ, болгаре и Всероссійскій святѣйшій синодъ, не руководились ли опасеніемъ, что притязанія грековъ находятъ себѣ основаніе въ канонахъ? Но этимъ возбуждался вопросъ о силѣ самихъ этихъ каноновъ, повидимому столь опасныхъ правому дѣлу. Къ православной іерархіи въ *магометанской* имперіи справедливо ли примѣнять положеніе іерархіи въ имперіи древле-римской *православной*? Устройство церкви въ первые три вѣка было ли менѣе сообразно съ христіанствомъ, чѣмъ учрежденное при Константинѣ? Если карѳагенскій епископъ былъ независимъ отъ римскаго, былъ ли бы болгарскій въ зависимости отъ византійскаго, если бы продолжалось доселѣ языческая имперія Декіевъ, и Діоклитіановъ, и престолъ къ Абдулъ-Мосизу перешелъ не чрезъ христіанскихъ государей? Одна постановка этихъ вопросовъ—а они ставились сами собою—рѣшала не только болгарскую самостоятельность благопріятно, но предъявляла вселенскому патріархату запросъ о его собственномъ существованіи. Пугая требованіемъ собора, патріархатъ не сообразилъ силы послѣдствій, что бытіе его самого, какъ патріархата, могло быть тогда оставлено соборомъ на дальнѣйшее время лишь въ видѣ христіанскаго снисхожденія.

Благопріятный случай однако, повторимъ мы, упущенъ,—если не къ собору (соборъ неминуемъ, рано или поздно), то къ своевременнымъ разъясненіямъ, въ какомъ единственномъ смыслѣ могъ состояться соборъ. Намекомъ на всю широту предлежащихъ вопросовъ, патріархатъ можетъ быть посильнѣе побужденъ былъ бы къ уступкамъ, чѣмъ всѣми настояніями Порты; во всякомъ случаѣ онъ вѣрно поостерегся бы тогда разражаться отлученіями и анаѳематствованіями. А теперь, даже предвидѣть трудно, какъ выйдетъ патріархатъ изъ замѣшательства, въ которое, къ великому огорченію православныхъ, поставилъ онъ и свою церковь и остальныхъ церквей-сестеръ.

Digitized by Google

О раздвоеніи въ духовенствѣ*).

Вотъ и еще свой видъ раздвоенія въ духовенствѣ! Все несочувствіе „бѣлаго“ къ „черному“ извѣстно; знаемъ, какъ тяготятся причты архіереями въ особенности. Но сейчасъ одинъ изъ причта поднимаетъ завѣсу, за которою видимъ въ самомъ бѣломъ духовенствѣ не лучшія отношенія. Все оно—бѣлое; но тоже подраздѣляетъ себя на „бѣленькихъ“ и „черненькихъ“; настоятель къ причту повторяетъ въ маломъ видѣ архіерея къ епархіальному духовенству и обратно. Для того, чтобъ составить себѣ полное понятіе объ отношеніяхъ бѣлаго и чернаго духовенства, нужно прочитать извѣстную книгу *Описаніе сельскаго духовенства*; она писана іереемъ и даетъ въ обиліи откровенныя признанія противной стороны. Если послушать ее, такъ причтъ, за исключеніемъ іереевъ, не стоитъ даже существованія. Причтъ, это какое-то отребіе, сволочь, ненавистная порода, кандалы, лежащія на священствѣ, грязь, возмущающая чистоту пастырей. Такъ выражается настоятель отъ лица собратовъ и только молитъ, чтобы избавили іерея отъ обстоящей его обузы, отравляющей его спокойствіе и грязнящей его передъ свѣтомъ.

Эти воздыханія дѣйствительно служили вѣрнымъ отраженіемъ желаній большинства. Не станемъ оцѣнивать ихъ основательность, ни выставлять степенъ послѣдовательности, съ какою хотя бы авторъ упомянутой книги, изливающійся въ ропотахъ на архіереевъ, переноситъ на низшихъ воззрѣніе и обращеніе, самимъ же объявляемое нестерпимымъ отъ высшихъ. Земныя поклоненія архіереямъ невыносимы; они коробятъ совѣсть: такъ разсуждаетъ почти все „либеральное“ священство, само однакожъ требующее, чтобы причетникъ имъ подавалъ калоши. Не всѣ настоятели пользуются правомъ ставить дьячковъ на колѣни и дьяконовъ на поклоны, во избѣжаніе говора, который бы возбудился пожалуй экзекуціею, на глазахъ мірянъ

*) С. И. 3 іюня, № 150.

Digitized by Google

немножко щекотливою; но мы не знаемъ священника, который бы посовѣстился принять шубу отъ причетника. Шубу, а не фелонь, житейское одѣяніе, а не священное облаченіе; эти вещи различимы; если же не различать, то нѣтъ основанія оскорбляться и земными поклонами архіерею, если ихъ требуютъ внѣ храма и помимо часовъ богослуженія.

Между настоятелями и причтами любовь и единодушіе царятъ въ такой степени, въ какой можно ожидать между людьми, связанными общею службою, изъ которыхъ одинъ говоритъ другимъ *ты*, не стѣсняя себя и въ остальныхъ выраженіяхъ презрѣнія, а другіе, обращаясь съ *вы*, подобострастно выслушиваютъ и смиренно исполняютъ приказанія изъ боязни, что въ противномъ случаѣ сгинутъ со свѣта. Нуждается ли затѣмъ въ подтвержденіи страхъ отъ настоятельскихъ рекомендацій? Можно ли сомнѣваться, что при этомъ условіи причетъ окончательно обращенъ будетъ въ рабовъ, а настоятели будутъ дѣйствительно сатрапами въ рясахъ, какъ назвалъ печатно архіереевъ одинъ іерей именно за то самое, что воздвигаетъ непріязнь и ропотъ причтовъ противъ самыхъ іереевъ. Да для чего самыя рекомендаціи? Не въ нихъ-то ли уже и есть зародышъ рабства, начало произвола, воспитаніе однихъ въ безотчетности, другихъ въ подобострастіи? Нигдѣ этого и не осталось обычая, кромѣ духовенства. Надъ лицомъ, несущимъ общественную должность, достаточно закона; законъ очертитъ ему предѣлы правъ и кругъ обязанностей; законъ и произнесетъ приговоръ, если предѣлы правъ преступлены, или обязанности не исполнены. Чего больше, и къ чему развращать разныя личныя усмотрѣнія пріученіемъ къ оцѣнкѣ качественныхъ степеней: „похвально“, „отмѣнно“, „удовлетворительно“, словно какъ члены причта суть школьники, которыхъ нужно поощрять пятерками, или стыдить единицами! Если отзывъ уже нуженъ, то позволителенъ одинъ, отъ тѣхъ, кому причетъ служитъ. А онъ служитъ приходу, не благочинному и даже не архіерею. Итакъ, приходъ и спрашивайте, если надобно: какъ служитъ?— То-есть: довольствуетъ ли духовныя потребности прихожанъ,

Digitized by Google

согласно ихъ нуждамъ, желаніямъ и ожиданіямъ?—Только такимъ рѣшеніемъ вопроса о рекомендаціяхъ (равно какъ и многихъ другихъ о положеніи духовенства) единственно и дается вѣрное предохраненіе противъ воспитанія подчиненныхъ въ рабствѣ, начальствующихъ—въ самовластіи; въ этомъ единственный и есть во всякомъ случаѣ надежный якорь, за который могутъ укрѣпиться, и притомъ къ обоюдному и всеобщему благу, духовному и матеріальному, и причты и настоятели, даже сами епархіальныя власти.

Къ вопросу о пересмотрѣ законовъ по расколу *).

Слухъ идетъ, что въ высшихъ учрежденіяхъ пересматриваются законы по расколу. При совпаденіи писемъ, сегодня помѣщенныхъ, одного изъ Радома, другого изъ Боровска,—особенно послѣдняго,—съ радостью и благодарностью поминаемъ этотъ слухъ, желая оказаться ему вѣрнымъ. Происшествіе въ Боровскѣ не выходило изъ предѣловъ обыкновеннаго, отчасти даже законнаго. Можетъ статься, конечно, что пишущій старообрядецъ, и вбавилъ нѣчто изъ своего соображенія, восторженно настроеннаго. Тѣмъ не менѣе тягостно читать эту чети-минейскую рѣчь, въ приложеніи къ прозаическимъ властямъ, и духовнымъ и свѣтскимъ, г. Боровска. Каждый подобный случай способенъ только фанатизировать, и къ церковнымъ разногласіямъ, которыя подобными мѣрами не унимаются, подбавлять къ старообрядцамъ неудовольствія политическаго свойства, безъ всякой нужды.

Дѣйствительно ли совершается означенный пересмотръ законодательства и къ чему онъ приведетъ,—покажетъ время. Но между прочимъ одно послабленіе могло бы даже сейчасъ быть примѣнено, не дожидаясь общаго пересмотра. Дѣло идетъ объ отборѣ иконъ и книгъ. Икона стариннаго письма съ изо-

*) С. И. 30 іюня, № 177.

Digitized by Google

браженіемъ двуперстнаго знаменія, служебникъ Филаретовскаго времени или потребникъ Іосифовскаго, съ именемъ Исусъ и двукратнымъ аллилуія, зачастую отнимались безъ возврата. Намъ приходилось разбирать цѣлую библіотеку изъ книгъ подобнаго разбора, объявленныхъ раскольническими и на этомъ основаніи взятыхъ. Читатели знаютъ и о собраніи иконъ древняго письма, которое накопилось такимъ же путемъ, хранилось чуть ли не подъ колокольнею Ивана Великаго и наконецъ вызвало ходатайства Археологическаго Общества. Само собою разумѣется, при самомъ строгомъ проведеніи духа нетерпимости, ни иконы, ни книги не могутъ быть отбираемы за одну древность, тѣмъ болѣе, что не мало найдется въ православныхъ храмахъ, если не книгъ, то иконъ дониконовскаго времени. Законъ даже не уполномочиваетъ на такое отчужденіе собственности, а тѣмъ болѣе безъ вознагражденія (подобныя иконы и книги цѣнятся въ сотни и тысячи рублей): онъ имѣлъ въ виду, безъ сомнѣнія, пресѣчь распространеніе единственно тѣхъ произведеній, въ которыхъ заключаются порицанія на церковь. Но гдѣ законъ, тамъ исполнители, а исполнители бываютъ разные.

Радомскій корреспондентъ беретъ другія отношенія, не къ расколу, а къ западнымъ исповѣданіямъ,—къ католичеству по преимуществу. Онъ находитъ, что государственная охрана только усыпляетъ православное духовенство; и что оно ничуть не пробуждается изъ своего равнодушія увеличеннымъ содержаніемъ, которое ему даютъ сравнительно съ ксендзами. Тому и другому вѣрить можно, даже безъ примѣровъ, приводимыхъ корреспондентомъ. А отсюда, очевидно, выводъ тотъ же: необходимо освободить, если не само православіе отъ государственной охраны (что, при извѣстныхъ политическихъ стремленіяхъ католичества, небезопасно),—то освободить православное духовенство отъ казенной опеки, и такъ или иначе поставить его матеріальное положеніе въ прямой зависимости отъ ревности пастырскаго служенія. Рано или поздно, къ этому и придетъ неизбѣжно, по тщетномъ испытаніи всѣхъ прочихъ менѣе кру-

Digitized by Google

тыхъ способовъ. Теперь пока въ ходу именно надежда, искусно разогрѣваемая самимъ духовенствомъ, что вся чародѣйственная сила, способная оживить духовенство, можетъ заключиться единственно въ „улучшеніи его быта“ казеннымъ путемъ; или, говоря высокимъ слогомъ, въ „освобожденіи священнослужителя отъ подавляющихъ матеріальныхъ заботъ, дабы тѣмъ свободнѣе могъ онъ предаться своему духовному назначенію“. Опытъ, и въ размѣрахъ несравненно обширнѣйшихъ, не замедлитъ доказать, что хваленный способъ прямо даже противоположенъ цѣли.

Ультрамонтантство*).

Разъ какъ-то мы назвали еврейство роднымъ братомъ Международной ассоціаціи рабочихъ. Можно присоединить къ нимъ и третьяго: ультрамонтантство или, въ его высшемъ и крайнемъ выраженіи—іезуитство. Всѣ эти силы—родныя; не смотря на разницу, даже противоположность свою, онѣ стоятъ на одномъ началѣ, точнѣе сказать—на одномъ же отрицаніи,—онѣ за одно отрицаютъ установленныя формы человѣческаго общежитія. И государству, и семейству, и національности, ультрамонтантство, какъ и крайній соціализмъ, враждебны; еврейство не враждуетъ только потому, что предпочитаетъ ладить съ установленными формами, съ цѣлью употреблять ихъ въ свое орудіе, однако совершенно равнодушное къ ихъ бытію; французскій патріотизмъ Ротшильда или Кремье есть только счастливая непослѣдовательность, одолженная тому, что въ нѣкоторыхъ своихъ представителяхъ еврейство само отъ себя отступаетъ, увлеченное общимъ потокомъ европейской жизни. У іезуита свое всепоглощающее такъ называемое имъ (неправильно) церковное начало; у Международной распредѣленіе вещественныхъ богатствъ есть Молохъ, которому все остальное должно быть принесено въ жертву. Еврейство, не далеко отступая

*) С. И. 3 іюля, № 180.

Digitized by Google

отъ Международной въ обоготвореніи богатства, хотя подъ противоположнымъ угломъ зрѣнія, есть въ свой чередъ, апоѳеоза племеннаго происхожденія, но одного изъ всѣхъ,—своего собственнаго. Существующіе, историческіе общественные организмы для нихъ равно противны, и если еврей Марксъ фигурируетъ президентомъ Международной ассоціаціи, въ этомъ столь мало необыкновеннаго, какъ и въ томъ, что ультрамонтанты Германіи обозначаются главными поджигателями народныхъ стачекъ. Расходясь, они и сходятся, сходятся въ томъ, что всѣ принадлежатъ къ началу такъ называемому революціонному, то есть къ разлагающимъ, неорганическимъ ядамъ, гнѣздящимся въ органическихъ тканяхъ.

Съ еврействомъ общественная и государственная жизнь перестала бороться; даже, какъ видимъ, въ лицѣ передовыхъ націй принимаетъ его подъ свое особо нѣжное покровительство (румынскій вопросъ). Съ Международной ассоціаціей борьба лишь начинается. Замѣчательна живучесть іезуитства, что оно не теряетъ ни силы, ни даже господства, не смотря на постоянныя отовсюду отпоры, даже гоненія, не смотря даже на то, что орденъ іезуитскій законно упраздненъ властью, которую онъ самъ за собою признаетъ, которую оффиціально исповѣдуетъ высочайшею изъ всѣхъ, къ поклоненію которой призываетъ народы. Но на то іезуитская логика и ультрамонтантское безстыдство: они не прочь вывертываться отъ факта, и увѣрять, что упраздненіе ордена, всенародно законнымъ папою провозглашенное, было не дѣйствительность, а призракъ.

Бисмаркъ бросилъ этой неумирающей и страшной силѣ перчатку смѣло. Гдѣ же побѣда? Это еще вопросъ. Ультрамонтантство терпѣливо. Оно десятилѣтнихъ, даже столѣтнихъ глубоко обдуманныхъ подземныхъ работъ не пощадитъ, чтобы добиться преднамѣченной цѣли или возвратить упущенное. Въ послѣдовательности постоянства не сравнится съ нимъ ни одна власть въ мірѣ, ни одна нація, ни одно установленіе. Можетъ быть и не удастся угроза въ скоромъ времени, которую пустили между словъ клерикальные органы, что нападенія Германіи

Digitized by Google

на католичество приведутъ лишь къ „низверженію колосса“. Какъ ни будемъ толковать эту намѣренно-двусмысленную фразу, въ смыслѣ ли намека на Германскую имперію или ближе и тѣснѣе—лично Бисмарка: іезуиты способны и сильны привести угрозу въ исполненіе, и если воздержатся отъ рѣшительности, то лишь въ виду недостаточныхъ отсюда выгодъ. Исторія знаетъ, отъ чьей руки палъ Генрихъ IX, и если не только Наполеонъ для поддержки имперіи, но даже Тьеръ для республики не рѣшается вступить въ ссору съ ультрамонтантствомъ, безъ сомнѣнія, происходитъ это не отъ особой набожности бывшаго императора или теперешняго президента.

Для Германіи въ борьбѣ съ ультрамонтантствомъ то худо, что нѣтъ у нея въ замѣнъ другого духовно-зиждительнаго начала. Протестантство не замѣна; оно само жило и живетъ на счетъ ультрамонтантства, питаясь борьбою, изъ нея получая свой смыслъ, не иначе даже опредѣляя себя и въ практикѣ и въ катехизическихъ книгахъ, какъ противодѣйствіемъ католичеству. Политическая жизнь, при такомъ идеалѣ вдобавокъ, какъ милитаризмъ, тоже не великое вознагражденіе; на подобныхъ основаніяхъ, какъ всеобщая военная повинность, не зиждется жизнь народовъ. Можно питаться упованіями на свою силу въ положеніи угрожаемаго, но при совершенной безопасности и даже угрожающемъ положеніи жить единственнымъ самоуслажденіемъ военной силы даже нѣмцамъ прискучитъ. И здѣсь-то вотъ опасность, „колоссъ“ дѣйствительно „низвергнется“: отгнаніе церковныхъ вліяній, каковы бо они ни были, хотя бы ультрамонтантскія, даетъ тѣмъ болѣе силы соціально-революціоннымъ стремленіямъ. Іезуитамъ высказывается теперь участіе со стороны соціалистовъ демократовъ Германіи. Не смотря на заявленный атеизмъ коноводовъ соціализма, эта неожиданная дружба является столь же естественною, какъ и стачки рабочихъ по наущенію ксендзовъ. Общая борьба соединяетъ, и трудно будетъ Германіи, а тѣмъ болѣе при отсутствіи духовныхъ положительныхъ противоядій, устоять противъ совокупнаго напора уже двухъ разлагающихъ силъ, тѣмъ болѣе,

Digitized by Google

что давно ее заѣдаетъ и третья, въ основаніи столь же революціонная, противогосударственная и противонаціональная. Нѣмецкое еврейство потому себя только держитъ и выдаетъ ярымъ германствомъ, что предъ глазами его стоитъ пока славянство и предстоитъ дѣлать выборъ, къ какой причислиться національности.

Можетъ быть, все это и отдаленно. Но въ самомъ дѣлѣ похвальный походъ князя Бисмарка противъ темной ультрамонтантской силы не поведетъ ли къ тому, что главнымъ горниломъ соціальныхъ смутъ и лабораторіей революцій станетъ уже не Франція, какъ прежде, а Германія.

О греко-болгарской церковной распрѣ *).

Итакъ, грозитъ великій расколъ! Таково впечатлѣніе, легко выводимое изъ вчерашнихъ сообщеній о положеніи дѣлъ между константинопольскою и болгарскою церковью. Удивительная судьба болгаръ! Имъ пришлось послужить главнѣйшимъ поводомъ къ отпаденію Рима отъ вселенскаго единства: и теперь дѣло на волоскѣ, чтобъ не совершился новый разломъ, гдѣ вступаетъ дѣятелемъ уже второй Римъ, Константинополь. При нѣкоторой наклонности къ суевѣрію, можно при этихъ событіяхъ, чрезъ тысячу лѣтъ ровно повторившихся, поддаться даже мистицизму,—мистицизму въ его худшемъ смыслѣ, то есть признать событія исторіи зависящими отъ причинъ разумно необъяснимыхъ, а объясняемыхъ каббалистикою. Но, къ счастію, явленіе объяснимо и безъ каббалистики. Въ немъ сказывается національное славянское свойство, а съ нимъ и—міровое призваніе славянства. Не даромъ Гусъ, славянинъ, ратовалъ за „народную“ церковь противъ Рима. Не даромъ тѣ изъ славянскихъ народностей, которымъ пришлось смириться предъ Римомъ, лишились съ тѣмъ вмѣстѣ духовно-производительной силы, а вмѣстѣ съ нею—послѣдствіе неизбѣжное!—и

*) С. И. 17 іюля, № 194.

Digitized by Google

политическаго бытія. Славянство не мирится съ римскимъ началомъ; скажемъ на этотъ разъ шире и точнѣе—съ началомъ „римско-имперскимъ“. Константинополь предъявляетъ теперь къ болгарамъ то же самое, что въ древнее и новѣйшее время Римъ ко всѣмъ народностямъ и государствамъ, и противъ чего безплодно боролся Гусъ,—партикуляризмъ, возводимый во вселенское значеніе, съ нарушеніемъ христіанской свободы, съ презрѣніемъ христіанской любви, съ подчиненіемъ жизни формѣ и съ пожертвованіемъ духа вѣры іерархическому началу, абстрактно взятому. Мы просимъ извиненія за эти варварскія выраженія „партикуляризмъ“ и „абстрактный“, заимствуемыя первое у Бисмарка, второе—у Гегеля. Но они удобны по краткости. Римъ съ латинскимъ языкомъ и преданіями Римской имперіи, перенесенными на „царство не отъ міра сего“, и—Константинополь съ преданіями той же Римской имперіи, только восточной, и съ греческимъ языкомъ на мѣсто латинскаго. Разница въ догматѣ; греческая церковь сохранила, къ счастію, вселенское единомысліе въ вѣрѣ, но въ устройствѣ церковномъ она стоитъ на пути, недалекомъ отъ Рима; и очень понятно: источники направленій одинаковы. Мы, живущіе теперь, чрезъ полторы тысячи лѣтъ, платимся за соглашеніе, послѣдовавшее еще при Константинѣ, за то принаровленіе, которое допущено было въ церковномъ устройствѣ къ имперскому, тогда безопасное, можетъ быть необходимое; но вотъ оно, черезъ полторы тысячи лѣтъ, выростаетъ въ недоумѣніе, едва одолимое, въ притязанія, вовсе не христіанскія, хотя имѣющія вполнѣ видъ и христіанскихъ и православныхъ.

Согласно ли поступилъ съ канонами (церковными правилами) болгарскій экзархъ, совершивъ богослуженіе въ чужой епархіи, безъ соизволенія мѣстнаго епископа, и поставивъ епископовъ въ епархіи, гдѣ таковые уже есть, правильно поставленные? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Одобрительно ли, не только по буквѣ каноновъ, но по внутреннему духу христіанства и церкви, отложеніе цѣлаго собора вѣрующихъ подъ особую іерархію, на единственномъ соизволеніи власти мірской и притомъ ино-

Digitized by Google

вѣрной? Еще бы, тѣмъ болѣе нѣтъ. Итакъ, болгарская іерархія дѣйствительно отлучила себя отъ единства тѣла церковнаго, и анаѳема, провозглашенная цареградскимъ синодомъ, права.

Но патріархъ, отказывая въ самоглавенствѣ болгарамъ, поступилъ ли согласно духу церковнаго устройства, заповѣданнаго апостолами, поступилъ ли даже сообразно съ канонами? Каноны воспрещаютъ самовольное отлученіе, но гдѣ они заповѣдаютъ самовольное удержаніе? И подчиненіе духовное болгаръ Цареграду идетъ ли отъ апостоловъ или отъ временъ патріаршихъ? А патріаршество учреждено ли съ цѣлію точнѣйшаго соблюденія апостольскихъ преданій, или съ цѣлію легчайшаго сожитія съ государственною властью? Гдѣ для духовной власти Цареграда основаніе далѣе буквы каноновъ, притомъ условленныхъ внѣшними обстоятельствами, которыя давно прекратились? Но патріархатъ дѣйствуетъ на этихъ основаніяхъ, какъ бы на безусловныхъ, и почерпаетъ себѣ силу въ іерархической обязанности своихъ подчиненныхъ, умалчивая о своихъ собственныхъ обязанностяхъ и выставляя только свое право. Но право есть сила, и съ понятіемъ церкви несовмѣстно, оголенное отъ свободы и любви. Въ христіанствѣ вообще и церковномъ устройствѣ въ частности взаимныя отношенія измѣряются обязанностями, а не правами.

Чѣмъ кончится дѣло, трудно предсказать. Корреспондентъ „Петербургскаго Журнала“ замѣчаетъ, что помѣстнаго собора, который имѣетъ быть въ Константинополѣ, ждутъ съ нетерпѣніемъ. Естественно. Но соборъ греческихъ іерарховъ едва ли произнесетъ другое рѣшеніе, чѣмъ синодъ мѣстный, константинопольскій. Ему будетъ предложенъ случай, и онъ долженъ будетъ обсудить его на основаніи буквы каноновъ. Никто ему не поручалъ, и онъ не вправѣ обсуживать силу самихъ каноновъ. Это было бы дѣломъ вселенскаго собора. Помѣстный можетъ совѣтовать примиреніе; но гдѣ вѣроятности, что примиреніе совершится, когда обѣ стороны не только считаютъ себя правыми, но каждая дѣйствительно права, лишь только въ разныхъ смыслахъ, одна формально, другая внутренно?

Digitized by Google

Было бы время теперь, если не ко вселенскому собору,—для него время уже упущено, ибо уже внесено въ распрю ожесточеніе,—но время начать подготовленія почвы для будущаго собора постановкою вопросовъ для него на той высотѣ и въ той обширности, какихъ требуетъ время. Ибо если можетъ быть соборъ,—а онъ долженъ быть и потому будетъ,—ему придется рѣшать ни мало ни много какъ объ условности и безусловности каноновъ, а тѣмъ вмѣстѣ и рѣшать міровой вопросъ, которымъ особенно теперь мучатся всѣ народы и притомъ разныхъ вѣръ: гдѣ мѣра правильнаго отношенія между царствомъ духовнымъ и вещественнымъ, силою и свободою, государствомъ и церковью, религіею и національностью? Соборъ долженъ рѣшить; а подготовить рѣшеніе предварительными обсужденіями—дѣло іерарховъ, богослововъ и всѣхъ вѣрующихъ и мыслящихъ.

Отношеніе къ расколу*).

Отношенія между расколомъ и православіемъ начинаютъ проникаться озлобленіемъ, напоминающимъ старыя времена, не скажемъ XVII-го, но XVIII столѣтія. Нельзя не погоревать объ этомъ и тѣмъ болѣе, что гуманная терпимость настоящаго царствованія несомнѣнно начала уже сглаживать непріязнь и даже прямо ослаблять расколъ. Происшествіе боровское, къ которому мы уже два раза обращались, доказываетъ наоборотъ, по крайней мѣрѣ въ этой мѣстности, примѣсь соціальной вражды къ разницѣ вѣрованій. Съ той и другой стороны намъ не перестаютъ писать. Но просимъ извиненія у корреспондентовъ, мы не намѣрены, ни той ни другой служить орудіемъ пасквиля и голословной брани; а кромѣ пасквилей и укоровъ ничего не находимъ въ этой перепискѣ. Лишь одинъ есть замѣчательный фактъ между прочимъ, но и въ томъ мы готовы усумниться. Православный пишетъ, что будто бы городское управленіе въ

*) С. И. 28 іюля, № 205.

Digitized by Google

г. Боровскѣ не только оказалось въ раскольничьихъ рукахъ, о чемъ уже сообщалось, но что новый голова „къ немалому удивленію отказался отъ принятія присяги на вѣрность службы, хотя, прибавляетъ корреспондентъ, онъ въ предписаніи г. начальника губерніи не отнесенъ къ числу сектантовъ, непріемлющихъ присяги, а названъ просто старообрядцемъ". Гласные изъ православныхъ, если вѣрить корреспонденту, подали на это протестъ.

Разумѣется, это ни чуть не утѣшительно, и мы не можемъ воздержаться, чтобъ не подать старообрядцамъ доброжелательнаго совѣта не злоупотреблять численнымъ превосходствомъ, гдѣ судьба оказалась къ нимъ настолько благосклонною, или ихъ пропаганда настолько успѣшною, что численностью они перевѣшиваютъ православныхъ. Добраго конца отсюда для нихъ же самихъ нельзя предвидѣть. Отсутствіе самообладанія, неумѣнье согласить преданность своей вѣрѣ съ подобающимъ уваженіемъ къ господствующему вѣроисповѣданію, безъ сомнѣнія, не прибавить высшему правительству побужденій продолжать и расширять свою исполненную къ нимъ снисходительности терпимость.

Тѣмъ строже обращено должно быть увѣщаніе и къ православной сторонѣ, гдѣ она забываетъ мѣру. О Боровскѣ мы не знаемъ; но о здѣшнемъ о. Пафнутіѣ сегодня намъ снова сообщаютъ, что онъ лишь фантазируетъ и издѣвается, даже нисколько не вступая въ собесѣдованіе. Корреспондентъ пророчитъ отсюда вредъ для церкви. Это несомнѣнно; но мы затруднились бы причислить бесѣды кремлевскаго оратора, если бы онѣ дѣйствительно были таковы, каковыми ихъ описываютъ, къ безупречнымъ даже политически. Бесѣда 23 іюля, напримѣръ, была ли изложеніемъ мыслей и полемикою противъ ложныхъ мнѣній или возбужденіемъ общественныхъ страстей? Вопросы такого рода, конечно, можетъ рѣшать судъ, если раскольничій эксъ-іерархъ невоздержностію рѣчи доведетъ себя когда-нибудь до того, что противники (а ихъ, вѣроятно, у него найдется) рѣшатся требовать составленія актовъ оффиціальнымъ порядкомъ о произнесеніи имъ ругательныхъ рѣчей въ публичномъ мѣстѣ предъ собраніемъ.

Digitized by Google

Кстати, мы повторяемъ свое недоумѣніе, уже въ прошломъ году высказанное. Представляетъ ли о. Пафнутій епархіальному начальству предварительныя программы своихъ бесѣдъ? Подаетъ ли послѣ каждаго собесѣдованія отчеты? Гдѣ ручательство, что подъ видомъ христіански-православнаго собесѣдованія не произнесется рѣчей, оскорбляющихъ общественное приличіе и возмущающихъ общественный покой? И гдѣ доказательства, что такихъ рѣчей, не произносится? Свобода рѣчи вещь прекрасная и желательная, но тогда, когда она дается обѣимъ сторонамъ, чего мы здѣсь не видимъ.

Прибавимъ въ заключеніе: мы далеки отъ предположенія, чтобы сама православная іерархія уполномочивала своего проповѣдника, подъ именемъ полемическаго собесѣдованія о предметахъ вѣры, давать, какъ выразился корреспондентъ, православной публикѣ развлеченіе и увеселеніе, хотя бы съ содержаніемъ, заимствуемымъ изъ религіозной области.

Ультрамонтантство *).

Чѣмъ кончится эта брань противъ ультрамонтантства, воздвигаемая, за малымъ исключеніемъ, почти всѣми государствами? Куда денется іезуитство, гонимое отвсюду? Что означаетъ угроза клерикальной газеты „низвергнуть колоссъ“? Угроза возглашается уже вторично и вторично заимствуетъ себѣ выраженіе изъ иносказательнаго пророчества Даніилова о судьбѣ царствъ. Мало вѣроятности, что предсказаніе пророкается даромъ, и „камень, катящійся разрушить ноги колосса“, вызванъ только для риторической прикрасы.

Вспоминается слово одного изъ умнѣйшихъ русскихъ людей, кажется, въ свое время напечатанное: „католицизмъ способенъ перевернуть весь міръ, соединясь съ соціализмомъ“. И почему же не такъ? Съ царями папы въ ладу не бывали: они

*) С. И. 14 августа, № 222.

Digitized by Google

только допускали ихъ бытіе нехотя, никогда во всякомъ случаѣ не соглашаясь на ихъ независимость. Коммунизмъ имущественный легко выдать за общеніе христіанское. А въ разрушеніи семейства и того менѣе найдетъ себѣ противорѣчій преувеличенное чествованіе дѣвства. Обязательное безженство священниковъ этому подспорье, а вмѣстѣ и давно готовое испытанное орудіе противъ національныхъ связей.

О признакахъ сближенія іезуитовъ съ соціализмомъ въ Германіи мы уже упоминали прежде. Ирландія почва также удобная, чтобы взболтать и смѣсить вражду національную и соціальную съ католицизмомъ. Вотъ два видимые фокуса. Швейцарія можетъ представить третій. Дерзость Римскаго престола съ Швейцаріей при ея стѣсненныхъ обстоятельствахъ даже удивительна. Удивительна тѣмъ болѣе, что папствомъ руководятъ теперь іезуиты, а это корпорація, которую позволительно во всемъ заподозрить, кромѣ опрометчивости, или—вся исторія іезуитовъ есть призракъ.

Итакъ не туда ли уже мѣтитъ угроза клерикальной газеты? Какъ бы то ни было, но содружество гонимаго ультрамонтантства съ соціализмомъ въ будущемъ неминуемо; цѣлой системѣ и притомъ такъ живучей, такъ дисциплинированной, заразъ отречься отъ жизни добровольно, послѣ тысячелѣтняго господства, невозможно: можно перемѣнить видъ существованія, но не далѣе.

Запретительныя мѣры правительствъ германскаго и итальянскаго еще ни къ чему не приведутъ, если ихъ не увѣнчаетъ и не закрѣпитъ преобразованіе положительнаго свойства. Вырвать образованіе изъ рукъ духовенства недостаточно. Желаютъ ли эти государства воспитать атеизмъ, въ рѣшительномъ его видѣ индефферентизма? Но если бы это удалось, тогда—перейти къ тому же, чѣмъ повидимому грозитъ клерикальная газета, съ тою разницею, что огонь подъ зданіе государства и семьи подкладывался бы собственными руками. Безъ религіи невозможно. Соціализмъ, при томъ хотя бы съ крайнимъ атеизмомъ, есть тоже своего рода религія, religio inversa—вѣра на выворотъ, сказали бы

Digitized by Google

мы,—направленіе фанатически обращающееся противъ религіи. Всегда мѣсто вѣрѣ, преданію, предразсудкамъ въ обширномъ смыслѣ взятымъ; всегда свой культъ, къ чему бы онъ ни относился, хотя бы къ бѣлому жилету съ бѣлымъ галстукомъ въ гостинной. Но помимо того, и въ Германіи и въ Италіи католицизмъ не истребится же. Онъ есть и будетъ. Правительства не думаютъ его гнать, не только истреблять. Но что же оно будетъ?

Старокатоличества не поддержали правительства и не подкрѣпили въ той мѣрѣ, въ какой могло бы оно послужить зерномъ новаго, и притомъ настолько сильнаго исповѣданія, чтобы увлечь другихъ, равнодушное или колеблющее большинство. Но другого же средства все равно не остается спасти будущее отъ козней ультрамонтантства, какъ устроить національныя католическія церкви, въ томъ или въ другомъ видѣ, но съ отставкою папы,—непремѣнное условіе. Пока существуетъ папа, какъ догматъ, какъ папство независимое отъ государствъ и національностей, распростирающее власть надъ народами помимо всѣхъ другихъ видовъ союза общественнаго: дотолѣ общественный порядокъ непроченъ и та война, которую подымаютъ правительства, не ведетъ ни къ чему, если не ведетъ прямо къ опасностямъ. Уничтожать послѣдствія, когда корень остается, мѣшать примѣненіямъ, когда начало стоитъ нетронуто: но не прямое ли это указаніе искать только другихъ путей къ примѣненію, не явныхъ, но тайныхъ, и тѣмъ болѣе опасныхъ? Какъ хотѣть, чтобъ католикъ вѣровалъ въ папу и не вѣровалъ въ него? Чтобы онъ находилъ источникъ истины и власти духовной въ Римѣ и вмѣстѣ лобзалъ съ сердечнымъ сочувствіемъ домашнія правительственныя распоряженія, запрещающія проникать къ нему духовной истинѣ? Это есть нелѣпость, изъ которой выйти повелѣвалъ бы здравый смыслъ.

По послѣднимъ извѣстіямъ, въ Италіи нѣкоторые органы начинаютъ подумывать на случай смерти Пія IX: ужъ нельзя ли въ самомъ дѣлѣ ограничиться національною церковью, католическою, но безъ папы въ его старомъ значеніи? Подождемъ; не выйдетъ ли развѣ чего-нибудь изъ этого.

Digitized by Google

О греко-болгарской церковной распрѣ *).

На двухъ противоположныхъ концахъ два церковныхъ собора: въ Кельнѣ, который можетъ назваться почти столицей католической Германіи, и въ Константинополѣ, который есть дѣйствительная столица восточнаго православія. Что же будетъ?

Объ исходѣ кельнскаго конгресса можно безпокоиться развѣ изъ христіанскаго братолюбія, что истина, около которой бродятъ „старокатолики“ или точнѣе—„новопротестанты“, немногимъ ближе подойдетъ къ нимъ, чѣмъ въ Мюнхенѣ. Но исходъ константинопольскаго собора возбуждаетъ иныя опасенія. Объявленіе болгарской церкви схизматическою поставитъ остальнымъ славянскимъ церквамъ практическій вопросъ: должны ли и онѣ разорвать общеніе съ осужденною? Но на ея сторонѣ истина.—„Нѣтъ, онѣ будутъ признавать ее сестрою“.—Но это будетъ признать константинопольскій и прочіе патріархаты состоящими въ расколѣ. Туда или сюда, расколъ будетъ неминуемъ, останется лишь выбирать. Положеніе такъ натянуто, что позатянуть еще немного можно: но этимъ отсрочится и притомъ даже усложнится вопросъ, но не рѣшится. Обѣ стороны зашли слишкомъ далеко. Немногое будетъ выгадано, если внутреннимъ ли разногласіемъ, внѣшними ли вліяніями, рѣшеніе предстоящаго собора сведено будетъ на „нѣтъ“, на какое-нибудь выжидательное постановленіе.

Нельзя не согласиться, что тамъ и здѣсь правильному теченію и исходу разногласій и недоумѣній мѣшаетъ болѣе всего, если не исключительно, примѣсь мірскихъ интересовъ въ духовные и вмѣшательство политическихъ властей въ церковныя дѣла. Собранія, носящія названіе церковныхъ, пристыжаются научными конгрессами. Собираются ученые всѣхъ странъ свѣта разсуждать, будетъ ли то о законахъ статистики, о мѣрахъ и вѣсахъ, или о вопросахъ юриспруденціи, пристрастія спеціальныхъ гражданствъ отлагаются; о преимуществахъ одного языка

*) С. И. 9 сентября, № 248.

Digitized by Google

предъ другимъ не возникаетъ спора; первенство мѣстъ не возбуждаетъ зависти; цѣль—истина, и каждымъ добровольно, даже съ особымъ тщаніемъ за себя, устраняется всякое подозрѣніе о примѣси личныхъ или мѣстныхъ пристрастій. Правительства въ свою очередь держатся поодаль, остерегаясь вліяніемъ власти смутить ходъ обсужденій и отклонить логическій процессъ отъ правильнаго конца. И это—наука, область внѣшняго знанія! А область вѣры, міръ нравственныхъ началъ, а церковь, которая по преимуществу возвышается надъ всѣмъ относительнымъ, поломъ, возрастомъ, національностью, временемъ и мѣстомъ, которая вполнѣ есть царство не отъ міра сего, является въ своихъ органахъ игралищемъ вліяній, духовному началу не только постороннихъ, но даже враждебныхъ. Какія обратныя положенія!

Нельзя не замѣтить еще, что въ обоихъ современныхъ разногласіяхъ, западномъ и восточномъ, славянскому племени выпало положеніе, преимущественно его выдѣляющее. Помимо того, что на востокѣ въ славянской національности заключается и самый предметъ спора, отношеніе къ движенію тому и другому у славянства иное, чѣмъ у другихъ племенъ. Къ грекоболгарскому спору остальныя восточно-славянскія церкви держатъ себя уклончиво. А къ западному движенію западно-славянскія церкви (католическія) относятся даже прямо холодно, чуть не враждебно. Недавно было сообщено, что протестъ противъ крайнихъ притязаній ультрамонтантства идетъ почти исключительно отъ нѣмецко-католическихъ общинъ; славяно-католическія и даже рядомъ стоящія съ нѣмецкими въ одномъ околоткѣ, мирятся съ новымъ игомъ и новою ложью не плоше романо-католическихъ. Повидимому, противно исторической логикѣ и національнымъ наклонностямъ: и однако это такъ...

Телеграмма упоминаетъ, что въ Кельнѣ присутствуетъ между прочимъ о. протоіерей Янышевъ и даже говорилъ уже рѣчь, взывающую къ единенію на основаніи христіанской истины. Въ добрый часъ! Будемъ надѣяться, что о. протоіерей какъ въ этой своей рѣчи остерегся, такъ и въ дальнѣйшихъ остере-

Digitized by Google

жется отъ всякихъ намѣренныхъ и ненамѣренныхъ неопредѣленностей и отъ поспѣшныхъ обѣщаній за церковь, членомъ которой онъ предстаетъ на конгрессъ. Дипломатическія умалчиванія и намѣренно обоюдныя выраженія предоставимъ міру политики, да еще пожалуй той школѣ ультрамонтантовъ, отъ которыхъ именно и бѣгутъ старокатолики.

Старокатолическое*).

Вотъ истинный вѣрующаго голосъ, честный и послѣдовательный! „Нельзя признать папу и его іерархію, и вмѣстѣ отвергать догматъ, исповѣдуемый тѣми же папою и его іерархіею". „Нельзя состоять въ церкви и вмѣстѣ быть отлученнымъ отъ нея. Я принадлежу католической церкви, какою она была до раздѣленія съ восточною". Это слова аббата Мишо. Даже Берлинская „National Zeutung" отдаетъ имъ справедливость и лишь сожалѣетъ, что о. Мишо только одинъ изъ немногихъ, тогда какъ все большинство старокатоликовъ „успокаивается бумажными протестами". Берлинская газета съ ироніею, вполнѣ справедливою, обращается къ этимъ бумажнымъ протестантамъ, пророча, что ничего-то изъ нихъ не выйдетъ, пока они стоятъ на своей почвѣ.... А представлялось было, говоритъ она, и много случаевъ заявить имъ дѣйствительность своего религіознаго чувства,—хотя бы при теперешнихъ церковныхъ реформахъ въ Германіи.

О. Мишо обѣщаетъ раскрыть и на настоящемъ кельнскомъ конгрессѣ взглядъ, выраженный имъ въ письмѣ къ „Кельнской Газетѣ". Успѣла ли достаточно подготовиться почва послѣ мюнхенскаго конгресса? Додумались ли хотя нѣкоторые изъ тогдашнихъ ораторовъ? Поняли-ль всю логическую несостоятельность своего положенія и всю практическую безнадежность?

---

*) С. И. 11 сентября, № 250.

Digitized by Google

Много ли, мало ли найдетъ на конгрессѣ о. Мишо ушей, способныхъ слышать: но постановка вопроса такова, что присоединеніе старокатоликовъ къ православію становится по крайней мѣрѣ возможнымъ; дальнѣйшимъ переговорамъ открывается по крайней мѣрѣ прочное основаніе и—долгъ тѣмъ большей внимательности налагается на члена конгресса нашей церкви.

Важнѣе всего разбить предубѣжденіе, общее всѣмъ западнымъ исповѣданіямъ, отъ котораго не отрѣшился и самъ о. Мишо, какъ видно изъ письма. Его письмо есть и объясненіе вмѣстѣ и опроверженіе. Не правда, говоритъ онъ, что я присоединяюсь къ восточной церкви; я остаюсь сыномъ католической, но той, какою она была до раздѣленія съ восточной. На языкѣ западномъ присоединеніе къ церкви есть подчиненіе; сама церковь представляется учрежденіемъ мѣстнымъ, нужды нѣтъ хотя бы въ ихъ же катехизисахъ исповѣдывалась церковь вселенскою. Недоразумѣваютъ они, что присоединеніе къ церкви есть лишь присоединеніе къ христіанской истинѣ. Восточная церковь хранитъ истину, а не истина принадлежитъ восточной церкви. Въ словахъ о. Мишо и въ этомъ неудовольствіи его быть заподозрѣннымъ въ присоединеніи его къ восточной церкви, въ этомъ поспѣшномъ опроверженіи и въ этомъ тщательномъ различеніи, что то есть церковь восточная, а то есть церковь католическая до раздѣленія съ восточной, хотя бы и единомысленная съ нею:—въ этой оговоркѣ и въ этой боязни еще слышенъ остатокъ римства, еще узы мѣстнаго превозношенія не разрѣшились, еще пелена основнаго заблужденія не спала. Но это легкія, удоборазрѣшимыя узы, слабая, удобоснимаемая пелена. Будемъ надѣяться, что на томъ же кельнскомъ конгрессѣ разсѣется недоумѣніе. „Восточная церковь знаетъ себя принадлежащею православію, или что то же— христіанской истинѣ, другими словами—Христовой вселенской церкви. Кто содержитъ неизмѣнно преданную истину, тотъ сынъ вселенской церкви, тотъ братъ восточной. Вотъ нашъ символъ вѣры; вотъ наши правила церковныя; кто принимаетъ ихъ, тотъ нашъ, восточный ли онъ, западный ли, сѣверный или южный, безъ

Digitized by Google

различія мѣстъ и временъ, возрастовъ и половъ,—съ нимъ общеніе вселенской церкви".—Вѣроятно это и будетъ рязъяснено въ ближайшемъ сношеніи съ о. Мишо хотя бы достопочтеннаго о. Янышева.

Для практическихъ послѣдствій безконечно важенъ вопросъ между прочимъ объ іерархическомъ устройствѣ старокатоликовъ, буде въ нихъ хотя малая часть присоединится къ здравомыслію о. Мишо. Важенъ вопросъ объ іерархическомъ устройствѣ, во первыхъ, уже по этому предразсудку о сущности присоединеній, въ которомъ воспитала ихъ римская церковь. Важенъ, во вторыхъ, по безнадежности ихъ настоящаго іерархическаго положенія. У нихъ нѣтъ епископа и безъ сомнѣнія не будетъ; не будетъ затѣмъ и священства; въ виду дорога, намъ, русскимъ, отлично знакомая по исторіи нашего раскола: или повторить поповщинское согласіе—искать бѣглыхъ поповъ и впасть въ противорѣчіе и непослѣдовательность, горшія противъ первыхъ, или перейти въ безпоповщину, что и тѣмъ отдаленнѣе отъ истины и противорѣчиво. Слѣдуетъ дать старокатоликамъ епископа, лишь бы только образовалось хотя малое православное стадо. Именно епископа, а не пресвитера, и епископа самоглавнаго, лишь бы исповѣданіе вѣры его было твердо и произнесено громогласно. Это примѣръ древнихъ временъ: страны новопросвѣщаемыя не обращались въ епархіи, тѣмъ менѣе въ духовные пошалыки, какъ потомъ было принято за обычай именно Римомъ. По самому существу, церковное общеніе не нуждается въ подчиненіи, а нуждается въ обоюдныхъ молитвахъ, духовной помощи, выражается въ соучастіи совершенія таинствъ. Единомысліе соблюдется и безъ іерархической зависимости отъ дальняго престола, во всякомъ случаѣ, та же священная власть, которою поставленъ будетъ епископъ новому стаду, можетъ, ничего не теряя ни для себя, ни для христіанской вѣры, разорвать узы, если бы завѣтъ единовѣрія не исполнился и новымъ разномыслiемъ отлучила себя западная часть отъ вселенскаго единства. Но какъ бы много помогло быстрому распространенію истины полночиніе іерархіи на за-

Digitized by Google

падѣ! На сколько легче разсѣялись бы предубѣжденія, воспитанныя Римомъ о существѣ церкви вообще и восточной въ частности! Какъ мало затрудненій оставалось бы преодолѣть старокатолику, чтобы перейти изъ ложнаго положенія въ истинное, изъ двусмысленнаго въ ясное! Ибо при данномъ условіи, за исключеніемъ прибавки къ Никейскому символу и вымышленныхъ догматовъ, постановленныхъ съ осьмого Римскаго собора и до послѣдняго ватиканскаго, оставалось бы слишкомъ немногое къ отверженію и почти ничего къ перемѣнѣ: то лишь, что и въ практикѣ церковной носитъ слѣдъ догматическихъ новоизмышленій. Остальное сохранялось бы въ неприкосновенномъ своеобразіи, какъ пребывало въ западѣ своеобразнымъ и въ древнія времена до раздѣленія.

О греко-болгарской церковной распрѣ*).

Сегодняшнія выдержки изъ французскаго Петербургскаго Журнала даютъ понятіе о томъ, въ какомъ положеніи находятся теперь дѣла по греко-болгарской распрѣ. Они находятся въ томъ же натянутомъ положеніи, какъ прежде,—даже болѣе натянутомъ. Расколъ не провозглашенъ только по случайному несогласію четырехъ киріарховъ: но въ намѣреніи вселенскаго патріарха и всей греческой націи, включая даже эллиновъ королевства, онъ рѣшенъ. Случись на престолахъ Антіохійскомъ, Іерусалимскомъ, Александрійскомъ или Кипрскомъ, іерархи съ болѣе рѣшительнымъ греческимъ направленіемъ, единодушіе произойдетъ несомнѣнно, не только между киріархами, то есть верховно-начальствующими архіепископами, но между всѣми епископами греческой церкви. Надолго ли успѣютъ замедлить провозглашеніе раскола, успѣютъ ли его совсѣмъ устранить, не станемъ рѣшать: намъ неизвѣстны всѣ дѣйствующія пружины, въ силу которыхъ часть іерарховъ не рѣшается

*) С. И. 20 сентября, № 259.

Digitized by Google

теперь присоединить свои голоса къ великогреческому, или которыми можно воспользоваться, чтобы выборъ настоятелей въ упомянутыхъ патріархатахъ падалъ всегда на лица того, а не другого направленія. Но это и не нужно. Все равно, соборъ уже состоялся, хотя не собирался. Мнѣніе выразилось. Расколъ существуетъ. Соборное провозглашеніе было бы только формулированіемъ факта. Если же бы оно состоялось въ смыслѣ противномъ, то есть примирительномъ, оно лишено было бы истинно соборнаго значенія: оно не выражало бы голоса своей церкви, и въ этомъ смыслѣ было бы ложно. Въ немъ выразилось бы мнѣніе собравшихся епископовъ (можетъ быть даже неискреннее, что̀ тѣмъ хуже), что раскола нѣтъ, тогда какъ на дѣлѣ паства раскололась. Пусть оно сказало бы, что разторженія церковнаго изъ вопроса о власти, и тѣмъ болѣе въ угоду политическому преобладанію, не должно существовать: оно произнесло бы истину нравственную, вполнѣ вѣрную христіанскимъ догматамъ; но изъ этого не слѣдовало бы, что помѣстная церковь, отъ имени которой оно произносится, дѣйствительно одушевлена тѣмъ же убѣжденіемъ; тѣмъ менѣе слѣдовало бы то, что всѣ ея члены проникнутся такими убѣжденіями тотчасъ по произнесеніи рѣшенія. Соборныя рѣшенія не обладаютъ магическою силою. Если несогласіе между греками и болгарами есть церковный расколъ, то онъ будетъ расколомъ до собора и послѣ собора, каково бы ни было рѣшеніе. Нравственное значеніе ему ни прибудетъ, ни убудетъ отъ него, ни въ томъ ни въ другомъ. Прибудетъ внѣшній фактъ, если объявленіе раскола послѣдуетъ: вѣрные, соединенные вмѣстѣ въ молитвѣ и таинствахъ, разлучатся; отлучившимся будетъ тотъ, кто нарушилъ долгъ христіанской любви и послушанія,—можетъ быть и тотъ, кто провозглашенъ отлученнымъ; можетъ быть—и провозгласившіе отлученіе; можетъ быть тѣ и другіе вмѣстѣ.

Распаленныя страсти „велико-церковной“ партіи повидимому забываютъ эти простыя истины; повидимому онѣ не соображаютъ, что такое „расколъ“, и тѣмъ болѣе утрачены пови-

Digitized by Google

димому ими смыслъ, что такое соборъ. Къ церковной дисциплинѣ повидимому примѣняютъ онѣ смыслъ военной дисциплины: раскольникомъ признаютъ того, кто провозглашенъ таковымъ отъ подлежащей власти, которая возсѣдала въ данную минуту на іерархическомъ престолѣ, и—только потому что онъ провозглашенъ: а церковному собору и соборному опредѣленію приписываютъ чудодѣйственно-властную силу отлучать христіанина отъ благодати Христовой, независимо отъ внутреннихъ расположеній отлучаемаго,—силу превращать вѣрующаго и благочестиваго въ невѣрующаго и нечестиваго—чрезъ одно провозглашеніе анаѳемы. Опѣ смѣшиваютъ міръ церковный съ политическимъ, соборъ съ государственнымъ парламентомъ, грѣхъ съ преступленіемъ. Въ мірѣ политическомъ преступникъ тотъ, кто ослушивается велѣнія власти, ибо самая законность и преступность дѣянія здѣсь опредѣляется властью же. Ту же самую условность прилагаютъ повидимому, „великоцерковники“ и къ церковнымъ отношеніямъ.

Какъ же въ самомъ дѣлѣ иначе и понять эти угрозы—расколомъ, и эти понужденія къ соборному провозглашенію? Вселенскій патріархъ въ своемъ предложеніи собранію кириарховъ и великогреческая партія въ своей просьбѣ къ патріархамъ говорятъ, что провозгласить расколъ необходимо для устрашенія болгаръ, которые, испуганные, безъ сомнѣнія возвратятся къ послушанію. Испуганные.... чѣмъ испуганные? Именемъ, которымъ ихъ назовутъ недоброжелатели-властолюбцы? Послушанію.... какому послушанію? Внѣшнему, которому не согласуетъ внутреннее расположеніе? А національная, великогреческая партія въ своей просьбѣ сверхъ того присоединяетъ, что вмѣстѣ съ болгарами должно произнести анаѳему и на всѣхъ, кто имъ сочувствуетъ, хотя бы то были цѣлые народы. Цѣлые народы, это разумѣется—мы, православные славянскаго происхожденія. Какъ мало въ этихъ заносчивыхъ словахъ соображенія! Можно уже не упоминать объ общемъ правилѣ, что „незаконно отлучающій самъ отлученъ“. Ближе къ настоящему дѣлу вспомнить хотя о временахъ занятія Цареграда

Digitized by Google

крестоносцами или о временахъ Флорентійскаго собора. Гдѣ былъ тогда расколъ, и гдѣ была тогда церковь? Въ этой ли „великой“ церкви? Въ тѣхъ ли, кто подписывался подъ унію? А въ этомъ смыслѣ можно возразить даже противъ замѣчанія въ существѣ благонамѣреннаго, высказаннаго блаженнымъ іерусалимскимъ патріархомъ. Онъ сказалъ греческимъ агитаторамъ, что мірянамъ не слѣдъ бы и вмѣшиваться въ настоящее дѣло. Почему же такъ? А мы, русскіе, помнимъ, чѣмъ угрожалась бы церковь, если бы великій князь нашъ, во время уніи, удержался своимъ званіемъ мірянина, и предоставилъ митрополиту Исидору рѣшать, гдѣ православіе, гдѣ схизма. И греческая церковь, въ схизмѣ ли она, что пошла за Маркомъ Ефесскимъ, а не за остальными іерархами? Но то было дѣло даже догмата. А здѣсь вопросъ дисциплины, и даже весь условленный не церковными, а государственными отношеніями. Стоитъ допустить предположеніе: Оттоманская имперія падетъ, ея столица разрушится, перенесется въ другой городъ (положимъ, для лучшаго сравненія—въ болгарскій Филиппополь); что останется тогда законнаго отъ притязаній вселенскаго патріарха? Что останется для того, чтобы даже продолжать самое существованіе „вселенскаго“ патріархата? Такимъ-то образомъ вся сила вопроса въ государственной державѣ, и все право рѣшать его, согласно съ основаніями, приводимыми самою „великою церковью“, лежитъ въ сферѣ не церковныхъ, а государственныхъ властей, не только мірскихъ, но даже иновѣрныхъ.

Когда уже написаны были предшествующія строки, телеграфъ принесъ извѣстіе что провозглашеніе болгарской церкви раскольническою состоялось. Итакъ, фактъ, котораго не доставало, прибылъ: двѣ церкви разлучились. Останется вопросъ: кто отлученъ въ дѣйствительности? Церковь ли, провозглашаемая отлученною, или нѣсколькіе изъ іерарховъ, произнесшіе отлученіе; нѣсколькіе изъ іерарховъ даже безъ единодушія въ рѣшеніи; отлученіе изъ одного побужденія огорченной власти....

Digitized by Google

О греко-болгарской церковной распрѣ *).

О константинопольскихъ происшествіяхъ, сверхъ извѣстнаго уже изъ телеграммы, иностранныя газеты (западныя) не передаютъ никакихъ подробностей. Понятно: дѣло это ихъ не занимаетъ. Газетъ съ востока нѣтъ подъ руками. Единственными источниками подробностей остаются два мѣстные корреспондента: „Московскихъ Вѣдомостей“ и французскаго „Петербургскаго Журнала“,—оба, сколько можно догадаться, близкіе къ оффиціальнымъ русскимъ сферамъ. Но и тѣ пока молчатъ, хотя уже есть время увѣдомить даже по почтѣ. Послѣднее письмо въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, недавно напечатанное, относится еще ко временамъ, предшествующимъ провозглашенію схизмы. Оно говоритъ немного новаго, о чемъ достаточно передать въ двухъ словамъ.

Передать и—оговорить. За этимъ беремъ перо въ руки. Мидхатъ-паша, говоритъ корреспондентъ, сначала было, уступая совѣту русскаго посла, уговаривалъ патріарха не спѣшить провозглашеніемъ раскола. Но потомъ склонился на представленія мѣстныхъ чиновниковъ и наущенія отъ прочихъ европейскихъ представителей, и объявилъ, что онъ не намѣренъ стѣснять католическихъ дѣйствій.

Что скажемъ на это?

Печаленъ церковный раздоръ; горестно провозглашеніе, подсказанное страстями національной непріязни. Но утѣшительно за константинопольскую церковь, что она пользуется въ мусульманской странѣ свободою, какой не всѣ христіанскія исповѣданія удостоиваются,—хотя бы въ христіанской Пруссіи.

Какъ возрадовались бы всѣ, кому дорогъ миръ церкви, когда бы обоюдныя разногласія улажены были въ духѣ христіанской любви взаимными снисхожденіями! Но сомнительно: когда бы этотъ ладъ установился подъ нравственнымъ давленіемъ государственной власти, не было ли бы это въ существѣ хуже теперешняго?

*) С. И. 26 сентября, № 265.

Digitized by Google

Что пріобрѣталось бы рѣшеніемъ, постановленнымъ не по мысли и сердцу самихъ предстоятелей церкви и ихъ паствъ, а по намѣренію мірскихъ властей? Пріобрѣталось бы для будущихъ временъ право отвергнуть соборное опредѣленіе (если бы оно было соборное), признать ничтожнымъ распоряженіе (еслибъ то было патріаршее распоряженіе),—искренность котораго сомнительна, а постороннее вліяніе болѣе чѣмъ вѣроятно. И флорентійскій договоръ былъ подписанъ, и эфесскій, такъ называемый въ церковныхъ лѣтописяхъ *разбойничій*, соборъ —существовалъ. Церковныя распоряженія, соборныя опредѣленія не векселя и не дипломатическіе договоры, гдѣ подпись даетъ силу акту, безъ всякаго отношенія къ чувствамъ подписавшагося, лишь бы она была подлинная и физически невынужденная.

Какъ мы говорили, и даже не разъ, болгарское дѣло за весь свой прискорбный ходъ должно признать себя обязаннымъ именно политическому вмѣшательству. Не станемъ припоминать, какія участія въ направленіи дѣла принимала дипломатія прежде, да не имѣемъ и подробныхъ документовъ для этого. Но представимъ, что той и другой сторонѣ представители всѣхъ европейскихъ державъ, вмѣстѣ съ самою Портою, сказали бы съ самаго начала и продолжали говорить: „не обращайтесь къ намъ; рѣшайте между собою, не обращая церковный споръ въ мірскую тяжбу“. Вообразимъ себѣ, что и представители Россіи, и именно ея-то представители, сначала и до конца, одинъ какъ и другой, и третій, строже всѣхъ воздерживались отъ вмѣшательствъ, настоятельнѣе всѣхъ обращались и къ самой Портѣ—оставить спорящихъ въ покоѣ. Споръ-то бы не разъигрался! А—разъигрался, такъ ли, иначе ли, и дошелъ до озлобленія;—и тогда опять совѣтомъ церквей-сестеръ, голосомъ, и опять независимымъ, вполнѣ самостоятельнымъ, церковныхъ предстоятелей всего востока, произнесенъ былъ бы судъ. Властолюбіе призвано было бы къ любви, непокорство къ послушанію. Это было бы не первымъ случаемъ въ исторіи. Міръ отъ этого не поколебался бы; никакія политическія отношенія не разстроились бы. А церковь? Но она тогда-то и слышала бы свою правильную жизнь.

Digitized by Google

Когда было прежнимъ патріархомъ прошено о соборѣ вселенскомъ; когда онъ обратился съ этимъ къ прочимъ церквамъ-сестрамъ, мы высказывали сожалѣніе, что всероссійскій святѣйшій синодъ отклонилъ предложеніе. Не трудно было предвидѣть конецъ. Отказное посланіе синода было изложено даже въ формѣ несоотвѣтственной; оно болѣе напоминало дипломатическую ноту, нежели церковную грамоту. Весь строй мыслей, все существо доводовъ, могли даже произвести недоумѣніе въ константинопольской церкви: всѣ разсужденія могли примѣняться къ дипломатической конференціи, буде бы такая предполагалась, но непонятно звучали въ примѣненіи къ собору, котораго и существо и сила совсѣмъ другія нежели смыслъ и сила конференцій.... Но впрочемъ это было,— не будемъ безполезно къ невозвратимому возвращаться!... Оно правда, безъ собора можно было и обойтись, патріархъ имѣлъ совершенное право отпустить и самъ болгарскую церковь на самостоятельность; но онъ самъ просилъ братски разсудить прю, принимавшую огорчительный ходъ. Не случилось этого; разрывъ долженъ былъ послѣдовать.

Но разрывъ этотъ—дѣло преходящее; дѣло случайное временъ и лицъ; дѣло и не церкви, а прямо сказать—дѣло постороннихъ силъ и увлеченій. Все придетъ въ церкви къ умиротворенію въ свой урочный часъ, какъ ни огорчительно, что соблазъ разразился. Да дѣло въ томъ, что въ политической то области послѣдствія окажутся существенными, и именно въ невыгоду Россіи; повлекутъ ослабленіе ея нравственной силы. Ее, Россію, будутъ обвинять въ совершившемся раздорѣ, и всѣ притомъ, сами болгары наравнѣ съ греками; западнымъ обвинять ничего, они будутъ благодарить. Обвиненіе будетъ несправедливо, и благодарность незаслуженная,—такъ; Россія именно желала соглашенія, безъ сомнѣнія употребляла всѣ средства къ умиротворенію. Но именно отъ того, что она употребляла средства, хотя бы и къ миру, ее назовутъ виновницею, что миръ не состоялся. Даже въ предвидѣніи этого совершенное отстраненіе политическихъ вліяній требовалось бы

Digitized by Google

благоразуміемъ. Что произошло бы отъ предоставленія спорящихъ самимъ себѣ; что произошло бы отъ собора? Мы увѣрены, что произошелъ бы миръ, обновленіе, духовное оживленіе, преуспѣяніе силы всего православнаго востока. Но что бы ни произошло,—теперь есть основаніе сказать обѣимъ сторонамъ: „а не произошло это отъ того, что соборъ не состоялся; да отъ того, что—по вліянію Россіи конечно—болгарскій экзархъ получилъ отъ Порты берать. Можетъ быть это и неправда, но стихійныхъ массъ разувѣрять невозможно. А народы—стихійныя массы; онѣ не вступаютъ въ діалектику; онѣ ощущаютъ, и ощущенія, подобныя вышеписаннымъ, способны передаваться отъ поколѣнія къ поколѣнію, стать историческимъ фактомъ, препобѣдимымъ только исторіею же,—всенароднымъ опытомъ, и пожалуй продолжительнымъ....

О новыхъ типахъ въ духовенствѣ *).

Мы не даромъ оговорили замѣтку о греческихъ подворьяхъ, напечатанную въ 262 №. Г. С—въ пишетъ не въ первый разъ, и положительно каждый разъ фактическая сторона его хромаетъ, хотя общій смыслъ замѣтокъ его бываетъ вѣренъ; вѣренъ по крайней мѣрѣ относительно общественныхъ воззрѣній, которыя имъ выражаются. Воззрѣнія эти принадлежатъ немалочисленному классу лицъ, принимающихъ къ сердцу церковные вопросы. Есть люди совершенно равнодушные, существуютъ или нѣтъ на свѣтѣ греческія подворья; одна церковь имъ какъ другая. Есть люди, которые въ этомъ безразличіи неравнодушны; напротивъ злобны, можно сказать; равнодушіе къ частностямъ есть только выраженіе неблагосклонности къ цѣлому. Много ли, мало ли, но они есть, эти люди, которымъ видъ на каждую церковь безразлично возбуждаетъ мысли о „непроизводительномъ“ (любимое слово!) употребленіи капиталовъ. Круто и въ

*) С. И. 27 сентября, № 266.

Digitized by Google

своемъ общемъ приложеніи этотъ вопросъ, особенно въ печати, не ставится; но онъ размѣнивается на мелочи и рѣшается по частямъ,—всегда разумѣется отрицательно для церкви. Къ этой школѣ многіе принадлежатъ изъ „интеллигенціи“, съ безчисленными оттѣнками, начиная съ умѣренныхъ и кончая радикальными.—Другой классъ безразличенъ къ церковнымъ вопросамъ въ обратномъ смыслѣ: церковь для нихъ есть предметъ религіозной практики, и только; они не безпокоятъ себя вопросами о событіяхъ въ ней: какъ, что, гдѣ и для чего? Тутъ тоже оттѣнки, упирающіеся однимъ концомъ въ простодушное благоговѣніе даже къ злоупотребленіямъ, способнымъ смутить смысленновѣрующаго; младенчески примиряются чуть не съ кощунствомъ.

Г. С—въ принадлежитъ, какъ очевидно, къ третьей школѣ,—къ числу вѣрующихъ, но мыслящихъ. Ихъ опять не одинъ оттѣнокъ, и изъ нихъ любопытнѣйшій—богомолы-аматеры, если позволительно такъ выразиться, или—богословы-дилетанты,—начиная съ грамотея, спеціально читающаго псалтыри по усопшимъ, или звонаря-дилетанта, зорко стерегущаго, соблюдены ли „поліелей“ или „бдѣніе“, и далѣе чрезъ лѣстницу разныхъ круговъ пониманія и сочувствія—до военныхъ офицеровъ, считающихъ себя призванными рѣшать и вести вселенскіе вопросы. Къ этому разряду относится г-нъ С—въ, стоя на серединѣ этой лѣстницы. Гг. С—выхъ очень много; они роятся повсюду, и лишь только рѣдкіе изъ нихъ проникаютъ въ печать. Но обманываются тѣ, которые думаютъ, что всѣ отношенія мірянъ къ церкви слагаются только изъ враждебнаго безучастія и слѣпой снисходительности. Слѣдятъ и судятъ, только мало высказываются. Спеціально-духовные органы для нихъ заперты; тутъ имъ на порогѣ соперничество оффиціальнаго богословствованія, считающаго все, что по части церкви, своею монополіею. А это опять свой типъ,—типъ богословствующихъ по книжкамъ, зазубреннымъ на семинарскихъ скамьяхъ, какъ есть и еще типъ—богословъ келейнаго образованія, по рукописямъ,—будущихъ старообрядческихъ епископовъ, если

Digitized by Google

случай позоветъ ихъ въ эту область. Эти будущіе или возможные епископы старовѣры, эти расколоучители im werden, говоря Гегелевскимъ языкомъ, составляютъ изнанку ученымъ оффиціальнымъ богословамъ, съ которыми у нихъ непроходимое недоразумѣніе. И у богословъ-дилеттантовъ есть тоже свое недоразумѣніе съ богословами-педантами; недоразумѣніе, происходящее отъ того, что къ своему школьному богословію оффиціальный богословъ дошелъ чрезъ славянскую азбуку съ *оксія исо* и *варія* и черезъ сухопарые учебники, посредственно скомпилированные изъ вторыхъ рукъ съ отъятіемъ живого смысла отъ подлинниковъ. А богословы-дилетанты прошли чрезъ французскій языкъ, благочестивыя книжки, написанныя аббатами, и черезъ гостиныя набожныхъ барынь. Богословъ-дилеттантъ всегда помазанъ политическимъ образованіемъ и пренебрегаетъ діалектическими тонкостями, которыхъ отношенія къ жизни онъ не усматриваетъ. Богословъ-школьникъ витаетъ напротивъ въ этой діалектикѣ, и въ ней полагаетъ всю суть, самой себѣ взятой, не догадываясь, что тезисы, имъ только заученые, суть тоже предметъ жизни, которая ему представляется какъ будто совсѣмъ другою областію. Богословъ-школьникъ рѣшительно отрицаетъ всякую способность богословствовать въ своемъ соперникѣ, не находя напоминанія о знакомыхъ книжкахъ; богословъ-дилеттантъ досадуетъ и удивляется, какъ столь живо забирающій вопросъ, напримѣръ, какъ о старокатоличествѣ, удостоивается школьникомъ едва внѣшняго любопытства, какъ бы дѣло это совсѣмъ его и не касалось, какъ бы это вопросъ археологическій.

Очеркъ былъ бы не полонъ, еслибъ не указали мы еще на разрядъ, пока немногочисленный, только возникающій, но забирающій силу въ современномъ теченіи. Его удачно охарактеризовалъ кто-то словами: „ряса—мечтающая о фракѣ“. Сюда многіе принадлежатъ изъ молодыхъ людей духовенства, воспитанныхъ на богословіи, но въ четырехъ стѣнахъ, за соціальными и умственными рѣшетками. Они учились буки-азъ-ба, но мечтали: „какъ хорошо а-бе-ве“! Они изнурялись надъ сухою діалектикою, но жадно прислушивались къ живымъ разговорамъ,

Digitized by Google

долетавшимъ изъ-за стѣны. Съ фоліантомъ предъ глазами, который такъ утомительно угрюмо смотритъ своими двумя столбцами на пожелтѣвшей бумагѣ, залпомъ прочитываетъ онъ лежащую на колѣнахъ бѣленькую книжку „свѣтскаго“ журнала, еще не прочахнувшую отъ типографскаго запаха. Идеалы его *тамъ*, и *тамъ* мечты, которымъ не суждено осуществиться въ силу общественныхъ условій. Но онъ желалъ бы по крайней мѣрѣ, чтобъ ладанъ болѣе отзывался о де-колономъ; вмѣсто славянскаго оборота онъ съ особеннымъ наслажденіемъ отъищетъ однозначащій нѣмецкій или французскій съ варварскимъ окончаніемъ на *ируетъ; констатируетъ* и *игнорируетъ* лучше замаскировываетъ рясу, отъ которой онъ родился, яснѣе свидѣтельствуетъ объ его эманципаціи. Это—гостинодворецъ, который мечтаетъ о *пукетахъ*, оставаясь съ „нашимъ вамъ почтеніемъ“; онъ стыдится и происхожденія своего и образованія. Онъ стѣсняется несвѣтскостью длиннаго одѣянія, причисляя длинноволосыхъ и длиннополыхъ къ черненькимъ, стриженыхъ и куцыхъ—къ бѣленькимъ.

На этомъ типѣ остановились мы долѣе, потому что онъ преобладаетъ теперь въ своей относительной сферѣ. Нѣкоторые его оттѣнки, по силѣ центробѣжнаго движенія, перебросились совсѣмъ въ противоположный станъ, пытаясь радикализмомъ перещеголять, если возможно, Фейербаха, хотя подвизались по богословію съ текстами и пописывали диссертаціи по этой матеріи. Другіе останавливаются на срединѣ, вступая въ „компромиссы,“ говоря опошлѣвшимъ моднымъ словомъ. Пишутъ о преобразованіи духовенства, духовноучебныхъ заведеній, духовныхъ судовъ, представляя собою глаголемую прогрессивную сторону. Прогрессъ здѣсь понимается собственно въ переложеніи духовныхъ порядковъ на „свѣтски-образованные“ нравы. И отчасти въ этомъ успѣваютъ, ибо сила увлеченія на ихъ сторонѣ. Имъ сладко, что двухгодичные курсы въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ уже перемѣнились на одногодичные; качественныя учебныя отмѣтки замѣнились баллами; что въ духовныхъ академіяхъ есть факультеты: такъ хорошо, похоже на гимназіи, универси-

Digitized by Google

теты, и даже на военноучебныя заведенія. Въ будущихъ церковныхъ судилищахъ имъ заранѣе пріятно вообразить сколокъ съ окружныхъ и мировыхъ судовъ, и они смакуютъ при мысли, какъ прокуроры и адвокаты будутъ давать представленія на трибунахъ судилища, положимъ духовнаго, но за то „точь въ точь какъ у большихъ“. Рясу они дѣйствительно желали бы замѣнить фракомъ, и даже начинаютъ заявлять это желаніе. Мы когда-нибудь познакомимъ читателей съ любопытной перепиской по этому предмету, гдѣ обращаются къ намъ за содѣйствіемъ къ урѣзанію длиннополаго платья. Многимъ можетъ показаться это даже невѣроятнымъ, столь же невѣроятнымъ, какъ если бы кто сталъ разсказывать объ офицерахъ, не только не гордящихся мундиромъ, но умоляющихъ переодѣть ихъ въ длиннополый сюртукъ и ищущихъ уподобиться коммерсанту. Но это дѣйствительность неопровержимая. Намъ передавали даже объ одномъ изъ духовныхъ лицъ, не низко стоящихъ, слѣдующій фактъ. Извѣстно, что тѣмъ же самымъ пренебрежительнымъ взглядомъ на званіе подсказалось нѣкогда правило русскимъ священникамъ на заграничной службѣ переодѣваться въ свѣтскую одежду. Особа, о которой мы говоримъ, хотя состоитъ на службѣ уже въ Россіи, но воспользовалась временной поѣздкой за границу, чтобъ переоблачиться во фракъ или пальто, не знаемъ, и переоблачиться даже на востокѣ, гдѣ и стыдиться бы не предъ кѣмъ, ибо духовенство носитъ туже, какъ у насъ, одежду; и даже, говорятъ, въ этомъ „костюмѣ“ удостоила эта особа почтить своимъ визитомъ самого святѣйшаго патріарха! Былъ ли при этомъ о. протоіерей вооруженъ пэнсне, объ этомъ молва не упоминаетъ; но для чистоты стиля не мѣшало. Все это дѣйствительно невѣроятно, но не очень удивительно, потому что въ болѣе слабой, въ болѣе робкой степени совершается тоже во-очію. Одна изъ нижеприлагаемыхъ замѣтокъ говоритъ между прочимъ о двухъ московскихъ іереяхъ, которые подстригаютъ волосы;—говоритъ въ оправданіе о. архимандрита Григорія, въ которомъ г. С—въ заподозрилъ туже привычку. „Подстригаетъ волосы,—замѣчаетъ *Прихожанинъ Іерусалимскаго подворья*:

Digitized by Google

что-жъ такое? Да вотъ въ Москвѣ и одинъ ученый протоіерей подстригаетъ волосы, да еще молодой священникъ на Арбатѣ". Въ достопочтенномъ *Прихожанинѣ Іерусалимскаго подворья* удивительно, что онъ отвѣчаетъ на возраженіе, котораго ему не дѣлаютъ. Г. С—въ нисколько не утверждалъ, чтобъ подстригать волосы было предосудительно: онъ только отмѣтилъ, что это „извѣстно", тогда какъ о другихъ слухахъ, будто о. Григорій посѣщалъ театръ и гулянья, утверждаетъ, что такіе слухи носились, не ручаясь за ихъ достовѣрность и тѣмъ менѣе выводя отсюда что-нибудь въ похвалу или порицаніе о. Григорія. Своимъ оправданіемъ противъ обвиненія, котораго не ставили, уважаемый *Прихожанинъ* уличаетъ себя же, что должно быть онъ самъ находитъ въ этомъ что-либо не вполнѣ приличное. Но если такъ, то ему нисколько не помогаетъ ссылка на другихъ. Кого этихъ двухъ разумѣетъ *Прихожанинъ*, не знаемъ; да еще вѣрно ли это,—это вопросъ. Мало ли что? Точно также объ одномъ іереѣ говорилось, что онъ не только подстригаетъ, но завиваетъ волосы на вечеръ въ папильотки, и что подъ рясу, между наружной матеріей и подкладкой, подшиваетъ кринолинъ, чтобы при преклоненіяхъ драпировалась одежда какъ у свѣтскихъ женщинъ. Это доказываетъ то лишь, что заботливость духовныхъ лицъ о наружности способна, когда доводится до изысканности, породить нареканія и преувеличенныя розсказни, и то еще, что желаніе уподобить рясу фраку не всегда достигаетъ цѣли: любуется меньшее число, чѣмъ соблазняется. Въ самомъ дѣлѣ, что такое офицеръ, который стыдится своего мундира? Что была бы армія, состоящая изъ такихъ солдатъ? И духовное воинство заранѣе росписалось бы лишь въ своемъ пораженіи и въ паденіи дѣла, которому оно служитъ, если бы заразилось вожделѣніемъ о фракахъ и папильоткахъ.

Digitized by Google

Греко-болгарская церковная распря *).

Высочайшей важности исполнены передаваемыя нами нынѣ новыя сообщенія константинопольскаго корреспондента „Московскихъ Вѣдомостей“. Передовые вожди греческой націи не скрываютъ побужденій, для которыхъ соборное опредѣленіе было личиною, а *филетизмъ* болгаръ предлогомъ. Побужденія эти—разорвать съ Россіею духовную связь и заискать предъ западною Европою, которая не давала доселѣ полнаго расположенія къ грекамъ собственно за ихъ единовѣріе со славянскою имперіею. Эллинское правительство сочувствуетъ горячимъ головамъ константинопольскаго Фанара, играгелямъ въ церковные вопросы; а графъ Андраши, ссылаясь на отреченіе Россіи отъ панславизма, высказанное при берлинскомъ свиданіи, совѣтуетъ Портѣ не упускать случая къ нагнетенію на славянъ и раздуваетъ недоразумѣніе съ черногорцами.

Прибавимъ къ этому, что, какъ вчера уже мы сообщали, соборное опредѣленіе оффиціально доведено и до всероссійскаго синода, отъ котораго, слѣдовательно, потребуется отвѣтъ. Будетъ этотъ отвѣтъ за грековъ,—онъ предастъ болгаръ. Будетъ за болгаръ, онъ не убѣдитъ грековъ, и необходимъ будетъ вселенскій соборъ. Но и соборъ только рѣшитъ, но не примиритъ, когда недоразумѣніе лицемѣрно, и побужденія скрываются внѣ области вѣры. Можетъ случиться, что въ глазахъ безпристрастія обѣ стороны явятся погрѣшившими: соборъ равно будетъ необходимъ, но страсти успокоятся еще менѣе.

Трудно предсказать содержаніе отвѣта, тѣмъ болѣе что у насъ нѣтъ еще подъ руками подлиннаго доклада коммиссіи, разсуждавшей о *филетизмѣ* болгаръ. Разсматриваемое само въ себѣ, опредѣленіе соборное безупречно. Оно признаетъ незаконными самочинныя сборища. Самочинныя сборища дѣйствительно незаконны. Оно признаетъ противнымъ христіанскому ученію внесеніе начала національности въ церковь: раздѣленіе

*) С. И. 17 октября, № 286.

Digitized by Google

изъ за національностей дѣйствительно противно основаніямъ христіанской церкви, гдѣ нѣтъ „ни еллина, ни іудея“. Но чтобъ судить, правильно ли прилагаются эти вѣрныя опредѣленія къ болгарамъ, для этого нужно имѣть данныя. Самочинніе сборища, положимъ, несомнѣнно, если имѣть въ виду, что болгарскій архіерей безъ благословенія отъ мѣстнаго іерарха совершаетъ служеніе въ чужомъ городѣ и въ томъ же городѣ постановляетъ распоряженія объ епархіяхъ, управляемыхъ законно поставленными настоятелями. То и другое противно правиламъ, хотя наказанія нельзя не признать не въ мѣру сильнымъ. Но внесеніе начала національности въ церковь? Доселѣ данныя представляются обоюдными, и еще нельзя судить, кто правильнѣе подпадаетъ подъ осудительное опредѣленіе: болгары ли, желавшіе себѣ возврата древней церковной самостоятельности, или патріархатъ, отказывавшій имъ въ этомъ по пристрастію къ греческой *національности*. Ужъ изъ внѣшняго описанія соборныхъ обсужденій, представленнаго во французскомъ Петербургскомъ Журналѣ, можно видѣть, что къ филетизму докладъ соборной коммиссіи причислилъ между прочимъ желаніе болгаръ имѣть священниковъ, знающихъ по болгарски. Итакъ, это филетизмъ? И это филетизмъ болгаръ?—Или не было болгаръ достойныхъ священства? Или было вѣрованіе, что на грека-іерея низойдетъ древній даръ языковъ? Или надежда, что низойдетъ этотъ даръ свыше на болгарскую паству для пониманія греческихъ пастырей? То ли, другое ли,—было бы дерзкимъ искушеніемъ благодати. А ни то, ни другое: это было явнымъ противленіемъ апостольской заповѣди молиться не *духомъ* только, но *умомъ*. И апостолъ не проповѣдывалъ въ Римѣ по еврейски, и къ Ѳессалоникійцамъ не писалъ по латынѣ. Въ *филетизмѣ*—пусть это будетъ слово—повиненъ патріархатъ; и повиненъ онъ, если такъ, кромѣ филетизма, еще въ другомъ погрѣшеніи, не менѣе противномъ духу христіанства: онъ приставлялъ волковъ вмѣсто пастырей. Пастырь, который не питаетъ словомъ, пастырь ли? Какъ питать словесною пищею тому, кто говоритъ паствѣ на языкѣ незнаемомъ?

Digitized by Google

Но не будемъ торопиться преждевременной оцѣнкой. Все обнаружится въ свое и, вѣроятно, скорое время. Во всякомъ случаѣ мы стоимъ наканунѣ великихъ событій, если даже все ограничится посрамленіемъ небольшой горсти фанатизированныхъ греческихъ вождей. Если же откроется дѣйствительный, полный расколъ, это уже громадное событіе, церковное и политическое. А вселенскій соборъ—историческое событіе такой важности, которая простираетъ дѣйствіе на столѣтія. Ему, вселенскому собору, или ряду соборовъ, придется, начиная съ удачно постановленнаго вопроса подъ именемъ филетизма, рѣшать то самое, предъ чѣмъ безсиленъ оказался Лютеръ, чѣмъ низверглось папство, надъ чѣмъ мучается Европа въ клерикальной борьбѣ цѣлыя столѣтія, около чего удовольствовалась Британія, по своему обыкновенію, сдѣлками, и съ чѣмъ надѣется сладить Бисмаркъ посредствомъ незатѣйливой грубой силы: вѣра и національность, церковь, свобода и порядокъ, духовное просвѣщеніе и матеріальныя нужды, какъ размежевать эти области?—Конечно не Бисмаркъ рѣшитъ.

Предъ міровою задачею, внезапно возникающею съ требованіемъ неотложнаго рѣшенія, блѣднѣютъ политическія каверзы; но и онѣ имѣютъ вѣсъ. Станъ враговъ нашихъ увеличивается тѣми, съ кѣмъ мы связаны тысячелѣтіемъ: грекъ ищетъ обняться съ туркомъ на общее угнетеніе. А тутъ же со стороны, сосѣдъ-другъ мусульманской имперіи торопитъ ее идти скорѣй въ пропасть. Но графъ Андраши ошибается, если полагаетъ, что эта пропасть, которая должна поглотить и его имперію, обратится въ какую-нибудь выгоду мадьяризму. Повидимому, совѣты его даже остаются безъ дѣйствія. Мало того: самъ юно-турецкій Мидхатъ-паша, на сочувствіе котораго онъ могъ полагаться, уже не саадразамъ. Вышло только краснорѣчивѣйшее самообличеніе того, что австрійскіе государственные люди разумѣютъ подъ панславизмомъ и его опасностями. На языкѣ ихъ обыкновенномъ это означаетъ опасность быть поглощенными Россіею; а на языкѣ сокровенномъ—затрудненіе душить безвинную національность. Россія не думаетъ о панславизмѣ.

Digitized by Google

Стало быть нечего и опасаться сепаратизма отъ славянскаго движенія и дать славянамъ просторъ. Графъ Андраши разсуждаетъ не такъ: „такъ давайте же душить ихъ поскорѣе". Это и называется у него борьбою противъ „панславизма". Было бы поучительно, если бъ не было и безъ того извѣстно.

Греко-болгарская церковная распря *).

Съ греко-болгарскимъ дѣломъ день ото дня не легче. Читатели найдутъ сегодня въ „Иностранныхъ Извѣстіяхъ," что греки, минуя каноны, продолжаютъ теперь борьбу прямо на основаніи національности,—на томъ самомъ основаніи, которое поставлено въ вину болгарамъ. Константинопольскій клиръ (и ему сочувствуетъ часть клира іерусалимскаго) замышляетъ между прочимъ сосредоточить въ своихъ рукахъ управленіе другими, доселѣ самостоятельными, православными церквами Турецкой имперіи, съ понятною цѣлію—предупредить, чтобъ и на глубокомъ востокѣ не повторилась болгарская исторія и не утратилось господство греческой національности надъ сирійскою и арабскою. Кстати, и разсчетъ денежный: желаніе вознаградить потерянные доходы съ болгаръ, имуществами св. Гроба. А послѣднее обстоятельство выводитъ вопросъ съ племенной даже на международную почву. Здѣсь, въ разсадникѣ христіанства, и нравственными и матеріальными интересами затронуты православные не одной Турціи, а всѣхъ странъ, и даже—христіане иновѣрцы. Денежное участіе, оказываемое аѳинскимъ правительствомъ Константинопольскому престолу, въ свою очередь только подбавляетъ борьбѣ эту національно-политическую окраску. Западные корреспонденты не даромъ, по поводу подписки въ пользу вселенскаго престола, приравниваютъ Константинопольскаго владыку Ватиканскому. Чѣмъ далѣе, тѣмъ дѣйствительно яснѣе выплываетъ тожество принципа. Константинопольскій престолъ идетъ даже далѣе въ его примѣненіи, чѣмъ Ватиканъ.

*) С. И. 4 декабря, № 334.

Digitized by Google

Ватиканъ, хотя и объявивъ латинскій языкъ единственнымъ церковнымъ, не ищетъ однако исключительнаго господства ни племени, ни государства; Константинопольскій же престолъ, не только привилегируетъ языкъ, но и племя; къ соплеменникамъ обращается за помощью во всю Европу; наконецъ, отстаиваетъ господство свое, опираясь превыше всего на государственное свое значеніе, въ минувшей и чаемой имперіи Византійской и въ современной имперіи Оттоманской. На этомъ основаны всѣ его притязанія и замыслы; за этимъ однимъ онъ обращается и къ самимъ канонамъ,—за подкрѣпленіемъ мысли, что церковное управленіе должно служить органомъ государственному единству и въ своемъ развѣтвленіи исключительно сообразоваться съ государственнымъ, территоріальнымъ раздѣленіемъ.

Сегодня мы прочитали сообщеніе въ „Русскомъ Мірѣ," которое указываетъ еще рѣшительнѣе политическій характеръ, принимаемый борьбою,—именно, что всероссійскій синодъ въ послѣднее время получилъ отъ болгарскаго экзарха грамоту съ протестомъ противъ Константинопольскаго собора, и съ просьбою о защитѣ. И до насъ дошелъ слухъ такого рода: Константинопольскій престолъ отнесся будто бы къ Кишиневскому преосвященному, чтобы тотъ, въ силу соборнаго опредѣленія, разорвалъ общеніе съ духовнымъ лицемъ, управляющимъ церковными имѣніями въ Бессарабіи. Чьи это имѣнія, одного ли іерусалимскаго престола, или же есть еще имѣнія, принадлежащія какой нибудь болгарской епархіи,—все равно, вопросъ получаетъ международное значеніе. Если наше церковное правительство и положитъ оставить дѣло in suspenso, то-есть—признать вопросъ открытымъ впредь до окончательнаго рѣшенія его, въ томъ или другомъ смыслѣ, въ смыслѣ ли примиренія, иль окончательнаго раздѣленія,—и тогда мѣра предосторожности по отношенію къ международнымъ церковнымъ имуществамъ неизбѣжна. Она неизбѣжна чисто съ гражданской точки зрѣнія; кто хозяинъ имущества?—вопросъ этотъ рѣшается не одинаково, будетъ ли признанъ константинопольскій соборъ въ своей силѣ или не будетъ.

Digitized by Google

Итакъ, вотъ куда зашло дѣло! А оно никакъ не при концѣ, а развѣ только при началѣ. Не удивительно будетъ, если даже и пресловутый Восточный вопросъ, во всей его ужасающей политической широтѣ и сложности, найдетъ себѣ въ этой, повидимому чисто-мѣстной и спеціально-церковной распрѣ, понужденіе къ практическому разрѣшенію, такому ли, иному ли, во всякомъ случаѣ гораздо скорѣйшему, нежели всѣ думали и ласкались надеждою. Замѣчательно будетъ только то, что теченіемъ временъ и событій значеніе Россіи для Востока, вопреки ея волѣ и усиліямъ, вопреки ожиданіямъ большинства и вопреки практикѣ всѣхъ прошедшихъ столѣтій, перемѣнится изъ религіознаго на племенное. Внѣшняя политика Россіи никогда доселѣ не выкидывала своимъ знаменемъ единоплеменность; она служила только единовѣрію, безразличному къ племенамъ. Славянскій вопросъ никогда ею оффиціально не признавался, и лишь въ одной изъ прошлогоднихъ статей „Правительственнаго Вѣстника," конечно оффиціознаго содержанія, брошены были вскользь двѣ строки въ этомъ смыслѣ. Но и то, вскорѣ же, именно на берлинскомъ свиданіи, судя по отзывамъ, по крайней мѣрѣ австрійскимъ, дано было ручательство Россіею въ обратномъ смыслѣ,—что она чужда *панславизма*. Панславизмъ—слово широкое. Западно-европейская публицистика и дипломатія любятъ видѣть подъ нимъ политическое господство Россіи надъ остальнымъ славянствомъ; въ этомъ смыслѣ, нѣтъ сомнѣнія, и должно было послѣдовать отъ русской дипломатіи самое рѣшительное отреченіе отъ панславизма. Но отрекаться отъ приписываемыхъ замысловъ на государственное господство еще не значитъ отказываться совершенно отъ признанія родственности національностей, или изъявлять благосклонное соизволеніе на то, чтобъ родственныя племена тѣмъ безпрепятственнѣе задавливались политическимъ насиліемъ. Но западная дипломатія приняла—это ясно до очевидности—отреченіе Россіи даже въ послѣднемъ смыслѣ.

Въ чемъ бы однако ни состояли берлинскіе переговоры, какое бы на нихъ ни было дано ручательство Россіею и дано

Digitized by Google

ли было какое-нибудь,—теперешнимъ направленіемъ грекоболгарскаго спора вопросы эти отводятся на задній планъ: константинопольскими замѣшательствами политика Россіи неожиданно поставлена на распутіе, идти ли направо, идти ли налѣво; и нѣтъ сомнѣнія куда она должна идти, точнѣе—куда пойдетъ, хотя бы даже противъ прямого своего желанія. На примиреніе враждующихъ надѣяться нечего, хотя должно его желать и можно къ нему склонять. Предать болгаръ будетъ равно невозможно: ибо будетъ не только неправедливо ни по историческимъ, ни по естественнымъ правамъ, но вмѣстѣ отниметъ у насъ всякое дальнѣйшее значеніе на востокѣ, а вмѣстѣ и вообще въ политическомъ мірѣ. Хотя бы мы стали искреннѣйшими друзьями грекамъ: но они не будутъ намъ друзьями. И наша дружба оказалась бы на дѣлѣ лишь покорностью западноевропейскимъ разсчетамъ; слѣдовательно, мы служили бы лишь орудіемъ противъ себя же. Ибо вся политика Европы на востокѣ водится не положительными началами и цѣлями, а единственно отрицательными разсчетами—противъ Россіи. Тому или другому она благопріятствуетъ, тому или другому противостоитъ, не потому, чтобы въ томъ ли въ другомъ ли смыслѣ, то ли, другое ли было выгодно той или другой изъ ея державъ, а потому, будетъ ли то или другое выгодно или невыгодно для Россіи, усилитъ ее или ослабитъ. Греческая нація разочла, что для ея національныхъ интересовъ выгоднѣе держаться того же направленія; отъ западныхъ государствъ основательно надѣется она получить болѣе, чѣмъ отъ Россіи, и тѣмъ болѣе, чѣмъ далѣе отведетъ свои интересы отъ русскихъ интересовъ. Если бы мы желали тѣснѣе скрѣпить узы единовѣрія съ греческой націей, она тѣмъ не менѣе пожелаетъ ихъ расторгнуть; если бы болгарскій вопросъ удалось уладить—хотя это и невозможно,—національное чувство найдетъ другой поводъ, другой случай, будетъ искать прямо въ русской церкви какихъ нибудь поводовъ къ отложенію. Заведетъ если угодно, переговоры объ уніи съ западомъ, благо это и не есть небывальщина; изъ за политическихъ же интересовъ принята была флорентинская унія—

Digitized by Google

со всесильнымъ тогда римствомъ; о новой своего рода уніи (на этотъ разъ уже съ англиканствомъ) отчасти хлопочетъ и теперь главноначальникъ схизмы Ликургосъ. Тѣмъ же болѣе,—на этомъ пути благопріятелей найдется у грековъ много; обнадеживающихъ встрѣтятъ отовсюду, не будетъ лишь разувѣряющихъ. Надежда на мирное разрѣшеніе существующаго раздора лишь тогда была бы основательна, когда бы религіозные вопросы на востокѣ возобладали вполнѣ надъ національно-политическими и ихъ себѣ подчинили, или когда бы церковная жизнь вообще, и по преимуществу церковно-іерархическая дѣятельность въ Россіи, были свободны отъ всякаго вліянія политическихъ силъ. Но не такова вообще эпоха, и не таково положеніе балканскихъ національностей; да и не таково внѣшнее положеніе дано церкви въ Россіи, измѣненіе котораго если и желательно, то въ данномъ случаѣ все-таки безполезно: прошлаго уже не воротишь.

Итакъ, обстоятельства ставятъ русскую политику, неизбѣжно, на путь обозванный эѳно-филетическимъ; она должна будетъ тянуть за болгаръ, о чемъ конечно и жалѣть нечего, ибо ихъ требованія въ основаніи суть требованія высшей, и христіанской и общечеловѣческой, справедливости. Но важно то, что разъ заявленная политика, на основаніяхъ не одного единовѣрія, но и единоплеменности, должна будетъ въ свою очередь, послужить лишь началомъ къ дальнѣйшему и обширнѣйшему примѣненію того же направленія. За греко-болгарской борьбой, вполнѣ назрѣвшей и прорвавшейся, уже виднѣется спѣющая, другая борьба, совершенно того же свойства и на той же почвѣ, и церковной и государственной—греко-арабская и греко-сирійская. А рядомъ съ борьбою греко-арабскою и греко-сирійскою, не говоря о греко-болгарской, во всемъ разгарѣ идетъ борьба еще славяно-мадьярская, славяно-романская и славяно-германская, правда—уже въ другихъ государствахъ и съ меньшею примѣсью церковныхъ отношеній. Но эта разница не отнимаетъ ихъ тожества. И тамъ, и здѣсь, и вездѣ, борется все тоже и противъ того же, племена гнетомыя противъ пле-

Digitized by Google

менъ гнетущихъ, самосохраненіе противъ истребленія, подкрѣпляемаго гдѣ церковною, гдѣ государственною властью, гдѣ тою и другою вмѣстѣ. Выкинувъ знамя въ одномъ вопросѣ, невозможно будетъ опускать, а тѣмъ менѣе прямо попирать его же въ другихъ.

Не станемъ впрочемъ загадывать о дальнѣйшемъ. Достаточно повторить, что настоящее мгновеніе есть именно мгновеніе распутія, откуда предвидится обильное послѣдствіями будущее,—будущее, отличенное отъ минувшаго и современнаго именно тѣмъ, что основныя руководительныя начала политики выведены будутъ на полную чистоту, и русскіе интересы объявятся во всей существенной своей противоположности западноевропейскимъ. Еще нѣсколько усилій,—усилій къ мирному разрѣшенію настоящаго спора, къ сохраненію дѣлъ на востокѣ въ старомъ положеніи; но скоро тѣ же усилія покажутъ, что всякія усилія безуспѣшны; пора сдѣлокъ миновалась; вопросъ близится къ коренному рѣшенію....

Раскольничьи браки*).

Недавно, въ одной изъ руководящихъ статей „Голосъ“ указалъ на обстоятельство, что либеральныя улучшенія послѣдняго времени, частію совершенныя, частію чаемыя, заранѣе предначертывались въ расколѣ, въ видѣ требованій или желаній. Чуть не сказанъ выводъ, что раскольники принадлежатъ къ передовымъ людямъ государства. Съ послѣднимъ можно и не соглашаться. Совпаденіе, о которомъ говоритъ „Голосъ,“ доказываетъ скорѣе то лишь, что наша исторія шла не всегда переднимъ, но иногда попятнымъ ходомъ. Расколъ остается все-таки представителемъ старины, и притомъ неподвижной, и если въ немъ былъ и есть протестъ противъ прямого личнаго порабощенія, иль же противъ паспортовъ, подушныхъ, ревизіи, рекрутчины,

*) С. И. 8 декабря, № 338.

Digitized by Google

то это не его заслуга, а вина или ошибка исторіи. Но обстоятельство несомнѣнно: въ расколѣ дѣйствительно хранился и протестъ противъ учрежденій, стѣсняющихъ личную свободу. То же повторилось въ частности и по вопросу о бракѣ, что собственно и дало „Голосу“ поводъ высказать свои заключенія. Но здѣсь вышла причина иная Отколовшись отъ единства церковнаго, расколъ увидѣлъ часть своихъ гражданскихъ отношеній внѣ покровительства государственнаго, и именно существеннѣйшую ихъ часть, брачный союзъ. Съ этимъ соединена была потеря весьма важныхъ правъ, и главнѣе всего—правъ наслѣдованія. Естественно было расколу добиваться охраны этихъ правъ отъ государства. Но это не значило, чтобы въ расколѣ, какъ повидимому предполагаетъ „Голосъ,“ предносилось понятіе о гражданскомъ бракѣ. Нѣтъ, бракъ для тѣхъ сектъ, гдѣ онъ остался, былъ все-таки церковнымъ учрежденіемъ, и расколу нужно было, чтобы государство охранило его, какъ таковой. Вопросъ расколомъ ставился на сей разъ не о гражданскомъ бракѣ, а о свободѣ вѣры, и если копнуть поглубже, то даже не о свободѣ, а о преобладаніи своей вѣры. Стоитъ вообразить случай, когда бы расколу, той или другой сектѣ, дана была въ государствѣ полная власть въ руки; явился ли бы онъ примѣнителемъ широкой свободы вѣрованія? Скорѣе бы запылали фанатическіе костры, на какихъ сами они погибали въ XVIII вѣкѣ. Нетерпимость—отличительная черта старообрядства, вытекающая изъ самой его сущности.

Фактъ однако все-таки остается, что расколъ вынудилъ государство къ учрежденію чего-то въ родѣ гражданскаго брака, и именно въ примѣненіи собственно къ нему, собственно расколу старообрядства. Въ балтійскихъ провинціяхъ это уже было установлено; тамъ браки раскольниковъ издавна, кажется, записываются въ полицейскихъ книгахъ, и тѣмъ пріобрѣтаютъ законную силу. Теперь, по слухамъ, полагаютъ распространить подобную мѣру на всѣ мѣстности, населенныя раскольниками.

„Голосъ“ предвидитъ, по крайней мѣрѣ желаетъ этого,—что преднамѣреваемое узаконеніе послужитъ началомъ къ введенію

Digitized by Google

гражданскаго брака въ примѣненіи ко всѣмъ подданнымъ безъ различія. Предсказывать трудно; но съ желаніемъ нельзя не согласиться,—по крайней мѣрѣ отчасти. Мы были бы противъ безусловной постановки брака на гражданское основаніе, подобно какъ это сдѣлано въ большинствѣ католическихъ государствъ. Противъ мы были бы по двумъ причинамъ. Во первыхъ потому, что болѣе коренные вопросы объ отношеніи государства къ вѣрованіямъ и религіознымъ обществамъ у насъ еще не тронуты; не выяснивъ и не утвердивъ общихъ основаній, расшевеливать одну часть, положимъ очень существенную, но тѣсно связанную со всѣми остальными отношеніями,—это привело бы только къ путаницѣ. А во вторыхъ, мы не согласны признавать въ бракѣ только договоръ, ни въ немъ самомъ, въ его сущности, ни въ воззрѣніяхъ, которыми обязано къ нему государство; бракъ есть учрежденіе не гражданское, и государство не можетъ смотрѣть на него какъ на свое; понятія, которыя составило о немъ новоевропейское право, и теоретически невѣрны, и практически опасны. Но впрочемъ можетъ быть когда-нибудь еще разсмотримъ этотъ вопросъ особенно; теперь говоримъ не о томъ. Мы хотимъ сказать, что, не смотря на безвременность и даже несправедливость рѣшительной постановки брака на гражданское основаніе, узаконенія о бракѣ заслуживаютъ пересмотра, и именно въ этомъ направленіи. Государство не можетъ и не должно присвоить себѣ учрежденія, каково бракъ; но оно должно и не можетъ не озаботиться выясненіемъ гражданскихъ понятій о бракѣ: „что же оно такое есть, это учрежденіе для меня, для государства?“

Требуется опредѣленное понятіе и опредѣленное положеніе; того требуютъ, мы не говоримъ уже объ идеальныхъ всеобщихъ началахъ справедливости, прямыя выгоды государственныя и національныя.

Русскіе законы въ настоящее время отрицаютъ гражданскій бракъ и въ то же время признаютъ его. Они отрицаютъ его, потому что нигдѣ въ Сводѣ законовъ не найдемъ этого названія „гражданскій бракъ“; но тѣ же законы и признаютъ граж-

Digitized by Google

данскій бракъ, потому что не приписываютъ исключительной силы брачнымъ уставамъ того или другого исповѣданія. Они признаютъ бракъ христіанскій, и притомъ въ различныхъ видахъ, и рядомъ признаютъ бракъ магометанскій, еврейскій и языческій; за одними дозволяютъ разводъ болѣе легкій, за другими болѣе затруднительный; здѣсь дѣйствуетъ запретительно родство въ ближайшемъ колѣнѣ, тамъ въ отдаленнѣйшемъ; тутъ троебрачіе—послѣдній предѣлъ, тамъ нѣтъ предѣла; наконецъ необязательно даже единоженство; многоженство не лишается правъ называться бракомъ, лишь бы брачащіеся принадлежали къ магометанству и язычеству. Что же выходитъ?—Что государство повидимому отказывается принуждать къ церковнымъ воззрѣніямъ на бракъ, изъявляетъ готовность подкрѣпить своею силою всякое сожительство, довольствуясь пониманіемъ, которое предъявляютъ о бракѣ сами брачащіеся. Но въ тоже время, оно же дѣйствуетъ принудительно, потому что требуетъ, чтобы понятіе о бракѣ, съ какимъ предстаетъ предъ нимъ чета, скрѣплено и засвидѣтельствовано было непремѣнно должностнымъ лицомъ. Должностное лицо это—священникъ, муфтій, раввинъ, лама—вовсе не государственное лицо, но государство даетъ ему значеніе государственнаго органа, вынуждаясь именно этимъ своимъ воззрѣніемъ на бракъ, вмѣстѣ и либеральнымъ, и притѣснительнымъ. Оно либерально, но въ отношеніи только къ этимъ должностнымъ лицамъ,—членамъ собранной іерархіи разнообразныхъ исповѣданій; въ отношеніи къ нимъ держитъ оно себя почти даже служебно. И оно же—притѣснительно къ частнымъ лицамъ, къ самимъ субъектамъ брака, вынуждая ихъ для полученія гражданскихъ правъ прибѣгать къ этой іерархіи, не давая имъ правъ безъ ея посредства. Но воззрѣнія этой самой іерархіи, или точнѣе—этихъ іерархій на бракъ различны и даже противоположны, и потому государство въ концѣ повидимому все-таки либерально, ибо частное лицо можетъ обратиться не къ тому духовному нотаріусу, то къ другому. Но здѣсь-то и замычка. Предоставляя муллѣ или ламѣ или раввину разсуждать о сущности брака, каждому по своему, и

Digitized by Google

предлагая каждому пособіе своей принудительной силы, государство однако не соглашается, напримѣръ, чтобы мулла или раввинъ выдалъ свидѣтельство на бракъ христіанину, хотя христіанскому священнику не возбраняетъ свидѣтельствовать бракъ четы, родившейся въ магометанствѣ. Здѣсь государственное воззрѣніе на бракъ связывается съ религіознымъ принужденіемъ съ одной стороны; а съ другой даетъ предположить, что государство цѣнитъ исповѣданія, а съ ними и брачныя учрежденія не одинаково, а располагаетъ ихъ по извѣстной лѣстницѣ, предпочитая христіанство прочимъ вѣрованіямъ, и въ самомъ христіанствѣ православіе католичеству и протестантству. Казалось бы, что у государства, стало быть, есть свое понятіе о бракѣ, и что именно съ этимъ своимъ понятіемъ оно соображаетъ и свою терпимость и свою нетерпимость? Но первый же взглядъ разувѣритъ васъ въ этомъ: стоитъ сообразить, что даже многоженство имѣетъ права. Здѣсь руководствуетъ не понятіе, а случай. Весь означенный порядокъ обусловился исторически; одно механически наростало на другое; общаго руководственнаго взгляда не положено на бракъ въ смыслѣ гражданскаго учрежденія ни впереди, ни выведено изъ исторической практики послѣ. Въ этомъ-то смыслѣ и остается вѣрнымъ, что законы наши въ одно время и отрицаютъ гражданскій бракъ и признаютъ; признаютъ его отчасти на дѣлѣ; отрицаютъ въ теоріи, и притомъ отрицаютъ безотчетно, не формулируя ни признаній своихъ, ни отрицаній.

Но тѣмъ-то болѣе и обязано государство вывести себя изъ этихъ противорѣчій и опознаться; составить свой, государственный, точнѣе—гражданскій взглядъ на учрежденіе брака,—широкій или тѣсный, не о томъ рѣчь, — это будетъ зависѣть отъ основныхъ началъ, на которыхъ построится воззрѣніе,—но во всякомъ случаѣ не противный прямымъ выгодамъ государственнымъ и народнымъ, что зачастую теперь случается,—взглядъ, неподчиняющійся раболѣпно любому уставу любого изъ признанныхъ религіозныхъ обществъ. Государство нашло возможнымъ, не стѣсняясь ничьими уставами, назначить обязательный возрастъ для брачущихся, имѣя въ виду требованіе народной

Digitized by Google

физики. Точно также и на томъ же основаніи можетъ оно поставить свои предѣлы кровосмѣшенія, опять нестѣсненные уставами религіозными, болѣе широкіе, чѣмъ у однихъ религіозныхъ обществъ, болѣе тѣсные, чѣмъ у другихъ. Есть ли основаніе для государства замыкать право развода съ тою безпощадностью, какъ дѣлаетъ католицизмъ, и не вредно ли распускать наоборотъ тотъ же разводъ въ ту широту, какъ въ еврействѣ? Непремѣнно ли обязано государство присоединяться къ строгому воззрѣнію православной церкви на четвертый бракъ, или сочувствовать папамъ въ злостномъ преслѣдованіи женитьбы священниковъ? Послѣднее, между прочимъ, даетъ примѣръ, какъ подчиненіемъ себя извѣстному религіозному уставу государство прямо подрываетъ и свое и народное благо. Безженство для католическихъ священниковъ придумано, какъ средство держать ихъ тѣмъ крѣпче въ іерархическихъ рукахъ, и тѣмъ легче обращать ихъ въ орудіе противъ государственной власти. Въ нашемъ Западномъ краѣ и въ привислянскихъ губерніяхъ то же безженство служитъ вмѣстѣ и легкимъ орудіемъ мятежу; человѣкъ, несвязанный съ семьей, неприкрѣпленный къ почвѣ, незатянутый ни съ кѣмъ физически-родственными узами, да это есть рожденный миссіонеръ—чего? Смотря по обстоятельствамъ, фанатизма ли религіознаго, фанатизма ли политическаго.

Словомъ, необходимо законодательству опредѣлить, гдѣ духовный *грѣхъ* сходится съ мірскимъ *преступленіемъ*, и гдѣ они расходятся; необходимо государству освободить себя отъ убыточной обязанности лишать гражданина правъ за такія дѣянія, которыя (какъ напримѣръ тоже католическое безженство) доставляютъ прямую политическую выгоду. И наоборотъ, можетъ быть нашлись бы и такіе случаи (напримѣръ по кровосмѣшенію), гдѣ государство съ пользою для себя могло бы и повоздержать себя отъ услужливой готовности скрѣплять своими правами черезъ-чуръ легкое религіозное воззрѣніе. Наконецъ, и съ самимъ расколомъ развѣ можетъ правильно рѣшиться дѣло, безъ установленія предварительныхъ общихъ, основныхъ, твердыхъ гражданскихъ воззрѣній на бракъ? Поповецъ и поморецъ

Digitized by Google

признаютъ церковный бракъ; ѳедосѣевецъ считаетъ бракъ потеряннымъ на землѣ. Законъ, признавъ законнымъ сожительство четы поморцевъ, откажетъ ли въ правахъ наслѣдованія сыну ѳедосѣевца, на томъ основаніи, что онъ родился чрезъ сожительство, хотя и непрерывное и даже единобрачное, но не удостоенное въ религіозномъ словарѣ секты названіемъ брака? И однако поморецъ завтра же можетъ обратиться въ ѳедосѣевца? Въ виду этого, предприметъ ли законъ оградить себя отъ непослѣдовательности запрещеніемъ перехода изъ секты въ секту,—которое, разумѣется, окажется еще болѣе безсильнымъ, чѣмъ существующее запрещеніе мѣнять церковь на моленную?— Законъ, очевидно, долженъ себя поставить внѣ зависимости отъ разнообразія религіозныхъ вѣрованій и того разнообразія опредѣленій, которыя даются разными сектами въ сущности одному и тому же союзу, именуемому на языкѣ большинства бракомъ. Стало быть и для этого частнаго случая, какъ признаніе раскольничьихъ браковъ, должно быть все-таки выработано общее понятіе о бракѣ; должны быть найдены его юридическіе признаки и указаны предѣлы, до которыхъ законъ покровительствуетъ разнообразію частныхъ воззрѣній на этотъ союзъ, и далѣе которыхъ онъ отказывается слѣдовать за сектою или вѣрованіемъ, съ своими ли гражданскими правами, съ своими ли уголовными карами.

О греко-болгарской церковной распрѣ *).

Сегодня къ намъ пришли изъ Царьграда нѣкоторые документы по греко-болгарскому дѣлу, въ томъ числѣ самыя дѣянія собора (они вышли въ печать только 23 ноября),—и насъ беретъ жалость: до того шиты бѣлыми нитками и обсужденія соборныя и приговоръ. Сообщенія корреспондентовъ, которыми исключительно доселѣ пользовались мы въ изложеніи прискорбной распри, оказываются не только не преувеличен-

*) С. И. 16 декабря, № 346.

Digitized by Google

ными, но скорѣе смягченными. Обвинители собираются; выслушиваютъ отчетъ патріарха; читаютъ разсужденіе о филетизмѣ и изрекаютъ опредѣленіе, не выслушавши обвиняемыхъ и не отобравъ отъ нихъ показаній, дѣйствительно ли они даже присоединяются къ ученію, которое имъ вмѣняется. Дѣянія составлены (какъ и самый соборъ созванъ) для того, чтобы оформить заранѣе рѣшеное опредѣленіе: опредѣленіе ставится для того, чтобы добиться раздѣленія, признаваемаго нужнымъ,—конечно, не церковнымъ соображеніямъ и не для церковныхъ цѣлей. Доводы натянуты; изъясненія безсодержательны. Можно вѣрить, что самыя „дѣянія", какъ и говорили уже, подкрашены, не соотвѣтствуя даже тому, что происходило на засѣданіяхъ.

Не будемъ пока распространяться. Достаточно сказать, что если при первомъ извѣстіи мы признали доводы отъ филетизма обоюду острыми, то теперь, при чтеніи подлиннаго документа, мы находимъ, что они прямо обращаются противъ той стороны, которая ихъ изрекаетъ; мы ожидали болѣе благовидности, нежели встрѣтили.

Болгары обвиняются въ томъ, что желаютъ *національной* церкви; на это опредѣленіе *національной* болѣе всего налегается, и за это почти одно болгары предаются отлученію. Между тѣмъ распря и возникла изъ того, что наоборотъ греческая іерархія обращала болгарскихъ христіанъ въ грековъ; отказывала долгое время болгарамъ въ болгарскихъ архіереяхъ; пользовалась церковію для національныхъ цѣлей; усиливалась придать областной церкви національность,—но только греческую національность.

Епархіи должны дѣлиться, говорятъ, не по племенамъ, а по областямъ, и противное ставится въ вину болгарамъ. Но болгары и желаютъ особаго церковнаго управленія вовсе не для соплеменниковъ своихъ, обитающихъ въ какихъ бы ни было областяхъ, а для епархій болгарской области, какими бы племенами онѣ ни обитались.

Экзархатъ болгарскій учрежденъ султанскою властію и потому незаконенъ. А самъ константинопольскій патріархатъ

Digitized by Google

и его власть надъ епархіями неконстантинопольскими держатся тою же султанскою властью; та же султанская власть подчинила и болгаръ патріархату, прежде бывшихъ независимыми.

Болгарская іерархія отлучилась отъ патріархата самовольно, подчиняясь народному изволенію. А на то же народное изволеніе ссылается константинопольскій престолъ, почему онъ, отнявъ нѣкогда у болгарской церкви независимость, нарушилъ права болгарской іерархіи.

Повидимому константинопольскій престолъ возмущается смѣшеніемъ церкви съ государствомъ,—но только тамъ, гдѣ не выгодно для патріаршей власти. А самъ патріархатъ весь есть и былъ, отъ начала и доселѣ, твореніе государства. Безъ государства, при равноапостольномъ Константинѣ, онъ не попалъ бы и въ патріархатъ; но не обинуясь потомъ, уже въ имперіи мусульманской, онъ принялъ изъ рукъ же государственной власти права не только церковныя, но права народоправленія въ мірскомъ смыслѣ.

Тотъ же константинопольскій престолъ, гдѣ выгодно его власти, обращается къ понятіямъ о государственномъ единствѣ, чтобъ объяснить теорію церковнаго управленія. Но это, когда дѣло дошло до независимости болгаръ: она невозможна по единству государства. Теорія перевернулась противъ того, что было, когда искала независимости церковь эллинскаго королевства: тогда въ основаніе не принималась даже государственная самостоятельность—и даже христіанскаго государства отъ мусульманскаго.

Каноны приводятся и чествуются, но только тамъ, гдѣ даютъ благовидность притязаніямъ, и позабываются, гдѣ осуждаютъ притязательность, гдѣ вооружаются противъ властолюбія. Прежде чѣмъ по канонамъ осуждать часть паствы за желаніе самостоятельности, константинопольскій престолъ долженъ былъ поставить себя самаго подъ судъ тѣхъ же каноновъ за отказъ давать самостоятельность тѣмъ, кто ея проситъ.

Къ сожалѣнію, съ этой послѣдней точки зрѣнія доселѣ не было смотрѣно. Изъ снисхожденія къ вчерашнимъ историческимъ правамъ владычество патріархата признавали безспор-

Digitized by Google

нымъ, и при возникшей тяжбѣ, всю тяжесть пріискивать основанія, возлагали на болгаръ, признавая ихъ истцами, а престолъ, который ихъ держалъ за собой насильно, отвѣтчикомъ. Не слѣдуетъ ли прямо на-оборотъ? Въ царствѣ Христовой свободы обязанность оправдать свои дѣйствія соображеніями уважительными лежитъ не на ищущемъ свободы, а на удерживающемъ насильную власть. А тогда константинопольскій патріархатъ съ клевретами не только не правъ своимъ соборомъ, но виноватъ и прежде собора. Истинный соборъ долженъ судить властолюбіе, основанное на національныхъ притязаніяхъ и подпертое корыстолюбіемъ, а не ту мѣстную церковь, которая, оставаясь вѣрна православію, пусть лишь приблизитъ свое іерархическое устройство къ тому виду, въ какомъ пребывало оно и во всей вселенской церкви, въ ея первобытныя чистѣйшія времена, когда никакой епископъ еще не злоупотреблялъ названіемъ „вселенскій“.

Объ обязанности духовенства обучать народъ*).

Кто имѣетъ право заниматься народнымъ обученіемъ? Такъ вопросъ ставится въ Западной Европѣ, и духовенство отвѣчаетъ на него правительствамъ, которыя его отстраняютъ: какъ хотите, а мы имѣемъ право, не отнимайте его у насъ. Кто слѣдитъ за иностранными извѣстіями, тотъ знаетъ, что духовенство вопіетъ тщетно: оно оттирается повсюду, во Франціи, Италіи, Германіи, Швейцаріи, даже Англіи, гдѣ доселѣ образованіе было исключительно въ рукахъ клерикальныхъ.

„Духовенство обязано заниматься обученіемъ народа“: такъ разсуждаютъ у насъ, если только не вполнѣ безвѣрующіе и не вполнѣ отрицающіе нашу исторію и народныя предрасположенія. „Но намъ не до того, отвѣчаетъ у насъ духовенство: да притомъ заплатите намъ за это хорошенько, тогда мы посмотримъ, вѣдь это не наше дѣло“.

*) С. И. 20 декабря, № 350.

Digitized by Google

Результатъ, очевидно, сводится и здѣсь и тамъ къ одному и тому же, только по обратнымъ причинамъ. Тамъ просятся, но не пускаютъ, здѣсь предлагаютъ, но не хотятъ. Но тамъ и здѣсь обученіе, а слѣдовательно и всецѣлое общественное воспитаніе одинаково принимаетъ день ото дня все болѣе мірской характеръ, но не просто мірской съ отсутствіемъ церковныхъ началъ; простое отсутствіе, по закону исторической логики, должно непремѣнно переходить со временемъ въ борьбу, гдѣ есть противодѣйствіе, а не то въ презрѣніе и вражду. Во всякомъ случаѣ устраненіе духовенства отъ воспитанія есть только преддверіе безвѣрію. Не всѣ государства стоятъ на одинаковой ступени въ этой лѣстницѣ, но ходъ исторіи несомнѣненъ.

Духовенство Западной Европы понимаетъ это очень хорошо и потому бьется изо всѣхъ силъ, чтобы отстоять свое право. Мы не говоримъ, чтобы оно всегда было право въ своемъ правѣ, и тѣмъ менѣе утверждаемъ, чтобъ оно и пользовалось своимъ правомъ всегда безукоризнено. Мы хотимъ отмѣтить лишь обратность причинъ у одного и того же вліянія.

Сельское духовенство у насъ обременено многими дѣлами, которыя отнимаютъ у него лишнее время. Оно составляетъ статистическія таблицы, ведетъ оспенныя вѣдомости. Нельзя отрицать, что и занятіе хлѣбопашествомъ и самыя требы берутъ много свободнаго времени. Духовенство не возражаетъ, что ведетъ оспенныя вѣдомости, которыя не принадлежатъ къ его внутреннимъ обязанностямъ, а представляютъ одинъ изводъ бумаги и напрасную трату времени: кто же не знаетъ, что оспенныя вѣдомости просто сочиняются и никогда никакой дѣйствительности не изображаютъ. Дѣйствительно ихъ давно бы слѣдовало отмѣнить и должно удивляться, что ихъ доселѣ не отмѣнили. Духовенство не проситъ также, чтобъ его уволили отъ статистическихъ таблицъ, а это было бы тѣмъ основательнѣе, что участіе его въ составленіи статистическихъ свѣдѣній признано на статистическихъ конгрессахъ неудобнымъ даже для самой статистики. По настоящему слѣдовало бы освободить духовенство отъ веденія даже метрическихъ книгъ, о чемъ

Digitized by Google

равномѣрно уже заявлялось на статистическихъ конгрессахъ. Во всякомъ случаѣ, эта нотаріальная работа относится къ пастырскимъ обязанностямъ еще менѣе, чѣмъ учительство, къ отдѣленію котораго отъ пастырства находятъ основаніе со словъ Апостола. Но духовенство, говоримъ, не того проситъ. Повидимому, оно соглашается, что не только эти статистическія и нотаріальныя обязанности принадлежатъ званію, но берется даже за бухгалтерство, за составленіе счетныхъ церковныхъ книгъ, чего ему даже не предписывается; оно соглашается наконецъ прилагать къ дѣлу скудныя познанія въ медицинѣ и сельскомъ хозяйствѣ, пріобрѣтенныя въ семинаріи, чтобы дѣлиться ими съ крестьянскимъ людомъ. Лишь бы не учить въ школахъ и даже Закону Божію,—по крайней мѣрѣ задаромъ.

Съ историческимъ фактомъ спорить невозможно, а фактъ таковъ, что духовенство не причисляетъ народнаго учительства къ своимъ обязанностямъ. Минувшее десятилѣтіе доказало это разительно и дѣломъ и словомъ. Едва ли нужно прибавлять, что мы не находимъ ни самаго факта радостнымъ, ни толкованій духовенства основательными. Но еслибы они даже были основательны, и если бы на духовенствѣ существенно лежала дѣйствительно лишь обязанность пастырства въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, т. е. исправленіе требъ (такъ по крайнѣй мѣрѣ мы понимаемъ эту ссылку на поставляемое Апостоломъ различіе пастырей и учителей и апостоловъ): то слѣдовало бы вспомнить хоть одно, что при отсутствіи церковнаго обученія надобность въ самыхъ требахъ наконецъ изсякаетъ. Совершать-ли богослуженіе и таинства или молитвовать нужно только для вѣрующихъ; а вѣрующіе должны быть подготовлены ученіемъ. Прежде народъ не подготовлялся, потому что вообще ничему не учился, а теперь, когда онъ начинаетъ учиться, со стороны духовенства является неудовольствіе, что ему, духовенству, пастырямъ, предлагаютъ взять на себя подготовку народа быть пасомымъ. Ослѣпленіе прискорбное, даже удивительное. Что сказалъ бы, глядя на это, швейцарскій патеръ или нѣмецкій и англійскій пасторъ?—

Digitized by Google

1873 годъ.

О греко-болгарской церковной распрѣ *).

Подробности, сообщаемыя нынѣ о низложеніи блаженнаго Кирилла, патріарха іерусалимскаго, напоминаютъ снова о греко-болгарскомъ вопросѣ. Рады мы, что сужденіе свое на этотъ разъ можемъ отчасти замѣнить голосомъ корреспондента, откликнувшимся изъ Астрахани. Вообще полезны были бы, помимо этого астраханскаго, и еще голоса русскихъ православныхъ, голоса не іерархическіе только, но и мірскіе, сужденія не канонистовъ только, или политиковъ, или публицистовъ по профессіи, но просто православныхъ христіанъ, которые подвергли бы настоящій случай, волнующій весь востокъ, и грозящій перенести волненіе даже далѣе востока,—подвергли бы, говоримъ, настоящій случай суду христіанской совѣсти, оцѣнили бы его по чистому разуму евангельскому, для всякаго доступному; и чѣмъ болѣе бы раздалось голосовъ, тѣмъ лучше. Оцѣнка, ими высказанная, будетъ вѣрна, вѣрнѣе всякой другой, ибо только при чистомъ свѣтѣ евангельскаго разума могутъ быть понимаемы въ истинномъ смыслѣ и самые каноны церковные, и всѣ устроенныя на нихъ іерархическія отношенія. И безъ сомнѣнія, такіе голоса такихъ христіанъ, не облечен-

*) С. И. 7 января, № 6.

Digitized by Google

ныхъ іерархическою властію, не стѣсненныхъ условными политическими требованіями, раздавшіеся съ искреннимъ желаніемъ умиротворенія и съ силою истины, могли бы даже подѣйствовать на прекращеніе плачевнаго раздора, подѣйствовать еще можетъ быть сильнѣе, чѣмъ всѣ каноническія пререканія, іерархическія сношенія и дипломатическія усилія.

Не будемъ останавливаться на неточности корреспондента, предполагающаго, что на соборъ не были званы представители русской церкви. Дѣло въ томъ, что они были званы нѣсколько времени назадъ, но зовъ былъ отклоненъ. Тѣмъ не менѣе главный выводъ православнаго изъ Астрахани остается во всей силѣ. Поспѣшивъ составить соборъ безъ участія церквей, расположенныхъ внѣ Отоманской имперіи, и между тѣмъ, придавъ ему, и предметомъ обсужденій и качествомъ приговора, значеніе вселенскаго, восточные іерархіи, сами того не думая, дѣйствительно поставили себя подъ судъ церковный, превратили себя изъ судей въ подсудимыхъ. Если бы разсуждалось о простой дисциплинѣ, и притомъ въ предѣлахъ епархіальнаго управленія, мѣстный соборъ былъ бы въ своемъ правѣ. Но соборъ возвелъ фактъ въ вопросъ, и притомъ не дисциплины, а прямо догмата; онъ открылъ новое ученіе, наименовавъ его филетическимъ, и о немъ произнесъ сужденіе,—о предметѣ, исключительно принадлежащемъ суду вселенскому. Восхитивъ себѣ власть суда вселенскаго, соборъ простеръ съ тѣмъ вмѣстѣ и въ приговорѣ власть далѣе предѣловъ: онъ отлучаетъ не однихъ лицъ, непосредственно себѣ подвѣдомственныхъ іерархически, или тѣхъ, кто имъ подвѣдомственъ, но отлучаетъ всѣхъ, кто съ ними соглашается,—произноситъ отлученіе вселенское, и не по вопросу о послушаніи, а за мнѣніе.

Такова существенная точка зрѣнія, съ которой вселенская церковь прежде всего и можетъ смотрѣть на восточный раздоръ, отъ той минуты какъ Цареградскій соборъ дерзнулъ собраться и постановить свое извѣстное рѣшеніе. Вопросъ объ устройствѣ болгарской церкви отходитъ на второе мѣсто, тѣмъ болѣе что тамъ соборъ, какъ мы видѣли изъ обзора его дѣя-

Digitized by Google

ній, обходитъ мимо этотъ вопросъ. Подлежитъ обсужденію превышеніе власти, которое дозволилъ себѣ мѣстный соборъ въ своемъ сужденіи и приговорѣ, помимо уже того, что какъ сужденіе такъ и приговоръ лишены и евангельской, и канонической, и даже фактической основы.

Къ дѣлу игуменьи Митрофаніи*).

Чего такъ публика тѣснилась въ залу гражданскаго суда? Чему рукоплескала? Мы говоримъ объ искѣ игуменьи Митрофаніи съ наслѣдниковъ Солодовникова.

Публику очевидно занимала не юридическая сторона дѣла. Но помимо всего и эта сторона дѣла была въ высшей степени любопытна,—любопытна по новости, тонкости и сложности вопросовъ, которымъ по крайней мѣрѣ новѣйшая въ Россіи юридическая практика не представляетъ подобнаго. Съ одной стороны мы видимъ дареніе, но дареніе невыполненное, оставшееся на степени обязательства подарить. Съ другой—это дареніе имѣетъ видъ и коммерческаго порученія, хотя съ благотворительною цѣлію: Солодовниковъ представляется зачинателемъ Покровской общины, а игуменья Митрофанія—уполномоченною его по приведенію въ исполненіе этой благотворительной готовности. Повидимому сторона отвѣтчика находила противорѣчіе въ совмѣщеніи этихъ двухъ обличій иска (говоримъ *повидимому*, потому что референтъ, сообщившій описаніе дѣла, къ сожалѣнію, слабѣе развилъ доводы отвѣтчика, чѣмъ доводы истца; рѣчи гг. Арсеньева, Архипова и Рихтера переданы подробнѣе, а содержаніе рѣчей гг. Громницкаго и Плевако почти только упомянуто). Но мы не усматриваемъ этого противорѣчія. NN намѣренъ построить колокольню, учредить богадѣльню, раздѣлить имѣніе нищимъ, и выбралъ на то уполномоченнаго, облекши его безусловнымъ довѣріемъ: тутъ нѣтъ

*) С. И. 22 января, № 21.

Digitized by Google

ничего противорѣчащаго. Равномѣрно, не можемъ отказать въ основательности и тѣмъ соображеніямъ истца (игуменьи Митрофаніи), что дѣйствительность дара начинается не съ фактическаго перехода даримой вещи въ руки получающаго даръ, а съ рѣшимости дарителя; фактическій переходъ имущества служитъ уже послѣдствіемъ, примѣненіемъ рѣшимости. Тотъ же NN можетъ написать управляющему: купите моему доброму пріятелю къ именинамъ, долженствующимъ наступить черезъ недѣлю, хорошій фарфоровый сервизъ; даръ совершенъ, хотя сервизъ не только не перешелъ въ руки имениннику, но еще не купленъ. Не особенное возраженіе противъ правъ истца находимъ и въ томъ, что въ моментъ, когда выдавалось Солодовниковымъ обязательство предъ начальницей Покровской общины, самой этой Покровской общины юридически еще не существовало. Можно вообразить себѣ даръ подъ условіемъ, какъ бываютъ завѣщанія условныя; условіемъ къ осуществленію дара въ настоящемъ случаѣ было бы учрежденіе общины, пусть въ моментъ даренія ея и не существовало. Къ завѣщанію дареніе вообще ближе всего подходитъ, по добровольности акта и широтѣ свободы въ распоряженіи, но съ тѣмъ различіемъ, что у завѣщанія есть еще непремѣнный срокъ, ранѣе котораго оно не дѣйствуетъ,—смерть завѣщателя. Дареніе не связано и этимъ условіемъ, а слѣдовательно и самый срокъ, съ котораго оно начинаетъ дѣйствовать, остается также въ рукѣ дарителя. Хозяинъ съ прикащикомъ могутъ заключить договоръ, по которому прикащикъ съ извѣстнаго, заранѣе въ договорѣ назначеннаго срока, однако при жизни хозяина, вступаетъ во владѣніе его капиталами; и это будетъ, конечно, даръ, облеченный въ форму договора, какъ и слѣдуетъ, потому что для дѣйствительности даренія требуется не одна добрая воля выдать даръ, но и согласіе принять его; условность срока не измѣняетъ юридическаго существа сдѣлки.

Итакъ, съ этихъ общихъ соображеній сторона истца намъ кажется еще не безсильною. Игуменья Митрофанія могла быть и уполномоченною скопца Солодовникова по устроенію благо-

Digitized by Google

творительнаго заведенія, и вмѣстѣ это устроеніе, какъ благотворительное, не только могло быть, но не могло не быть дареніемъ; дареніе это могло ограничить заранѣе себя не только извѣстнымъ употребленіемъ даримыхъ суммъ, но и срокомъ, съ котораго должно начинаться фактическое отчужденіе имущества. Все въ волѣ дарителя. Но отсюда-то начинается развѣтвленіе; встаютъ одно за другимъ условія, для крѣпости дара, и существованіе каждаго изъ нихъ въ настоящемъ дѣлѣ по меньшей мѣрѣ спорно. Всѣ они сводятся къ вопросу: закрѣпилъ-ли однако жертвователь или даритель волю свою безповоротно? Чѣмъ болѣе предоставляется простора доброй волѣ дарителя, чтобъ совершить дареніе, условно или безусловно, сейчасъ или послѣ, съ названіемъ начальнаго срока или безъ назначенія, тѣмъ болѣе требуется отъ него нарочитыхъ удостовѣреній, что воля его дѣйствительно такова, и тѣмъ болѣе обязывается принимающій дареніе оградить дѣйствительность пріобрѣтенія. Нашъ законъ до такой степени расширяетъ нравственное значеніе дара, что даже по фактическомъ отчужденіи имущества признаетъ за дарителемъ право отнять обратно „при оказанномъ непочтеніи къ дарителю“. Тѣмъ крѣпче должно быть завязано совершеніе дара, а еще тѣмъ крѣпче должна быть утверждена простая рѣшимость на даръ; она должна удостовѣрить предъ закономъ заблаговременно не только свою подлинность, но и безповоротность. И завѣщаніе можетъ составляться, но можетъ и отмѣняться каждую минуту: не тѣмъ ли шире, по здравому смыслу, должно быть предоставлено дарителю право отреченія отъ намѣренія совершить даръ? И съ этой-то стороны сторона истца въ настоящемъ дѣлѣ (игумены Митрофаніи) и представляется слабою. Такъ ли Солодовниковъ связалъ себя, чтобъ лишить себя правъ отречься? Такъ ли закрѣпилъ права предназначавшагося получателя, чтобы оградить его всѣми предоставленными закономъ средствами укрѣпленія правъ? Да не спутывается ли въ частности этотъ даръ еще съ завѣщаніемъ, въ слѣдствіе неожиданно наступившей смерти дарителя? Какъ нарочно, все здѣсь вопросъ. NN,

Digitized by Google

написавшій управляющему о покупкѣ сервиза къ именинамъ пріятеля, умираетъ. Можетъ ли принудить наслѣдниковъ къ покупкѣ сервиза этотъ пріятель, да еще притомъ когда бы, по случайной ли забывчивости, по другимъ ли обстоятельствамъ, покойникъ-даритель управляющему-то и не сообщилъ о своемъ намѣреніи, а ограничился только перепиской съ самимъ же пріятелемъ, перепиской частнаго характера, хотя изложенной въ очень крѣпкихъ выраженіяхъ, въ родѣ „обязуясь“, или „уплачу неустойку“. А какъ на зло, въ одномъ изъ документовъ, представленныхъ истцомъ, Солодовниковъ прямо распорядился, чтобы представить на него взысканіе именно *послѣ смерти*, давая такимъ образомъ своей волѣ характеръ завѣщанія, но не закрѣпивъ этого характера требуемыми закономъ условіями. Кстати, мы не знаемъ, были ли всѣ эти обязательства Солодовникова предъявлены къ его наслѣдникамъ тотчасъ послѣ его смерти, при самомъ переходѣ имущества, или же явились спустя время; и потомъ одновременно ли съ завѣщаніемъ писаны они, прежде, или послѣ. Всѣ эти вопросы крайне усложняютъ дѣло и каждый изъ нихъ еще болѣе колеблетъ право истца.

Но публику, какъ мы уже сказали, безъ сомнѣнія занимала не эта юридическая сторона дѣла, хотя весьма любопытная, и не въ юридическомъ смыслѣ она рукоплескала рѣшенію. Ее занимали необыкновенность процесса: скопецъ является устроителемъ православнаго учрежденія, игуменья—его уполномоченною и вмѣстѣ противъ него истицею, а православные наслѣдники скопца—отвѣтчиками. Связывая обязательства Солодовникова съ обстоятельствами, предшествовавшими его смерти, публика, очевидно, сомнѣвается въ дѣйствительности его жертвы, по крайней мѣрѣ въ ея искренности; а съ другой стороны она поражается принудительностью мѣръ, къ которымъ прибѣгаетъ истецъ, чтобъ достигнуть выполненія жертвы „совершенной и благоугодной Господеви“. Публика, очевидно, возмущена нравственно, и изъ этого источника излилось ея одобреніе рѣшенію. Мы слышимъ этому доказательства не только отъ свидѣтелей процесса, но отъ далекихъ лицъ, присылающихъ намъ свои впечатлѣнія.

Digitized by Google

Дѣло игуменьи Митрофаніи*).

Исторія о подлогѣ векселей г. Попова, вмѣстѣ со слухами о томъ, что дѣло это имѣетъ какое-то отношеніе къ игуменьѣ Владычнаго монастыря, оказываются неосновательными. Мы очень рады объявить объ этомъ, основываясь на отзывѣ, который дала недавно сама мать игуменья въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ." Какъ объясняетъ мать Митрофанія, опроверженіе замедлено лишь отсутствіемъ г. Попова изъ Москвы; но съ возвращеніемъ его, истина возстановлена будетъ вполнѣ. Всѣмъ остается желать, чтобы это скорѣе случилось, и вмѣстѣ жалѣть, что столь важное разъясненіе, которое положитъ мигомъ конецъ всѣмъ неосновательнымъ толкамъ, задерживается столь ничтожнымъ обстоятельствомъ. Г. Поповъ или слишкомъ занятъ дѣлами, или же не читаетъ газетъ, и притомъ живетъ въ такомъ уединеніи, что не можетъ получить даже отъ постороннихъ лицъ свѣдѣнія о слухахъ, чрезвычайно важныхъ, которые его касаются. Слухи эти давно обѣжали печать, и московскую и петербургскую, успѣли взволновать достопочтенныхъ, ни въ чемъ не причастныхъ гг. Даніельсонъ и вызвать даже отъ нихъ объясненія. Одинъ только г. Поповъ хранитъ молчаніе, и уже мы просимъ теперь и его и всѣхъ тѣхъ, кто имѣетъ къ нему доступъ и кому попадутъ настоящія строки, чтобы убѣдить его въ необходимости подтвердить передъ публикою показанія матери игуменьи, чье имя несправедливо примѣшивается къ исторіи, какъ оказывается теперь, повидимому даже несуществовавшей.

Мать Митрофанія объявляетъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что она идетъ противъ насъ судомъ, именно противъ насъ, „Современныхъ Извѣстій", въ лицѣ ихъ издателя. Почему именно противъ насъ, мать игуменья не объясняетъ, почему не прямо намъ объявляетъ о неосновательности слуховъ, это также неизвѣстно. Слухи объ исторіи съ векселемъ иль векселями

*) С. И. 19 марта, № 76.

Digitized by Google

г. Попова и обо всей обстановкѣ не нами начаты, не нами кончены. Опроверженіе невѣрныхъ фактовъ, особенно у насъ сообщенныхъ, мы всегда принимаемъ съ готовностью; а когда дѣло касается, чтобъ снять съ кого несправедливую тѣнь подозрѣній, то помѣщаемъ съ радостью.

Но мы не входимъ въ соображенія, которыя не могутъ быть намъ извѣстными. Побужденія, руководившія достоуважаемою инокинею, могутъ оставаться при ней. Но нельзя умолчать, что имя ея все вновь и вновь выплываетъ въ печати, и при сочетаніяхъ все такихъ, которыя не могутъ не поражать. То сначала толковано о векселяхъ Солодовникова и сомнѣніяхъ, ими возбужденныхъ; тогда примѣшано было имя матери игуменьи, и какъ оказалось—основательно; мать игуменья дѣйствительно имѣетъ къ этимъ векселямъ отношеніе, хотя не рѣшено, основательно ли противъ нихъ подозрѣніе. То заговорили о векселѣ или векселяхъ г. Попова, и опять съ именемъ матери игуменьи Митрофаніи. Это оказывается совсѣмъ ложнымъ, какъ объясняетъ она. А сейчасъ въ Судебномъ Вѣстникѣ и еще вексель, отъ имени петербургскаго купца Лебедева, и опять съ присоединеніемъ къ нимъ того же иноческаго имени. Наконецъ, въ нашихъ рукахъ имѣется заявленіе г. Иванова, повѣреннаго г-жи Медынцевой, гдѣ говорится опять о векселяхъ, именно векселяхъ г-жи Медынцевой и гдѣ снова примѣшивается имя матери Митрофаніи. Мы готовы думать, не миѳъ ли все это? Не тѣ же ли все это векселя Солодовникова? Не распространяются ли они и не раскрашиваются ли молвой, придумывающею новыя подробности и переиначивающею имена? Такъ и создаются миѳы, мы знаемъ по исторіи.

Судебный Вѣстникъ, сообщая, что игуменья по векселямъ Лебедева привлечена къ слѣдствію, передаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что она отказалась отвѣчать на вопросъ слѣдователя, указывая на § 24 Устава общинъ, которыхъ она состоитъ начальницею. Тамъ сказано: „никакое слѣдствіе, касающееся до лицъ, служащихъ при общинахъ, не можетъ быть производимо безъ депутата съ ихъ стороны“. Здѣсь замѣчательно то, что

Digitized by Google

новымъ уставомъ уголовнаго судопроизводства отмѣнены депутаты при слѣдствіи: это есть одно изъ основныхъ положеній судебной реформы, и между тѣмъ въ уставъ общинъ внесена статья, прямо нарушающая это положеніе,—внесена не одновременно, не прежде судебной реформы, а послѣ ея, не далѣе какъ въ 1872 году. Утвержденіе устава общинъ съ этой дисгармонической статьей, нарушающей общій порядокъ судопроизводства, понятно. Уставъ общинъ шелъ на высочайшее утвержденіе не законодательнымъ порядкомъ, а по докладу г. оберъ-прокурора святѣйшаго синода. Но удивительна заботливость о внесеніи этой статьи, обнаруженная составителями проекта устава, непонятны побужденія, руководившія къ этому усиленному огражденію членовъ общинъ отъ уголовнаго преслѣдованія; необыкновенна предусмотрительность, направленная къ столь мало вѣроятному случаю.

Дѣло игуменьи Митрофаніи*).

Ниже читатели найдутъ сообщеніе, что, не смотря на опроверженіе, высказанное противъ насъ на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“ самою матерью-игуменьею Митрофаніею, не только предположеніе прокуратуры объ ея арестѣ, нами сообщенное, оказалось достовѣрнымъ, но самый арестъ сталъ совершившимся фактомъ. Новость объ этомъ, какъ водится, обѣжала всю Москву, и какъ слѣдовало ожидать—съ разными прибавленіями и видоизмѣненіями. Мы не станемъ передавать всего говора, до насъ дошедшаго, но не можемъ не отвѣтить на одно недоумѣніе, которое и предъ нами нѣкоторые выражали. Если дѣло дошло до неизбѣжности ареста, то прикосновенность матери-игуменьи, очевидно, оказывается на столько существенною, что нельзя отрицать возможности появленія духовной особы, и притомъ столь извѣстной и почтенной, даже на скамьѣ подсудимыхъ. Такъ говорятъ нѣкоторые

*) С. И. 23 марта, № 80.

Digitized by Google

и спрашиваютъ: какъ примутъ такое событіе духовныя власти, и не роняетъ ли оно достоинства духовныхъ лицъ вообще? Между прочимъ подобное же недоразумѣніе выражала и сама матерь игуменья, именно когда въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ возвысила она голосъ противъ насъ. Она находила, что слухъ, нами сообщенный (ставшій теперь достовѣрнымъ фактомъ), способенъ поколебать уваженіе, подобающее духовнымъ властямъ.

Отвѣчаемъ.

Прежде всего мы желаемъ, чтобы подозрѣнія, возбудившіяся противъ матери игуменьи, оказались неосновательными и чтобы она вышла совсѣмъ чиста изъ ниспосланнаго ей испытанія. Но еслибъ оказалось и не такъ? Отъ единицы развѣ кто будетъ заключать о всемъ соборномъ множествѣ монашескаго чина или церковнаго клира? Напротивъ, роняется тогда достоинство цѣлаго учрежденія, сословія, общества, когда за одного, оказавшагося недостойнымъ, встаютъ прочіе; когда въ нареканіи противъ одного, хотя бы справедливомъ, видятъ посягательство на общее; когда прикрываютъ изъ-за этого неловкости, оплошности, злоупотребленія и даже цѣлыя преступленія подвѣдомственныхъ лицъ. На условномъ языкѣ превратной общественной логики это называется „поддерживать принципъ“. Чаще всего это примѣняется къ власти, и поэтому съ „поддержаніемъ принципа власти“ можемъ встрѣчаться на каждомъ шагу. Бываютъ начальства, которыя поддержатъ безобразнаго, безчиннаго будочника, хотя намылятъ ему голову наединѣ. Горестное и опасное заблужденіе! Младенчество общества! И власть, и всякое общественное учрежденіе, наоборотъ, именно тѣмъ крѣпче поддержитъ къ себѣ уваженіе, чѣмъ откровеннѣе будетъ умывать руки въ глупостяхъ и порокахъ единицъ. Тѣмъ крѣпче и бываетъ общество, тѣмъ возмужалѣе все его устройство, чѣмъ строже личная каждаго отвѣтственность, и чѣмъ она опредѣленнѣе, можно сказать—чѣмъ она ограниченнѣе: каждый отвѣчаетъ за себя и всѣ предъ закономъ и нравственнымъ судомъ общества,—вотъ идеалъ устройства, при которомъ все твердо, чисто и безопасно. Припоми-

Digitized by Google

наемъ давно уже бывшее извѣстіе о засѣченномъ мальчикѣ въ Троицкой лаврѣ. Кладетъ ли оно сколько-нибудь пятна на лавру, которая оказываетъ столько добра своими благотворительными учрежденіями?—Нисколько; люди не ангелы, и монахи тоже, хотя чинъ ихъ и причисляется къ равноангельнымъ. Но замни это дѣло лавра; средства замять могутъ найтись. Нравственнаго убѣжденія въ обществѣ она этимъ не измѣнитъ; общество останется съ своимъ мнѣніемъ о фактѣ, и тогда-то вину факта перенесетъ уже на все учрежденіе. Сужду тебя отъ своихъ словъ, скажетъ тогда общественный голосъ лаврѣ иль всякому другому въ подобномъ положеніи (лавра только для примѣра): ты прикрываешь его, ты признаешь его невиннымъ, ты сопричисляешь его къ себѣ, объявляешь свое нравственное соучастіе: да будетъ такъ, и мой приговоръ будетъ, по твоему слову и желанію, приговоромъ и о тебѣ.—Тоже и по дѣлу матери Митрофаніи, тоже по каждому подобному дѣлу; тоже и по неумѣренному поддержанію принципа власти въ лицѣ какого нибудь будочника.

Итакъ, уваженіе къ духовной власти и къ монашескому чину нисколько не поколеблется, чѣмъ бы ни окончилось испытаніе матери игуменьи Митрофаніи. А какъ намѣрены поступить, въ виду ея дѣла, церковныя власти, это покажутъ послѣдствія. Изъ Петербурга пишутъ, что будто бы игуменья просила зданіе Покровской общины заложить въ кредитное учрежденіе для уплаты долговъ, но что, повидимому, надѣются обойтись безъ этой мѣры. Дѣйствительно, хотя залогъ дома синодальной типографіи, произведенный для г. Пороховщикова, и представляетъ готовый примѣръ, которымъ можно воспользоваться, или какъ выражаются на политическомъ языкѣ—готовый прецедентъ: но есть маленькая и разница,—въ домѣ синодальной типографіи нѣтъ церкви. А чтобы отдавать въ залогъ даже церковь (слѣдовательно, пускать ее на опасность быть проданною съ аукціона), на это если и хватало чьего-нибудь остроумія, то едва ли у кого хватитъ духа, хотя бы даже послѣ прецедента, доставленнаго синодальною типографіею.

Digitized by Google

Общество для распространенія св. писанія*).

По примѣру прошлаго года, передаемъ и нынѣ почти въ полномъ составѣ отчетъ нашего Библейскаго Общества (называемъ такъ для краткости Общество для распространенія святаго писанія). Среди грязи, отовсюду источаемой нашею внутреннею жизнію, среди общаго нравственнаго зловонія, среди неурядицъ и болѣзней, которыми кишитъ наша земля, согрѣваешься душею, успокоиваешься, и какъ будто возрождается даже надежда при видѣ апостольскаго служенія, предпринятаго Обществомъ, и при видѣ его успѣховъ, сравнительно невеликихъ по количеству, но громадныхъ при тѣхъ бѣдныхъ средствахъ, которыми ограничено Общество, и тѣмъ болѣе важныхъ по тому показанію, которое ими дается о нравственной пріимчивости народа. Стало быть есть же почва для нравственнаго сѣянія, почва готовая, нѣтъ—жаждущая воспринять доброе наитіе, и если развращеніе, огрубѣніе, пороки и преступленія текутъ и разливаются широкой рѣкой, то не потому чтобы въ природѣ русской залегли зло и необузданность, а за недостаткомъ добрыхъ вліяній слова и примѣра,—вліяній, которыя вооружены были бы не одною властью, но согрѣты были любовью.

Впрочемъ „на ловца и звѣрь бѣжитъ“, по пословицѣ. Мы увѣренны, что достоуважаемые члены Общества не оскорбятся этимъ сравненіемъ, которое, хотя взято изъ пословицы, но вмѣстѣ заимствовано и изъ Евангелія. Нельзя не удивляться въ самомъ дѣлѣ: да откуда же берутся эти люди и гдѣ они, что съ плачемъ и поцѣлуями берутъ священную книгу; что бросаются вплавь за нею, какъ бы не уплыла она съ своимъ книгоношею; что встрѣчаютъ и провожаютъ толпами, привѣтствуя и пришествіе и отшествіе носителя книги; что велятъ съ собой книгу положить во гробъ, при ожидаемой, естественно близкой, кончинѣ послѣ девяностолѣтней жизни? Гдѣ же эти люди? А кажется они между насъ же. Давно, лѣтъ 17 назадъ,

*) С. И. 3 мая, № 119.

Digitized by Google

по другому случаю, намъ удалось указать на эту замѣчательность, исполненную психической истины: какъ часто другой нравственный міръ живетъ среди и прямо подъ образомъ того же, будничнаго, знакомаго намъ, но только подъ другими чертами, міра. Тѣ же лица, но они не тѣ. Вы съ ними сходились, вели дѣла, и вамъ не открывалась сторона, которая вдругъ разступилась предъ другими вліяніями, при другихъ сношеніяхъ. Мы проѣдемъ на лодкѣ отъ Твери до Нижняго и отъ Нижняго до Касимова, и съ тѣми же книгами пожалуй, и намъ будутъ бить въ глаза черты, слова, дѣйствія, совсѣмъ обратныя тѣмъ, которыя подмѣчены и встрѣчены достопочтеннымъ членомъ Библейскаго Общества. Въ мірѣ нравственномъ, какъ и матеріальномъ, дѣйствуетъ свой законъ сродства; отзывается лишь то и тѣмъ, что созвучно настроено.

Но если замѣчательный по глубинѣ успѣхъ Общества способенъ радовать, то не безъ печали читаешь о скудости его средствъ, и тѣмъ съ большею печалью—о трудностяхъ, которыми обставлены его апостольскіе подвиги, и обставлены оттуда, откуда по здравому смыслу должна идти положительная помощь, нескончаемая благодарность; отъ тѣхъ, кто призванъ и обязанъ служить тому дѣлу, на которое члены Общества подъяли трудъ добровольно, подвергая себя жертвамъ и лишеніямъ. Сказать проще: Общество для распространенія книгъ св. писанія устроилось, чтобъ распространять книги, изданныя святѣйшимъ синодомъ и печатанныя духовнымъ вѣдомствомъ, издаваемыя и печатаемыя съ тѣмъ, безъ сомнѣнія, чтобъ онѣ распространялись. Общество не беретъ себѣ вознагражденія за посредничество, напротивъ обрекаетъ себя лишеніямъ; оно распространяетъ чужія изданія себѣ въ убытокъ, и жалѣетъ лишь объ одномъ, что не въ силахъ принять еще больше убытковъ матеріально, лишь бы достиглась цѣль нравственная, лишь бы распространились и нашли читателей книги, которыя по прочтеніи несомнѣнно принесутъ свой благой плодъ. Итакъ, что же? Не здравый ли смыслъ подсказываетъ вамъ: а, какъ радъ книгопродавецъ, что нашелъ столь безкорыстнаго, да еще столь

Digitized by Google

ретиваго прикащика! Этого добровольнаго прикащика трогаетъ содержаніе и цѣль книги; онъ за нихъ и для нихъ готовъ служить; онъ все свое готовъ отдать и отдаетъ, лишь бы достигнуть радости—видѣть повторенными въ другомъ собственныя впечатлѣнія отъ чтимаго.

Книгопродавецъ-купецъ навѣрное приголубитъ нежданно ниспосланнаго прикащика; потирая руки отъ удовольствія о предстоящемъ увеличеніи сбыта, онъ можетъ и съ улыбкою смотрѣть на энтузіаста, который видитъ въ этомъ нѣчто высшее барышей и цѣнитъ душу дороже рублей. Можетъ быть купецъ въ ариѳметической мудрости и посмѣется надъ „простакомъ“, но все таки приголубитъ: значитъ, разсчетъ. Но духовное вѣдомство не есть даже купецъ-барышникъ. Слово Божіе для него не товаръ; весь духовный чинъ есть служитель слова Божія, а не торговецъ имъ; распространить слово Божіе устно, письменно, печатно, словомъ и примѣромъ, въ этомъ и есть его обязанность. Его цѣли съ Библейскимъ Обществомъ сходятся, и лишь та между ними разница, что одни призваны служить дѣлу, на которое другіе обрекаютъ себя добровольно, и послѣдніе готовы пособить дѣлу даже своими средствами, къ чему первые юридически не обязываются.

Предшествующія размышленія имѣютъ цѣлію сказать, что необыкновенно страннымъ представляется читать и слышать, что Общество стѣсняется между прочимъ въ самомъ пріобрѣтеніи книгъ. Какъ, развѣ не весь запасъ всѣхъ синодально-библейскихъ книгъ къ его услугамъ,—въ его рукахъ, готовы были бы мы сказать?—Нѣтъ, не только не весь, но Общество въ пріобрѣтеніи тѣхъ книгъ, которыми оно единственно торгуетъ, не пользуется отъ того оптоваго продавца, у котораго оно единственно забираетъ, даже тѣми льготами, которыя охотно оказываетъ всякій давалецъ дюжинному покупателю: покупки книгъ, продаваемыхъ имъ съ ущербомъ для себя, изъ одного содѣйствія ихъ распространенію, совершаются или на наличныя, или въ кредитъ, но на короткій срокъ; и не только не получаетъ онъ коммиссіонныхъ процентовъ, которыя отчисляетъ всякій изда-

Digitized by Google

тель любому книгопродавцу и любой книгопродавецъ всякому ходебщику, но на собственный свой счетъ открываетъ даже складъ тѣхъ книгъ, при продажѣ которыхъ береть на себя убытки.

Аномалія неслыханная, диковинная! Но можетъ быть духовное вѣдомство находитъ сомнѣніе распускать слишкомъ широко кредитныя основанія своей продажи, опасается потери?—Оставляя въ сторонѣ вопросъ, что при цѣляхъ изданія священныхъ книгъ, относительныя потери, и именно духовнымъ вѣдомствомъ, могутъ быть оставляемы и безъ вниманія, если только изданіе книгъ достигаетъ своего назначенія, и онѣ читаются, питая душу, а не идутъ на оклейку; оставляя эти соображенія, въ настоящемъ случаѣ повидимому непримѣнимыя, и оставаясь на коммерческой почвѣ, не въ правѣ ли спросить каждый: а всѣ продавцы, которые продаютъ книги въ собственныхъ складахъ духовнаго вѣдомства, тѣ наемные чиновники и служители, которые заправляютъ книгопродавческимъ дѣломъ духовнаго вѣдомства,—чѣмъ противъ нихъ застрахованъ отъ потерь хозяинъ-продавецъ, святѣйшій синодъ? Здѣсь не можетъ быть и сравненія.

Досужливое воображеніе можетъ придумать и еще основанія, пожалуй, окрасить ихъ соображеніями кажущагося нравственнаго свойства. Дѣйствительно, какъ видно и изъ настоящаго отчета, одинъ изъ членовъ Общества и даже книгоношъ—лютеранинъ. Не здѣсь ли основаніе холодности духовнаго вѣдомства, которую смѣемъ назвать непостижимою?—Но опасенія, которыя могли бы возникнуть отсюда (и которыя во всякомъ случаѣ намъ кажутся въ настоящемъ случаѣ неосновательными), вызвали бы другого рода предосторожности. Не все ли равно, не перебываетъ ли русская Библія и безъ того въ рукахъ лютеранина, раскольника, молоканина? Не имѣетъ ли полныя средства каждый положить ее въ основаніе своей противуцерковной проповѣди, не записываясь въ Общество, напротивъ, даже прямо—остерегаясь брать видную дѣятельность? Но тогда послѣдовательность велитъ принять уже католическій принципъ—запретить чтеніе Библіи совсѣмъ.

Digitized by Google

Нѣтъ, мы находимъ причину гораздо проще и гораздо вѣрнѣе—въ отсутствіи всякой причины. Дѣятельность почтеннаго Общества такъ нова, такъ неслыханна! Миссіонерство о распространеніи Слова Божія,—да, миссіонерство, дѣйствующее не по предписанію за №, не облеченное ни мундиромъ ни рясою, не получающее жалованья и не ищущее орденовъ, не запасающееся оффиціальнымъ покровительствомъ, а уповающее на помощь Божію, на силу самого дѣла и на искренность собственнаго служенія; миссіонерство,—отправляющееся притомъ не съ цѣлію колебать господствующую вѣру, а напротивъ ее распространить, углубить, освѣтлить,—такого рода миссіонерство бывалое ли дѣло, вмѣстимо ли понятіе о немъ? А тамъ, по заведенному изстари обычаю, книги печатаются по предписаніямъ, продаются по указнымъ цѣнамъ и согласно составленнымъ правиламъ. Синодальныя типографіи къ томужъ состоятъ въ вѣдомствѣ *хозяйственнаго* управленія св. синода, слѣдовательно, признаются коммерческимъ заведеніемъ: обязанность охраненія народа отъ лжеученій блюденіемъ за правильностію текста отожествилась съ торговою монополіею, а Библія получила смыслъ оброчной статьи. Такимъ образомъ стали возможными рядомъ два такіе случая: желѣзныя дороги, предпріятія коммерческія, и даже тѣ изъ нихъ, которыя слывутъ въ народѣ подъ именемъ еврейскихъ (по преобладающему числу главныхъ хозяевъ), даютъ безплатный провозъ книгамъ христіанско-библейскаго Общества, и даровой проѣздъ его членамъ; а синодальныя типографіи берутъ съ него за книги, какъ съ обыкновеннаго покупателя. Представимъ себѣ: если бы случилось, что кто нибудь, ввозомъ Библіи хотя бы англійскаго изданія, съ пожертвованіемъ собственныхъ тысячъ, и что еще болѣе—съ пожертвованіемъ собственнаго труда и физическаго и душевнаго, обратилъ бы въ христіанство и прямо къ православію сотни тысячъ язычниковъ и магометанъ,—онъ конечно пострадалъ бы, что ввезъ запрещенную книгу (хотя она была бы буквальнымъ воспроизведеніемъ узаконеннаго текста). Да сверхъ того могъ бы законно быть предъявленъ ему гражданскій искъ

Digitized by Google

по убыткамъ, и предъявленъ именно духовнымъ вѣдомствомъ въ силу его монополіи. Нескладно, но такъ выходитъ.

Пусть такъ. Обществу во всякомъ случаѣ мы можемъ обратить отъ имени всего общества и народа русскаго только глубокую благодарность за его подвиги и жертвы, и—просьбу не покидать дѣла, не измѣнять направленія, но продолжать съ настойчивостью святое служеніе любви къ спящимъ во мракѣ и коснѣющимъ въ грубости. Не смущайтесь трудностями, не тоскуйте о малочисленности. Вспомните *малое стадо*. Оно будетъ велико, и чѣмъ менѣе будетъ подпоръ внѣшней силы, тѣмъ глубже и шире пройдетъ внутреннее дѣйствіе. Священная цѣль будетъ достигнута, а затѣмъ сами собой явятся и внѣшнія средства, можетъ быть въ изобиліи, о которомъ мы не мечтаемъ. И лондонское Библейское Общество въ началѣ было не тѣмъ матеріальнымъ колоссомъ, какимъ оно есть.

Дѣло игуменьи Митрофаніи*).

Слухи о матери Митрофаніи, ходившіе сначала въ видѣ однихъ подозрѣній, получаютъ теперь лишнюю степень достовѣрности. Предварительное слѣдствіе по ея дѣлу съ векселями Лебедева, говорятъ, кончено и результаты переданы прокурорскому надзору. Слѣдовательно, улики въ совершеніи преступленія найдены слишкомъ сильными. Конечно, еще прежде окружного суда стоитъ на дорогѣ обвинительная власть въ лицѣ судебной палаты, которая должна постановить рѣшеніе и которая можетъ найти подозрѣнія, найденныя слѣдствіемъ, недостаточными къ тому, чтобы обратить игуменью прямо въ число обвиняемыхъ. Но судя по тому, что передаетъ „Голосъ“ объ этомъ дѣлѣ, и какъ передаетъ, можно заключать, что улики принадлежатъ по своей силѣ къ таковымъ, которыя не допускаютъ избавленія отъ суда. „Голосъ“ разсказываетъ о юри-

*) С. И. 8 мая, № 124.

Digitized by Google

дическихъ толкованіяхъ, которыя придаются поступку матери Митрофаніи. Юридическій міръ, который занялся этими толкованіями и который раздѣлился по этому случаю на два мнѣнія, очевидно, не сомнѣвается въ подлинности поступка, разноглася лишь въ оцѣнкѣ. А это много значитъ.

Нечего говорить, что должно быть отнесено къ крайне страннымъ, совершенно неюридическимъ, мнѣніе, будто подлогъ векселей есть дѣло гражданское, а по уголовному значенію долженъ быть причисленъ къ преступленіямъ противъ должности. Будетъ любопытно, если какой-нибудь юристъ возьмется на судѣ защищать эти положенія, и мы дивимся, что „Голосъ“ посвятилъ ихъ разбору серьезную статью. Насъ занимаетъ другая возможность, о которой не разъ спрашивали насъ читатели, „а какъ будутъ судить игуменью, въ монашескомъ образѣ и въ игуменскомъ санѣ, или лишенную оныхъ?“ Но доселѣ было преждевременно удовлетворять этому любопытству.

Вопросъ допускаетъ юридическое и духовное рѣшеніе, которыя могутъ не сходиться. Юридически подсудимый сохраняетъ права состоянія до той минуты, пока будетъ произнесенъ обвинительный приговоръ. Такимъ образомъ, игуменья Митрофанія, если доведена будетъ предстать предъ судомъ, предстанетъ не только въ своемъ иноческомъ образѣ и въ своемъ санѣ, но и съ своими знаками отличія, если таковые имѣетъ. То и другое и третье суть принадлежности правъ состоянія, признанныхъ закономъ и упроченныхъ гражданину, если не состоялось рѣшенія суда въ отрицательномъ смыслѣ. Тогда послѣдуетъ и снятіе сана, и не можетъ не послѣдовать. Ни игуменьей признаннаго государствомъ монастыря, ни инокиней признаннаго государствомъ общежитія, ни тѣмъ менѣе обладательницею какихъ-либо гражданскихъ знаковъ отличія, преступница быть не можетъ.

Но судъ гражданской власти судитъ внѣшнее дѣяніе, и притомъ по кодексу государственному. Судъ духовный идетъ глубже: онъ имѣетъ въ виду *грѣхъ*, нарушеніе нравственнаго закона и въ частности христіанскаго, а не *проступокъ* или

Digitized by Google

преступленіе. Бываютъ случаи, что дѣянія, причисляемыя къ преступленіямъ, а тѣмъ болѣе къ проступкамъ съ точки зрѣнія государственнаго закона, не относятся къ преступленіямъ въ нравственномъ, христіанскомъ смыслѣ. Древній христіанскій мученикъ въ глазахъ Римской имперіи былъ преступникъ, и преторъ, осуждая его на казнь, поступалъ съ законною справеливостью: но церковь чествуетъ исповѣдничество святаго мученика, и призываетъ его въ своихъ молитвахъ. Равные случаи могутъ повторяться и теперь въ государствахъ нехристіанскихъ. Даже въ христіанскихъ государствахъ,—епископъ-ослушникъ въ Пруссіи не сочтенъ будетъ отъ папы за грѣшника. А затѣмъ, внѣшній судъ судитъ не только внѣшнее дѣяніе, но и по внѣшнимъ признакамъ. Развѣ не можетъ быть осужденъ правый? Но предъ церковью вмѣсто прокурора служитъ совѣсть обвиняемаго и вмѣсто предварительнаго и судебнаго слѣдствія добровольное исповѣданіе грѣховъ. Не противясь государственному установленію, церковь можетъ въ данныхъ случаяхъ благословить и того, кто изверженъ изъ нѣдръ мірского общества, благословить не только его, но и его дѣяніе, увлекшее его на казнь, можетъ быть по несправедливому обвиненію.

Но чаще могутъ быть случаи обратнаго рода. Много грѣховъ, которые не принадлежатъ къ юридическимъ проступкамъ и не влекутъ внѣшняго наказанія; много проступковъ, которые остаются безнаказанными, за недостаткомъ уликъ, но которые требуютъ очищенія духовнымъ судомъ, на основаніи ли исповѣди кающагося, или въ силу соблазна, производимаго нераскаяннымъ. Итакъ, можетъ восторжествовать злодѣй на судѣ, но духовный отецъ не замедлитъ наложить на него эпитимію, выслушавъ его исповѣдь. А еслибы къ несчастію оказалось таковымъ лицо священнаго чина, то епископъ или соборъ епископовъ изречетъ: достоитъ ли таковому дозволить продолжать соблазнъ въ церкви Божіей на единственномъ основаніи внѣшняго, судебнаго оправданія? Приложимъ эти правила къ настоящему случаю. Находитъ ли духовный судъ игуменью Митрофанію достаточно уже произведшею соблазна и затѣмъ недо-

Digitized by Google

стойною носить священный чинъ, или же признаетъ ее мученицею, неправедно поносимою? (Не смѣемъ допускать предположенія, чтобы духовный судъ благословлялъ самый обманъ, какъ обманъ!) Найдетъ ли нужнымъ и достаточно для себя удовлетворительнымъ приговоръ свѣтскаго суда, и потому будетъ ждать, чѣмъ кончится обвиненіе, чтобъ поступить согласно приговору присяжныхъ, или предваритъ этотъ приговоръ своимъ приговоромъ и низложитъ игуменью, не дожидаясь приведенія ея на скамью подсудимыхъ и спасая по крайней мѣрѣ санъ отъ безчестія?— Это будетъ зависѣтъ отъ того, какъ посмотритъ духовный судъ. Покойный митрополитъ Филаретъ запрещалъ священнослуженіе по однимъ подозрѣніямъ, возведеннымъ на священнослужителя. Хотя это и возбуждало иногда ропотъ въ подвергавшихся незаслуженному повидимому взысканію: но архипастырь разсуждалъ, что уже нареканіе въ людяхъ есть пятно для пастыря, требующее очищенія, и что если язычникъ-Цезарь не допускалъ, чтобъ жена его была подозрѣваема, то тѣмъ паче служителю Божію должно блюсти отъ подозрѣній чистоту непорочнаго служенія. Но могутъ быть взгляды, болѣе терпящіе и менѣе требовательные къ священному сану.

Итакъ, дѣло покажетъ и то, явится ли игуменья Митрофанія на скамьѣ подсудимыхъ, а равно и то, предстанетъ ли на него игуменьей и инокиней, или простою мірянкой.

Къ вопросу о духовно-судебной реформѣ *).

Мы должны помѣтить одну опечатку, вкравшуюся во вчерашній №. Казалось бы, не въ статьѣ, называемый „руководящею“, выступать съ такими оговорками: но иногда самая опечатка говоритъ много. Высоко-уважаемый авторъ замѣчаній на труды коммиссіи по духовно-судебной реформѣ, въ числѣ противорѣчій, которыми опуталъ себя проектъ, упоминаетъ, въ какія отношенія поставленъ іерей-судья къ архіерею-admini-

*) С. И. 28 іюля, № 205.

Digitized by Google

стратору. Какъ судья, онъ независимъ отъ администратора: какъ іерей—подчиненъ архіерею. Но власть сего послѣдняго „перерождается въ единственную власть блюсти его пастырскіе интересы, завѣдывать его приходомъ и ему доставлять исправно доходъ за *не*исправленіе имъ обязанностей приходскаго священника". Наборщикъ или корректоръ, или и тотъ и другой вмѣстѣ, вникая въ смыслъ положенія, отдѣльно взятаго, остановились предъ несообразностью, чтобы власть призвана была обезпечивать исправно доходъ за *не*исправленіе обязанностей, и частицу *не* выпустили. Дѣйствительно, нельзя было не поразиться; между тѣмъ именно эту-то несообразность, понятную и типографскому наборщику, вводитъ духовно-учебный проектъ. Онъ вводитъ священника, независимаго отъ архіерея, но вмѣстѣ и зависимаго отъ него, какъ администратора, не отдавши впрочемъ себѣ отчета въ томъ, что разумѣть подъ архіереемъ-администраторомъ, какъ равно не отдано отчета во многихъ и другихъ элементарныхъ понятіяхъ.

Не знаемъ, возвратимся ли мы еще когда къ этому проекту, съ которымъ даже спорить невозможно, а возможно только указывать. Но мы не можемъ не выразить здѣсь глубокаго уваженія и благодарности къ автору вчерашнихъ замѣчаній. Онъ одинъ посмотрѣлъ на вопросъ съ подобающей церковной высоты; онъ одинъ—повторяемъ это съ прискорбіемъ—изъ толикаго сонма духовныхъ и свѣтскихъ, дилеттантовъ и ученыхъ. Мы видѣли примѣръ не далѣе прошлаго года, какъ даже два профессора, два спеціалиста по каноническому праву, препирались печатно, и одинъ едва не доказывалъ, что во времена апостола Тимоѳея, при императорѣ Неронѣ, дѣйствовалъ теперешній уставъ консисторіи, представляющій идеальное каноническое соотвѣтствіе, точно также какъ святѣйшій синодъ есть совершенный соборъ и соборное-де начало свидѣтельствуетъ свое бытіе у насъ порядкомъ рукоположенія епископовъ. Другой—подобающее устройство церкви доказываетъ соображеніями государственной канцеляріи о преобразованіи началъ судопроизводства въ Россійской Имперіи. Авторъ вче-

Digitized by Google

рашнихъ замѣчаній находитъ, что для газетной статьи неудобно вдаваться въ подробности. Мы не находимъ этого, и потому просимъ его о продолженіи. Каждое слово его есть истина и каждое положеніе проситъ развитія. Авторъ самъ соглашается и знаетъ, до чего въ понятіяхъ о церковномъ устройствѣ обычныя, окрѣпшія воззрѣнія отошли отъ чистыхъ идей духовныхъ. Вызвать къ первобытнымъ чистымъ понятіямъ, напомнить ихъ высоту, разъяснить ихъ приложеніе, неутратившее своей возможности доселѣ, есть заслуга.

Не вдаваясь въ теоретическое препирательство съ проектомъ, которое, какъ мы сказали, и невозможно, ибо встрѣчаемся съ недоразумѣніями о самыхъ основаніяхъ,—ограничимся замѣчаніемъ объ излишествѣ этого учрежденія на практикѣ. Зачѣмъ оно? NN вчера совершенно вѣрно замѣтилъ, что большая часть дѣлъ, приписываемыхъ будущему „духовному“ суду, могла бы быть передана въ вѣдѣніе обыкновенныхъ судовъ, и мы съ трудомъ ищемъ, какое бы возраженіе могла представить коммиссія противъ этого. Мы не будемъ говорить здѣсь объ Евангеліи; съ точки зрѣнія судебныхъ уставовъ и вообще гражданскихъ законовъ, съ которыми соображалась коммиссія въ своемъ проектѣ, требуется не болѣе какъ уничтожить старый духовный судъ. Въ томъ и сущность новаго судоустройства, что нѣтъ особенныхъ судебныхъ учрежденій для дворянъ или для мѣщанъ. Если есть судъ морской или военный, то не устроено особеннаго суда для гражданскихъ чиновниковъ, и духовенству вполнѣ достаточно было стать въ положеніе послѣднихъ, чего оно и желаетъ. Государственное казначейство избавилось-бы отъ лишнихъ тратъ. А между тѣмъ не было бы надобности прибѣгать къ тѣмъ неестественнымъ натяжкамъ и противорѣчіямъ, которыхъ малую долю указалъ авторъ вчерашнихъ замѣчаній. Да кромѣ того избѣгнута была бы и еще одна неблаговидность. Въ православной русской церкви судная власть архіереевъ отмѣняется; все духовенство, со включеніемъ и самихъ судей, этихъ антиканоническихъ епископовъ и пресвитеровъ, становится подсудною собственно прокурорамъ, лицамъ

Digitized by Google

мірского званія, которыхъ притомъ даже вѣроисповѣданіе не обязательно. Странно было бы спорить, что здѣсь прокуратура не болѣе значитъ какъ въ остальной юстиціи; достаточно прочитать проектъ и видѣть, какъ тщательно онъ устраняетъ все, что только могло бы помѣшать истинно царскому полновластію прокуроровъ и въ особенности оберъ-прокурора; достаточно обратить вниманіе, что не смотря на всѣ заботы о такъ называемомъ отдѣленіи административной власти отъ судебной, проектъ въ одномъ изъ лицъ судебнаго состава тщательно однако охраняетъ соединеніе этихъ обѣихъ властей, по его мнѣнію несовмѣстимыхъ, и именно въ лицѣ оберъ-прокурора. Однимъ словомъ, судьи, суды и все духовенство отъ перваго до послѣдняго, обратятся въ орудіе прокуратуры, въ рукахъ которой положено будетъ все право карать и миловать, какъ уже положено теперь все право жаловать. Такъ будетъ въ православной русской церкви. А въ остальныхъ исповѣданіяхъ? Въ католической церкви епископъ останется съ своею католическою властью; суперинтендентъ съ своими теперешними правами: до муфтіевъ и раввиновъ этотъ новый духовный судъ также не касается. Такое исключительное примѣненіе секуляризаціи къ одной православной церкви, и притомъ примѣненіе въ такой крайней степени, о которой міръ едва ли даже слыхивалъ, есть, по нашему мнѣнію, неблаговидность. О церковномъ значеніи ея не говоримъ, но и въ государственномъ отношеніи есть ли выгода превозносить всѣ прочія вѣроисповѣданія предъ своимъ кореннымъ?

О положеніи сельскихъ священниковъ *).

Письмо полученное нами отъ одного сельскаго священника здѣшней епархіи, живописуетъ всю глубину недоразумѣнія, въ которомъ приходское духовенство стоитъ и само съ собою, и съ обществомъ, и съ общественнымъ мнѣніемъ, и съ народомъ въ частности, и съ своимъ воспитаніемъ, съ своими обя-

*) С. И. 6 августа, № 214.

Digitized by Google

занностями, и съ требованіями времени наконецъ. Жизнь безотрадная, нравственно мученическая; положеніе тяжелое, унизительное; такъ описываются они сельскимъ священникомъ, и мы ему вѣримъ. И понятно, что чѣмъ выше нравственное развитіе духовнаго лица, тѣмъ болѣзненнѣе ощущаетъ оно противорѣчія, въ которыя поставила его жизнь и съ которыми противно ему принимать примиреніе, въ видѣ полнаго нравственнаго присоединенія къ средѣ его окружающей, темной, пьяной, грубой....

Но значитъ ли однако, что мы принимаемъ всѣ выводы достопочтеннаго автора и соглашаемся съ его объясненіями?— Ничуть нѣтъ, и отсюда-то начинается вся пучина недоразумѣній, сквозь которыя смотритъ едва ли не все духовенство и на міръ, и на свое среди него положеніе. Короче сказать, мы, и увѣрены—большая часть съ нами, держимся совершенно обратнаго воззрѣнія. Достопочтенный пастырь всю бѣду своего угнетеннаго и нравственно-невозможнаго положенія приписываетъ зависимости духовенства отъ прихожанъ; мы думаемъ наоборотъ, что вся неестественность положенія, вся тягость, и въ томъ числѣ всѣ тѣ страданія, о которыхъ со столь проницающею скорбью исповѣдуетъ почтенный авторъ,—происходятъ отъ недостаточной зависимости духовенства отъ прихожанъ. Мы слишкомъ бы расширили предѣлы своихъ разсужденій, если бы сейчасъ же, пунктъ за пунктомъ, стали разбирать выводы и указывать, какъ изъ данныхъ посылокъ, несомнѣнно вѣрныхъ, слѣдуютъ совсѣмъ противоположныя заключенія. Оставимъ это до времени; но горестное сказаніе приходскаго іерея о разочарованномъ опытѣ своей пастырской жизни само по себѣ достаточно поучительно. Жизнь сельскаго духовенства, и именно тѣхъ лицъ, которыя нравственно развиты, какъ мы сказали, дѣйствительно безотрадна, положеніе ихъ дѣйствительно тягостно до невыносимости.

Digitized by Google

Старокатоличество*).

Посланіе новопоставленнаго епископа старокатоликовъ Рейнкенса заслуживало бы того, чтобъ быть даже вполнѣ перепечатаннымъ. Если смотрѣть на него, какъ на программу своего рода или на изложеніе будущихъ отношеній, въ которыхъ намѣрено поставить себя новорожденное исповѣданіе къ міру и церкви,—этотъ западный расколъ обѣщаетъ быть не мертворожденнымъ.

Оставимъ догматическія утонченности, какъ онѣ ни важны. Епископъ Рейнкенсъ ихъ и не касается. Онъ беретъ церковный вопросъ въ его соціальномъ значеніи и христіанство съ его практической стороны. Съ этой точки главнымъ образомъ онъ оцѣниваетъ и римскую церковь, отъ которой отпали старокатолики, и съ тѣмъ же мѣриломъ подходитъ, чтобъ начертать себѣ образъ дѣйствій, въ качествѣ верховнаго пастыря новаго стада. Мы остановимъ вниманіе на нѣкоторыхъ, наиболѣе въ этомъ отношеніи существенныхъ мѣстахъ посланія.

Съ глубокою вѣрностью опредѣлилъ старокатолическій епископъ существенное историческое значеніе римскаго католичества, признавъ въ немъ матеріализмъ въ христіанствѣ и засвидѣтельствовавъ этимъ невозможность чистому христіанству мириться съ нимъ. „Два врага могущественные, говоритъ посланіе, противостоятъ исполненію моего призванія (т. е. призванія епископскаго среди старокатоликовъ): церковный матеріализмъ и индифферентизмъ, оба порожденные пагубнымъ романизмомъ западной церкви“. Далѣе епископъ между прочимъ говоритъ:

„Но въ чемъ мое призваніе?“ „Не въ томъ мое призваніе, чтобы, облекшись въ ризу свѣтлу, окружать себя дворомъ княжескимъ и требовать себѣ служенія съ пышностью и блескомъ. Изъ дворца древней имперіи перешелъ весь этотъ блескъ въ жилища епископовъ, съ отборною пестротою, съ тканями драгоцѣнными, съ шелкомъ, пурпуромъ и горностаемъ. Не въ томъ мое призваніе,

*) С. И. 8 августа, № 216.

Digitized by Google

чтобы подъ видомъ обрядовъ вѣры принимать себѣ поклоненіе, подобающее единому Богу, и прежде всего. Не въ томъ мое призваніе, чтобы господствовать. Господь строго воспретилъ это Своимъ апостоламъ; и св. Петръ предостерегалъ епископовъ противъ такихъ поползновеній рѣшительно и трогательно. Было бы безуміемъ думать, что назначеніе епископа—олицетворять на землѣ божественныя дѣйствія силою непрерывнаго чуда..."

Успѣетъ ли исполнить старокатолицизмъ эту программу? Если да, то западное христіанство можно поздравить съ новою эрою. Тотъ матеріализмъ (родоначальникъ всѣхъ новыхъ матеріализмовъ), въ которомъ указываетъ старокатолическій епископъ коренную язву романскаго христіанства, еще не встрѣчалъ себѣ протеста съ точки зрѣнія нравственно-практической и вмѣстѣ соціальной. Протестъ во имя абстракта былъ дѣломъ Лютера, и не тронулъ матеріалистическаго основанія, давъ ему лишь другое направленіе. Англиканство было эманципаціей политической. Но свобода нравственная; но возгласить требованіе любви на мѣсто превозношенія; но отринуть отъ церковнаго закона самое понятіе о голой власти, чего у себя не сумѣло устроить англиканство; но возстать противъ насилія, не обоготворяя ни личнаго разума, ни внѣшней власти, а покоряя жизнь нравственному закону любви, связывающему собирательное тѣло церкви; но провозгласить въ видѣ практическаго начала законъ взаимнаго сослуженія и терпѣнія,—это слышится въ первый разъ въ Западной Европѣ. Малочисленность общества, недостаточная отрѣшенность отъ романскихъ преданій, и отсюда остатокъ догматическихъ недоразумѣній,—это все поправимо въ будущемъ, при послѣдовательной вѣрности основному началу, глубоко прочувствованному. Самъ Рейнкенсъ уже возвышается отчасти до усмотрѣнія причинъ зла въ болѣе отдаленной глубинѣ, чѣмъ Ватиканскій соборъ иль даже Тридентинскій. „Расколъ между церковью восточною и западною—говоритъ онъ въ концѣ посланія—и новый расколъ въ нѣдрахъ этой послѣдней суть великое бѣдствіе. Не единство дано церкви господствомъ Рима, а раздѣленіе, ибо Римъ, низринувъ владычество любви, подмѣнилъ ее

Digitized by Google

насиліемъ. Мы, мы желаемъ возвратиться къ единству..." Въ каждомъ новорождающемся обществѣ весь дальнѣйшій ходъ зависитъ отъ преданія, которое ему сообщаютъ первоосновательи. И судьба старокатоличества, а отчасти даже судьба всего западнаго христіанства, заключается въ томъ только, достанетъ ли достопочтеннаго Рейнкенса, чтобъ не только возгласить истинное начало церковной жизни, но и съ энергіей послѣдовательно примѣнить его на практикѣ. Тогда малому стаду старыхъ католиковъ можно предвѣщать будущность приточнаго зерна горушечна. Если Европа дошла до послѣдняго возмущенія противъ темнаго ультрамонтантства и ожесточенная борьба на смерть съ нимъ гудитъ отъ края до края, по обоимъ берегамъ океана: то не менѣе того усталъ образованный свѣтъ и отъ безвѣрія. И здѣсь тоже борются; но борцы вѣры въ своемъ кощунствѣ не далеко отходятъ отъ своихъ противниковъ; Бель Кастель несетъ тоже знамя, подъ которымъ вспоилось и вскормилось невѣріе, которому онъ выступаетъ кажущимся противникомъ. Имъ негдѣ искать другого, и это другое несетъ имъ, по крайней мѣрѣ провозглашаетъ, новопоставленный епископъ „старыхъ", или точнѣе „обновляющихся" католиковъ.

О еврейскихъ переселеніяхъ*).

Корреспондентъ, житель сѣвернаго края, изъявляетъ въ письмѣ къ намъ сожалѣніе о „переселенцахъ евреяхъ", которыхъ судьба загнала къ берегамъ Бѣлаго моря.

За что выселяютъ евреевъ, мы не станемъ разсуждать, тѣмъ болѣе, что обстоятельства выселенія, какъ можно догадываться, сами по себѣ принадлежатъ не къ числу гласныхъ. Но какъ скоро выселеніе признано необходимымъ, вопросъ: куда же и дѣвать этихъ бѣдняковъ, пусть и достойныхъ сожалѣнія по своей бѣдности? Еврей не привыкъ къ хлѣбопаше-

*) С. И. 16 августа, № 224.

Digitized by Google

ству; это правда. Мало того; для большей части изъ нихъ это есть догматъ вѣрованія, чтобы заниматься только *гандлемъ*, чтобъ не прикрѣпляться къ землѣ, которую они считаютъ во всякомъ случаѣ лишь мѣстомъ временнаго странствованія. Итакъ, давать имъ дорогу туда, гдѣ имъ промышлять мелкимъ торгомъ будетъ выгоднѣе, чѣмъ въ голыхъ тундрахъ Мезени или Кеми? Несомнѣнно, ихъ положеніе будетъ благодарнѣе въ какихъ-нибудь хлѣбородныхъ мѣстностяхъ Тамбова или даже Вятки. Но тогда предстанетъ вопросъ другой: легко ли будетъ кореннымъ жителямъ отъ наплыва этихъ пришельцевъ, и не придется ли перенести тогда сожалѣніе съ гостей на хозяевъ? Даже Москва съ своимъ шестисоттысячнымъ населеніемъ, съ крѣпкою организаціею своего торгово-промышленнаго міра, Москва, и та начинаетъ тяготиться сравнительно еще ничтожнымъ числомъ іерусалимскихъ гостей, понаваливишихъ въ нее. Дѣло въ томъ, что *гандель* еврейскій, за малыми исключеніями, не оплодотворяетъ почвы, гдѣ онъ производится, а истощаетъ ее. Сейчасъ имѣемъ въ рукахъ жалобы, что цѣлая компанія еврейская (разумѣется негласная) скупаетъ систематически золото у мѣнялъ, съ тѣмъ чтобы сбывать его низшему классу, пользуясь его незнаніемъ, по курсу несравненно высшему дѣйствительнаго. Пишутъ и о торговлѣ женскимъ христіанскимъ тѣломъ, которую съ особенною удачею производятъ евреи. А ростовщичество, пріемъ и сбытъ краденыхъ вещей,—это есть своего рода даже еврейская спеціальность.

Итакъ, предъ нами безъисходная дилемма. Какъ ни жаль дрожащихъ отъ холода мезенскихъ поселенцевъ, но трудно для нихъ что-нибудь придумать. Развѣ одно: не выбрать ли для евреевъ, подпадающихъ карѣ переселенія, какую-нибудь особенную, и при томъ безлюдную мѣстность, съ тѣмъ, чтобы образовать цѣлую еврейскую колонію, чистую еврейскую, безпримѣсную?—Но тогда, скажутъ намъ, они должны будутъ перемереть съ голода! Они привыкли только торговать! Гдѣ же они возьмутъ хлѣба?—Но можетъ быть прямая опасность голодной смерти и обратила бы ихъ тогда къ производительнымъ

Digitized by Google

занятіямъ, и въ частности—къ земледѣлію, по крайней мѣрѣ къ скотоводству. Опытъ такого рода, что во всякомъ случаѣ стоило бы его предпринять. Земель же пустыхъ у насъ много: для каждаго изъ Авраамовъ найдется Палестина не менѣе Ханаанской, гдѣ онъ можетъ на просторѣ и расти́ться и множиться и поядать благая земли—только благая, пріобрѣтенная не одною мѣною, а и собственнымъ воздѣлывательнымъ трудомъ.

О сельскомъ духовенствѣ*).

Ожиданія сельскаго священника (№ 214), на которыя отвѣчаетъ другой сельскій священникъ, сопровождены были въ свое время нашею оговоркою. Соглашаясь съ фактами, высказанными „ожидающимъ“ сельскимъ священникомъ, мы не согласились съ выводомъ, будто бы вся бѣда въ положеніи сельскаго священника, безспорно тяжкомъ, происходитъ отъ зависимости, въ которую онъ поставленъ отъ прихожанъ. Мы сказали, что по нашему мнѣнію, наоборотъ, все, на что по человѣчески можетъ сѣтовать сельскій іерей, происходитъ именно отъ того, что зависимость эта еще недостаточна; требовалось бы, для блага самого духовенства, для блага мірянъ, для блага церкви вообще, чтобъ матеріальная зависимость пастырей отъ пасомыхъ была еще полнѣе. Мы обѣщались это доказать со временемъ, и надѣемся—докажемъ. Но насъ радуетъ, что въ отвѣтъ сельскому священнику, печалящемуся на зависимость отъ прихожанъ, раздается голосъ другого священника, сельскаго же, въ которомъ если не находимъ развитія мысли, которую хотѣли сказать мы, по который равномѣрно съ нами оспариваетъ основательность выводовъ статьи *Ожиданія*. А радуемся мы потому, что вслѣдъ за выраженіемъ нашего неодобренія на желаніе, высказанное въ *Ожиданіяхъ*, перейти скорѣе на правительственное жалованье, мы получили пасквиль не пасквиль, памфлетъ не памфлетъ, но

*) С. И. 24 августа, № 232.

Digitized by Google

статью, писанную, очевидно, духовнымъ лицомъ, которая дышетъ на насъ гнѣвомъ, что мы „не поддерживаемъ“ духовенства. Если поддерживать духовенство значитъ желать оскудѣнія вѣры и духовныхъ силъ въ Россіи, желать окончательнаго паденія служителей церкви, желать имъ общаго презрѣнія и даже ненависти, то мы принимаемъ на себя этотъ упрекъ: мы дѣйствительно не поддерживаемъ духовенства. Насъ возмущаетъ, насъ страшитъ та опрометчивость, съ которою духовенство само спѣшитъ къ своему нравственному гробу. Да и нравственному ли только? Нѣтъ, и къ своему матеріальному упраздненію. Близорукость,—къ несчастію слишкомъ обща эта гибельная близорукость,—не понимаетъ, что съ превращеніемъ себя окончательно въ казенныхъ чиновниковъ, въ агентовъ духовной полиціи, такъ сказать, пастыри лишь окончательно растеряютъ свое стадо, а затѣмъ неминуемо той же казнѣ, отъ которой они ждутъ себѣ „улучшенія“, подготовляютъ неизбѣжный рано иль поздно вопросъ: да нужны ли вы совсѣмъ? Зачѣмъ? Нотаріальные акты (метрическія записи) могутъ мнѣ и должны вести чиновники въ тѣсномъ смыслѣ (рано иль поздно такъ и послѣдуетъ, да и должно послѣдовать); паствы у васъ нѣтъ; вѣрующихъ не имѣется, и имѣются они по другимъ исповѣданіямъ и толкамъ; зачѣмъ вы? Въ совершенномъ отсутствіи политическихъ понятій не виновато духовенство; но его несчастіе то именно, что дѣйствительно самые азы политическаго смысла имъ незнакомы, и отъ того-то питаются ими такія ожиданія, подобныя *Ожиданіямъ сельскаго священника*, и царитъ общая надежда, что положеніе перемѣнится къ лучшему, если они скинутъ съ себя всякую тѣнь нравственной независимости и превратятъ себя всецѣло въ квартальныхъ надзирателей по духовной части.

Мы благодарны достопочтенному, нынѣ разсуждающему іерею П., что взглядъ его не упадаетъ до желаній разорвать всякую нравственную (т. е. добровольную) связь паствы съ пастыремъ. Его взглядъ могутъ найти нѣкоторые идеальнымъ. Но назначеніе духовенства само идеально. Иначе священникъ и го-

Digitized by Google

ворить не долженъ, не измѣняя своему сану. Но мы повторяемъ: даже не восходя на эти идеальныя высоты, а разсматривая вещи съ простой, житейской, практической точки, вожделеннѣйшимъ должно быть для духовенства во всѣхъ отношеніяхъ не разрывъ своей зависимости отъ паствы, напротивъ такое скрѣпленіе, чтобы пастырь и паства были вполнѣ нерасторжимы, чтобъ *этотъ* пастырь не могъ быть и представленъ безъ *этой* паствы, и наоборотъ *эта* паства—помимо и безъ *этого* пастыря; чтобы упразднились и тѣ преграды, которыя есть теперь, и при которыхъ паства сама по себѣ, а пастырь и приходитъ, и уходитъ, и вообще живетъ, и дѣйствуетъ самъ по себѣ.

900-лѣтіе католическаго епископства въ Прагѣ*).

Со страннымъ чувствомъ читаетъ русскій человѣкъ о девятисотлѣтнемъ юбилеѣ католическаго епископства въ чешской Прагѣ; онъ недавно праздновался. Мы не описываемъ этого праздника, но не находимъ лишнимъ посвятить ему нѣсколько словъ.

Итакъ, празднуется юбилей,—юбилей обращенія чеховъ къ папѣ, потому что, какъ извѣстно, Чехія была прежде православною, и Вячеславъ съ Людмиллою значатся и въ нашихъ святцахъ. Наѣхало много епископовъ изъ сосѣднихъ земель; ждутъ даже извѣстнаго монсиньора Дюпанлу изъ Франціи. Въ чемъ же праздникъ? Епископъ Будишинскій, говоритъ Das Neue Fremdenblatt, сказалъ проповѣдь на слѣдующую тему: „прогрессъ есть царство петролеума, пороха и желѣза. Но ни древнее іудейство, ни новое язычество не одолѣютъ церкви католической“. А архіепископъ Майнцскій Кеттеръ держалъ рѣчь цѣлыхъ два часа. „У католической церкви четверо враговъ: животная сила, заблужденіе ума, увлеченіе сердца и та ложь, которую государство поставило кумиромъ, чтобы

*) С. Й. 28 августа, № 236.

Digitized by Google

развѣнчать Іисуса, которая злоупотребляетъ государствомъ, дабы воевать на Христа. Только на католическихъ убѣжденіяхъ почиваетъ истинная любовь къ ближнему. Любовь новѣйшаго прогресса утверждается единственно на обманѣ, корыстолюбіи и спекуляціи. Царство и цари исчезнутъ предъ католическою церковью и ея приснымъ союзомъ съ Римомъ. Патріотизмъ состоитъ исключительно въ католичествѣ. Епископальный праздникъ, торжествуемый нынѣ, есть національный праздникъ для Чехіи."—Ораторъ затѣмъ предостерегаетъ слушателей противъ науки, противъ правилъ невѣрія и заключаетъ латинскимъ *Вѣрую*.

Оставляемъ отвѣтственность за подлинность на той же газетѣ, изъ которой заимствуемъ это описаніе. Но такъ и должно быть, иначе не могло быть и говорено.

Со страннымъ чувствомъ, говоримъ, читаетъ русскій объ этомъ юбилеѣ. Какъ бы тамъ ни говорили, и какъ бы ни отмахивались десятки и сотни вольномыслящихъ и вся партія „молодыхъ" чеховъ, епископъ Майнцскій сказалъ правду: праздникъ этотъ есть національный. И мы читаемъ, что въ тотъ же юбилейный день въ одномъ мѣстечкѣ намѣревался, подъ предсѣдательствомъ графа Кинскаго, собраться дѣйствительный національный таборъ,—митингъ, говоря по англійски; но собраніе разогнала полиція, придравшись къ формальностямъ. А таборъ долженъ былъ состоять тысячъ изъ шести членовъ. Населеніе очевидно не чуждо празднику. Да и какъ иначе? Вѣра не есть пустое слово въ народной жизни; она кладетъ на нее печать; она опредѣляетъ ея направленіе; она есть зерно духовныхъ, а за ними и политическихъ судебъ. Не было бы среднихъ вѣковъ съ крестовыми походами и съ феодализмомъ—безъ папства; безъ Лютера не было бы новой Европы. Дѣло не въ отдѣльныхъ догматахъ при богослужебныхъ обрядахъ, а въ принципѣ, который живетъ въ извѣстномъ исповѣданіи; это есть своего рода знамя, въ родѣ знамени графа Шамбора, лозунгъ прошедшаго, ключъ для будущаго. Дѣло не въ томъ, сходятся личныя вѣрованія молодого ли, стараго ли чеха съ религіозно-политическою и національною программою, которую развернули

Digitized by Google

предъ ними гости-епископы, но чехъ живетъ въ томъ духовномъ мірѣ, у котораго такая программа, а съ нею вмѣстѣ таковыя должны быть и порождаемыя ею преданія, таковы воспитывающія впечатлѣнія. Невѣрующій католикъ все-таки католикъ; на него, какъ на православнаго, на лютеранина, какъ на магометанина, на израильтянина, не смотря на ихъ личныя вѣрованія, кладетъ неизгладимую отмѣту духовный міръ, въ которомъ онъ рожденъ исторически и который его окружаетъ; какъ исландецъ всегда удержитъ на себѣ особенности своего рожденія и воспитанія подъ полярнымъ кругомъ, хотя бы онъ и проживалъ въ тепло-натопленныхъ покояхъ.

Но дѣло не въ томъ. Смѣшно было бы отрицать значеніе бытовой вѣры, и въ особенности на цѣлый народъ. Отдѣльныя личности ускользаютъ легче. Вліяніе историческаго духовнаго начала лежитъ на нихъ мелкими, иногда едва уловимыми чертами; но эти незамѣтныя черты, эти микроскопическіе штрихи слагаются въ правильное, отчетливое, легко читаемое очертаніе, когда всѣ особи прошедшаго и настоящаго соберутся и позволяютъ себя наблюсти, какъ одно цѣлое; разсѣянныя волокна и жилки, лишенныя значенія въ одиночку, подберутся подъ рисунокъ и возстановятъ духовный организмъ,—то, что называется личностью народа. Чешскій народъ есть народъ католическій, вотъ въ чемъ дѣло. Какой народный обликъ вылегаетъ отсюда, не нужно объяснять; если бы кто забылъ, тому напоминаютъ епископы, съѣхавшіеся на національный пражскій праздникъ, на праздникъ чешскій національный. Даже мало сказать „чешскій“. Епархіи Лейтмерицкая, Кениггрецкая, Будишинская были частью Пражской, поясняютъ журналы; первыя двѣ были таковыми двѣсти, послѣдняя девяносто лѣтъ, и всѣ три признавали въ архіепископѣ Пражскомъ своего примаса. Въ виду важности историческихъ воспоминаній, праздникъ долженъ отозваться далеко за границы Чехіи, потому что и Моравія и Силезія, южная Польша, западная Галиція и угорская Словонія видѣли нѣкогда въ Пражскомъ архіепископѣ своего верховнаго архіерея. Итакъ, все сѣверозападное славян-

Digitized by Google

ство! Это разсуждаютъ такъ нѣмецкія газеты, и имъ нѣтъ причины вздувать значеніе праздника.

Спрашиваемъ: есть тутъ будущность,—у народности, которая становится подъ такимъ знаменемъ, которая имъ гордится, ибо его чтитъ? Позволительно ли признавать, что народъ отвергаетъ знамя, когда онъ отъ него не отрекается? Быть совсѣмъ безъ вѣры, это еще не большая честь и не великая надежда, если бы это было и возможно. Пусть это имѣютъ въ виду вожди старыхъ чеховъ, которые отговариваются между прочимъ такими разсужденіями: „оставьте, это ничего; въ наши времена религія перестала имѣть политическую важность; не стоитъ поднимать объ этомъ вопроса“. Ну, это значитъ, если бы было искренно, осуждать Чехію на Францію, потерявшую одну вѣру и ненашедшую другой. Духовный цементъ вывалился и зданіе ползетъ врозь; тщетно реставраторы хотятъ подогрѣть въ народѣ беззавѣтную набожность старыхъ временъ Монмартрскими церквами, Пале-ле-Моніялями и священнымъ сердцемъ съ Маріей Алакокъ; внѣшнимъ гальванизированіемъ не воскресишь трупа, а лишь ускоришь его разложеніе.

Когда говорятъ старые чехи, въ родѣ Палацкаго, съ мнимымъ пренебреженіемъ о бытовой вѣрѣ, они говорятъ въ сущности не искренно; они говорятъ такъ не потому, чтобъ не придавали значенія вѣрованію,—напротивъ, потому что они имъ особенно дорожатъ, за него цѣпляются, частію съ полнымъ сознаніемъ, частію безотчетно. Католицизмъ есть феодализмъ-тожъ. Два родные брата родились и выросли вмѣстѣ, однимъ молокомъ поены и одною пищею питались, и умирать не хотятъ одинъ безъ другого. Католицизмъ ищетъ прибѣжища въ феодализмѣ, феодализмъ стоитъ за католицизмомъ. Старая чешская партія, партія историческаго права, ищетъ своей силы въ этомъ союзѣ клерикальнаго міра съ феодальнымъ, и не можетъ не искать здѣсь, когда держится на исторической почвѣ. Это—сознательное основаніе не ссориться ни съ папой, ни съ архіепископами и епископами. А безотчетная—та, что вообще католичество чехамъ не претитъ; безотчетно дѣйству-

Digitized by Google

ютъ именно тѣ жилки и волоконца, которыя образовались изъ католическаго молока—преданія, привычки, способъ зрѣнія, которыя, не смотря ни на что, остались и не могли не остаться въ какомъ угодно чехѣ, будь хоть бы онъ преразвитой, хотя бы онъ былъ самъ Палацкій. А съ тѣмъ вмѣстѣ остается неизгладимое, непобѣдимое почтеніе къ старой бабушкѣ-кормилицѣ, пусть даже явно выживающей изъ ума,—почтеніе въ крови. „Ну, пускай они колобродятъ", скажутъ безъ сомнѣнія со снисходительной улыбкой и теперь вожди старочешской партіи, слушая и читая эти откровенныя изліянія католицизма, образчики которыхъ приведены.

Въ тысячелѣтіе Гуса, праздновавшееся четыре года назадъ, мы напоминали о томъ противорѣчіи,—о томъ лицемѣріи, сказать прямѣе, которое таилось во всѣхъ тогдашнихъ громкихъ чествованіяхъ, въ память мученика, пострадавшаго въ борьбѣ съ католичествомъ. Эти чествованія раздавались, эти ѳиміамы воскурялись отъ католиковъ, которые остаются однако вѣрными папистами. Мы сказали тогда, что такъ праздновать значитъ ругаться Гусу, а не праздновать ему, значитъ произносить противъ себя обвинительный приговоръ.

Въ годъ Ватиканскаго собора, при началѣ старо-католическаго движенія, мы говорили опять: вотъ перстъ, зовущій западное славянство на историческую великую роль; воспользоваться минутою значитъ стать во главѣ движенія и во главѣ всѣхъ народовъ, тяготящихся папствомъ и ненаходящихъ выхода. Потомкамъ Гуса—указать этотъ путь.

Теперь мы не взываемъ, а просто отмѣчаемъ фактъ. Печать смерти и безплодія видна. Уцѣлѣетъ ли чешская народность,—вопросъ будущаго; но изъ нея ничего не выйдетъ, какъ не оказывается никто впереди, кто идетъ въ хвостѣ. И чехи и все западное славянство—прихвостни католичества и нѣмецкой культуры; всего прямѣе имъ путь слиться съ нѣмцами, да пожалуй для нихъ даже лучше.

Въ своемъ *Завѣщаніи* Палацкій обижается совѣтами чехамъ принять православіе. Что православіе! Мы никакъ не

Digitized by Google

держимся такой прямой миссіонерской цѣли. Мы говоримъ только, что пока католичество, дотолѣ гниль, ветошь, отсутстіе правъ на чье бы ни было сочувствіе, кромѣ Ватикана, отсутствіе основаній наконецъ существовать въ видѣ особаго народа. Языкъ еще не право быть народомъ. Но обнаружьте хоть какое-нибудь движеніе, которое бы доказывало, что цѣлы высшія духовныя основанія, и притомъ незаклейменныя средневѣковою печатью обскурантическаго папства антигуманнаго феодализма—тожъ. Пока этого нѣтъ, нѣтъ и будущаго, и нѣтъ на него правъ предъ лицемъ исторіи.

О старообрядствѣ*).

Поморскаго согласія, хотя оно и принадлежитъ къ безпоповскимъ, не причисляютъ, сколько мы знаемъ, къ рязряду „особенно вредныхъ“, ибо и въ правительственныхъ кругахъ и въ ученомъ мірѣ не безъизвѣстно, что это согласіе принимаетъ бракъ и не отвергаетъ молитвы за царя,—два признака, по которымъ положено отличать секты вредныя отъ невредныхъ. Мы слышали, что старообрядцы съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за разработкою вопроса о гражданскомъ бракѣ для старообрядцевъ, совершаемой теперь законодательнымъ путемъ. Они ловятъ каждый намекъ, каждый слухъ съ трепетнымъ ожиданіемъ. Вполнѣ понятно: непризнанный государствомъ бракъ, это есть существеннѣйшее изъ гражданскихъ лишеній, главнѣйшая изъ тягостей въ положеніи сектанта. Но, по нашему мнѣнію, теперь, когда само правительство склоняется облегчить эту тяжесть для тѣхъ, кого двухсотлѣтняя исторія засвидѣтельствовала безвредными для государства,—теперь, говоримъ мы, обязанность самихъ старообрядцевъ содѣйствовать къ легчайшему рѣшенію задачи,—помочь отчасти правительству, а отчасти и общественному мнѣнію, не малая

*) С. И. 31 августа, № 239.

Digitized by Google

доля котораго безъ сомнѣнія будетъ недоумѣвать, когда установится гражданскій бракъ и обезпечатся гражданскія права, съ бракомъ связанныя, не за одними православными, католиками, лютеранами, магометанами, или евреями, но и за старообрядцами.

Публика съ большимъ бы вниманіемъ приняла, и оказалось бы это въ данныхъ обстоятельствахъ небезполезнымъ и для самихъ старообрядцевъ, еслибъ кто изъ нихъ оповѣстилъ въ статьѣ степенной и полной о порядкѣ, какимъ, положимъ, въ поморскомъ согласіи вообще скрѣпляются брачныя узы. Какъ это совершается? Ведутся ли какія записи? На комъ лежитъ совершеніе обряда? Кто возводитъ въ это право? Требуются ли свидѣтели? Что отъ нихъ требуется? Какія предприняты обезпеченія противъ незаконнаго многобрачія или кровосмѣшенія? Какія правила о разводѣ и допускается ли онъ вообще? На комъ лежитъ власть произносить приговоры въ спорныхъ и сомнительныхъ случаяхъ, и чѣмъ обезпечиваются ея рѣшенія?—Вотъ нѣкоторые изъ вопросовъ, на которые обстоятельный отвѣтъ не маловаженъ даже въ виду того одного, чтобы облегчить правительству осуществленіе его благихъ предположеній. Недостаточно достовѣрности того, что по религіознымъ вѣрованіямъ браку приписывается таинственная сила и богоучрежденность; для государства, чтобъ могло оно придать юридическую силу браку, необходимы внѣшніе, твердые признаки, которые бы удостовѣряли его, что союзъ извѣстной четы, предъявляемый ему подъ именемъ брака, есть именно, по всѣмъ условіямъ, то самое, что признается за бракъ съ государственной точки зрѣнія и чему приписываютъ достоинство брака общественно-религіозныя вѣрованія четы. Мимоходомъ сказать, здѣсь-то и заключается самое существенное препинаніе для правительства, почему оно не рѣшалось признать бракъ сектантовъ. Съ признаніемъ брака неизбѣжно признать извѣстную конституцію за сектою, признать оффиціальное значеніе за совершителями брака, признать внутреннюю іерархію общества, обезпечить ея права, опредѣлить ея отвѣтственность и т. д.

Digitized by Google

Раскольничьи браки*).

Просимъ читателя припомнить, какъ мы совѣтовали, чтобъ старообрядцы, для собственной пользы, при разсматриваемомъ нынѣ вопросѣ объ узаконеніи ихъ браковъ, помогли и правительству и общественному мнѣнію разъясненіемъ своего внутренняго устройства. Теперь предъ нами попытка отвѣтить на наше приглашеніе,—попытка, по правдѣ сказать, неудачная. Письмо крестьянъ деревни Іоновой, подписавшихся заглавными буквами И. В. и М. П.

Старообрядцы желаютъ, чтобы веденіе актовъ было предоставлено имъ, и говорятъ: „мы“, „намъ“. Но кто такое „мы“? Мы, то-есть общество. Но откуда правительство удостовѣрится, что эти „мы“ подлинные, а не самозванные, что они суть дѣйствительные представители общества? Да и вопросъ: кого вообще признавать представителями? Здѣсь двѣ дороги: представители (или точнѣе, пускай будутъ „попечители“), назначаемые правительствомъ, или же выбранные обществомъ. Но въ послѣднемъ случаѣ общество должно предъявить свой уставъ, и на правительство возложится обязанность блюсти за правильностью выборовъ, за вѣрностью общества собственному уставу. Да потомъ,—гдѣ предѣлы того и другого общества, и притомъ въ обоихъ смыслахъ—территоріальномъ и догматическомъ? Откуда узнать и чѣмъ удостовѣриться, что NN принадлежитъ этому, а не другому согласію, и тому, а не другому приходу того же согласія? Какъ мы сказали уже разъ, неизбѣжна конституція общества и признаніе ея правительствомъ, и неизбѣжно въ послѣдовательномъ порядкѣ центральное управленіе или представительство для каждаго согласія; здѣсь-то, какъ уже мы и говорили опять, таится главное затрудненіе. Старообрядчеству впервые открывается путь къ гражданскому положенію. Ни о католикѣ, ни о протестантѣ, ни о евреѣ, никакого такого вопроса не можетъ быть; ихъ организація дана, прежде чѣмъ

*) С. И. 9 сентября, № 248.

Digitized by Google

закону пришелъ вопросъ, допускать ли ихъ къ правамъ гражданства, и ему оставалось только признать уставы, давно общепризнанные. Но старообрядческіе толки правами гражданства не пользовались. Въ этомъ смыслѣ для закона они суть вѣроисповѣданія новыя, равно какъ бы сейчасъ явившіеся какіе-нибудь отпрыски какого-нибудь неслыханнаго вѣрованія. Старообрядцу легко сказать „мы“; но формулировать это „мы“ не такъ легко, даже ему самому. Въ бесѣдѣ съ однимъ изъ нихъ, когда дѣло дошло до этого, онъ отвѣчалъ указаніемъ, что у нихъ это дѣлается теперь „по совѣсти“. И—неизбѣжно, потому что нѣтъ юридическихъ правъ. Но такое опредѣленіе невозможно предъ закономъ. Представимъ случай: NN, бывшій наставникомъ въ поморскомъ обществѣ, или считавшійся архіереемъ въ поповщинской, низложенъ „своими“ за догматическое прегрѣшеніе; но онъ оставляетъ за собою притязанія на санъ и за нимъ слѣдуетъ доля единовѣрцевъ. Итакъ, кто тогда для правительства будутъ „мы“, и гдѣ ему основаніе для повѣрки? Окружники или противоокружники? Большинство или меньшинство? Старый наставникъ съ своимъ стадомъ, или новый съ своимъ? И почему тотъ, а не другой? Въ настоящемъ случаѣ, когда „дѣлается по совѣсти“, юридическаго вопроса не возникаетъ по той логической причинѣ, что ни у той ни у другой стороны нѣтъ юридическаго положенія ровно никакого. Иначе будетъ при гражданскихъ правахъ сектъ, и тогда для одной изъ сторонъ неизбѣжно повторится это „по совѣсти“, равняющееся несуществованію передъ закономъ, а другая неизбѣжно запасется для своего юридическаго бытія какими-нибудь другими основаніями, независимыми отъ „совѣсти“.

Въ концѣ концовъ, правительству легче будетъ совсѣмъ миновать всякихъ „мы“; продолжать законное игнорированіе общественныхъ сектовыхъ устройствъ, и имѣть дѣло прямо съ брачущимися четами, словомъ ввести гражданскій бракъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ. Желаніе, высказанное поморцами деревни Іоновой, сколь ни кажется оно естественнымъ, понятно, удовлетворено быть тогда не можетъ. Для закона тогда по прежъ-

Digitized by Google

нему не будетъ существовать никакихъ іерархій въ сектахъ, а будутъ предъ нимъ его собственные уполномоченные, въ видѣ ли волостныхъ правленій, въ видѣ ли полицейскихъ властей, записывающіе бракосочетаніе явившейся четы, не принадлежащей почему-либо ни къ одному изъ признанныхъ исповѣданій. Не говоримъ, чтобъ обошлось и здѣсь безъ затрудненій. Логическая послѣдовательность, между прочимъ, потребуетъ тогда, чтобъ гражданскій бракъ былъ вообще признанъ (ибо какъ иначе избѣжать недоразумѣнія, не принадлежитъ ли уже чета къ какому-нибудь изъ вѣроисповѣданій признанныхъ?). Но на первый разъ такая сдѣлка будетъ болѣе опасною, потому что не потребуетъ крупныхъ нововведеній, въ родѣ учрежденія многочисленныхъ центральныхъ синодовъ или коллегій для каждаго изъ разнообразныхъ толковъ, допускающихъ бракъ и не отвергающихъ молитвы за царя.

Права женщины въ бракѣ*).

Г. В. О—въ, высказывая недоумѣніе о юридическихъ правахъ замужней женщины, разсуждаетъ, какъ мы сказали вчера, скачками. Онъ находитъ, что, не смотря на прямую букву закона, замужняя женщина не властна распоряжаться своимъ имуществомъ. А почему такъ? Потому, говоритъ онъ, что жена не властна въ своей личности. Если она не можетъ распорядиться свободно своею личностью, то еще менѣе можетъ распорядиться тѣмъ, что принадлежитъ ея личности. Помимо нравственныхъ предписаній въ законѣ, въ родѣ напоминанія объ обязанности любить, уважать, повиноваться, г. О—въ съ силою напираетъ на то, что женщина ограничена въ свободѣ передвиженія,—признакъ совершенно юридическій.

Но если такъ, тогда гдѣ же право собственности вообще, и кто вообще обладаетъ гдѣ бы ни было имущественною не-

*) С. И. 13 сентября, № 252.

Digitized by Google

зависимостью? По крайней мѣрѣ въ странахъ, гдѣ заведены паспорты, имущественныя права, по мнѣнію г. О., призрачны. Я не могу выѣхать изъ Москвы, не взявъ вида, правда не отъ мужа, потому что самъ мужчина, но возьму видъ отъ своего начальства или отъ общества. По заключенію г. О. выходитъ, что я не властенъ распоряжаться своимъ имуществомъ, потому что не властенъ передвигаться свободно, по крайней мѣрѣ безусловно свободно? Наконецъ, кромѣ свободы передвиженій, не связаны ли вообще всѣ гражданскія личности? И есть ли безусловная свобода, и возможна ли она? Не въ томъ ли смыслъ самаго общества, что члены его, собираясь на сожительство, отказываются каждый отъ доли своей свободы. Что скажетъ г. О—въ о военномъ званіи, гдѣ ограниченіе свободы будетъ нѣсколько построже супружеской, гдѣ ея нѣтъ безусловно? Что скажетъ онъ объ этомъ званіи, гдѣ и повиновеніе внушается не супружескому чета, и внушается не въ видѣ нравственнаго предписанія, а въ видѣ прямого юридическаго принужденія, сзади подкрѣпляемаго грозою казни. Вотъ должно быть совершенное отсутствіе имущественныхъ правъ! Должно быть все принадлежитъ главнокомандующему! Однако на дѣлѣ видимъ, что не только офицеры, но и рядовые не лишены собственности, и никому не приходитъ въ голову заключить, чтобъ свободному распоряженію ею мѣшала военная дисциплина—запрещеніе отлучаться и двигаться безъ позволенія, или строгость субординаціи.

Есть классъ общества, гдѣ одна личность другою до того поглощается, что дѣйствительно поглощаетъ и право распоряженія имуществомъ, прекращаетъ право на имущество вообще. Но какъ на грѣхъ, это есть званіе именно прямо противоположное супружеству, учрежденіе именно несовмѣстимое съ бракомъ. Это—монашество. Вотъ гдѣ личность вполнѣ отрекается отъ себя и своей воли, и вполнѣ отдаетъ себя въ распоряженіе другого, отдаетъ всю себя и со всѣмъ, со всѣми дѣйствіями, внѣшними принадлежностями, даже внутренними помышленіями. Таково начало, именуемое иноческимъ *послуша-*

Digitized by Google

ніемъ. Здѣсь логически соотвѣтствующимъ является, точно, и безправіе имущественное—*нестяжательность*, второй обѣтъ монашества, необходимый выводъ изъ перваго. Но какъ на зло, говоримъ, сюда подоспѣваетъ и третье основаніе иноческаго житія—*безбрачіе*, въ томъ же логическомъ соотвѣтствіи къ первымъ двумъ, какъ и *нестяжательность* къ *послушанію*. Супружескими отношеніями не только не предполагается лишеніе свободы имущественной, прямое или подразумѣваемое, и лишеніе свободы распоряжаться своею личностью: предполагается прямо обратное, и потому несовмѣстимое съ тѣмъ строгимъ самоотреченіемъ, котораго требуетъ иночество.

И въ самомъ дѣлѣ, супружество, бракъ, въ истинномъ смыслѣ, есть не только не неволя, но напротивъ—свобода, и именно въ ея высшемъ, безусловнѣйшемъ выраженіи—въ любви. Любящій отдаетъ себя въ обладаніе другому, но взаимно любимый, онъ самъ взаимно владѣетъ тѣмъ, кому даетъ себя въ обладаніе. Обладаемый находитъ въ чужой власти не стѣсненіе, но себѣ же наслажденіе; обладающій владѣетъ не съ цѣлію своекорыстія, а съ цѣлію самоотверженія предъ тѣмъ же обладаемымъ. Вотъ кругъ вѣчнаго теченія нравственныхъ взаимностей,—нравственныхъ, то есть добровольныхъ; вотъ то кольцо отношеній, взаимно подчиненныхъ и взаимно обладающихъ одновременно, которому однимъ изъ видимыхъ выраженій есть бракъ. Такова его идея. Не ея вина, если онъ иначе осуществляется. Но и законъ здѣсь не можетъ ничего, и потому самому опять, что бракъ по существу есть отрицаніе всякаго принужденія. Онъ не есть торговая сдѣлка, не есть ассоціація (вчера авторъ примѣнилъ къ нему это пошлое слово), не есть экономическая кооперація (тотъ-же авторъ вчера такъ его опредѣлилъ), не есть даже вообще юридическое обязательство иль договоръ,—потому что всѣмъ этимъ видамъ взаимоотношеній присуще принужденіе. Экономическія сдѣлки и юридическіе договоры могутъ сопровождать бракъ и сопровождаться имъ, но не могутъ быть имъ, и онъ ими не можетъ быть. Законъ способенъ и обязанъ лишь оградить отъ всякихъ чуждыхъ

Digitized by Google

покушеній эту безусловную взаимность свободы, основанную на взаимной любви. Но вторгаясь самъ въ эти отношенія, законъ первый же и явится нарушителемъ того, что онъ долженъ оберегать.

Между тѣмъ авторъ, подкрѣпляясь какимъ-то неизвѣстнымъ восхваляемымъ цивилистомъ, именно требуетъ, чтобъ законъ не бездѣйствовалъ между супругами, чтобъ онъ входилъ въ ихъ отношенія своею властью. Онъ съ своимъ цивилистомъ опасается Домостроевщины и находитъ справедливымъ вмѣшательство принудительной силы къ установленію болѣе человѣчныхъ семейныхъ отношеній. Но какъ быть, если справедливо, что иныя жены-крестьянки въ побояхъ мужа видятъ доказательство любви и огорчаются, когда ихъ не бьютъ? По нашему не такъ. Законъ, говорятъ, долженъ не только ограждать, но онъ долженъ учить, и учить между прочимъ, чему правильно радоваться и чему огорчаться, и какимъ способомъ законно любить. Это было бы высшимъ изъ насилій, какое только придумать возможно. Оно заключало бы притомъ внутреннюю несообразность и невозможность: это выходило бы надѣяться, что можно и радоваться и печалиться по предписанію, и радоваться тому, что сердечно огорчаетъ, и огорчаться тѣмъ, что искренно веселитъ. Любовь, какъ и вѣра, суть вмѣстилища неотступной свободы, и потому какъ здѣсь, такъ и тамъ, всякое внѣшнее требованіе и безплодно и само въ себѣ несообразно.

Законъ, сказали мы, способенъ и обязанъ ограждать супружескія отношенія: но какъ таковыя, слѣдовательно взаимныя. Понятно, что если жена жалуется на домостроевское обращеніе, законъ обязанъ вступиться, но—когда она жалуется, когда сама прибѣгаетъ къ закону. Авторъ, со словъ ли того же таинственнаго цивилиста, или по собственному вдохновенію, готовъ совѣтовать законодателю вступиться даже тогда, когда въ распоряженіи мужа женинымъ имуществомъ можно подозрѣвать нравственный обманъ, психическое принужденіе. Не обратится ли, по такому методу заключенія, каждое изъ юридическихъ дѣйствій любого гражданскаго лица, и каждая сдѣлка

Digitized by Google

между двумя лицами, въ обманъ и психическое принужденіе? Въ особенности, дарителей,—не слѣдуетъ ли каждаго, кто бы онъ ни былъ, отправлять, предъ совершеніемъ дарственной, на освидѣтельствованіе экспертамъ для удостовѣренія въ здравомъ состояніи ихъ сознанія и воли? Продажа и купля, всѣ экономическія сдѣлки, съ ихъ предложеніемъ и спросомъ, несомнѣнно заключаютъ скрытый элементъ психическаго принужденія; но отсюда не слѣдуетъ, чтобы всѣ безъ исключенія сдѣлки должно признавать призрачными.

Вопросъ не исчерпанъ. Мы можемъ сказать съ г. О., что вопросъ только поставленъ, и можемъ прибавить, что онъ заслуживаетъ болѣе обстоятельнаго и подробнаго разъясненія. Новые суды, какъ слышали и мы, дѣйствительно завалены бракоразводными, бракоразъѣздными и разными другими брачными дѣлами, свидѣтельствующими, во первыхъ, что семейная жизнь на Руси вообще не цвѣтетъ, а во вторыхъ, что о существѣ семейныхъ, и именно супружескихъ правъ, у насъ царствуетъ почти общее недоразумѣніе, которому не чужды сами суды и которому помогаетъ не вполнѣ юридическая редакція закона. А что такое бракъ вообще, и что такое въ частности бракъ церковный и бракъ гражданскій,—объ этомъ лучше и не спрашивайте. „Бракъ гражданскій? Это значитъ сошелся—разошелся“. Едва ли найдется одинъ изъ милліона, кто бы отвѣчалъ инымъ образомъ и не поставилъ то въ существенное отличіе гражданскому браку, чему онъ почти прямо противоположенъ.

О содержаніи духовенства*).

Помѣщаемая въ настоящемъ номерѣ газеты статья касается вопроса о содержаніи духовенства. Она принадлежитъ духовному лицу о. діакону Д.; поэтому заранѣе можно знать, какому виду обезпеченія авторъ отдаетъ предпочтеніе; большинство духовенства, какъ извѣстно, искренно желало бы

*) С И. 18 сентября, № 257.

Digitized by Google

возложить свое содержаніе на шею народа принудительно, то есть черезъ правительство; другими словами—желало бы получить казенное жалованье и вполнѣ преобразиться въ казенныхъ чиновниковъ. Но что, если бы сказали автору: „вы ничего не предвидите кромѣ голодной смерти? Ну такъ и умирайте, кто жъ обязанъ васъ кормить?“ Очевидно автору не приходитъ даже возможности такого отвѣта въ голову, которому однако онъ не удивится, когда бы потребовалъ себѣ казеннаго жалованья крестьянинъ, мѣщанинъ, ремесленникъ, ученый. Автору кажется безусловнымъ, что народъ долженъ существовать для духовенства, а не духовенство для народа. Онъ не представляетъ, что послѣдняя его картина, которую онъ съ насмѣшкою называетъ „свободною церковью въ свободномъ государствѣ“, многими найдена будетъ вполнѣ естественною и должною. Съ логикой, вполнѣ законной, скажутъ: „по Сенькѣ и шапка; если міръ не желаетъ лучшаго священника и не находитъ нужнымъ болѣе удовлетворительнаго избранія, гдѣ же все-таки основаніе навязывать ему насильно другого? И почему поступать иначе при назначеніи священника, когда не поступается при выборѣ старшины, который точно также можетъ спаивать мірянъ и спаиваетъ, и котораго также излюбляетъ въ дѣйствительности не міръ, а магнатъ, волостной писарь?“ Автору кажется возмутительнымъ предположаніе о свободной церкви въ свободномъ государствѣ, и ему кажется непоколебимымъ, что должно быть наоборотъ—церковь, лишенная свободы, въ несвободномъ государствѣ. Онъ представляетъ въ видѣ нелѣпости, невозможнаго послѣдствія,—которое достаточно указать, чтобъ отъ него отвернуться,—превращеніе „покровительствуемой“ церкви въ свободную. И онъ не догадывается, что въ этомъ-то напротивъ самомъ и состоитъ весь вопросъ, и состоитъ притомъ въ такомъ смыслѣ, что подъ именемъ „покровительствуемой *церкви*“ ни по какому разсужденію не дозволительно разумѣть „покровительствуемое *духовенство*“, да еще, какъ выходитъ по автору и какъ желаетъ онъ,—покровительствуемое помимо церкви самой, если не прямо ей вопреки.

Digitized by Google

Авторъ обращается къ о. П., которому отвѣчаетъ, чтобъ онъ показалъ ему иную логику. Мы, не дожидаясь о. П., отчасти показываемъ ее, показываемъ ея возможность, и предлагаемъ о. діакону въ свою очередь размыслить, въ силу какихъ бы основаній надлежало отступить отъ этой, вполнѣ возможной логики и принять другую, предлагаемую имъ, о. діакономъ Д., почитающимъ за безусловное, что священникъ долженъ быть навязываемъ народу, что народъ долженъ существовать для духовенства, и что духовенство, чрезъ подмѣнъ понятій исключительно называемое церковью, должно быть покровительствуемо въ ущербъ народу, безъ всякаго вниманія къ желанію народа. Пускай авторъ рѣшаетъ, не сходя тоже съ практической почвы; пусть онъ не забываетъ однако, что на практическую почву имѣетъ одинаковое право и народъ, а не одно духовенство, и что за народомъ, при умноженіи податей, тоже останется право спросить, какъ и у духовенства: „а гдѣ же я возьму лишнія подати и что же мнѣ дѣлать? Не умирать же съ голоду!“

Но пускай успокоится о. діаконъ Д. Голодной смерти во всякомъ случаѣ не предвидится, и чтобы яснѣе убѣдиться въ этомъ, достаточно задать два вопроса: попросило ли бы себѣ жалованья, пожаловалось бы на безчувствіе паствы и побоялось ли бы голодной смерти католическое духовенство, если бы къ несчастію оно было на Руси вмѣсто православнаго? И вопросъ второй: а чѣмъ же содержится іерархія въ многочисленномъ расколѣ, отчего она не умираетъ съ голоду, и чѣмъ добывалъ себѣ пищу въ частности тотъ Макаръ, о которомъ недавно было говорено, и который въ добавокъ не могъ жаловаться на равнодушіе своего стада.

Digitized by Google

Объ обезпеченіи духовенства*).

Нельзя сказать, чтобы портфель нашъ былъ бѣденъ статьями по вопросу объ обезпеченіи духовенства. Онъ ими переполненъ, и если бы давать право голоса всему, что идетъ, разумѣется, преимущественно отъ самого же духовенства, то читателю не оставалось бы ничего и читать болѣе. Помѣщенная въ сегодняшнемъ номерѣ газеты статья о. Ѳ. П. замѣчательна тѣмъ, что по крайней мѣрѣ не стоитъ, подобно всѣмъ, исходящимъ отъ духовныхъ лицъ, безусловно за передачу содержанія духовной іерархіи на шею государству. Но авторъ рѣшился ступить только полшага; въ другой половинѣ шага онъ не уходитъ отъ тѣхъ, которые страшатся матеріальной зависимости отъ прихожанъ. Виною здѣсь неясность основаній и смѣшеніе понятій. И о. Ѳ. П., подобно діакону Д., съ которымъ мы недавно бесѣдовали, повидимому, смѣшиваетъ двѣ вещи, нисколько не тождественныя: способъ избранія духовныхъ лицъ и способъ ихъ обезпеченія. Отъ духовныхъ лицъ странно слышать опасенія, что съ предоставленіемъ правъ на избраніе пастырей мірянамъ водворится царство горлопановъ и мірскихъ опивальщиковъ. Имъ-то не слѣдовало бы забывать, что первобытный, исконно-православный способъ назначенія священныхъ лицъ предполагаетъ два совмѣстныя и одновременныя вліянія—*народа* и *клира*; и если кто изъ благожелательныхъ и знающихъ ратуетъ нынѣ за возстановленіе правъ паствы, то отнюдь не въ отметаніе, а напротивъ въ вящшее укрѣпленіе канонически непоколебимой власти клира, безъ единомыслія съ которымъ избраніе будетъ самочиніемъ и мятежемъ. А съ другой стороны о правахъ паствы взываютъ между прочимъ и въ предостереженіе отъ другого іерархическаго безчинія, противъ котораго рѣшительно, постоянно, неизмѣнно и единогласно вооружаются каноны съ прещеніями: именно чтобъ священныя каѳедры не замѣщались лицами по назначенію свѣтскихъ вла-

*) С. И. 29 сентября, № 268.

Digitized by Google

стей. Но затѣмъ, что же общаго между способомъ избранія и способомъ обезпеченія? Общаго только то одно, что вмѣстѣ съ допущеніемъ къ праву голоса при избраніи пастырей, пасомые несомнѣнно окажутся и болѣе щедрыми въ отношеніи къ тѣмъ, кого не насильно въ ихъ паствѣ водворила чужая воля, но о комъ испрашивалось и ихъ одобрительнаго единомыслія. Такова единственно вѣрная точка зрѣнія, и ужели же ее-то слѣдуетъ разъяснять, и при томъ для кого же? Для духовныхъ же лицъ! Но въ томъ-то и есть самое горестное, что именно для духовныхъ-то лицъ и потребны разъясненія такихъ, безъ преувеличенія сказать—первоначальныхъ основаній ихъ служенія?

Академическія общежитія*).

Вотъ желаніе, съ которымъ рѣшительнно не можемъ согласиться! Бывшій воспитанникъ одной изъ духовныхъ академій (нѣтъ нужды знать какой) полагаетъ, что преобразованіе этихъ заведеній было бы завершено въ полезномъ смыслѣ, если бы уничтожено было *общежитіе* студентовъ.

Житье-бытье университетскихъ студентовъ есть завидная доля, которою слѣдуетъ наградить и студентовъ академическихъ, съ пользою для ихъ воспитанія и для науки! Мы полагаемъ совершенно обратное: сами университеты во многомъ потеряли, что руководясь ошибочными основаніями, замѣнили общежитіе стипендіями. И наоборотъ, къ числу неоцѣнимыхъ преимуществъ, свойственныхъ духовнымъ академіямъ и воспитанію въ нихъ мы относимъ общежитіе студентовъ.

Авторъ легко разсуждаетъ, что стоитъ уничтожить нѣсколько воспитательныхъ должностей, которыя за отмѣною общежитія, окажутся излишними, и студентъ будетъ содержаться не хуже теперешняго. Это былъ бы оригинальный выводъ, противорѣчащій всѣмъ экономическимъ основаніямъ. Развѣ можно

*) С. И. 29 октября, № 298.

Digitized by Google

сомнѣваться, что при общежитіи содержаніе дешевле? И развѣ фактъ не общеизвѣстный, что именно съ уничтоженія общежитій студенты обратились въ какую-то нищую братію, на помощь къ которой прибѣгаютъ даже къ фокусамъ благотворительности, извѣстнымъ подъ именемъ благотворительныхъ баловъ и спектаклей. И студенты сами такъ освоились съ этимъ своимъ званіемъ нищихъ, что не считаютъ постыднымъ не только принимать, но иногда добиваться подаяній. Если бы уничтоженіе общежитія ограничилось однимъ этимъ послѣдствіемъ, и то стоило протестовать противъ него всѣми силами.

Но экономическая сторона есть еще самая послѣдняя. Гдѣ удобнѣе заниматься и гдѣ болѣе позывокъ къ занятіямъ? Среди ли другихъ занимающихся и вблизи ли къ существеннымъ учебнымъ пособіямъ, какова библіотека, или вдали и въ одиночку? Намъ кажется даже нѣсколько страннымъ, что авторъ ставитъ въ завидный и достоподражаемый примѣръ университетскихъ студентовъ, когда именно о нихъ твердятъ теперь, что они „бьютъ баклуши“ или что ихъ надобно прибрать къ рукамъ. Мы не станемъ входить ни въ подтвержденіе этого мнѣнія, ни опроверженіе, но не можемъ не согласиться, что если въ чемъ всего менѣе позволительно заподозрить университетское юношество, то въ усердіи къ факультетскимъ занятіямъ. И нѣтъ сомнѣнія, одна изъ важныхъ причинъ—отсутствіе опредѣленнаго крова, забота о дневномъ пропитаніи, отдаленность отъ учебныхъ пособій, и наконецъ, тѣ „благородно-человѣческія развлеченія“, которымъ завидуетъ академическое юношество и къ которымъ подманиваетъ его авторъ. Въ сущности мы не имѣемъ ничего противъ развлеченій, но мы возмущаемся мыслію ставить ихъ въ основаніе къ разсужденію объ устройствѣ студентскаго быта.

Общежитіе учащихся, это не просто экономическое и учебное удобство: это среда, это преданіе, это своего рода школа,—хорошая или дурная, это зависитъ отъ обстоятельствъ и первоначальнаго основанія, но школа, воспитательное дѣйствіе которой несравненно сильнѣе, чѣмъ другой школы, въ

Digitized by Google

тѣсномъ смыслѣ такъ называемой и ограничиваемой стѣнами аудиторіи. Этого предмета мы уже касались разъ, и высказывали мнѣніе, что образованіе въ своемъ полномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ всесторонняго развитія, дается менѣе всего лекціями и профессорами, но болѣе всего остальною суммою впечатлѣній современныхъ воспитанію, всею средою, которая окружаетъ учащагося, и въ томъ числѣ главнѣе всего—сотовариществомъ. Отъ этого съ первыхъ словъ и съ первыхъ строкъ распознается университетскій отъ правовѣда, правовѣдъ отъ лицеиста, тѣ и другіе и третьи отъ семинариста и кадета. А иныхъ учили тому же, иногда чуть не тѣже профессора; въ другой сторонѣ, тѣ и другіе и третьи одинаково забыли слушанныя лекціи, на другой же день по выходѣ изъ заведенія; но среда, сожитіе было другое, весь складъ духовнаго быта иной. Чѣмъ однако обширнѣе кругъ воспитывающей среды, чѣмъ однороднѣе и чѣмъ оно сомкнутѣе, тѣмъ плодотворнѣе его вліяніе, тѣмъ сильнѣе духовное треніе—могли бы мы сказать, тѣмъ сильнѣе взаимодѣйствующіе токи, въ свою очередь воздѣйствуемые на извѣстную долю слушаемымъ курсомъ и отсюда единствомъ занятій. Послѣ того мы просимъ сообразить и сравнить оба житья-бытья: жмутся не на долго сошедшіеся два-три студента въ какой-нибудь каморкѣ, у хозяина или хозяйки сомнительныхъ качествъ; голодно, холодно, темно, неуютно, пособій ученыхъ никакихъ, и кругомъ гамъ и вихорь и соблазнъ; даже нѣтъ и на сторонѣ нигдѣ нѣсколько плотнаго и цѣльнаго ядра, въ видѣ многолюднаго общежитія, которое могло бы служить главною лабораторіею и хранилищемъ товарищескаго духа и воспитательныхъ преданій. Затѣмъ возмите правильно организованное общежитіе, съ классами и библіотекою подъ бокомъ,—общежитіе нарочито приспособленное къ учобѣ, гдѣ примѣръ невольно влечетъ къ занятіямъ, гдѣ продолжительная бездѣятельность и разсѣянность становится нравственно невозможною помимо всякихъ принужденій. Когда уничтожали студенческія общежитія, упустили изъ вида, что отсюда могутъ произойти даже политическія послѣдствія, и мы

Digitized by Google

увѣрены, что часть жалкихъ послѣдствій въ этотъ смыслѣ ведетъ отсюда свое начало. Увлеклись тогда предубѣжденіемъ противъ закрытаго воспитанія. Закрытое воспитаніе имѣетъ многія дурныя стороны; но чтобы съ надеждами противоставить ему открытое, необходимо удостовѣриться, какая среда замѣнитъ тѣсную среду товарищей и ближайшаго учебнаго начальства. Въ училищахъ низшихъ и среднихъ, это—среда родительской семьи, безспорно болѣе предпочтительная, чѣмъ дортуаръ пансіона. Но дѣло шло о высшемъ заведеніи. Распуская питомцевъ almae matris врозь, отдавали ихъ на произволъ всѣхъ случайныхъ вліяній, ибо у насъ нѣтъ никакихъ студенческихъ Verein'овъ и цеховъ, какъ въ германскихъ университетахъ: обстоятельство, не забудемъ, капитальной важности! Не состоя въ общежитіи на манеръ вообще россійскій или монастырскій въ частности, студентъ состоитъ тамъ все-таки въ артели, у которой свое знамя и свой девизъ; не перестаетъ быть живымъ членомъ органическаго цѣлаго. А у насъ? Да не далѣе сего дня намъ разсказывали, между студентами юристами разложеніе дошло до того, что не всѣ даже однокурсники знаютъ другъ друга; встрѣчаясь на рѣдко посѣщаемыхъ лекціяхъ, не всѣ здороваются: либо какъ остроумно выразился разсказывающій, они менѣе знакомы между собой, чѣмъ бываютъ знакомы посѣтители бани. Просимъ разсудить: чего ожидать?

Въ числѣ главнѣйшихъ основаній—да впрочемъ кажется и единственное—противъ студенческаго общежитія, авторъ указываетъ на мелочность инспекціи и на недостаточность свободы, отпускаемой студенту. Но это вопросъ иной, и ставьте его особо. Въ этомъ отношеніи мы вполнѣ согласны, что зрѣлыхъ юношей смѣшно держать какъ дѣтей, и къ развитымъ людямъ, вполнѣ понимающимъ человѣческое достоинство, даже вредно прилагать правила тюрьмы или монастыря. Вся мудрость педагогіи именно въ томъ заключается, чтобъ воспитуемаго постепенно пріучать къ свободѣ, расширяя просторъ его воли съ каждымъ шагомъ болѣе. Своего рода дисциплина

Digitized by Google

вездѣ неизбѣжна, и у каждаго заведенія должны быть свои обязательныя правила, какъ они существуютъ даже въ каждой фабрикѣ и мастерской. Но нельзя, не оскорбляя, подвергать совершеннолѣтняго усиленнымъ стѣсненіямъ за то одно, что онъ предпочелъ продолжать ученье, чѣмъ поступить прямо въ чиновники иль священники. Могутъ пожалуй рекомендовать и розгу для студентовъ и отыскивать на это какой-то неслыханный примѣръ Оксфордскаго университета: но если знаменитый Румянцевъ былъ высѣченъ въ чинѣ полковника своимъ отцомъ, выводить отсюда позволительность розги для полковника было бы точно такимъ же умоповрежденіемъ.

Но, какъ мы сказали, это вопросъ особый. Въ заключеніе не можемъ не сказать бывшему воспитаннику духовной академіи, что и авторъ настоящихъ строкъ также знакомъ по опыту съ академическимъ общежитіемъ. Намъ говорятъ о мелочности и узости инспекціи, о придирчивой опекѣ. Горестно слушать, ибо послѣдствія дѣйствительно неизбѣжны: озлобленіе противъ заведенія, отвращеніе къ занятіямъ, лицемѣріе, иногда грубая порочность еще со скамьи, а у другихъ поведеніе по выходѣ изъ стѣнъ, достаточно означаемое словами: „сорвался съ цѣпи“. Но мы знаемъ общежитіе, гдѣ была тоже инспекція, дѣйствовали правила, но гдѣ умѣли беречь и даже воспитывать чувство достоинства въ молодыхъ людяхъ; гдѣ придирчиво не стерегли отступленіе отъ формальностей; гдѣ снисходили къ увлеченіямъ и даже давали просторъ не только въ способахъ занятій, но благодушно не дозрѣвали временныхъ порывовъ юношескаго веселья, неизбѣжнаго по возрасту хотя и несогласимаго со строгимъ кодексомъ обязательнаго „поведенія“. Знаемъ и послѣдствія. Лѣнтяи и разсѣянные бывали, какъ бываютъ и вездѣ неизбѣжно; бывали и лицемѣры,—чтожъ дѣлать, и безъ этого не обойдешься. Но слыхали неоднократно строгія увѣщанія, прещенія, почти угрозы въ словахъ: „помните, господа, вы молоды, вамъ жить нужно долго; и въ мѣру надо заниматься; мы запретимъ вамъ выдавать свѣчи; вы себя убьете этою усидчивостью и безсонными ночами“. Надо однако сказать, что это не помогало. Тѣ,

Digitized by Google

къ кому относились такія увѣщанія (а ихъ было большинство), обкладывались фоліантами, продолжали высиживать на пролетъ ночи; на пролетъ дни и ночи бесѣдовали, разбирали, препирались. Кто и не хотѣлъ—дѣлалъ; кто лѣнился—занимался; работать научно было щегольствомъ. То было общежитіе; то былъ духъ. Многіе еще живы, кому принадлежитъ за это честь,—за воспитаніе въ свое время и поддержаніе этого духа въ Московской академіи, и за это имъ да будетъ воздана симъ высокая благодарность. Но если стало гдѣ-нибудь иначе, или гдѣ было искони иначе, не общежитіе и виновато.

О монастыряхъ*).

На „Голосъ монаха“, недавно у насъ сказавшійся, является и отвѣтъ. Если мы прибавимъ, что отвѣтъ идетъ изъ Борисоглѣбска, этимъ засвидѣтельствуется интересъ, которымъ вопросъ о монашествѣ и монастыряхъ пользуется въ обществѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе почти шестилѣтняго изданія не проходило года, когда бы такъ или иначе, изъ той или другой мѣстности, по тому или другому поводу, не затрогивали на нашихъ страницахъ вопроса: что же дѣлать съ монастырями, или точнѣе—какое же дать имъ дѣло? Мы не говоримъ о строителяхъ тѣхъ слишкомъ легкихъ плановъ, по которымъ считается дѣломъ благоразумія и справедливости воспользоваться мнимыми монастырскими богатствами и употребить ихъ на „производительныя“ цѣли. Если бы эти предположенія не были построены прямо на ложномъ основаніи, будто монастыри владѣютъ большими богатствами (чего на дѣлѣ нѣтъ), и если бы не дышали они прямымъ презрѣніемъ къ законности и освященіемъ насилія,—противъ нихъ достаточно было бы сказать одно: такъ лучше объявите прямо монастыри нетерпимымъ учрежденіемъ, чѣмъ прибѣгать къ мѣрамъ оскорбляющимъ

*) С. И. 1 ноября, № 301.

Digitized by Google

чувство законности и права. Но помимо этихъ легкихъ рѣшителей, побужденія которыхъ объясняются ихъ убѣжденіями,— изъ среды людей сочувствующихъ учрежденію иночества, и наконецъ изъ среды самихъ иноковъ, какъ показываетъ недавній примѣръ, поднимаются выраженія тоски и недоумѣнія. Наконецъ, въ самой средѣ церковно-правительственной предположеніе обратить всѣ монастыри въ общежительные, очевидно возникло изъ того же общаго положенія, что монастыри въ настоящемъ своемъ видѣ не удовлетворяютъ требованіямъ времени.

Мы совершенно согласны съ мнѣніемъ, выраженнымъ въ „Голосѣ монаха“, что общежитіе не измѣнитъ и не обновитъ монастырей; что повсюдное его введеніе окажется на дѣлѣ даже невозможнымъ: вопреки всѣмъ правиламъ, у монаховъ, хотя бы они числились общежительными, явится частная собственность, и чѣмъ строже вооружились бы противъ нея внѣшнія правила, тѣмъ сильнѣе послѣдовало бы ихъ нарушеніе, и притомъ не со стороны даже самихъ монаховъ; міръ доброхотно-дателей тѣмъ усерднѣе устремился бы усладить участь жертвы, которая представится имъ въ лицѣ насильственно обреченнаго на лишенія. Но кромѣ того, въ этомъ повсемѣстномъ, насильномъ введеніи безусловной личной нестяжательности, скрывается, только подъ другимъ видомъ, тоже предположеніе, которое болѣе прямо рекомендуется легкими рѣшителями монастырскаго вопроса: то есть отнятіе имуществъ на цѣли, такъ называемыя „производительныя“. Разница та, что при общежитіи, за удовлетвореніемъ монаховъ ѣдою, кровомъ и одежею, являлись бы сами собою *лишнія* монастырскія деньги, которыми оставалось бы только распорядиться; монастыри сами собою обращались бы въ сифоны, которыми центральная власть косвеннымъ образомъ извлекала бы средства, болѣе прямою дорогою доставляемыя податями. Возраженіе здѣсь умѣстно тоже, что и противъ прямого отнятія или отниманія имуществъ. Но въ добавокъ, послѣдствіемъ было бы то, что самый источникъ ожидаемыхъ доходовъ вскорѣ бы

Digitized by Google

изсякъ, чему дружно содѣйствовали бы обѣ стороны,—и та, которой назначено быть орудіемъ косвенныхъ сборовъ, и та, которой предлагается вносить добровольные налоги косвеннымъ путемъ.

Не ближе ли къ цѣли будетъ: не отнимая имуществъ и не пугая косвеннымъ отнятіемъ, поставить монастыри въ положеніе, чтобъ они сами обращали излишки своихъ доходовъ на производительныя цѣли, и себя самихъ обращали на служеніе обществу, болѣе осязательное, чѣмъ одно богослуженіе иль созерцательная молитвенная жизнь? Почтенный о. іеромонахъ въ своемъ Голосѣ указалъ одинъ изъ такихъ способовъ общественнаго служенія. Но ограничить монастыри заведеніемъ ремесленныхъ школъ—назначеніе слишкомъ тѣсное. Авторъ отвѣта на „Голосъ монаха“ расширяетъ планъ и нельзя не одобрить его мысли. Въ общемъ видѣ ее можно формулировать такъ: пусть каждый изъ существующихъ монастырей составитъ для себя уставъ, которымъ обяжется, подобно какъ обязываетъ къ тому законъ каждую, вновь возникающую обитель, избрать для себя какой-либо изъ подвиговъ общественной благотворительности, сообразно своимъ силамъ, разуму и мѣстнымъ удобствамъ. Туже мысль и мы высказывали когда-то.

Монастыри*).

Отвѣтъ на „Голосъ монаха“ (№ 301) вызвалъ „Отголосокъ“. Мы съ истиннымъ удовольствіемъ слѣдимъ за этимъ собесѣдованіемъ, которое ведется изъ однихъ основаній и съ одними цѣлями. Можетъ быть это есть пунктъ, откуда доведется выяснить важнѣйшіе вопросы, висящіе надъ обществомъ: монастыри. Монастыри, это—учрежденія, въ которыхъ нравственно-духовное начало является въ своей крайней степени, на степени отрицанія, съ кажущимся даже противорѣчіемъ идеѣ христіанской нравственности, съ своекорыстнымъ жела-

*) С. И. 7 ноября, № 307.

Digitized by Google

ніемъ самоспасенія, безъ дѣятельнаго исполненія обязанностей къ ближнимъ. Но тѣмъ не менѣе монашескій идеалъ есть все-таки высшее совершенство, съ его духовнымъ созерцаніемъ и полнѣйшимъ самоотреченіемъ. Понятно, что на практикѣ монашество принимаетъ въ глазахъ свѣта тѣмъ большій видъ тунеядства, эгоизма, чѣмъ далѣе монахъ отстоитъ отъ своего внутренняго идеала и чѣмъ самодовольнѣе ограничивается однимъ своимъ внѣшнимъ образомъ. Задача общественная: устроить такъ, чтобы монаху всего менѣе оставалось возможности носить одинъ образъ монаха, за то тѣмъ болѣе давалось простора исполнить то самоотреченіе, которое есть его обѣтъ,— но самоотреченіе на пользу ближняго, въ широкомъ общественномъ смыслѣ и трезво понимаемую. Тогда монастыри могли бы снова стать разсадниками цивилизаціи. Мы произносимъ это, къ сожалѣнію опошлѣвшее слово „цивилизація“, имѣя въ виду его высшее и полнѣйшее значеніе. Если бы мы сказали только о „просвѣщеніи“, мы дали бы недоразумѣвать, что отъ возрожденнаго монашества ожидается одно духовное просвѣщеніе, и притомъ въ тѣсномъ смыслѣ религіозно-духовное, созерцательное. Но требованія христіанскаго совершенства не ограничиваются этимъ, и христіанское служеніе цивилизаціи означало бы то практическое просвѣщеніе, которое и словомъ, и примѣромъ, и дѣломъ вноситъ духовно-нравственныя начала въ отношенія общественныя. Стефанъ Пермскій былъ не только миссіонеръ-апостолъ; онъ внесъ гражданственность въ дикое племя, то есть положилъ основаніе тѣмъ житейскимъ отношеніямъ въ окружающемъ мірѣ, при которыхъ своекорыстіе сдерживается общественными интересами, покоряется имъ. Сергій былъ не просто основатель обители, но и дѣятель государственный и народный. Мы останавливаемся на этихъ двухъ примѣрахъ; слишкомъ хорошо извѣстно, что весь сѣверъ Россіи въ свое время культивированъ и колонизованъ былъ почти исключительно монастырями.

Всякому времени свое дѣло. Мы не будемъ подзывать современныхъ монаховъ къ колонизаціи и обработкѣ Амурскаго

Digitized by Google

края. Просѣкать дороги и учить земледѣлію найдутся теперь болѣе удобные способы. Но если новѣйшее время облегчило намъ средства покорять внѣшнюю природу, то въ внутренней мы даже не знаемъ, откуда приступить. Когда мы говоримъ „мы“, то разумѣемъ русскихъ и Россію. Не новость сказать, что въ насъ какъ-будто порванъ какой-то нервъ, отломленъ какой-то ростокъ,—ростокъ духовной и умственной жизни. Ея нѣтъ, и чѣмъ далѣе идетъ время, тѣмъ болѣе она изсякаетъ. Классическіе языки, желѣзныя дороги и разнаго рода самоуправленія не вздуютъ этого огонька и не вздуваютъ. Остроумно нѣкто сказалъ, что въ этомъ отношеніи Россія похожа на залу съ восковою мебелью, отдѣланную подъ дерево: прекрасно, но сѣсть нельзя, провалишься. Всѣ формы есть, и училища, и примѣненія разныхъ изобрѣтеній и разныя свободы, но нѣтъ духа, которымъ эти формы должны служить выраженіемъ и оболочкою, и нѣтъ жизни въ истинномъ смыслѣ общественной, нѣтъ науки, нѣтъ изобрѣтеній, находчивости, свѣжихъ мыслей; растутъ грубые личные интересы и грубый произволъ во всемъ безобразіи уживающіеся подъ изящными гражданскими формами.

Кто не ограничивается верхоглядствомъ; кто не полѣнится посмотрѣть глубже и всесторонне, сличить всѣ формы, среди которыхъ мы живемъ, всѣ классы общества, отъ которыхъ можно чего-нибудь ожидать, всѣ эпохи исторіи, которыя нами пережиты: тотъ добросовѣстно придетъ къ заключенію, что духъ и умъ можетъ проснуться или подъ воздѣйствіемъ вѣры, или же совсѣмъ не проснется, и мы останемся навсегда матеріальною массою, которой впрочемъ, при этомъ условіи, и матеріальное возрастаніе не пойдетъ въ прокъ; все равно насъ будутъ презирать, эксплуатировать и наконецъ бить, потому что наконецъ и военныя побѣды зависятъ не отъ одного количества массъ. Если же подъемъ духовный возможенъ только подъ вліяніемъ вѣры (начала еще кажущагося живымъ въ народѣ), въ чемъ по крайней мѣрѣ мы убѣждены: то однако тщетно стали бы мы искать на это обнадеживающихъ указаній тамъ, гдѣ ближе всего искать повидимому,—въ духовенствѣ; оно больно

Digitized by Google

не менѣе всѣхъ тою же болѣзнію духовнаго отсутствія. Мы не станемъ распространяться объ этомъ пунктѣ, котораго касались не разъ. Довольно сказать, что современный священникъ съ большимъ утѣшеніемъ будетъ примѣривать скуфью, чѣмъ пойдетъ съ духовною бесѣдою къ изнывающему отъ горя бѣдняку.

Итакъ, гдѣ же?—Вотъ почему мы привѣтствовали бы отъ всѣхъ силъ души, если бъ завидѣли проблески хотя какой-либо духовной иниціативы отъ монастырей,—духовной предпріимчивости, духовнаго подъема, общественнаго взлета,—скажемъ для ясности тѣмъ, для кого не ясно говоритъ краткое выраженіе „иниціатива“. Не можетъ ли выйти что-нибудь изъ монастырскихъ оградъ? Какъ ни странною покажется эта надежда, высказываемая въ наше время, когда монастыри признаются учрежденіями вполнѣ отпѣтыми: но мы рады, еслибъ могли не отказываться совсѣмъ отъ всякой надежды. Все дѣло, по правдѣ сказать, въ измѣненіи положенія монастырей, и болѣе всего въ предоставленіи имъ свободы. Пока монастыри, въ смыслѣ учрежденій, лишены всякой самостоятельности, лишены всякой личности, разумѣется—никто ничего не можетъ отъ нихъ ждать въ смыслѣ содѣйствія желаемому общественному подъему; напротивъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе должно будетъ ожидать омертвенія въ неподвижныхъ формахъ и ограниченнаго своекорыстія.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

		Стр.
Предисловіе	. . . . .	I—II
Годы:		
1868	О безжизненности нашего духовенства	1
—	Механизмъ въ духовныхъ семинаріяхъ	5
—	Проповѣдь на инородческихъ языкахъ	7
—	Утилитарное значеніе молитвы съ европейской точки зрѣнія . .	9
—	Религіозное начало, какъ двигатель исторіи	11
—	О народныхъ обычаяхъ	13
—	О массовыхъ перемѣнахъ вѣроисповѣданія	14
—	Комическія стороны старообрядства	17
—	По поводу аллокуціи папы Пія IX	19
—	По поводу присоединенія къ православію бывшаго Бѣлокриницкаго архимандрита Геронтія	22
—	О подаяніи милостыни	24
—	Великій расколъ на Западѣ	27
—	Скопчество . . . . . 29. 33.	56
—	О скопцахъ	35
—	Обязанности духовенства	37
—	Печать избраннаго народа	42
—	О распространеніи ереси	44
—	Отношенія между духовенствомъ и обществомъ и государствомъ	49
—	Отношенія между духовенствомъ и паствою	52
—	Русскій языкъ въ молитвенномъ и учебномъ употребленіи для католиковъ западнаго края	57
—	О дѣтяхъ раскольниковъ	60
—	О дѣйствіи на расколъ	62
—	Пій IX и вселенскій соборъ	65
—	О положеніи духовенства	67
—	О терпимости къ расколу	70

Digitized by Google

Годы:		Стр.
1868	О необходимости собора для рѣшенія греко-болгарскаго церковнаго вопроса	72
—	О папской власти	76
—	Новая попытка изъ среды англиканской церкви къ соединенію съ православною восточною церковью	80
1869	Объ упраздненіи духовенства, какъ особаго сословія	83
—	По поводу обращенія къ Св. Синоду нѣсколькихъ Англиканцевъ	86. 90
—	О вліяніи духовенства на уменьшеніе пьянства въ народѣ	94
—	О скопческой сектѣ	97
—	Борьба за вѣру и народность въ Прибалтійскомъ краѣ	100
—	Имѣетъ-ли полицейская власть право распоряжаться въ храмѣ	103
—	По поводу Моршанскихъ скопцовъ	105. 108. 110. 113
—	О дарованіи правъ свободнаго просвѣщенія для старообрядцевъ	116
—	Бороться съ расколомъ должно не мѣрами преслѣдованія, а просвѣщеніемъ	119
—	О борьбѣ съ нищенствомъ	122
—	Отношенія католическихъ государствъ къ Римской церкви	124
—	О внѣбрачныхъ дѣтяхъ	128
—	Дѣло Плотицына	132. 148. 169
—	Ритуальное убійство	135
—	По поводу учрежденія Общества для распространенія книгъ Священнаго Писанія	137
—	По поводу пятисотлѣтняго юбилея Гуса	141
—	По поводу слуха о пересмотрѣ суда надъ Гусомъ	145
—	О возсоединеніи церкви англиканской и греко-россійской	153
—	О невнимательности къ духовнымъ потребностямъ богомольцевъ	157
—	О религіозныхъ обрядахъ и обычаяхъ	161
—	Нравственное одобреніе со стороны прихожанъ, какъ условіе для назначенія на священнослужительскія мѣста	163
—	О старообрядческихъ училищахъ	166
—	Утилитарный взглядъ въ приложеніи къ монастырскимъ доходамъ	172
—	О сельскихъ пѣвческихъ хорахъ	176
—	О церковномъ пѣніи	178
—	О евреяхъ	182
—	Кто распорядитель благочинія въ церкви	185
—	По поводу запрещенія священникамъ обучать дѣтей на дому	188
—	По поводу собора въ Римѣ	191
—	Еврейская депутація въ Нью-Іоркѣ	193
—	О запрещеніи учительства священнослужителямъ	195
—	Отчего можно быть лютераниномъ	199
—	По поводу собора прелатовъ въ Римѣ	202

Digitized by Google

Годы:		Стр.
1870—1872—3	Дѣло игумена Митрофанія 204. 210. 388. 460. 464. 466.	474
1870	Трехсотлѣтіе памяти первопечатника Ивана Ѳедоровича . . .	207
—	Открытіе въ Москвѣ Миссіонернаго Общества	216
—	О реформахъ въ духовномъ вѣдомствѣ	218
1871—1872	По еврейскому вопросу . . . . . 220. 238. 282.	400
1871	О необходимости церковнаго собора	221
—	По поводу предложенія объ отдачѣ малолѣтнихъ преступниковъ для пріюта и исправленія на попеченіе монастырей	229
—	По поводу рѣчи прелата Жилинскаго	232
—	Пространство административно-полицейской власти въ храмѣ во время богослуженія	234
—	По поводу преній о вѣрѣ въ Кремлѣ . . . . . 240. 292.	293
—	О папской непогрѣшимости	243
—	Соборъ въ Римѣ	248
—	О замѣщеніи священнослужительскихъ вакансій	251
—	Мѣры къ ослабленію раскола	254
—	О сближеніи духовенства съ обществомъ	257
—	Объ отношеніи священнослужителей къ епархіальному начальству	260
—	О мѣрахъ къ предупрежденію дальнѣйшаго развитія раскола . .	264
—	О положеніи духовенства	268
—	По поводу предположенія объ устройствѣ православнаго храма въ стилѣ X вѣка	271
—	Евреи въ Новороссіи . . . . . 274. 277.	279
—	О распоряженіи церковными доходами	285
—	Объ организаціи приходовъ и содержаніи церквей	289
—	Движеніе старокатоликовъ	298
—	О власти епископовъ	301
—	О приходскихъ попечительствахъ	310
—	Дѣти духовенства	311
—	О евреяхъ	313
—	О мюнхенскомъ конгрессѣ старокатоликовъ . . . . . 316.	324
—	Объ оставленіи въ приходѣ священника вопреки желанію прихожанъ	321
—	Къ религіозному съѣзду въ Мюнхенѣ	329
—	Мѣры противъ бродяжничества монаховъ	333
—	О расколѣ	335
—	Диспуты съ старообрядцами о предметахъ вѣры	337
—	Объ употребленіи монастырскихъ доходовъ . . . . . 341.	356
1872—1873	О духовно-судебной реформѣ . . . . . 346. 352.	477
1872	О возложеніи грамотности въ приходѣ на отвѣтственность духовенства	358

Digitized by Google

Годы:		Стр.
1872	Голосъ ксендза противъ ультрамонтантства	361
—	О дозволеніи переходить изъ православія въ единовѣріе	364
—	Къ вопросу о соединеніи церквей	367
—	Народность въ религіи	369. 378
—	О церковныхъ попечительствахъ	384
—	Нѣмецкій переводъ русской церковной исторіи и катихизиса	393
—	Воинствующее ультрамонтантство	397
—	Значеніе религіознаго вопроса для Чеховъ и Болгаръ	402
—	О раздвоеніи въ духовенствѣ	405
—	Къ вопросу о пересмотрѣ законовъ по расколу	407
—	Ультрамонтантство	409. 417
1872	1873 О греко-болгарской церковной распрѣ	412. 420. 425. 429. 438. 441. 452. 458
1872	Отношеніе къ расколу	415
—	Старокатоличество	422. 482
—	О новыхъ типахъ въ духовенствѣ	432
—	Раскольничьи браки	446
—	Объ обязанности духовенства обучать народъ	455
1873	Общество для распространенія Священнаго Писанія	469
—	О положеніи сельскихъ священниковъ	480
—	О еврейскихъ переселеніяхъ	484
—	О сельскомъ духовенствѣ	486
—	900-лѣтіе католическаго епископства въ Прагѣ	488
—	О старообрядствѣ	493
—	Раскольничьи браки	495
—	Права женщины въ бракѣ	497
—	О содержаніи духовенства	501
—	Объ обезпеченіи духовенства	504
—	Академическія общежитія	505
—	О монастыряхъ	510. 512
Оглавленіе		517

Digitized by Google

Digitized by Google

ПРОДАЕТСЯ

ВЪ СИНОДАЛЬНЫХЪ КНИЖНЫХЪ ЛАВКАХЪ

Цѣна за первый томъ **1** руб. **25** коп.

Тамъ же продаются книги того же издателя:

О подражаніи Христу. *Ѳомы Кемпійскаго.* Переводъ съ латинскаго. Изд. 8-е, съ размышленіями изъ духовныхъ писателей. СПБ. 1899. Ц. **1** р. **25** к.

Исторія православной Церкви до начала раздѣленія церквей. Изд. 8-е. СПБ. 1903. Ц. **75** к.

Праздники Господни. Изд. 7-е. М. 1903. Ц. **50** к.

Побѣда, побѣдившая міръ. Изд. 9-е. М. 1898. Ц. **45** к.

Московскій сборникъ. Изд. 5-е, дополн. М. 1901. Ц. **1** р. **40** к.

Христіанскія начала семейной жизни. Изд. 2. М. 1901. Ц. **75** к.

Исторія дѣтской души. Повѣсть не для дѣтей. Изд. 4-е. М. 1902. Ц. **1** р.

Новая школа. Изд. 2-е. М. 1899. Ц. **50** к.

Ученье и учитель. М. 1903. Изд. 5-е. Ц. **30** к.

Призваніе женщины въ школѣ и обществѣ. Изд. 2-е. М. 1901. Ц. **40** к.

Сборникъ сочиненій Килярова-Платонова, въ двухъ томахъ. М. 1899. Ц. **4** р.

Вѣчная память. Воспоминанія о почившихъ. Изд. 2-е. М. 1899. Ц. **75** к.

Правда о гр. Львѣ Толстомъ. Изд. 3-е. М. 1901. Ц. **15** к.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
BOOK DUE
JUL 14 1983
DEC 16 1983
7651599

APR 13 1986 ILL
1694832
CANCELLED

Digitized by Google

Phil 4756.3.31
Voprosy viery i tserkvi
Widener Library
004985860
3 2044 084 625 292

Digitized by Google